

Славянский АЛЬМАНАХ

Учредитель:
Институт славяноведения РАН

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-61134 от 30 марта 2015 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю. А. Борисёнок, кандидат исторических наук, доцент
Т. И. Вендина, доктор филологических наук, профессор
Н. Н. Запольская, доктор филологических наук
К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН (главный редактор)
А. А. Плотникова, доктор филологических наук
М. А. Робинсон, доктор исторических наук
Н. Н. Станков, доктор исторических наук
Н. Н. Старикова, доктор филологических наук
Е. С. Узенёва, кандидат филологических наук, доцент

РЕДСОВЕТ:

А. Влашич-Анич, PhD, Институт старославянского языка,
Хорватия
Д. Дзиффер, профессор, Университет Удине, Италия
Л. Димич, академик САНИ, профессор, Белградский университет
П. Женьох, доктор филологических наук, профессор,
директор Института славистики САН, Словакия
А. Зуппан, академик Австрийской академии наук, Австрия
М. Номати, PhD, доцент, Славяно-евразийский
исследовательский центр Университета Хоккайдо, Япония
В. Радева, доктор филологических наук, профессор,
Софийский университет, Болгария
А. Розман, PhD, профессор, Университет Любляны, Словения

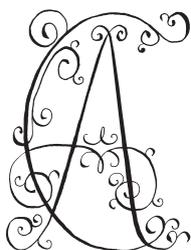
РЕДАКЦИЯ:

А. К. Александрова, кандидат исторических наук
М. Ю. Дронов, кандидат исторических наук (отв. секретарь)
Л. А. Кирилина, кандидат исторических наук
К. А. Кочегаров, кандидат исторических наук
М. М. Макарецев, кандидат филологических наук
О. В. Трефилова
Е. В. Шатько

Институт славяноведения РАН

Славянский АЛЬМАНАХ

3-4 · 2019

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2019

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2019. — Вып. 3–4 /

Глав. ред. К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2019. — 568 с.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 3–4 за 2019 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, истории науки, истории культуры, языкознания и литературоведения. Хронологический охват материалов — от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

Slavic Almanac 2019. Issues 3–4 /

Ed. K. V. Nikiforov. — Moscow: Indrik, 2019. — 568 p.

This issue of “Slavic Almanach” (3–4, 2019) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on topical problematics from the history of Slavic people, history of science, history of culture, linguistics, linguistics and literary studies. The chronological span of the publications is between the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

© Институт славяноведения РАН, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Издательство «Индрик», 2019

Содержание

История

<i>Дук Д. В. (Могилев), Кежа Ю. Н. (Полоцк)</i> . Символические аспекты репрезентации власти полоцких князей Рогволодовичей	11
<i>Ридэль И. П. (Москва)</i> . «Польша — государство избранного народа»: образ Польского королевства XVI в. в речах Станислава Ожеховского	32
<i>Миско Н. К. (Москва)</i> . Ислам и мусульмане в «Путешествиях в Святую землю и Египет» князя Николая Радзивилла Сиротки	46
<i>Флоря Б. Н. (Москва)</i> . Вопрос о Правобережной Украине на русско-польских переговорах 1672 года	68
<i>Киселев М. А., Лазарев Я. А. (Екатеринбург)</i> . Военно-служилые корпорации Юго-Запада и мобилизационная политика российского правительства в 1740-е — начале 1760-х гг.	81
<i>Симаков А. В. (Гомель)</i> . Савченко на Аляске и в Сан-Франциско: белорус, креолы, тлинкиты	107
<i>Фролова М. М. (Москва)</i> . Шипка (июль–август 1877 г.): русские и болгары (по воспоминаниям участников русско-турецкой войны)	134
<i>Клопова М. Э. (Москва)</i> . Деятели национального движения русинов Галиции и император Франц Иосиф I	157
<i>Сератионова Е. П. (Москва)</i> . Софья Владимировна Панина: чехословацкий период жизни (1924–1938 гг.)	172
<i>Казак О. Г. (Минск)</i> . Русофильская интеллигенция Подкарпатской Руси в период существования Второй Чехословацкой Республики	193
<i>Никитин В. В. (Москва)</i> . Государственная политика Словакии по урегулированию проблем между греко-католиками и православными (1990–1996 гг.)	212
<i>Смирнов Я. Н. (Москва)</i> . Согласование плана мирного урегулирования Вэнса-Оуэна в 1992–1993 гг.	243
<i>Мамедов И. М. (Москва)</i> . Русско-тюркские культурно-исторические связи (XV–XXI вв.)	268

История науки

- Робинсон М. А. (Москва).* Научная карьера В. Н. Перетца в контексте общественно-политической жизни Киева (от первых лекций в Университете до избрания в Академию наук) 286
- Божич Б. (Любляна).* Словенистика в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова 328

История культуры

- Лескинен М. В. (Москва).* Играть по-русски. Дизайн игральных карт Российской империи второй половины XIX — начала XX в. и поиски национальной образности 334

Лингвистика

- Якушкина Е. И. (Москва).* Лексика первого издания словаря Вука Караджича в сопоставлении с данными «Общеславянского лингвистического атласа» 356
- Лифанов К. В. (Москва).* Морфологические особенности языка Ё. И. Байзы и бернолаковский литературный язык 369
- Ващенко Д. Ю. (Москва).* Словацкий темпоральный диминутив *chvílka*: К вопросу о специфике лексического значения 392

Литературоведение

- Скуридина С. А. (Воронеж).* К вопросу об автобиографизме антропонимов в художественных текстах Ф. М. Достоевского .. 415
- Адельгейм И. Е. (Москва).* «Я хочу говорить». Аутопсихотерапевтические функции повествования Ю. Баргельской и А. Старобинец о перинатальной потере 427
- Шешкен А. Г. (Москва)* «Мастер и Маргарита» М. Булгакова в контексте македонской художественной литературы (1970–2010-е гг.) 444

Теория перевода

- Тыртова Г. П. (Москва).* О трудностях перевода на сербский язык повести С. Довлатова «Заповедник» 460

Публикации

- Гусев Н. С., Шемякин А.Л. (Москва).* «Пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо»: письмо русского журналиста черногорского происхождения И. П. Табурно сербскому премьеру Н. Пашичу в разгар австро-сербского кризиса 1912 г. 478
- Ганин А. В. (Москва).* Польша, Украина и Россия 1918 года в дневнике полковника В. В. Добрынина 494

Рецензии и обзоры

- Добычина А. С. (Москва).* Забытые символы, затерянные храмы и необретенные мощи: новое исследование о почитании святых в средневековой Болгарии 508
- Пилипенко Г. П. (Москва).* Книга о венграх в Центральной Хорватии 516
- Ващенко Д. Ю. (Москва).* Когнитивно ориентированное филологическое исследование, вышедшее в Словакии 522
- Энгельгардт Г. Н. (Москва).* Попытка обзора современной историографии о Боснии и Герцеговине 529

Хроника

- Чепелевская Т. И. (Москва), Подлесник Б. (Любляна).*
Словения празднует юбилей:
К 100-летию Люблянского университета 554
- Сведения об авторах 561

Content

History

<i>Duk D. V. (Mahiliow), Kezha Yu. N. (Polatsk)</i> . Symbolic aspects of the authority representation of the Polotsk principles of Rogvolodovich dynasty	11
<i>Ridel I. P. (Moscow)</i> . “Poland is the state of the chosen people”: The image of the Polish kingdom in the speeches of Stanisław Orzechowski	32
<i>Misko N. K. (Moscow)</i> . The Islam and Muslims in the “Travel to Holy Land, Syria and Egypt 1582–1584” by Nikolaï Krzysztof “The Orphan” Radziwiłł	46
<i>Florya B. N. (Moscow)</i> . The issue of Righ-bank Ukraine during the Russian-Polish negotiations of 1672	68
<i>Kiselev M. A., Lazarev Ya. A. (Yekaterinburg)</i> . The geopolitical competition, military service corporations of the Southwest and the mobilization policy of the Russian government in the 1740s — early 1760s	81
<i>Simakou A. V. (Homiël)</i> . The Savchenkos in Alaska and San Francisco: a Belarusian, Creoles, Tlingits	107
<i>Frolova M. M. (Moscow)</i> . Shipka (July–August 1877): Russians and Bulgarians (as remembered by participants in the Russo-Turkish War)	134
<i>Klopova M. E. (Moscow)</i> . The leaders of the national movement of the Rusyns of Galicia and Emperor Franz Joseph I	157
<i>Serapionova E. P. (Moscow)</i> . Sofya Vladimirovna Panina: The Chechoslovakian period of life (1924–1938)	172
<i>Kazak O. G. (Minsk)</i> . The Russophile intelligentsia of the Subcarpathian Rus during the existence of the Second Czechoslovak Republic	193
<i>Nikitin V. V. (Moscow)</i> . Slovak State policy aimed to resolving problems between Greek Catholics and Orthodox (1990–1996)	212
<i>Smirnov Ya. N. (Moscow)</i> . The cooperation of the FRY and the ICFY in 1992–1993 in the context of the negotiations on the Vance-Owen peace plan	243
<i>Mamedov I. M. (Moscow)</i> . Russian-Turkic cultural and historical ties	268

 History of science

- Robinson M. A. (Moscow)*. The academic career of V. N. Peretz in the context of social and political life in Kiev (from the first lectures at the University to the election to the Academy of Sciences) 286
- Božič B. (Ljubljana)*. Slovene studies at Lomonosov Moscow State University. For the 100th anniversary of the University of Ljubljana 328

History of culture

- Leskinen M. V. (Moscow)*. To play in Russian style: The design of playing cards in the Russian Empire in the second half of the 19th — the beginning of 20th century and the search for national imagery ... 334

Linguistics

- Yakushkina E. I. (Moscow)*. Vocabulary of the Serbian dictionary (by Vuk Karadžić) in the context of the “Slavic linguistic Atlas” 356
- Lifanov K. V. (Moscow)*. Morphological peculiarities of Bajza’s language and Bernolák’s standard 369
- Vashchenko D. Yu. (Moscow)*. Slovak temporal diminutive *chvílka*: on the specifics of lexical meaning 392

Studies of literature

- Skuridina S. A. (Voronezh)*. On the autobiographic nature of anthroponyms in the Dostoevsky’s literary texts 415
- Adelgeym I. E. (Moscow)*. “I want to speak”. The autopsychotherapeutic functions of J. Bargielska and A. Starobinets narration about a perinatal loss 427
- Sheshken A. G. (Moscow)* M. Bulgakov’s “The Master and Margarita” in the context of Macedonian fiction (1970s–2010s) 444

Theory of translation

- Tyrtova G. P. (Moscow)*. On the difficulties in translating the language mosaic of the novel by S. Dovlatov “Pushkin Hills” (“Zapovednik”) (on the example of translation into the Serbian language) 460

 Publications

<i>Gusev N. S.</i> , <u><i>Shemiakin A. L.</i></u> (<i>Moscow</i>). “Let the Serbs be firm, let them not give up, let them not retreat, and everything will be fine”: A letter from a Russian journalist of Montenegrin origin J. P. Taburno to the Serbian Prime Minister N. Pašić in the midst of the Austro-Serbian crisis of 1912	478
<i>Ganin A. V.</i> (<i>Moscow</i>). Poland, Ukraine and Russia in 1918 in the diary of Colonel V. V. Dobrynin	494

Reviews

<i>Dobychina A. S.</i> (<i>Moscow</i>). Forgotten symbols, lost churches and undiscovered relics: A new book about devotion of saints in medieval Bulgaria	508
<i>Pilipenko G. P.</i> (<i>Moscow</i>). A book on Hungarians in Central Croatia	516
<i>Vashchenko D. Yu.</i> (<i>Moscow</i>). Slovak collective monography on cognitive-oriented linguistic research	522
<i>Engelhardt G. N.</i> (<i>Moscow</i>). A review of the contemporary historiography on Bosnia and Herzegovina	529

Chronicle

<i>Chepelevskaya T. I.</i> (<i>Moscow</i>), <i>Podlesnik B.</i> (<i>Ljubljana</i>). Slovenia celebrating the 100th anniversary of the University of Ljubljana	554
About the authors	564

УДК 94:929.731(476.5-37Полоцк)

Д. В. Дук

ББК 63.3(4Бси-4Вит)-282.5 *Могилевский государственный университет**им. А. А. Кулешова**(Могилев, Республика Беларусь)*

Ю. Н. Кежа

*Полоцкий государственный университет**(Полоцк, Республика Беларусь)*

Символические аспекты репрезентации власти полоцких князей Рогволодовичей

На основе археологических материалов, письменных и иконографических источников освещается символика репрезентации власти одной из ветвей Рюриковичей — полоцких князей Рогволодовичей. Большинство символов и практик репрезентации власти Рогволодовичей были заимствованы у Рюриковичей (символика княжеского знака в виде трезубца, княжеский культ Бориса и Глеба). Судя по археологическим данным, трезубец использовался полоцким князем Изяславом Владимировичем для манифестации собственной власти с конца X в. Впоследствии знак трезубца был заимствован всеми князьями Рогволодовичами и активно использовался на протяжении XI–XII вв. Культ Бориса и Глеба начал активно распространяться на территории Руси со второй половины XI в., получив широкое распространение и в Полоцке среди сыновей полоцкого князя Всеслава Брючиславича (после 1101 г.). Одной из традиций полоцких князей было крестоцелование как символ присяги во время интронизации, что также находит многочисленные параллели в практике межкняжеских отношений Рюриковичей. Отличительной чертой полоцких Рогволодовичей является наличие уникальных и редких имен князей, не характерных для общерусского княжеского антропонимикона. Данная особенность является яркой чертой самоидентификации Рогволодовичей и важным аспектом репрезентации их княжеской власти.

Ключевые слова: *Древняя Русь, Полоцкая земля, Рюриковичи, Рогволодовичи, династия, княжеские знаки, антропонимика.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.1.01

Среди восточноевропейских политических образований последней трети X — XII вв. Полоцкая земля (Полоцкое княжество)

занимала особое место. На землях Белорусского Подвинья с центром в Полоцке в последней трети X в. был создан прецедент прихода к власти скандинавского князя не из рода Рюриковичей, представители которого к этому времени уже более чем столетие правили на землях Руси. Власть пришедшего «из-за моря» князя Рогволода в Полоцке продержалась недолго, но положила начало формированию в первой половине XI в. обособленной от династии Рюриковичей линии полоцких князей, согласно сложившейся традиции именуемой Рогволодовичами. После смерти в 1001 г. Изяслава Владимировича ранее своего отца, киевского князя Владимира Святославича (ум. в 1015 г.), потомки Изяслава по старшинству не могли претендовать на киевский стол. В дальнейшем это приводит к определенной обособленности полоцкого княжеского семейства и «корпоративной» замкнутости Рогволодовичей, власть которых ограничивалась исключительно Полоцкой землей¹. При этом, разумеется, наличие у полоцких князей прямых родственных связей с ярким представителем рода Рюриковичей — князем Владимиром Святославичем подразумевает принадлежность полоцкого княжеского рода к государственно-генеалогической общности Древней Руси.

Полоцкая земля в XI–XII вв. занимает особое место в становлении и развитии исторических форм государственности на белорусских землях. Она воспринималась древнерусскими летописцами как важная часть Руси, а в более поздних белорусско-литовских летописях именовалась «великим княжеством». При этом подчеркивалась специфика политического устройства Полоцкой земли и наличие в ней традиций вечевой демократии. Историческая память про династию Рогволодовичей бережно культивировалась и сохранялась до Нового времени не только в среде полочан, но и у населения Великого княжества Литовского, а также сопредельных государств. Так, в московских летописных сводах XVI в. Полоцкая земля именовалась Рогволодовщиной².

¹ За исключением непродолжительного (1069–1071) периода княжения в Полоцке Мстислава и Святополка Изяславичей, а также Изяслава и Святополка Мстиславичей (1129–1132).

² *Семянчук А. А.* Полацк і Полацкая зямля ў гістарычнай памяці жыхароў ВКЛ ў XVI ст. // *Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 1. Гуманітарныя навукі.* 2013. № 1. С. 28; *Філіповіч М. А.* Полоцкая земля в літописных та актовых джерелах XI–XVI століть. Київ, 2014. С. 95–103.

Целью статьи является сравнительный анализ символических аспектов (знаковых, образных и идеологических) в репрезентации власти полоцких князей Рогволодовичей, нашедших отражение в летописных сведениях и материальных, в первую очередь археологических, источниках. Княжеский антропонимикон династии Рогволодовичей также является предметом данного исследования в части реализации практики имянаречений как одного из проявлений самоидентификации правящего рода. При этом мы исходим из понятия Руси и Русской земли как конфессионима (принадлежность к Русской = Киевской митрополии) и политонима (государственно-генеалогическая общность, созданная Рюриковичами)³.

Согласно Лаврентьевской летописи, в 988 г. Владимир распределяет города Руси между своими сыновьями: «и посади Вышеслава в Новгороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове»⁴. Из общего текста сообщения выходит, что Изяслав, как один из старших сыновей киевского князя Владимира, получил в управление полоцкий стол. Небезосновательно в историографии данное событие связывают с так называемой административной реформой киевского князя, главной целью которой была политическая централизация восточнославянских земель и подчинение их Киеву⁵. О характере власти киевского князя свидетельствует раздача Владимиром своим сыновьям отдельных городов после крещения Руси. В итоге создание института наместничества предусматривало осуществление власти киевского князя через своих сыновей.

Важное место в княжеской иерархии принадлежало разработанной Владимиром «лествичной системе» наследования княжеских столов, когда в случае смерти одного из братьев происходило перемещение князей на одну ступень вверх. Возможно, Изяслав в этом смысле был исключением, так как после смерти Вышеслава место князя в родном для Владимира Новгороде, являвшемся вторым по значимости административно-территориальным центром в иерар-

3 Марзалюк І. А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). Магілёў, 2003. С. 23.

4 Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянною историко-археологическою комиссією Академіи наук СССР (далее — ПСРЛ). Л., 1926. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. 2-е изд. Стб. 121.

5 Рыбаков Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории. М., 1987. С. 132.

хии власти Рюриковичей, занял не Изяслав, а его младший брат Ярослав: «оумершю же старейшему Вышеславу Новегороде, посадиша Ярослава Новегороде»⁶. За Изяславом остался княжеский стол в Полоцке, вопреки его старшинству над Ярославом. Есть два объяснения данного факта: либо распределение княжеских столов происходило по личной инициативе Владимира, иногда вопреки принципу старейшинства, либо местные полоцкие элиты не были заинтересованы в том, чтобы Изяслав получил другой город⁷.

Во время своего полоцкого княжения Изяслав являлся активным проводником политики своего отца, киевского князя Владимира Святославича. В этот период (конец X — начало XI в.) Полоцк усваивает политический и династический дискурс, который транслируется из Киева. Так, одним из наиболее ярких свидетельств влияния Киева на репрезентацию власти Изяслава Владимировича является использование полоцким князем и представителями княжеской администрации трезубца — родового знака Владимира и Рюриковичей. Во время

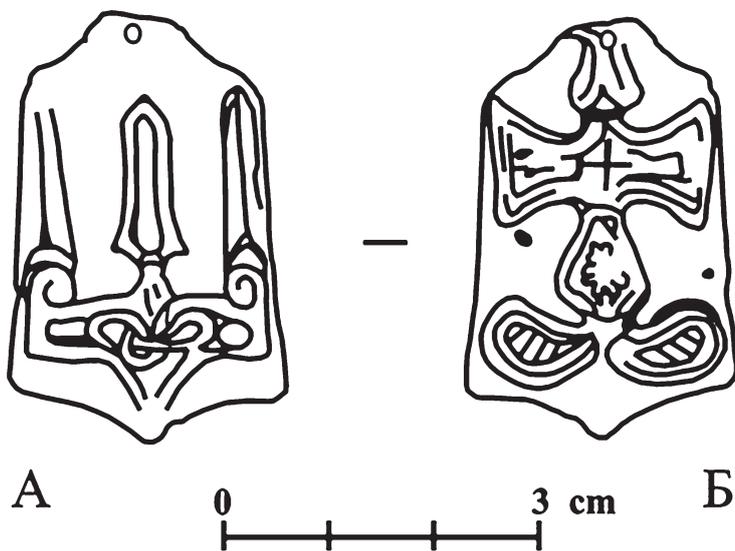

Рис. 1. Подвеска с изображением трезубца (сторона А) и процветшего креста (сторона Б), найдена в Полоцке. Раскопки Д. В. Дука.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. С. 85.

⁷ Левко О. Н. Полоцкое княжество // Беларусь: народ, государство, время. Минск, 2009. С. 45.

археологических раскопок 2012 г. на Заполотском посаде Полоцка была найдена трапециевидная подвеска (рис. 1). На лицевой стороне подвески изображен трезубец с кинжаловидными зубцами, копьевидным центральным зубцом и треугольной ножкой. На обратной стороне изображен процветший крест. Аналог полоцкой подвески был найден на Передольском погосте. По визуальному сопоставлению с полоцкой подвеской есть все основания утверждать, что они были отлиты в одной литейной форме. Стилистически похожие подвески были найдены в Старой Ладоге, в Рождественском могильнике, на Неревском раскопе Новгорода и, предположительно, в Киеве. Все они датируются 988–1015 гг. — периодом правления Владимира Святославича⁸. Таким образом, изображение трезубца на всех найденных подвесках соответствует парадным знакам этого киевского князя.

Трезубцы на подвесках берут свое начало от княжеского знака Владимира, одно из ранних изображений которого представлено на

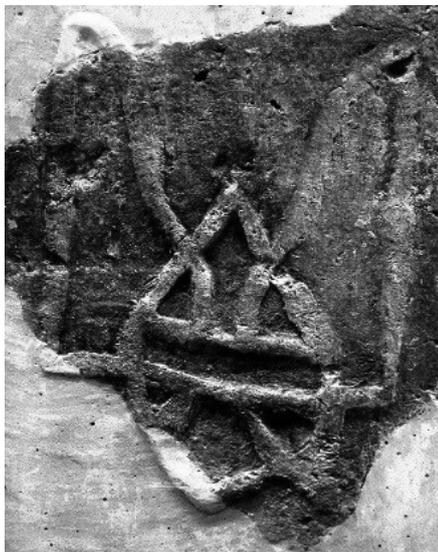

Рис. 2. Плинфа Десятинной церкви (конец X в.) с изображением княжеского знака (трязубца) Владимира Святославича.

плинфе киевской Десятинной церкви (рис. 2), построенной в 990-е гг. Клеймо на плинфе относится к стилизованным версиям знаков Владимира Святославича, представленным на златниках и серебряниках конца X — начала XI в. (рис. 3)⁹.

Помимо геральдических подвесок, княжеские знаки наносились в виде граффити и на другие предметы военно-административного характера и использовались представителями привилегированных слоев населения как символ власти или собственности князя. Трезубцы наносились на монеты, метки земельных

⁸ *Белецкий С. В.* Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 243–319.

⁹ *Комар О.* Княжі знаки з Десятинної церкви. Київ, 2016. С. 10.

Рис. 3. Серебряник Владимира Святославича (тип III) с изображением трезубца на реверсе.

границ, делянок, ими клеймили княжеских коней. Наличие знака в виде трезубца демонстрировало принадлежность к княжеским людям. Согласно выводам С. М. Михеева, все официальные подвески с княжескими знаками относятся к X — первой половине XI в., но они вышли из употребления уже при Ярославе Владимировиче¹⁰.

Одной из форм манифестации власти Рогволодовичей мог быть знак в виде трезубца, который несколько отличался от знака Рюриковичей. Данный знак изображен на печати, найденной в Полоцке (рис. 4). Стратиграфическая дата полоцкого артефакта — начало XI — середина XII в. В основе изображения на данной печати находится знак, состоящий из двух вертикальных боковых элементов, немного отогнутых наружу, и горизонтальной нижней части. Посередине, между боковыми элементами трезубца, расположен зубец с перекрестием.

В каталоге выставки «1000 лет украинской печати» опубликовано изображение схожей печати, представленной как «товарная пломба середины XI века». Данная печать имеет диаметр 1,8 см, ее происхождение не выяснено, артефакт хранится в частной коллекции¹¹. Внеш-

¹⁰ Михеев С. М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 59.

¹¹ Тисяча років української печатки. Каталог виставки / Голова редкол. В. А. Смолій; упоряд. Ю. К. Савчук. К.: Інститут історії України, 2013. С. 75.

Рис. 4. Печать XI–XII вв. с изображением трезубца. Находится в частной коллекции.

не оба изделия практически идентичны, разница заключается в общих размерах, а также в наличии дополнительного изгиба в одном из двузубцев на обороте.

Можно сделать осторожное предположение, что изображение на печатях соответствует княжескому знаку Изяслава Владимировича и по некоторым деталям совпадает с «печатью Изяслава», найденной в Новгороде (рис. 5)¹².

Используя в качестве основы своего княжеского знака трезубец Рюриковичей, Изяслав заимствует формы репрезентации княжеской власти своего отца, придавая им некоторые новые элементы (крест над центральным зубцом).

Существует иная точка зрения. Согласно С. М. Михееву, из категории княжеских знаков Владимира Святославича и его потомков точной идентификации поддаются только простой двурогий двузубец, вероятно, использовавшийся как родовой символ Рюриковичей до Владимира Святославича, и три индивидуальных знака князей, наносивших свои тамги на чеканенные ими монеты: простой двурогий трезубец Владимира, двурогий двузубец Святополка с крестом на одном из рогов и двурогий трезубец

Рис. 5. Печать с надписью «ИЗОС(ЛАВ)ОС» и изображением трезубца, найдена в Новгороде.

¹² Кежа Ю. М. Да пытання аб станаўленні ўлады Рагвалодавічаў у Полацку // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. II міжнар. навук. канф., Полацк, 17–18 красав. 2014 г.: у 2 ч. Ч. 2 / Пад агульн. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача, С. А. Шыдлоўскага. Наваполацк, 2014. С. 96.

Рис. 6. Византийская амфора (конец X — начало XI в.) с изображением трезубцев, найдена в Полоцке. Раскопки А. Л. Коца.

Ярослава с кругом на зубце. Остальные атрибуты княжеских знаков Рюриковичей, по мнению исследователя, остаются пока лишь неверифицируемыми догадками¹³.

Об использовании Изяславом княжеского знака Владимира свидетельствуют изображения трезубца на отдельных предметах. В 2013 г. на территории Заполотского посада, там же, где была обнаружена вышеупомянутая подвеска, археологом А. Л. Коцем была найдена византийская амфора. Похожие по форме амфоры были найдены в крупных древнерусских центрах (Киеве, Старой Ладого, Новгороде, Гнёздово) и датируются второй половиной X — первой половиной XI в.¹⁴ В верхней части сосуда выцарапаны два знака. Один из них — простой трезубец. Вторым, слева от него, — трезубец, у которого центральный зубец имеет разветвления (рис. 6). На противоположной стороне амфоры нанесены три знака, верхний из которых по форме также напоминает трезубец. Клеймо слева от него напоминает букву «И» («Иже»), нижнее — букву «Н» («Наш») (рис. 7).

¹³ Михеев С. М. К проблеме атрибуции... С. 60.

¹⁴ Еонисова Н. В., Пушкина Т. А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2012. Вып. V. С. 50.

Рис. 7. Византийская амфора (конец X — начало XI в.) с изображением буквенных знаков и трезубца, найдена в Полоцке. Раскопки А. Л. Коца.

Амфоры использовались для перевозки и хранения дорогих и социально престижных товаров — вина, масла, пряностей. Массово на Русь амфоры поступают с XII в., во второй половине X — XI в. подобные изделия в раннегородских и торгово-ремесленных центрах были достаточно дорогим и престижным товаром. Потребителями этих товаров и владельцами амфор были люди высокого социального статуса. Княжеские знаки в виде трезубцев на амфоре из Полоцка свидетельствуют о принадлежности товара, перевозимого в ней, полоцкому княжескому двору. Заказчиком товара в данном случае мог быть представитель княжеской администрации, не исключено, что наместник Владимира Святославича (в том числе и обладатель вышеупомянутой подвески). Возможно также, что знак трезубца с усложненным перекрестием центрального зубца мог принадлежать Изяславу Владимировичу.

Информация в летописях не содержит сведений о сохранении полоцкими Рогволодовичами исторической памяти об Изяславе. Это заметно по следующим признакам: отсутствие имени Изяслав в именослове полоцких князей, равно как и названия «Изяславичи». Вместо этого полоцкие князья именуются «Всеславичами», «Рогволодовыми

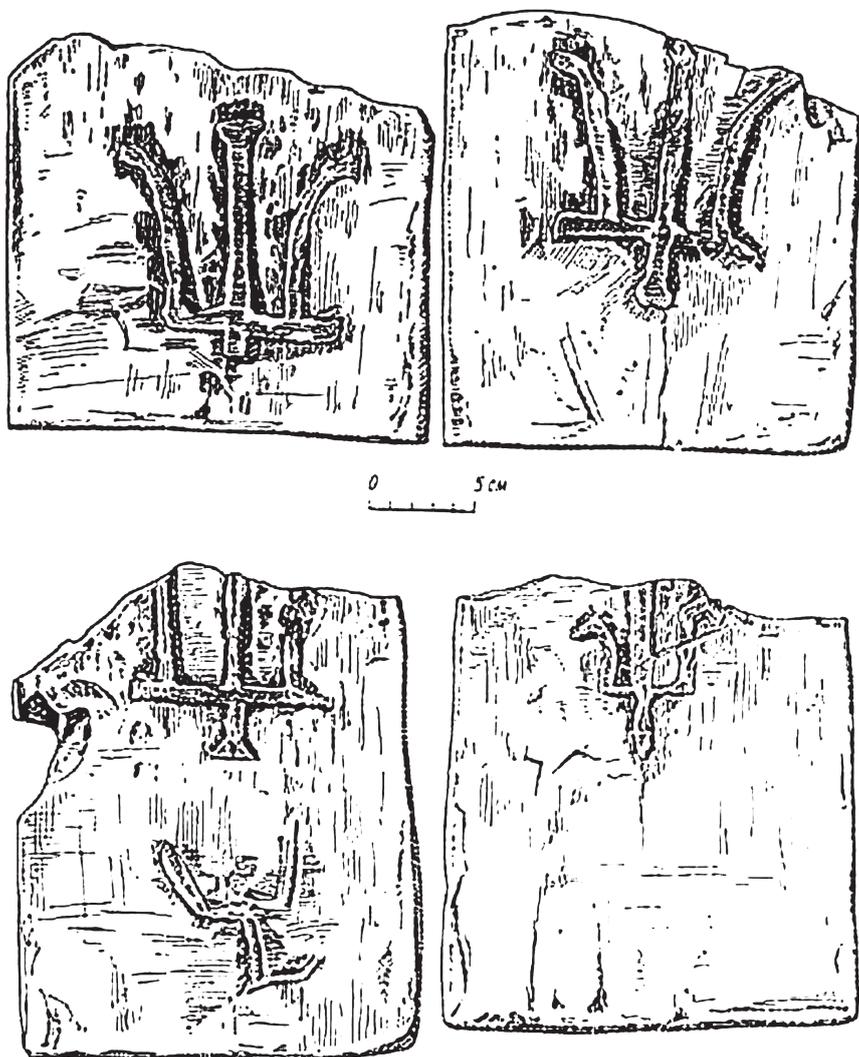

Рис. 8. Трезубцы на плинфе полоцкого храма Рождества Христова XII в. (Церкви на рву). Раскопки П. А. Раппопорта.

внуками», «полоцкими князьями», «кривичскими князьями»¹⁵. Тем не менее Рогволодовичи заимствовали трезубцы как форму обозначения личной собственности и репрезентации своей власти.

¹⁵ Кежа Ю. М. Да пытання... С. 97–98.

Рис. 9. Изображение трезубца на плинфе полоцкого храма Архангела Михаила XII в. Раскопки М. К. Каргера.

Так, на постелистой стороне плинфы полоцкой церкви Рождества Христова XII в. (в историографии еще известной как «Церковь на рву») присутствуют княжеские трезубцы, во многом напоминающие изображения на печати (с перекрестьем) из Полоцка (рис. 8)¹⁶. Аналогичное изображение представлено на плинфе «княжеского храма» Архангела Михаила на Верхнем замке Полоцка (раскопки М. К. Каргера) (рис. 9)¹⁷. Считается, что данные клейма — знаки князей — заказчиков

храмов¹⁸. Изображение трезубцев, таким образом, обозначало знак власти (собственности) полоцких князей. Изображения трезубцев были обнаружены на плинфе Спасо-Преображенской церкви Спасо-Ефросиниевского монастыря и на плинфе, найденной на Верхнем замке, принадлежность которой к какому-либо строению не определена.

Помимо символических форм репрезентации собственной власти, полоцкие князья активно распространяют важную идеологическую практику почитания христианских княжеских культов, одним из которых стал культ святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Культ Бориса и Глеба активно распространялся на территории Руси со второй половины XI в. В Полоцке он получил широкое распространение среди сыновей полоцкого князя Всеслава Брючиславича¹⁹.

¹⁶ *Раннопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси. СПб., 1994. С. 27.

¹⁷ *Каргер М. К.* К истории полоцкого зодчества XII в. (руины вновь открытого храма на Верхнем замке) // Новое в археологии. М., 1972. С. 202–209.

¹⁸ *Раннопорт П. А.* Строительное производство... С. 26.

¹⁹ *Кежа Ю. М.* Культ княжацких святых Барыса і Глеба ў Полацкай зямлі XII ст. // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III міжнар. навук. канф., Полацк, 14–15 красав. 2016 г.: у 2 ч. Ч. 2 / Пад агульн. рэд.

После смерти Всеслава (1101) участие в управлении Полоцким княжеством осуществляется всеми представителями княжеского рода при номинальном подчинении Всеславичей старшему из братьев. Культ Бориса и Глеба, заимствованный, по-видимому, еще Всеславом из Южной Руси, в начале XII в. идейно закрепляет принцип старейшинства в межкняжеских отношениях Полоцкой земли. Старшие сыновья Всеслава Брячиславича — Борис и Глеб, а также Роман и Давыд (крестильные имена князей Бориса и Глеба Владимировичей), получили свои имена в честь князей-страстотерпцев. Таким образом, распространение культа Бориса и Глеба в Полоцкой земле указывает на заимствование Всеславом идеологии межкняжеских отношений, принятой среди Ярославичей. Среди южнорусских князей культ Бориса и Глеба наиболее активно распространяется с 70-х гг. XI в., когда при участии князей Изяслава, Святослава и Всеволода мощи святых князей были перенесены из старой деревянной церкви в новый каменный храм Вышгорода. Данное событие должно было символизировать единство правящего рода Рюриковичей и выполнение общих принципов родового сюзеренитета.

Почитание Бориса и Глеба в Полоцкой земле находит свое подтверждение в строительстве полоцкими князьями монастырей и храмов, в сакральной живописи, в сфрагистике и мелкой пластике. Так, в 20-е гг. XII в. строится Борисоглебский княжеский монастырь в местечке Бельчица на левом берегу Западной Двины²⁰. В интерьере одной из четырех монастырских церквей — церкви Бориса и Глеба — сохранились части фресковых росписей, среди которых на восточных простенках, по бокам проема в алтарную апсиду, были изображены князья Борис и Глеб²¹. Обустройство Борисоглебского монастыря может говорить о патрональном характере культа Бориса и Глеба и особом почитании этих святых среди полоцкой династии.

Д. У. Дука, У. А. Лобача, А. І. Корсак. Наваполацк, 2016. С. 7–18.

²⁰ *Воронин Н. Н.* Бельчицкие руины (к истории полоцкого зодчества XII в.) // *Архитектурное наследство.* 1956. № 6. С. 14–17.

²¹ *Габрусь Т. В.* Полоцкий Софийский собор и полоцкая школа зодчества XII в. // *Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О. Н. Левко [и др.]; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.); науч. ред. О. Н. Левко.* Минск, 2012. С. 425.

Рис. 10. Печать менского князя Глеба Всеславича (1101–1119 гг.) с изображением св. Глеба на лицевой стороне. Найдена в Острожском районе Ровенской области (Украина).

Небесным заступником Глеба Всеславича Менского также являлся один из братьев-страстотерпцев, примером этого является печать, найденная в 1995 г. в Острожском районе Ровенской области (Украина) (рис. 10). На ней представлено погрудное изображение святого Глеба. На обратной стороне помещена надпись: «Господи помози рабу своему Глебови»²². Подобные единичные изображения святых встречаются в произведениях декоративного искусства в других регионах Руси.

Примером почитания культа Бориса и Глеба являются кресты-энколпионы. Один из самых ранних «борисоглебских» крестов-энколпионов был найден в 1993 г. на Федоровском раскопе в Новгороде и датируется концом XI — началом XII в.²³ Во время раскопок 2007 г. на полоцком городище (княжеском детинце) была обнаружена обратная створка креста-энколпиона с изображением святого Глеба с моделью храма в левой руке (рис. 11). Данная группа изделий имела широкое распространение и в иных городах Восточной Европы рассматриваемого периода.

²² Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. С. 60, 155.

²³ Смирнова Э. С. Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и сложения русской традиции // Борисо-Глебский сборник. Collectanea Borisoglebica. Paris, 2009. Вып. I. С. 45.

Одной из особенностей полоцкой школы монументальной живописи XII в. является изображение святых Бориса и Глеба на фресках полоцкой Спасо-Преображенской церкви (рис. 12). Они размещены в западной части северо-западного полукупольного столба. Полоцкие фресковые изображения Бориса и Глеба по своему идейному наполнению напоминают изображения этих святых из других регионов Руси. В изображениях особое внимание акцентируется на отличиях Бориса как старшего брата от Глеба как брата младшего. Данная особенность должна была подчеркивать мотив старейшинства между князьями.

Возрастные отличия стали постоянной особенностью изображений св. Бориса и Глеба. В частности, они наблюдаются на самых древних сохранившихся иконах Бориса и Глеба — произведении из Савво-Вишерского монастыря под Новгородом (датируется второй половиной XIII в.) и иконе первой половины XIV в. из новгородского Зверина монастыря. Визуальное противопоставление старшего Бориса и младшего Глеба представлено на рельефе северного фасада Дмитриевского собора во Владимире (1190-е гг.).

Таким образом, старейшинство и принцип мирного сосуществования между князьями-братьями после смерти князя-отца были во-

Рис. 11. Обратная сторона креста-энколпиона с изображением св. Глеба, найдена в Полоцке. Раскопки Д. В. Дука.

Рис. 12. Фреска с изображениями св. Бориса и Глеба из полоцкой Спасо-Преображенской церкви XII в.

площены в культе князей Бориса и Глеба. В Полоцкой земле культ Бориса и Глеба впервые проявляется с конца XI в. и является составной частью идеологии взаимоотношений внутри княжеского дома. На протяжении XII в. почитание Бориса и Глеба среди Рогволодовичей приобретает патрональный характер.

Одной из традиций полоцких князей было крестоцелование как высшая форма присяги во время интронизации, а также для подтверждения верности слову, при заключении договора. В тексте полоцкой грамоты князя Изяслава, написанной между 1264 и 1267 гг., дословно сказано: «На семь къ мне цѣловати кр(е)сть въ правду, любовь имѣти и миръ, какъ было при первыхъ княз(е)хъ полоцкихъ (курсив наш. — Д. Д., Ю. К.)»²⁴. Традиция крестоцелования как форма политического договора между князьями носила общерусский характер. В истории Полоцкой земли данная практика использовалась Всеславом Брячиславичем в 1067 г. при переговорах с южнорусскими князьями Ярославичами на реке Рша²⁵. В XII в. практика крестоцелования использовалась при заключении соглашения между полочанами и князем²⁶. В данном случае крестоцелование — акт легитимизации власти посредством заключения соглашения с населением, с обязательствами соблюдения установленных общественных норм и правил.

Однако при всей общности форм репрезентации власти в коллективной памяти Рогволодовичей существовало одно яркое отличие, а именно — практика имянаречений. В средневековом обществе одним из важнейших способов, позволявших сохранять единство правящего рода и преемственность власти, был принцип наделения новых членов династии определенным набором имен²⁷. Внутри правящего рода в употреблении находился четкий антропонимикон, который и определял корпоративность и институциональное единство династии. Ярким свидетельством самоидентификации правящей в Полоцкой земле династии были родовые имена, которые почти не встречаются в практике имянаречения иных ветвей Рюриковичей. В

24 Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.: В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. Т. 1. С. 59.

25 ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 167.

26 ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 340.

27 Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 11–30.

частности, имя первого известного полоцкого князя, родоначальника полоцкой династии Рогволода, находилось в употреблении исключительно среди полоцких князей. Из летописей мы знаем о существовании полоцких князей с именем Рогволод в XII в. — это Рогволод-Борис Всеславич и его сын Василий-Рогволод. Среди наиболее популярных имен у полоцких князей были Всеслав и Брячислав. Имя Всеслав не использовалось Рюриковичами (за исключением дочери Рюрика Ростиславича — Всеславы), имя Брячислав в ономастиконе Рюриковичей встречается один раз (сын Святополка Изяславича — Брячислав). Коллективная память полоцких князей передавалась через имена родоначальника династии Рогволода, а также знаковых личностей полоцкой средневековой истории — Брячислава Изяславича и Всеслава Брячиславича, при которых Полоцкое княжество достигло вершины своего могущества²⁸.

Помимо идеологического подтекста (в первую очередь речь идет о самоидентификации) антропонимикон княжеского дома является красноречивой формой репрезентации верховной власти. Имена князей имели существенное отличие от имен основной части населения княжества — они были, как правило, составными, нередко с использованием отчества. Имена у простого населения Полоцка в XI–XII вв. происходили от названий зверей, птиц, физических характеристик, и, как правило, это были нехристианские имена. В христианской традиции могли использоваться составные имена — календарные и домашние, как, например, у создателя креста Евфросинии Полоцкой, ювелира Лазаря Богши. Большая часть христианских имен являлась производной от церковных²⁹. Из большого количества мужских антропонимов на стенах полоцкой Спасо-Преображенской церкви (более 60) среди имен полочан XII–XVI вв. очень редко встречаются имена Глеб, Георгий, Василий, характерные для антропонимии полоцкого княжеского дома. Имя Иван является самым распространенным среди прихожан, но не характерным для Рогволодовичей³⁰. Исключением является один из представителей полоцкого княжеского семейства — Иван Рогволодович, сын полоцкого князя Рогволода Всеславича. Об уделах Ивана Рогволодовича

28 Кежа Ю. М. Да пытання... С. 97–100.

29 Калечиц І. Імёны ў кірылічных надпісах XII — сярэдзіны XVI ст. на сценах Спаса-Праабражэнскай царквы ў Полацку // Беларускі гістарычны часопіс. 2018. № 11. С. 14.

30 Там же. С. 15–16.

данных нет. Известно лишь о возвращении Ивана Рогволодовича из византийской ссылки в 1140 г.³¹

Таким образом, в репрезентации власти полоцкие князья Рогволодовичи использовали знаковые, образные и идеологические символы, характерные для власти всех Рюриковичей. Идеологическое обоснование власти было общим и основывалось на принципах христианского (православного) мировоззрения и морали. Она же, эта конфессиональная = православная основа, и предопределила в XI–XII вв. одну из главных составляющих понятия «Русь» в широком смысле. Среди христианских принципов функционирования княжеской власти в символическом значении главную роль играли так называемые «княжеские» культы и обряды, в частности культ Бориса и Глеба, обряд крестоцелования. На примере княжеских знаков можно предположить, что династия Рогволодовичей могла сконструировать собственную форму репрезентации власти. Отличительной чертой полоцких Рогволодовичей является наличие уникальных и редких имен князей, не характерных для общерусского антропонимикона и в целом для населения Полотчины. Данная особенность является яркой чертой самоидентификации Рогволодовичей и репрезентации княжеской власти.

Источники и литература

Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 2006. 167 с.

Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 243–319.

Воронин Н. Н. Бельчицкие руины (к истории полоцкого зодчества XII в.) // Архитектурное наследство. 1956. № 6. С. 19–17.

Габрусь Т. В. Полоцкий Софийский собор и полоцкая школа зодчества XII в. // Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке. Минск: Беларуская навука, 2012. С. 420–436.

³¹ *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: В 2 кн. М., 2006. Кн. 2. С. 14.

Еонисова Н. В., Пушкина Т. А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак: ТОВ «Горобец», 2012. Вып. V. С. 34–85.

Калечыц І. Імёны ў кірылічных надпісах XII — сярэдзіны XVI ст. на сценах Спаса-Праабражэнскай царквы ў Полацку // Беларускі гістарычны часопіс. 2018. № 11. С. 14–18.

Каргер М. К. К истории полоцкого зодчества XII в. (руины вновь открытого храма на Верхнем замке) // Новое в археологии. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 202–209.

Кежа Ю. М. Да пытання аб станаўленні ўлады Рагвалодавічаў у Полацку // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III міжнар. навук. канф., Полацк, 14–15 красав. 2016 г.: У 2 ч. Ч. 2 / Пад агульн. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача, А. І. Корсак. Наваполацк: ПДУ, 2016. С. 92–100.

Кежа Ю. М. Культ княжацкіх святых Барыса і Глеба ў Полацкай зямлі XII ст. // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. Наваполацк: ПДУ, 2016. Ч. 2. С. 7–18.

Комар О. Княжі знакі з Десятинной церкви. Київ: МІДЦ, 2016. 46 с.

Левко О. Н. Полоцкое княжество // Беларусь: народ, государство, время / Редколл. А. А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2009. С. 45–51.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 904 с.

Марзалюк І. А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стрэзатыпы (X–XVII стст.). Магілёў: МДУ ім. А. А. Куляшова, 2003. 324 с.

Михеев С. М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 45–63.

Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянною историко-археографической комиссиею Академии наук СССР. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1926. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесьть временных лет. 2-е изд. VIII с. + 286 стб.

Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: тип. М. А. Александрова. 1908. 638 с.

Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.: В 2 т. / Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. Т. 1. 846 с.: XVI с. ил.

Раннопорт П. А. Строительное производство Древней Руси. СПб.: Наука, 1994. 159 с.

Рыбаков Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Молодая гвардия, 1987. 351 с.

Семянчук А. А. Полацк і Полацкая зямля ў гістарычнай памяці жыхароў ВКЛ ў XVI ст. // Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. I. Гуманітарныя навукі. 2013. № 1. С. 19–21.

Смирнова Э. С. Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и сложения русской традиции // Борисо-Глебский сборник. Collectanea Borisoglebica / Ред. К. Цукерман. Paris: АСНСВуз, 2009. Вып. I. С. 58–116.

Тисяча років української печатки. Каталог виставки / Голова редкол. В. А. Смолі, упоряд. Ю. К. Савчук. Київ: Інститут історії України, 2013. 496 с.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М.: ИНТРАДА, 1998. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. 1269 с.

References

Alekseev, L. V. *Zapadnye zemli domongol'skoj Rusi: ocherki istorii, arheologii, kul'tury*: V 2 kn. Kn. 2. Moscow: Nauka, 2006, 167 s.

Beleckij, S. V. “Podveski s izobrazheniem drevnerusskikh knyazheskikh znakov.” *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniia pamiati Anny Machinskoj*, Sant-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2004, s. 243–319.

Voronin, N. N. “Bel'chickie ruiny (k istorii polockogo zodchestva XII v.)” *Arhitekturnoe nasledstvo*, no 6, 1956, s. 19–17.

Gabrus', T. V. “Polockii Sofijskii sobor i polockaia shkola zodchestva XII v.” *Polock i Polockoe knyazhestvo (zemlia) v IX–XIII vv., letopis' drevnih sloev, Polock i ego okruga v XIV–XVIII vv., remeslo, denezhnoe obrashchenie i torgovye sviazi Polocka v srednevekov'e (po dannym arheologii, numizmatiki i pis'mennyh istochnikov), kul'tura i prosveshchenie v srednevekovom Polocke*, Minsk: Belaruskaia navuka, 2012, s. 420–436.

Eonisova, N. V., Pushkina, T. A. “Nahodki vizantijskogo proiskhozhdeniya iz rannegorodskogo centra Gnezdovo v svete kontaktov mezhdru Rus'yu i Konstantinopolem v X v.” *Sugdejskij sbornik*. Kiev; Sudak: TOV “Gorobets”, vyp. V, 2012, s. 34–85.

Kalechyts, I. “Imiony ŭ kirylichnyh nadpisah XII — siarëhdziny XVI st. na scenah Spasa-Praabrazhëhnskaj carkvy ŭ Polacku.” *Belaruski gistarychny chasopis*, no 11, 2018, s. 14–18.

Karger, M. K. “K istorii polockogo zodchestva XII v. (ruiny vnov' otkrytogo hrama na Verhnem zamke.)” *Novoe v arheologii*. Moscow: Izd-vo MGU, 1972, s. 202–209.

Kezha, Iu. M. “Da pytannia ab stanaŭlenni ŭlady Ragvalodavichaŭ u Polacku.” *Belaruskae Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki paliavyh i mizhdyscyplinarnyh dasledavannyaj:* zb. navuk. art. II mizhnar. navuk. kanf., Polatsk, 17–18 krasav. 2014 g.: u 2 ch. Ch. 2 / pad agul’n rėd. D. U. Duka, U. A. Lobacha, S. A. Shydloŭckaga. Navapolack: PDU, 2014, s. 92–100.

Kezha, Iu. M. “Kul’t kniazhackih sviatyh Barysa i Gleba ŭ Polackaŭ ziamli XII st.” *Belaruskae Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki paliavyh i mizhdyscyplinarnyh dasledavannyaj:* zb. navuk. art. III mizhnar. navuk. kanf., Polatsk, 14–15 krasav. 2016 g.: u 2 ch. Ch. 2 / pad agul’n rėd. D. U. Duka, U. A. Lobacha, A. I. Korsak. Navapolack: PDU, 2016, s. 7–18.

Komar, O. *Knyazhi znaki z Desiatinnoŭ cerkvi*. Kiev: MIDTs, 2016, 46 s.

Levko, O. N. “Polockoe knyazhestvo.” *Belarus’: narod, gosudarstvo, vremya*. Minsk: Belaruskaia navuka, 2009, s. 45–51.

Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. *Vybor imeni russkikh knyazej v X–XVI vv. Dinasticheskaia istoriya skvoz’ prizmu antroponimiki*. Moscow: Indrik, 2006, 904 s.

Marzaliuk, I. A. *Liudzi daŭnyaŭ Belarusi: ehtnakanfesiiŭnia i sacyiakul’turnyia stėrėaty (X–XVII stst.)*. Magilioŭ: MDU im. A. A. Kulyashova, 2003, 324 s.

Miheev, S. M. “K probleme artibutsii znakov Riurikovicheŭ.” *Drevniaia Rus’. Voprosy medievistiki*, no 4 (58), 2014, s. 45–63.

Polnoe sobranie russkikh letopiseŭ, izdavaemoe Postojannoju istoriko-archeograficheskoj komissieju Akademii nauk SSSR. T. 1. Lavrent’evskaia letopis’. Vyp. 1. Povest’ vremennyh let. 2-e izd. Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1926. VIII s. + 286 colms.

Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 2. Ipat’evskaia letopis’. Sant-Petersburg: tip. M. A. Aleksandrova, 1908, 638 s.

Polotskie gramoty XIII — nachala XVI v. V 2 t. T. 2. Pod red. A. L. Horoshkevich. Moscow: Russkii fond sodeŭstviia obrazovaniiu i nauke, 2015, 846 s: XVI s. il.

Rappoport, P. A. *Stroitel’noe proizvodstvo Drevnej Rusi*. Sant-Petersburg: Nauka, 1994, 159 s.

Rybakov, B. A. *Mir istorii. Nachal’nye veka russkoj istorii*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1987, 351 s.

Semianchuk, A. A. “Polack i Polackaia ziamlya ŭ gistorychnaŭ pamiatsi zhyharoŭ VKL ŭ XVI st.” *Vesnik Polatskaga dziazhaŭnaga universitėta*. Ser. 1. Gumanitarnyia navuki, no 1, 2013, s. 19–21.

Smirnova, Ė. S. “Rannie ětapy ikonografii sviatyh kniazeŭ Borisa i Gleba. Vopros vizantiŭskich obrazstvov i slozheniia russkoŭ traditsii”. *Boriso-Glebskij sbornik. Collectanea Borisoglebica*. Red. K. Tsukerman. Vyp. I, Paris: ACHCByz, 2009, s. 58–116.

Tisiacha rokov Ukraŭns’koŭ pechatki. Katalog vistavki. Golova redkolegii V. A. Smolij; uporyadnik Iu. K. Savchuk. Kiev: Institut istorii Ukraŭni, 2013, 496 s.

Ianin, V. L., Gaïdukov, P. G. *Aktovye pečati Drevnej Rusi X–XV vv.* T. 3. Pečati zaregistrovannye v 1970–1996 gg. Moscow: INTRADA, 1998, 1269 s.

Denis V. Duk

Mahiliow state university (Mahiliow, Republic of Belarus)

Yury N. Kezha

Polatsk state university (Polatsk, Republic of Belarus)

Symbolic aspects of the authority representation
of the Polotsk principles of Rogvolodovich dynasty

The symbols of the authority representation of Polotsk principles from the Rogvolodovich dynasty, one of the branches of the Rurikids' dynasty, are highlighted on the basis of archaeological materials, written and iconographic sources. Most of the symbols and practices connected to the authority representation were borrowed from Rurikids (the symbols of the princely sign in the form of a trident, the princely cult of Boris and Gleb). According to archaeological data, the trident was used by the Polotsk prince Izyaslav Vladimirovich to manifest his own authority since the end of the 10th century. Subsequently, the sign of the trident was borrowed by all the princes of Rogvolodovich dynasty and was actively used during the 11–12th centuries. The cult of Boris and Gleb began to spread actively on the territory of Russia from the second half of the 11th century. In Polotsk, that cult was widely spread among the sons of the Polotsk prince Vseslav Brjachislavich (after 1101). One of the traditions of the Polotsk princes was the cross-kissing as a symbol of the oath during the enthronement, which also finds numerous parallels in the practice of the inter-princely relations of Rurikids' dynasty. A distinctive feature of the Polotsk branch of Rogvolodovich dynasty is the presence of unique and rare names of princes, which are not typical of the all-Russian princely anthroponymics. This is a striking feature of the self-identification of Rogvolodovich dynasty and a representation of their princely power.

Keywords: *Ancient Rus, Polotskland, Rurikids, Rogvolodovich, dynasty, prince's signs, anthroponymics.*

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)

И. П. Ридэль
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

«Польша — государство избранного народа»: образ Польского королевства XVI в. в речах Станислава Ожеховского

Автор анализирует тексты выступлений перед сеймом и королем выдающегося польского оратора и публициста эпохи сарматизма Станислава Ожеховского (1540-е гг.). Польское дворянство изображается в них в качестве народа, избранного Богом для хранения «золотой вольности» и защиты Европы от исламской агрессии. Стремясь мотивировать шляхту и короля на военные действия против турок, оратор изображает Польшу как «новый Рим и Афины». Он идеализирует польское общество, противопоставляя его «турецкому царству». Впрочем, это не мешает Ожеховскому остро критиковать современников за неготовность послужить делу спасения христианской Европы. Польша для него — главный бастион Европы: если турки победят поляков, Европа не устоит. Однако если шляхта будет послушна королю и католической церкви и встанет на борьбу с врагами, она станет спасительницей христианства. Влияние речей «сарматского златоуста» на современников сложно переоценить. Созданные им образы и идеологические штампы прочно вошли в сокровищницу польской общественно-политической мысли, стали матрицей идеологии сарматизма, задавая форму последующим идеологическим и историософским конструктам.

Ключевые слова: *Речь Посполитая, позднее Средневековье, XVI в., Станислав Ожеховский, сейм, шляхта, идеология, сарматизм, польский мессианизм, Сигизмунд I Старый, Сулейман Великолепный.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.1.02

XVI в. считается «золотым веком» Речи Посполитой, в этот период были созданы многие выдающиеся произведения художественной культуры. На фоне расцвета республики, а также благодаря появлению книгопечатания, во множестве распространились общественно-политические трактаты, исторические и псевдоисторические сочинения, повествующие о древней и славной истории поляков-сарматов и обосновывающие права дворянства на лидирующие позиции в го-

сударстве. Католический священник и страстный защитник сословных прав шляхты Станислав Ожеховский (1513–1566) — вероятно, самый яркий польский оратор и публицист эпохи сарматизма. Этому послужили экстраординарность его личности и яркость его ораторского мастерства. Он стал рупором мелкого польского дворянства в его борьбе против магнатории и ее ставленников из числа церковных иерархов. Хотя впоследствии взгляды Ожеховского трансформировались под влиянием Контрреформации, сделав его куда более лояльным по отношению к церковному руководству, основой его взглядов непременно оставались идеалы «золотой свободы». Характерно, что в наследии Ожеховского каждая политическая группировка середины — конца XVI в. находила близкие себе идеи, поэтому для многих он был «своим»¹.

В своем мировоззрении Ожеховский соединил, казалось бы, несоединимые вещи: Речь Посполитая для него — это «польское рыцарство и Коронный Совет», при этом гарантом шляхетских свобод и законности в государстве является Католическая церковь². Ожеховский создал концепцию, благодаря которой церковь превратилась в защитницу и хранительницу золотой шляхетской вольности. Тем самым он наладил мост между дворянством и церковью, столь необходимый последней. «Польша — государство избранного народа, обладающего исключительными политическими свободами благодаря прочному союзу шляхты с католической церковью»³, — писал он. Избранность польского «народа» обоснована тем, что больше ни один «народ» в мире не имеет таких политических свобод. Понятие «польский народ» для мыслителя при этом строго очерчено границами шляхты и духовенства⁴.

Основа личной поведенческой модели Ожеховского — ренессансный индивидуализм⁵, но в своих трактатах и речах он декларирует в

1 *Дворецкая А. А.* Станислав Ожеховский: рыцарь в сутане (портрет на фоне «Политических диалогов») // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород, 1997. С. 58.

2 *Orzechowski S.* Wybór pism. Wrocław, 1972. S. 373, 459, 574, 587, 613.

3 Цит. по: *Дворецкая А. А.* Станислав Ожеховский... С. 63.

4 *Orzechowski S.* Wybór pism. S. 562.

5 Самый яркий пример — венчание Ожеховского. Он не мог жениться, так как был священником, однако, основываясь на своем шляхетском происхождении, решительно боролся за право на брак. Перемышльский епископ проклял его как еретика, но шляхта была на его стороне. По-

качестве основы польского государства шляхетскую и христианскую солидарность. В мировоззрении Ожеховского причудливо переплетаются ренессансная культура рыцарского индивидуализма и барочный эклектизм, традиция рыцарского стремления к личной славе и церковная идеология соборности.

Главные свои идеи «брат из Руси» (как он сам себя называл) изложил в трактатах «Химеры», «Политические диалоги», «Quincunx» и «Policuja Królestwa Polskiego»⁶. Однако для современников не меньшее (а подчас и большее) значение имели его выступления перед сеймом и королем. «Речи о турецкой войне», изначально написанные и произнесенные Ожеховским на латыни, были обращены к сейму Речи Посполитой (1543) и королю Сигизмунду I Старому (1544). Об их популярности говорит тот факт, что спустя пятьдесят лет они еще не потеряли своей актуальности и в 1590 г. были переведены Яном Янушовским на польский язык, изданы большим тиражом и стали доступны массовому польскому читателю. Характерно, что в первом издании перевода предшествует посвящение правящему монарху, «величайшему из королей, яснейшему Сигизмунду III, господину милосердному»⁷. Это посвящение вполне в духе Ожеховского, хотя принадлежит не ему, а переводчику.

Главная задача речей Ожеховского — побудить короля и шляхту на борьбу с султаном Сулейманом Великолепным (1494–1566). Обращаясь к дворянам, он говорит, что никто из прежних султанов не имел таких военных успехов, как Сулейман, «враг республики Вашей, имени Вашего» и святых покровителей королевства. Свобода польской шляхты и слава короны Польской нестерпимы для этого «жестокосердного тирана». Цель Сулеймана — завоевание всей Европы, «боится он лишь короля польского». «Ненавидит он всех христиан,

сольская изба, полностью игнорируя его духовный сан, объявила недопустимым суд над шляхтичем, пожелавшим вступить в брак. В итоге под давлением дворянства вопрос о женатом ксёндзе был заморожен. Папа Пий IV, оценивая личность Ожеховского и его вклад в дело Контрреформации, писал, что тот «больше помогает, чем вредит». См.: *Дворецкая А. А. Станислав Ожеховский...* С. 61–62.

6 Использованным в заглавии термином «policuja» Ожеховский обозначает государственное устройство. По-видимому, это отсылка к понятию «полития», обозначавшему у Аристотеля гармоничный тип государства, в котором власть народа не превращается во власть толпы.

7 *Orzechowski S. Mowu...* S. 3.

но особенно поляков», которые стоят на его пути в Германию, «заслоняют Венгрию, плечами подпирают Валахию, противостоят ему во всех его планах». «Самому себе желал бы он зла, если бы погибли нашей не жаждал»⁸.

До этой поры милость Божия оберегала Польшу от нападения турок, Бог давал полякам время на то, чтобы подготовиться к борьбе. Теперь же, говорит Ожеховский, настало время биться, не упуская времени, «данного Богом для защиты Вашей свободы»⁹. Особой милостью Божией к полякам объясняет оратор как то, что все народы Европы (кроме них) уже воюют с противником, «который никого так сильно не хочет завоевать, как нас»¹⁰, так и то, что в Польском королевстве родился выдающийся полководец, гетман Ян Тарновский¹¹. Речь Посполитая хранима Богом, потому что должна спасти Европу от турецкого нашествия. Впрочем, Ожеховский признаёт свободу выбора: если польское рыцарство, «рожденное для свободы и правления», не противостоянет султану, то окажется в неволе. «Вы (шляхта) одни в мире истинно свободные... Подчинены праву, не знаете над собою господ»¹².

Все шляхтичи равны друг другу «как свободой, так и честью», поэтому в Речи Посполитой запрещены «имена высокие: вождь, граф, князь» и все имеют одно имя «рыцарства польского»¹³. Этой свободе и равенству противопоставляет оратор турецкое рабство и подчинение, говоря, что «туркам царь турецкий — сам закон, сам справедливость, сам благо», их семьи и имущество принадлежат ему¹⁴. Не закон правит в Османской империи, а «копье, тюрьма и оковы»¹⁵. Турки отрывают младенцев от материнской груди, «чтобы уничтожить в них впитанную с молоком матери святую веру»¹⁶. Если поляки не встанут на защиту веры, султан их победит и под страхом смерти всех переведет в ислам, так что будут они «посмешищем для сирийцев, сарацин и даже евреев». Если же они обратятся на путь освобождения «братьев»,

8 Ibid. S. 86.

9 Ibid. S. 9.

10 Ibid. S. 41.

11 Ibid. S. 40.

12 Ibid. S. 87.

13 Ibid. S. 10.

14 Ibid. S. 28.

15 Ibid. S. 12.

16 Ibid. S. 90–91.

то не только самих себя спасут, но и «всё христианство». Бог будет на их стороне: «Встает Господь Бог с нами!»¹⁷ — восклицает оратор.

«Будем ли мы ожидать человечности от первейшего ее врага?» — спрашивает Ожеховский. Гордость, жестокость, алчность — вот, по его мнению, главные качества мусульман и Сулеймана, которые «пойманым в их когти [...] оставляют лишь мучительную память о прошлом, не принося других плодов, кроме болезни, печали и рыданий»¹⁸.

Поляки уже побеждали турок, благодаря тому, что имели главное необходимое для этого качество, «великую силу» — *любовь к свободе*. Ожеховский призывает не отдавать туркам «ту драгоценную свободу, ту республику, которой предки добились... ценой своих жизней»¹⁹. По его мнению, история Польши — велика и славна, в то время как турки «взялись из ниоткуда». Не найдя упоминания о них у греков и римлян, он утверждает, что турки, в отличие от поляков, «не имеют ни славной истории, ни чести благородного происхождения»²⁰. Он сомневается, можно ли назвать государством Османскую империю, «добытую разбоем», и уверен, что она не сможет долго просуществовать, потому что не имеет «ни истинной веры, ни добродетели подданных», а эти два качества для Ожеховского являются основой государства²¹.

Он создает концепцию, согласно которой «Азия никогда не была известна рыцарской славой». Ссылаясь на античный пример противостояния Цезаря и Помпея, он утверждает, что «азиаты — люди никчемные в деле военном»²². Азия всегда была известна жестокостью, рабством и «многочисленностью», но «сердцем, разумом и честью» она ниже Европы. Нет в азиатах «ничего благородного, подобающего людям свободным», лишь рабство и разбой. «Вы, шляхтичи, победили татар, победите и турок», потому что «от отцов вам естественно с Азией воевать».

Причина торжества османов и Сулеймана (по Ожеховскому) — в том, что поляки вели себя слишком эгоистично по отношению к соседним народам и не оказали им помощи: «Вашим небрежением и раздорами, предательством и разбоем возникло турецкое царство»²³.

17 Ibid. S. 21.

18 Ibid. S. 91.

19 Ibid. S. 11.

20 Ibid. S. 17.

21 Ibid. S. 19.

22 Ibid. S. 26.

23 Ibid. S. 18.

Усобицы польского дворянства привели к тому, что мусульмане завоевали «всю Азию и пол-Европы». Ожеховский призывает шляхту к взаимному согласию и послушанию своему монарху, не стесняется утверждать, что дворянство существует для того, чтобы служить королю²⁴. Он основывается на принципе сильной королевской власти, но эта власть для него необходимо ограничена законом: «Закон приказывает королю так же, как королевскому подданному»²⁵. Сейм свободного дворянства и сильная королевская власть — это две чаши весов, равновесие между которыми поддерживает католическая церковь, благодаря которой не допускается перевес ни в сторону тирании, ни в сторону анархии. Церковь выступает в качестве гаранта стабильности Речи Посполитой.

В этой модели государства король является миротворцем и судьей, охраняющим равновесие между сословиями: «страж всех, всеми охраняемый»²⁶. Образцом такого правителя Ожеховский считает самого Сигизмунда I, за заслуги которого еще при его жизни (вопреки традиции) наследником избрали его сына.

Анализирует Ожеховский и внешнеполитическое положение королевства. Он считает, что брак наследника престола (Сигизмунда II Августа) с Елизаветой Австрийской, племянницей императора Карла V (которого называли «смертью и страхом турок»), связал Священную Римскую империю «союзом любви с короной Польской». Обосновывая богоизбранность империи, Ожеховский опирается на средневековую концепцию «*translatio imperii*» и пишет, что «имя царства Римского от итальянцев и греков немцам было передано и за ними закрепилось»²⁷. Благодаря женитьбе Сигизмунда II богоизбранная империя породнилась с Польшей, и та, в свою очередь, присоединилась к числу полноправных наследников Рима.

Беды Речи Посполитой Ожеховский объясняет не внешними угрозами, а внутренними проблемами. «Если бы не было внешнего врага, то и тогда республика была бы в опасности, потому что мира у нас нет, свободу мы утратили, заботой о личных интересах слишком удалились от общего блага»²⁸. «Частное дело грабит дело общее» (*rzecz prywatna — rzecz pospolita*): шляхта должна позабыть о своих

24 Ibid. S. 37.

25 *Orzechowski S. Wybór pism. S. 384.*

26 *Orzechowski S. Mowy... S. 94.*

27 Ibid. S. 39.

28 Ibid. S. 29–30.

личных интересах и вспомнить, что основу государства составляют три сословия: Пахарь, Священник и Рыцарь. «Крестьянин пашет, солдат воюет, священник учит» — каждый своим трудом служит общему благу республики («Речи Посполитой»). «Когда каждый нес бремя свое для общего здоровья и понимал, что должен сохранить свое в целости», тогда Польша была врагам страшна и славна для всех народов²⁹. «Имея неприятеля перед глазами, будем ли дискутировать о привилегиях и правах?» — спрашивает оратор и призывает отложить даже споры о вере, поскольку «сейчас Магомет мечом, а не спорными словами, разрушает веру Христову»³⁰.

Предки оставили полякам столь большое королевство, поскольку жили «справедливо, набожно и в равенстве друг с другом», говорит Ожеховский. Они «в тихие минуты готовились к бурным [временам], не тратили имения на роскошь»³¹. О современниках оратору «стыдно и говорить»: «между сословиями разницы нет, все сословия смешались в одно»³². Все ищут своей выгоды, борются за ресурсы, никто не думает о войне. «О большая Речь Посполитая! О королевство, близкое к упадку!» — Ожеховский призывает дворянство немедленно возвратиться к богоданной миссии защитников веры и государства. «Как ты можешь зваться шляхтичем, если конь твой никогда в битве не участвовал?»³³ — спрашивает Ожеховский абстрактного современника. «Всё перевернулось: боимся неприятеля, жаждем покоя, губим королевство, только вольность ценим. Отчего так? Оттого, что каждый щедр для себя, а для общего — жаден»³⁴. Неготовность шляхты дать отпор врагу на своей территории и одновременное нежелание выходить за границы королевства для борьбы с ним вызывают у Ожеховского наибольшее возмущение.

Деление народа на праведных предков и нерадивых современников является принципиальным для ораторского наследия Ожеховского. Оно напрямую перекликается с трактатом блаженного Августина «О граде Божием»³⁵, программным текстом средневековой историосо-

29 Ibid. S. 35.

30 Ibid. S. 43.

31 Ibid. S. 93.

32 Ibid. S. 32.

33 Ibid. S. 33.

34 Ibid. S. 35.

35 За двести лет до Ожеховского этот текст в предисловии к «Чешской хронике» Мариньолы цитировал император Карл IV: «Отцы наши

фии, отражает традиционное для средневековой мысли представление о «святости отцов».

Вторая турецкая речь Ожеховского обращена непосредственно к королю Сигизмунду I Старому. Сигизмунд предстает в ней как воплощение особой милости Божией к Польше, ведь он «оберегает веру католическую, сохраняет здоровье и свободу своих подданных»³⁶. Сигизмунд превосходит мудростью «всех когда-либо правивших королей»³⁷, поскольку исполняет данную Богом миссию: «не свое царство, но царство Господа Христа, не свою славу, но славу Бога в Троице Единого, до небес распространить»³⁸. Прежние победы поляков над турками оратор объясняет скорее «силой драгоценной души [Сигизмунда]», чем силой оружия. За свою доблесть и благочестие он достоин титулов «христианнейший» («christianissimus») и «король королей христианских». Указывая на то, что Сигизмунд был младшим (пятым) из братьев и не должен был наследовать трон, Ожеховский напрямую называет его «избранным Богом»³⁹.

Впрочем, после панегирика звучат трагические мотивы: открыл «турецкий тиран» через Венгрию дорогу к Польше, уже «считает он себя польским королем». Плоды деятельности Сигизмунда: «права, уставы, науки, даже сама наиценнейшая вера Христова, падут от разбоя ненасытного султана»⁴⁰. «Не сыну ты оставишь королевство, а Сулейману, который уже близко». Ожеховский считает, что сильнее всего султан боится союза поляков и немцев, поэтому он воюет против австрийского эрцгерцога Фердинанда (отца невестки короля) «не только за государство, но и за саму жизнь»⁴¹. Кровное родство с Фердинандом обязывает Сигизмунда к союзу. Оратор призывает короля объединиться не только с католиком Фердинандом, но также

создали из маленького государства большое, [...] потому что имели такие качества, которых мы вовсе не имеем: дома — трудолюбие, вне дома — справедливое управление, дух, свободный для размышления, не подверженный разврату или жадности. Мы же вместо этого проявляем дома — лень, а вне дома — грабительство, не различаем добра от зла». См.: *Kroniky doby Karla IV. Praha, 1987. S. 448.*

36 *Orzechowski S. Mowy...* S. 57.

37 *Ibid.* S. 76.

38 *Ibid.* S. 58.

39 *Ibid.* S. 95.

40 *Ibid.* S. 97.

41 *Ibid.* S. 51.

и с немцами-протестантами, преодолеть застарелый раскол, который, по его мнению, стал причиной слабости христиан перед лицом турок. «Объединившись с немцами, можно принести мир всему христианству», — говорит он⁴².

Речь идет не о войне с русскими или татарами, цель которых (по Ожеховскому) только в материальном обогащении, а о войне с турками, уничтожающими веру и сами «права человека»⁴³. Грядет гибель христианства, «имя польское и весь народ польский» под угрозой полного уничтожения. «На кого нам надеяться, кроме тебя? В ком искать утешения, кроме тебя? У кого просить защиты, кроме тебя?» — восклицает оратор.

Он обращается к Сигизмунду от лица его предков: «Тебе вручаем сей польский народ, который прежде мы защищали, ту Отчизну, за которую мы много крови пролили, те гробы, в которых ныне почиваем! Ты можешь [...] вольность польскую защитить; все достоинства, которые были у каждого из нас по отдельности, в тебе одном обретаются; ни один из нас не имел более мудрости или счастья; мало было и таких, чтобы в деяниях своих были тебе равны. Поэтому, складывая руки свои [в мольбе], [...] тебя, живого, мы, умершие, просим, чтобы ты теми дарами, которые имеешь, защищал: [...] свободу подданных своих, [...] здравие твое, и [...] покой наш: чтобы в короне этой вольной ты править мог, а мы, уже погребенные, мирно упокоились!»⁴⁴.

Важнейшей частью риторического наследия Ожеховского является также его речь на похоронах короля Сигизмунда I (1548). Ожеховский отказывается верить в то, что столь славный король мог умереть: «Мог ли умереть тот, кого истинная его королевская честь, еще до окончания временной жизни, одарила бессмертием? Истинно не умер, но перенесся в лучший мир из этого мира злого»⁴⁵. Сигизмунд вечно будет жить в своих потомках: зерно, которое он посеял на польской земле, принесет стократный плод. Поляки будущих эпох будут говорить: «Не утопали бы мы в таком изобилии, если бы в этой стране не правил некогда Сигизмунд»⁴⁶. «Это был король, которого прошлые века не видели и последующие не дождутся». Всех правителей и му-

42 Ibid. S. 80.

43 Ibid. S. 62.

44 Ibid. S. 61.

45 Ibid. S. 107.

46 Ibid. S. 122.

древцов мира он превзошел мудростью и образом жизни, Бог явил через него всему миру живой образец идеального короля⁴⁷.

По мнению Ожеховского, благодаря его трудам польская «Сарматия» превратилась из дикой варварской страны в страну просвещенную: «Там, где прежде мир ничего необразованнее и свирепее поляка не видел, теперь образованности и порядочности (*humanius*) его дивится»⁴⁸. Вместе с Краковской академией пришли в Польшу «прежде неведомые» искусства и науки. По свидетельству Ожеховского, до Сигизмунда греческий язык никто в Польше не знал, а латынь воспринималась как язык «варварский» (то есть чужой, непонятный). И вот, благодаря Сигизмунду, «место еще недавно дикой Сарматии Греция и Италия заняли, Рим и Афины... перенесены Сигизмундом на землю сию. Остроумие их, мудрость и порядочность странствуют меж нами; начальствуют как дома: приняли наше гражданство»⁴⁹.

Как неподходящая почва губит зерно, так и неподходящее воспитание искажает душу человека: «из грека получается римлянин, из поляка — валах, твердый скиф смягчается до араба». Поэтому наставником короля был не иностранец, а известный своею образованностью «родовитый сармат» — Ян Длугош. По настоянию Казимира IV Ягеллончика он обучал его сыновей (в том числе и Сигизмунда), основываясь на польских обычаях. «Не для индусов или валахов родил Казимир королей», поэтому и воспитывать сыновей он велел в «польском духе», чтобы «народ, к которому они по праву рождения принадлежат, под их сенью безопасно почивал и обильными плодами наполнялся»⁵⁰.

Оратор восхваляет всю династию Ягеллонов, говоря, что никто из них не превозносился над окружением. Благодаря этому они смогли произвести из своих недр «стократный плод» — славного короля Сигизмунда. «Потеряли мы рыцаря, а не господина [...], справедливейшего короля и добродетельного отца»⁵¹. Ожеховский в своей речи делает упор на том, что Сигизмунд был первым среди равных, никогда не ставил себя выше дворянства. Он утверждает, что до Сигизмунда право равняло шляхтичей «с приведенным на рынок скотом»⁵², а

47 Ibid. S. 108.

48 Ibid. S. 110.

49 Ibid. S. 122–123.

50 Ibid. S. 114.

51 Ibid. S. 107.

52 Ibid. S. 119–120.

почивший король всех освободил от этого рабства, сам себя подчинил сенату и ограничил на благо Отечества⁵³. Процветание Польши, достигнутое Сигизмундом, не стоило шляхте «ни малейшей капли свободы», он сумел и укрепить страну, и шляхетскую вольность сохранить⁵⁴. Даже тот факт, что Сигизмунд вопреки республиканской традиции оставил после себя сына-наследника, Ожеховский обращает в его пользу, говоря, что этим он «на вечные времена закрепил» в Польше согласие и мир. Сигизмунд был не просто королем, а «начальником свободного народа, главой республики», через которого «говорил высший Закон»⁵⁵.

Все современные Ожеховскому христианские страны Европы (кроме Польши), с его точки зрения, находятся в бедственном положении: Италия потеряла свободу в борьбе господ и подчиненных, Франция — «в неволе увидела своего короля»⁵⁶, Германия из-за внутренних споров стремится к упадку, Венгрия идет на компромиссы, готовящие ее к скорой гибели. «Нет спасения всем государствам от внутренних и внешних пожаров: только Польша (благодарение Всевышнему!) недоступна... злым обстоятельствам, благодаря мудрому королю и единомысленному с ним сенату превосходит она [соседей] единством своим и немеркнувшим великолепием»⁵⁷.

Впрочем, смерть Сигизмунда сильно ударила по Речи Посполитой: она «многих сделала смелыми: окрепло сердце Турка, огрызается Немец, готовятся напасть освободившиеся от страха Валах и Татарин; наконец неудержимый Москаль, долго свирепые клыки... остривший, конечно, не упустит пору, которой едва ли мог ожидать»⁵⁸. Страна, как несчастная мать, простирает руки в мольбе к своим сыновьям, чтобы они прекратили усобицы и защитили ее от внешнего вторжения. Ожеховский обращается к шляхте: «Смилуйтесь над Речью Посполитой, любимой отчизной вашей, над народом, над соотечественниками, над самими собой, над кровью вашей, над любимым потомством» — прекратите вражду и объединитесь против врагов. Указывая на пример Рима и Греции, он взывает к согражданам: «Сколько святых мест сейчас завоеваны

53 Ibid. S. 123.

54 Ibid. S. 125.

55 Ibid. S. 128, 132.

56 По-видимому, речь идет о пленении Карлом V французского короля Франциска I в битве при Павии (1525).

57 Ibid. S. 125.

58 Ibid. S. 135.

нечестивыми и лежат в руинах! Если не будет сенат в единстве, если не будет народ мир сохранять, и с нами так же будет»⁵⁹.

В заключении речи Ожеховский от лица Польши благодарит Бога за то, что тот, «чтобы осчастливить ее жителей и весь род людской, спустил с небес луч» — короля Сигизмунда. Оратор вкладывает в уста Речи Посполитой следующие слова: «Ты, приснопамятный Сигизмунд, — причина существования моего и великолепия!» Заслуга существования шляхетской республики приписывается королю, который украсил королевство «венцом славы и наук», осчастливил «благословением мира», обеспечил его неисчерпаемыми богатствами. «Чем только сияю, чем между народами славлюсь, все это твой дар, все это твоих рук дело». Имя польское во всем мире славится благодаря Сигизмунду. Неутешная Польша плачет над его могилой: «О, честь наша! О, наше светило! Горе! Потеряли мы тебя, угас ты. Боже, к кому прибегну? Под чьим крылом укроюсь с моими осиротевшими птенцами?»⁶⁰

Ожеховский изображает Сигизмунда королем, объединившим в своем правлении принципы сильной королевской власти и шляхетской вольности. Благодаря данной Богом мудрости и «национальному» воспитанию Сигизмунд превратил Польское королевство в «новые Афины и Рим», так что оно имеет возможность процветать, в то время как остальные государства Европы находятся в бедственном положении.

Таким образом, в ораторском наследии «певца золотой вольности» прославление шляхетских свобод тесно переплетается с восхвалением короля и католической церкви. Изначально Ожеховский считал, что для процветания Речи Посполитой достаточно союза короля и шляхты, однако впоследствии, под влиянием Контрреформации и личных обстоятельств жизни, он пришел к выводу о необходимости верховного контроля со стороны церкви. Церковь является для него верховным арбитром королевства. Избранная Богом шляхта, политический народ Речи Посполитой, обязана быть в послушании у короля и церкви, а король обязан быть в послушании у церкви и закона. Только при таком раскладе Польша сможет победить внешних врагов, решить внутренние проблемы и подобно древним Греции и Риму сиять всем окружающим странам. Бог любит Польшу благодаря заслугам предков, он избрал ее для спасения Европы от османского

59 Ibid. S. 134.

60 Ibid. S. 136.

завоевания, хранения «золотой свободы» и будущей вечной славы. Однако если шляхта не будет вести себя достойно этого избрания, не будет бороться с врагами, Польша будет завоевана турками, польский народ погибнет вместе с «золотой свободой», а вслед за ним и «всё христианство» падет под натиском турок.

Влияние речей «сарматского златоуста» на современников сложно переоценить. Созданные им образы и идеологические штампы прочно вошли в сокровищницу польской мысли. Польша — как бастион Европы, новый Рим и Афины, шляхта — как богоизбранная защитница христианства, Церковь — как основа Речи Посполитой — вот лишь некоторые из тех образов, которые благодаря выступлениям и трактатам Ожеховского стали достоянием массового сознания позднесредневековой Польши и легли в основу идеологии сарматизма как матрица, задающая форму последующим идеологическим и историческим конструктам.

Источники и литература

Дворецкая А. А. Станислав Ожеховский: рыцарь в сутане (портрет на фоне «Политических диалогов») // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород: БелГУ, 1997. С. 57–82.

Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: ИСЛРАН, 2002. 178 с.

Marignola J. Česká kronika // Kroniky doby Karla IV. Praha: Svoboda, 1987. S. 446–515.

Orzechowski S. Mowy Stanisława Orzechowskiego. Sanok: Pollak, 1855. 138 s.

Orzechowski S. Wybór pism. Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1972. 641 s.

Orzechowski S. Żywot i śmierć Jana Tarnowskiego. Sanok: Pollak, 1855. 150 s.

References

Dvoreckaya, A. A. Stanislav Ozhekhovskij: rycar' v sutane (portret na fone «Politicheskikh dialogov»). *Voprosy vseobshchei istorii i politologii*. Belgorod: BelGU, 1997, s. 57–82.

Leskinen, M. V. *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki nacional'noi ideologii Rechi Pospolitoi*, Moscow: ISIRAN, 2002, 178 s.

Marignola, J. “Česká kronika.” *Kroniky doby Karla IV*, Praha: Svoboda, 1987, s. 446–515.

Orzechowski, S. *Mowy Stanisława Orzechowskiego*, Sanok: Pollak, 1855, 138 s.

Orzechowski, S. *Wybór pism*, Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1972, 641 s.

Orzechowski, S. *Żywot i śmierć Jana Tarnowskiego*, Sanok: Pollak, 1855, 150 s.

Ivan P. Ridel

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

“Poland is the state of the chosen people”: The image of the Polish kingdom
in the speeches of Stanisław Orzechowski

The author analyzes the records of the speeches of the outstanding Polish speaker and publicist of the Sarmatian era Stanisław Orzechowski, given before the Sejm and the King (1540s). The Polish nobility is depicted in them as a people chosen by God for keeping “the golden liberty” and protecting Europe from Islamic aggression. In an effort to motivate the nobility and the King to take military action against the Turks, he portrays Poland as “new Rome and Athens.” He idealizes the Polish society, opposing it to the “Turkish kingdom.” However, this does not prevent him from sharply criticizing his contemporaries for not being ready to serve the cause of the salvation of Christian Europe. Poland for him is the main bastion of Europe: if the Turks defeat the Poles, Europe will not stand. However, if the gentry is obedient to the King and the Catholic Church and is ready to fight against the enemies, they will become the saviors of Christianity. It is difficult to overestimate the influence of these speeches on the author’s contemporaries. The vivid images and ideological clichés he created firmly entered the treasury of Polish thought and formed the basis of the ideology of sarmatianism, as a matrix defining the form of subsequent ideological and historiographical constructs.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, later Middle Ages, 16th century, Stanisław Orzechowski, Sejm, gentry, ideology, sarmatianism, Polish messianism, Sigismund I the Old, Suleiman the Magnificent.

Ислам и мусульмане в «Путешествиях в Святую землю и Египет» князя Николая Радзивилла Сиротки в XVI в.

В записках о путешествии на Восток князя Николая Радзивилла Сиротки отразился взгляд на ислам и мусульман, характерный для мировоззрения польского общества конца XVI — начала XVII в. Речь в данном случае идет не столько о качественных категориях — вопрос о позитивности или негативности сформированного образа остается открытым, — сколько о том, под влиянием каких литературных и интеллектуальных традиций он выстраивается. Важно увидеть саму структуру выраженных в тексте представлений об исламе и мусульманах, под которой подразумевается иерархия повторяющихся мотивов. При этом в данном случае речь идет скорее о мотивах второстепенных — «Путешествие...» не является ни полемическим сочинением, ни произведением, написанным духовным лицом, а значит, автор не касается специально вопросов происхождения ислама, основ исламского вероучения, не сравнивает их с основами христианской религии. Тем не менее, путешествуя и описывая Восток, Радзивилл не может не затрагивать эти мотивы, хотя и не пытаясь их каким-либо образом комментировать. Он как будто не видит в этом смысла, ведь речь идет о чем-то привычном для читателя. Эти «всплывающие» исламские мотивы имеют огромный интерес для исследователя, так как заключают в себе само собой разумеющиеся истины, которые автор выражает на уровне ментальности, часто даже сознательно не преследуя этой цели. Дневники князя оказывали колоссальное воздействие на формирование образа Востока на всем восточноевропейском пространстве вплоть до начала XIX в. и представляют собой поистине уникальный источник. Важным является также вопрос о том, как этот текст повлиял на сохранение и дальнейшее развитие образа ислама и мусульман в польской общественной мысли.

Ключевые слова: *ислам, христианство, свой–чужой, религиозная полемика, Восток, паломничество, Николай Радзивилл, XVII век.*

Данная тема рассматривается нами в рамках более широкой проблематики — вопроса о том, как формировалось представление об исламе и мусульманах в польской общественной мысли на рубеже XVII–XVIII вв. При этом необходимо подчеркнуть, что образ мусульман является только частью общего взгляда поляков на иноверцев.

Записки о путешествиях («хождения» в средневековой русской литературной традиции) являются специфическим жанром, отличным от произведений художественной или полемической литературы. Он подразумевает, что автор действительно сам посетил описываемые им земли и, таким образом, его изложение основано на личном опыте. Важно отметить, что авторы подобных записок не ставят перед собой цель создания произведений антимусульманской направленности, а стараются максимально точно отразить детали собственного путешествия, оставляя ценную информацию географического, политического и этнографического характера, давая возможность читателю познакомиться с описаниями земель, где большинству не суждено побывать, тем более что конечной целью путешествий на Восток, как правило, являлась Святая земля и город Иерусалим — сакральное место для всех христиан.

Образ ислама и мусульман, создаваемый польскими путешественниками, более приближен к реальному и не изобилует многочисленными домыслами и фантазиями, которые характерны для жанра антиисламской литературы. Тем не менее, как будет показано, сами авторы, будучи представителями определенной культуры, не могли освободиться от тех образов, которые были не только частью их воспитания и образования, но и являлись основными элементами для создания представления о «чужом» применительно к Востоку. В то же время их воспоминания послужили основой как для формирования определенного дискурса, релевантного по отношению к Востоку на протяжении нескольких последующих столетий, так и для развития идеологических стереотипов, на основе которых и строился образ ислама для большинства их соотечественников.

Поскольку такие путешествия, особенно применительно к XVII в., оказывались уделом единиц, к запискам о них всегда было приковано особенное внимание, они переводились на иностранные языки и многократно переиздавались. Наиболее красноречивым примером тут служат знаменитые дневники походов в Святую землю князя Николая Радзивилла Сиротки.

Перед читателем предстает множество народов, населяющих ближневосточное пространство, важнейшей отличительной чертой

которых является именно их *количество*. Эта множественность, складывающаяся из многолюдных языческих народов — врагов истинной веры, — характерный мотив средневековых хронистов¹. Наиболее часто встречающийся мусульманский народ в «Путешествии...» — это, конечно же, турки. Их образ на страницах записок обладает определенной двойственностью. С одной стороны, Радзивилл подчеркивает многочисленность народов на Ближнем Востоке, пусть даже зачастую и объединенных мусульманским вероисповеданием. С другой же — продолжает отождествлять исламскую религию с народом, ее исповедующим. Так, под наименованием «турки» выступают как представители турецкого народа, занимающие высшие административные и военные должности в этой части Османской империи, так и «мусульмане» вообще в сравнении с немусульманским населением². Соответственно, можно говорить, что описание народов, исповедующих ислам, по сути, выходит за рамки создаваемого автором образа мусульманина. Очень часто при употреблении термина «турки» в тексте совершенно непонятно, имеет ли автор в виду этническую или же конфессиональную принадлежность. Таким образом, исследуя тексты Радзивилла, необходимо специально выделять те черты, что свойственны именно туркам как народу, и те, что свойственны мусульманам вообще. И если в вопросах религии это не имеет большого значения, потому что турки — все мусульмане, а, соответственно, все мусульмане, за редким исключением, — турки, то в вопросах моральных и физических качеств все не так просто. Так, некоторыми позитивными или негативными характеристиками могут наделяться турки, но не арабы, и наоборот.

В первую очередь турки представляют собой верховную *власть*, но власть крайне слабую и неэффективную. Радзивилл не раз отмечает, что наибольшей властью и «*свободой*»³, в восточном понимании этого слова (речь идет, конечно, о полном беспределе), над всеми другими обладают янычары, намекая на то, что в Османском государстве правит не закон, а сила оружия. Желая обеспечить свою безопасность,

1 См.: *Лучицкая С. И.* Мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 47.

2 *Wajs D.* Nowe spójrzanie na Orient. Pielgrzymka Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła Sierotki do Ziemi Świętej 1582–1584 // *Czornak M., Stasiak A. M., Wajs D.* Podróże kulturowe. Lublin, 2015. S. 36.

3 Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła Pielgrzymka do Ziemi Świętej. Tłómaczona przez X. Andrzeja Wargockiego. Wrocław, 1847. S. 127.

путники постоянно пользуются охраной нанятого отряда янычар, что сделал и Радзивилл по совету самого короля Речи Посполитой Стефана Батория. В этом видится, с одной стороны, своеобразный оммаж в адрес короля как просвещенного правителя, олицетворяющего «свободу» с точки зрения сарматской идеологии, с другой — подчеркивание автором записок *бесправия* в землях турецкого султана, которое известно даже польскому королю, озабоченному безопасностью одного из своих вельмож. Так, в Османской империи многочисленными поборами облагалось не только посещение сакральных мест, но даже и человеческая смерть — за всех умерших подданных империи немусульманского исповедания султану должен был быть уплачен налог. Став свидетелем кровавой стычки между арабами-кочевниками и нанятыми им провожатыми — бедуинами (маврами), Радзивилл с удивлением отметил, что его опасения о каре за убийство беспочвенны. Ему объяснили, что «каждый убийца, который хочет убить, может это сделать без какого-либо опасения и хлопот»⁴. В глоссах этот пассаж именуется «странным законом». Здесь же стоит упомянуть тему рабства, живо интересующую князя. Один венецианский купец рассказывал ему, что людей, выкупленных из рабства, редко ожидает хорошая судьба. Якобы за то время, что торговец жил в Каире, из двух тысяч выкупленных только полсотни были «хорошими людьми». Остальные занимались либо разбоем, либо воровством, либо убийствами, за что турки их казнили⁵. Таким образом, жизнь в мусульманском рабстве, помимо самого факта лишения свободы, поразительным образом меняет бывших христиан, обнаруживая в них самые негативные качества, и в конце концов им не остается иного выхода, кроме как принять ислам.

Передвигаясь по пространству Ближнего Востока, турецкие купцы и янычары сами вынуждены пользоваться услугами арабов-маронитов, то есть христиан, для защиты от нападений мусульман — арабов и «сарацинов» (бедуинов), в противном случае те, по словам автора, нападают на турок, грабят их и убивают⁶. Справиться с ними турки совершенно не могут, так как те ведут кочевой образ жизни. В другом месте комментатор-иезуит прямо утверждает, «что арабы сильнее, чем турки»⁷, более того, последние просто *боятся* их. Сам

4 Ibid. S. 111.

5 Ibid. S. 194.

6 Ibid. S. 25.

7 Ibid. S. 35.

турецкий султан опасается своих арабских подданных⁸. Янычар-извозчик, нанятый путниками, услышав о близости арабов-разбойников, проявил «несомненные признаки тревоги и страха: он побледнел, задрожал и даже не мог говорить», ибо известно, что арабы «скорее христиан, нежели турок, оставляют в покое»⁹. Таким образом, *страх*, в том числе и перед собственными подданными, становится отличительной чертой как турецкого общества, так и власти.

Взаимодействие с местной турецкой властью происходит исключительно посредством взяток, подарков и поборов. Радзивилл даже называет эту *жадность* до денег врожденной чертой турок, удивляясь, когда приходится встречать честного и не алчного мусульманина¹⁰. Эта страсть распространена настолько, что ради нее турки готовы идти на нарушение собственных законов, в том числе в вопросах религии. Так, за взятку князю со спутниками удалось посетить Сионскую горницу, место, где проходила Тайная Вечеря, куда вход христианам был запрещен¹¹. Впрочем, жадность является отличительной чертой не только турок, но и арабов, что делает ее одним из качеств, характерных для всех мусульман. Радзивилл пишет, что арабов, «как голодных разбойников, удобно ублажить подарками»¹². К этому средству прибегает даже турецкий султан, подкупающий арабских «гетманов», чтобы они не объединились против него¹³. Христиан также интересуют богатства, но этот интерес объясняется в первую очередь общественной пользой. Так, путешественники во главе с Радзивиллом проявляют внимание к судьбе «огромной» казны храма Гроба Господня, «благочестием государей христианских наполненной»¹⁴.

Турки склонны к *вероломству*: охранные грамоты, полученные Радзивиллом и его спутниками от турецкого султана, не гарантируют безопасности, так как последний тут же высылает требование арестовывать людей с такими грамотами¹⁵. Один из путешественников, которого Радзивилл встретил по возвращении домой, рассказывал, что турецкий паша, взявший у него взятку, тут же приказал бросить его

8 Ibid. S. 34–35.

9 Ibid. S. 43.

10 Ibid. S. 107.

11 Ibid. S. 93.

12 Ibid. S. 35.

13 Ibid. S. 34–35.

14 Ibid. S. 60.

15 Ibid. S. 221.

в тюрьму¹⁶. Вероломство распространяется не только на иноверцев, но также и на других мусульман. Когда султан Ассан (Осман) решил построить самую красивую и большую мечеть в Каире, то сделал это за счет своих подданных, обманув их¹⁷.

При этом христианам довольно легко удается обманывать турок, которые оказываются не очень прозорливыми или даже *глупыми*. Нередко помощь им в этом оказывают местные евреи. К примеру, при первом посещении Гроба Господня турки приняли повара из свиты князя за монаха, что позволило тому избежать оплаты за посещение святыни¹⁸. Еврей-мытник в Каире, услышав, что пилигримы приехали из Польши, отзывает подчиненных ему турок, желавших пожить имущественно путников¹⁹. Точно так же поступает другой еврей при отъезде князя и его спутников из Египта: «симпатизируя христианам», он обманывает турок и тем самым помогает Радзивиллу вывезти две мумии, что запрещено турецкими законами²⁰. Любопытно, что отсутствие законности в турецком государстве стимулирует христиан к постоянному нарушению установленных правил и порядков. Они, будто не воспринимая все происходящее всерьез, соревнуются с турками в многочисленных попытках так или иначе обойти любой закон.

Радзивилл скептически описывает мусульманские религиозные ритуалы. Отмечая, что турки верят, будто купание в Силоамской купели исцеляет телесные недуги, и каждый день в ней моются, князь добавляет, что, впрочем, они приписывают *всякой* воде духовное очищение²¹. В Египте почитание воды приобретает даже языческие черты: так, князь описывает некий пруд, содержащий в себе «сладкую воду». Турки верят, «что достаточно глупо», будто в нем водятся «священные рыбы». Кормят их турки жиром, а вокруг пруда «сидят колдуны и некие чары творят»²².

Отличительной чертой именно турок является *жестокость*, проявляемая в первую очередь по отношению к христианам. Новый иерусалимский санджак-бей, имея «жестокое сердце», приказал на своих глазах убить всех монахов, пришедших поздравить его с назначением,

16 Ibid. S. 203.

17 Ibid. S. 164–165.

18 Ibid. S. 44.

19 Ibid. S. 135–136.

20 Ibid. S. 207.

21 Ibid. S. 58.

22 Ibid. S. 119.

за исключением двадцати человек, которые ему особо понравились. Расправа мотивировалась тем, что ему неприятно смотреть на такое множество гяуров, которые, к тому же, могли замыслить недоброе²³.

Даже если турки проявляют благородство по отношению к христианам, то это чувство неискреннее. Получив защиту от знатного турка, Радзивилл отмечает, что представители этого народа склонны к «мнимому милосердию»²⁴. В данном случае это выразилось в том, что князь со спутниками были вынуждены принять защиту турка. В противном случае последний мог бы воспринять отказ как оскорбление и поступить с путешественниками несправедливо. Турки, таким образом, выступают в этой ситуации в качестве людей обидчивых и гордых.

Также *коварство*, как оказалось, свойственно всем мусульманам, а не только туркам. К его проявлению можно отнести случай заманивания турками князя с его спутниками на территорию «храма Соломона»²⁵. При этом смеющиеся турки, передававшие свое приглашение через переводчика, отлично знали, что христианин, вошедший в мечеть, должен либо принять ислам, либо заплатить большую дань, а тот, кто войдет в Аль Аксу и не «обрежется», заплатит своей жизнью²⁶. Арабский эмир «из Листру и Дербени» Мухаммед, «радуясь неудачам турок в Персии», одновременно пытается ублажить турецкого пашу дарами, стараясь расположить его к себе²⁷. «Сантон» (дервиш), едущий на осле по Каиру, вымогает у путников деньги, угрожая донести паше, что они лазутчики и что-то высматривают в городе.

Образ арабов, созданный Радзивиллом, временами имеет уникальные характеристики, отличаясь от «общемусульманского» и соответственно, от тождественного ему в большинстве случаев образа турок. Живущие родоплеменными «ордами» под руководством «гетманов», которые зачастую приобретают ореол «благородных разбойников», арабы, которых опять же «тысячи», нападают и убивают

23 Ibid. S. 85–86.

24 Ibid. S. 26.

25 Речь идет о мечети Аль-Акса, которая является одним из ключевых мусульманских святынь Иерусалима. Христианские писатели долгое время считали ее, а также мечеть Куббат ас-Сахра остатками храма Соломона, отсюда и путаница.

26 Ibid. S. 107.

27 Ibid. S. 122.

турецких купцов, грабят османские провинции. При этом, якобы, христиан они не трогают, христианских купцов пропускают через свою территорию, и лишь с жителей Триполи собирают дань²⁸. В действительности же все складывается не совсем так: князь со спутниками неоднократно подвергались угрозе быть ограбленными и убитыми именно арабами, и спасение Радзивилла объясняется в одной из глосс не иначе как «заступничеством Господа по отношению к своим»²⁹. «Арабские разбой» упоминаются Радзивиллом в качестве одного из препятствий, стоящих на пути у пилигримов в достижении Святой земли, наряду с войнами, мором, болезнями и бедностью³⁰.

В описании Радзивиллом внешнего вида арабов иногда проявляются признаки дегуманизации «чужого». Полуголые мавры-арабы при свечах мерзко и никчемно прыгают и танцуют³¹. Эмир Мухаммед, белый араб, которого Радзивилл уничижительно именует «короликом», имел «толстое лицо и плохое зрение»³². Человек «суровый и жестокий», он ведет жизнь, «плохую со всех сторон»³³. При всем великом множестве народа, живущего в Египте, только каждый третий имеет здоровые глаза³⁴. При этом, когда в тексте идет описание противостояний арабов с турками, ситуация кардинально меняется. Тот же эмир Мухаммед, выступая против турецкого султана в защиту своих прав, тут же именуется «смелым и усердным молодцем», противостоящим султанской «непристойности»³⁵. Таким образом, можно сделать вывод, что арабы предстают в лучшем свете, только когда речь идет об их сравнении с турками и султаном.

Общей для всех мусульман оказывается и страсть к *помпезности*, торжественности, любовь к излишествам. В глоссах она даже именуется «поганской помпезностью» и, имея, как видно, религиозную коннотацию, связывается с примитивностью, нецивилизованностью нехристианских народов. Так, с «помпезностью» vezли турки принявшего ислам монаха, демонстрируя всем превосходство ислама над христианством. Такая же «помпезность» была свойственна некому

28 Ibid. S. 34–35.

29 Ibid. S. 91.

30 Ibid. S. 115.

31 Ibid. S. 122.

32 Ibid. S. 121.

33 Ibid. S. 121–122.

34 Ibid. S. 140.

35 Ibid. S. 121.

«египетскому королю»³⁶, который выстроил роскошный дворец, часто пировал в нем, наполняя сладкой водой купели и выставляя еду на мраморных террасах, и при этом наблюдал за всеми со стороны³⁷. Египетский паша имел обыкновение с огромной свитой с «помпезностью» ездить по городу, хвалясь своим достатком перед народом³⁸.

Моральное несовершенство мусульман в сравнении с христианами становится особенно явным при описании бывших христиан, по тем или иным причинам принявших ислам. Так, некий грек с Кипра, который, по слухам, был человеком храбрым и при обороне Никосии «много турок своей собственной рукой убил», «обрезавшись», выдал путешественников местному кади, сообщив, что они пытаются покинуть Триполи, не дав взятки³⁹. Католический священник, принявший ислам, сделал это не из религиозных побуждений, а из-за страха быть казненным за свои преступления. Теперь он, отрезав себе пути назад, собирается ехать к брату, чтобы «терпеть с ним и доброе и злое». Брат бывшего священника также принял ислам, руководствуясь меркантильными интересами, однако не преуспел в жизни. Служивший Радзивиллу в Каире янычар, родом из Швейцарии, стал мусульманином не столько ради денег, сколько ради возможности пить за столом вино⁴⁰.

Довольно важным аспектом образа мусульман при конструировании образа «чужого» является их отношение к христианам. Христиане подвергаются бесконечным унижениям и притеснениям, которые выражаются как в конкретных действиях, так и вербально — к примеру, турки называют христиан «псами»⁴¹. Мавры, живущие в Раме, по словам автора, — выдающиеся негодяи и главные неприятели христиан⁴². По пути через Дамаск оказалось, что «в больших турецких городах» христианам запрещено ездить верхом. Толпы людей «с криками окружили князя и его спутников, плевали и кидались камнями и если бы не янычары, то наверняка бы их разорвали»⁴³. Сам Радзивилл объяс-

36 Вероятно, речь идет о мамлюкском султানে Египта Кансух аль-Гаури (1441–1516).

37 Ibid. S. 162.

38 Ibid. S. 139.

39 Ibid. S. 20–21.

40 Ibid. S. 191.

41 Ibid. S. 37.

42 Ibid. S. 112.

43 Ibid. S. 28–29.

няет такой холодный прием тем, что в этой части Османской империи практически не бывает христианских путешественников и купцов из Европы⁴⁴. Таким образом, создается впечатление, что в восточных провинциях империи отношение к христианам еще хуже, поскольку жители означенных земель не имеют возможности узнать их ближе и руководствуются только своей религиозной ненавистью к ним. При этом данный сюжет озаглавлен характерной глоссой «Знай народ безбожный».

Уже в Иерусалиме, по пути к развалинам дворца Пилата, слуга Радзивилла случайно нарушил негласное правило — зашел на теневую сторону улицы, предназначенную только для мусульман, где случайно задел одного из турок. При этом с соседних улиц начали сбегаться люди, чтобы бить христиан⁴⁵. Как утверждали монахи, такое случается в Иерусалиме регулярно, и за несколько лет до приезда князя со спутниками были убиты несколько пилигримов, не желавших уступить туркам дороги. Встретив на своем пути санджак-бея, путники «по обычаю пилигримов, сошли с коней и низко склонили головы»⁴⁶. Таким образом, можно говорить, что при путешествии в Святую землю пилигримам религиозному смирению сопутствует смирение по отношению к унижениям со стороны местных мусульман.

Во время путешествия по Египту также оказалось, что местные жители промышляют грабежами и не гнушаются убивать христиан⁴⁷. Возле горы Сион располагалось армянское кладбище, огороженное каменной стеной, «чтобы от турок кости христианские в успокоении лежали»⁴⁸.

Впрочем, турки иногда проявляют и человеколюбие по отношению к христианам. Так, они оказали путешественникам помощь во время бури при подходе к Александрии⁴⁹, а также защищали их от агрессии фанатичной толпы⁵⁰.

Основным камнем преткновения во взаимоотношениях христиан с мусульманами является вопрос доступа первых к святым местам. Ситуация осложняется тем, что многие из них являются священными

44 Ibid. S. 28.

45 Ibid. S. 70–71.

46 Ibid. S. 41.

47 Ibid. S. 133.

48 Ibid. S. 58.

49 Ibid. S. 22.

50 Ibid. S. 29.

также и для мусульман. При этом турки выступают с позиции силы, и если к некоторым сакральным местам, особо важным для ислама, христианам доступ воспрещен, то мусульмане имеют возможность посещать любые христианские святыни. Так, часовня на месте, где был обрезан Иисус, находится в ведении католиков, но из-за того, что турки имеют право войти в нее, строение стараются особо не украшать⁵¹. Ограничения налагаются и на отдельные религиозные практики, в частности на колокольный звон⁵². Монахи воспринимают это как жертву, которую они приносят, чтобы иметь возможность «под Божественным покровительством молиться за всех христиан на посрамление всех поганных и еретиков»⁵³. Паломников специально предупреждают, чтобы они не плевали в тех местах, которые почитают турки⁵⁴.

К большинству святых мест христиане, тем не менее, имеют доступ. Во некоторых случаях, как, например, регулярное христианское богослужение в доме, где проживало Святое Семейство во время бегства в Египет, это определяется некоей старой традицией, «которая нигде и не записана»⁵⁵. Чаще же всего за поклонение святым местам турки требуют платить налог, который имеет характер поборов. Те, кто живут ближе к Иерусалиму, платят меньше, те, кто дальше, — больше. Радзивилл утверждает, что турецкий султан ежегодно получает от паломников до 30 тысяч цехинов⁵⁶. В Дамаске местные арабы-марониты выплачивают ежегодную дань паше, чтобы иметь возможность свободно исповедовать христианскую религию⁵⁷.

Вход в Иерусалим христианам разрешен только через определенные ворота⁵⁸ — «*arud portam Piscium*», в то время как мусульмане заходят через Дамасские⁵⁹. При этом христиан обыскивают, проверяя, не везут ли они каких-либо товаров, и отнимают у них оружие⁶⁰. В не-

51 Ibid. S. 77.

52 Ibid. S. 86.

53 Ibid. S. 64.

54 Ibid. S. 94.

55 Ibid. S. 161.

56 Ibid. S. 99.

57 Ibid. S. 30.

58 Глосса — «Каков обычай въезда в него чужим» (*Jaki zwyczaj wejścia do niego obcym*). Ibid. S. 43.

59 Ibid. S. 43.

60 Ibid.

которых местах, где живет особенно много турок, христиане опасаются выказывать свою набожность. К примеру, место, где Понтий Пилат предъявил Иисуса Христа фарисеям, находится посреди широкой улицы, где турки «гурьбою прогуливаются», поэтому христиане не могут преклонять колени, только лишь проходить мимо, читая молитву⁶¹.

Сами турки, в свою очередь, могут осквернять сакральные места для христиан. Так, к примеру, они, когда им это вздумается, позволяют себе въезжать на лошадях в христианские храмы⁶². При входе в усыпальницу иудейских царей христиане вынуждены ставить охрану, так как мусульмане часто заваливают вход и избивают там христиан⁶³. Радзивилл сетует, что со времени начала правления «жестоких язычников» монашеская жизнь на Ближнем Востоке замерла⁶⁴. Монахи-бернардинцы вынуждены даже проводить ротацию насельников каждые шесть месяцев, так сильно они страдают от турецких притеснений⁶⁵.

Зачастую поступки турок основаны на личной неприязни, которую они испытывают к христианам. Так, один кади под страхом смерти ограничил им доступ на Елеонскую гору, место вознесения Иисуса Христа, будучи не в состоянии вынести, как христиане на стенах мечети, вознесенной на месте церкви, рисовали кресты⁶⁶. Не смогли паломники посетить и дом Лазаря в Вифании, так как турок, живший там, был большим противником христиан⁶⁷. Впрочем, по свидетельству Радзивилла, не лучше турки относятся и к евреям. Они называют их «никчемным народом» и избивают палками когда захотят, удивляясь, как такой великий Пророк и Святой Дух, как Иисус Христос, не смог от этого «грязного мусора» себя спасти⁶⁸.

В своих дневниках Радзивилл практически не упоминает турецкого духовенства. Пожалуй, наиболее обстоятельным является описание одного из его представителей, которого он называет «турецким патриархом», используя сугубо христианскую терминологию применительно к мусульманским реалиям. Скорее всего, речь в данном случае идет о

61 Ibid. S. 70.

62 Ibid. S. 76–77.

63 Ibid. S. 96.

64 Ibid. S. 91.

65 Ibid. S. 76.

66 Ibid. S. 68.

67 Ibid. S. 72.

68 Ibid. S. 68.

муфтии. Человека этого Радзивилл неоднократно встречал на улицах Каира, по которым последний разъезжал на гнедой мулице в сопровождении семи сыновей. Помощник его, «подпатриарх», — человек настолько «в своей колдунской вере ревностный, что плевал на проходящих мимо христиан, что-то шепча себе под нос, вероятно, их проклиная»⁶⁹.

На страницы дневников попадает описание дервишей. Радзивилл делит их на две группы, называя одних «сантонами», а других «маслочниками».

«Сантонов» Радзивилл встречал как в Дамаске, так и в Каире. Ходят они полунагие, некоторые настолько бесстыдные, что «не прикрывшись вовсе по улицам бродят». В Каире князь стал свидетелем отправления культа одним из молодых дервишей. Молодой человек, держа крестообразно руки и обратившись к солнцу, «странно» и «мерзко» смотрел на него, временами совершая поклоны, и шатался «как сумасшедший». Над другим Радзивилл и его спутники откровенно посмеялись, видя, как он «глупо и бесстыдно возле собственного живота хлопаючи играл». Мусульмане считают за великую удачу, если дервиш что-то у них украдет, благодаря его за это земными поклонами. Местные христиане, а также некоторые мусульмане, утверждали, что нагие дервиши посреди дня пристают к женщинам, привлекая их своим непристойным шептанием⁷⁰.

«Маслочники» получили свое название из-за того, что они употребляют маслок — отвар из трав наркотического действия⁷¹. В Египте Радзивилл даже стал свидетелем воздействия «маслока» на человека, который, по мнению князя как «сумасшедший», беспорядочно размахивал руками, очевидно находясь в маниакальном состоянии. Продававший «зеленый порошок» турок объяснил паломникам, что он «страдал сильными головными болями», но порошок его чудесным образом «оздоровил»⁷².

Отдельно стоит упомянуть сюжет, который можно условно назвать мотивом «священной войны». Под ним мы понимаем перманентно циркулирующую в тексте идею автора о противостоянии Запада и Востока на религиозном уровне, а также слабо скрываемую ностальгию по «прежним порядкам».

69 Ibid. S. 163.

70 Ibid. S. 158–159.

71 *Stachowski S.* Słownik historyczny turcyzmów w języku polskim. Kraków, 2007.

72 Mikołaja Krzysztofa Radziwiła Pielgrzymka do Ziemi Świętej. S. 156.

Время путешествия Радзивилла относится к периоду временного военного затишья, когда между Османской империей и христианскими государствами установился непрочный мир. В то же время автором нагнетается ощущение постоянно идущего вооруженного противостояния христиан с турками. Причем это противостояние ведется как между Османской империей и отдельными европейскими государствами, так и в плоскости религиозной войны — между турками-мусульманами и христианами. Так, по пути на Святую землю Радзивилл встречает некоего араба-маронита, который рассказывает ему, что был участником сражения, в котором «мужественные христиане с турками бились», а его, узнав, что он христианин, отпустили⁷³. Проплывая через Коринфский залив, князь отмечает, что место это отмечено «славной победой христианского оружия над турками» при Лепанто в 1571 г.⁷⁴

Путешествуя по Палестине, Радзивилл с тоской осматривает руины, вспоминая описание богатых городов и деревень Галилеи, оставленное Иосифом Флавием, где «самая маленькая деревня имела до пятидесяти хлебопашцев»⁷⁵. В подобном же состоянии находятся святыни, связанные с эпохой существовавших на этих землях христианских государств — Восточной Римской империи и государств крестоносцев. Радзивиллу бросается в глаза очевидный процесс их разрушения и профанации, или же замещения их мусульманскими сооружениями. В Иерусалиме Радзивилл и его спутники посещают захоронения королей-основателей Иерусалимского королевства — Готфрида Бульонского и его брата Балдуина I, которые эту «землю Святую из рук поганых вырвали»⁷⁶. Описывая Иерусалимский храм, князь отмечает его внушительные размеры, связанные с необходимостью вмещать в себя не только огромное количество священников, но и все «войско гроба Господня, когда Иерусалим был в руках христиан»⁷⁷.

Александрия в Египте поражает своими большими и красивыми дворцами, которые лежат в развалинах, и только в пятой части бывшего города еще живут люди⁷⁸. В Каире князь обнаруживает огромное

73 Ibid. S. 21.

74 Ibid. S. 230.

75 Ibid. S. 38.

76 Ibid. S. 50.

77 Ibid. S. 104.

78 Ibid. S. 186.

количество дворцов, «в давние времена большим богатством возведенных». Не меньший восторг вызывает у Радзивилла количество «церквей» или «мечетей», с башнями, крышами и без них, которых в Каире он насчитал шесть тысяч восемьсот. Большинство, по его словам, построили некогда христиане, теперь же, когда государство это перешло в «безбожные руки сарацин», египтяне здесь хоронят своих близких и единоверцев⁷⁹.

Отдельно стоит отметить мотив предрасположенности Бога к христианам в ущерб мусульманам, который был распространен в полемической литературе и, конечно, играл важную роль в конструировании образа иноверцев. В записках Радзивилла этот сюжет призван в очередной раз доказать превосходство и праведность христианства в сравнении с другими религиями. Так, к примеру, Господь с регулярностью насылает на Египет и Ближний Восток моровое поветрие, которое повторяется с периодичностью раз в несколько лет, что, по мнению князя, может служить примером расположения к христианам, которым Господь показывает свою милость⁸⁰. А отъезжая от Вифлема, путники проезжают место, где ангел разбил войско ассирийцев, спасая еврейский народ⁸¹. По словам Радзивилла, оно по-прежнему «удивления достойно», поскольку дольше трех дней здесь ни один «обрезанный» прожить не может. Два местных араба подтвердили это, поведав, что на первый день нападает сильная головная боль, на второй — опухает все тело. Но стоит только покинуть это место, как здоровье непременно возвращается⁸². Таким образом, мусульмане в данном сюжете отождествляются с ассирийцами — народом, покоренным волей Господа, а христиане — с евреями, народом богоизбранным. Можно сделать вывод, что как описание Святой земли сочетает действительность с ветхозаветными мотивами, так и образ мусульман сочетает реальный образ с воображаемым.

Несмотря на то, что образ ислама в «Дневниках...» носит скорее негативный характер, Радзивилл отмечает общие черты у ислама и христианства. И речь идет не только о наличии общих сакральных мест. Мусульмане, к примеру, признают за Иисусом Христом статус

79 Ibid. S. 137.

80 Ibid. S. 6.

81 «Вышел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто семьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот, все тела мертвые» (Ис. 37: 36).

82 Mikołaja Krzysztofa Radziwiła Pielgrzymka do Ziemi Świętej. S.80.

«великого пророка» и, соответственно, достоверность всех событий, описанных в Новом Завете вплоть до Страстей Христовых. Это касается факта рождения Христа Богородицей, евангельского сюжета о воскрешении Лазаря⁸³ и т.д. Отмечается наличие у мусульман некоего подобия Чистилища⁸⁴ и поста — Рамадана. Что же касается Страстей Христовых, то мусульмане не признают их достоверности, смеются над христианами, говоря, что Иисус, как великий пророк и дух Божий, просто соединился с небесами и не мог быть распят таким никчемным народом, как евреи⁸⁵.

В то же время Радзивилл называет ислам «ложной верой»⁸⁶ или «турецкой верой». Помимо этого, довольно часто им используется название «Магометова вера» в противовес «вере Христианской». Довольно характерным примером тут будет описание религии друзов, которых Радзивилл называет «христианами», но отмечает, что они, как «поганые», во всяком самовольстве живут и ничем не отличаются от турок, кроме того, что не делают обрезания. У них также (как и у турок) свой собственный пророк, которого они зовут «Измани» и который, на манер Мухаммеда, свою собственную «мерзкую и своевольную веру выдумал», приказав ее хранить. Соответственно, принятие ислама представителями других религий (в первую очередь христианами) воспринимается как «потурчение» или «обрезание». Сам акт «обрезания» интерпретируется не только как свидетельство связи ислама и иудаизма, но и как еще одно доказательство «искусственности», а значит и ошибочности ислама, якобы созданного пророком Мухаммедом из нескольких религий, в первую очередь христианства и иудаизма. Сам обряд обрезания, описываемый Радзивиллом в истории об обратившемся в ислам монахе, был совершен «за мясными лавками в одной каморке» и принес неопиту «большую грусть», от которой он, по слухам, чуть не умер⁸⁷. У читателя, привыкшего к торжественности обрядов христианского крещения и конфирмации, обстоятельства принятия ислама должны были вызывать, как минимум, недоумение. Такое же недоумение у князя и его путников вызвал сам ритуал, совершаемый всякий раз, «когда христианин турчится». Глоссы же и вовсе именуют факт обращения христианина в ислам «несчастливым

83 Ibid. S. 66.

84 Араф.

85 Mikołaja Krzysztofa Radziwiła Pielgrzymka do Ziemi Świętej. S. 68.

86 Ibid. S. 68.

87 Ibid. S. 117–118.

случаем» и «триумфом с потурченцем», а непосредственно в тексте записок он назван «несчастливым триумфом». Так, уже упоминавшегося монаха в течение всего дня «с помпой и триумфом» под зелеными знаменами Мухаммеда, к которым привязаны были хвосты «морских коней», трубами и барабанами водили по улицам в сопровождении янычар. При этом сам монах никакого счастья от принятия ислама не испытывал: когда кади возлагал на его голову феску, он плакал, и «только Господь знает, что он имел в своем сердце в этот момент». Внешний вид его также является отражением происходившего с ним «несчастия»: бывший монах сидел на коне, которого вели под уздцы янычары и которым он не умел управлять, держась за седло. Итогом принятия ислама стало разочарование новообращенного, ибо никаких преимуществ он не получил: деньги пришлось отдать за церемонию, а дорогие одежды вернуть. В итоге он сам удивлялся, что на него нашло, послужив причиной для принятия данного решения⁸⁸. Таким образом, можно сказать, что если христианство — это религия «любви»⁸⁹ и «счастья»⁹⁰, то ислам — грусти и разочарования. Христиане не понимают мотивации человека, желающего принять ислам. При этом этого не понимают и сами мусульмане: сам кади спрашивает о серьезности этого желания несколько раз. В русском переводе текста «Путешествий...», изданном в XVII в., добавлен переписчиком вопрос: «аще ли трезв, или пьян есть»⁹¹, подразумевающий, что христианин в трезвом уме вряд ли на такое решится. Все, что ислам обещает — материальные блага и спасение после смерти, — все является обманом. Сюжет с принявшим ислам монахом, вероятно, настолько поразил польских читателей, что практически без изменений вошел во многие более поздние произведения. Так, к примеру, его можно встретить в «Описании Европейской Сарматии» А. Гваньини⁹².

88 Ibid. S. 117–118.

89 «...Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4: 16).

90 «Всегда радуйтесь» (Послание апостола Павла; 1 Фес. 5: 16).

91 Похождение в Святую Землю князя Радивила Сиротки. Приключения чешского дворянина Вратислава. Рязань, 2009. С. 128. О переводах «Путешествия в Святую землю и в Египет в 1582–1584 гг.» князя Радзивилла см.: *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 54.

92 *Guagnini A.* Kronika Sarmacyey Europskiej: w ktorey się zamyka królestwo Polskie ze wszystkimi Państwem, Xięstwem, y Prowincyami swemi:

Радзивилл и его спутники отмечают большое количество суеверий, связанных с исламским вероучением. Так, турки держат закрытым проезд, через который Иисус въехал в Иерусалим на осле, говоря, что откроет его только «великий царь», который станет после этого править всем миром. На вопросы, почему бы турецкому султану не проехать через эти ворота, сами турки боятся давать ответ⁹³. Отрицая события Страстей Христовых, мусульмане, по словам Радзивилла, «свою ошибку скорее сказками, чем разумной речью подкрепляют»⁹⁴.

В попытках утвердиться в своей «языческой слепоте» они обращаются к заклинаниям и чернокнижникам. Мусульмане уверены, что пятница — когда они «развлекаются» в мечетях — это день, в который христиане обязательно попытаются вырвать Святую землю из их рук. Поэтому по пятницам турки удваивают стражу, закрывают все городские ворота, а в Иерусалимский замок не пускают христиан вообще. Помимо этого, турки боятся, чтобы их не сглазили: они обтирают чем-то своих коней, боясь, как бы христиане, посмотрев на них, им не навредили⁹⁵. В Иерусалиме вход христианина в мечеть Аль Акс карается смертью, поскольку мусульмане считают, что место это даровано Богом. Соответственно, христианин, вошедший туда, мог бы попросить Бога о возвращении Святых мест, и его желание было бы исполнено. Радзивилл поражается «слепоте этих бедных людей». Христиане, в свою очередь, спрашивают мусульман, почему же им самим не попросить Бога, чтобы тот уничтожил весь христианский народ. На что мусульмане либо молчат, «либо бьются головами»⁹⁶. Некоторые же говорят, что «недостойно просить такое у Бога»⁹⁷.

В Египте князь, желая привезти домой что-то необычное для своей коллекции, покупает несколько мумий. Оказалось, что, по мнению мусульман, мумия — это «языческое тело», вместе с которым погребают идолов, а души их и тела охраняются дьяволами, поэтому вносить их на корабль запрещается. При этом сам Радзивилл видит истинную причину в том, что турки их просто «используют для сво-

tudzież też Wielkie Xięstwo Lithew[skie], Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Inflant-skie, Moskiewskie, y część Tatarów... Kraków, 1611. S. 703–704.

93 Mikołaja Krzysztofa Radziwiła Pielgrzymka do Ziemi Świętej. S. 69.

94 «Ten swój błąd prawie bajką, a nie rozumną mową wspierają». Ibid. S. 68.

95 Ibid. S. 169.

96 Имеется в виду, вероятно, суждуд — земные поклоны, совершаемые в благодарность Аллаху.

97 Ibid. S. 107–108.

их магических заклятий» и боятся подобного же применения мумий христианами на погибель Османской империи⁹⁸.

Турки боялись обсуждать тему праведности своей религии, говоря, что «тот, кто о султанах или о вере хочет дискутировать, должен быть наказан за оскорбление закона Магометова»⁹⁹. При этом у них развит и некий фатализм. Так, они не пытаются спасти свои жизни во время морового поветрия, повторяющегося раз в семь лет, говоря, что раз это Божья кара, то никого она не минет, и нужно быть ей послушным. И, в свою очередь, смеются над христианами, старающимися уберечься от мора¹⁰⁰.

Радзивилл подчеркивает приверженность мусульман своей религии. Приверженность эта может быть формальной, как в случае с «потурчившимся» католическим монахом, так и вполне искренней. При этом некоторые проявления мусульманской набожности трактуются князем как проявление «сумасшествия». Даже наблюдавшееся им турецкое благочестие совершенно не освобождается от тех негативных черт, которые свойственны мусульманам, что также профанирует и сам ислам в целом. Турки почитают и целуют камень, на котором отпечаталась нога Спасителя, когда он вознесся на небо¹⁰¹. При этом они также почитают лавку, на которую уселся отдохнуть султан Селим I после того, как захватил Каир¹⁰².

Потомки пророка Мухаммеда, которых путешественники встречали несколько раз, отличаются от обычных людей цветом своей чалмы — зеленой. Радзивилл отмечает, что «не все из них господа, а кто-то даже хлеба может не иметь». В Дамаске он видел человека в зеленой чалме, который был «полураздетый и работал на городской кухне подавальщиком еды»¹⁰³. Таким образом, критерием святости на Востоке являлся, по наблюдениям князя, внешний вид, будь то отсутствие волос или цвет чалмы, — оказывавшийся весьма непрезентабельным и поэтому не совпадавшим с его представлениями о святости.

Интересовали Радзивилла также подробности захоронения пророка Мухаммеда в Мекке, при этом он воспроизводил в своих запи-

98 Ibid. S. 207.

99 Ibid. S. 69.

100 Ibid. S. 141.

101 Ibid. S. 67.

102 Ibid. S. 167.

103 Ibid. S. 32.

сках классический западноевропейский миф о том, что гроб с телом пророка «сделан из железа» и висит в воздухе за счет камня-магнита. Легенда эта должна была подчеркнуть лжепророчество Мухаммеда, который таким образом и после своей смерти пытался поддерживать в мусульманах распространявшиеся им заблуждения. Турки, побывавшие в Мекке, убеждали Радзивилла, что это обман зрения: якобы гроб пророка вознесен на тонких столбах, которые издали не видны из-за недостатка света¹⁰⁴. Таким образом, Радзивилл не опровергал достоверность легенды, оставляя посыл о лжепророчестве Мухаммеда и его желании одурачить людей неизменным, меняя в ней лишь некоторые подробности.

Созданный Радзивиллом образ мусульман хоть и не является однородным, вбирая в себя отдельные черты, присущие отдельным народам (туркам, арабам), но вполне вписывается в традицию, характерную для произведений католической полемической литературы. Мусульмане наделяются множеством негативных характеристик, основы исламского вероучения и фигура пророка Мухаммеда во многом профанируются и изобилуют большим количеством домыслов. На страницах своих дневников автор постоянно подчеркивает ненависть мусульман к христианам, их святыням и те притеснения, которым христиане подвергаются на Святой земле, а также создает перед читателем впечатление непрекращающейся религиозной войны за освобождение святых мест. Оценивая созданный Радзивиллом образ «другого», стоит также поставить вопрос: насколько образ иноверца в «Путешествиях...» отразил влияние и мировоззрение иезуитов, редактировавших авторский текст, и в какой степени в нем присутствуют идеи протестантизма, в котором был воспитан сам Радзивилл до своего перехода в католичество. Ответ на них — задача дальнейших исследований текста «Путешествий» князя Николая Радзивилла Ситротки.

Источники и литература

Лучицкая С. И. Мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 412 с.

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы. СПб.: Нестор-история, 2008. 248 с.

104 Ibid. S. 36–37.

Похождение в Святую Землю князя Радиви́ла Сиротки. Приключения чешского дворянина Вратислава. Источники истории. Рязань: Александрия, 2009. 450 с.

Guagnini A. *Kronika Sarmacyey Europejskiej: w ktorey się zamyka królestwo Polskie ze wszystkiemi Państwami, Xięstwami, y Prowincjami swemi: tudzież też Wielkie Xięstwo Lithew[skie], Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie y część Tatarów...* Kraków: Drukarnia Mikołaja Loba, 1611. 718 s.

Mikołaja Krzysztofa Radziwiła *Pielgrzymka do Ziemi Świętej*. Tłumaczona przez X. Andrzeja Wargockiego. Wrocław: nakładem Zygmunta Schlettera, 1847. 252 s.

Stachowski S. *Słownik historyczny turcyzmów w języku polskim*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2007. 518 s.

Wajs D. *Nowe spójrzanie na Orient. Pielgrzymka Mikołaja Krzysztofa Radziwiła Sierotki do Ziemi Świętej 1582–1584 // Czornak M., Stasiak A. M., Wajs D. Podróże kulturowe*, Lublin: Werset, 2015. 142 s.

References

Guagnini, A. *Kronika Sarmacyey Europejskiej: w ktorey się zamyka królestwo Polskie ze wszystkiemi Państwami, Xięstwami, y Prowincjami swemi: tudzież też Wielkie Xięstwo Lithew[skie], Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie, y część Tatarów...*, Kraków: drukarnia Mikołaja Loba, 1611, 718 s.

Luchitskaya, S. I. *Musulmane v hronikah krestovych pohodov*, Saint Petersburg: Aleteia, 2001, 412 s.

Mikołaja Krzysztofa Radziwiła *Pielgrzymka do Ziemi Świętej*. Tłumaczona przez X. Andrzeja Wargockiego, Wrocław: nakładem Zygmunta Schlettera, 1847, 252 s.

Nikolaev, S. I. *Polsko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv. Bibliograficheskie materialy*. Saint Petersburg: Nestor-istoriia, 2008, 252 s.

Stachowski, S. *Słownik historyczny turcyzmów w języku polskim*, Kraków: Księgarnia Akademicka, 2007, 518 s.

Pohozhdenie v Syvatiuu Zemliu knyazia Radivila Sirotki. Priklucheniia cheshskogo dvorianina Vratsislava. Istochniki istorii. Ryazan': Aleksandriia, 2009, 450 s.

Wajs D. *Nowe spójrzanie na Orient. Pielgrzymka Mikołaja Krzysztofa Radziwiła Sierotki do Ziemi Świętej 1582–1584*. Czornak, M., Stasiak, A. M., Wajs, D. *Podróże kulturowe*. Lublin: Werset, 2015, 142 s.

Nikolay K. Misko
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The Islam and Muslims in the “Travel to Holy Land, Syria and Egypt 1582–1584” by *Nikołaj Krzysztof “The Orphan” Radziwiłł*

Nicholas Radziwiłł’s notes of the journey to the East reflected on Islam and Muslims reflected the ideas about Islam and Muslims, typical for the worldview of Polish society in the late 16th — early 17th century. In this case, the question is not so much about quality categories — the problem of the positivity and negativity of the formed image remains open. It is rather about the literary and intellectual influence of traditions in construction of this image. Thus, it was important for us to see the structure of the ideas, by which we mean a hierarchy of repeating motives. In this case, we are talking more about secondary motives — “The Travel...” is neither a polemic essay, not a clergyman’s essay, which means the author did not concentrate on the origin of Islam, or the foundations of Islamic doctrine, or comparison with the doctrine of the Christian religion, and writes about this only in passing. Nevertheless, traveling through the East and describing it, Radziwiłł cannot avoid mentioning these. But often he does not try to comment on this in any way, as if he does not see the sense, because he is writing about something understandable to the reader. These “emerging” motives are of great interest to the researcher, as they contain truths taken for granted back at the time. The diaries of the prince had a great impact on the formation of the image of the East throughout the entire East European space until the beginning of the 19th century and is a truly unique source. Thus, the issue of how this text influenced the preservation and further development of the image of Islam and Muslims in Polish public thought is also important for us. Keywords: *Islam, Christianity, friend or foe, religious controversy, Orient, peregrination, Radziwiłł, 18th century.*

Вопрос о Правобережной Украине на русско-польских переговорах 1672 года

Раскол Украинского гетманства в 1660-х гг. привел к складыванию новой политической ситуации, когда Левобережная Украина постепенно трансформировалась в особое политическое образование в составе Русского государства, а на Правобережье, формально оставшемся под властью Польши, усиливалось турецко-татарское влияние. Правобережный гетман П. Д. Дорошенко официально признал власть османского султана, но при этом продолжал вести переговоры с Россией о переходе в царское подданство, заявляя, что не желает подчиняться Речи Посполитой, которая нарушает казацкие «вольности» и преследует православных. В условиях назревания конфликта между Османской империей и Речью Посполитой Россия попыталась дипломатическим путем добиться присоединения Правобережной Украины. На проходивших в конце 1671 — 1672 г. переговорах русские представители указали польско-литовским партнерам на предыдущие обязательства сторон по Московскому договору 1667 г. добиваться возвращения правобережных казаков под власть Речи Посполитой в первую очередь путем переговоров. Однако польско-литовские дипломаты настаивали, что необходимо подчинить Дорошенко силой. Воспользовавшись их отказом от исполнения ранее данных обязательств и получая сведения об угрозе польско-турецкой войны, Россия выдвинула собственные претензии на земли Правобережья как способ оторвать Дорошенко от власти османов. Однако полученные в Москве сведения о его возможном сговоре с левобережным гетманом Д. Многогрешным и аресте последнего привели к снятию этого вопроса с повестки русско-польских переговоров.

Ключевые слова: *Россия, Речь Посполитая, Османская империя, Правобережная Украина, украинское казачество.*

Хорошо известно, что судьба Правобережной и Левобережной Украины с конца 60-х гг. XVII в. складывалась по-разному. Левобережная Украина, несмотря на ряд сложностей и конфликтов, постепенно становилась особым политическим образованием в составе Русского государства. Правобережная Украина являлась формально частью польско-литовского государства, но правобережный гетман Петр Дорошенко фактически его власти не подчинялся, и на Правобережье постепенно усиливалось влияние Крыма и Османской империи. В 1669 г. ему были присланы от султана знаки власти. Речь Посполитая была вынуждена мириться со сложившимся положением, но оно вызывало все более растущую тревогу в политических кругах Варшавы.

Одновременно уже в 1667 — начале 1668 г. в Москву поступил ряд заявлений от самого Петра Дорошенко и его подчиненных, что правобережный гетман вынужден сотрудничать с татарами и османами, так как в Речи Посполитой православная вера подвергается «гонениям», а казацкие «вольности» нарушаются. Одновременно давалось понять, что Правобережье могло бы перейти под власть царя Алексея Михайловича, если он обеспечит защиту от «безбожных ляхов»¹. В Москве было хорошо известно о «гонениях» на православных в Речи Посполитой, поэтому глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин отнесся к этим заявлениям с определенным доверием.

Рассчитывая на взаимопонимание и поддержку со стороны Дорошенко и правобережного казачества, А. Л. Ордин-Нащокин разработал план действий, исходивший из того, что в обмен на помощь Речи Посполитой в борьбе с экспансией османов и татар удастся добиться согласия польско-литовской стороны на присоединение Правобережья к Русскому государству. Первые шаги по осуществлению этого плана ему в известной мере удалось осуществить при заключении в конце 1667 г. Московского договора между Россией и Речью Посполитой.

Соглашение предусматривало заключение между этими государствами военно-политического союза против Османской империи и Крыма, когда царь обязался в случае нападения османов направить на Украину армию из 5 тыс. конных и 20 тыс. пеших людей, которые должны будут соединиться с войсками Речи Посполитой между

¹ *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 258, 293–295.

Днепром и Днестром². Одновременно там указывалось, что царь и король обратятся к казакам, «призывая их о возвращении в подданство и обнадеживая их всяким милосердием». Далее говорилось, что казаки должны отступить от союза с «бусурманами» «за обыскою обоих государей или которого ни есть из них»³. Употребление этой формулы в Москве трактовали так, что составители договора «волю казакам дали, кого они захотят к себе принять и в послушании быть», а их выбор будет выбором в пользу России. Получив поддержку в борьбе с османами, Речь Посполитая будет вынуждена согласиться на мирное присоединение Правобережной Украины к России⁴. Задуманный план не был осуществлен, так как польско-литовская сторона не соглашалась с таким толкованием договора, и Петр Дорошенко не последовал за своими обещаниями.

К 1672 г. стали складываться благоприятные условия для повторения этой политики. В начале 70-х гг. XVII в. наступило обострение отношений Правобережного Гетманства с Речью Посполитой. Магнаты и шляхта добивались возвращения своих владений, а Петр Дорошенко не шел на уступки. Осенью 1670 г. власти Речи Посполитой признали законным гетманом Правобережья одного из противников Дорошенко — уманского полковника Михаила Ханенко⁵.

Осенью 1671 г. начались военные действия, когда армия во главе с Яном Собеским заняла ряд городов Правобережья⁶. Это, однако, привело к опасному конфликту с Османской империей, расценившей нападение на владения подданного султана как разрыв мирных отношений. Султан угрожал начать войну весной следующего года⁷. Осенью 1671 г. в Москву направились «великие» послы во главе с Яном Гнинским просить военной помощи против османов в соответствии с Московским договором⁸. В Москве к этому времени уже знали, что в случае войны с османами у Речи Посполитой нет союз-

2 Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание 1-е. Т. 1. С. 728–731.

3 Там же. С. 733–734.

4 См. об этом: Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа... С. 281–283.

5 *Perdenia J.* Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000. S. 236–239.

6 *Ibid.* S. 293–298.

7 *Ibid.* S. 300–301.

8 Об отправке посольства см.: *Wójcik Z.* Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968. S. 262, 273–274.

ников, и в стране назревает глубокий внутривластный кризис⁹. Было очевидно, что в таких условиях страна будет нуждаться в русской помощи.

В то же время в Москву через греческого архиепископа Манасию обратился Петр Дорошенко. Он заявлял, что вынужден был выступить против поляков для защиты своего народа и своей церкви и ему пришлось подчиниться власти султана, так как Россия не хотела его принять; но он и казаки и теперь желают, чтобы Алексей Михайлович принял их под свою государскую руку «как прочую их братью... на сей стороне Днепра»¹⁰.

Русско-польские переговоры самого конца 1671 — 1672 гг. как важное событие в истории межгосударственных отношений в Восточной Европе привлекали к себе определенное внимание. Их краткая характеристика дана в «Истории» С.М. Соловьева¹¹, который ограничился сжатым изложением ряда выступлений сторон, не дав к ним какого-либо комментария. Значительное место уделено этим переговорам в исследовании польского историка З. Вуйцика, который дал подробную характеристику переговоров, основанную на источниках, исходивших от обеих сторон¹². Вместе с тем следует отметить, что на переговорах главным сюжетом для обсуждения стал вопрос о союзе против османов, и закономерно ему польский исследователь уделил главное внимание. Дебаты по украинскому вопросу он также отмечал, но специальному анализу их не подверг, возможно, потому, что ему не были известны планы, которые связывал А. Л. Ордин-Нащокин с заключением Московского договора в декабре 1667 г. Поэтому данный вопрос нуждается, как представляется, в специальном рассмотрении.

Хотя на переговорах действительно главным сюжетом стал вопрос о помощи Речи Посполитой в связи с наступлением османов, они на-

⁹ См. подробнее: *Флоря Б. Н.* Посольство И. И. Чаадаева в Речь Посполитую (1671 г.) и судьба русско-польского союза // Исторический вестник. М., 2013. Т. 6 (153). С. 8–17.

¹⁰ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1877. Т. 9. № 93–94. Стб. 390–397. См. также: *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6. Т. 15. Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича. С. 171–173.

¹¹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI. С. 405–410.

¹² *Wójcik Z.* Między traktatem... S. 276–300.

чались с проблемы привлечения к участию в русско-польских дипломатических дискуссиях украинских представителей (речь шла прежде всего о посланцах левобережного гетмана). Этот вопрос русская сторона поставила на встрече 23 декабря 1671 г.¹³ Как отметил З. Вуйцик, послы Речи Посполитой это предложение отклонили, указывая, что такие представители станут «по своему казацкому украинскому нраву выговаривать неучтиво», «к бесчестью» королевского величества¹⁴. К этому было присоединено другое важное заявление: «милость обоих великих государей украинские духовные и мирские люди преступали и ныне к нынешнему договору призывать их не надобно, а приводить непослушных обоим великим государем к послушанию и от турецкого подданства отвратить таким способом, как написано в Московском договоре», то есть военными силами обоих государств¹⁵.

На следующей встрече, 28 декабря, русские представители не согласились с таким пониманием Московского договора. Они заявили, что в соответствии с этим соглашением следовало «казакком украинским для допросу и объявления им своей государской милости назначить время и место и допрашивать их о том, кто под обороною какого великого государя быть похочет, толко от бусурман отлучились» (довольно точное цитирование текста соглашения). Между тем «до сего времени такого допросу не учинено». Поэтому московские дипломаты спрашивали польско-литовских послов: «такому допросу быть надобно ль и буде надобно и в которое время»¹⁶.

Послы снова заявили, что ничего не нужно и жителей Правобережья следует «проводить в послушание войсками»¹⁷. При последующей дискуссии русские представители указывали, что нормы договора не выполнялись, никакого «допроса» казаков перед представителями обоих государей не было сделано. Теперь это следовало исправить: «не назнача времени и места, не призвав» и не объявив «обоих великих государей милосердия инако приводить к послушанию невозможно»¹⁸.

13 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 141. Л. 336 и сл.

14 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 141. Л. 338об.–339; *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 279.

15 Там же. Л. 340об.–341.

16 Там же. Л. 364об.–365.

17 Там же. Л. 365. Эта часть обмена мнениями в исследовании З. Вуйцика отсутствует.

18 Там же. Л. 368–369.

В дальнейшем русская сторона продолжала настаивать на проведении такого «допроса» и поставила перед послами конкретный и очень неприятный вопрос: если бы на таком «допросе» Дорошенко объявил «от королевского величества какое неисправление в вере ево Дорошенкову подданству учинилось, на чем его королевское величество при коронации своем обещался, и тем он, Дорошенко, от королевского подданства был бы уволен»¹⁹.

Эти высказывания показывают подход русского правительства к сложившейся на Правобережье ситуации. Польско-литовской стороне ясно давалось понять, что действия Дорошенко вызваны к жизни религиозными гонениями, и это в известной мере их оправдывает. С другой стороны, делался определенный намек, что конфликт может быть разрешен с переходом Правобережья под русскую власть, когда гонений на православных не будет. По понятным причинам на поставленный вопрос послы не отвечали, но заявили, что никаких гонений на православных в Речи Посполитой нет, а Дорошенко «противен не в вере, а в подданстве»²⁰. Заявления, касавшиеся религиозной жизни в Речи Посполитой, как справедливо отметил З. Вуйцик²¹, совсем не соответствовали реальному положению дел, и в Москве о гонениях были достаточно хорошо информированы²².

По окончании встречи послы передали советникам царя «письмо» с подробным изложением и обоснованием своей позиции. Они приводили сведения о тесной связи Петра Дорошенко с «бусурманами». Он «от бусурманского не отступил защищения, знаки от них гетманские принял», «силу бусурманскую в государства коронные ввел». Все это дает достаточное основание, чтобы оба государства направили войска «на очищение от татар Украины и еже непослушных привести к послушанию казаков», «как скорее быти может». Иначе договор будет «аки мертв»²³.

¹⁹ Там же. Л. 371.

²⁰ Там же.

²¹ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 289–290.

²² Еще 7 января 1669 г. архиепископ черниговский Лазарь Баранович писал в Москву Симеону Полоцкому, что «православие наше в Короне и в Литве так угнетено, что едва сносить может». См.: [*Лазарь Баранович*]. Письма пресвященного Лазаря Барановича с примечаниями. 2-е изд. Чернигов, 1856. № 55. С. 65.

²³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 141. Л. 385–387. Ср.: *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 280.

Приведенные аргументы советников царя не убедили. После следующей встречи, 1 января, послам было вручено письмо, где снова повторялось, что «общего допросу и успокоения украинского народу не учинено» и для этого «надобно назначить время и место»²⁴.

Определенный итог этому этапу переговоров был подведен русской стороной на встрече, состоявшейся 9 января 1672 г. Здесь русские представители снова заявили, что Дорошенко подчинился султану, «видя... в вере греческой гонения, а послать против Дорошенко войско невозможно». Для этого были указаны две важные причины. Во-первых, такие действия побудят султана напасть на «обои государства». Во-вторых, в этом случае есть опасность, чтобы «сее стороны Днепра казаки, сослався с Дорошенко, не учинили б какие шатости»²⁵. Отказ участвовать в таком походе был зафиксирован и в «письме, врученном послам»²⁶.

«Письмо» содержало перечень мер, направленных на преодоление назревающего кризиса. Речь шла о поисках помощи у христианских государей и совместном предложении царя и короля султану сохранять мир. Наряду с этим отмечалось, что Алексей Михайлович направит грамоту Дорошенко, чтобы от «турского салтана отлучился» и вошел в состав Речи Посполитой, где бы не было «в греческой вере утеснения и гонения» и «вольностей наданных им не нарушали». Речь не шла при этом только о каких-то соответствующих декларациях польско-литовских властей. Далее указывалось, что, если эти обещания будут нарушены, «и он бы Дорошенко и все Войско Запорожское прислали о том к великому государю нашему... с истинным свидетельством в гонении веры»²⁷. Таким образом, в этой новой конструкции отношений в регионе царь должен был стать своеобразным посредником между Речью Посполитой и правобережным гетманством и гарантом соблюдения определенных норм отношений. Это, разумеется, вело бы к укреплению разнообразных связей между Русским государством и Правобережной Украиной.

В «письме», поступившем в Посольский приказ 15 января 1672 г., послы, обойдя молчанием русское предложение, утверждали, что никаких «гонений» на православных в Речи Посполитой нет, а что ка-

24 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 141. Л. 404об.–405.

25 Там же. Л. 483.

26 Там же. Л. 487.

27 Там же. Л. 501–502; *Wójcik Z. Między traktatem...*, s. 287–288.

сается Дорошенко, «уж несть в мочи ево оторватися от бусурман»²⁸. К этому времени закончился первый этап переговоров, когда обсуждался прежде всего вопрос о совместных действиях против «непослушных» казаков Правобережья и на первый план выдвинулся вопрос о борьбе с османской опасностью. На встрече, состоявшейся 15 января, польско-литовские послы заявили, что «салтан войска своего 20 000 яничар к рубежам Коруны Полской уже послал»²⁹. Положение Речи Посполитой серьезно осложнилось, и это позволило русской стороне выдвинуть более радикальные предложения, касавшиеся Правобережья. Русские представители заявили, что когда Дорошенко будет «обнадежен» царской грамотой, он ей поверит и нужно, чтобы король и Речь Посполитая «принять ево, Дорошенка, царскому величеству к себе в подданство поволители, чтоб конечно всякими способы от турского салтана ево... отвратить»³⁰. Так был поставлен вопрос уже прямо о переходе Правобережья в состав Русского государства. В подтексте этого предложения содержалось пока не высказанное утверждение, что таким путем Речь Посполитая сможет избежать опасной войны с Османской империей.

К обозначенному вопросу русские представители вернулись на следующей встрече, 25 января. Они заявили, чтобы король «поволил» Алексею Михайловичу «Дорошенка принять... от турского подданства под свою государскую высокую руку», и добивались ответа на это предложение. Очень важной следует считать их декларацию, что царь мог бы так поступить и без королевской санкции, но он «учинити того, не обослався сь его королевским величеством, не изволил»³¹.

Тем временем в Москву поступил ряд важных известий. Смоленский воевода И. А. Хованский сообщил 5 февраля, что у короля была рада, на которой приняли решения «управлятися з Дорошенком и своевольными казаки так, как приведены в послушание царского величества изменники»³² (имелись в виду участники восстания Степана Разина). Вместе с тем было очевидно, что такая политика ведет к войне Речи Посполитой с османами. Сомнений не оставляла

28 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 141. Л. 582.

29 Там же. Л. 589.

30 Там же. Л. 592–592об. Это заявление на встрече 15 января в исследовании З. Вуйцика не упоминается (*Wójcik Z. Między traktatem... S. 290*).

31 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 141. Л. 652–652об.; *Wójcik Z. Między traktatem... S. 292*.

32 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 141. Л. 694–694об.

грамота великого везира коронному подканцлеру А. Ольшевскому, в которой говорилось, что казаки — подданные султана и нападения на них в Стамбуле расцениваются как разрыв мирных отношений с Османской империей³³.

В этих условиях в конце февраля польским послам в Москве было передано «письмо о Дорошенке»³⁴. Оно начиналось с утверждения, что левобережный гетман Демьян Многогрешный передал Алексею Михайловичу просьбу П. Дорошенка и казацкой старшины о переходе под власть царя, чтобы избавиться от «гонений» в веру. И сам Дорошенко пишет в Москву, что он «поддался турецкому салтану» из-за этих «гонений». Поэтому следует освободить Дорошенка от власти Речи Посполитой и «ево тем от турецкого подданства отвратить». И в этих условиях царю его «принять, отвращая от турецкого подданства, мочно». Тем самым у султана отпало бы какое-либо основание для войны с Речью Посполитой, и он не решится вести войну, если христианские государи будут действовать совместно. Ответ послов был получен 8 марта. Здесь отмечалось, что «его царскому величеству не мошно и не годитца Дорошенка, яко изменника... в защищение принять»³⁵.

На этом, однако, дело не прекратилось. На встрече 11 марта русские дипломаты снова подняли этот вопрос. Они заявили также о своем желании пригласить представителей левобережного гетмана Демьяна Многогрешного, чтобы они «те речи слышали и чтоб они Дорошенка обнадеживали, что царское величество его жалуует, в подданство к себе присвоает»³⁶.

Обсуждение продолжилось 12 марта. Польско-литовских послов убеждали, что от перехода правобережного гетманства под власть царя Речи Посполитой «от наступления турецкого великая будет помочь и прибыль». Если это произойдет, то у султана «будет опасение великое» и он «от войны отвратитца»³⁷.

Таким образом, на протяжении зимне-весенних переговоров русская сторона, используя трудное положение Речи Посполитой, настойчиво добивалась сначала признания правобережного гетманства политическим образованием, связанным с Россией особыми

33 Там же. Л. 717–718об.

34 Там же. Л. 737–738об.

35 Там же. Л. 788об.

36 Там же. Л. 800–800об.

37 Там же. Л. 817–818.

отношениями, а затем и согласия польско-литовской стороны на его присоединение к Русскому государству. Следует особо отметить последние заявления советников царя, что Россия может принять Дорошенко под царскую руку и без санкции со стороны Речи Посполитой. Вероятно, в Москве полагали, что в том положении, в котором находилась к этому времени Речь Посполитая, погружавшаяся в серьезный внутривосточный кризис, она вряд ли сможет серьезно воспрепятствовать такому шагу³⁸. У сложившейся ситуации была и другая сторона. Присоединив Правобережье, теперь уже Россия должна была оказаться на пороге серьезного конфликта с Османской империей. Очевидно, в Москве были готовы пойти на это. В этой связи следует обратить внимание на отмеченные З. Вуйциком сообщения послов об обширных военных приготовлениях в России³⁹. Как представляется, в данном случае как раз и учитывалась возможность серьезного конфликта с османами.

На встрече 12 марта украинская тема на русско-польских переговорах оборвалась, и связано это было с событиями, происходившими на Левобережье. На предыдущих встречах, говоря о готовности и Петра Дорошенко, и правобережной казацкой старшины перейти под русскую власть, советники царя ссылались на сообщения, поступавшие от левобережного гетмана Демьяна Многогрешного. Между тем в ночь с 12 на 13 марта 1672 г. он был арестован левобережной старшиной, которая обвинила его в тайном соглашении с Дорошенко о переходе под власть султана⁴⁰.

26 марта послам Речи Посполитой сообщили об аресте Многогрешного, который «советом з Дорошенко» «похотел быть в подданстве у турецкого салтана», а теперь его «оковали и везут» в Москву⁴¹. Петр Дорошенко снова действовал не в соответствии со своими обещаниями. В таких условиях задуманный в Москве план в отношении Правобережья не мог быть осуществлен. Новая серьезная попытка на этом направлении была предпринята с определенным успехом в 1674 г.

38 На встрече 26 февраля русские представители «объявляли послам о конфедерации против королевского величества» (Там же. Л. 754об.).

39 *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 285.

40 О деле Д. Многогрешного см. подробнее: *Костомаров Н. И. Собрание сочинений...* Кн. 6. С. 190–205.

41 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 141. Л. 823–823об.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография М. Этингера, 1877. Т. 9. 988 стб. +24 с.

Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1905. Кн. 6. Т. 15. Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича. XV+815 с.

[*Лазарь Баранович*]. Письма преосвященного Лазаря Барановича с примечаниями. 2-е изд. Чернигов: Типография Ильинского монастыря, 1856. 256+VII+23 с.

Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Собрание 1-е. Т. 1. 1029+12+1 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Соцэкгиз, 1961. Кн. 6. 683 с.

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. 448 с.

Флоря Б. Н. Посольство И. И. Чаадаева в Речь Посполитую (1671 г.) и судьба русско-польского союза // Исторический вестник. Т. 6 (153). М., 2013. С. 8–17.

Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków: Universitas, 2000. 502 s.

Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1968. 324 s.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (Moscow), fond 79. Snosheniya s Pol'shej, op. 1, kn. 144.

Akty, otnosiashchiesia k istorii Yuzhnoj i Zapadnoj Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoi komissiei, t. 9. Saint Petersburg: Tipografia M. Ettingera, 1877, 988 stb. + 24 s.

Kostomarov, N. I. Sbranie sochineniĭ. Istoricheskie monografii i issledovaniia, Ruina. Getmanstva Bruhoveckogo, Mnogogreshnogo i Samoĭlovicha. Saint Petersburg: Tipografia M. M. Stasiulevicha, 1905, kn. 6, t. 15, XV+815 s.

[Lazar' Baranovich]. *Pis'ma preosviashchennogo Lazaria Baranovicha s primechaniiami*, 2-e izd. Chernigov: Tipografiiia Il'inskogo monastyria, 1856, 256+VII+23 s.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, t. 1, sobranie 1-e. Saint Petersburg: Tipografiiia II otdeleniia Sobstvennoĭ ego imperatorskogo velichestva kanceliarii, 1830, 1029+12+1 s.

Solov'ev, S. M. *Istoriia Rossii s drevneĭshih vremen*. Otv. red. L. V. Cherepnin, Moscow: Socekgiz, 1961, kn. 6, 683 s.

Floria, B. N. *Vneshnepoliticheskaya programma A. L. Ordin-Nashchokina i popytki ee osushchestvleniya*. Moscow: Indrik, 2013, 448 s.

Florya, B. N. "Posol'stvo I. I. Chaadaeva v Rech' Pospolituui (1671 g.) i sud'ba russko-pol'skogo soiuza". *Istoricheskiĭ vestnik*, t. 6 (153), Moscow, 2013, s. 8–17.

Perdenia, J. *Hetman Piotr Doroszenko a Polska*. Kraków: Universitas, 2000, 502 s.

Wójcik, Z. *Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1968, 324 s.

Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The issue of Right-bank Ukraine
during the Russian-Polish negotiations of 1672

The split of the Ukrainian hetmanship in 1660s lead to a new political situation when Left-bank Ukraine gradually transformed into a distinct political phenomenon within the Russian state, and on the Right-bank, which formally was under the Polish rule, the Turkish and Tatar influence started growing. The Right-bank hetman P. D. Doroshenko recognized the authority of the Ottoman sultan, but at the same time continued the negotiations with Russia about a possible transfer under the Tsar's authority. He underlined that he did not want to be a subject of Rzeczpospolita that violated the Cossack freedoms and persecuted the Orthodox. Under these circumstances, when a conflict between the Ottoman Empire and Rzeczpospolita was growing, Russia tried to take over the Right-bank Ukraine using diplomatic measures. At the talks in the end of 1671–1672, the Russian representatives pointed out to their Polish and Lithuanian counterparts to the early obligations of the sides according to the Moscow treaty of 1667. According to these, the sides committed to returning the Right-bank Cossacks under the rule of Rzeczpospolita by negotiations. However, the Polish and Lithuanian diplomats insisted that Doroshenko has to be subdued by force. Russia took

advantage of their refusal to fulfill the obligations. When information about a possible Polish-Turkish war was received, Russia claimed the Right-bank lands to tear the Right-bank hetman from the Ottomans. But the information about a possible collusion between Doroshenko and the Left-bank hetman D. Mnogogreshny, and the arrest of the later, ended up in removing this issue from the agenda of the Russian-Polish talks.

Keywords: *Russia, Rzeczpospolita, Ottoman Empire, Right-bank Ukraine, Ukrainian Cossacks.*

УДК 94(470)«18» + 94(477)«18»
ББК 63.3(2)512

М. А. Киселев
Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)
Я. А. Лазарев
Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)

**Военно-служилые корпорации Юго-Запада
и мобилизационная политика российского правительства
в 1740-е — начале 1760-х гг.**

В статье рассматривается влияние геополитической конкуренции на положение военно-служилых корпораций Юго-Запада России. На основании анализа мобилизационных возможностей военно-служилых корпораций авторы приходят к выводу об их относительной эффективности исключительно в геополитической ситуации обороны, а не наступления. Наименее эффективной в плане военных и гражданских мобилизаций оказалась Гетманская Украина, несмотря на льготы и послабления со стороны российского правительства. Особенно это контрастировало с высоким уровнем боеготовности казаков Войска Донского. Отсутствие мотивации к реформированию военно-служилых корпораций вплоть до середины 1760-х гг. объясняется наличием у правительства серьезных алармистских настроений перед угрозой со стороны Крыма и Турции, несмотря на сохранявшийся мир на южных границах. В этих условиях сохраняла актуальность система обороны, опиравшаяся на ресурсы и структуры военно-служилых корпораций юго-запада. Этому же способствовала и активизация российской внешней политики в Центральной Европе. После завершения для России Семилетней войны, прихода к власти Екатерины II и утверждения во внешней политике плана Н. И. Панина по созданию «Северной системы» возникли благоприятные условия для перехода к наступлению на южном направлении. В свою очередь, это ставило на повестку дня российского правительства как вопрос о сохранении военно-служилых корпораций, доказавших свою эффективность,

Исследование подготовлено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00083 («Геополитическая конкуренция как фактор административных и социальных трансформаций на Юго-Западе Российского государства в XVIII в.»).

так и вопрос о ликвидации тех, которые с точки зрения центральных властей не выполняли своих функций, с использованием высвободившихся ресурсов для усиления регулярной императорской армии.

Ключевые слова: *геополитическая конкуренция, Российская империя, Крымское ханство, казачество, Гетманская Украина, Слободская Украина, Войско Донское, однодворцы, Украинский ландмилицейский корпус.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.1.05

На протяжении нескольких столетий Юго-Запад Российского государства оставался очагом напряженности, поглощавшим людские и материальные ресурсы государства. В течение XVI в. главным источником опасности, исходившей с юго-западного направления, стало Крымское ханство, за спиной которого находилась могущественная Османская империя. Российское правительство в противостоянии крымской угрозе с конца XVI в. вело строительство засечных черт, с которым было связано испомещение в регионе тысяч служилых людей и формирование из их числа системы т. н. разрядов (сначала Украинного, а затем Белгородского и Севского). Испомещенные служилые люди, основную массу которых составляли дети боярские / дети боярские украинцы, верстались в разные виды служб — гарнизонную, сотенную, рейтарскую, драгунскую, солдатскую, а также несли государственные повинности в натуральном, денежном или отработочном виде. В период после Смуты (с середины 20-х гг. XVII в.) испомещенные служилые корпорации усилились украинскими казаками, бежавшими из Речи Посполитой в пределы Российского государства, из которых в 50-е гг. XVII в. сформировались слободские казачьи полки (Слободская Украина). В это же время в результате восстания Б. М. Хмельницкого подданными российского царя становятся (с 1654 г.) казаки Войска Запорожского реестрового (Гетманская Украина), чей мобилизационный потенциал позволял российской стороне отчасти компенсировать издержки от геополитической конкуренции и обороны юго-западных рубежей. Кроме того, следует упомянуть, что рядом со Слободской Украиной находились земли Войска Донского, составлявшие еще один элемент в защите от крымско-турецкой угрозы.

Военно-административные и фискальные преобразования Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны внесли ряд корректив в сложившуюся систему обороны. Значительная часть великороссий-

ских служилых людей была объединена в социально-фискальную категорию однодворцев¹, из числа которых с начала 1730-х гг. стали комплектоваться полки ландмилиции, объединенные затем в *Украинский ландмилицейский корпус*. Именно на него в итоге была возложена главная обязанность по обороне южного пограничья с Крымским ханством. При этом на смену старым засечным линиям пришла *Украинская линия*, обязанность по обороне которой была возложена на девять из двадцати ландмилицейских полков корпуса, специально поселенных при линии. Ландмилицию могли усиливать расквартированные в регионе регулярные драгунские полки, а также гарнизоны крепостей, в том числе находившиеся на Гетманской Украине. При этом продолжали сохранять свое значение для обороны как военные формирования последней, так и слободские казаки. Более того, для усиления защиты юго-запада в начале 1750-х гг. на землях, смежных с Гетманской и Слободской Украинами, на схожих с австрийскими граничарами условиях², были переселены православные колонисты с Балкан, основавшие Новую Сербию и Славяносербию. И, конечно же, своеобразный левый фланг обороны продолжал удерживаться Войском Донским. Получалось, что до середины 1760-х гг. оборона юго-западных рубежей Российской империи по преимуществу опиралась на ресурсы и структуры военно-служилых корпораций, имевших разный правовой статус и социально-экономические особенности. Однако в царствование Екатерины II военно-служилые корпорации юго-запада ожидали драматические преобразования вплоть до их ликвидации. Самым ярким и наиболее известным в историографии примером является упразднение особого статуса Гетманской Украины³.

1 Об истории категории однодворцев и историографии по теме подробнее см.: *Lazarev J.* Однодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в. // *Sahiers du monde russe*. 2014. Vol. 55. № 3–4. P. 215–234.

2 См.: *Кирпичёнок А.* Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб., 2007; *Кандаурова Т. Н.* Военные поселения в Европе и России XVIII–XIX веков // *Новая и новейшая история*. 2010. № 5. С. 98–100.

3 К сожалению, в изучении мобилизационной политики в отношении Гетманской Украины присутствует определенный дисбаланс. Более-менее изученным периодом остается первая треть XVIII в., особенно 1730-е годы. См., например: *Репан О. А.* Іржа на лезі: лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735–1739 років. Київ, 2009; *Петрухинцев Н. Н.* Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014.

В историографии произошедшие изменения тракуются примерно в одном ключе — отмеченные военно-служилые корпорации не вписывались в логику развития Российской империи. В национальных историографиях (прежде всего украинской) делается специальный акцент на противостоянии унифицирующей все и вся «Империи» и национальных государственных проектов, которые целенаправленно уничтожались российской стороной. Однако при такой трактовке произошедших трансформаций административных и социальных структур Юго-Запада Российской империи возникает ряд концептуальных проблем. Ключевой водораздел — середину 1760-х гг. — успешно преодолели казаки Войска Донского, чей особый статус пережил саму Российскую империю. Кроме того, на национальную государственность могло претендовать фактически только Войско Запорожское реестровое (Гетманская Украина), чего нельзя сказать про колонистов с Балкан и тем более про однодворцев Белгородской и Воронежской губерний. Более того, если допустить наличие некой унифицирующей «имперской логики» развития Российского государства, то почему изменения в статусе военно-служилых корпораций юго-запада стали происходить именно с середины 1760-х гг., а не в более раннее время?

Авторы настоящей работы полагают, что при объяснении таких изменений нередко теряется геополитический фактор, который, собственно, и способствовал формированию и функционированию такой пестрой военно-административной структуры Юго-Запада Российской империи. Соответственно, ключевыми аспектами для понимания происходивших с начала 1760-х гг. трансформаций в регионе могут являться геополитический расклад сил, его осмысление в европейском внешнеполитическом контексте российской правящей элитой, формировавшей определенные ожидания и планы, и соответствие этим ожиданиям и планам мобилизационных ресурсов военно-служилых корпораций в 1740-х — начале 1760-х гг. Победа России в войне с Турцией 1735–1739 гг. закрепила новую конфигурацию сил в регионе, и именно в ее рамках и должны были формироваться предпосылки изменений 1760-х гг.

Примечательно, что восприятие военной угрозы на юго-западных рубежах, равно как проводимые мобилизационные мероприятия в отношении отмеченных военно-служилых корпораций юго-запада и их эффективность в 1740-х — начале 1760-х гг., изучены весьма фрагментарно. В немалой степени это связано как с представлениями о том, что в регионе не происходило значимых военных столкновений, так

и со спецификой источников. Дело в том, что информация с юго-западных рубежей поступала прежде всего в Секретную экспедицию Сената и рассматривалась в особом порядке. Однако историки нечасто обращаются к делопроизводству данного учреждения. В настоящей работе, основанной в значительной степени именно на документах Секретной экспедиции, часть из которых впервые вводится в научный оборот, сделана попытка если не закрыть полностью отмеченную лауну, то предпринять первые шаги в этом направлении.

Крымско-турецкая угроза и геополитическая напряженность на юго-западной границе в 1740-е — начале 1760-х гг.

Несмотря на то, что после 1739 г. и вплоть до середины 1760-х гг. на юго-западных рубежах империи не происходило значимых конфликтов с Крымским ханством и Османской Турцией, российское правительство продолжало считать этот регион источником геополитической напряженности, что получало выражение в соответствующих алармистских настроениях. Они, в свою очередь, продуцировались с помощью весьма примечательного и слабо описанного в историографии механизма военных тревог, то есть комплекса мобилизационных мероприятий, вызванных ожиданием возможного нападения. Одним из важных источников тревог оказывались слухи, циркулировавшие в пограничных районах и периодически доносившиеся до региональных гражданских и военных властей, которые последние транслировали в столицу.

Как правило, отправной точкой оказывалось прибытие какого-нибудь человека из Крыма или с пограничья, который сообщал информацию о возможном татарском нападении. Так, во второй половине декабря 1742 г. коменданту Переволочны бригадиру Д. М. Опочинину пришли следующие сведения из Запорожской сечи: «Декабря 16 дня Запорожского войска Вышестеблевского куреня казак Андрей Ничипоренка, прибыв ис Крыму [...] объявил, что был он в Бакчисарае недель с шесть и стоял на одном дворе с польским послом и уведомился заподлинно, что оной посол польской чрез указ Атаманской порты, хотя хан к тому и не склонен был, упросил в помощь себе крымского, кубанского и нагайского охотного войска, что де он на свои глаза видел, что уже чрез Перекоп перешло с тридцать харногв... и как де он верно осведомился, что будет татар крымских и кубанских до осми тысяч и будут перебиратца Днепр близь Ачакова, да и французской де

посланник имеется в Бакчисарае и имеет с полским согласие». Кроме того, 21 декабря в Переволочну из Крыма прибыл «переволоченской житель Петр Лубенской», который «в гарнизонной переволочинской канцелярии объявил, что жил он для купечества в Бакчисарае дней з десять и видел польского посла, которой де оттуда по прежнему отъехал в Польшу»⁴. Что примечательно, в это время, как отмечает Р. Михнева, Порты, «стремясь не дать поводов к серьезным инцидентам с Россией, [...] неоднократно посылала в Крым строжайшие указы соблюдать мир»⁵. Тем не менее, информация о возможной угрозе нападения была получена и передана в Петербург, где 2 февраля 1743 г. Сенат принял указ, которым предписывалось «велеть как с польской, так и с крымской стороны по силе прежних указов иметь крепкую предосторожность и для того обретающимся тамо полкам и командирам к походу, куда нужда позовет, быть во всякой готовности, а для подлинного разведывания как в Польшу, так и в Крым посылать... нарочных надежных людей». Этот указ был сообщен, соответственно, в Киевскую и Смоленскую губернские канцелярии, в Генеральную войсковую канцелярию и командующему Украинской линией и Ландмилицейским корпусом генералу-поручику А. П. Дебриньи⁶.

Пограничным командирам следовало проявлять особую бдительность, а также организовать сбор разведывательных данных. Соответственно, 22 февраля 1743 г. с Украинской линии под видом купца в Крым был отправлен значковый казак (товарищ) Полтавского полка Иван Мирка, который вернулся оттуда 29 апреля. Он сообщил о своем общении со старшим толмачом, жившим при ханском дворе. Последний его «неоднократно спрашивал, не идет ли с казылбашами российское войско, и очень тово боятца». Касательно сборов войска Мирка узнал, что в Бахчисарае «один паша, и с ним каторой близь моря по левую сторону Кафы, где переход чрез моря из Кубани, и велено ему на стражи там от казылбасов быть, а к польской области войска от них не посыланы, а которые де ходили за Перекоп, и те для строения Кинбурха, при Перекопской крепости хотят линию починять, которая от моря до Сиваша и ров глубея копают так, чтоб из моря в Сиваш вода шла»⁷. Действительно, в это время Османская империя была озабочена

4 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 95. Л. 3–3об.

5 Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739–1756). М., 1985. С. 92.

6 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 95. Л. 4об., 5.

7 Там же. Л. 53.

противостоянием с персидским (иранским) правителем Надир-шахом («кызылбашами»), так что скорее в Крыму беспокоились о возможном нападении с севера, нежели сами готовились к набегу.

Сведения схожего рода поступали также из Речи Посполитой. Посланный туда из Смоленской губернской канцелярии смоленский дворянин Иосиф Краевской утверждал, что польские шляхтичи, с которыми он имел возможность пообщаться, сообщали ему, что «о начатии войны с Российскою империею от поляков намерения, також и о выданных о том никаких манифестов нет, кроме одного того, что опасаются, дабы российское войско не вступило в Польшу, а когда вступит, то б не отобрали под Российскую державу по реку Березу, токмо обнадеживаются тем, что ныне российское войско иметь будет войну якобы с персами и швецкою короною, с которою совокупляется и король дацкой, и в том надеянии будучи не чают те российскому войску быть в Польше»⁸. Примечательно, что когда о результатах такой разведки узнали в Коллегии иностранных дел, то в доношении в Сенат от 18 июня 1743 г. за подписью А. П. Бестужева-Рюмина и М. И. Воронцова Смоленской губернской канцелярии было решено сделать выговор за дилетантскую разведывательную деятельность: «Те посылаемые, возвращаясь из Польши и Литвы, доносят такие ведомости, которые они, езда по разным местам и карчмам, токмо по народному слуху, а хотя у кого и нарочно выспрашивая, то и то без сумнения у подлых людей получают и которые никакого основательства и знания о главных тамошних поведениях не имеют». Более того, в Коллегии иностранных дел полагали, что вообще не следует посылать в Речь Посполитую людей, которые бы стали выспрашивать о возможной войне, «ибо между Польши и России не находится таких причин и распрей, за что б поляки войну против России начинать имели, и такими странными вопросами полякам токмо повод подается разсуждать, якобы Россия от них боязнь и опасение имеет, а когда б поляки паче чаяния иногда войну против России начать вознамерились, что б не могло то скрытно быть и утаитца, понеже по их обыкновению надобно о том им на Генеральном сейме формальное определение постановить, которое бы во всей Польше явно быть могло». И далее указывалось на наличие в Речи Посполитой российского резидента, который и должен «непрестанно разведывать и в Коллегию иностранных дел благовременно доносить»⁹.

⁸ Там же. Л. 45–45об.

⁹ Там же. Л. 56–57.

Таким образом, с точки зрения Коллегии иностранных дел проверка информации о возможном нападении со стороны Речи Посполитой не должна была осуществляться «любителями», отправляемыми приграничными властями. Подобные функции предписывалось исполнять подчиненному коллегии резиденту. Однако такого рода ограничение не распространялось на Крым и Османскую империю. Помимо того, что в Крыму отсутствовал русский резидент, стоит полагать, что в немалой степени руководство русской внешней политики оказывалось под ориенталистскими представлениями о непостоянстве и коварстве восточных народов. Это хорошо демонстрируется военной тревогой, которая случилась уже в 1747 г.

В 1746 г. скончался командовавший Украинским ландмилицейским корпусом А. П. Дебриньи, и на его место был прислан генерал-лейтенант М. И. Философов. Последний, прибыв на место новой службы, 23 августа отправил в Крым для разведки под видом купца отставного ландмилицейского хорунжего «волоской нации» Агапия Круцерескула. Он вернулся 1 декабря и сообщил о том, что видел в Крыму военные приготовления, в том числе прибывшие из Турции корабли с боеприпасами. Кроме того, Круцерескул известил и о своих беседах в Бахчисарае с неким ханским служителем, которого он знал еще до этой поездки. Этот служитель якобы ему говорил о следующем: «Как у турок, так и у татар с Персиею войне минувшею зимою зделалось примирение и все распущены и находятся в их домах, и с того времени поныне войны ни с кем не имеют, только де ныне как турки, так и татары к войне приуготовление чинить начали в намерении итить войною [1]747 году весною на Россию, для чего и в Крым вышепомянутые карабли с воинскими припасами присланы и хан Крымской по повелению турецкого салтана для совету о том отъедет в Царьград». Помимо этого, Философов сообщал в столицу сведения еще и о возможном нападении со стороны Персии, полученные из других источников¹⁰.

Собранные сведения М. И. Философов отправил в Петербург 16 декабря 1746 г., где они были получены и 7 января 1747 г. рассмотрены в Сенате. 9 января сенатским указом Военной коллегии предписывалось велеть «как от крымской и кубанской, так и от персидской сторон и от внезапных либо откуда нападений иметь накрепчайшую... предосторожность и о том з довольным наставлением во все состоящие от означенных сторон российские пограничные

10 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 998. Л. 25–25об.

места и команды строгими указами почасту подтверждать»¹¹. Коллегия иностранных дел, получив такие сведения от Философова, сообщала в Сенат доношением от 16 января 1747 г. за подписями А. П. Бестужева-Рюмина и М. И. Воронцова, что мир между Турцией и Персией действительно заключен. В то же время там не имелось сведений «о слухе в Крыму о намерении Порты к разрыву мира с Россиею и о согласии в том с шахом (Персии. — *М. К., Я. Л.*)». Тем не менее на основании данного слуха в коллегии сочли возможным дать следующий совет: «Что касается до предосторожности от той стороны, она и всегда потребна и толь наипаче ныне, когда сии обе соседние немалые державы в мире и во всякой свободности находятся, на которые и никогда в постоянном от них содержании соседственной дружбы твердо обнадеяться и неукреплены и без обороны границы оставить невозможно»¹².

Как результат, М. И. Философовым были проведены соответствующие мероприятия по приведению подчиненных ему ландмилицейских полков в состояние боевой готовности. Кроме того, к приходу неприятеля должны были быть подготовлены и однодворческие слободы, находившиеся в отдалении от Украинской линии. Туда следовало определить «добрых и надежных офицеров, которым у тамо живущих однодворцов имеющее собственное огненное ружье пересмотреть и, ежели что неисправно, полковыми слесарями исправить, а пороху и пуль довольное число [...] роздать [...] А чего неостанет, то как [...] иметь копыя и насаженныя косы». Кроме того, в состояние боевой готовности были приведены слободские казацкие полки и малороссийский казацкий Полтавский полк, а к крепости св. Михаила выдвинут Молдавский гусарский полк¹³.

В связи с этим примечательно, как М. И. Философов дополнительно объяснял военные приготовления начала 1747 г.: «Хотя о тех намерениях (Турции и Крыма. — *М. К., Я. Л.*), подлинно ль оныя производимы будут, обстоятельно еще неизвестно, однако ж по состоянию тамошняго пограничного места, а особливо соседского лехкомыслия к пристойному охранению крайня осторожность и полкам частыя подтверждения от него генерала-лейтенанта Философова чинятца»¹⁴. Таким образом, Философов вполне разделял пред-

11 Там же. Л. 28.

12 Там же. Л. 65–65об.

13 Там же. Л. 118–121.

14 Там же. Д. 992. Л. 1.

ставления о легкомыслии южных соседей, в связи с чем был готов во всеоружии встретить предполагаемое нападение.

Однако никакого нападения не произошло, так как в Крыму и Стамбуле его никто не планировал. Более того, как отмечает Р. Михнева, весной 1747 г. «в османской столице стали усиленно распространяться слухи о скоплении русских войск вдоль южных границ», что «вызвало серьезные опасения у Порты». При этом «русское правительство предполагало, что эти разговоры — результат французских интриг»¹⁵, хотя, похоже, их причиной могли быть приготовления М. И. Философова. Впрочем, в это время Философов получал из Крыма и иную информацию. Бежавший оттуда бывший пленный утверждал, что «слышал от многих турков и татар, что боятца и находятца в страхе, чтоб Россия на Крым войны не зачала, а мы де никогда сами воевать не будем, а ежели Россия сама зачнет войну, то де мы все пойдем в покорность, нам де и прежняя война скучила (русско-турецкая война 1735–1739 гг. — М. К., Я. Л.)»¹⁶. Тем не менее какое-то время маховик военных приготовлений продолжал действовать. Так, 31 марта 1747 г. состоялся именной указ об отправке генерала Л. А. Бисмарка «для управления главной команды» над войсками на южной границе «для опасности от неприятелей с Турецкой, или Персидской, стороны»¹⁷. В соответствии с инструкцией от 14 мая 1747 г. ему под команду отдавались «обретающиеся все в Украине полевые драгунские полки [...] генерала-майора князя Кантемира с Молдавским гусарским полком; третье: слободские все пять полков с их старшиною; четвертое: гарнизонные: Воронежский, Белгородский и Глуховской; пятое: так же и генерал-лейтенанту Философову [...] со всеми украинскими ландмилицкими полками [...] а сверх же того, чтоб и малороссийские войска во время востребованной нужды»¹⁸. Эту должность командующего Южной «армией», как это пестрое воинство окрестили историки XIX в., Бисмарк отправлял вплоть до своей смерти в Полтаве в 1750 г.

15 Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739–1756). М., 1985. С. 93.

16 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 993. Л. 11.

17 Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в с.-петербургском сенатском архиве, за XVIII век / Сост. П. И. Баранов. СПб., 1878. Т. III. 1740–1762. № 9635. С. 192.

18 Инструкция главноначальствующему фон Бисмарку // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1871. Кн. III. Отд. V. С. 54–56.

На протяжении 1750-х гг. циркуляция слухов о крымско-турецкой опасности продолжалась, порождая соответствующие меры предосторожности. В 1751 г. войска Украинской линии были вновь приведены в боевую готовность¹⁹. Кроме того, местные военные администраторы продолжали регулярно отправлять разведчиков на приграничные польские и крымские территории для сбора информации о возможных военных приготовлениях на южном и юго-западном направлениях²⁰. При этом к началу 1760-х гг. представления о военной угрозе на юго-западных рубежах несколько трансформировались. В 1753 г. в Сенате обсуждался вопрос о переносе Украинской линии и, соответственно, строительстве новых укреплений. Однако «для нынешних движений войск», происходивших в Европе в связи с возможной войной с Пруссией, создание новой укрепленной линии было отложено²¹. Последнее обстоятельство было крайне важным: в преддверии Семилетней войны, а затем — уже во время нее, из-за активизации российской внешней политики в Центральной Европе оказывалось необходимым поддерживать мир на юго-западной границе. При этом Османская империя не проводила открыто враждебной политики в отношении России. Более того, Порта сама могла высказать ей претензии из-за нападений запорожских казаков, а также создания Новой Сербии и Славяносербии. Таким образом, для российского правительства военная угроза на юго-западе продолжала сохранять свою актуальность, сопрягаясь с большой европейской политикой и возможностью склонения Турции и Крымского ханства со стороны Франции, а потом и Англии, к нападению на Россию.

Поэтому в Петербурге старались не раздражать и не провоцировать Порту. Согласно разъяснениям Коллегии иностранных дел от 3 декабря 1757 г., «соседственную дружбу с турецкою стороною надлежит содержать противу прежняго без отмены, и подданных [...] великороссийских и малороссийских людей, а особливо запорожских казаков, от непозволительных поступков накрепко воздерживать и того прилежно наблюдать, дабы к озлоблению и задору причины и поводу не подать и начинательми какой ссоры не быть»²². По этой

19 Пенской В. В. Украинский ландмилицейский корпус в XVIII веке // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 152.

20 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1344.

21 Анисимов М. Ю. Россия и Северное Причерноморье в первой половине и середине XVIII в. Начало освоения Новороссии // История Новороссии / Отв. ред. В. Н. Захаров. М., 2017. С. 126–127.

22 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 432. Л. 1–1об.

причине, например, по требованию турецкой стороны в 1754 г. было объявлено о временном прекращении строительства пограничной крепости св. Елизаветы²³. С другой стороны, в столице считали необходимым продолжать поддерживать войска на границе в должной степени готовности для отражения возможного нападения. Так, в конце 1756 г. генерал-фельдмаршал А. Б. Бутурлин отмечал, что по присланной росписи от командовавшего ландмилицией генерал-аншефа П. С. Салтыкова «показано в состоящих по Украинской линии редутах и редактах на караулах редовых только по 2, по 3 и по 4, а в некоторых и по 1-му, да и в самых крепостях не более как от 20 до 30 человек». Бутурлин полагал, что «разсуждая настоящие ныне военные конъюнктуры», то есть положение дел в Центральной Европе, где разгоралась Семилетняя война, с помощью таких гарнизонных укреплений Украинской линии «не только чтоб в случае иногда неприятельского нападения отпор и поиск учинить, но толь малыми командами и никакова супротивления и защищения дать надежды не остается». В связи с этим Бутурлин предписывал принять соответствующие меры во исправление сложившейся ситуации²⁴.

Неудивительно, что к началу 1760-х гг. в Петербурге вернулись к идее отправке на юго-запад генерала, которому можно было бы, как и во время военной угрозы 1747 г., вручить командование всеми войсками юго-запада. 10 августа 1761 г. в Сенате, рассмотрев доношение Коллегии иностранных дел, в котором сообщалось о жалобах «с польской и татарской сторон на запорожских казаков, да с польской же стороны на корпус Новой Сербии», отмечали, что «о пресечении оных почасту хотя и подтверждается, но все то недостаточно по причине разных трех команд, не подчиненных одна другой». При этом высказывались опасения, что «в нынешнее военное время опасаться должно, дабы с соседними державами, республикою польскою, а особливо с Портою Оттоманскою и ханом крымским, не дошло до замешательств и крайности, толь наипаче, что миролюбие и дружба турецкаго двора к российской державе, по проискам неприятелей, становится несколько сомнительно против прежняго». Исходя из таких рассуждений в Сенате пришли к выводу: «По прежде бывшим примерам, знатную и о пограничных делах сведущую персону в Киев ген.-губернатором, которому как обретающееся в Украине

23 *Михнева Р.* Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739–1756). М., 1985. С. 111–112.

24 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1078. Л. 12.

регулярное войско, так и крепость Св. Елисаветы, да и ген.-пор. Хорвата с его командою и запорожских казаков, и все тамошния границы в ведомство поручить и заграничную корреспонденцию вверить с такой полною властью, дабы он, на всякий случай не описываясь сюда и за дальностью не тратя на сие излишняго времени, в состоянии был благоразумно изобретаемыми средствами всякия от соседей воспринимаемая вредныя намерения отвращать и случающиеся на границах ссоры и непорядки, а по оным и происходящая от соседей жалобы, по близости, удобнее и скорее разсматривать и по справедливости удовольствие делать, а за российскими пограничными командами надзирать... и при границах спокойство и тишину утверждать». В итоге Сенат принял решение «как все выше предписанныя команды, так и заграничную корреспонденцию ныне единственно поручить обретающемуся на Украине» генералу-аншефу П. И. Стрешневу²⁵.

В определенной степени правительственные представления о угрозе на юго-западных рубежах России в 1762 г. были изложены канцлером графом М. И. Воронцовым в подготовленной им в связи с воцарением Екатерины II аналитической записке. Говоря об Османской империи, он отмечал: «Турецкая держава чрез вселившуюся вообще нежную и роскошную жизнь и от внутренних беспорядков приходит в изнеможение и упадок. Но когда приемлется в разсуждение, что благоразумной государь, по самодержавной власти своей и по изобильным ресурсам в сей империи, все в оной беспорядки в короткое время без труда исправить может, то она для своих соседей и вообще для христианства тем не меньше должна почитаться крайне опасною»²⁶. Что же до Крымского ханства, то, по мнению Воронцова, «Россия принуждена для обороны и безопасности своей содержать против них (крымских татар. — М. К., Я. Л.) линии с знатным числом войска, и пребывать и посреди миру, равно как бы во время войны, во всякой осторожности, тем более, что на добрую веру их отнюдь полагаться не можно». При этом канцлер подчеркивал: «А как запорожские казаки и другия пограничные команды (Славяносербия и Новая Сербия, — М. К., Я. Л.), то случаются между ними частые ссоры и беспорядки, которые доводят здешний двор до многих неприятных дел и хлопот, а иногда до крайности с Портою Отоманскою». В связи

25 Сенатский архив. СПб., 1907. Т. XII. С. 86–87.

26 Воронцов М. И. Описание дел во время Государыни Императрицы Елисаветы Петровны // Архив князя Воронцова. М., 1882. Т. 25. С. 306.

с этим Воронцов полагал, что «Россия потому главнейше стараться должна, чтоб от всех вышепомянутых неудобств избавиться и привести себя в том краю в совершенную безопасность»²⁷.

Таким образом, несмотря на то, что в 1740–1750-е гг. на юго-западной границе Российской империи фактически царило затишье и не происходило значимых конфликтов, для столичной элиты она оставалась пространством, сопряженным с постоянной военной угрозой, к отражению которой надо быть готовым и, говоря словами М. И. Воронцова, «пребывать и посреди миру, равно как бы во время войны». Здесь сказывались как представления об опасности набегов южных соседей из-за их непредсказуемости и ненадежности, так и усложнявшаяся внешнеполитическая обстановка в Центральной Европе. Как результат, слухи о возможном нападении могли приводить в состояние повышенной боевой готовности все наличные войска на Юго-Западе Российской империи, начиная от малороссийских казаков и кончая гарнизонными полками. При действии таких механизмов для правительства оказывалось важным наличие стабильной системы обороны от предполагаемого нападения. Ключевым его элементом была Украинская линия и служившая на ней ландмилиция, формируемая из однодворцев. Тем не менее правительство не собиралось отказываться от привлечения к службе украинского и донского казачества, к которым добавились военные поселенцы Новой Сербии и Славяносербии. В связи с этим существовала непростая проблема координации всех разношерстных военных подразделений региона, приобретающая особое значение в период обострения военной обстановки. Эту проблему приходилось решать на временной основе посредством назначения главного командира, как это было с Л. А. Бисмарком в 1747 г. и П. И. Стрешневым в 1761 г.

***Мобилизации военно-служилых корпораций юго-запада
в контексте европейской внешней политики
Российской империи***

Следует учитывать, что мобилизационные ресурсы военно-служилых корпораций Юго-Запада России имперским правительством рассматривались не только в контексте противостояния крымско-турецкой угрозе. С того времени, как Россия все больше и больше вклю-

27 Там же. С. 308–309.

чалась в большую европейскую политику, особенно со времени войны за Австрийское наследство (1740–1748)²⁸, российская правящая элита стала интересоваться возможностями этих корпораций с точки зрения их использования для войн в Центральной Европе. Так, 14 декабря 1744 г. Елизавета Петровна подписала указ, начинавшийся весьма примечательными словами: «День ото дни разпространяемое в Европе военное пламя и сильные соседних держав вооружении, требуя, дабы и мы с своей стороны для всякого нечаянного случая ко всему готовы находились...». Исходя из этого, от имени императрицы высказывалось повеление «несколько регулярных наших войск в готовности к выступлению по первому нашему повелению иметь, [...] а при оных не непотребно несколько и нерегулярных». В связи с этим Сенату было предписано «наряд учинить четырех донских и семь тысяч малороссийских и слободских доброконных и вооруженных казаков с точным тех мест предписанием, дабы по получении о том определения вышеупомянутое число только назначено было, и каждый казак к немедленному выступлению готовился, а вместе бы оных не собирали, ни дачь денежных и провиантских по прежним примерам до времени им не производили». Кроме того, из «нерегулярных» должны были быть готовы к походу и три тысячи калмыков²⁹. В Сенате было определено, что слободским казакам необходимо выставить 2333 человека, а малороссийским — 4667, после чего соответствующие указы 17 декабря были отправлены в Генеральную войсковую канцелярию и в Военную коллегию. Из последней распоряжения ушли на Дон и Слободскую Украину. На Дону это распоряжение было получено 1 января, а уже 16 января 1745 г. войсковой атаман войска Донского Д. Е. Ефремов сообщал, что к походу готовы 4000 человек, в том числе 96 калмыков, при 8323 лошадях. Что до Гетманской Украины, то из Генеральной войсковой канцелярии 22 декабря доложили, что необходимое количество казаков выставить готовы, однако итоговую ведомость с указанием имен старшин, определенных в поход, а также числом лошадей — 7400, отправили в столицу 20 января. В то же время на Слободской Украине мобилизационные приготовления затянулись до 24 февраля 1745 г., когда в столицу был направлен рапорт

28 См.: *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000; *Лиштенан Ф.-Д.* Елизавета Петровна, императрица, не похожая на других. М., 2012.

29 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 193. Л. 1–1об.

полковников Острогожского, Харьковского и Изюмского о готовности к походу 2432 казаков при 4064 лошадях³⁰.

Более серьезной проверкой мобилизационных возможностей военно-служилых корпораций юго-запада стало участие Российской империи в одной из самых крупных коалиционных войн XVIII в. — Семилетней войне (1756–1763 гг.). В результате свершившейся «дипломатической революции» новым союзником России и Австрии в противостоянии с Пруссией, претендентом на гегемонию в Европе, стала Франция. Следуя своим союзническим обязательствам, осенью 1756 г. российское правительство начало мобилизацию всех вооруженных сил.

Согласно распоряжению Елизаветы Петровны от 30 марта 1756 г., состоявшему из 14 пунктов, предполагалось мобилизовать 4 тыс. слободских казаков, 4 тыс. донских казаков, 9 «поселенных» и 11 «непоселенных» полков «Ландмилицкого Украинского корпуса», а также 5 тыс. «малороссийских украинских гетманского уряду казаков с потребною старшиною». Последним предписывалось, что каждый был «о дву конь» и «по первому указу в две или три недели куда назначиться сорваться могли, имея с собою провиант по меньшей мере на месяц, однакож без обозу». Затем в Конференции при Ее Императорском величестве 18 апреля 1756 г. было принято решение о дополнительном усилении собираемой армии «легкими войсками», в том числе еще по 1 тыс. слободских и донских казаков и одним компанейским полком с Гетманской Украины также в 1 тыс. чел. И это не считая сотен гусар, набранных из колонистов с Балкан³¹.

Однако в начале июня 1756 г. российское правительство заметно корректирует свои первоначальные мобилизационные планы, но только в отношении Гетманской Украины. Так, гетману указывалось распустить по домам набранных казаков, если таковые были уже собраны, а также оставить в Новой Сербии находившийся там компанейский полк, на место которого первоначально планировалось набрать новых казаков. Казакам «пятитысячной команды» и компанейского полка предписывалось быть в готовности и выступить по первой необходимости³². К слову сказать, на отмобилизованный, хоть и неком-

30 Там же. Л. 12, 16об.–17, 19, 29–29об.

31 Материалы о действиях русской Армии и флота в 1756–1762 гг. Семилетняя война / Под ред. проф. Н. М. Коробкова. М., 1948. С. 45, 47, 50.

32 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 394. Л. 1, 2.

плектный³³, компанейский полк претендовал до сентября — октября 1756 г. комендант крепости св. Елизаветы бригадир А. С. Глебов³⁴, мотивируя это наличием турецко-татарской угрозы и необходимостью усиления личного состава. Глебов был настолько настойчив в своих намерениях, что для его убеждения понадобилось два сенатских указа от 17 сентября и 25 октября 1756 г. (подтвердительный), согласно которым искомый компанейский полк под командой полковника Игнатия Чеснока планировался к переброске на европейский театр военных действий еще с конца апреля³⁵.

Отмеченная корректировка мобилизационной политики нашла свое отражение в инструкции главнокомандующему российской армией генерал-фельдмаршалу С. Ф. Апраксину от 5 октября 1756 г. Согласно документу, российское правительство отдавало себе отчет в том, что в сборе иррегулярных частей могут возникнуть проблемы. По этой причине осторожно оговаривалось, что определенные «легкие войска» (значительную часть которых составляли казаки) могут быть собраны и выступить на соединение с армией лишь по весне 1757 г. Далее в инструкции отмечалось, что «наряженные в Украине» 5 тыс. гетманских казаков могли быть использованы по распоряжению Апраксина³⁶, но, по всей вероятности, только лишь в случае острой необходимости. В сохранившихся списках реальной численности российской армии на начало каждой годичной кампании и расположения на зимние квартиры мы не находим сведений о прикомандированных к действующей армии малороссийских казаках (включая компанейцев) вплоть до кампании 1760 г.³⁷ Правда, не до

33 Согласно сведениям бригадира А. С. Глебова, полученным от генерального обозного С. В. Кочубея, речь шла о 3 компанейских полках, чья общая численность составляла по факту ок. 783 чел.

34 С комендантом крепости св. Елизаветы бригадиром А. С. Глебовым связан занятный историографический казус. Его часто путают с одним из управителей Новой Сербии генерал-майором, а потом генерал-лейтенантом от артиллерии И. Ф. Глебовым, чья резиденция находилась в той же крепости (*Жирничёнок А.* Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб., 2007. С. 99, 134).

Об А. С. и И. Ф. Глебовых см.: Генералы и штаб-офицеры Русской регулярной армии 1729–1796 гг. Сведения о службе из списков по старшинству / Сост. К. В. Татарников. М., 2019. Т. I. С. 542–543, 544.

35 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 394. Л. 7–8, 14, 23; Там же. Д. 909. Л. 6.

36 Материалы о действиях... С. 45, 47, 50, 73.

37 Там же. С. 84, 86, 183, 198, 229, 271, 308, 310, 404, 600.

конца проясненным остается вопрос об одном компанейском полке, который планировалось прикомандировать к слободским казакам в начале 1757 г. и который упоминался Д. Ф. Масловским в качестве составной части авангарда российской армии С. Ф. Апраксина накануне Гросс-Егерсдорфского сражения (август 1757 г.)³⁸. К сожалению, об использовании данного полка мы ничего пока не знаем. Возможно, он был возвращен в Малую Россию до расположения на зимние квартиры всей армии.

В 1760 г. в составе российской армии появился небольшой отряд численностью в 516 чел. (включая трех старшин). Казаки прибыли вместе с пригнанными волами в команду генерал-лейтенанта Я. А. Мордвинова и были оставлены «при артиллерии и у понтонных [...] у повозок»³⁹. Также есть отрывочные сведения об усилении команды генерал-майора Г. Г. Тотлебена компанейским полком полковника Чеснока⁴⁰, численность которого в октябре 1760 г. могла достигать 2 тыс. чел.⁴¹ При этом мы ровным счетом ничего не знаем о его участии в сражениях Семилетней войны. Насколько можно судить, долгожданное пополнение изначально планировалось использовать в качестве не столько вспомогательных войск, сколько посыльных. О необходимости заполнения подобных вакансий для эффективного управления армией сообщал Елизавете Петровне генерал-фельдмаршал П. С. Салтыков 4 июля 1759 г., испрашивая о прибавке в 2 тыс. чел. малороссийских или слободских казаков⁴². Кроме того, согласно инструкции генерал-фельдмаршала А. Б. Бутурлина по расположению российской армии на зимние квартиры (конец 1760 г.), предписывалось «при всякой дивизии и при корпу-

38 *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886. Вып. I. С. 276; Материалы о действиях... С. 94.

39 Материалы о действиях ... С. 586, 600.

40 Скорее всего, речь шла об упоминавшемся выше Игнате Чесноке, т. к. другой компанейский полковник, Василий Чеснок, вероятно, находился с оставшимися компанейцами в Новой Сербии. Отряд последнего рассматривался в качестве дополнительного усиления в борьбе против гайдамаков (Сенатский архив. СПб., 1904. Т. XI. С. 389–390).

41 *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1891. Вып. III. Походы в Пруссию графа П. С. Салтыкова 1-го и А. Б. Бутурлина. Берлинская операция графа Захара Чернышева. Осада Кольберга графом Румянцевым (1759–1762 гг.). С. 206, 359, 418; Прилож. № 86. С. 189.

42 Материалы о действиях... С. 456.

се корволант, для случающихся почтовых разсылок, иметь казаков малороссийских по 50 человек»⁴³.

В этой связи неудивительно, что основная нагрузка по ведению боевых действий на европейском театре среди отобюроцированных военно-служилых корпораций юго-запада легла на плечи донских, чугуевских и слободских казаков. Данным военно-служилым корпорациям удалось в значительной степени выполнить мобилизационные предписания российского правительства. Например, численность донских казаков постоянно находилась в районе 3 тыс. чел. Если следовать реляциям российских командующих, то на полях сражений среди мобилизованных иррегулярных войск практически всю славу стяжали донские казаки, количество которых П. С. Салтыков летом 1759 г. просил довести до 8 тыс. чел.⁴⁴

Отмеченный дисбаланс в мобилизации казачьих корпораций следует также объяснить тем, что по милости Елизаветы Петровны на Гетманскую Украину ложился «наряд» для облегчения российской армии бытовых условий и логистических проблем. На основании указа Сената от 13 ноября 1756 г. (по экстракту Конференции от 12 ноября) гетману 17 ноября была направлена грамота, согласно которой им должны быть собраны на временной основе («для нынешнего крайне строгого военного времени») 8 тыс. чел.⁴⁵ не из числа казаков и подпомощников. План правительства заключался в следующем. Набранные в скором времени здоровые и неувечные малороссияне⁴⁶ в возрасте от

43 *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886. Вып. I. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757 гг.). Прилож. № 132. С. 283.

44 Материалы о действиях... С. 456.

45 Известный дореволюционный военный историк Д. Ф. Масловский ошибочно указывает, что на Гетманскую Украину был положен «наряд» в 10 тыс. чел. В действительности речь шла о 8 тыс. чел. с Гетманской Украины и 2 тыс. «владельческих» малороссиян великороссийских помещиков, за сбор которых были ответственны белгородский и воронежский губернаторы (*Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886. Вып. I. С. 23).

46 Первоначально в число определенных малороссиян гетман К. Г. Разумовский планировал включить свободных и владельческих крестьян (посполитых) с дворами или без, подсосудков, мещан, жителей раскольничьих слобод. Пользуясь условиями военного времени, гетман рассчитывал привлечь киевских мещан, находившихся вне его компетенции (особенно по грамоте от 16 февраля 1733 г.), чей иммунитет он

15 до 40 лет должны были выполнять функции денщиков, что могло высвободить некоторое число денщиков, набранных из рекрут, которых следовало отправить в действующую армию. Набранных малороссиян планировалось снабдить всем необходимым, включая провиант на 1 месяц⁴⁷. Вплоть до февраля 1757 г. все отмеченные вопросы гетман К. Г. Разумовский решал удаленно из Санкт-Петербурга, хотя его планировалось отправить в Малую Россию еще в сентябре 1756 г. для ускорения всех возможных приготовлений⁴⁸. Гетман отговаривался семейными обстоятельствами (болезненное состояние детей и беременность супруги)⁴⁹. Следовательно, все мобилизационные трудности ложились на плечи украинской казацкой элиты (Генеральная и полковые канцелярии). В итоге к середине февраля 1757 г. с 6 (из 10) малороссийских полков⁵⁰ было собрано 3940 чел., а к концу апреля их число выросло до 6182 чел. Местом их сбора назначили Стародуб. Из этого числа были сформированы 12 колонн, направленные в действующую армию, а остальные (1272 чел.) не были собраны и не могли быть отправлены даже теоретически по причине отсутствия денег на провиант у обер-кригс-комиссара полковника Спиридонова. По мнению Главного комиссариата (начало апреля 1757 г.), одной из ключевых проблем при наборе малороссиян было неудовлетворительное состояние самих кандидатов (старше 50 лет, больные, увечные), которых приходилось постоянно отправлять домой. Неудивительно, что такими темпами набранные малороссияне не успели попасть в

рассматривал в качестве негативного примера для остальных сословных групп Малой России. Однако по решению Сената от 23 ноября и 12 декабря 1756 г. гетману направили соответствующие грамоты, согласно которым из раскладки исключались раскольники (т. к. они находились в «особом ведомстве» и среди них проживали великороссияне), а также киевские мещане, но не их владельческие крестьяне. Итоговая пропорция выглядела следующим образом: 1 посполитый с 15 дворов / 24 бездворных хат; 1 поддуседок с 40 бездворных хат.

47 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 914. Л. 1–1об., 8, 12, 19, 20–20об., 54, 58, 59–59об. Запланированную раскладку 8 тыс. малороссиян на полки российской армии см.: Там же. Л. 33об., 66–68.

48 Там же. Л. 1.

49 *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. Исторический рассказ, написанный на основании печатных известий, подлинных писем, бумаг и семейных преданий. М., 1869. С. 138–139.

50 Миргородского (280 чел.), Полтавского (572 чел.), Прилуцкого (665 чел.), Киевского (743 чел.), Гадыцкого (359 чел.), Нежинского (1321 чел.).

действующую армию, что предвидел С. Ф. Апраксин еще в начале февраля 1757 г. По иронии судьбы окончательного набора «наряда» не дождался ответственный за прием полковник фон Шмит (умершего заменил секунд-майор Коровяковский). В итоге отправленные малороссияне на некоторое время были оставлены в Риге для отдыха, часть из них должна была пополнить в будущем Обсервационный корпус генерала-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова. Именно к этому времени (конец апреля 1757 г.) относятся уточнения российского правительства относительно того, каким образом планировалось еще использовать набранных малороссиян — погонщики, работники на крепостном строительстве (Рига, Ревель). При этом четко оговаривалось, что работа должна была производиться за денежное и хлебное жалованье, подобно направляемым для этого солдатам регулярных полков, чтобы малороссияне не выказывали «неудовольствия» от «изнурения». Несмотря на четко прописанные критерии отбора кандидатов в «наряд», среди них все равно оказались дряхлые и увечные, которых приказывалось вернуть обратно домой с выплатой довольствия в размере 1 руб.⁵¹

Таким образом, для участия в Семилетней войне — масштабном коалиционном конфликте, предполагавшем активные наступательные действия, — российское правительство сделало попытку провести мобилизацию ресурсов военно-служилых корпораций юго-запада, сделав заметные послабления для Гетманской Украины. На последнюю ложились задачи по обеспечению логистики и тылового снабжения (поставка волов, рекрутинг погонщиков), военно-оперативного управления (посыльные, курьеры) и бытовых условий (денщики) российской армии. Когда-то многочисленное (по штату 30 тыс. чел) и боеспособное Войско Запорожское реестровое оказалось годным лишь в качестве поставщика вспомогательного военного персонала. Однако и с этой задачей украинской казацкой элите не удалось справиться в должной мере. Эти невоенные мобилизации заметным образом растягивались во времени, не успевая пополнять действующую армию, а также сопровождаясь недобором и присылкой кандидатов, не соответствовавших нужным требованиям (пожилые, увечные). Получалось, что если в годы русско-турецкой войны 1735–1739 гг. подобные проблемы возникли при мобилизации вооруженных сил Гетманской

51 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 914. Л. 30, 84, 102, 108, 109–109об., 115, 118; *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886. Вып. I. Приложения к 1-му выпуску. С. 104.

Украины⁵², то теперь они распространились и на мобилизацию вспомогательного персонала. Итак, опыт Семилетней войны показал для российского правительства, что существовавшие мобилизационные проблемы Гетманской Украины как военно-служилой корпорации не только сохранялись, а и усугублялись. На этом фоне наиболее эффективной и боеспособной военно-служилой корпорацией оказались донские казаки, сыскавшие себе бессмертную славу на полях сражений Семилетней войны.

* * *

Как показывают приведенные в настоящей статье факты, с 1740-х гг. и до начала 1760-х гг. для российского правительства положение на юго-западных рубежах, несмотря на сохранявшийся мир с Османской империей, было «равно как бы во время войны» (М. И. Воронцов). Соответственно сохраняла свою актуальность система обороны, опиравшаяся на ресурсы и структуры военно-служилых корпораций юго-запада. Этому же способствовала и активизация российской внешней политики в Центральной Европе: пока Россия была занята участием в европейских коалиционных войнах сначала против Франции и Швеции, а потом Пруссии, ей было важно поддерживать стабильность на своих юго-западных рубежах. В то же время противоборство с Пруссией в годы Семилетней войны (1756–1762) привело к тому, что была предпринята попытка привлечь часть мобилизационных ресурсов юго-запада для войны в Центральной Европе. В ситуации, когда основная нагрузка по защите от крымско-турецкой угрозы должна была лежать на ландмилицейских полках, комплектуемых из однодворцев, взор правительства обратился на казацкие корпорации, из которых наиболее представительной, влиятельной и многочисленной было Войско Запорожское реестровое, то есть Гетманская Украина. Проведенные мобилизационные мероприятия, особенно в годы Семилетней войны, показали ее военную слабость и малопригодность для наступательной войны, что особенно разительно отличалось от

52 На начало русско-турецкой войны 1735–1739 гг. казацкая элита оказалась неспособной на мобилизацию штатного реестра в 30 тыс. чел. и смогла выставить вместе со слободскими казаками ок. 20 тыс. чел. выборных казаков, хотя на 1736 г. на Гетманской Украине значилось 68892 казака. При этом подготовка и обеспечение данного числа казаков оставляла желать лучшего (*Репан О. А.* Іржа на лезі: лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735–1739 років. Київ, 2009. С. 33).

боеспособности Войска Донского. Таким образом, существовавшая на юго-западе военно-административная система, опиравшаяся на военно-служилые корпорации, удовлетворяла запросам правительства в ситуации геополитической обороны. Однако она едва ли могла быть пригодной в случае перехода к наступательной внешней политике на юго-западном направлении. Собственно, после завершения Семилетней войны, прихода к власти Екатерины II и утверждения во внешней политике «Северной системы» Н. И. Панина как раз возникли благоприятные условия для этого. На повестке дня российского правительства вставал вопрос сохранения военно-служилых корпораций, доказавших свою военную эффективность, и ликвидации тех, которые не отвечали предъявляемым мобилизационным требованиям, с использованием высвободившихся ресурсов для усиления регулярной императорской армии.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Анисимов М. Ю. Россия и Северное Причерноморье в первой половине и середине XVIII в. Начало освоения Новороссии // История Новороссии / Отв. ред. В. Н. Захаров. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 109–150.

Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Исторический рассказ, написанный на основании печатных известий, подлинных писем, бумаг и семейных преданий. М.: Тип. Грачева и Комп., 1869. 246 с.

Воронцов М. И. Описание дел во время Государыни Императрицы Елисаветы Петровны // Архив князя Воронцова. М.: В Универ. типографии, 1882. Т. 25. С. 272–312.

Генералы и штаб-офицеры Русской регулярной армии 1729–1796 гг. Сведения о службе из списков по старшинству / Сост. К. В. Татарников. М.: Русская панорама, 2019. Т. I. 1396 с.

Инструкция главноначальствующему фон Бисмарку // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М.: В Универ. типографии, 1871. Кн. III. Отд. V. С. 54–56.

Кандаурова Т. Н. Военные поселения в Европе и России XVIII–XIX веков // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 84–109.

Кирпичёнок А. Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб.: Нестор, 2007. 219, [1] с.

Лиштенан Ф.-Д. Елизавета Петровна, императрица, не похожая на других. М.: Астрель, 2012. 635 с.

Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М.: ОГИ, 2000. 412 с.

Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М.: Типография Округного штаба, 1886. Вып. I. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757 гг.). 674 с.

Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М.: Типография Округного штаба, 1891. Вып. III. Походы в Пруссию графа П. С. Салтыкова I-го и А. Б. Бутурлина. Берлинская операция графа Захара Чернышева. Осада Кольберга графом Румянцевым (1759–1762 гг.). 921 с.

Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг. Семилетняя война / Под ред. проф. Н. М. Коробкова. М.: Воениздат, 1948. 888 с.

Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739–1756). М.: Наука, 1985. 183 с.

Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в с.-петербургском сенатском архиве, за XVIII век / Сост. П. И. Баранов. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1878. Т. III. 1740–1762. [1], XXXI, 517 с.

Пенской В. В. Украинский ландмилицейский корпус в XVIII веке // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 147–153.

Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: РОССПЭН, 2014. 1062 с.

Сенатский архив. СПб.: Сенатская тип., 1904. Т. XI. 483, 23 с.

Сенатский архив. СПб.: Сенатская тип., 1907. Т. XII. 706, 41, [2] с.

Lazarev J. Однодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в. // *Cahiers du monde russe*. 2014. Vol. 55. № 3–4. P. 215–234.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv drevnih aktov (Moscow).

Anisimov, M. Iu. "Rossiia i Severnoe Prichernomor'e v pervoi polovine i seredine XVIII v. Nachalo osvoeniia Novorossii". *Istoriya Novorossii*, otv. red. V. N. Zaharov, Moscow: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2017, s. 109–150.

Generaly i shtab-oficery Russkoi regul'yarnoi armii 1729–1796 gg. Svedeniia o sluzhbe iz spiskov po starshinstvu, sost. K. V. Tatarnikov. Moscow: Russkaia panorama, 2019, vol. I, 1396 s.

“Instrukciiia glavnonachal’stvuyushchemu fon Bismarku”. *Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskih*, Moscow: V Univer. tipografii, 1871, vol. III, ch. V, s. 54–56.

Kandaurova, T. N. “Voennye poseleniia v Evrope i Rossii XVIII–XIX vekov”. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2010, no. 5, s. 84–109.

Kirpichenok, A. *Serbskie poseleniia na Ukraine v seredine XVIII veka*. Saint-Petersburg: Nestor, 2007. 219, [1] s.

Lazarev, J. “Odnodvorcy v sisteme priamogo nalogooblozheniia Rossii XVIII v.”. *Cahiers du monde russe*, 2014, vol. 55, № 3–4, pp. 215–234.

Lishtenan, F.-D. *Elizaveta Petrovna, imperatrica ne pohozhaia na drugih*. Moscow: Astrel’, 2012, 635 s.

Lishtenan, F.-D. *Rossiiia vkhodit v Evropu: Imperatrica Elizaveta Petrovna i voina za Avstriiskoe nasledstvo, 1740–1750*. Moscow: OGI, 2000, 412 s.

Maslovskii, D. F. *Russkaia armiiia v Semiletniuiu voinu, vyp. I. Pohod Apraksina v Vostochnuiu Prussiiu (1756–1757 gg.)*. Moscow: Tipografiia Okruzhnogo shtaba, 1886, 674 s.

Maslovskii, D. F. *Russkaia armiiia v Semiletniuiu voinu, vyp. III. Pohody v Prussiiu grafa P. S. Saltykova 1-go i A. B. Buturlina. Berlinskaia operaciia grafa Zahara Chernysheva. Osada Kol’berga grafom Rumiancevym (1759–1762 gg.)*. Moscow: Tipografiia Okruzhnogo shtaba, 1891, 921 s.

Materialy o deistviiah russkoj armii i flota v 1756–1762 gg. Semiletniaia voina, pod red. prof. N. M. Korobkova. Moscow: Voenizdat, 1948, 888 s.

Mihneva, R. *Rossiiia i Osmanskaia imperiia v mezhdunarodnykh otnosheniiah v seredine XVIII veka (1739–1756)*. Moscow: Nauka, 1985, 183 s.

Opis’ vysochaishim ukazam i poveleniiam, hraniashchimsia v s.-peterburgskom senatskom arhive, za XVIII vek, sost. P. I. Baranov. Saint-Petersburg: Tipografiia Pravitel’stvuyushchego Senata, 1878, vol. III, 1740–1762, [1], XXXI, 517 s.

Penskoj, V. V. “Ukrainskii landmilicejskii korpus v XVIII veke”. *Voprosy istorii*, 2000, no. 10, s. 147–153.

Petruhincev, N. N. *Vnutrenniaia politika Anny Ioannovny (1730–1740)*. Moscow: ROSSPEN, 2014, 1062 s.

Senatskii arhiv, Saint-Petersburg: Senatskaia tip., 1904, vol. XI, 483, 23 s.

Senatskii arhiv, Saint-Petersburg: Senatskaia tip., 1907, vol. XII, 706, 41, [2] s.

Vasil’chikov, A. A. *Semeistvo Razumovskih. Istoricheskii rasskaz, napisannyi na osnovanii pečatnykh izvestii, podlinnykh pisem, bumag i semeinykh predanii*. Moscow: Tip. Gracheva i Komp., 1869, 246 s.

Voroncov, M. I. “Opisanie del vo vremia Gosudaryni Imperatricy Elisavety Petrovny”, *Arhiv knyazia Voroncova*. Moscow: V Univer. tipografii, 1882, Vol. 25, s. 272–312.

М. А. Kiselev, Ya. A. Lazarev

The geopolitical competition, military service corporations of the Southwest and the mobilization policy of the Russian government in the 1740s — early 1760s.

The article discusses the influence of geopolitical competition on the position of military-service corporations of South-West Russia. Based on the analysis of the mobilization capabilities of military-service corporations, the authors come to the conclusion that they are relatively effective exclusively in the geopolitical situation of defense, and not offensive. Hetman's Ukraine turned out to be the least effective in terms of military and civil mobilization, despite the concessions and indulgence of the Russian government. It was especially in contrast with the high level of combat readiness of the Cossacks of the Don Army. The lack of motivation to reform the military-service corporations until the mid-1760s is explained by the fact that the government has serious alarmist sentiments in front of the threat from the South (Crimea, Turkey), despite the peace there preserved. For this reason, the defense system retained its relevance, relying on the resources and structures of military service corporations of the South-West. This also contributed to the intensification of Russian foreign policy in Central Europe. After the completion of the Seven Years War for Russia, the coming to power of Catherine II and the establishment of the Northern System foreign policy of N. I. Panin, favorable conditions arose for the transition to an offensive in the south. In turn, this put on the agenda for the Russian government both the question of preserving the military-service corporations, which showed their military effectiveness, and the question of eliminating those who did not use it, using the saved resources to strengthen the regular imperial army. Keywords: *geopolitical competition, the Russian Empire, the Crimean Khanate, the Cossacks, Hetmanat, Slobidska Ukraine, the Don Army, the odnodvortsy, the Ukrainian Landminist Corps.*

Савченко на Аляске и в Сан-Франциско: белорус, креолы, тлинкиты

«Путешествие» членов «расширенной» семьи Савченко из Красного в Смоленской губернии через острова Симушир, Укамок (Чирикова) и Кадьяк, города Петропавловск и Ново-Архангельск (Ситку) в Сан-Франциско выявляет особенности того, как тракуются первоначальные фамилии, социальный и «этнический» статус на Аляске русского и раннего американского периодов (включая спорный вопрос о якобы «туземной» бабушке Демьяна Савченко). Необходимость выяснения корней одного из учеников богословского училища в Сан-Франциско, продолжавшего после реорганизации в 1888 г. и до 1892 г. готовить кадры для Алеутской и Аляскинской епархии, привела к появлению новой неразрешенной загадки (очевидные тлинкитские предки со стороны матери Николая Савченко и его неустановленный отец). Н. Савченко имел жесткие столкновения с некоторыми из педагогов, что относится к неудовлетворительному состоянию церковной школы, изучаемому Гринкевичским исследовательским и переводческим проектом «О школе». Два письма Д. Савченко, касающиеся возвращения Н. Савченко в Кадьяк, публикуются максимально близко к оригиналам. Называется несколько «земляков» из Могилевской и смежных губерний, в том числе прямо или косвенно принимавших участие в судьбе Савченко.

Ключевые слова: *Русская Америка, Калифорния, метисация, генеалогия, православное образование, правосудие, этика.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.1.06

Появлению настоящей статьи способствовала практическая потребность в выяснении происхождения Николая Савченко — одного из учеников церковной школы в Сан-Франциско, которой посвящен наш Гринкевичский исследовательский и переводческий проект «О школе»¹, вписанный в контекст изучения и популяризации бело-

¹ Н. С. Гринкевич, уроженец Гомельщины, член Аляскинского духовного правления с февраля 1891 г., преподавал в церковной школе до ее

русско-индейских связей. Мальчика, упомянутого в сан-францисских газетах среди учеников, взятых из школы полицией, нам удалось связать с одним из наиболее необычных правонарушителей Русской Америки Осипом Савченковым. Несмотря на имевшееся указание на место выхода основателя аляскинского семейства Савченко в известном справочнике «Кто есть кто в истории Русской Америки» А. В. Гринева² и на генеалогическом сайте alaskaweb.org, это случилось не сразу, прежде всего из-за вариаций в написании фамилии. Ряд драматических событий в истории «русско-американских» Савченко позволяет приблизить ее к биографиям, о которых Гринева говорит, что они «могут послужить готовым сюжетом для приключенческого романа»³. Уточнение образовательного статуса и заслуг, оценка моральных качеств Савченко актуализируются и как важный фон в связи с новыми акцентами, увеличившими в последние десятилетия значимость представителей ряда близких к ним и связанных со школой родов⁴. В данном исследовании использован многолетний опыт обработки автором информации о белорусах в Калифорнии, имевших определенную роль в просвещении и защите здесь индейских, эски-

закрытия в 1892 г. (Формулярный список о службе смотрителя Белевского духовного училища протоиерея Николая Гринкевича. 1903–1907 // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 436. Д. 1939). Усилия по переводу заметки Гринкевича «О школе» и дополняющих ее текстов на важнейшие языки, прежде всего относящиеся к местностям и народам, с которыми были биографически или генеалогически связаны школьники, педагоги и близкие к ним лица, приобрели целенаправленный характер с февраля 2014 г. С этого времени инициатива получила название и начала развиваться как комплексный школоведческий проект.

² Гринева А. В. Кто есть кто в истории Русской Америки: энциклопедический словарь-справочник. М., 2009.

³ Там же. С. 12.

⁴ Из всех групп персоналий, изучаемых нами и нашими коллегами в рамках проекта «О школе», наиболее известны семьи Мартышей (учитель Александр и его сыновья — ученики Василий (с 2003 г. — священномученик, см.: *Mazurek K. Życie i działalność księdza Bazylego Martysza: droga do świętości*. Warszawa, 2018), Николай и Роман), Дабовичей (с 2015 г. также имеющих своего святого — Севастиана, бывшего учеником, а затем и учителем), а также креолов Кашеваровых (прежде всего — Андрей, чье имя присвоено новому зданию библиотеки, архива и музея в г. Джунно).

мосских, алеутских и креольских детей с Аляски. За содействие в сборе сведений автор особенно признателен историку Кэтрин Арндт (библиографу региональной аляскинской и полярной литературы, куратору редких книг и редких карт в Библиотеке им. Элмера Э. Расмусона в Фэрбанксе), занявшей в 2018 г. архивными разысканиями, касающимися Савченко⁵. В целом имеющиеся у нас данные о Савченко, которые помогают лучше понять разнообразие обстоятельств в семейных предысториях появления аляскинцев в церковном училище (а также процесс их возвращения на родину), охватывают период с 1830-х до начала 1890-х гг. (в административном отношении: периоды колонии (до 1867 г.), департамента (1867–1884) и округа (после 1884 г.) Аляска).

Ниже мы рассматриваем фигуры Иосифа Савченко, его жены, рано умершей дочери и двух сыновей, затем — жены, воспитанницы и приемного или родного сына Демьяна Иосифовича⁶ Савченко. Семьи Савченко, с определенного момента приобретшие «креольский»⁷ или более сложный «креольско-глинkitский»⁸ статус, не получили явного продолжения в XX в. под этой характерно звучащей фамилией или ее узнаваемыми модификациями⁹ — в отличие, например, от

5 Электронные сообщения автору от К. Л. Арндт 14.02.2018, 23.02.2018, 26.02.2018. Сообщение Арндт от 19.04.2018 г. содержало в себе отдельную справку: «Background of Anna Ivanov[n]a Kotel'nikova». Под этим же заголовком она вышла в электронном бюллетене Библиотеки и архива Белорусского-индейского общества «Веснік БІТ» (№ 22 и 23 за 2018 г.); далее: *Arndt K. L. Background...* Ссылки на корреспонденцию Российско-американской компании (сокращенно — ПАК) (Records of the Russian-American Company, Correspondence of the Governors General, Communications Sent) и документы из «The Alaskan Russian Church Archives» даются нами после обозначений CS и ARCA.

6 Тут и в других местах статьи отчество предположительное — от крестильного имени Иосиф.

7 Одной из наших задач было установить, какой аляскинский народ дал повод Анне Савченко и ее детям считаться креолами.

8 На русском языке в 1880–1890-х гг., то есть и применительно к глинкитам Савченко, в основном использовалось прилагательное «колошинский» («колошенский», «колошский»).

9 Приблизительная динамика поливариантности фамилии: Савчинков (1841), Савчиников (1844), Савченко (1845, 1846), Савченков (1846, 1851, 1853), Савченкова (1855, 1856, 1857); Савчинко (1888), Савченко (1890), Savchinikoff (1891), Савчеников (1891). Среди современных по-

рода, возникшего в результате брака уроженца Минской губернии Павла Шадуры с женщиной, имевшей, кроме западноевропейских, также алеутских и тлинкитских предков¹⁰. Остается, однако, надежда, что удастся отыскать потомков Николая Савченко — дополнив картину впечатляющих перемещений, происходивших с Савченко, которые можно назвать, вслед за Арндт, сменой климата¹¹.

САВЧЕНКО Иосиф (Осип) Яковлевич — «краснинский мещанин»¹², очевидный представитель этнического большинства Краснинского уезда Смоленской губернии — белорусов¹³, первым, по-видимому¹⁴, приносит на Аляску эту фамилию, хотя следовало бы уточнить время и характер появления у тихоокеанских берегов России¹⁵, с возможным заходом в аляскинские воды, других Савченко.

томков креолов и тлинкитов перечисленные варианты, как и другие теоретически возможные преобразования первоначальной фамилии, нами не обнаружены. У представителей следующих поколений, если таковые имелись, фамилии могли видоизмениться до неузнаваемости, если не были заменены на совершенно другие. Из жителей штата Аляска с невыясненной генеалогией встречаем, например, Аарона Савченко, бывшего в 1994–1998 гг. кадетом в Аляскинской военной молодежной академии (Alaska Military Youth Academy) в Форт-Ричардсон.

10 Подобное происхождение дало основание сыну о. Павла Шадуры, Павлу (1902–1996), учиться в индейской школе-интернате в Орегоне (современное название — Индейская школа Чемава, Chemawa Indian School). Этот случай можно рассматривать как сравнительный материал при изучении истории школы в Сан-Франциско.

11 *Arndt K. L.* Transplanted to a northern clime: Californian wives and children in Russian Alaska // *Alaska Journal of Anthropology*. 2015. Vol. 13. № 2. P. 1–20.

12 *Гринева А. В.* Кто есть кто в истории... С. 469.

13 По сведениям 1866 г. Смоленского губернского статистического комитета, в Краснинском уезде было 72977 «белоруссов», 3047 «великороссиян» и 497 остальных (*Ширяев Е. Е.* Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991. С. 111).

14 Нам недоступно первое упоминание об Осипе как «служителе» РАК. Поэтому мы не можем сказать, какой из вариантов — «Савченко», «Савченков» или другой — был зафиксирован раньше других.

15 Тут в последние годы жизни Осипа служил матросом, например, Емельян Савченко, участник Амурской и Сахалинской экспедиций: *Алексеев А. И.* Дело всей жизни: книга о подвиге адмирала Г. И. Невельского. Хабаровск, 1972. С. 210; *Латышев В. М., Дударец Г. И.* Государственный

Широкий советский читатель узнал о нем из «Летописи Аляски» С. Н. Маркова как о Савченкове и, таким образом, не связал с украинцами или белорусами. Его уголовное дело попало в многократно переиздававшуюся «Летопись...»¹⁶ и было упомянуто Гриневым в двух словарных статьях. Помимо этого мы видим в печати и Интернете лишь единичные отклики на него, основанные на интерпретации сведений Маркова¹⁷. Это может объясняться и крайне скудными подробностями преступления и наказания Осипа, даваемыми ими. Очевидно, большая детализация случая О. Савченко с привлечением в качестве экспертов специалистов в областях юриспруденции, религиоведения, психиатрии и других могла бы вызвать и больший общественный интерес к судьбе Осипа и его близких.

Еще раз воспроизведем первоначальный текст Маркова, прежде всего с целью указать на неточности, которые он содержит: «В этой огромной стране не было ни суда, ни полиции, ни жандармов. Но русский закон действовал и в Новом Свете. Преступления не оставались без наказания. Был случай, когда начальник острова Укамок мещанин Савченков вообразил, что алеут [у Гринева “кадьякский эскимос” (то есть алутиик (сугпиак)). — А. С.] Мирон Якунак¹⁸ “повредил ему здо-

канцлер А. М. Горчаков и решение Сахалинского вопроса. Южно-Сахалинск, 2015. С. 17 (здесь же в числе переведенных с транспорта «Байкал» «в экспедицию» вместе с Емельяном Савченко упоминается и матрос Никифор Смолин — этот факт полезен в свете близкой связи между людьми с этими же фамилиями, выявленной нами на Аляске).

¹⁶ *Марков С.* Русские на Аляске. М., 1946 («Библиотека офицера ВМС» Воениздата). В остальных случаях текст публиковался под заголовком «Летопись Аляски», часто в одном томе с романом «Юконский ворон». Последнее из 13 известных нам изданий: *Марков С. Н.* Юконский ворон. Роман. М., 2001.

¹⁷ В печатных источниках нам удалось обнаружить упоминание об укамокской трагедии лишь еще одним автором, который опирался, безусловно, полностью на «Летопись...»: *Долинин В.* «Ум российский промыслы затеял...» // Север. 1979. № 7. С. 107. Полный текст «Летописи...» доступен на десятках сайтов.

¹⁸ Мирон Якунак (Гринева в статье о Савченко называет его Якуник, а статьи о нем и его сыне озаглавливает соответственно «Якунак...» и «Якунок...») служил РАК с 1840-х гг.. Он заключил брак с кадьякской же эскимоской Евдокией Кинаутак в 1846 г., тогда же состоялось «either a baptism or a chrizmation» семилетнего незаконнорожденного сына Мирона Алексея (электронное сообщение К. Арндт от 17.12.2018 г.), вопреки за-

ровье посредством шаманства”, как объяснял Савченков на суде. Из архивного “дела” видно, что Савченков заковал шамана в кандалы и заточил в землянку¹⁹, где Якунак и умер. Савченкова отправили в Охотск [в действительности в Петропавловск. — А. С.], где он предстал перед военным судом. Истязателя приговорили к десяти годам арестантских рот. Отдельные случаи произвола, иногда наблюдавшиеся в Русской Америке, жестоко осуждались законом²⁰.

Карьера Осипа в РАК включала два главных назначения — байдарщиком, управляющим²¹ на острова Симусир (Симушир, Марикан),

ключению Гринева, указавшего годы его жизни как 1846–1864; Алексей также поступил на службу в компанию, причем в 1856 г. был переведен на остров Лесной на добычу льда для Сан-Франциско (*Гринева А. В. Кто есть кто в истории... С. 633–634*). Перед тем севернее Сан-Франциско отмечено появление Якунаков Якова, имевшего там сына Гаврила от «побочной» жены-индейки Тыкпалии, и Филимона (см.: Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 426, 423). Они, как замечает Арндт, могут быть, а могут и не быть родственниками друг другу и Мирону, поскольку Якунак — это «native name», а не фамилия. В сочетании с христианским именем, тем не менее, оно может становиться фамилией.

19 Своеобразный самосуд Савченко любопытно сочетается с темой статьи священника Андрея Кашеварова, опровергающей представление, что остров Укамок был официальным местом заточения во времена Русской Америки: «Chirikof Never a Penal Colony» (*Daily Alaska Empire*. 1929. Jan. 28).

20 *Марков С. Русские... С. 128.*

21 У Гринева «приказчиком О. Савченковым» был заменен предыдущий байдарщик, то есть глава промысловой артели, на Симусире, а на Укамоке Осип был «управляющим» (*Гринева А. В. Кто есть кто в истории... С. 356, 469, 634*). Тем не менее в основной статье («Савченков (Савченко) Осип (Иосиф)») должность приказчика не фигурирует (Там же. С. 469). Два понятия присутствуют, соседствуют и четко разграничены в статье археолога, работавшего на Курилах: «приказчик Савченков — байдарщиком» на Симусир: *Шубин В. О. История поселений Российско-Американской компании на Курильских островах // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 3. С. 52*. Должность управляющего на Симусире была введена лишь 1845 г. в связи с реорганизацией контор РАК, частью которой стала фактическая ликвидация Курильского отдела (Там же. С. 54). Но в справке Арндт термин «байдарщик» находим как название должности и при назначении на Укамок (*Arndt K. L. Background...*).

в мае 1841 г.²², и Укамок (Чирикова), вероятно, в октябре 1847 г.²³ Перед этим (с первой половины 1830-х годов) он ходил на судах компании и женился. Это был первый брак как для 32-летнего Осипа, так и для 18-летней Анны, но приходские метрические книги, в результате их изучения Арндт, расходятся в дате²⁴. Между двумя назначениями, осенью 1846 г., Осип и Анна Савченко с сыновьями Павлом и Демьяном вернулись в Ново-Архангельск²⁵, затем, осенью 1847 г., выехали на Кадьяк, где провели зиму, чтобы весной 1848 г. оправиться на Укамок²⁶. Снятие Савченко с должности на Укамоке в 1851 г. Гринев объясняет жалобами местных жителей²⁷, но его арест²⁸, произошед-

22 О. Савченко был послан на Симусир на бриге «Константин» (не уточняется, сразу ли с семьей): CS. Vol. 20. Folio 207 verso ff. No. 198. 11 May 1841. Chief Manager Etolin to commander of the brig *Konstantin*, Fleet Lieutenant Velichkovskii.

23 CS. Vol. 28. Folios 289 verso — 290. No. 634. 4 October 1847. Chief Manager Teben'kov to Kad'iak office.

24 Гринев «подтверждает» год, фигурирующий в справке Арндт как часть даты записи о заключении брака в метрической книге: «On April or May 18, 1841» (*Гринев А. В. Кто есть кто в истории... С. 469*). Однако у аляскинской исследовательницы имеется и ссылка на книгу за 1840 г., дающую дату 18 мая (ARCA. Vital Statistics. Sitka. Book for 1840. Folio 22, marriage 14 and book for 1841, folio 12, marriage 6).

25 CS. Vol. 27. Folios 464 verso — 466. No. 326. 12 May 1847. Chief Manager Teben'kov to Main Office.

26 Арндт нашла семью Савченко в исповедных росписях Кадьякского прихода за 1848 и 1849–1851 гг. как пребывающую соответственно в Павловской гавани и укамокской артели.

27 *Гринев А. В. Кто есть кто в истории... С. 469*. Арндт же прямо утверждает, что он был смещен со своего поста в конце лета 1851 г. за «преступление, в котором его обвинили», не упоминая о жалобах. Вследствие жалоб или при отсутствии явных указаний на них за различные нарушения и злоупотребления отстранялись многие служащие РАК, например, предшественник Осипа на Симусире Иван Москвитинов (Там же. С. 356) заставил руководство принять решение об увольнении, «... противозаконно выпустив в продажу найденные с разбитого казенного судна (транспорта “Екатерина”) вещи» (*Шубин В. О. История поселений... С. 52*).

28 Гринев формулирует это почти идентично в двух местах как то, что в «результате колониальное начальство посадило под арест самого» Савченкова, «а затем отправило» его «для суда в Сибирь в мае 1853» г.

ший с неуточненной отсрочкой, выглядит больше как результат трагического исхода обращения с человеком, которого Марков называет шаманом. Он с семьей был взят на Кадьяк и позже, осенью 1851 г., на шхуне «Тунгус» переправлен в Ново-Архангельск²⁹. Весной 1853 г. он был уволен со службы в РАК и отправлен для суда в Петропавловск на бриге «Охотск», вместе с семьей³⁰. Осенью 1855 г. в переписке компании речь уже шла о его вдове³¹.

САВЧЕНКО Анна Ивановна — урожденная Котельникова; может считаться «Савченковой» во всех случаях, когда с использованием суффикса *-ов* называется ее муж. После же его смерти суффикс *-ова*, помогавший лучшему восприятию ее как «жены Осипа Савченко», тем более оправдан как способ идентификации. Гринев утверждает, что мать ее была «местной туземкой» и поэтому она сама была «дочерью-креолкой»³², но Арндт с ним не соглашается. В доказательство она приводит сведения о приезде Анны из Охотска в Ново-Архангельск с Максимом Смолиным, оставляя небольшую вероятность того, что ее отец мог жениться на алеутке, например с Атхи³³.

(Гринев А. В. Кто есть кто в истории... С. 469, 634). Арндт вообще не употребляет слово «арест», а только перечисляет перемещения его с семьей властями.

29 CS. Vol. 32. Folios 434 verso — 435. No. 595. 9 July 1851. Chief Manager Rozenberg to Kad'iak office; Folios 439–439 verso. No. 605. 9 July 1851. Chief Manager Rozenberg to commander of the schooner *Tungus*, Russian navigator Kashevarov.

30 CS. Vol. 34. Folio 97. No. 195. 8 May 1853. Acting Chief Manager Rudakov to acting Kamchatkan military governor.

31 *Arndt K. L.* Background...

32 Гринев А. В. Кто есть кто в истории... С. 261. К сожалению, Гринев очень часто полагается на интуицию, а не на документы по истории Русской Америки, особенно при этнической идентификации. Трудности ее он хорошо осознает, включая происходящие «из-за сходства в написании» фамилий (Там же. С. 10). Но интуиция подводит его, в частности, в случаях с отдельными выходцами из Белоруссии и их потомками, которые причисляются им к полякам.

33 *Arndt K. L.* Background... Согласно Гриневу, отец Анны — «старший фельдшер, состоял на службе РАК в Русской Америке в 1820-х» и умер в 1828 г. (Гринев А. В. Кто есть кто в истории... С. 260). Арндт подтверждает, что в церковной записи о браке Анны и в запросе о нем в документах РАК говорится, что она дочь покойного старшего фельдшера Ивана Котельникова. Однако Арндт не находит свидетельств, что тако-

Согласно справкам, наведенным Арндт, жена Анна была привезена вместе с двумя ее тезками³⁴ великоустюжским мещанином Максимом Андреевичем Смолиным осенью 1838 г.³⁵ Непросто разобраться во взаимоотношениях трех Анн и Максима: Анна, будущая Савченко, была падчерицей Максима (что «старшая дочь» Смолина не была его родной, подтверждается исповедной росписью за 1840 г., где она называется «Анна Иванова», то есть Анна Ивановна³⁶); вторая дочь Анна была племянницей Анны-жены, то есть тоже не родной дочерью

вой когда-либо служил на Аляске, Алеутских островах или в Калифорнии. В метрической книге за 1828 г. исследовательница обнаружила, что запись о смерти Ивана Котельникова относится к 31-летнему «алеуту», без указания на то, что он был фельдшером (электронное сообщение К. Арндт от 26.02.2018 г.). Предположение, что «старший фельдшер» Иван Котельников мог до 1823 г. посетить Атху (Атку) и связать свою судьбу с местной женщиной («туземка» Гринева), Арндт не исключает потому, что не располагает атхинскими документами (из отдельного фонда Охотской конторы) до 1823 г., когда приказом из Петербурга управление Атхой было передано из Охотска конторе в Ново-Архангельске (откуда на практике она управлялась лишь с 1825 г.).

34 Подобная семья удивила чиновников ПАК: CS. Vol. 16. Folios 294 verso — 295. No. 550. 11 November 1838. Chief Manager Kupreianov to Novo-Arkhanghel'sk office. В указанном письме главный правитель И. А. Купреянов сообщает, что контора в Охотске прислала три документа о семье, которые он передает в контору в Ново-Архангельске, но не указывает на их конкретное содержание.

35 Назначения Смолина в ПАК с 1819 г. включали должности помощника правителя Охотской конторы и позже смотрителя (1828–1832) при Охотской верфи (*Гринева А. В. Кто есть кто в истории... С. 498*). Арндт, которая начинает рассказ о нем с момента командирования его ПАК в Ново-Архангельск на бриге «Охотск» (том же, на котором семья Савченко будет отправлена на Камчатку в 1853 г.) (CS. Vol. 16. Folios 294 verso — 295. No. 550. 11 November 1838. Chief Manager Kupreianov to Novo-Arkhanghel'sk office), определяет положение Смолина в Охотске как «warehouse keeper». С 1840 по 1846 г. он был приказчиком торговой лавки в Ново-Архангельске и также уезжал из колоний (осенью 1847 г., вместе с женой Анной, в Кронштадт) не по своей воле: главный правитель М. Д. Тебеньков уволил Смолина за «неоднократные жалобы на него покупателей» (*Гринева А. В. Кто есть кто в истории... С. 498*).

36 ARCA, Sitka parish records, Confessional list, 1839–1841, reel 264, frame 312. У нас нет точных указаний на степень родства или свойства Анны Ивановны и супругов Смолиных.

Максима³⁷. В том, что в случае с Анной Ивановной мы имеем дело именно с женой О. Савченко, нет сомнения, Максим и Анна (дочь) как «свидетели» во время заключения их брака подтверждают это. В исповедной росписи за 1839 г. возраст Смолина указан как 36, его жены Анны Петровны — 38, их дочерей Анны — 16 и Анны — 10 лет³⁸. Смерть Осипа произошла в промежуток, когда состоялась знаменитая Петропавловская оборона (18–24 августа (ст. ст.) 1854 г.). В связи с сохранявшейся англо-французской угрозой весной 1855 г. порт и город были оставлены эскадрой и жителями, причем местному коренному населению было предложено уйти на север. В этом можно искать дополнительные поводы к тому, чтобы вдова с двумя детьми вернулась в колонию, где у них были некоторые перспективы помощи со стороны РАК. Осенью 1855 г. Анна, Павел и Демьян на барке «Турку» прибыли из Петропавловска в Павловскую гавань (т. е. в Кадьяк), где по приказу главного правителя Русской Америки они должны были остаться жить³⁹. В ответ на обращение Савченковой через правителя Кадьякской конторы⁴⁰ за помощью ей и ее семье Воеводский весной 1856 г. велел правителю сообщить ей о намерении компании, несмотря на преступление ее мужа, дать образование ее сыновьям, с немедленной отправкой их в Ново-Архангельск, а ей самой гарантировать основное обеспечение в Павловской гавани, при условии нахождения ею, помимо этого, какой-либо работы как дополнительного источника существования⁴¹. Когда летом 1857 г. Воеводский посетил Кадьяк, Савченкова снова обратилась с прошением, и в итоге ей разрешили жить в Ново-Архангельске, посоветовав предложить свои услуги в частном доме⁴². В исповедной росписи за 1858 г. она названа среди вдов и сирот. Скончалась Савченкова 3 марта 1860 г.⁴³

37 Исповедные росписи и запись о браке Анны Максимовны позволили Арндт узнать также фамилию ее отца — сибирского казака Краснойрова.

38 ARCA. Sitka parish records. Confessional list, 1839–1841. Reel 264. Frame 292.

39 CS. Vol. 36. Folios 164 verso — 165. No. 277. 29 November 1855. Chief Manager Voevodskii to Assistant Chief Manager Captain 2nd Rank and Cavalier Aleksandr Il'ich Rudakov.

40 Правителем с 1844 до 1858 г. был Ф. И. Мургин.

41 CS. Vol. 37. Folios 55 verso — 56. No. 116. 13 March 1856. Chief Manager Voevodskii to manager of the Kad'iak office.

42 CS. Vol. 38. Folio 164 verso. No. 4. 19 June 1857. Chief Manager Voevodskii to Kad'iak office.

43 Arndt K. L. Background...

САВЧЕНКО Александра Иосифовна — родилась 19 апреля 1841 г., Ново-Архангельск, крестные родители — Смолин и его дочь Анна Максимовна⁴⁴. Первенец Осипа и Анны, она умерла, по видимому, в самом раннем младенчестве, на Симусире или еще по дороге туда.

САВЧЕНКО Павел Иосифович — родился 3 июня, вероятно, 1842 г. (1841 г., указанный в метрической книге Атхинского прихода за 1844 г.⁴⁵, где подтверждается и его первое крещение, ошибочен) на острове Симусир. Очевидно, по причине как рождения, так и крещения (что отличает его от брата Демьяна) за пределами Аляски он не попал в число детей, перечисленных Гриневым в статье об Осипе⁴⁶. Это нарушает концептуальный подход историка учитывать по возможности состав семей жителей Русской Америки (прежде всего рожденных в ней, а также детей, привезенных лицами, прибывшими работать на РАК). Павел получил имя от отца во время первоначального крещения без священника⁴⁷ 5 июня 1842 г. (крестный отец — томский крестьянин Иван Акентьев или Аксентьев⁴⁸). А 17 июня 1844 г.⁴⁹ младенец был повторно крещен иеромонахом Николаем (Милитовым)⁵⁰. Точная про-

44 ARCA. Vital Statistics. Sitka. Book for 1841. Folio 3, female 5.

45 ARCA. Vital Statistics. Atka. Book for 1844. Folio 3, male 9. Рождение Павла в 1841 г. исключается из-за даты рождения Александры и ставится под сомнение из-за возраста, отмеченного для Павла во время его учебы в школе в Ново-Архангельске (*Arndt K. L. Background...*). В единственной исповедной росписи, которую Арндт нашла за годы на Симусире, возраст Павла указан 4 года, Демьяна — 1 год (ARCA. Kuril Islands parish records. Confessional list, 1846. Reel 56. Frame 540).

46 *Гринева А. В.* Кто есть кто в истории... С. 469.

47 «Baptized by his father» и «was chrizmated» — выражения из материалов Арндт, которыми уточняется разница между лицами, крещеными мирянами и священником.

48 «Ioann Akentiev» (*Arndt K. L. Background...*), «Аксентьев Иван» (*Гринева А. В.* Кто есть кто в истории... С. 19). По Гриневу, уволился из РАК и выехал на родину в 1843 г.

49 В связи с редким посещением острова священнослужителями промежуток между первым и вторым крещением для Павла и Демьяна составляет соответственно 2 года и 12 дней и 1 год, 3 месяца и 8 дней.

50 Электронное сообщение К. Арндт от 17.12.2018 г. Выясняется, что Николай (Милитов) был отправлен в плавание к острову Шумшу между посвящением в иеромонахи за семь месяцев перед тем и назначением его по предложению епископа Иннокентия (Вениаминова) миссионером к

должительность учебы Павла и его брата в ново-архангельской школе нами не выяснена⁵¹. Он с матерью числится в исповедной росписи за 1859 г. среди вдов и сирот в Ново-Архангельске; в росписи за следующий год уже нет матери, а Павел впервые именуется креолом⁵².

САВЧЕНКО Демьян⁵³ Иосифович — родился 1 июля 1845 г., получил имя при первом крещении своим отцом 5 июля 1845 г. (крестный отец — алеут Дмитрий Якутука⁵⁴). Был вновь крещен 13 октября 1846 г. в Ново-Архангельске священником Петром Литвинцевым (крестные родители — Смолин и племянница его жены Анна, теперь жена боцмана 9-го флотского экипажа Александра Иванова)⁵⁵. Нельзя исключать, фамилия священника подсказывала некоторую общность происхождения, связанного с Великим княжеством Литовским, как старшему Савченко, так и ряду других лиц на Аляске, включая главного правителя Воеводского⁵⁶. Супруг крестной Иванов прибыл

индейцам денаина: CS. Vol. 23. Folios 50 verso — 52. No. 65. 21 March 1844. Chief Manager Etolin to Bishop Innokentii — Etolin agrees to the Bishop's proposal to send Hieromonk Nikolai from Novo-Arkhangel'sk to Shumshu Island aboard the brig *Promysel* in the summer of 1844; CS. Vol. 23. Folios 117–118 verso. No. 143. 18 April 1844. Chief Manager Etolin to Commander of the brig *Promysel*, Corps of Fleet navigators praporshchik Gavrilov — Etolin instructs Gavrilov to take Hieromonk Nikolai to the Shumshu Island.

51 В ново-архангельской исповедной росписи за 1857 г. братья Савченко относятся к воспитанникам, ученикам ПАК (ARCA. Sitka parish records, Confessional list, 1857. Reel 265. Frame 20). Арндт отмечает, что Демьян выступает в этом качестве по крайней мере до 1860 г., когда ему было 16 лет, а Павел в последний раз — в том же возрасте в 1858 г.

52 *Arndt K. L. Background...*

53 В материалах, полученных от Арндт, и в других источниках имя Демьяна передается также как Дамиан, Демиан, Димеан, Димиан и т. д.

54 ARCA. Vital Statistics. Atka. Book for 1845. Folio 5, male 6.

55 ARCA. Vital Statistics. Sitka. Book for 1846. Folio 22, male 3.

56 Степан Васильевич Воеводский был уроженцем Бельского уезда Смоленской губернии — в зоне белорусско-великорусского пограничья. Здесь уместно перечислить и других лиц — одновременно связанных с прилегающими к Смоленской белорусскими губерниями и образовательными учреждениями в Ново-Архангельске. Так, применительно к 1851 г. как «наставник Ситхинской Духовной семинарии» упоминался, несмотря на свое католическое вероисповедание, Доминик Игнатъевич Транчук (*Гринев А. В. Кто есть кто в истории... С. 535*). Уроженец Витебской губернии Каэтан Егорович Бобровский начиная с 1 января 1866 г. и до са-

в Ново-Архангельск в 1841 г. на корабле РАК под командованием Д. Ф. Зарембо⁵⁷. Позднее, в 1850-х гг., по сведениям Гринева, Иванов «состоял смотрителем школы для мальчиков и погиб во время нападения индейцев-тлинкитов на Ново-Архангельск 11 марта 1855 г.»⁵⁸. Эти факты важны для воссоздания фона — обстановки в колониях, которая влияла на формирование личности Д. Савченко. Как и в случае с Павлом, наши данные по хронологии указания в документах креольской идентичности Демьяна лишь выборочные. Однако очевидно, что он, как и брат, приобрел этот статус после того, как завершилось его обучение в школе, готовившей кадры для РАК; Демьян определенно называется креолом в 1873 г. Его профессия, занятия, достигнутый уровень грамотности и характер остаются для нас неясными.

САВЧЕНКО Мария — тлинкитка (девичья фамилия в записи о браке — Ктау (Ktau), в исповедной росписи за 1868 г. — Мустин (Mustin), далее проходит в документах просто как Мария). Впервые вышла замуж в 1868 г. за Филиппа Васильевича Михайлова⁵⁹. Овдовев в 1871 г., в 1873 г. в сорокалетнем возрасте вступила в брак с 29-летним Демьяном. Тлинкитские женщины покидали свою этническую территорию, включающую и Ново-Архангельск (Ситку), и в связи с необходимостью по работе их супругов — «служителей» РАК. Имеется статистика численности тлинкитов в районе расселения алутиик, выведенная из церковного учета по Кадьякскому приходу. Она свидетельствует, что тлинкиты в интересующий нас период жили исключительно в Павловской гавани / Кадьяке⁶⁰.

мой продажи Аляски (1867) был «смотрителем (директором) и учителем в Новоархангельском училище» (Там же. С. 67–68). Феликс Александрович Петрашкевич, «очевидно, польского происхождения», — в 1860 г. «преподавал в новоархангельской школе математику» (Там же. С. 417).

57 Место происхождения Дионисия Федоровича Зарембо (иначе Заремба), не указываемое до этого даже наиболее авторитетными алясковедами, два белорусских автора локализовали в Могилевской губернии: Чудов В. Дионисиевский редут // Чудов В. Честь превыше смерти: исторические рассказы. Минск, 2012. С. 82; Герой Русской Америки: Дионисий Федорович Зарембо // Флотоводцы Белой Руси / Авт.-сост. Н. Н. Малишевский. М., 2017. С. 16.

58 Гринева А. В. Кто есть кто в истории... С. 190.

59 Этот «уроженец сел. Уксалопяя прихода Сальмус» Выборгской губернии, нанятый РАК, отправился в Русскую Америку в 1861 г. (Там же. С. 350).

60 Luehrmann S. Alutiiq villages under Russian and U.S. rule. Fairbanks, AK, 2008. P. 165–171. Тлинкитов в Кадьяке насчитывалось от 7 до 19

САВЧЕНКО Николай — появился в двух газетных статьях 12 июня 1891 г. как Savchinikoff, в описи же ARCA ее составители по неизвестной причине предпочли версию из второго, менее грамотного, из двух писем Демьяна по поводу его сына, приводимых ниже, то есть Савчеников (Savchenikov)⁶¹, не Савченко (Savchenko)⁶².

Николай появился на свет 9 декабря 1877 г. как незаконнорожденный сын Аграфены, воспитанницы Демьяна, племянницы его бездетной жены тлинкитки Марии. Уже с первого года брака Филиппа Михайлова и Марии с ними жила Аграфена. Исповедные росписи из ARCA, изученные Арндт⁶³, отражают возраст Аграфены (называемой также Агрипиной), умершей в 1887 г., в неправильной прогрессии. Образовавшаяся кривая не исключает вероятности как совсем юного материнства и ранней же смерти (соответственно — около 14 и 24 лет), так и несколько более зрелого возраста Аграфены (примерно до 25 лет в момент рождения Николая). Поскольку детей, по сведениям Арндт, в союзе Марии и Демьяна не родилось, это служит поводом предполагать возможное отцовство Демьяна как часть пережитков распространенного и у тлинкитов сорората — той его разновидности, когда племянница жены становится еще одной женой и рождает ребенка, особенно если последнее до этого было невозможно в связи с бесплодием первой жены. Употребленное в письмах выражение «сын мой» / «мой сын» может свидетельствовать о том, что Демьян формально или неформально усыновил Николая после смерти его матери.

человек: соответственно, 3 мужчины и 4 женщины в 1849 г. 3 и 5 в 1860; 8 и 11 в 1867; 9 и 10 в 1870; 7 и 5 в 1877; 6 и 7 в 1885; 5 и 2 в 1895 (данные из таблиц, поданных подряд за указанные годы). С. Люрманн при этом отмечает ту особенность учета в церковной статистике этнической принадлежности, что женщин относили к тем же категориям, что и их мужья и отцы (Ibid. P. 163).

61 The Alaskan Russian Church archives: records of the Russian Orthodox Greek Catholic Church of North America — Diocese of Alaska. Washington, DC, 1984. P. 112. Однако в этой описи старейший из Савченко отмечен как «Savchenko, Ossip» (Ibid. P. 151).

62 В сообщении архиеерея о начале занятий в школе Николай записан как «Савчинко»: [Списки учеников (1–23) и учителей (1–11) Церковной школы, Сан-Франциско, 18(30).9.1888] // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 129. Л. 19.

63 Вся информация о матери Н. Савченко почерпнута из электронных сообщений К. Арндт от 14.02.2018 и 23.02.2018 г.

Временем выезда Н. Савченко с Кадьяка в Сан-Франциско для обучения в церковной школе документы из ARCA и газетные публикации позволяют считать лето 1888 г., вместе с епископом Владимиром (Соколовским)⁶⁴, в числе первых непосредственно рекрутированных им аляскинских учеников⁶⁵.

Обращения в Аляскинское духовное правление, в которых за подписями (но без росписей) Демьяна содержится просьба прислать Николая временно в Кадьяк (то есть в место написания писем), датированы 17 (29) октября 1890 г. и 26 ноября 1891 г. Первое из них написано в тот же день и тем же почерком, что и письмо⁶⁶ отца другого ученика — Николая Павлова, который вернулся к себе на родину, на остров Лесной, именно 29 октября. «Николай В. Павлов» просит оставить своего сына дома до весны и первого транспорта. Пример семьи Павловых мог дополнительно повлиять на Демьяна.

Тексты двух прошений Д. Савченко приводим с сохранением орфографии (но без ъ; с заменой і на и; без ь на конце слов) и пунктуации оригиналов⁶⁷:

64 28 августа 1888 г. газета «Сан-Франциско кроникл» информировала о впечатлениях епископа Владимира: «Я посетил Кадьяк, острова С. Павла, Вилляж, Авоньяк, Карлук, Сосновые и Лесные острова (Spruce and Wooden islands), кроме менее значительных мест» (*Гневушев М. В.* Преосвященный Владимир, епископ Алеутский и Аляскинский, и состояние Православной Русской Церкви в Америке. Киев, 1890. С. 101).

65 Однако необходимо уточнить, кто из школьников из сентябрьского списка был в школе, когда ее вел протоиерей Владимир Вечтомов, то есть до приезда в апреле 1888 г. так называемой Холмской группы (представителей клира, учеников и вспомогательного персонала, отобранных в Холме и других местах ново назначенным епископом Владимиром). По поводу последовавших и угрожающих увольнений (кроме Вечтомова, главного в епархии до прибытия епископа, это коснулось певчих, в том числе недовольных уменьшением жалования) и вероятности исключений из школы Владимир пояснил репортеру: «Мои отношения с протоиереем Вечтомовым, диаконом Соболевым и г. Алексиным дружественны. Ученики школы не будут исключены; я их люблю так же, как и прибывших со мною. Более сорока учеников скоро прибудет из Аляски» (Там же. С. 60).

66 ARCA. D262. R. 181. Frame 55.

67 Данное воспроизведение писем отличается от публикации их в русском оригинале (вместе с белорусским переводом) в минской «Краязнаўчай газеце» (2018. № 48. С. 6) тем, что здесь мы не исправляем ошибки и не гармонизируем стиль.

«Кодьяк, Октября 17/29 — 90

В Русское Еклезиастическое Консистиорию Аляски

Сан-Франциско

Гг:

Я нижеподписавшийся прошу выше упомянутое Духовное Правление уволить на время от его благородного учения сына моего Николая Савченко на свидание к его родителям при первом возможном удобном случае которое будет состоять в Кодьяк Аляску. За что буду много обязан и воожидание что сын мой Ник. Савченко удовлетворит сему Духовному Правлению и паче Епископу Владимиру Алеутскому и Аляскинскому своим Прелижанием и любовью к науке его в предъбудущее время

При сем с благословением от Его Высоко Преосвященства (?)⁶⁸ надежде к удовлетворению моего желания. Остаюсь ваш верный раб Демиан Савченко»⁶⁹.

Второе письмо отличается прямым обращением к владыке — вместо упоминания его имени. Это было благоразумно, поскольку даже в Сан-Франциско долго не было ясно, произошла ли уже смена архиерея. Но прочесть его мог уже только сменивший Владимира, уехавшего примерно за неделю до даты написания письма, епископ Николай (Зиоров). Оно написано рукой значительно менее грамотного человека, использовавшего, судя по всему, первое послание (возможно, сохраненный черновик его) как образец:

«// Кодьяк, Ноябрь 26 1891 // в Русскую Эклеазестическую // Консистиорию Аляски // Сан франциско // Я ниже подписавшейся // прошу упомянуть Мое / Духовноя правления уволить / навремя Моего Сына Никалаая / от занятия Его Благодарнаго / учения Насвидания при / первом Случае Которая // Будет Состоять в Кодьяк // Если же он пожелает / Назать обратна То я / могу Его от правит / насвое основания

68 Конец титула архиерея в обоих письмах плохо различим. Упоминание «Его Высоко Преосвященств(а)» (титул архиепископа) вызывает сомнение в нашем предположении, что при написании прошений Павлову и Савченко помогал настоятель в Кадьяке А. Мартыш.

69 ARCA. D249. R. 172. Frame 656. Впервые первое письмо публично озвучено в белорусском переводе 10 мая 2018 г. на научно-практической конференции «П чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792—1852): историка, археографа, археолога» (Минская духовная академия).

// сделайте Божескую Милость // приосвященнейшей (?)⁷⁰ Владыко // Я и мею удовольствия / увидеть Моего Сына Николая / Мы теперь хвораям бог знает / что будит Димеан Савчеников»⁷¹.

В июне 1891 г., в отсутствие епископа, отправившегося в ставшую для него последней поездку на Аляску, в ситуацию с помощью полиции вмешалось общество защиты детей. Случаи, связанные с Н. Савченко, присутствуют как минимум в двух газетных публикациях, которые воспроизведены на сайте holy-trinity.org и были использованы также в книге Теренса Эммонса⁷². О стычке в школе: «Николас Савчиниофф рассказал о драке, которую он имел незадолго перед тем с Алексиным. Он сказал, что только “посмотрел” на Алексина, когда тот ударил его ладонью по лицу. Это рассердило парня, и он попытался ударить зрителя⁷³ бутылкой, но был сбит с ног ударом сжатого кулака Алексина. Николай провел два дня в темнице, живя на хлебе и воде, за свой проступок»⁷⁴. В этой же статье цитируется помощник зрителя Павел Лигда, который оправдывает свой удар,

70 Нет полной ясности с расшифровкой нескольких букв в конце слова, среди других наиболее вероятных вариантов — «приосвященнейшей», «приосвящененшей». В этом письме затруднения вызывают также отнесение букв к прописным и строчным, деление на абзацы.

71 ARCA. D249. R. 172. Frame 657. Впервые письмо опубликовано — в переводе на белорусский язык — в «Краязнаўчай газеце» (2018. № 25. С. 6). Также основной текст (также по-белорусски, но с приведением отдельных «нестандартных» слов в оригинале) процитирован в нашей статье «Царкоўная школа ў Сан-Францыска (1888—1892) у асобах» в журнале Польской православной церкви «Cerkiewny Wiestnik» (2018. № 4. S. 55).

72 *Emmons T. Alleged sex and threatened violence: Doctor Russel, Bishop Vladimir, and the Russians in San Francisco, 1887—1892. Stanford, CA, 1997.* Это наиболее подробный из опубликованных обзоров данного конфликта, который занимает центральное место также в его докладе: *Эммонс Т. Тернистый путь православной епархии в Сан-Франциско. 1870-е — 1890-е // Христианское начало в культуре России XIX—XXI вв. Седьмые Щаповские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 8 октября 2008 г.) / Сост. А. С. Маджаров. Иркутск, 2008. С. 101—110.*

73 В оригинале — superintendent. Руководитель школы, который иногда назывался также директором или инспектором.

74 *A church scandal // San Francisco Chronicle. 1891. Jun. 12. P. 8.* [Электронный ресурс]. URL: http://holy-trinity.org/history/1891/06.12_SF%20Chronicle.htm (дата доступа: 11.05.2005).

нанесенный неназванному ученику, «самозащитой» в связи с нападением на него с бутылкой. В другой газете за этот же день говорится лишь об ударах или нападении Лигды, в том числе на Николая: «Один из мальчиков, по имени Николас Савчиникофф, тринадцати лет и сирота, который был привезен сюда с Аляски три года назад, заявил, что Лигда грубо напал на него и, схватив с пола, поднял его высоко над головой и потом бросил на пол. Это был только один пример многочисленных нападений подобного характера»⁷⁵. Из содержания двух этих репортажей невозможно понять, один, два или три отдельных эпизода насилия упомянуты выше и сколько раз пытался использовать бутылку именно Николай.

Из известных нам по фамилиям 32 учеников, включая Н. Савченко, и 16 педагогов 1888–1892 гг. Алексин и Лигда, как вступившие в наиболее плотный контакт с ним, заслуживают нашего особого внимания. В результате усилий «нигилистов», прежде всего революционера Н. К. Русселя (бежавшего из России еще как Судзиловский), настойчивости иеромонаха о. Иосифа (Левина) и нескольких представителей славян и греков, вмешательства Общества предупреждения жестокости по отношению к детям полиция взяла учеников под свою охрану, а Алексин и Лигда были арестованы. Вскоре последние были отпущены под залог, и их преследование, вероятно, имело ту же перспективу в американском суде, что и иски против епископа Владимира, предъявленные как представителями «идейного» крыла анти-епископской фракции, так и бывшими протеже архиерея, попавшими в немилость. Сведений о прекращении дел против Алексина и Лигды у нас нет, но, очевидно, приостановление их могло быть мотивировано той же причиной, которая прозвучала в объяснении большого жюри⁷⁶, решавшего судьбу епископа: «Мы отпускаем Вас не потому, чтобы нашли Вас невиновным, а из уважения к престижу церкви, главою которой вы состоите»⁷⁷.

75 Boys treated like slaves // San Francisco Examiner. 1891. Jun. 12. P. 3. Перепечатано в: Holy Trinity Cathedral Life. 1997. № 6. Feb. ([Электронный ресурс]. URL: <http://holy-trinity.org/history/1891/06.12.examiner.html> (дата доступа: 17.03.2005).

76 Grand jury — коллегия присяжных. Объяснение роли «Великого жюри» в судебной системе см. в: *Руссель Н.* Житие преосвященного Владимира, бывшего епископа Алеутского и Аляскинского, ныне викарного епископа Воронежского. М. [Лондон], 1895. С. 37.

77 Там же. С. 40.

Помимо известных критических замечаний в адрес Е. П. Алексина со стороны доктора Русселя в его брошюре⁷⁸, мысли об удалении Алексина, содержащейся в письмах К. П. Победоносцева⁷⁹ и российского генерального консула В. А. Арцимовича⁸⁰, еще имеется весьма выразительная характеристика игумена Георгия (Чудновского). Обращаясь незадолго до начала кульминации школьного кризиса к товарищу обер-прокурора В. К. Саблеру с критикой состояния епархии, игумен так отозвался об Алексине: «Всему городу известный с дурной стороны, как игрок, пьяница, соблазнитель и вообще безнравственный человек»⁸¹. В свете этого становится более понятной оценка личности Алексина, которой, вероятно, придерживался Н. Савченко. Однако ни епископ Владимир, ни епископ Николай, ни пришедший на кафедру в 1898 г. епископ, а позднее архиепископ Тихон (Беллавин) не уволили его со службы в епархии — он был лишь «сослан» на Аляску, в Бельковское, где «особое внимание уделял церковно-приходской школе»⁸², а затем был оправлен сменить о. А. Ярошевича в Джуно. Его последнее миссионерство среди тлинкитов прервалось в связи с получением наследства в России⁸³.

78 «Оказалось, что инспектор — заведомый горький пьяница и картежник, что он в припадках пьяного бешенства заколачивает детей до полусмерти, что кормит их гнилою, никуда не годною пищею и т. д., и т. д.» (Там же. С. 17).

79 Там же. С. 37.

80 *Emmons T. Alleged sex...* P. 146.

81 РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 76. Л. 42—42 об. Продолжение свидетельства игумена: «... — Евфимий Алексин, нечестно и хитро вошедший в полное доверие к Его Пре[освящен]ству, ныне уже посвящен во дьякона, назначен Членом А.[ляскинского] Д.[уховного] Правления и Казначеем всех Аляскинских сумм, и к Св. Пасхе будет рукоположен во Священника Соборной церкви. Алексин, с трудом читая Славянскую книгу, положительно не подготовлен к Священному Сану, и его посвящение принесет один только позор, для нашей Св. церкви».

82 *Капалин Г. М.* (митрополит Калужский и Боровский Климент). Русская православная церковь и освоение Тихоокеанского севера в XVIII–XIX вв. (по материалам Аляски): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2014. С. 344.

83 Доктор Руссель представил Алексина своим читателям как «земляка и товарища по [Полтавской. — А. С.] семинарии Владимира, назначенного им инспектором школы» (*Руссель Н. Житие...* С. 17). Если верить тональности письма, отправленного из Киева в декабре 1914 г. дочерью Алексина Ольги, ухаживавшей за больным отцом, последний и умер на Украине около начала того же года.

Павел Лигда, шурин Алексина, представляет собой более неоднозначную фигуру. Несмотря на еще одно судебное дело — связанное с его якобы обманным обещанием жениться, он позже зарекомендовал себя как уважаемый семьянин, преподаватель в американской «высшей» школе и на специальных курсах для университета, опубликовавший статьи и книгу по математике. Объективная оценка его действий возможна при более тщательном изучении как его поведения, так и поведения учеников, особенно «дикого», «варварского нрава» тех из них, кто до этого воспитывался на Аляске⁸⁴.

В Сан-Франциско произошла встреча Н. Савченко с Николаем Гринкевичем, братьями Николаем Русселем и Эмилем Судзиловским, женой Русселя и тоже врачом Леокадией (урожденной Шебеко), консулом Арцимовичем. Все они — из скромного (на фоне великорусского, польского и малорусского присутствия) списка известных нам лиц белорусского происхождения, проживавших в то время в городе. Уже их фамилии указывают на связь с известными родами Могилевской губернии, граничившей со Смоленской. Если до 1888 г. Н. Савченко, вероятно, имел лишь смутное представление о последней со слов Демьяна, то учитель географии Гринкевич мог объяснить ему, что они почти земляки.

Дальнейшая судьба Демьяна, Марии и Николая Савченко требует дополнительного выяснения. Когда Николай вернулся на Аляску (и вернулся ли вообще, поскольку в логику событий могло вмешаться очередное удивительное обстоятельство) нам неизвестно.

Компаративистское исследование взаимодействия белорусов и других восточноевропейцев с коренными жителями Америки пред-

84 В одной версии биографии Павла, использованной на генеалогическом сайте их рода, Пол Лигда, юрист по профессии, обошел неприятные данные о приписываемом его деду жестком обращении с учениками ([Электронный ресурс]. URL: <http://www.ligda.net/paul-victorovitch-ligda> (дата доступа: 14.03.2018), а в другой, присланной автору (электронное сообщение П. Лигды от 01.08.2018 г.), это кратко затронуто. Пол почти не осветил участия Павла в делах многонациональной церковной общины, хотя отдельные упоминания (например, о присутствии его на фотографии церковного хора) все же указывают на принадлежность Павла Викторовича Лигды к русской церкви в Калифорнии: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ligda.net/victor-nicholas-ligda> (дата доступа: 14.03.2018). По данным Пола Лигды, Павел, немец по матери, родился, как и его отец, имевший русские и греческие корни, в Москве; до переезда в 1889 г. в США семья проживала в Италии (с 1874 г.) и Франции (с 1879 г.).

ставляет научный интерес не только в чисто историческом, но и в этнопсихологическом отношении. Н. Савченко с самого рождения воспитывался Демьяном, поэтому даже без учета версии, что они могли быть биологическими родственниками, их пример не только еще раз подтверждает воинственный, непокорный характер тлинкитов, который лишь несколько смягчился в результате внешних влияний, но и дает нам материал для интерпретации новых и «нехарактерных» поведенческих черт, развившихся у членов семей, созданных на Аляске выходцами из Восточной Европы. Огромный потенциал неопубликованных документов из архивов православной церкви и РАК, который мы продемонстрировали на примере изучения аляскинского рода Савченко, несомненен.

Присвоенный Савченко креольский статус, зафиксированный в документах или домысленный (например, при составлении на их основе справочных материалов в форме списков и таблиц⁸⁵), Арндт, с оговоркой об отсутствии доступа к архивному фонду, позволившему бы еще больше минимизировать вероятность отыскания «атхинского» следа, считает закреплением положения братьев как воспитанников РАК, отучившихся в ее школе, а не следствием биологического происхождения⁸⁶. Креольский феномен, включающий отнесение к креолам и лиц, не имеющих предков среди аборигенов Аляски, требует более четкого осмысления. Также заслуживает внимания и происходящий в разных уголках земного шара поиск своих «героев», взаимодействовавших с индейцами, продуктом которого являются и многочисленные случаи мистификации контактов, происхождения от них метисов. Эскимосы и алеуты представляются менее «престижными» источниками метисов, чем индейцы Аляски⁸⁷, а последние уступают в этом

85 На алясковедческом сайте «Damian» (с указанием фамилии отца как Savchenko и креольского происхождения матери) продолжает находиться в разделе «Sitka Births 1816—1867». Вследствие смешения фактов рождения и крещения Демьян ошибочно причисляется к уроженцам Аляски и конкретно Ситки: [Электронный ресурс]. URL: http://alaskaweb.org/births/1816_s.html (дата доступа: 04.05.2018).

86 Добавим от себя, что Анну Савченко могли начать называть креолкой как мать «креолов». Именно здесь находим элемент домысливания.

87 Поскольку индейцы «престижнее» эскимосов и алеутов, креолов от которых гораздо больше, публику разочаровывают открытия, подобные случаю с женой главного правителя А. А. Баранова, дочерью кадыякского тоена, которую ошибочно называют «дочерью индейского вождя».

ирокезам, апачам, команчам, лакота, шайенам или шауни (если не по принципу «кто лучше», то по критерию «кто знаменитее»). Независимо от обоснованности претензий на «своих» индейцев и метисов, многие реальные и фиктивные случаи рождения соответствующего потомства широко известны⁸⁸, являясь предметом особой гордости. Негативный в значительной степени стереотип креолов на самой Аляске, традиционно известных склонностью к алкоголизму и другим порокам, свойственным коренным народам⁸⁹, не подтвержден, насколько мы знаем, тщательным специальным исследованием.

Вопрос о том, был ли и Николай Савченко «креолом», остается открытым (в Кадьяке, где волею судьбы проживала его мать, было значительно больше креолов по крови, чем «алеутов» (эскимосов и истинных алеутов), тлинкитов и русских). Но независимо от перспектив использования информации от его потомков, если они будут обнаружены, и других методов идентификации⁹⁰ его случай — в определенной степени предмет гордости белорусов и россиян.

Источники и литература

Российский государственный исторический архив (РГИА).

The Alaskan Russian Church Archives, Manuscript Division, Library of Congress (Washington, D. C.).

National Archives (Washington, D. C.).

88 Например, Уолтер Соболефф (1908—2011; тлинкитские корни по матери, русские, немецкие и еврейские по отцу), внук аляскинского священника, а перед тем диакона и учителя в Сан-Франциско Ивана Соболева, весьма известен и уважаем на Аляске как первый тлинкит — пастор пресвитерианцев (отличившихся в свое время борьбой с русским и православным влиянием) и как защитник прав коренного населения.

89 Ввиду этого атапаски денаина Кенайского прихода в глазах о. П. Шадуры, например, — «людишки», но образованные креолы, практически не отличаясь по образу жизни, иногда ведут себя хуже, чем «кенайцы» (Through Orthodox eyes: Russian missionary narratives of travels to the Dena'ina and Ahtna, 1850s—1930s / Trans. with an introd. A. A. Znamenski. Fairbanks, AK, 2003. P. 262).

90 Анализ ДНК потомков; поиск Н. Савченко на двух известных нам групповых фотографиях, на которых присутствуют ученики школы.

Алексеев А. И. Дело всей жизни: книга о подвиге адмирала Г. И. Невельского. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1972. 320 с.

Герой Русской Америки: Дионисий Федорович Зарембо // Флотоводцы Белой Руси / авт.-сост. Н. Н. Малишевский. М.: ФРИГО «Народная дипломатия», Гражданская инициатива «Союз», ИП Лобанов В. И., Книжный мир, 2017. С. 16–24.

Гневушев М. В. Преосвященный Владимир, епископ Алеутский и Аляскинский, и состояние Православной Русской Церкви в Америке. Киев: тип. С. В. Кульженко, 1890. 125 с.

Гринев А. В. Кто есть кто в истории Русской Америки: энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2009. 672 с.

Долинин В. «Ум российский промыслы затеял...» // Север. 1979. № 7. С. 101–108.

Капалин Г. М. (митрополит Калужский и Боровский Климент). Русская православная церковь и освоение Тихоокеанского севера в XVIII–XIX вв. (по материалам Аляски). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2014. 630 с.

Латышев В. М., Дударец Г. И. Государственный канцлер А. М. Горчаков и решение Сахалинского вопроса. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 2015. 313, [1] с.

Марков С. Русские на Аляске. М.: Воениздат, 1946. 152 с.

Марков С. Н. Юконский ворон. Роман. М., 2001.

Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850: В 2 т. М.: Наука, 2005. Т. 1. 752 с.

Руссель Н. Житие преосвященного Владимира, бывшего епископа Алеутского и Аляскинского, ныне викарного епископа Воронежского. М.: тип. П. Правдолюбова [Лондон: тип. Фонда Вольной русской прессы], 1895. 47 с.

Сімакоў А. Тлінкіт Саўчанка ў святле ліста з Кадзьяка ў Сан-Францыска // Краязнаўчая газета. 2018. № 25. С. 6.

Сімакоў А. Царкоўная школа ў Сан-Францыска (1888–1892) у асобах // Serkiewny Wiestnik. 2018. № 4. S. 46–63.

Сімакоў А. Бацька тлінкіта // Краязнаўчая газета. 2018. № 48. С. 6.

Чудов В. Дионисиевский редут // Чудов В. Честь превыше смерти: исторические рассказы. Минск: Четыре четверти, 2012. С. 82–96.

Ширяев Е. Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 120 с.

Шубин В. О. История поселений Российско-Американской компании на Курильских островах // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 3. С. 12–64.

Эммонс Т. Тернистый путь православной епархии в Сан-Франциско. 1870-е — 1890-е // Христианское начало в культуре России XIX–XXI вв. Седьмые Щаповские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 8 октября 2008 г.) / Сост. А. С. Маджаров. Иркутск: Оттиск, 2008. С. 101–110.

A church scandal // *San Francisco Chronicle*. 1891. Jun. 12. P. 8.

Arndt K. L. Background of Anna Ivanov[n]a Kotel'nikova // *Веснік БІТ*. 2018. № 22; № 23.

Arndt K. L. Transplanted to a northern clime: Californian wives and children in Russian Alaska // *Alaska Journal of Anthropology*. 2015. Vol. 13. № 2. P. 1–20.

Boys treated like slaves // *Holy Trinity Cathedral Life*. 1997. № 6.

Boys treated like slaves // *San Francisco Examiner*. 1891. Jun. 12. P. 3.

Emmons T. Alleged sex and threatened violence: Doctor Russel, Bishop Vladimir, and the Russians in San Francisco, 1887–1892. Stanford: Stanford University Press, 1997. 252 p.

Luehrmann S. Alutiiq villages under Russian and U.S. rule. Fairbanks: University of Alaska Press, 2008. 204 p.

Mazurek K. *Życie i działalność księdza Bazylego Martysza: droga do świętości*. Warszawa: Dom Wydawniczy Elipsa, 2018. 182 s.

The Alaskan Russian Church archives: records of the Russian Orthodox Greek Catholic Church of North America — Diocese of Alaska. Washington: Manuscript Division, Library of Congress, 1984. 248 p.

Through Orthodox eyes: Russian missionary narratives of travels to the Denā'ina and Ahtna, 1850s — 1930s / trans. with an introd. A. A. Znamenski. Fairbanks: University of Alaska Press, 2003. 346 p.

Kashevaroff A. Chirikof never a penal colony // *Daily Alaska Empire*. 1929. Jan. 28.

References

The Alaskan Russian Church Archives, Manuscript Division, Library of Congress (Washington, D. C.).

National Archives (Washington, D. C.), The Records of the Russian-American Company, Correspondence of the Governors General, Communications Sent.

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (Sankt-Peterburg),

“A church scandal.” *San Francisco Chronicle*. 1891, Jun. 12, p. 8.

Alekseev, A. I. *Delo vseĭ zhizni: kniga o podvige admirala G. I. Nevel'skogo*. Xabarovsk: Xabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. 320 s.

Arndt, K. L. “Background of Anna Ivanov[n]a Kotel'nikova.” *Vesnik BIT*. 2018, № 22, 23.

Arndt, K. L. "Transplanted to a northern clime: Californian wives and children in Russian Alaska." *Alaska Journal of Anthropology*. 2015, Vol. 13, No. 2, p. 1–20.

"Boys treated like slaves." *Holy Trinity Cathedral Life*. 1997, No. 6. Feb.

"Boys treated like slaves." *San Francisco Examiner*. 1891, Jun. 12, p. 3.

CHudov, V. "Dionisievskii redut." CHudov, V. *CHest' prevyshe smerti: istoricheskie rasskazy*. Minsk: CHetyre chetverti, 2012, s. 82–96.

Dolinin, V. "Um rossiiskii promysly zateial..." *Sever*. 1979, № 7, s. 101–108.

Emmons, T. *Alleged sex and threatened violence: Doctor Russel, Bishop Vladimir, and the Russians in San Francisco, 1887–1892*. Stanford: Stanford University Press, 1997, 252 p.

Emmons, T. "Ternistyĭ put' pravoslavnoi eparkhii v San-Frantsisko. 1870-e — 1890-e." *Xristianskoe nachalo v kul'ture Rossii XIX–XXI vv. Sed'mye SHCHapovskie chteniia: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Irkutsk, 8 oktiabria 2008 g.)* / Sost. A. S. Madzharov. Irkutsk: Ottisk, 2008, s. 101–110.

"Geroi Russkoi Ameriki: Dionisii Fedorovich Zarembo". *Flotovodtsy Beloĭ Rusi / avt.-sost. N. N. Malishevskii*. Moscow: FRIGO Narodnaia diplomatiia, Grazhdanskaia iniitsiativa Soiuz, IP Lobanov, V. I., Knizhnyi mir, 2017, s. 16–24.

Gnevushev, M. V. *Preosviashchennyĭ Vladimir, episkop Aleutskii i Aliaskinskii, i sostoianie Pravoslavnoi Russkoi Tserkvi v Amerike*. Kiev: tip. S. V. Kul'zhenko, 1890, 125 s.

Grinev, A. V. *Kto est' kto v istorii Russkoi Ameriki: entsiklopedicheskiĭ slovar'-spravochnik*. Moscow: Academia, 2009, 672 s.

Kapalin, G. M. (mitropolit Kaluzhskii i Borovskii Kliment). *Ruskaia pravoslavnaia tserkvi i osvoenie Tikhookeanskogo severa v XVIII–XIX vv. (po materialam Aliaski). Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk*. Moscow, 2014, 630 s.

Kashevaroff, A. "Chirikof never a penal colony." *Daily Alaska Empire*. 1929. Jan. 28.

Latyshev, V. M., Dudarets, G. I. *Gosudarstvennyi kantsler A. M. Gorchakov i reshenie Sakhalinskogo voprosa. Uzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskii oblastnoi kraevedcheskiĭ muzei*, 2015, 313, [1] s.

Luehrmann, S. *Alutiiq villages under Russian and U.S. rule*. Fairbanks: University of Alaska Press, 2008, 204 p.

Markov, S. *Russkie na Aliaske*. Moscow: Voenizdat, 1946. 152 s.

Markov, S. N. *Ukonskii voron. Roman*. Moscow, 2001.

Mazurek, K. *Zycie i dzialalnosć księdza Bazylego Martyusza: droga do świętości*. Warszawa: Dom Wydawniczy Elipsa, 2018, 182 s.

Rossiiia v Kalifornii: russkie dokumenty o kolonii Ross i rossiisko-kaliforniiskikh sviatziakh, 1803–1850: v 2 t. Moscow: Nauka, 2005. T. 1. 752 s.

Russel', N. *ZHtie preosviashchennogo Vladimira, byvshego episkopa Aleutskogo i Aliaskinskogo, nyne vikarnogo episkopa Voronezhskogo*. Moscow: tip. P. Pravdoliubova [London: tip. Fonda Vol'noi russkoi pressy], 1895, 47 s.

Simakoŭ, A. “Tlinkit Saŭchanka ŭ sviatle lista z Kadz’iaka ŭ San-Frantsyska.” *Kraiāznaŭchaia hazeta*. 2018, № 25, s. 6.

Simakoŭ, A. “TSarkoŭnaia shkola ŭ San-Frantsyska (1888–1892) u asobakh.” *Cerkiewny Wiestnik*. 2018, № 4, s. 46–63.

Simakoŭ, A. “Bats’ka tlinkita.” *Kraiāznaŭchaia hazeta*. 2018, № 48, s. 6.

Shiriaev, E. E. *Belarus’: Rus’ Belaia, Rus’ CHernaia i Litva v kartakh*. Minsk: Navuka i tekhnika, 1991, 120 s.

Shubin, V. O. “Istoriia poseleniĭ Rossiisko-Amerikanskoĭ kompanii na Kuril’skikh ostrovakh.” *Kraevedcheskiĭ biulleten’*. ĪŪzhno-Sakhalinsk, 1992, № 3, s. 12–64.

The Alaskan Russian Church archives: records of the Russian Orthodox Greek Catholic Church of North America — Diocese of Alaska. Washington: Manuscript Division, Library of Congress, 1984, 248 p.

Through Orthodox eyes: Russian missionary narratives of travels to the Dena’ina and Ahtna, 1850s — 1930s / Trans. with an introd. A. A. Znamenski. Fairbanks: University of Alaska Press, 2003, 346 p.

Aleksandr V. Simakov (Simakou)
Independent researcher (Homiel, Republic of Belarus)

The Savchenkos in Alaska and San Francisco: a Belarusian, Creoles, Tlingits

The “journey” of the members of the Savchenko “extended” family from Krasnyi in the Smolensk governorate via the islands of Simushir, Ukamok (Chirikof) and Kodiak, the cities of Petropavlovsk and Novo-Arkhangelsk (Sitka) to San Francisco reveals the ways in which original surnames, social and “ethnic” status in Russian and early American Alaska (including the controversy over Demian Savchenko’s supposedly “Native” grandmother) are treated. The need for background research on one of the students of the reopened (1888–1892) ecclesiastical school in San Francisco preparing boys for service in the Diocese of the Aleutians and Alaska has led to another unsolved mystery (Nikolai Savchenko’s obvious Tlingit ancestry on his mother’s side and his unidentified father). N. Savchenko had harsh encounters with some teachers as part of the (bad) condition of the church school that is being studied by the Grinkevich «On the School» Research and Translation Project. This time D. Savchenko’s two letters concerning N. Savchenko’s return to Kodiak are published as close as possible to the originals (but using the modern Russian script). Several “countrymen” from the Mogilev and adjacent gubernias, including those supporting the Savchenkos directly or indirectly, are mentioned.

Keywords: Russian America, California, miscegenation, genealogy, Orthodox education, justice, etnics.

Шипка (июль — август 1877 г.): русские и болгары (по воспоминаниям участников русско-турецкой войны)

В статье благодаря привлечению значительного комплекса опубликованных мемуаров участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также официальных документов известны в историографии события войны — овладение русскими войсками Шипкинско-го перевала и его героическая защита в августе 1877 г. — рассмотрены в формате имагологии, что позволило по-новому осветить многие грани во взаимоотношениях русских воинов с болгарским населением Габрово. Болгары радостно встречали своих освободителей от турецкого владычества, старались быть полезными, но от участия в строительстве дороги (от Габрово к Шипке) стремились уклониться, поскольку за эту работу не платили. С беженцами из Забалканской Болгарии, проходившими через Шипкинский перевал, русские солдаты делились едой, водой, а врачи оказывали медицинскую помощь. Накал августовских боев на Шипке передается через чувства и переживания защитников. Развенчивается миф о том, что болгары с самого начала боев (с 9 августа) сами, по собственному почину, носили на позицию воду. Показано, что снабжение водой было организовано русскими офицерами только с 12 августа, и за это болгарам платили, как платили и за вынос раненых с Шипки. Доблесть и самоотверженность русских войск и Болгарского ополчения спасли Габровский край от неистовств турок, черкесов и башибузуков.

Ключевые слова: *русско-турецкая война 1877–1878 гг., болгары Габрово, Шипка, Ф. Ф. Радецкий, В. Ф. Держинский, Н. Г. Столетов.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.1.07

Оборона Шипкинского перевала в августе 1877 г. в дореволюционной историографии определялась как символ мужества, стойкости

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-59-18002 Болг_а «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

и высокого подвига русского солдата. В марксистской историографии акцент делался прежде всего на боевом содружестве русских и болгар, и Шипка, таким образом, стала символом русско-болгарского братства. Привлечение в нашем исследовании в качестве источника мемуаров участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которые в имеющейся в настоящее время литературе использовались довольно мало и фрагментарно, призвано раскрыть новые грани во взаимоотношениях русских и болгар.

Из всех перевалов через Балканы Шипкинский перевал являлся самым легким и удобным путем в Забалканскую Болгарию к Адрианополю. Однако он был хорошо укреплен и на нем было сосредоточено до 5000 турок. В Главном штабе Дунайской армии планировалась одновременная атака Шипки со стороны Габрово и Казанлыка.

3 июля 1877 г. в г. Габрово прибыл авангард VIII армейского корпуса под командованием генерал-майора В. Ф. Дерожинского, в состав которого входил 36-й пехотный Орловский полк. Русские воины были радостно встречены колокольным звоном, священниками с хоругвями и жителями в праздничных нарядах с цветами, хлебом-солью и разными угощениями. Один из местных священников произнес речь по-русски¹. «Всё это произвело на нас какое-то торжественное, высокое впечатление, еще более возбудило желание как можно скорее встретиться с врагом и вырвать из его рук этих несчастных поработанных наших братьев»², — делился нахлынувшими чувствами не указавший своего имени офицер 9-й артиллерийской бригады. Жителям прочитали воззвание, подписанное Александром II, в котором разъяснялась цель русской армии — освобождение болгар от османского господства — и содержалось обращение к болгарскому народу: «Содействуя успехам Русского оружия, помогая ему усердно всеми вашими силами, всеми зависящими от вас средствами, вы будете служить вашему собственному делу — делу прочного возрождения Болгарского края»³.

4 июля две роты Орловского полка получили задание — вместе с сотней казаков захватить гору Большой Бедек, восточнее Шипки,

1 *Вырыпаев Н.* Шесть месяцев на Шипке (посвящается защитникам Шипки). СПб., 1884. С. 12.

2 Ночное нападение на г. Бэрдак. 5-го июля 1877 г. // Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877–1878 гг. (далее — СВР). СПб., 1879. Т. 5. С. 435.

3 Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. СПб., 1903. Вып. 1. С. 3–5.

занятой 2000 турок. По дороге русский отряд миновал две деревушки, жители которых «молча, с каким-то таинственным видом, с выражением чувства не то радости, не то боязни, выходя навстречу, выносили нам кувшины, наполненные водой». Офицер 9-й артиллерийской бригады вспоминал: «Как-то всё: и зной июля, и спокойная природа, и молчаливые жители, всё это подготавливало нас к столь же таинственному и опасному делу». Последовавшая затем ночная штыковая атака была ожесточенной: потеряв 50 человек убитыми и ранеными, русский отряд овладел этой важной высотой. Турки оставили на позиции 80 трупов, до 1000 ружей и разные запасы, которые достались болгарам⁴.

Капитан Орловского полка Скварковский рассказал, что болгары, сопровождавшие во множестве этот отряд, должны были, стоя в лесу, кричать «ура», чтобы «тем ввести турок в заблуждение относительно действительных наших сил». Но «братушки» куда-то скрылись и начали появляться только тогда, когда совершенно рассвело, чтобы «воспользоваться ружьями, патронами и разными вещами, оставленными турками». Капитан вспоминал, что все русские, в том числе и он сам, были благодарны «только одному болгарину» (его имя не сохранилось), поскольку он назначил в отряд превосходных проводников, а затем распорядился, чтобы 5 и 6 июля отряд был сыт и не терпел жажды: на гору постоянно в изобилии доставлялись хлеб, баранина, вино и вода⁵. 6 июля орловцы возвратились в Габрово.

Передовой отряд генерал-лейтенанта И. В. Гурко, выйдя 30 июня из Тырново и преодолев труднопроходимый Хаинкиойский перевал, 5 июля с боя захватил город Казанлык, а затем и село Шипку, находившееся при выходе из Шипкинского прохода в долину р. Тунджа. Прибывший 4 июля в Габрово генерал-адъютант князь Святополк-Мирский, начальник 9-й пехотной дивизии, не дожидаясь установления связи с отрядом генерала Гурко (что предлагал генерал Дерожинский), назначил на 5 июля, согласно предварительному плану, штурм Шипкинского перевала тремя колоннами. Офицер 9-й артиллерийской бригады Н. П. Вырыпаев свидетельствовал, что «батальон, наступавший по шоссе с проводником-болгарином во главе, был изменниче-

4 Ночное нападение на г. Бэрдак. С. 438–440.

5 *Скварковский*. Боевая хроника 36-го пехотного Орловского полка за 1877–1878 г. // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее — СМ). СПб., 1902. Вып. 10. С. 45.

ски заведен под турецкие выстрелы, и две роты понесли громадные потери» (около 200 чел. убитыми и ранеными, из шести офицеров вернулся только один). Капитан Скварковский, сообщая детали этого сражения, отмечал, что впоследствии проводник, чья вина в измене была доказана, был пойман и повешен⁶.

6 июля Гурко также предпринял атаку на Шипку, но и она была отбита. Было решено повторить штурм 7 июля. Генерал-майор М. Д. Скобелев, приехав в Габрово 7 июля, немедленно повел войска в наступление на Шипкинский перевал. Подпоручик 5-й батареи 9-й артиллерийской бригады Г. П. Киснемский (1853—?) вспоминал, что они тронулись «в сопровождении более чем 100 человек болгар, из которых около половины было с топорами и кирками»⁷. Шоссе от Габрово на Шипку существовало только на протяжении восьми верст, а «далее превращалось в обыкновенную горную дорогу»⁸. Для артиллерии она была «положительно непроходима»: «подъем в некоторых местах до 20 градусов, очень крутые повороты, справа пропасть, слева крутая гора, или наоборот; целые глыбы окаменелой глины, громаднейшие куски скал и груды камня; негде ступить даже ногой»⁹, — констатировал штабс-капитан 5-й батареи 9-й артиллерийской бригады И. С. Поликарпов (1852—?). Артиллеристы, стараясь не слишком задерживать пехоту, для подъема каждого орудия и ящика со снарядами впрягали помимо лошадей до 50 чел. болгар и солдат. Расстояние в пять верст они прошли за несколько часов и, подойдя ко второму домику (впоследствии обращенному в телеграфную станцию), были так изнурены, что падали на землю. Вырыпаев писал, что «услужливые болгары везли на ослах бочонки с водой, которую раздавали людям»¹⁰.

После отдыха артиллеристы не успели дойти до «третьего домика», как увидели скачущего к ним навстречу всадника. Он издал прокричал о том, что турки бежали с перевала. Штабс-капитан Поликарпов добавлял: «Как молния пронеслась весть среди “братушек”, что турки ушли. Они бросили “топове” (пушки. — М. Ф.) и вразброд кинулись на позицию. Через несколько мгновений все окрестные горы

6 Там же. С. 48.

7 Киснемский Г. П. Шипкинский перевал // Артиллерийский журнал (далее — АЖ). 1880. № 2. С. 155.

8 СМ. СПб., 1898. Вып. 2. С. 222.

9 Поликарпов И. С. О действиях полевой артиллерии на Шипке с 5 июля по 15 августа 1877 г. // АЖ. 1879. № 6. С. 695.

10 Вырыпаев Н. Шесть месяцев на Шипке... С. 14.

покрылись толпами болгар с наваленным на спину турецким добром. Чего они только не брали! [...] Маленький какой-нибудь болгарин, а смотришь, тащит такую гору, что глазам не веришь»¹¹. Приблизительно за час до захода солнца артиллеристы вступили на Шипкинский перевал, где уже встретились генералы Скобелев и Гурко.

Князь Святополк-Мирский в донесении от 9 июля 1877 г. командиру VIII армейского корпуса генерал-лейтенанту Ф. Ф. Радецкому сообщал, что уставшие войска по прибытии на перевал были заняты расстановкой цепи, расположением на позиции, тогда как масса болгар стала грабить лагерь¹².

Корреспондент петербургской газеты «Биржевые ведомости» совершенно в ином тоне рассказал об этом эпизоде. Он писал, что сотни болгар, мужчин, женщин и детей, сопровождали Орловский полк, когда он поднимался на Шипкинский перевал. [...] Лишь только Орловский полк достиг турецкого лагеря, не прошло и минуты, как болгары уже тащили все тюфяки, подушки и т.п. «Тащи, тащи, “братушка”!»¹³ — поощряли солдаты болгар.

На шипкинской позиции солдаты и офицеры были потрясены видом убитых русских воинов. «Многие из этих трупов до истязания их турками были еще живы, и мороз пробегал по всему телу при мысли о тех ужасных мучениях, которые эти несчастные перенесли перед своей смертью». Пирамида голов солдат (до 30), возвышавшаяся посередине позиции, приводила всех в ужас. «Повязка с красным крестом не спасла санитаря, лежавшего среди других. Возле него носилки и на них изуродованный труп, и, как бы живым и доказательством нашего превосходства, и врожденной в русском сердце доброты, в полуверсте от этого ужасного места, в какой-то корчме приютился наш перевязочный пункт, где наши врачи перевязывали турецких раненых, поднятых нашими же санитарями кое-где по оврагам!»¹⁴ — писал капитан Санкт-Петербургского гренадерского короля Фридриха-Вильгельма III полка Н. И. Мацкевич (1843–1885).

Оборона Шипки была поручена Габровскому отряду. Здесь, на позиции, турки бросили шесть дальнобойных крупновских орудий (впоследствии эта батарея была названа «Стальной»), три горных пушки, а

11 *Поликарпов И. С.* Шипка // СВР. Т. 5. С. 482.

12 *СМ.* Вып. 34. СПб., 1902. С. 69.

13 *Реформы в Болгарии* // Русские ведомости. 1877. № 199. С. 4.

14 *Мацкевич Н.* Гвардейский отряд почетного конвоя Его Величества в турецкую войну 1877–1878 гг. Варшава, 1880. С. 134.

также боеприпасы и продовольствие. Подпоручик Киснемский, перед самой войной окончивший Михайловское артиллерийское училище, был назначен командиром Стальной батареи. Ему пришлось изучить орудия и составить таблицу стрельбы, ибо таковой не было. Он получил разрешение делать ежедневно в определенное время (в 12 часов дня) по одному выстрелу, что позволило выяснить «пристрелку» по вершине Малого Бедека, на которой впоследствии турками была возведена батарея, названная «Девятиглазкой», а также по горе «Сахарная голова»¹⁵.

О турецких позициях на Шипке адъютант главнокомандующего полковник А. П. Струков сообщал в письме великому князю, что «они таковы, что если бы турки не оробели, то и дивизия бы не взяла их»¹⁶. На Шипке остался небольшой отряд (5-я батарея 9-й артиллерийской бригады и два батальона Орловского полка), которому были поручены охрана перевала и укрепление его обороны. Но серьезной защиты здесь не удалось возвести. Штабс-капитан Поликарпов назвал главную причину этого — нехватка рабочих рук: «изможденные до крайности две роты орловцев, из жалости к которым необходимо было смотреть сквозь пальцы на их работу, и затем несколько десятков болгар, отвратительнейших рабочих, если им не платят денег и, кроме того, не держат над ними кнута»¹⁷. Впрочем, чуть ли не вплоть до 9 августа, признавался подпоручик Киснемский, все на позиции были убеждены в том, что они будут преследовать неприятеля после первой же отбитой атаки. Подпоручик вспоминал, что на его занятия с крупновскими орудиями офицеры смотрели как на развлечение¹⁸.

Планируя переход русской армии через Шипкинский перевал далее к Адрианополю, главнокомандующий направил в Габрово генерал-лейтенанта инженерных войск В. Д. Кренке (1816–1893) — для улучшения дороги через перевал. В его распоряжение поступили три офицера 7-го саперного батальона, 20 саперов и 25 солдат Орловского полка, поэтому генерал обратился к габровскому окружному начальнику капитану Туркестанского стрелкового батальона М. Н. Маслову, чтобы тот привлек к работе болгар. С 14 июля приступили к строительству дороги¹⁹.

15 Киснемский Г. П. Шипкинский перевал. С. 161.

16 СМ. Вып. 34. С. 62.

17 Поликарпов И. С. Шипка. С. 484.

18 Киснемский Г. П. Шипкинский перевал. С. 165.

19 Кренке В. Д. Шипка в 1877 г. (Отрывок из воспоминаний генерал-лейтенанта В. Д. Кренке) // Исторический вестник (далее — ИВ). 1883. Т. XI. № 1. С. 113.

Болгарам за эту работу не платили, они получали только хлеб, бесплатная заготовка которого была возложена на жителей Габрово и окрестных селений. Кренке поэтому не удивлялся, что болгары хотя и выходили на работу, но работали очень неохотно; за ними «требовался бдительный надзор, и всё-таки они и днем, и ночью убегали с работы целыми партиями, иногда в 100 и более человек»²⁰. Впоследствии заведующий гражданскими делами в Болгарии князь В. А. Черкасский укорял Кренке за скупость: он мог бы назначить болгарам за их работу по одному франку в день «да на хлеб и приварок еще по франку, всего по два франка в день на человека, что составило бы всего от 7 тыс. до 9 тыс. рублей». Но генерал-лейтенант на эти упреки возражал, что при его командировании ему не дали ни копейки. Кроме того, он полагал, что «болгары могли и должны были потрудиться для своего спасения, если русские жертвовали для них и трудом, и людьми, и деньгами своими»²¹. За 18 дней на Шипкинском перевале было построено 11 верст шоссе. В среднем в день трудились 650 человек, в редкие дни их число достигало 1000 (их собирали из 17 населенных пунктов)²².

19 июля небольшому отряду герцога Н. М. Лейхтенбергского, в составе которого находилось болгарское ополчение, после ожесточенного сражения с войсками Сулеймана-паши пришлось отступить из Эски-Загры и 21 июля подняться на Шипкинский перевал. Но еще раньше здесь появились первые беженцы из Иени-Загры и Эски-Загры, которых офицеры останавливали и расспрашивали о причине их переселения в Северную Болгарию. Солдаты, сострадав несчастным, помогали им, чем могли, делились с ними сухарями и хлебом, предлагали свои миски с кашей и щами, специально запасали много воды, чтобы раздавать ее для утоления жажды утомленных крутым подъемом людей. «Беглецы благословляли солдат и рассказывали, что скоро подойдет к Шипке большое войско Сулеймана...»²³. Однако впоследствии из-за затруднений с подвозом продовольствия «снабжение болгар сухарями было воспрещено»²⁴.

20 Там же.

21 Там же. С. 118.

22 Там же.

23 *Вырытаев Н.* Шесть месяцев на Шипке... С. 21; *Чичагов М.* Передовой отряд. (Воспоминания о походе) // Военный сборник (далее — ВС). 1878. Т. 122. № 8. С. 352.

24 *Киснемский Г. П.* Шипкинский перевал. С. 178.

Переселение беженцев с каждым днем принимало всё большие размеры. Поликарпов писал: «Быть может, эта раздирающая картина придала нам сил, решимости лечь до последнего, но не пустить врага далее!»²⁵ Киснемский вспоминал, что многие болгары показывали русским воинам «знаки истязания со стороны башибузуков». «Зрелище всех этих и подобных картин возбуждало в нас злобу против турок. [...] На увеличение наших нравственных сил не могло не повлиять то обстоятельство, что беженцы бежали со страхом до тех пор, пока не достигали нашей позиции. Здесь торопливость их бегства пропадала, ибо болгары сильно веровали в наше превосходство перед турками. Беженцы смотрели на нас как на твердыню, которая их прикрывала от всякой опасности»²⁶.

Наверху, около штаба, доктора делали раненым перевязки. Полковник Депрерадович (?–1884), командир 1-й бригады Болгарского ополчения, рассказал о нескольких раненых: 10-летнем мальчике, порубленном шашками, молодой девушке, раненной в ногу. «Прискорбнее всего при этих сценах было то, что мы, русские, гораздо более сочувствовали пострадавшим, чем их же единоплеменники», — писал полковник. Ему пришлось «просто заставить проезжавшего мимо болгарина принять к себе на очень мало нагруженную подводку двух раненных мальчиков»²⁷.

Генерал Кренке в своих мемуарах отмечал, что с 21 по 23 июля, особенно 22-го, беженцев было так много, что «на два дня почти прекратили работу дороги», поскольку за эти дни прошло «более 30000 болгарского народа с семьями и домашним скарбом»²⁸. Болгары были одеты «в лучшие платья, очевидно, с целью спасти их, но женщины шли босыми, ноги их по каменной дороге были изрезаны до крови, большинство из них голодало; солдаты наши делились с ними последним сухарем». Кренке рассказал о том, как 22 июля он встретил «одну молодую болгарку, одетую хорошо, но усталую, изнуренную, голодную, с окровавленными ногами и несущую грудного ребенка; от голода и усталости у нее запеклись губы, иссякло молоко, и она едва была в состоянии произнести несколько слов». Русский генерал посадил ее в свой экипаж, дал «стакан красного вина, булку, рубль

25 Поликарпов И. С. О действиях полевой артиллерии на Шипке. С. 701.

26 Киснемский Г. П. Шипкинский перевал. С. 179.

27 Там же.

28 СМ. Вып. 24. С. 296.

денег и подвез до той партии, от которой она отстала; проговорить благодарность она не могла, а только плакала». Через шесть месяцев, 13 января, почти на том же месте Кренке вновь повстречал эту женщину: она возвращалась домой, веселая, счастливая. Болгарка узнала генерала, «приостановилась, усердно кланялась и опять заплакала». Кучер Кренке заметил, что «это добрая встреча, что и мы, Бог даст, благополучно возвратимся домой»²⁹.

8 августа 1877 г. армия Сулеймана-паши (27 тыс. чел., 48 орудий) сосредоточилась у Казанлыка. Ей противостоял русский отряд в 5 тыс. чел. при 27 орудиях. 9 августа на шипкинскую позицию прибыли батальоны Брянского пехотного полка, что увеличило силы защитников до 7500 чел. обороной руководил генерал-майор Н. Г. Столетов, начальник Болгарского ополчения.

8 августа были посланы телеграммы начальнику Габровского отряда Держинскому, генерал-лейтенанту Радецкому и главнокомандующему: «Против деревни Шипки выстроился весь корпус *Сулеймана-паши* (выделено в документе. — М. Ф.), таборов 40 с многочисленной кавалерией, немедленная атака очевидна; пришлите подкрепление, всё разыграется здесь»³⁰.

Штабс-капитан Поликарпов писал: «Никто не мог предвидеть исхода, и все были проникнуты убеждением, что следует лечь костями на этих горах, а не отступить»³¹. Прежде на всех биваках по вечерам обыкновенно громко пели, но вечером 8 августа на позициях солдаты с большим чувством творили молитвы.

9 августа начался штурм Шипкинского перевала. Атака следовала за атакой, «неприятель постоянно вводил свежие части». Генерал Держинский докладывал, что в этот день было отбито 10 атак. Генерал Кренке насчитал 17 атак. Депрерадович писал, что это была «одна непрерывная атака, продолжавшаяся в течение целого дня»³². Капитан Орловского полка Скварковский добрым словом вспоминал «храбрые болгарские дружины — 1-ю и 4-ю, которые мужественно дрались рядом с ротами орловцев, защищая восточный склон вершины св. Николая.

29 Кренке В. Д. Шипка в 1877 г. С. 114–115.

30 СМ. Вып. 36. СПб., 1902. С. 110.

31 Поликарпов И. С. О действиях полевой артиллерии на Шипке. С. 702.

32 СМ. Вып. 36. С. 177; Кренке В. Д. Шипка в 1877 г. С. 364; Депрерадович Ф. М. Из воспоминаний о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. бывшего командира 1-й бригады Болгарского ополчения полковника де-Прерадовича. СПб., 1881. С. 166–167.

Турки, пользуясь пространством, поросшим кустарником, близко приближались к позициям ополченцев, которые их отбивали прикладами и камнями³³, так как их ружья Шаспо выходили из строя.

Ведя атаки с горы Малый Бедек на Стальную батарею и явно стремясь овладеть ею, турки одновременно возводили на Бедеке укрепления и батарею, прозванную «Девятиглазкой» по числу видимых амбразур. Защитники Шипки старались по возможности мешать этому строительству. После каждого выстрела с горы св. Николая рабочие скрывались, но потом опять принимались за дело. Русским было известно, что турки привлекли к этим работам до 2 тыс. болгар, и Депрерадович отмечал эту парадоксальную ситуацию: стреляя по «турецким работам», в сущности, стреляли по «братушкам»³⁴. Болгары близлежащих населенных пунктов Долины роз и Малых Балкан, помимо выполнения строительных работ, также были обязаны на своем транспорте (волах и телегах) подвозить армии Сулеймана-паши снаряды, продовольствие и строительный материал³⁵.

Жара в те дни стояла страшная, а на позиции не было ни дерева, ни кустика. Киснемский писал, что артиллеристов мучила невыносимая жажда, но утолить ее было нечем, «ибо ведро с чистой водой было разбито неприятельским осколком», а вода в ведрах, в которых мочили банники³⁶, превратилась в такую грязь, что вызывала рвоту³⁷. На всей шипкинской позиции имелось всего три источника воды. Самый лучший фонтан, удаленный на полторы версты, оказался в руках у турок. Второй фонтан, расположенный в долине, ниже ложементов левого фланга, сразу попал под обстрел неприятеля, и воду оттуда можно было брать только ночью, а третий был необильный и с мутной водой на правом фланге позиции. Но, тем не менее, находились смельчаки, желавшие доставить своим товарищам на позицию воду от источника у казарм. Офицер 3-й дружины Болгарского ополчения, подписавший свой рассказ только инициалом «Ю.», констатировал, что к 12 августа дорога к этому ключу «усеялась трупами, служившими некоторым образом живой траншеей, [...] потому что солдаты,

33 *Скварковский*. Боевая хроника... С. 61.

34 *Депрерадович Ф. М.* Из воспоминаний... С. 163.

35 *Киснемский Г. П.* О помещениях русского гарнизона на Шипкинском перевале // *ВС*. 1881. Т. 141. № 10. С. 381.

36 Банник (в артиллерии) — деревянная щетка на древке для очистки канала орудия от порохового нагара.

37 *Киснемский Г. П.* Шипкинский перевал // *АЖ*. 1880. № 5. С. 501.

идя впоследствии за водой, проползали между трупами своих же товарищей, и этим не представляли для неприятеля слишком видимой цели, а кого мертвый товарищ не прикрыл, того пуля достигала, и он, бедняга, превращался в траншею. [...] Охотники вызывались часто, чему свидетельствует длинная, густая цепь тропов»³⁸.

Ночью огонь стих, но вместо отдыха артиллеристы чистили дула орудий, запасались на следующий день чистой водой и снарядами, возводили укрепления. Впрочем, по всей позиции на горе св. Николая рылись и углублялись ложементы, а грунт был тяжелый. Ночью было хорошо слышно, что и турки интенсивно окапывались. Киснемский вспоминал, что они целый день ничего не ели, «но не были голодны вследствие сильного потрясения бывшим боем»³⁹. 10 августа на рассвете грянул первый пушечный выстрел и началась частая ружейная перестрелка. Турки в тот день установили орудия на Лысой горе, обойдя шипкинскую позицию с трех сторон. Оставался свободным один только путь на Габрово. Ночь с 10 на 11 августа опять прошла в усиленных работах по рытью укреплений. Было получено известие, что генерал Радецкий и 4-я Стрелковая бригада идут на выручку.

11 августа с 4 часов утра турки открыли артиллерийский и ружейный огонь по всей линии атаки. Турецкие горнисты всё время трубили сигнал «наступление». С 12 часов турки усилили свои войска, а измученные восьмичасовым боем защитники Шипки уже с трудом сдерживали напор свежих сил неприятеля. Офицер 3-й дружины «Ю.» прекрасно передал атмосферу того незабываемого дня: «Все защищавшие, как солдаты, так и офицеры, составляли одно общее существо, которое жило чувствами и думами всех. Ничто так не сближает людей, как общие интересы во имя великой идеи. А в эту-то минуту — какая объединяющая идея, какое объединяющее чувство! Всем больно, тяжело, душно, что-то жжет сердце, а сердце не ты, не твое “я”, а Шипка, а за Шипкой Россия... Мысль расставаться с Шипкой, облитой уже русской кровью, видевшей не одну, а сотню героических мученических смертей русского солдата, кажется невозможной»⁴⁰.

«Страшная минута быстро шла к нам навстречу. На батареях, лежащих над нами, происходит что-то непонятное, страшное... Орудия молчат, ружейных выстрелов не слышно, солдаты суетятся, бегают,

38 Ю. Тяжелые дни на Шипке. Воспоминания болгарского ополченца // СВР. СПб., 1878. Т. 1. С. 132.

39 Киснемский Г. П. Шипкинский перевал. С. 505.

40 Ю. Тяжелые дни на Шипке. С. 123.

а над всем этим разносится очень часто и громко: “Ала, ала”. Болгары пугливо посматривают на батарею...»⁴¹, — вспоминал «Ю». Депрерадович привел рассказ командира 3-й дружины штабс-капитана К. Б. Чилиева о том, как в критический момент невольный панический страх сообщился ополченцам, находившимся в ложементх, и для того, чтобы их ободрить, он запел «Шуми, Марица окровавлена!» «Болгары подхватили любимый мотив, успокоились, и ни один не оставил своего места»⁴².

Отряд почти окружен, снарядов нет, патроны на исходе... А подкрепление всё не идет. Горсть сражавшихся до того поредела, что в некоторых местах один человек оборонял пространство в 20 шагов и более⁴³. Штабс-капитан Поликарпов писал: «Неужели всё пропало?! В грозном ожидании, со страшной решимостью вступить с поднятыми банниками в рукопашный бой, батарея, остатки пехоты с ружьями на руку простояли, ожидая смерти, минут пять». Но к 18 часам прибыл авангард 16-го стрелкового батальона во главе с генералом Радецким. «И под звуки громкого, бесконечного, подхваченного всей позицией “Ура!” начинается штыковая потеха — русский бой!!! Нашего нравственного состояния нельзя себе представить... Страшные муки, отчаяние, за минуту до того наполнявшие души, страшные потери, труды — всё забыто, и одно только отрадное чувство победы, бесконечного довольства наполнило все наши сердца!»⁴⁴ — с воодушевлением вспоминал Поликарпов.

Обратимся теперь к тем причинам, из-за которых помощь так долго не приходила к защитникам Шипки.

Генерал Радецкий, получив 7 августа одновременно два сообщения: одно с Шипки о том, что у г. Казанлыка показались значительные силы турок, и второе — от генерал-майора Е. И. Борейши, командира 1-й бригады 9-й пехотной дивизии, начальника Еленского отряда, о приближении главных сил Сулеймана-паши к Хаинкиойскому перевалу, срочно выступил с 4-й стрелковой бригадой к Елене. 2-я бригада 14-й пехотной дивизии, расположенная у с. Лясковец близ Тырново, также была поднята в ночь с 7 на 8 августа по приказу идти на Златарицу. Командир Подольского полка полковник М. Л. Духонин

41 Там же.

42 *Депрерадович Ф. М.* Из воспоминаний... С. 193.

43 *Скварковский.* Боевая хроника... С. 68.

44 *Поликарпов И. С.* О действиях полевой артиллерии на Шипке. С. 711–712.

(1837–1895) сообщал, что всё селение сразу же всполошилось. Больших усилий стоило успокоить жителей. При этом им указывалось, что если и появятся башибузуки, то следует думать не о бегстве, а о том, чтобы «с оружием в руках (которое у каждого хранилось скрытно в погребках) отстаивать свое село и родину». Болгарам разъяснили, что у них каждый дом — крепость, и «врагу придется овладевать последовательно каждым домом, что стыдно думать о бегстве, а лучше вооружиться и помогать русским». Им дали советы, как защищаться, и предложили старшинам выбрать «гайдуков для начальствования волонтерами». Но, несмотря на все советы, «население несколько успокоилось только потому, что полковые тяжести (обозы. — М. Ф.) оставались в Лясковце»⁴⁵, — констатировал Духонин.

В Елене выяснилось, что донесение Борейши содержало ошибочные сведения, и 9 августа стрелки возвратились в Тырново, сделав более 50 верст по жаре. Им был необходим отдых, поэтому поход на Шипку был назначен на 5 час. утра 10 августа. Подольцы также возвратились в Лясковец 9 августа, чтобы на следующий день выступить через Тырново к Шипке (68 верст).

10 августа жара на солнце доходила до 45 градусов. До Дрянново было более 40 случаев солнечного удара (шесть — с летальным исходом; покойников передавали болгарским священникам и, не останавливаясь, двигались дальше). Пёкло, бесконечные подъемы, да к тому же «пыль стояла местами словно туман, без всякого движения»⁴⁶. Стрелки шли тяжело. Полковник Н. П. Ралгин (1848–?), состоявший при Донском казачьем № 23 полку, свидетельствовал, что от спешного марша к Елене и обратно обувь стрелков пришла в совершенную негодность, и близ г. Дряннова у многих воинов «ноги опухли так, что, несмотря на частые отдыхи и привалы, они положительно не могли следовать далее, окончательно выбившись из сил»⁴⁷.

За с. Дебелец открылась поразительная картина, вспоминал полковник Л. Н. Соболев (1844–1913). «Всё шоссе было покрыто бегущими из-за Балкан болгарами; тут были десятки тысяч народа. Видя идущее войско, беженцы сходили с дороги и становились по обе ее

45 [Духонин М. Л.] Пять месяцев на Шипке в 1877 г. (Из дневника офицера Подольского пехотного полка) // ВС. 1883. Т. 150. № 4. С. 289–290.

46 Соболев Л. Н. Выручка Шипкинского перевала. Из воспоминаний очевидца // СВР. СПб., 1879. Т. 1. С. 214.

47 Р[алгин Н. П.]. Шипка с 7 августа по 28 декабря 1877 г. Воспоминания Казачьего полка // СВР. Т. 1. С. 139.

стороны шпалерами. Особенно много было женщин и детей. Чувствуя, что это войско идет спасать Габрово и Шипку, болгары с благоговением встречали его. Большая часть из них творила крестное знамение, многие крестили нас, многие плакали и выражали громко пожелание всего хорошего. Многие становились на колени». Полковник, потрясенный до глубины души увиденным, рассуждал: «Это было переселение народов. Война принимала ужасающие размеры. Истребление целых областей сопровождало ее. Это что-то небывалое в новой истории, напоминающее войны, которые вели народы в эпоху переселения, напоминающее отчасти Крестовые походы... Какая-то стихийная сила управляла событиями этой Великой войны. Народные страсти овладевали целыми областями, ужасы самой истребительной войны доходили до небывалых зверств. Паника распространялась до ужасающих размеров... Иначе и не могло быть, ибо то была война не политическая, а религиозно-племенная...»⁴⁸.

В Дрянове собрали подводы, на которые посадили наиболее уставших стрелков. На одном из привалов у Генчовцы-хана полковник Соболев, наблюдая за солдатами и болгарами, столпившимися у ключа с водой, удивлялся замечательной способности солдат объясняться с местным населением. То, что они хорошо понимали язык болгар, а многие даже хорошо говорили, являлось следствием близости родственных языков, но ведь они и с турками изъяснялись, хотя и при помощи мимики, однако понимали суть. Соболев отмечал, что русский солдат «относился к болгарам покровительственно, даже несколько свысока, часто безжалостно над ними посмеиваясь». Полковник считал, что солдаты были несравненно добродушнее болгар, чем те и пользовались. «Зато, когда наш заметит, что болгарин его надувает, этому последнему плохо приходится. Обругав его “проклятым жидом”, солдат обыкновенно закатывает ему затрещину... И это делается без всякой злобы, без желания нанести ему вред, а как должное, заслуженное»⁴⁹, — писал Соболев.

До Габрово оставалось еще 15 верст. «Впереди ехал Радецкий со свитой, сзади — войска, а по бокам, как шпалерами с той или другой стороны, а где место позволяло — и с двух сторон, стояли беженцы. Те же рыдания, те же мольбы и благословения»⁵⁰, — вспоминал ге-

48 Соболев Л. Н. Выручка Шипкинского перевала... С. 209.

49 Там же. С. 212.

50 Анучин Д. Г. Тырнов и Шипка в июле и августе 1877 г. Из походных воспоминаний // Вестник Европы. 1893. Кн. 11. С. 18.

нерал-майор Д. Г. Анучин (1833–1900), помощник князя Черкасского. Решено было взять дополнительные подводы для подвоза оружия и отставших солдат. «Я сам видел, как безропотно повиновались болгары приказанию, немедленно выворачивали из арб весь скарб на землю и шли запрягать волов»⁵¹, — свидетельствовал Анучин.

В Габрово Радецкий и его свита въехали в 9 час. вечера. «Довольно богатый город представлял в эту ночь ужасающее зрелище». 9 августа в городе возникла паника, которую с трудом удалось успокоить, но все жители были готовы в любую минуту бежать отсюда. Масса раненных русских и болгар-ополченцев наполнила город. Капитан Маслов, убеждая жителей не волноваться, «распорядился поставить в многолюдной части города хор военной музыки... Марш, наигрываемый этим хором, сливался с гулом выстрелов, которые доносились с Балкан, занятых нашими и турками»⁵², — делился своими впечатлениями полковник Соболев.

Рано утром 11 августа с Шипки в Габрово приехал генерал Дерожинский, который сообщил о состоянии дел на горе св. Николая, а также добавил, что «люди давно уже ничего не ели и не могли утолить жажду, доступы к фонтанам обстреливались, и буквально каждый глоток воды стоил человеческих жертв»⁵³. Полковник Соболев по докладу генерала воскликнул: «Небывалая, геройская защита перевала 9 числа выказала необычайную стойкость Орловского полка и молодого Болгарского ополчения. Тут, на высях Балкан, болгары побратались с русскими войсками»⁵⁴.

Генерал Радецкий, видя, что подъем на гору был крутой и тяжелый, приказал посадить стрелков на лошадей, стоявших вместе с войсковым обозом. Садись по двое на одного коня. Атака подоспевших стрелков была «бешеная, это единственное подходящее выражение для силы наступления. Турки, не ожидавшие такого оборота дела и ошеломленные таким страшным натиском, в панике, увлекая за собой еще не расстроенные свои части, беспорядочно кинулись назад, смяли свой резерв, и затем всё обратилось даже не в отступление, а в бегство», — свидетельствовал полковник Ралгин и добавлял, что стрелки даже казаков «поразили», так как те видели их в походе — еле передвигавших ноги, подвозимых на подводах в

51 Там же. С. 19.

52 Соболев Л. Н. Выручка Шипкинского перевала... С. 212–213.

53 Анучин Д. Г. Тырнов и Шипка... С. 23.

54 Соболев Л. Н. Выручка Шипкинского перевала... С. 215.

Габрово, а в натиске это были «черти, а не люди», говорили русские, «это кара-аскер и шайтаны», говорили турки⁵⁵. В ночь с 11 на 12 августа произошло затмение Луны, что было расценено всеми как добрый знак.

Во второй половине дня 11 августа генерал Кренке, разболевшись от непосильных в его возрасте трудов, был вынужден выехать в Габрово. Пришедшего капитана Маслова генерал просил снарядить подводы с бочками и отправить воду на Шипку, что было сразу же исполнено⁵⁶. Полковник Соболев вспоминал, что вечером на позицию подоспели габровские болгары, привезшие воду, 50 ведер местного красного вина и табаку. «Увидав это, генерал Столетов как бы шепотом заметил: “Это очень хорошо, знаете... Мы, знаете, посылали за водой всё равно что на расстреляние!”»⁵⁷ В телеграмме, отправленной 11 августа в 8 час. 5 мин. пополудни из Габрово в Горный Студень (Горна Студена), где находилась Главная квартира главнокомандующего, сообщалось, что город Габрово прислал 80 пар волов для подъема орудий и других тяжестей, что 12 августа «1000 человек понесут воду»⁵⁸.

На рассвете 12 августа генерал Кренке вместе с капитаном Масловым и командиром формировавшейся в Габрово 9-й дружины Болгарского ополчения подполковником Львовым разработали принципы правильной и регулярной доставки воды на Шипку. Бочки из-под вина и кувшины были собраны в Габрово. Маслов «сформировал 12 смен подвод», а Львов из своей дружины «нарядил 12 смен по 15 человек»⁵⁹.

Генерал Анучин, возвращаясь 12 августа с Шипки в Габрово, по дороге встречал массу болгар, которые взбирались на гору с водой. Но генералу показалось, что хотя усердия было много, но общего руководства недоставало, поэтому в городе, при помощи капитана Маслова и «почтенных болгар, членов городского совета», он немедленно организовал, по его словам, следующую помощь отряду: было собрано 100 носилок с 400 носильщиками за известную плату из сумм Гражданского ведомства; «1000 человек болгар с водой в кувшинах,

55 Р[алгин Н. П.]. Шипка с 7 августа... С. 148.

56 Кренке В. Д. Шипка в 1877 г. (Отрывок из воспоминаний) // ИВ. 1883. Т. 11. № 2. С. 373.

57 Соболев Л. Н. Выручка Шипкинского перевала... С. 230.

58 СМ. Вып. 36. С. 218.

59 Кренке В. Д. Шипка в 1877 г. С. 374.

ведрах и бочках на ослах и телегах». Кроме того, городской совет от себя послал 50 ведер водки⁶⁰.

Корреспондент петербургской газеты «Новое время» сообщал читателям, что с 12 августа более тысячи болгар из окрестных сел и из Габрово развозят воду по позициям. «Много лошадей у них убито, некоторые ранены сами, но это не охладило их усердия»⁶¹. Известный дипломат Н. П. Игнатъев делился со своей супругой (в письме от 14 августа 1877 г.) сведениями, полученными от военного корреспондента американской газеты «Daily-News» Я. А. Мак-Гахана. Тот пробыл на Шипке 12 августа с 5 до 19 часов и пребывал «положительно в восторге от наших солдатиков, а равно хвалит болгар». «При нем до 1 тыс. жителей и мальчиков габровских разносили под градом пуль воду нашим войскам и даже застрельщикам передовой цепи, а также уносили раненых с полным самоотвержением»⁶², — сообщал Игнатъев.

Однако ситуация с обеспечением войск водой была отнюдь не такая радужная, как описывалась в корреспонденциях военных журналистов. Так, из письма генерал-майора Петрушевского, назначенного командовать 14-й пехотной дивизией после ранения генерал-майора М. И. Драгомирова, следует, что по своим размерам помощь, оказываемая жителями Габрово и его окрестностей в подвозе воды, «относительно величины отряда была весьма незначительна и распределялась очень неравномерно». «Больше всех пользовались водой части, стоявшие сзади, а до передних позиций: Николая, Волынской горки, Круглой батареи она почти не доходила. Во-первых, потому, что ее на пути расхватывали, а во-вторых, потому, что возчики избегали заходить в те места, так как путь туда сильно обстреливался»⁶³, — писал Петрушевский. Сражавшиеся могли набирать воду только ночью, с прекращением боя.

12 августа с раннего утра шипкинская позиция снова подверглась нападению турок с трех сторон. «Атаки эти были чрезвычайно настойчивы и сопровождались самым адским огнем»⁶⁴, — телеграфировал ге-

60 Анучин Д. Г. Тырнов и Шипка... С. 40.

61 Русские ведомости. 1877. № 227. С. 3.

62 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 2. С. 235–236.

63 Письмо начальника 14-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Петрушевского генералу от инфантерии Радецкому от 31 января 1880 г. № 511, г. Кишинев // СМ. СПб., 1898. Вып. 5. С. 143.

64 СМ. Вып. 36. С. 249.

нерал Радецкий главнокомандующему. Положение защитников улучшилось с прибытием утром 12 августа Подольского и Житомирского пехотных полков, и тем не менее за турками оставалось двукратное превосходство, и они продолжали штурмовать Шипку еще три дня. В телеграмме, отправленной главнокомандующему 13 августа в 5 час. 55 мин. утра, Радецкий докладывал о больших людских потерях, о невозможности сменять части во время боя, поскольку «войска утомлены от недостатка в горячей пище и особенно в воде»⁶⁵.

Впрочем, не все болгары, поднимавшиеся с водой на Шипку, были настроены альтруистически. Полковник Липинский, командир Брянского пехотного полка, 15 августа отправил в Габрово четырех задержанных болгар, которые собирали турецкое оружие, патроны и ценные вещи. В связи с этим полковник посоветовал капитану Маслову предложить местным жителям прислать людей для зарытия трупов турок, которые во множестве валялись по оврагам⁶⁶. Необходимо заметить, что войска, стоявшие на Шипке, сами старались вовремя убирать тела, которые из-за жары угрожали санитарной обстановке. Так, из рапорта Липинского генералу Радецкому от 21 августа 1877 г. следует, что четыре роты в течение двух дней очищали лес в районе сражения Брянского полка 11 августа и закопали более 500 убитых турок. Капитан Маслов также ежедневно присылал до 400 болгар, которые к 19 августа справились с этой задачей⁶⁷.

Турки определяли свои потери за все шесть дней боев в 6411 чел., что составляло 28%; русский отряд потерял двух генералов (Держинский был убит, Драгомиров тяжело ранен), 120 штабс- и обер-офицеров и 3512 нижних чинов, или 13,36% личного состава⁶⁸.

В нашем исследовании мы специально уделили много внимания вопросу о снабжении защитников шипкинской позиции водой во время августовских боев, ибо в историографии распространено мнение о том, что с первых дней сражения болгары сами, по собственному почину, добровольно и бесстрашно носили воду на позицию, и эта форма помощи была «особенно героической и неизмеримой»⁶⁹. Как правило,

65 Там же. С. 277.

66 Там же. С. 346.

67 Там же. С. 583.

68 *Дружинин К. И.* Русско-турецкая война // История русской армии и флота. М., 1913. Т. 11. С. 89.

69 *Хаджиниколов В.* Икономическата помощ, оказана от българското население на руските войски през руско-турската война от 1877–1878 г. //

авторы соответствующих трудов ограничивались только газетными корреспонденциями, которые были наполнены яркими впечатлениями, полученными журналистами именно 12 августа. В них конкретные реалии приобретали обобщенный характер, распространяясь на всё шестидневное сражение. Опубликованные документы и свидетельства офицеров, вводимые нами в научный оборот, убедительно опровергают этот весьма устойчивый миф.

17 августа 1877 г. на Шипку приехал начальник штаба армии генерал-адъютант Непокойчицкий, обошел всю позицию, передал «спасибо» главнокомандующего и приказал генералу Радецкому оставаться в оборонительном положении. Началось беспрецедентное 5-месячное «шипкинское сидение», а всей России стали известны его лаконичные телеграммы: «На Шипке всё спокойно». Героическая защита Шипки завершилась благодаря проведению блестящей операции Шипка-Шейново 27–28 декабря 1877 г., в результате которой сдалась турецкая армия Вессель-паши.

Итак, болгарское население Габрово с радостью принимало русские войска, которые несли ему освобождение от власти турецкой администрации, от унижительного состояния «райи», от вечного и постоянного страха за свою жизнь и жизнь близких людей, за сохранность своего имущества. Но, получив свободу, болгары не избавились от подсознательного страха перед турками, о чем ярко свидетельствовала паника в Габрово, которая имела место 9 августа 1877 г.

Русские нередко обращались к болгарам за помощью, но не на всякий призыв те откликались. Так, на строительные работы (прежде всего дороги от Габрово на Шипкинский перевал), которые практически не оплачивались (только выдавался, как мы помним, хлеб), болгары шли неохотно и постоянно с них убегали: над ними уже не довлел страх, а понятие о гражданском долге в своем отечестве им еще было чуждо. Совсем иная картина была за Балканами. Дороги к высотам, которые занимали турецкие войска, противостоявшие защитникам Шипки, укрепления на них, ложементы, землянки, блиндажи были построены болгарами отменно и качественно.

Освобождението на България от турско иго. 1878–1958. София, 1958. С. 301; см. также: *Барбасов А. П.* Шипка — символ русско-болгарского братства // 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. 1878–1978. М., 1978. С. 200; *Улуян А. А.* Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1994. С. 136; *Косев К., Дойнов С.* От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София, 2007. С. 263.

Ситуация с беженцами наглядно показала, что избавление от турецкого господства должно еще произойти на уровне сознания болгарского народа. Психология «райи» постоянно проявлялась в несоблюдении тех морально-нравственных принципов, которые были присущи христианам, проживавшим в странах, где их духовные ценности и вера веками не попирались. Индифферентность болгар-беженцев к своим страждущим соотечественникам, детям во время преодоления Шипкинского перевала резко контрастировала с отзывчивостью и милосердием русских солдат и офицеров.

Доблесть и самоотверженность русских войск и Болгарского ополчения, отстоявших в августовских боях Шипкинский перевал, спасли Габровский край от неистовств турок, черкесов и башибузуков. Героическое «шипкинское сидение» солдат и офицеров явилось надежным щитом, благодаря которому болгарское население спокойно жило, ремесло и торговля развивались и процветали, жители богатели, а после победы над турецкой армией Вессель-паши болгары Габрово навсегда избавились от страха нашествия турок или налетов черкесов.

Источники и литература

Анучин Д. Г. Тырнов и Шипка в июле и августе 1877 г. Из походных воспоминаний // Вестник Европы. 1893. Кн. 11. С. 5–46.

Барбасов А. П. Шипка — символ русско-болгарского братства // 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. 1878–1978. М.: Наука, 1978. С. 191–202.

Вырыпаев Н. Шесть месяцев на Шипке (посвящается защитникам Шипки). СПб., 1884. 128 с.

Депрерадович Ф. М. Из воспоминаний о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. бывшего командира 1-й бригады Болгарского ополчения полковника де-Прерадовича. СПб., 1881. 364 с.

Дружинин К. И. Русско-турецкая война // История русской армии и флота. М., 1913. Т. 11. 175 с.

[*Духонин М. Л.*] Пять месяцев на Шипке в 1877 г. (Из дневника офицера Подольского пехотного полка) // Военный сборник. 1883. Т. 150. № 4. С. 289–299.

Киснемский Г. П. О помещениях русского гарнизона на Шипкинском перевале // Военный сборник. 1881. Т. 141. № 10. С. 377–381.

Киснемский Г. П. Шипкинский перевал // Артиллерийский журнал. 1880. № 2. С. 147–181.

Косев К., Дойнов С. От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2007. 410 с.

Кренке В. Д. Шипка в 1877 г. (Отрывок из воспоминаний генерал-лейтенанта В. Д. Кренке) // Исторический вестник. 1883. Т. XI. № 1. С. 110–128.

Мацкевич Н. Гвардейский отряд почетного конвоя Его Величества в турецкую войну 1877–1878 гг. Варшава, 1880. XII, 288, 68 с.

Ночное нападение на г. Бэрдак. 5-го июля 1877 г. // Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877–1878 гг. СПб., 1879. Т. 5. С. 434–441.

Освобождение Болгарии от турецкого ига. М.: Наука, 1964. Т. 2. 646 с.

Поликарпов И. С. О действиях полевой артиллерии на Шипке с 5 июля по 15 августа 1877 г. // Артиллерийский журнал. 1879. № 6. С. 689–720.

Р[алгин Н. П.]. Шипка с 7 августа по 28 декабря 1877 г. Воспоминания Казачьего полка // Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877–1878 гг. СПб., 1879. Т. 1. С. 135–201.

Скварковский. Боевая хроника 36-го пехотного Орловского полка за 1877–1878 г. // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1902. Вып. 10. С. 26–110.

Соболев Л. Н. Выручка Шипкинского перевала. Из воспоминаний очевидца // Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877–1878 гг. СПб., 1879. Т. 1. С. 202–234.

Улунян А. А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1994. 214 с.

Хаджиниколов В. Икономическата помощ, оказана от българското население на руските войски през руско-турската война от 1877–1878 г. // Освобождението на България от турско иго. 1878–1958. София: Българската комунистическа партия, 1958. С. 256–307.

References

Anuchin, D. G. “Tyrnov i Shipka v iūle i avguste 1877 g. Iz pokhodnykh vospominaniĭ.” *Vestnik Evropy*, kn. 11, 1893, s. 5–46.

Barbasov, A. P. “Shipka — simbol rusko-bolgarskogo bratstva.” *100-letie osvobozhdeniā Bolgarii ot osmanskogo iga. 1878–1978*, Moscow: Nauka, 1978, s. 191–202.

Depreradovich, F. M. *Iz vospominaniĭ o rusko-tureĭskoi voĭne 1877–1878 gg. byvshego komandira 1-ĭ brigady Bolgarskogo opolcheniā polkovnika de-Preradovicha.* Saint Petersburg, 1881, 364 s.

Druzhinin, K. I. “Russko-tureŭskaia voĭna.” *Istoriia russkoĭ armii i flota*, t. 11, Moscow, 1913, 175 s.

[Duhonin, M. L.] “Piat' mesiatsev na SHipke v 1877 g. (Iz dnevnika ofitsera Podol'skogo pekhotnogo polka).” *Voennyĭ sbornik*, t. 150, no. 4, 1883, s. 289–299.

Khadzhinikolov, V. “Ikonomicheskata pomosh't, okazana ot bulgarskoto nasele-nie na ruskite voiski prez rusko-turskata voĭna ot 1877–1878 g.” *Osvobozhdenieto na Bulgariia ot tursko igo. 1878–1958*, Sofiia: Bulgarskata komunisticheska partiia, 1958, s. 256–307.

Kisnemskaia, G. P. “O pomeshcheniakh russkogo garnizona na SHipkinskom pe-revale.” *Voennyĭ sbornik*, t. 141, no. 10, 1881, s. 377–381.

Kisnemskaia, G. P. “SHipkinskaia pereval.” *Artilleriiskaia zhurnal*, no. 2, 1880, s. 147–181.

Kosev, K., Doĭnov, S. *Ot Shipka i Plevna do San Stefano i Berlin*. Sofiia: Akademi-chno izdatelstvo “Prof. Marin Drinov”, 2007, 410 s.

Krenke, V. D. “Shipka v 1877 g. (Otryvok iz vospominaniĭ general-leitenta V. D. Krenke).” *Istoriicheskaia vestnik*, t. XI, no. 1, 1883, s. 110–128.

Matskevich, N. *Gvardeiskaia otriad pochetnogo konvoia Ego Velichestva v tureŭskuia voĭnu 1877–1878 gg.* Varshava, 1880, XII, 288, 68 s.

“Nochnoe napadenie na g. Berdak. 5-go iulia 1877 g.” *Sbornik voennykh rasska-zov, sostavlenykh ofitserami-uchastnikami voĭny 1877–1878 gg.*, t. 5, Saint Petersburg, 1879, s. 434–441.

Osvobozhdenie Bolgarii ot tureŭskogo iga. t. 2, Moscow: Nauka, 1964, 646 s.

Polikarpov, I. S. “O deistviakh polevoi artillerii na SHipke s 5 iulia po 15 avgusta 1877 g.” *Artilleriiskaia zhurnal*, no. 6, 1879, s. 689–720.

R[algin, N. P.]. “Shipka s 7 avgusta po 28 dekabria 1877 g. Vospominaniia Kazach'ego polka.” *Sbornik voennykh rasskazov, sostavlenykh ofitserami-uchastnikami voĭny 1877–1878 gg.*, t. 1, Saint Petersburg, 1879, s. 135–201.

Skvarkovskii. “Boevaia khronika 36-go pekhotnogo Orlovskogo polka za 1877–1878 g.” *Sbornik materialov po rusko-tureŭskoi voĭne 1877–1878 gg. na Balkanskom poluostrove*, vyp. 10, Saint Petersburg, 1902, s. 26–110.

Sobolev, L. H. “Vyručka SHipkinskogo perevala. Iz vospominaniĭ ochevidtsa.” *Sbornik voennykh rasskazov, sostavlenykh ofitserami-uchastnikami voĭny 1877–1878 gg.*, t. 1, Saint Petersburg, 1879, s. 202–234.

Ulunian, A. A. *Rossia i osvobozhdenie Bolgarii ot tureŭskogo iga*. Moscow, 1994, 214 s.

Vyrypaev, N. *SHest' mesiatsev na SHipke (posviashchaetsia zashchitnikam SHip-ki)*. Saint Petersburg, 1884, 128 s.

Marina M. Frolova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Shipka (July–August 1877):
Russians and Bulgarians (as remembered by participants
in the Russo-Turkish War)

This article puts into scrutiny the events of the Russo-Turkish War of 1877–1878 — the takeover of the Russian troops of the Shipka pass and its heroic defense in August 1877 — through imagology. It allows to shed a new light on many facets in the relationship of Russian soldiers with the Bulgarian population of Gabrovo thanks. A significant corpus of published memoirs of the participants of the Russo-Turkish War of 1877–1878 is analyzed, as well as official documents. The Bulgarians joyfully greeted their liberators from Turkish rule, they tried to be useful, but at the same time to avoid participation in the construction of the road (from Gabrovo to Shipka), because they were not paid for this work. Russian soldiers shared food and water with refugees from the Transbalkan Bulgaria, passing through Shipka, and Russian doctors provided medical assistance for the refugees. The intensity of the August battles on Shipka is transmitted through the feelings and experiences of the defenders. The myth that from the very beginning of the fighting (from August, 9th), the Bulgarians on their own initiative, voluntarily carried water to the position is dispelled. It is shown that the water supply was organized by Russian officers only from August, 12th, and the Bulgarians were paid for this, as they were paid for carrying the wounded from Shipka. The courage and heroism of the Russian troops and the Bulgarian militia saved Gabrovo region from the raves of the Turks, Circassians and Bashi-bazouks.

Keywords: *Russo-Turkish War of 1877–1878, Bulgarians of Gabrovo, Shipka, F. F. Radetsky, V. F. Derozhinsky, N. G. Stoletov.*

Деятели национального движения русинов Галиции и император Франц Иосиф I

«Здесь я между моими русинами...»

Франц Иосиф I

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.1.08

Франц Иосиф I заслуженно занимает место в ряду наиболее выдающихся государственных деятелей XIX в. Он не только провел на престоле Габсбургской монархии рекордные 68 лет, но и сумел установить особые, почти «личные» отношения с многочисленными народами, населявшими его империю. Подобные отношения выстроились у монарха и с населявшими Галицию поляками и русинами. И как в сознании поляков «галицийский миф» тесно связан с образом «старого доброго императора»¹, так же и среди восточнославянского населения Галиции, официально называвшегося русинами, образ «доброго отца» был тесно связан непосредственно с личностью Франца Иосифа.

При этом преданность русинов престолу Габсбургов имела более давние корни. Габсбурги стали восприниматься русинами в качестве защитников от польского давления непосредственно в период разделов Речи Посполитой. Это представление основывалось на том, что включение ее бывших частей, составивших королевство Галиции и Лодомерии, в состав Габсбургской монархии послужило толчком к началу «национального возрождения» русинов. Большинство исследователей отмечает, что реформы Марии Терезии и Иосифа II, проводившиеся под влиянием идей Просвещения, позитивно повлияли на положение восточнославянского населения. Произошли важные изменения: была создана система школьного образования, причем предполагалось, что преподавание должно вестись на преобладающем в данной местности языке. В составе Львовского университета был создан «*Studium ruthenogum*» — первая ступень обучения для студентов-русинов философского

¹ Шимчак Д. «Мы друг друга понимаем...». Франц Иосиф и поляки в Галиции // Славяноведение. 2017. № 5. С. 3–13.

и богословского факультетов². По сути, именно тогда официальная Вена начала выступать как основная защитница интересов русинов, прежде всего от польского притеснения. В первую очередь это было обусловлено желанием имперских властей создать определенный противовес польскому доминированию в крае. В результате уже в начале XIX в. сформировался тот особый тип австрийской лояльности, т. н. «австрорусинство», который был присущ галицийским русинам на протяжении всего XIX столетия. Современный украинский историк М. Мудрый характеризует австрорусинство как «систему взглядов [...] в соответствии с которой австрийский императорский двор через посредничество грекокатолической церкви мог играть роль опекуна галицийских русинов, а церковь в свою очередь была единственным представителем их интересов»³. Также он подчеркивает, что «в широком значении синонимом австрорусинства есть австрофильство, т. е. представление о Вене как о тактическом союзнике в их борьбе за национальные интересы украинцев»⁴. И тем не менее именно с правлением Франца Иосифа I связан тот период «австрорусинства», когда императорская власть полностью отождествлялась с личностью самого императора.

Непосредственным началом этого периода стали революционные события 1848–1849 гг. Несмотря на то, что русины не обладали никаким политическим опытом, именно «Весна народов» стала важнейшим рубежом в формировании национального сознания восточнославянского населения Галиции. В эти годы сформировались и основные политические требования представителей «руського» населения Галиции, и та политическая линия, которая сохранилась, пускай и в модернизированном виде, вплоть до Первой мировой войны и распада Габсбургской монархии. Одним из важнейших элементов этой политики и стала личная преданность не только Габсбургам, но и конкретно императору Францу Иосифу, которая принесла русинам репутацию «тирольцев Востока».

Известия о революционных событиях в Вене быстро достигли Галиции. И если в Кракове, еще не полностью оправившемся от по-

2 Сухий О. Від русофільства до москвофільства. Російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті. Львів, 2003. С. 17.

3 Мудрий М. Австрорусинство в Галичині: спроба окреслення проблеми // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 2000. Вип. 35–36. С. 571–605.

4 Там же. С. 573.

следствий страшной «галицийской резни» 1846 г., новости эти были встречены сдержанно⁵, то во Львове на них отреагировали с энтузиазмом. Во главе революционного движения встала польская «Рада Народова» (Национальный совет, Rada Narodowa) во Львове, под руководством которой в городах и местечках провинции была создана целая сеть революционных органов управления и отделения национальной гвардии, насчитывавшей около 20 тыс. человек. Уже 18 марта 1848 г. представители галицийских поляков направили обращение на имя императора Фердинанда I, в котором содержались основные требования польского национального движения в Галиции: отмена цензуры, отмена крепостного права, реформа избирательной системы и т.д. Чуть позднее, 6 апреля 1848 г., была составлена новая, еще более радикальная по своим требованиям петиция⁶.

В эти же дни закончилась неудачей попытка поляков привлечь русинов к созданию единого галицийского представительства. Причиной стало категорическое нежелание поляков признавать существование самостоятельных требований русинов. Убежденность поляков в том, что Галиция является исключительно польской землей, а русинская речь — не более чем наречием польского⁷, похоронила всякую возможность совместного выступления поляков и русинов в ходе революции 1848 г. При этом и в среде простых крестьян-русинов существовало стойкое недоверие к возможности совместной борьбы⁸.

Таким образом, именно весной 1848 г. началось формирование самостоятельного национального движения русинов, с одной стороны, противопоставляющего себя польскому, а с другой, основным своим союзником считающего императорскую власть. 2 мая 1848 г. была создана «Головна руська рада» (Главный русский, т. е. русинский совет), председателем которой стал грекокатолический митрополит Григорий Яхимович. Первым публичным выступлением Совета стала декларация восточнославянского населения Галиции, в которой, помимо признания существования самостоятельного народа, прямо указывалось на то, что именно император, даровавший народу кон-

5 *Fras Z.* Galicja. Wydawnictwo dolnośląskie. Wrocław, 1999. S. 145.

6 *Magosci P. R.* The Shaping of a National Identity Subcarpathian Rus'. 1848–1948. London, 1972. P. 42.

7 *Wendland A. V.* Die Russophilen in Galizien. Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Russland, 1848–1915. Wien, 2000. S. 48.

8 *Паушаева Н. М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. Имперская традиция. М., 2007. С. 31.

ституцию, является гарантом свободного развития для русинов⁹. Тактика, выбранная руководителями Рады, привела к тому, что русины Галиции решение основных своих национальных и социальных задач связывали не революцией, а, напротив, с противодействием революционным тенденциям¹⁰.

Генерал-губернатор Галиции граф Франц Стадион также был склонен поддержать русинов в качестве реальной альтернативы стремительно революционизирующемуся польскому движению. Стадион не только способствовал созданию Главного русского совета, что позволило его недоброжелателям впоследствии утверждать, что «Стадион выдумал русинов»¹¹, но и оказывал им определенную материальную поддержку, в частности, оказал финансовую помощь первому периодическому изданию русинов — «Зоре Галицкой», которая начала выходить в мае 1848 г. Усилиями графа Стадиона императорский указ об отмене «панщины», крепостной зависимости, от 15 мая 1848 г. стал известен русинам ранее, нежели подобная инициатива польской «Рады Народовой».

В 1848 г. в соответствии с Мартовской конституцией прошли первые выборы в Рейхсрат, по результатам которых от восточнославянского населения было избрано 35 депутатов, что стало первым и важным опытом парламентской работы для русинов¹². В июле того же года представители русинов приняли участие в славянском съезде в Праге, немного позднее, в октябре того же года, состоялся съезд русинских ученых во Львове, одним из важнейших результатов работы которого стало создание культурно-просветительского общества «Галицко-русская матица». Все эти события имели большое значение для национального движения русинов, еще недавно находившегося в крайне плачевном состоянии, и достижения эти ассоциировались его представителями не с революционными силами, но с центральной властью.

В итоге русины сохранили лояльность по отношению к Габсбургам и не поддержали восстание во Львове в ноябре 1848 г., инициированное польской национальной гвардией. Напротив, Рада приветствовала восстановление порядка¹³. Позднее, 6 ноября 1848 г., члены

9 *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі споминів. Львів, 1926. С. 21.

10 *Мудрий М.* Австрорусинство в Галичині... С. 580.

11 *Fras Z.* Galicja... S. 153.

12 *Левицький К.* Історія політичної думки... С. 33.

13 Там же. С. 43.

Рады получили аудиенцию у императора Фердинанда, который в это время находился в Оломоуце. В петиции, поданной русинами императору, высказывались предложения о разделе Галиции на «руськую» и польскую части, введении преподавания в школах на своем языке, создании национальной гвардии русинов и ряд других. Император благосклонно выслушал членов депутации и выразил надежду на то, что их чаяниям суждено сбыться¹⁴. Несмотря на то, что императора Фердинанда вскоре сменил на престоле его молодой племянник Франц Иосиф, встреча с императором произвела на членов «Головной руськой рады» глубокое впечатление и усилила их лояльность по отношению к Вене.

После вступления на престол молодого императора деятели «Рады» направили к нему делегацию во главе с митрополитом Г. Яхимовичем. 28 января 1849 г. состоялась аудиенция, в ходе которой участники делегации высказали «твердую веру в то, что неотъемлемой частью свободной, неделимой и сильной Австрии, которую создаст молодой император, будет и «красна Руська Галичина»¹⁵. В ответной речи Франц Иосиф, который «с радостью принял проявления привязанности, верности и благодарности»¹⁶ со стороны членов делегации, заверил их, что русины займут надлежащее место среди других народов империи. После официальной беседы участники делегации были приглашены на обед к императору, где с ними также беседовали родители императора: эрцгерцогиня София и эрцгерцог Франц Карл. В ходе беседы члены императорской семьи несколько раз выразили одобрение действиям русинов, не принявших участие в революционных событиях во Львове. Позднее Франц Иосиф разрешил создание батальона русинских стрельцов, несомненно в качестве противовеса революционной польской национальной гвардии, а эрцгерцогиня София лично вышла на ленте, украшавшей знамя батальона, слова «Верность ведет к победе»¹⁷. Рядовые священники также призывали селян к верности молодому императору, говорили о необходимости «объединиться с властями и войском, помочь императору против всякого врага, не слушать никаких бунтовщиков и остаться верными императору»¹⁸.

14 Там же. С. 46.

15 Там же. С. 49.

16 Там же.

17 Там же. С. 55.

18 *Мудрий М.* Австрорусинство в Галичині... С. 581.

Однако связывать рост австрофильских настроений в годы революции исключительно с деятельностью «Головной руськой рады» и настроениями ее руководителей было бы неправильно. Подобные настроения были присущи деятелям национального движения русинов и в других провинциях Габсбургской монархии. Ярким примером этого может служить деятельность А. И. Добрянского, одного из русинских лидеров Венгерского королевства. Добрянский негативно воспринял революционное движение в Венгрии и в июне 1849 г. получил назначение гражданским комиссаром в корпус генерала Ф. В. Ридигера, направленного императором Николаем I для подавления венгерского восстания. За свою деятельность в этом качестве Добрянский был награжден российскими орденами и оружием¹⁹. На протяжении долгих лет Добрянский занимал значимые государственные должности и окончательно отошел от дел лишь в 1867 г. при заключении дуалистического соглашения. При этом Добрянский, еще в молодости увлекшийся идеями национального возрождения русинов, в 1848–1849 гг. поддерживал тесные контакты со своими единомышленниками в Галиции, в том числе и с руководителями «Головной руськой рады». По примеру руководителей «Рады» Добрянский в октябре 1849 г. вместе с группой своих единомышленников отправился с депутацией в Вену, где они подали молодому императору меморандум о создании единой провинции, которая бы объединяла русинов всей империи. Аудиенция у императора, несмотря на общее благожелательное отношение Франца Иосифа к просителям, практических результатов не дала²⁰. Вопрос о создании единой провинции был отложен на неопределенный срок, однако назначение Добрянского и других членов делегации на серьезные административные должности в Венгерском королевстве свидетельствовало о том, что лояльность русинов произвела на молодого императора благоприятное впечатление. Франц Иосиф больше был склонен доверять консервативным и лояльным русинам, нежели революционно настроенным полякам или венграм.

Образ дома Габсбургов как основной защиты русинов против польской гегемонии и гаранта национального развития в период «Весны народов» окончательно закрепился в сознании значительной части восточнославянского населения Галиции. Этой убежденности не помешали ни роспуск стрелецкого батальона, ни фактическая приостановка деятельности «Головной руськой рады» в 1849 г., ни отказ

¹⁹ Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. М., 1916. Т. 1. С. 149.

²⁰ Там же.

венской администрации от проекта создания единой провинции, ни крах других надежд периода «Весны народов»²¹.

Первый визит во Львов Франц Иосиф совершил в октябре 1851 г. Молодой император, которому едва исполнился 21 год, долго добирался до Львова, и по пути крестьяне, и польские, и русинские, приветствовали его гораздо теплее, чем шляхта. Поляки холодно встретили императора как в Кракове, так и во Львове, да и сам он все еще был более благосклонен к лояльным русинам, чем к мятежным полякам²². Русины же, напротив, сердечно приветствовали императора. «Зоря Галицка» поместила на своих страницах торжественную оду, воспевавшую в самых возвышенных выражениях визит Франца Иосифа²³. Молодой император, поддерживая образ «добротого отца», что, возможно, ему было непросто в силу собственного возраста, заложил 18 октября 1851 г. первый камень в фундамент строящегося Народного дома, произнеся при этом фразу, вселившую многие надежды в присутствующих при этом событии деятелей национального движения: «Здесь я между моими русинами!»²⁴ Второй раз Франц Иосиф посетил Львов в июне 1855 г., этот визит также был призван укрепить образ «добротого императора» в глазах подданных. В целом Франц Иосиф, посещая Галицию, показал себя милым и приятным человеком, но при этом жестким и неуступчивым государственным деятелем, который вовсе не стремился ни «загладить вину» перед поляками, ни потворствовать чаяниям русинов. Интересно, что столь же прохладно, как и самого императора, поляки встретили и назначенного наместником Галиции Агенора Голуховского²⁵, человека, сделавшего для полонизации провинции более, чем кто бы то ни было.

В следующий раз император Франц Иосиф I посетил Львов в 1880 г. За это время многое изменилось как во внутренней и внешней политике Габсбургской монархии, так и в положении Галиции. Империю преследовали военные неудачи, она потеряла надежду на гегемонию в германском мире. В 1867 г. Австрийская монархия стала Австро-Венгрией.

21 *Wendland A. V.* Die Russophilen in Galizien. S. 55.

22 *Шумчак Д.* «Мы друг друга понимаем...». С. 4.

23 *Маценко Г.* Славетні гості Львова. Львів, 2010.

24 *Осередчук М. А.* Львів — Відень у кінці XIX — початку XX століття: візити представників габсбурзької династії до Львова та їх відображення у пресі // *Архіви України*. 2013. № 4. С. 93–110.

25 *Шумчак Д.* «Мы друг друга понимаем...». С. 4.

Изменилось и положение Галиции. Усилия А. Голуховского не прошли даром, провинция становилась все более польской. Внутри национального движения русинов наметились, а затем стали усиливаться расхождения между сторонниками русской (русофильской) и украинской ориентации. К началу 1880-х гг. противоречия между этими направлениями приняли принципиальный характер²⁶. Важно отметить, что именно в среде молодых украинцев (в украинской историографии их часто называют народовцами) начал формироваться новый вариант австрийской лояльности, когда успех национального украинского движения напрямую связывался с поддержкой со стороны Габсбургов²⁷.

В такой обстановке проходил визит императора Франца Иосифа I во Львов в сентябре 1880 г. Польская сторона стремилась придать визиту императора особо торжественный характер, для чего была сооружена триумфальная арка, украшенная императорской короной, а также гербами города и провинции. Около арки стояла трибуна, где императору были вручены символические ключи от города²⁸.

Однако русины не теряли надежды привлечь имперскую власть на свою сторону и заявить о нуждах своего народа. Так, во время визита Франца Иосифа в 1880 г. серьезный вызов польской программе пребывания императора бросили русинские общества, сформировавшие отдельный приветственный комитет. Комитет призвал русинов украсить свои дома сине-желтыми цветами и приветствовать императора восклицаниями «Многая лета!» и «Слава!», а крестьян — прибыть во Львов в народных костюмах, чтобы не позволить полякам представить край как исключительно польский²⁹. Тем не менее при визите императора «первую скрипку» играли представители польских кругов.

В ходе визита императора во дворце наместника состоялась аудиенция, где монарх принял прежде всего представителей польской аристократии и духовенства, затем представителей офицерского корпуса. После завершения аудиенции император посетил основные

26 Клопова М. Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX— начале XX в. М., 2016. 280 с.

27 Серета О. Національна свідомість і політична програма ранніх народовців у Східній Галичині (1861–1867) // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 1999. Вип. 34. С. 199–214.

28 Осередчук М. А. Львів — Відень... С. 96.

29 Там же.

достопримечательности города: собор св. Юра, армянскую церковь, кафедральный собор Успения Девы Марии, городской театр, библиотеку им. Оссолинских. Посетил он и Народный дом, первый камень в фундамент которого он лично заложил 30 лет назад. Здесь Франца Йосифа встретили девушки-русинок, которые произвели на него столь приятное впечатление, что он поблагодарил их «по-русски» («Дякую!»), затем немного поговорил с ними, что произвело сильное впечатление на присутствующих³⁰.

Очевидно, что деятели русинского движения, и прежде всего «народовцы», стремились использовать визит императора во Львов для того, чтобы убедить его не только в лояльности русинов, но и в том, что содействие их национальным интересам соответствует интересам Габсбургской империи, причем как внутри-, так и внешнеполитическим. В Вене также осознавали все возможные выгоды от использования лояльности русинов. С одной стороны, русинские движения (прежде всего украинское движение) могли послужить определенным противовесом растущему польскому доминированию в провинции. С другой, по мере роста напряженности в австро-российских отношениях Вена все больше интересовалась возможностью использовать украинское движение против России. Его центр в 1870–1880-х гг. сместился во Львов благодаря принятым Санкт-Петербургом антиукраинским мерам³¹. Соответственно, усилилась и антироссийская направленность в украинском движении. Таким образом, сотрудничество с лояльно настроенными представителями украинского направления становилось весьма выгодным для имперского правительства. Именно официальная Вена приложила немалые усилия для достижения польско-русинского, а вернее польско-украинского, компромисса, состоявшегося в 1890 г.³² Формально это было соглашение между наместником Галиции Казимиром Бадени и Юлианом Романчуком, одним из лидеров украинского политического движения.

Еще один визит Франца Йосифа во Львов, который проходил с 11 по 15 сентября 1894 г., пришелся на период действия соглашения. Официальной целью визита императора было посещение галицийской

30 *Чорновол І.* Цисар Франц Йосиф I во Львові // *Львівська газета.* 2005. № 138. 5 серпня.

31 *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении. СПб., 2000.

32 *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908. Toruń, 1996.

Краевой выставки. Несмотря на то, что к моменту визита императора обе стороны, и польская, и украинская, уже разочаровались в идее польско-русинского соглашения, на выставке демонстрировалось единство народов Галиции. Сама выставка проводилась с 5 июня по 10 октября 1894 г. и посвящена была 100-летию юбилею восстания под руководством Т. Костюшко. Основной задачей выставки было знакомство ее посетителей с культурными достижениями провинции, разнообразием быта ее населения. Выставка и сама стала важным событием в истории провинции. Ее посетил почти 1 млн чел., проводились многочисленные мероприятия, в том числе и первый на территории Галиции футбольный матч.

«Русский» организационный комитет возглавлял видный этнограф Владимир Шухевич. Он же был куратором Этнографического отдела выставки. Стоит отметить, что, несмотря на усиливающиеся противоречия, украинские и русофильские организации при подготовке к выставке выступали консолидированно.

Главным посетителем выставки был, несомненно, император Франц Иосиф I. Он прибыл во Львов 7 сентября, вновь, как и в 1880 г., под сводами триумфальной арки, принял символические ключи от города, вновь осмотрел основные достопримечательности города. Он несколько раз посетил Краевую выставку, а также ежедневно принимал многочисленные делегации. Среди них были и представительства Ставропигийского института, Общества им. Т. Шевченко, общества «Днестр» и многих других³³. От имени всех обществ к императору обратился Юлиан Романчук, один из инициаторов польско-русинского соглашения. В своем выступлении он, в соответствии с устоявшейся традицией, подчеркнул преданность русинов императору, на что Франц Иосиф ответил столь же традиционными словами о том, что русины — прекрасный народ, на который всегда можно положиться, и их благоденствие так же важно для него, как и благоденствие других народов империи³⁴. Подводя итоги своего визита во Львов и осмотра выставки, император сказал: «Меня охватила полная радость за те всесторонние достижения, которые получил мой край в областях творчества, развития образования и искусства. Совместная работа двух народов дает мне большую надежду на то, что экономическое благосостояние людей выросло и продолжит расти»³⁵. Однако эти пожелания уже не соответствовали существующему поло-

33 *Осередчук М. А.* Львів — Відень... С. 100.

34 *Левцицкий К.* Історія політичної думки... С. 273.

35 *Черновол І.* Цисар Франц Йосиф I во Львові...

жению вещей. Польско-украинский компромисс не принес желаемых результатов. Наместник Галиции К. Бадени уже в том же 1894 г. заявил о том, что соглашение было лишь частной инициативой и правительство будет дальше проводить ту политику, какую сочтет нужной, — с украинцами или же без них³⁶.

Постепенно изменилось и отношение галицийских русинов к Францу Иосифу. Все реже звучали ноты преданности «доброму отцу». Новые реалии, политизация национальных движений — все это привносило заметные изменения в отношении имперского центра и населения окраин империи. Своеобразным рубежом в восприятии русинами Франца Иосифа I как единственного покровителя и защитника «тирольцев Востока» стали выборы в галицийский Сейм 1895 г., которые сопровождались многочисленными нарушениями со стороны администрации провинции³⁷. Представители русинов Галиции предприняли попытку добиться справедливости лично у императора. Делегация в составе 221 человека, среди которых были представители разных социальных слоев, выехала в Вену 12 декабря 1895 г. К императору были допущены 6 членов делегации, которые передали Францу Иосифу памятную записку с указанием всех злоупотреблений на выборах. Император ответил любезно, но формально, заверив присутствующих в том, что русины близки его сердцу так же, как и другие народы империи. Он высказал неудовольствие массовостью делегации, увидев в этом неуместную демонстрацию, после чего попрощался с присутствующими. По окончании аудиенции участники допущенной группы сообщили остальным о результатах беседы. На глазах многих стояли слезы³⁸. По словам украинского историка М. Мудрого, эта встреча стала концом галицийского австрорусинства и Вена с тех пор стала восприниматься как объект давления, как элемент политической тактики³⁹.

Тем не менее позиция императора в том или ином вопросе была весьма значима, а аудиенция у него не менее желанна, нежели в предыдущие годы. Так, в начале 1905 г. от имени русинов Галиции к императору Францу Иосифу направилась депутация во главе с митрополитом А. Шептицким, которая, в частности, выдвинула и требования избирательной реформы как пути к разрешению национального

36 *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego... S. 58.

37 *Аркуша О.* Галицкий сейм. Виборчі кампанії 1889 і 1895 рр. Львів, 1996. С. 133–135.

38 *Левицький К.* Історія політичної думки... С. 283.

39 *Мудрий М.* Австрорусинство в Галичині... С. 589.

конфликта в крае. Император подтвердил намерения приступить к подготовке проекта закона⁴⁰.

Личного одобрения императора активно добивались украинские представители в Рейхсрате, сумевшие после принятия нового избирательного закона 1907 г. создать «Украинский клуб» («Український Клуб»)/ Парламентарии в борьбе за реализацию своих задач не раз прибегали к одному из своих излюбленных средств — парламентской обструкции. Ее же они использовали весной 1912 г., когда она грозила сорвать принятие важнейших для государства законопроектов, в том числе военных, что в условиях роста международной напряженности было крайне нежелательно. Именно с целью вынудить «Украинский клуб» прервать обструкцию 18 июня 1912 г. Франц Иосиф обратился с письмом к украинским парламентариям. В письме император указывал на их патриотизм и выражал огорчение, что они тормозят ход военной реформы. При этом император впервые употребил термин «украинский» (Ukrainische) вместо более привычного «рутенский» (Ruthenische), что многими наблюдателями было расценено как официальное признание нового этнонима.

Позднее, в ноябре 1912 г., в Будапеште состоялась встреча императора Франца Иосифа с представителями парламентских групп, в ходе которой не раз были затронуты вопросы внешней политики. Лидер «Украинского клуба» Константин Левицкий был удостоен личной аудиенции императора. В ходе беседы Франц Иосиф подчеркнул необходимость скорейшего примирения обоих народов Галиции. Левицкий в свою очередь подчеркнул, что позиция императора в вопросе создания украинского университета произвела сильное впечатление на русинов Галиции и сделала их «нечувствительными к русофильским махинациям» русского правительства⁴¹. Франц Иосиф ответил, что правительство стремится к урегулированию сложных вопросов в отношениях народов Галиции и что успехи на данном поприще производят на него весьма положительное впечатление.

Однако Франц Иосиф вполне трезво оценивал реальные возможности украинских политиков. Так, на личной встрече с наместником Галиции М. Бобжинским, который стремился убедить Франца Иосифа в том, что горстка украинских политиков в Киеве, и тем более во Львове, не имеет значительного влияния на многомиллионное население, которое хранит верность царю и православию. Император подтвердил,

40 *Partacz Cz. Od Wadeniego do Potockiego...* S. 189.

41 *Левицкий К. Історія політичної думки...* С. 633.

что никогда не рассчитывал на поддержку населения малороссийских губерний Российской империи⁴². Таким образом, правящие круги Габсбургской монархии не рассматривали идею привлечь на свою сторону малороссов Российской империи в случае войны в качестве реального плана. Скорее, благожелательное отношение вызывала постоянно подчеркиваемая лояльность австрийских украинцев, которая была в определенном смысле гарантией того, что в регионе в случае войны не возобладают пророссийские настроения.

Подводя итоги, можно сказать, что император Франц Иосиф I за всю свою долгую жизнь на престоле не изменил своего отношения к «своим русинам», которых он ценил за консерватизм, приверженность трону, однако нередко жертвовал их интересами ради интересов государства. Позднее он, явно осуждавший резкий национализм украинских политиков, все же отдавал им предпочтение перед гораздо более умеренными в своих требованиях русофилами. Отношение же самих русинов Галиции к императору также претерпело изменения: от наивной веры в «добротого отца» они постепенно перешли к умеренной лояльности, которая, в свою очередь, в значительной мере основывалась на понимании того, что именно имперский центр, Вена, и его живое олицетворение — император Франц Иосиф I, являются самыми важными союзниками в их борьбе за национальные права.

Источники и литература

Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. М., 1916. Т. 1. XVI+304 с.
Аркуша О. Галицкий сейм. Виборчі кампанії 1889 і 1895 рр. Львів, 1996. 173 с.

Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі спомині. Львів, 1926. 736 с.

Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении. СПб., 2000. 260 с.

Мудрий М. Австрорусинство в Галичині: спроба окреслення проблеми // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 35–36. Львів, 2000. С. 571–605.

Маценко Г. Славетні гості Львова. Львів: Апоріорі, 2010. 320 с.

Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2007. 192 с.

⁴² *Bobrzyński M.* Z moich pamiętników. Wrocław; Kraków, 1957. S. 297–298.

Осередчук М. А. Львів — Відень у кінці XIX — початку XX століття: візити представників габсбурзької династії до Львова та їх відображення у пресі // *Архіви України*. 2013. № 4. С. 93–110.

Сухий О. Від русофільства до москвофільства. Російський чинник у громадській думці та суспільно-політичному житті галицьких українців у XIX столітті. Львів, 2003. 498 с.

Чорновол І. Цисар Франц Йосиф I во Львові // *Львівська газета*. 2005. № 138. 5 серпня.

Шимчак Д. «Мы друг друга понимаем...» Франц Иосиф и поляки в Галиции // *Славяноведение*. 2017. № 5. С. 3–13.

Magosci P. R. The Shaping of a National Identity Subcarpatian Rus'. 1848–1948. London, 1972. 640 p.

Partacz Cz. Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908. Toruń, 1996. 282 s.

Fras Z. Galicja. Wydawnictwo dolnośląskie. Wrocław, 1999. 299 s.

Wendland A. V. Die Russophilen in Galizien. Ukrainische Konservative zwishen Österreich und Russland, 1848–1915. Wien, 2000. 644 s.

References

Aristov, F. F. *Karpato-russkie pisateli*. T. 1. Moscow, 1916, XVI+304 s.

Arkusha, O. *Halits'kii seim. Viborchi kampanii 1889 i 1895 rr.* L'viv, 1996, 173 s.
Levitskii, K. *Istoriia politichnoi dumky halits'kikh ukraintsev. 1848–1914. Na pidstavi spominiv.* L'viv, 1926, 736 s.

Miller, A. I. «*Ukrainskii vopros*» v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii. SPb., 2000, 260 s.

Mudrii, M. *Avstrorussinstvo v Halichini: sprobа okreslennia problemy.* Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriia istorichna. Vyp. 35–36. L'viv, 2000, s. 571–605.

Matenko, G. *Slavetni hosti L'vova.* L'viv: Apriori, 2010, 320 s.

Oseredchuk, M. A. *L'viv — Viden' u kints'i XIX — pochatku XX stolittia: viziti predstavnikov habsburz'koï dinastii do L'vova ta ikh vidobrazhennia u presi.* Arkhivi Ukraïni. 2013, 4, s. 93–110.

Pashaeva, N. M. *Ocherki istorii russkogo dvizheniia v Galichine XIX–XX vv.* M., 2007, 192 s.

Sukhyi, O. *Vid rusofil'stva do moskvofil'stva. Rosiis'kii chinnik u hromad'skoi dumsi ta suspil'no-politychnomu zhitti halits'kykh ukraintsev u XIX stolitti.* L'viv, 2003, 498 s.

Chornovol, I. *Tsisar Frants Iosif I vo L'vovi.* L'vivs'ka gazeta. 2005. no. 138. 5 serpnia.

Shimchak, D. «*My drug druga ponimaem...*». *Frants Iosif i poliaki v Galitsii.* *Slavianovedenie*, 2017, № 5, s. 3–13.

Maria E. Klopova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The leaders of the national movement of the Rusyns of Galicia
and Emperor Franz Joseph I

The article considers the formation and development of relations between representatives of the East Slavic population (Rusyns) of Galicia and the Imperial power of the Austrian monarchy, and especially with Emperor Franz Joseph I. Official Vienna after the partitions of Poland and the creation of the Kingdom of Galicia and Lodomeria traditionally acted as a defender of the Rusyns from Polish oppression. Such a policy has led to the emergence of the system of relationships between Imperial authorities, the Greek Catholic Church and the Ruthenian population of the Empire. This system of relations reached its heyday during the reign of Franz Joseph I. The image of the “good Emperor”, of the “father” is firmly established in the consciousness of the Rusyns in the years of revolution, 1848–1849, and remained relevant until the death of the Emperor, despite all the changes in the official policy of Vienna with respect to Galicia. Gradually, in the ranks of the national movement of the East Slavic population of Galicia, both among supporters of the Ukrainian and among supporters of Russophile orientation, there was a certain disappointment in the policy of Vienna as a defender of the interests of the Rusyns. Nevertheless, Emperor Franz Joseph I has maintained his high reputation both among the leaders of the national movement of the East Slavic population of the Empire, and among ordinary Rusyns.

Keywords: Rusyns, Poles, national movements, Galicia, Austria-Hungary, Emperor, Imperial center.

Софья Владимировна Панина: чехословацкий период жизни (1924–1938 гг.)

Статья повествует о жизни и деятельности графини Софьи Владимировны Паниной. Аристократка, одна из богатейших женщин России уже в молодости увлеклась благотворительностью. «Красной графиней» ее стали называть за огромную просветительскую работу среди рабочих. На ее деньги и по ее инициативе были созданы столовые, библиотеки, больницы, она помогала театрам и построила обсерваторию. Главным ее детищем стал Народный дом на Лиговке в Петербурге. По своим политическим взглядам она принадлежала к Конституционно-демократической партии. Активно участвовала в деятельности Временного правительства, став первой женщиной – товарищем министра. Большевистский переворот не приняла. После поражения Белой армии эмигрировала за границу. И за рубежом она продолжала помогать нуждавшимся людям. Жила во Франции, Англии, Швейцарии. В 1924 г. она переехала в Чехословакию, где прожила до 1938 г. После Мюнхенского соглашения Панина уехала в США. Несмотря на значительное количество литературы, посвященной героине статьи, чехословацкий период ее жизни освещен недостаточно подробно. Именно поэтому основное внимание в работе сосредоточено на деятельности С. В. Паниной в Чехословакии.

Ключевые слова: *С. В. Панина, благотворительность, русская революция, Чехословакия, самоорганизация эмигрантов.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.1.09

Статья подготовлена при финансовой поддержке ПФИ Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России»: подпроект «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление», тема «Австро-Венгрия: механизмы самоорганизации культурно-сложных сообществ в композитарной монархии», № 0178-2018-0008.

Жизнь и деятельность С. В. Паниной не раз привлекала внимание исследователей. Ей посвящены статьи, страницы в коллективных и индивидуальных монографиях. Американский профессор университета Вилланова в Филадельфии Адель Линденмайер много лет занималась биографией Паниной для написания книги о ней. В 2011 г. к 140-летию со дня ее рождения в Доме русского зарубежья (ДРЗ) прошел международный научный colloquium, материалы которого были опубликованы¹. Есть даже Интернет-музей С. В. Паниной².

Однако большее внимание исследователей занимает дореволюционный и революционный этапы ее жизни и деятельности. В эмиграции в основном рассматривалась общественная деятельность С. В. Паниной в Лиге Наций, а затем уже американский этап ее эмигрантской жизни (после 1938 г.). Чехословацкий период освещен в литературе лишь частично.

Софья Владимировна — одна из богатейших женщин России, известная общественная и политическая деятельница, меценат, литературный критик³ — родилась 23 августа 1871 г. в Москве⁴, крестили ее в Алексеевской церкви на Глинищах⁵. Крестным отцом Паниной был император Александр II. Она принадлежала к верхушке русской аристократии, была очень знатного происхождения, ее предками были князья Урусовы и Мещерские. Первые упоминания рода Паниных относятся еще к правлению Ивана Грозного⁶. Ее дедушка по отцовской линии В. Н. Панин, один из крупных землевладельцев, был министром юстиции при Николае I и при Александре II, дедушка по материнской линии, генерал С. И. Мальцов, являлся крупным предпринимателем. Обширную промышленную империю Мальцовых иногда

1 Мыслящие миры российского либерализма: графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956). Материалы международного научного colloquium. Москва, 29–31 мая 2011 г. М., 2012.

2 <http://www.sof-panina.ru>

3 Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 289.

4 Толстой И. Графиня Панина и русская благотворительность. URL: <https://www.svoboda.org/a/24261470.html> (дата обращения: 12.04.2019).

5 Давыдова Л. Графиня Софья Панина: жизнь, наполненная надеждами. URL: <http://ruslo.cz/index.php/nauka/item/305-grafinya-sofya-panina-zhizn-napolnennaya-nadezhdami> (дата обращения: 12.04.2019).

6 Молчанова М. «Красная графиня» Софья Панина — последняя представительница знатного рода. URL: <https://diletant.media/articles/38563227/> (дата обращения: 20.07.2019).

называли «Америкой в России»⁷. Софья была единственным ребенком единственного сына В. Н. Панина. Ее отец, камер-юнкер граф Владимир Викторович, умер очень рано, когда ей было всего два года, и она стала единственной наследницей рода Паниных. До 11 лет она жила с матерью Анастасией Сергеевной Паниной (ур. Мальцовой). Затем мать вышла замуж за видного деятеля земского движения И. И. Петрункевича, впоследствии одного из основателей партии кадетов, депутата I Государственной Думы. Над Софьей было установлено опекуновство бабушки графини Натальи Павловны Паниной (ур. Тизенгаузен) и дяди, генерал-лейтенанта Владимира Васильевича Левашова. Софью определили в Училище благородных девиц ордена св. Екатерины (Екатерининский институт), где она проучилась шесть лет, с 1882 по 1887 г. В 20 лет Софью выдали замуж за сына статс-секретаря А. А. Половцова Александра. Посаженым отцом на свадьбе был император Александр III⁸. Однако брак оказался неудачным, и молодые развелись. Софья вернула свое имя и титул и поселилась в доме бабушки. Некоторое время она училась на Высших Бестужевских курсах, но не закончила их⁹. В это время она познакомилась с учительницей А. В. Пешехоновой, работавшей в народной школе в Петербурге. Первым их совместным проектом стало открытие 25 октября 1891 г. столовой для детей малоимущих рабочих. Далее последовали другие благотворительные акции. На свои средства она открыла чайную (1897), библиотеку (1898) и вечерние классы черчения для взрослых (1900).

В 1899 г. умерла бабушка, оставив Софье богатое наследство. С. В. Панина владела имениями Марфино под Москвой, Вейделевка, Дугино на Смоленщине, Городец в Нижегородской губернии. Ее имения по тем временам были образцовыми, со всеми новинками в сельском хозяйстве. В Вейделевской волости ее конный завод был

⁷ Данилевич Е. Народная графиня. Почему Софья Панина раздала все деньги простым людям. URL: http://www.spb.aif.ru/society/people/narodnaya_grafinya_pochemu_sofya_panina_razdala_vse_dengi_prostym_lyudyam (дата обращения: 14.04.2019).

⁸ Давыдова Л. Графиня Софья Панина: жизнь, наполненная надеждами. URL: <http://ruslo.cz/index.php/nauka/item/305-grafinya-sofya-panina-zhizn-napolnennaya-nadezhdami> (дата обращения: 20.07.2019).

⁹ Линденмайер А. Графиня Софья Владимировна Панина в истории русской филантропии и демократии // Мыслящие миры российского либерализма... С. 14.

лучшим, там же разводили овец, сочетавших в себе лучшие качества тонкорунных и неприхотливых местных пород. На средства Паниной была построена Вендеевская земская больница в 1907 г., лучшая в Воронежской губернии, и в 1912 г. кумысолечебница для больных туберкулезом, вместе с земством открыты начальные школы. При ее поддержке были организованы выставки-продажи новой сельхозтехники, открыты консультационные пункты, Кредитное и Потребительское общества.

От бабушки ей досталось и имение в Гаспре (Крым), где любили бывать и подолгу жили ее мать и отчим, а также многочисленные друзья и знакомые, среди них А. П. Чехов, М. Горький, К. Бальмонт, С. Н. Булгаков, В. Набоков и др.¹⁰ Здесь по ее приглашению отдыхал Л. Н. Толстой. В Свято-Духовой церкви имения Гаспра в 1900 г. состоялось венчание будущего чехословацкого премьер-министра К. П. Крамаржа и Н. Н. Хлудовой¹¹.

В 1903 г. Софья Владимировна приобрела участок земли и построила Лиговский народный дом для просвещения рабочих с театральным и гимнастическим залами, библиотекой-читальней, учебными классами. Народный дом должен был стать просветительским учреждением для широких слоев населения, основной задачей которого была борьба с неграмотностью. Тут были организованы классы с четырьмя отделами, где шло преподавание по 13 предметам. Обучались в основном взрослые люди, которые могли получить начальное образование, а при желании заканчивали потом курсы второй ступени и, успешно сдав экзамены, приобретали диплом народного учителя.

В библиотеке, где устраивались сеансы синемаатографа и камерные концерты, установили мелодичный орган¹². При Народном доме действовал общедоступный театр и передвижной музей учебных пособий для предметов естественнонаучного цикла, была открыта

¹⁰ *Копришова А.* Графиня Софья Панина «Со всем живущим заодно...» // Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции и в Чехословакии 1918–1945. Прага, 2008. С. 178.

¹¹ *Сератионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. С. 61.

¹² *Молчанова М.* «Красная графиня» Софья Панина — последняя представительница знатного рода... URL: <https://diletant.media/articles/38563227/> (дата обращения: 20.07.2019).

чайная с низкими ценами, бесплатная столовая и прачечная. При Народном доме имелись слесарная и переплетная мастерские, где детей учили этим профессиям. Здесь же действовала сберегательная касса. В 1905 г. в башне здания открылась Общедоступная обсерватория, целью которой стало распространение астрономических знаний. В Народном доме было многолюдно: собиралось до 1000 человек, проходили собрания, дискуссии, митинги, о чем можно прочесть в воспоминаниях С. В. Паниной «На Петербургской стороне»¹³ и «На Петербургской окраине»¹⁴. В Народном доме не разрешалось употребление спиртного, игра в карты и политическая агитация. А. Ф. Керенский одно время работал там в бесплатной юридической консультации, но был уволен за агитацию¹⁵. В 1908 г. при помощи графини С. В. Паниной под Викторополем была открыта Степная биологическая станция Петербургского общества естествоиспытателей, а в 1914-м — Опытная станция, положившая начало впоследствии возникшему Институту подсолнечника.

Панина оказала помощь и Московскому МХАТу, став одним из его пайщиков.

С. В. Панина начала работу в Российском обществе защиты женщин, возглавив отдел, в ведении которого находилось бюро по найму прислуги и помещение на 50, позже 80 работниц со столовой для приезжавших в столицу на заработки работниц. В 1910 г. Панина являлась одной из организаторов Всероссийского съезда по борьбе с проституцией. Под ее опекой находился приют для женщин-матерей Е. П. Калачевой на Охте.

В начале Первой мировой войны Панина возглавляла комиссию по народному образованию в Петроградской городской думе и стала еще заниматься и распределением пособий солдатским семьям. В Лиговском народном доме был размещен лазарет для раненых, созданный Всероссийским союзом городов. После Февральской революции 1917 г. Софью Владимировну избрали депутатом Петроградской городской думы, в мае она вошла в состав ЦК конституционных демократов. В марте 1917 г. она участвовала в депутатии известных общественных деятельниц, которая доби-

13 Новый журнал. 1957. Кн. 48.

14 Новый журнал. 1957. Кн. 49.

15 *Данилевич Е.* Народная графиня... URL: http://www.spb.aif.ru/society/people/narodnaya_grafinya_pochemu_sofya_panina_razdala_vse_dengi_prostym_lyudyam (дата обращения 14.04.2019).

лась от премьер-министра князя Г. Е. Львова подтверждения намерения Временного правительства уравнивать женщин в политических правах с мужчинами. С. В. Панина стала первой женщиной в истории России, занявшей пост товарища (заместителя) министра государственного призрения во Втором коалиционном правительстве, возглавляемом А. Ф. Керенским. Ее стали называть «красной графиней»¹⁶. В Третьем коалиционном правительстве, образованном в сентябре 1917 г., графиня Панина заняла должность товарища министра народного просвещения.

В результате большевистского переворота все министры Временного правительства были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Софья Панина, все еще остававшаяся на своем посту, по решению партии кадетов об активном сопротивлении большевикам перевела значительную сумму из министерской кассы (около 93 тыс. руб.) в один из зарубежных банков, обязуясь вернуть средства легитимно избранной Учредительным собранием власти. После Октябрьского переворота она вошла в Комитет спасения родины и революции и оказывала содействие антибольшевистским силам. 29 ноября Панина вместе с рядом других видных деятелей партии кадетов была арестована и помещена в женскую тюрьму на Выборгской стороне, а затем освобождена революционным трибуналом «ввиду прежних заслуг». Однако вскоре вновь была арестована и помещена в Петропавловскую крепость. Освобождена после того, как ее друзья и соратники передали большевикам необходимую сумму, с тем чтобы эти деньги постепенно возместил Всероссийский учительский союз, открывший подписку на сбор средств в пользу Паниной. Она принимала активное участие в организации Учредительного собрания, которое позже было разогнано большевиками.

После этого С. В. Панина едет на юг. Уже после ее отъезда, в апреле 1918 г. Панину лишили всего имущества, которое было национализировано.

В сентябре 1918 г. в Киеве вместе с однопартийцем Н. И. Астровым она участвовала в дискуссиях с П. Н. Милюковым о внешнеполитической линии партии кадетов, настаивая на возобновлении союза России со странами Антанты. Панина вошла в Национальный центр, став членом комиссии по пропаганде. В октябре 1919 г. она была избрана в бюро КДП.

¹⁶ Молчанова М. «Красная графиня» Софья Панина... URL: <https://diletant.media/articles/38563227/> (дата обращения: 20.07.2019).

Весной 1920 г. на Дону Софья Владимировна вступила в гражданский брак с Николаем Ивановичем Астровым¹⁷, последним городским главой Москвы, членом Особого совещания при генерале А. И. Деникине. В Крыму, в Гаспре, находились ее мать и отчим. После поражения белых вместе с остатками армий Врангеля Панина эмигрировала с родными за границу, сначала в Константинополь, потом во Францию и Англию. За рубежом Панина продолжала свою кипучую общественную деятельность. Известные общественные и политические деятели, в число которых безусловно входила Панина, составили ядро, вокруг которого происходила институционализация русской эмигрантской жизни¹⁸. В 1920 г. Панина поддержала создание Русской академической группы для объединения русских ученых за границей и оказания им помощи¹⁹. Она стала членом Временного главного комитета Всероссийского союза городов за границей (с 1920), Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (с 1921 г.). На совещании членов ЦК КДП в Париже (26.05–02.06.1921) Панина подверглась критике «новую тактику» П. Н. Милюкова. С ноября 1921 г. жила в Женеве. В Швейцарии вместе с Н. И. Астровым она начала работать при Лиге Наций, организуя гуманитарную помощь русским эмигрантам. Кроме этого являлась заместителем Астрова в Совете представителей гуманитарных организаций при Верховном комиссаре по делам русских беженцев²⁰. С. В. Панина помогала А. В. Жекулиной в 1921 г. в устройстве русской гимназии в Константинополе²¹ и перевозке

17 *Копришова А.* Графиня Софья Панина «Со всем живущим заодно...». С. 181.

18 *Гаген С.* Политическая элита Российской империи в изгнании в Чехословакии (1919–1945) // *Истории изгнания. Судьбы эмигрантов с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии.* Praha: Památník národního písemnictví, 2018. С. 28.

19 *Волошина В.Ю.* Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М., 2013. С. 124; *Она же.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск, 2010. С. 95.

20 Подробнее об этом см.: *Бочарова З. С.* «Взрачивать добрые плоды своего неутомимого труда»: деятельность С. В. Паниной и Н. И. Астрова в Лиге Наций // *Мыслящий мир русского либерализма...* С. 78–88.

21 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5913. Н. И. Астров. Оп. 1. Д. 1097. Письма А. В. Жекулиной С. В. Паниной. Л. 25–25об.; 27–27об.

ее в Чехословакию²². Обеих дам объединяла идея воспитать кадры интеллигентных людей для будущей России²³. Обсуждали они и вопрос о бюро по регистрации беженцев²⁴.

20 апреля 1923 г. С. В. Панина вместе с Н. И. Астровым внесли проект резолюции на заседании Совещательного комитета по делам беженцев при Лиге Наций в связи с бедственным положением русских в Польше и Румынии. В резолюции выражалась надежда, что Верховный комиссар по делам беженцев продолжит вести переговоры и предпринимать соответствующие действия для облегчения положения русских эмигрантов в этих странах. В документе содержалась и просьба к Верховному комиссару (учитывая, что некоторые беженцы выражали желание вернуться в Россию) «начать переговоры с правительствами России и Украины об оказании помощи беженцам, пожелавшим вернуться на родину, о предоставлении им прав, которыми обладают все российские граждане, а также условий, в которых они смогли бы восстановить свои жилища и заниматься социальной и экономической деятельностью»²⁵. В связи с этим уполномоченный Российского Красного Креста при международных учреждениях в Женеве Ю. И. Лодыженский направил С. В. Паниной и Н. И. Астрову письмо, в котором ставил вопрос, чем вызвано изменение отношения Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей, представителями которого они являлись, к вопросу о репатриации русских эмигрантов. По его словам, ранее отношение всех эмигрантских организаций к репатриации было отрицательным²⁶. В письме С. В. Паниной и Н. И. Астрова председателю Общества помощи русским гражданам в Берлине С. А. Смирнову их позиция по вопросу о репатриации полностью разъяснялась: резолюция представляла собой попытку частичного решения вопроса об изгоняемых с территории Польши и Румынии правительствами этих стран русских беженцев, причем только тех, кто сам изъявил желание вернуться в Россию²⁷.

22 Там же. Л. 40–41об.; 37–37об.

23 Там же. Л. 26об.

24 Там же. Л. 29–29об.

25 Бочарова З. С. Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы). (Сборник документов и материалов). URL: www.auditorium.ru/ (дата обращения: 15.04.2019).

26 Там же.

27 Там же.

Берлинское отделение Комитета русских юристов, ознакомившись с проектом резолюции, представленным графиней С. В. Паниной и Н. И. Астровым в заседании Совещательного Комитета при Верховном комиссаре по русским делам 20 апреля 1923 г. и возражениями представителя Русского Красного Креста доктора Ю. И. Лодыженского, пришло к заключению, что так как никакого правового строя в России не существует, то «всякое обращение со стороны российских общественных организаций с предложениями и ходатайствами о репатриации должны быть признаны явно неуместными и недопустимыми»²⁸.

В августе 1924 г.²⁹ С. В. Панина по приглашению дочери президента Чехословацкой республики Алисы Масарик³⁰, переехала вместе с родными в ЧСР. Ее приезд планировался годом раньше, но был отложен из-за болезни³¹.

Сначала они жили в Розтоках³² недалеко от Праги в одной вилле с семьями Жекулиных, профессора В. Э. Брунста и Евреиновыми³³, затем перебрались в Прагу. И в Чехословакии Панина не прекращала своей кипучей общественной деятельности. Она вошла в Пражскую группу центральных кадетов. Вместе с Н. И. Астровым, князем П. Д. Долгоруковым, А. В. Жекулиной она входила в возглавляемый П. П. Юреневым Временный главный комитет Всероссийского союза городов, ведавший организацией и руководством дошкольных детских организаций в ЧСР и гимназией в Моравской Тршебове³⁴.

С мая 1925 г. по 1938 г. С. В. Панина являлась бессменной председательницей комитета по организации празднования Дней русской культуры в Чехословакии. Она ежегодно выступала с приветственной

28 Там же.

29 ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1097. Л. 64.

30 *Волошина В. Ю.* Вырванные из родной почвы... С. 129; *Копришова А.* Личные контакты президента Масарика с российской эмиграцией // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. К 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. По материалам международной научной конференции. М., 2005. С. 73.

31 ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1097. Л. 73–74об.

32 О начальном этапе эмигрантской жизни С. В. Паниной в ЧСР см.: *Волошина В. Ю.* Розтокская русская колония. Начало пражского периода эмиграции С. В. Паниной // Мыслящие миры русского либерализма... С. 72–78.

33 *Волошина В. Ю.* Вырванные из родной почвы... С. 60.

34 *Серапионова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 120–121.

речью на открытии Дня русской культуры, приуроченного ко дню рождения А. С. Пушкина. Празднование дня рождения А. С. Пушкина русскими эмигрантами началось в Эстонии в 1924 г. В октябре того же года в Праге на совещании по борьбе за сохранение нации, устроенном Педагогическим бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, было решено ежегодно устраивать День русской культуры. В 1925 г. празднование Дня русской культуры состоялось в 13 странах. В каждой из них устройством праздника занимались русские эмигрантские организации, связанные с Комитетом Дня русской культуры в Чехословакии, который и возглавила Панина. Комитету поручалось устройство собраний, докладов, лекций, концертов, спектаклей, торжественных заседаний, публикация отчетов. Приветственное слово председательницы Комитета Дня русской культуры в ЧСР гр. С. В. Паниной всегда значилось под номером 1 в праздничных мероприятиях³⁵. Праздник был общенациональным, с каждым годом число стран, где он отмечался, росло. Комитет существовал за счет взносов эмигрантских организаций, доходов от культурно-просветительных мероприятий и пожертвований.

В Чехословакии праздник проходил достаточно масштабно. Панина принимала непосредственное участие в обсуждении программы и организации празднования, выдвигала новые идеи и вела переговоры с участниками. По ее поручению заблаговременно профессор историк Е. Ф. Шмурло составлял список памятных дат, связанных с именами русских писателей, поэтов, музыкантов и других выдающихся деятелей русской культуры, а затем решали, какой акцент сделать во время празднования очередного Дня русской культуры. Проводился праздник не только в Праге, но и в других городах Чехословакии, для его подготовки следовало координировать усилия различных эмигрантских организаций, достать средства на его проведение, пригласить чехословацких политических и общественных деятелей, представителей науки и культуры. Панина, благодаря своим связям с чехословацкими политическими и общественными деятелями, сумела «заразить» идеей празднования и чехословацкое общество. В отчете о проведении Дня русской культуры за 1928 г. Н. А. Цуриков писал: «В Праге чехи — друзья России не только присутствовали и участвовали в русском празднике, а *сами* устроили и *сами* (выделено в тексте. — Е. С.) праздновали “День Русской Культуры”. Это замеча-

³⁵ Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага, 1998. С. 246.

тельное торжество было чрезвычайно внушительно. Оно было устроено несколькими чешскими организациями, и ему предшествовало обращение к учителям народных школ, ко всем культурным организациям, к книжным магазинам и к чехословацкой журналистике с предложением о соответственном ознаменовании этого чешского «Дня», посвященного русской культуре. На торжественном заседании в зале Пражской городской радницы³⁶ последовательно выступали: товарищ председателя Академии наук Ю. Поливка, председатель Чехословацкого национального совета А. Прокупек, вице-председатель Земского школьного совета Н. Полицер, известный чешский писатель Р. Медек и профессор литературы Горак»³⁷.

С. В. Панина являлась основательницей и руководительницей Русского дома, так называемого «Русского очага» в Праге, основанного 26 ноября 1925 г. по инициативе д-ра А. Масарик, председательницы Чехословацкого Красного Креста. Эту идею С. В. Панина обсуждала в письмах с А. В. Жекулиной. 23 июня Жекулина в письме Паниной советовала ей обратиться к А. Масариковой с тем, чтобы та попросила у американского мецената Джона Крейна³⁸, который в тот момент находился в Европе, деньги на помещение для Русского дома³⁹. «Русский очаг» находился вначале на улице Кременцовой (д. № 8), а затем на улице Мисликовой. Задачей «Русского очага» являлось удовлетворение духовных и культурно-просветительных потребностей русской колонии в Праге, и в особенности русской учащейся молодежи. «Русский очаг» находился под покровительством Чехословацкого Красного Креста и управлялся комитетом, председательницей которого была А. Масарик, а в состав входили Д. Крейн, представители МИД ЧСР и Чехословац-

36 Радница — ратуша, орган городского самоуправления.

37 ГАРФ. Ф. 5850. Комитет Дня русской культуры в Чехословакии. Отчеты, информация, воззвания, статьи, объявления о проведении Дня русской культуры в Чехословакии. Оп. 1. Д. 10. Л. 16об.

38 Джон Оливер Крейн (1899–1983) — младший сын американского миллионера Чарльза Ричарда Крейна, лично знакомого с Т. Г. Масариком. Старший сын Ричард Теллер Крейн был первым послом США в ЧСР, Джон Крейн одно время являлся пресс-секретарем президента Масарика и посредником в благотворительной деятельности отца. Подробнее см.: *Чеботарева Т.* «На чужом пиру незваные гости»: из истории «Русского очага» в Праге // *Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие* / Сост. Л. Бабка и И. Золотарев. Прага, 2012. С. 125–133.

39 ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1097. Л. 67–67об.

кого Красного Креста. Панина заведовала «Русским очагом» и руководила его работой⁴⁰. Чехословацкое правительство в рамках «Русской акции помощи» выделяло средства на содержание различных русских эмигрантских учреждений, в том числе и «Русского очага». Так, из 24 млн 598 тыс. чехословацких крон (кр. ч.), выделенных в 1927 г. МИД ЧСР на «Русскую акцию», на его содержание пошло 96 тыс. кр. ч.⁴¹ Деньги на содержание Русского дома кроме Крейна предоставлял президент Масарик и его дочь Алиса⁴². За 12 лет существования «Русского очага» семья Крейнов выделила 784 275 кр. ч., семья Масариков — 516 000 кр. ч, МИД ЧР — 496 789 кр. ч., доход самого «Русского очага» составил 264 336 кр. ч.⁴³ С 1931 г. в связи с прекращением «Русской акции» и финансовым кризисом в стране Русский дом перестал получать помощь от МИД ЧСР и продолжал работать исключительно благодаря помощи Крейнов и семьи Масарика.

«Русский очаг» состоял из библиотеки-читальни, клуба для проведения лекций, вечеров, концертов и буфета, где продавались простые дешевые блюда, с 12 до 15 можно было пообедать. Целью создания Русского дома было сохранение русских культурных традиций. Просуществовал он до 1944 г. В нем проходили не только культурные, но и многие общественные мероприятия, например, в июле 1934 г. состоялось общее собрание Союза русских писателей и журналистов в ЧСР под председательством Н. И. Астрова⁴⁴. В Русском доме проводило свои заседания Русское историческое общество, Русское музыкальное общество, выступал хор Архангельского. Только за два первых года существования «Очага» в нем было проведено 367 мероприятий, в которых приняли участие в целом более 111,5 тысяч человек⁴⁵. В 1930-е гг. библиотека «Русского очага» насчитывала около 10 тыс. томов. В читальне за 1 крону можно было провести весь день. Каждый год в июне месяце там проходили Дни русской книги⁴⁶.

40 Русские в Праге 1918–1928 гг. / Ред.-сост. С. П. Постников. Прага, 1928. С. 122–123.

41 Документы к истории русской и украинской эмиграции... С. 120.

42 *Tejchmanová S.* Rusko v Československu (Bílá emigrace v ČSR 1917–1939). Praha, 1993. S. 51.

43 *Чеботарева Т.* «На чужом пиру незваные гости»: из истории «Русского очага» в Праге... С. 131.

44 Документы к истории русской и украинской эмиграции... С. 96.

45 *Волошина В. Ю.* Розтокская русская колония. Начало пражского периода эмиграции С. В. Паниной... С. 76.

46 *Tejchmanová S.* Rusko v Československu... S. 52.

С. В. Панина поддерживала связи и вела переписку со многими известными российскими деятелями — А. И. Деникиным и его женой, матерью генерала П. Н. Врангеля М. Д. Врангель, историком Е. Ф. Шмурло, бывшим секретарем Л. Н. Толстого, директором Русского культурно-исторического музея, в создании которого Панина принимала деятельное участие, В. Ф. Булгаковым, директором Русской гимназии в Моравской Тршебове уже упоминавшейся А. В. Жекулиной и многими другими известными в эмиграции лицами. Последняя в письмах Паниной рассказывала о трудностях издательского дела в ЧСР, так как печатать книги для эмигрантов представлялось невыгодным из-за того, что их покупательская способность была равна нулю, а для России — трудно было выдержать конкуренцию с более дешевыми берлинскими изданиями⁴⁷. Отвечая на вопрос Паниной о визите П. Н. Милюкова в ЧСР в 1923 г., Жекулина писала: «...когда я его слушаю публично, всегда попадаю под влияние его ума и ораторских приемов, то же самое было и с его многочисленной аудиторией. Чехи принимали очень хорошо, на лекции был Бенеш, Гирса, все министерство иностранных дел, заместитель Швегова и очень много чинов министерства финансов. Был завтрак у Бенеша. Он приезжал к Президенту... Мне показалось, что сейчас он ближе к нам, а не к эс-серам, и я лично очень этому рада»⁴⁸.

К Паниной продолжали обращаться русские эмигранты за помощью в переезде в Чехословакию и устройстве на работу, в получении информации, пересылки писем в Россию, получении материальных средств, издании и присылке книг. Как могла, Софья Владимировна стремилась всем помочь. 3 декабря 1921 г. А. И. Деникин благодарил С. В. Панину за хлопоты по изданию его книги⁴⁹, а 16 декабря просил передать издателю Браунеру, что из-за слишком коротких сроков на перевод договор об английском издании его очерков подписать не сможет⁵⁰. В конце концов вопрос с английским изданием был решен. Перевод сделал К. Д. Набоков. Договор с издательством был подписан, о чем он и извещал Панину 5 февраля 1922 г.⁵¹ 16 февраля 1922 г. в связи с началом работы над 3 томом «Очерков российской смуты» (май 1918 — апрель 1920 гг.) он обращался к Софье Владимировне с

47 ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1097. Л. 70–70об.

48 Там же. Л. 64об.

49 Там же. Д. 1093. Письма А. Деникина С. В. Паниной 1921–1922 гг. Л. 2.

50 Там же. Л. 5.

51 Там же. Л. 7.

просьбой: «Не найдете ли возможным помочь мне присылкой соответственного материала, как то Ваших личных воспоминаний, печатных и архивных документов, словом, всего того, что может дать ясное представление о военных, политических, экономических, социальных, общественных и бытовых условиях, в которых протекала жизнь и борьба на Юге»⁵². 17 октября 1922 г. Деникин в письме Паниной жаловался на слежку за собой и женой, перлюстрацию корреспонденции, в связи с чем он даже вынужден был обратиться с заявлением к венгерским властям. Его возмущали эти действия, так как он полностью отошел от политической деятельности. Поэтому он просил Софью Владимировну исхлопотать ему разрешение на переезд во Францию⁵³. А в декабре 1922 г. Деникин просил Панину прозондировать почву об издании второго тома очерков во французском издательстве⁵⁴. В письмах он жаловался на издателя Поволоцкого, задержавшего издание второго тома на французском и первого тома на русском языке, и просил ее поговорить с ним⁵⁵. В июне 1928 г. он выражал ей соболезнования по поводу кончины ее отчима И. И. Петрункевича⁵⁶. В 1921 г. жена А. И. Деникина К. С. Деникина просила ее узнать через знакомых в Москве адрес своего отца В. С. Чижа⁵⁷ и рассказывала о крайне стесненных условиях жизни своей семьи в Бельгии. Отца Деникиной разыскали, он оказался в Крыму, прислал дочери письмо, в котором сообщал, что «нищ, гол, голодает, но жив»⁵⁸. В письме от 12 марта 1922 г. К. С. Деникина благодарила Софью Владимировну за посылки отцу и просила послать еще продукты. Любопытны ее рассуждения о «Западе»: «...о всей “загранице” [...] у нас, русских, было превратное представление. Я очень разочаровалась в “людях Запада” [...] Мы как-то проглядели, что все на Западе изменилось в корне и давно, а мы все считали, что здесь все лучше, чем у нас. Теперь уже русские люди узнали цену этой самой “загранице”, и я думаю, разочарование общее и прочное»⁵⁹. 2 ноября 1922 г. Деникина просила Панину послать отцу посылку с теплыми вещами и благодарила за три посылки

52 Там же. Л. 6.

53 Там же. Л. 13–13об.

54 Там же. Л. 10.

55 Там же. Л. 11.

56 Там же. Л. 4.

57 Там же. Д. 1094. Письма К. С. Деникиной С. В. Паниной 1921–1922. Л. 3.

58 Там же. Л. 10.

59 Там же. Д. 1094. Л. 5.

с продуктами, которые спасли ему жизнь⁶⁰. Она обращалась также с просьбами переслать письма родным и знакомым в Россию⁶¹. 16 июня 1923 г. К. С. Деникина уже из Венгрии, куда они переехали, опять обращалась с просьбой к Паниной послать «посылку Нансена» своему отцу в Крым⁶². Деньги за посылки переводил А. И. Деникин⁶³.

В октябре 1921 г. А. В. Жекулина просила Софью Владимировну вместе с Ю. И. Лодыженским ходатайствовать перед Верховным комиссаром по делам русских беженцев Ф. Нансеном о содействии в выезде из Феодосии за границу ее дочери Ольги, отбывшей несколько месяцев в тюрьме, и полуслепой сестры с 10-летней девочкой⁶⁴. В июне 1923 г. Жекулина просила Софью Владимировну прислать ей книгу о преподавании истории профессора Форстера и каталог изданных в Швейцарии при Институте Бовэ книг⁶⁵. В письме от 4 октября 1923 г. она, отвечая на ходатайства С. В. Паниной, сообщала, что работы в ЧСР нет никакой, а получить визу на жительство даже в Подкарпатской Руси крайне сложно⁶⁶.

В фонде Н. И. Астрова, хранящемся в ГАРФе, сохранились письма к С. В. Паниной, написанные в 1927 г. матери барона Врангеля М. Д. Врангель. Мария Дмитриевна Врангель была знакома с Паниной по Обществу попечения о молодых девушках О. К. Нечаевой и Л. Н. Яковлевой. Знакомство, судя по всему, было не слишком близким, так как в первом письме от 9 июня 1927 г. из Брюсселя в Прагу М. Д. Врангель высказывала сомнения относительно того, помнит ли ее графиня. Обратилась она к Паниной, прочитав в газете о «Русском очаге», вспомнив об активной общественной деятельности Софьи Владимировны и ее отзывчивости. Просьба состояла в том, чтобы Панина, имевшая связи в литературных и издательских кругах ЧСР, прочитала книгу ее покойного мужа «Воспоминания (от крепостного права до большевиков)» и, если ей понравится, замолвила словечко в пользу ее перевода на чешский язык и издания в ЧСР. Эта книга, по ее словам, выдержала шесть русских изданий и была переведена на финский, шведский, французский и английский языки. Как наследница автора

60 Там же.

61 Там же. Л. 6–7.

62 Там же. Л. 12.

63 Там же. Д. 1093. Л. 12.

64 Там же. Д. 1097. Л. 71–71об.

65 Там же. Л. 7068.

66 Там же. Л. 72.

она хотела получить за чешское издание единовременно какую-то сумму, а не процент с тиража. Врангель писала о стесненном материальном положении, невозможности найти работу в ее возрасте (ей исполнилось 70 лет) и нежелании быть дополнительной обузой для сына, у которого и так большая семья (он содержал жену и четверых детей)⁶⁷. Софья Владимировна быстро откликнулась, она купила книгу, прочитала (либо просмотрела) и посоветовала, какому издателю послать эту работу и рецензии на нее, предупредив, что издатели не торопятся, и дело может затянуться. В другом письме от 6 июля 1927 г. баронесса Врангель писала Паниной: «Очень была тронута Вашей очень скорой и активной отзывчивостью на мое обращение. Никак не могу привыкнуть к сухой эмиграции Брюсселя, здесь все ушли исключительно в заботу о франках и о своих личных интересах, а потому я особенно оценила Ваше отношение ко мне, человеку совершенно для вас чужому»⁶⁸. Дело действительно, вероятно, затянулось, так как в последующих письмах Марья Дмитриевна сокрушалась по поводу того, что Панина на свои деньги приобрела книгу, и спрашивала, какую сумму во французских или бельгийских франках ей послать, так как чешские кроны в Бельгии хождения не имели и она не знала валютный курс. А кроме того, она жаловалась на то, что от издателя нет никакого ответа и он не прислал ей назад рецензии на книгу мужа, которыми она очень дорожила⁶⁹.

Историк И. П. Савицкий причислял Панину к ряду выдающихся русских эмигрантов-подвижников, которые предложили новую, отличную от эсеровской концепцию «Русской акции» (от центра «прогрессивных» русских к центру образования русских), согласовали ее с Масариком и продвигали в русской среде⁷⁰.

В 1934 г. скончался Н. И. Астров, а уже после мюнхенского сговора и оккупации части чехословацкой территории Панина в декабре 1938 г. покинула Чехо-Словакию и переехала в США⁷¹. Там она

67 Там же. Д. 1089. Письма М. Врангель С. В. Паниной 9 июня — 13 сентября 1927 г. Л. 1–3об.

68 Там же. Л. 7.

69 Там же. Л. 13–14об.

70 Савицкий И. Специфика Праги как духовного центра эмиграции // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике (1919–1939) (Менее известные аспекты темы) / Под ред. Л. Белошевой. Прага, 1999. С. 65.

71 Русское зарубежье во Франции. Т. 2. С. 394; Волошина В. Ю. Вырванные из родной почвы... С. 384.

вместе с А. Л. Толстой, С. Рахманиновым, Б. Бахметьевым участвовала в основании Толстовского фонда помощи русским эмигрантам в Европе после начала Второй мировой войны. Она помогала новым эмигрантам в Америке осваивать английский язык, искать работу, она даже давала уроки детям и была очень активной до конца жизни⁷². Графиня Панина скончалась в США в 1956 г. и была похоронена на кладбище Новодивеева монастыря близ Нью-Йорка.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Бочарова З. С. «Взращивать добрые плоды своего неутомимого труда»: деятельность С. В. Паниной и Н. И. Астрова в Лиге Наций // Мыслящие миры русского либерализма: графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956). Материалы международного научного colloquiuma. Москва, 29–31 мая 2011 г. М., 2012. С. 78–88.

Бочарова З. С. Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы). (Сборник документов и материалов). URL: www.auditorium.ru/ (дата обращения: 15.04.2019).

Волошина В. Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: Форум, 2013. 439 с.

Волошина В. Ю. Розтоцкая русская колония. Начало пражского периода эмиграции С. В. Паниной // Мыслящие миры русского либерализма... С. 72–78.

Волошина В. Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск: Издание Омского государственного университета, 2010. 219 с.

Гаген С. Политическая элита Российской империи в изгнании в Чехословакии (1919–1945) // Истории изгнания. Судьбы эмигрантов с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии. Praha: Památník národního písemnictví, 2018. С. 13–31.

⁷² *Толстой И.* Графиня Панина и русская благотворительность... URL: <https://www.svoboda.org/a/24261470.html> (дата обращения: 12.04.2019).

Давыдова Л. Графиня Софья Панина: жизнь, наполненная надеждами. URL: <http://ruslo.cz/index.php/nauka/item/305-grafinya-sofya-panina-zhizn-napolnennaya-nadezhdami> (дата обращения: 12.04.2019).

Данилевич Е. Народная графиня. Почему Софья Панина раздала все деньги простым людям. URL: http://www.spb.aif.ru/society/people/narodnaya_grafinya_pochemu_sofya_panina_razdala_vse_dengi_prostym_lyudyam (дата обращения: 14.04.2019).

Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага: Еурославица, 1998.

Копришова А. Графиня Софья Панина «Со всем живущим заодно...» // Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945. Прага: Издательство RT+RS Servis, 2008. С. 177–183.

Копришова А. Личные контакты президента Масарика с российской эмиграцией // Т. Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. К 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. По материалам международной научной конференции. М., 2005. С. 70–75.

Линденмайер А. Графиня Софья Владимировна Панина в истории русской филантропии и демократии // Мыслящие миры российского либерализма... С. 9–26.

Молчанова М. «Красная графиня» Софья Панина — последняя представительница знатного рода. URL: <https://diletant.media/articles/3856322/> (дата обращения: 20.07.2019).

Мыслящие миры российского либерализма: графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956). Материалы международного научного коллоквиума. Москва, 29–31 мая 2011 г. М., 2012. 282 с.

Новый журнал. 1957. Кн. 48; 49.

Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 292 с.

Русские в Праге 1918–1928 гг. / Ред.-сост. С. П. Постников. Прага, 1928. С. 122–125.

Савицкий И. Специфика Праги как духовного центра эмиграции // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике (1919–1939) (Менее известные аспекты темы) / Под ред. Л. Белашевской. Прага, 1999. С. 47–96.

Серационова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.

Серационова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. 196 с.

Толстой И. Графиня Панина и русская благотворительность. URL: <https://www.svoboda.org/a/24261470.html> (дата обращения: 12.04.2019).

Чеботарева Т. «На чужом пиру незваные гости»: из истории «Русского очага» в Праге // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие / Сост. Л. Бабка и И. Золотарев. Прага, 2012. С. 125–133.

Tejchmanová S. Rusko v Československu (Bílá emigrace v ČSR 1917–1939). Praha, 1993.

References

Gosudarstvennyj archiv Rossijskoj Federacii (Moscow).

Bocharova, Z. S. “Vzrasncivat dobre plody svoego neutomimogo truda: S. V. Panina i N. I. Astrov v Lige Nacij”. *Myslshchie miry rossijskogo liberalizma: grafinja Sofja Vladimirovna Panina (1871–1956). Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. Moskva, 29–31 maia 2011.* Moscow, 2012, s. 78–91.

Bocharova, Z. S. *Russkie bezhenci: problemy rasselenia, vozvrashchenia na rodinu, uregulirovania pravovogo polozhenia (1920–1930-e gody).* (Sbornik dokumentov i materialov). URL: www.auditorium.ru. Accessed: 15.04.2019.

Chebotareva, T. ““Na chuzhom piru nezvannye gosti””: iz istorii “Russkogo ochaga” v Prage.” *Russkaia akcii v Chekhoslovakii: istoriia, znachenie, nasledie.* Sost. L. Babka i I. Zolotarev. Praha, 2012, s. 125–133.

Davydova, L. *Grafinya Sofya Panina: zhizn, napolnennaia nadezhdami.* URL: <http://ruslo.cz/index.php/nauka/item/305-grafinya-sofya-panina-zhizn-napolnennaya-nadezhdami>. Accessed: 12.04.2019.

Danilevitch, E. *Narodnaia grafinya. Pochemu Sofya Panina razdala vse dengi prostym liudiam?* URL: http://www.spb.aif.ru/society/people/narodnaya_grafinya_pochemu_sofya_panina_razdala_vse_dengi_prostym_lyudyam. Accessed: 14.04.2019.

Dokumenty k istorii russkoj i ukrainskoj emigracii v Chekhoslovakckoj respublike (1918–1939). Praha: Euroslavica, 1998.

Gagen, S. “Politicheskaia elita Rossijskoj imperii v izgnanii v Chekhoslovakii (1919–1945).” *Istorii izgnaniia. Sud’by emigrantov s territorii byvshej Rossijskoj imperii v mezhoennoj Chekhoslovakii.* Praha: Památník národního písemnictví, 2018, s. 13–31.

Koprshivova, A. “Grafinya Sofya Panina “So vsem zhivushchim zaodno...”” *Dom v izgnanii. Ocherki o russkoj émigratsii v Chekhoslovakii 1918–1945.* Praha: Izdatel’stvo RT+RS Servis, 2008, s. 177–183.

Koprshivova, A. “Lichnye kontakty prezidenta Masaryka s rossijskoj emigratsiei.” *T. G. Masaryk i “Russkaia akcii” Chekhoslovakckogo pravitel’stva. K 150-letiiu so dnia*

rozhdenniia T. G. Masaryka. *Po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moscow, 2005, s. 70-75.

Lindenmaer, A. "Grafinia Sofia Vladimirovna Panina v istorii russoj filantropii I demokratii." *Mysliashchie miry rossijskogo liberalizma...*, s. 9–26.

Molchanova, M. "Krasnaia grafinia" Sofia Panina — posledniaia predstavitel'nica znatnogo roda. URL: <https://diletant.media/articles/38563227/>. Accessed: 20.07.2019.

Mysliashchie miry rossijskogo liberalizma: grafinja Sofja Vladimirovna Panina (1871–1956). Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. Moskva, 29–31 maia 2011. Moscow, 2012.

Novyj zhurnal. 1957. Kn. 48; 49.

Raev, M. *Rossija za rubezhom. Istoriia kultury russoj emigracii 1919–1939.* Moscow: Progress-Akademiia, 1994.

Russkie v Prage 1918–1928 gg. Red.-sost. S. P. Postnikov. Praga, 1928, s. 122–125.

Savitsky, I. "Specifika Pragi kak dukhovnogo centra emigracii." *Duchovnye tehnieniia russoj I ukrainskoj emigracii v Chekhoslovackoj respublike (1919–1939) (Menee izvestnye aspekty temy)*. Pod red. L. Beloshevskoj. Praha, 1999, s. 47–96.

Serapionova, E. P. *Karel Kramarzh i Rossiia. 1890–1937 gody: Idejnye vozzreniia, politicheskaia aktivnost', sviazi s rossijskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deiateliami.* Moscow: Nauka, 2006.

Serapionova, E. P. *Rossiiskaia emigraciia v Chekhoslovackoi respublike (20–30-e gody)*. M., 1995.

Tejchmanová, S. *Rusko v Československu (Bílá emigrace v ČSR 1917–1939)*. Praha: Nakladatelství a vydavatelství Komenského, 1993.

Tolstoj, I. *Grafinia Panina I rusckaia blagotvoritel'nost'*. URL: <https://www.svoboda.org/a/24261470.html>. Accessed: 12.04.2019.

Voloshina, V. J. *Vyrvannye iz rodnoj pochvy, Social'naiia adaptacia rossijskich uchenych-emigrantov v 1920–1930-e gody.* Moscow: Forum, 2013.

Voloshina, V. J. "Roztokskaia rusckaia koloniia. Nachalo prazhskogo perioda emigracii S. V. Paninoi." *Mysliashchie miry rossijskogo liberalizma...*, s. 72–78.

Voloshina, V. J. *Uchenyj v emigracii: problem social'noj adaptacii uchenych-emigrantov skvož prizmu "personal'noj istorii"*. Omsk: Izdanie Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010.

Elena P. Serapionova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sofya Vladimirovna Panina: chechoslovakian period of life (1924–1938)

The article dwells upon the life and work of Countess Sofya Vladimirovna Panina. An aristocrat, one of the richest women in Russia, as early as in her youth she was carried away by charity. She was called the “Red Countess” for her enormous educational work among the workers. With her money and on her initiative, dining rooms, libraries, hospitals were created, she helped theaters and she also built an observatory. Her main creation was the People’s Ligovsky House in St. Petersburg. As for her political views, she belonged to the Constitutional Democratic Party. She actively participated in the activities of the Provisional Government, and was the first woman in Russia to become a Minister’s assistant. She did not accept the Bolshevik coup. After the defeat of the White Army, she emigrated abroad. And there, she continued to help people in need. She lived in France, England, Switzerland. In 1924 she moved to Czechoslovakia, where she lived until 1938. After the Munich Agreement, Panina left for the USA. Despite a considerable amount of literature devoted to the heroine of the article, the Czechoslovak period of her life is not adequately covered. That is why the main attention in the work is focused on the activities of S.V. Panina in Czechoslovakia. Keywords: *S. V. Panina, charity, Russian revolution, Czechoslovakia, self-organization of emigrants.*

Русофильская интеллигенция Подкарпатской Руси в период существования Второй Чехословацкой Республики

В статье рассматриваются различные стратегии поведения представителей русофильского лагеря русинов Подкарпатской Руси в октябре 1938 г. — марте 1939 г. Утверждается, что в неблагоприятных для себя условиях (массированная кампания украинизации, инициированная автономным правительством А. Волошина) русофильские деятели были вынуждены апеллировать к властям одного из государств, имевших свои интересы в регионе. Значительная часть русофильской интеллигенции оставалась лояльной Чехословакии и пыталась убедить Прагу оказать давление на кабинет А. Волошина. С. Фенцик и его окружение, пользуясь давно налаженными связями с представителями властных кругов Венгрии, сделали ставку на сотрудничество с Будапештом. Наконец, отдельные деятели пытались наладить контакты с элитами нацистской Германии, справедливо отмечая большое влияние этой страны на ситуацию в Подкарпатской Руси. Подробно анализируются мероприятия правительства А. Волошина, которые стали объектом наиболее резкой критики представителей русофильского лагеря: фактический запрет деятельности прорусских политических и общественных сил, агрессивное поведение членов парамилитарной организации «Карпатская Сечь», значительную часть руководства которой составляли выходцы из Галиции, массовые фальсификации на выборах в автономный сейм. Основу источниковой базы работы составили документы архивов Чехии (Национальный архив Чешской Республики, Архив Канцелярии президента республики) и Украины (Государственный архив Закарпатской области), а также научные работы венгерских, польских, украинских, российских историков.

Ключевые слова: *русины, русофилы, идентичность, автономное правительство, общественно-политическая жизнь.*

Национально-культурная жизнь русинов Подкарпатской Руси в межвоенный период, когда регион входил в состав Чехословакии, характеризовалась острым противоборством между русофилами и украинофилами. Русофилы трактовали русинов как самую западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана, указывали на огромный духовный потенциал русской цивилизации, к достижениям которой, по их мнению, должны были приобщиться русины. Украинофилы считали местное население частью украинского народа с «неразбуженным» самосознанием. Постепенно выкристаллизовывалось русинофильское течение, представители которого считали русинов отдельным славянским народом, а не частью русских или украинцев. Чешский историк Я. Рыхлик в своей монографии «Хозяйственное, социальное, культурное и политическое развитие Подкарпатской Руси в 1919–1939 гг.» рассматривает наличие различных течений в национально-культурной жизни Подкарпатской Руси (русофильское, украинофильское, русинофильское) как сложный процесс «присвоения» немногочисленной прослойкой интеллектуалов духовного наследия местного восточнославянского населения для своих концепций, зачастую с использованием одних и тех же аргументов исторического, филологического, этнографического плана¹.

Прага предоставляла относительную свободу представителям различных направлений, однако большую поддержку (особенно в 1920-е гг.) оказывала представителям украинофильского лагеря. Известный русинист К. В. Шевченко выделяет несколько причин, обусловивших данную ситуацию. Во-первых, украинофилы были предпочтительнее для чехословацких властей в качестве противовеса венгерскому ирредентизму (дело в том, что многие русофилы ориентировались на Венгрию). Во-вторых, украинофилы были идеологически близки левым силам, имевшим большое влияние в межвоенной Чехословакии². Немаловажным являлся и внешнеполитический фактор. Благодаря своему вмешательству в национально-культурный ландшафт Подкарпатской Руси Прага готовила почву для эвентуальной дестабилизации ситуации в соседней Польше, отношения с которой у Чехословакии оставались напряженными. Для Польши украинская проблема являлась одним из наиболее болезненных факторов внутренней политики. Показательно,

1 *Rychlík J.* Hospodářský, sociální, kulturní a politický vývoj Podkarpatské Rusi 1919–1939. Praha, 2013. S. 5–20.

2 *Шевченко К. В.* Русинский вопрос в межвоенной Чехословакии // Славяноведение. 2003. № 3. С. 11.

что чехословацкое министерство иностранных дел во главе с Э. Бенешем заняло наиболее благоприятную позицию по отношению к деятелям украинофильского лагеря и в ходе межведомственного обмена мнениями в 1920-е гг. защищало их от обвинений в нелояльности со стороны представителей министерства внутренних дел. Сотрудники МВД постоянно получали донесения о том, что активисты украинского движения называли чешских чиновников, работавших в Подкарпатской Руси, «чужеземцами», видели регион «частью Великой Украины»³. На рубеже 1920–30-х гг. благоприятное отношение Праги к украинофилам начинает сменяться вполне оправданным беспокойством. Весьма точной и обоснованной является следующая ремарка польских авторов М. Ярнецкого и П. Колаковского: «Чешские администраторы с недоверием, а позже со злостью отмечали, что местное сообщество не намеревается отыгрывать роль пассивного инструмента политики Праги, но имеет собственные амбиции и цели. [...] Чехи видели в динамизме и активности украинского движения угрозу интеграции республики»⁴.

Несмотря на в целом признанное отношение чехословацких властей, украинофилы не сумели навязать свою модель идентичности большинству населения Подкарпатской Руси. В 1937 г. был проведен своеобразный плебисцит среди родителей учеников школ края относительно грамматики, которая должна была использоваться в учебных заведениях. Родители могли выбрать между грамматикой И. Панькевича, основанной на украинском литературном языке, и грамматикой Е. Сабова, близкой к русскому языку. Более 73% родителей отдали свой голос за грамматику Е. Сабова. Украинофилы, которые заняли ведущие позиции в системе образования, откровенно саботировали результаты школьного референдума. 17 октября 1937 г. проукраинские силы провели в Ужгороде митинг с требованием повсеместного введения в русинских школах Подкарпатской Руси украинского языка преподавания. Данная акция вызвала возмущение русофильских кругов. Русофилы пытались апеллировать к Праге с просьбой защитить их законные интересы. Один из лидеров движения, С. Фенцик, в интерпелляции главе правительства Чехословакии ссылался на языковой закон 1926 г., согласно которому русский язык являлся официальным языком Подкарпатской Руси, а также на закон 1937 г., согласно параграфу 6 которого «русские учебники должны

3 *Jarnecki M., Kolakowski P.* «Ukraiński Piemont». *Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939.* Warszawa, 2017. S. 83–84.

4 *Ibidem.* S. 85.

были быть допущены в карпаторусские школы»⁵. 18 октября 1937 г. (на следующий день после митинга украинофилов) на адрес Канцелярии президента Чехословакии пришла телеграмма от председателя «Учительского товарищества Подкарпатской Руси» русофила В. Шпеньика. В телеграмме сообщалось, что один из лидеров украинофильского движения Ю. Ревай претендовал на пост культурного референта администрации губернатора Подкарпатской Руси. Ю. Ревай указывал, что начало его педагогической деятельности датировалось осенью 1918 г. В. Шпеньик отмечал недостоверность данной информации. Ссылаясь на известные ему документы и материалы прессы, русофильский деятель утверждал, что в 1918–1921 гг. Ю. Ревай являлся «коммунистическим агитатором»⁶. Обращения русофилов С. Фенцика и В. Шпеньика к Праге существенно не изменили ситуацию. Неспособность властей обеспечить выполнение решений плебисцита и соблюдение законов свидетельствовала о том, что Прага постепенно утрачивала рычаги контроля над общественно-политической ситуацией в Подкарпатской Руси.

Во главе русофильского спектра общественно-политической жизни Подкарпатской Руси второй половины 1930-х гг. находились А. Бродий и С. Фенцик — лидеры влиятельных партий Автономный земледельческий союз (АЗС) и Русская автономная народная партия (РАНП). Из названий данных партий становится понятно, что основной целью их программ являлось достижение обещанной Прагой автономии для Подкарпатской Руси. Будапешт, заинтересованный в дестабилизации ситуации в Чехословакии, с начала 1920-х гг. регулярно спонсировал деятельность провенгерских русофильских политиков. Так, уже в 1922 г. А. Бродий и И. Каминский установили контакты с представителями властных кругов Венгрии и получили гарантии финансирования своей деятельности⁷. До 1933 г. главным выразителем интересов Будапешта в крае был лидер АЗС И. Куртяк. В отчете от 24 ноября 1934 г., составленном для премьер-министра Венгрии Д. Гёмбёша, отмечалось: «Со смертью рутенского депутата из Хуста И. Куртяка идея присоединения к Венгрии среди

⁵ Шевченко К. В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX в. М., 2011. С. 266–268.

⁶ Archív Kanceláre prezidenta republiky (AKPR). Inv. č. 1080. Sign. D 1239. Kart. 161.

⁷ Вегеш М. М., Гиря В. І., Король І. Ф. Угорська іредента на Закарпатті між двома світовими війнами (1918–1939 рр.). Ужгород, 1998. С. 64.

рутенского народа ослабла»⁸. Приемник И. Куртяка на посту председателя АЗС — А. Бродий — получал щедрое финансирование от правительства Венгрии (большее, чем партии венгерского национального меньшинства в Чехословакии). Свой интерес в поддержке русофильских сил в Подкарпатской Руси имела Польша. Для этой страны такая деятельность являлась инструментом создания очага напряженности в недружественной Чехословакии, а также борьбы с влиянием украинского движения по соседству со своими границами. Варшава сделала ставку на лидера РАНП С. Фенцика, который со второй половины 1930-х гг. получал деньги на свою деятельность через польское консульство в Ужгороде. Венгрию вполне устраивала такая ситуация. Посланник Венгрии в Польше А. Хори в одном из отчетов для МИД отмечал: «Они (польские власти. — *О. К.*) поддерживают Фенцика только потому, что влияние партии Куртяка — Бродия не распространяется на все силы, которые могут быть использованы против Праги. Это полезно с точки зрения общего дела, так как наших действий недостаточно. [...] Фенцик не хочет действовать против интересов Венгрии, мы владеем полным контролем над ним»⁹. Имевшей место конфронтации между ведущими русофильскими партиями Подкарпатской Руси был положен конец во время визита М. Хорти в Варшаву в феврале 1938 г. Было принято решение возложить ответственность за «кураторство» над С. Фенциком на Будапешт¹⁰. Примечательно, что лидеры русофильского лагеря как минимум до осени 1938 г. были весьма осторожны в своих высказываниях. С. Фенцик в выступлениях порой даже критиковал венгерский ревизионизм¹¹.

В 1938 г. русофильские и украинофильские политические силы для достижения автономии Подкарпатской Руси сумели создать союз (как оказалось в дальнейшем, хрупкий и недолговечный). Прага предоставила региону обещанную еще в 1918 г. автономию только после событий Мюнхенского сговора. 11 октября 1938 г. было образовано первое автономное правительство, преимущественно русофильское

8 *Fedinec Cs.* «A magyar szent koronához visszatért Kárpátalja» 1938–1944. Budapest, 2015. Old. 37.

9 *Brenzovics L.* Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján (1939–1944). Ungvár, 2010. Old. 41.

10 *Jarnecki M., Kolakowski P.* «Ukraiński Piemont»... S. 116.

11 *Куцов К.* Карпатоукраїнські студенти і угорська політика щодо Підкарпатської Русі 1930-х рр. // Українська гунгаристика. Ужгород, 2019. Вип. 1. С. 78.

по составу, которое возглавил А. Бродий. Кабинет проработал всего 15 дней и успел провести три заседания. Агитация А. Бродия за проведение плебисцита в Подкарпатской Руси рассматривалась властями Чехословакии как угроза дальнейшего расчленения страны. Немаловажную роль в отставке А. Бродия сыграли украинофилы Подкарпатской Руси и деятели украинского движения Польши. 17 октября 1938 г. Ю. Ревай в разговоре с министром иностранных дел Чехословакии Ф. Хвалковским сообщал о связях А. Бродия с венгерской разведкой. Через неделю чехословацкого министра посетил его знакомый, деятель галицийского Украинского национально-демократического объединения А. Витожинский, который от имени украинцев Польши просил отставки А. Бродия по причине агентурных связей последнего¹². Отставка и арест премьер-министра последовали 26 октября 1938 г., после получения чехословацким руководством документов, свидетельствовавших о планах А. Бродия присоединить Подкарпатскую Русь к Венгрии. Во время обыска рабочего кабинета политика в Праге было найдено полмиллиона венгерских пенге, письмо регента Венгрии М. Хорти с обещаниями значительных привилегий в случае включения Подкарпатской Руси в состав Венгрии¹³.

Власти агонизирующей Чехословакии оказались перед непростым выбором. С одной стороны, им было выгодно изолировать политика, откровенно действовавшего в интересах Венгрии. С другой стороны, имелись опасения в том, что в сознании русофильской части населения Подкарпатской Руси укрепится образ А. Бродия как «страдальца за дело русских». Показательно, что в досье на А. Бродия, которое хранится в Архиве Канцелярии президента республики, содержится письмо жителей ряда сел Подкарпатской Руси (Великий и Малый Роковец, Белки, Имстичово и др.) президенту Э. Бенешу (18 января 1938 г.). В тот момент А. Бродий был на несколько дней задержан полицией как подозреваемый в антигосударственной агитации. Подписавшие письмо от имени «коренного карпаторусского народа» выражали поддержку «Великому Патриоту и лучшему защитнику и борцу за жизненные права [карпатороссов. — О. К.]» и требовали освобождения политика¹⁴. Дабы не допустить распространения подобных настроений, правительство Чехословакии в январе 1939 г. приняло решение об ос-

12 *Jarnecki M., Kotakowski P.* «Ukraiński Piemont»... S. 145.

13 *Гранчак І. І., Балагурі Е. М., Грицак І. В., Ілько В. П., Поп І. І.* Нариси історії Закарпаття: У 3 т. Ужгород, 1995. Т. II. С. 283.

14 АКРР. Inv. č. 1143. Sign. D 2388. Kart. 169.

вобождении политика. Сотрудники МИД Чехословакии провели переговоры с посланником Венгрии в Праге. По сообщениям последнего, венгерское правительство «охотно приняло бы А. Бродия, если бы он сам этого захотел», а также готово было поспособствовать тому, чтобы экс-премьер в своих политических выступлениях «отмечал хорошие и гармоничные отношения между двумя странами» (что совсем не соответствовало действительности). Правительство Чехословакии обещало не мешать А. Бродию в случае его желания перебраться в Венгрию. Если же А. Бродий решил бы остаться в Чехословакии, кабинет министров полагал необходимым взять у политика «честное слово», что тот «будет сообщать МВД о каждом изменении места жительства, не будет вести политическую деятельность и [...] не будет наносить ущерб безопасности государства»¹⁵. В конечном счете А. Бродий остался в Чехословакии и был отправлен на лечение в Татры¹⁶. Следует отметить, что первый министр автономного правительства Подкарпатской Руси не позволял себе резких античехословацких выпадов. 5 марта 1939 г. (за 10 дней до полной оккупации Подкарпатской Руси Венгрией) он приехал в Ужгород, в тот момент уже входивший в состав Венгрии. Венгерский русиноязычный официоз «Неделя» отмечал, что А. Бродий «напомнил своим братьям о необходимости выполнения гражданских обязанностей», однако подчеркнул, что «он как чехословацкий гражданин пришел к ним в качестве гостя»¹⁷.

После отставки кабинета А. Бродия правительство было поручено сформировать лидеру украинофильского лагеря А. Волошину. В первые дни функционирования нового кабинета произошли очередные болезненные для ослабленного чехословацкого государства события. В регионе распространялись слухи о его скором присоединении к Венгрии. В этих условиях представители новой краевой власти запланировали демонстрацию под лозунгом «Подкарпатье не отдадим!», в ходе которой они рассчитывали задекларировать украинскую природу Подкарпатской Руси. Для нивелирования эффекта от демонстрации польский консул в Ужгороде М. Халупчинский выделил финансы представителям венгерской общины, а также сторонникам А. Бродия и С. Фенцика. Они должны были спровоцировать столкновения с участниками проукраинской демонстрации и таким образом продемонстрировать, что украинофильские идеи не пользу-

15 Ibidem.

16 *Пон И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 106.

17 *Бр. Бродий* меж нами... // *Неделя*. 15 марта 1939. С. 3.

ются поддержкой населения региона. В финансировании данной акции участвовала и венгерская сторона. Документы свидетельствуют, что венгры и поляки считали провокацию удачной¹⁸.

2 ноября 1938 г. главы МИД Германии (И. Риббентроп) и Италии (Г. Чиано) приняли решение о пересмотре государственной границы между Венгрией и Чехословакией на этнической основе. К Венгрии перешла территория в почти 12000 км² с населением более 1 000 000 человек (в том числе более 1500 км² территории южной части Подкарпатской Руси с городами Ужгород, Берегово, Мукачево, на которой проживали более 170000 человек). В официальных документах данная территория называлась «Фелвидек» (венг. Felvidék, дословно — «Верхний край» — области на севере и северо-востоке Венгерского королевства, по Трианонскому мирному договору переданные Чехословакии). Автономное правительство А. Волошина стало готовиться к переезду в Хуст — новую столицу автономии. Украинofilский поэт В. Гренджа-Донской, входивший в круг ближайшего окружения А. Волошина, в своем дневнике отмечал случаи агрессивного отношения радикальных русофилов к покидавшим Ужгород сотрудникам автономной администрации: «7 ноября: ценою невероятных усилий удалось найти грузовик, чтобы вывести библиотеку “Просвиты” (крупнейшая украинofilская культурно-просветительская организация Подкарпатской Руси межвоенного периода. — О. К.) в Хуст; студенты грузят книги, когда прибыли сторонники Бродия и Фенцика и напали на юношей, чтобы воспрепятствовать вывозу имущества из Ужгорода»¹⁹.

Проукраинский кабинет А. Волошина проводил политику, направленную на максимальное ослабление позиций русофилов. В делопроизводстве, официальной публицистике, системе образования использовался литературный украинский язык; была создана парамилитарная организация «Карпатская Сечь», костяк руководства которой составляли выходцы из соседней Галиции; 20 ноября 1938 г. по приказу А. Волошина был создан лагерь Думен близ Рахова, ставший местом заключения местных активистов-русофилов, не принявших

18 Švorc P. A kárpátaljai autonómia kérdése és a régió Magyarországhoz csatolása // Kárpáti Ukrajna: Vereckétől Husztig. Egy konfliktustörténet nemzeti olvasatai. Pozhony, 2014. Old. 60–61.

19 Фединец Ч. Славянское население Закарпатья в венгерской политической риторике периода ревизии // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе: [сб. ст.]. М.; СПб, 2016. С. 176.

навязываемую им украинскую модель идентичности. При этом А. Волошин и его окружение не скрывали своих надежд на помощь нацистской Германии. Политике А. Гитлера часто посвящались хвалебные статьи в официальном издании автономного правительства — газете «Новая свобода»²⁰.

Из последовательных русофилов место в новом автономном правительстве временно (до 1 декабря 1938 г.) сохранил лишь Э. Бачинский, который в 1927–1936 гг. входил в президиум правления крупнейшей русофильской институции — «Общества им. А. Духновича». Интересную информацию о взаимоотношениях Э. Бачинского со своими коллегами по автономному кабинету в марте 1942 г. подготовил (по просьбе Э. Бенеша) подполковник А. Боровский. Офицер чехословацкой армии на протяжении 10 лет нес службу в Подкарпатской Руси. В период функционирования правительства А. Волошина А. Боровский командовал батальоном Гвардии охраны государства. Его кабинет был «тонкой стеной отделен от помещения, где проходили совещания правительства». Э. Бачинский характеризовался подполковником как «честный человек для всего русинского народа, всецело преданный республике». А. Боровский отмечал, что «венгры считали [Э. Бачинского. — *О. К.*] неблагополучным из-за его отношения к Чехословакии». Впрочем, по замечанию бывшего офицера, Э. Бачинскому не хватало политической решимости. Своим главным врагом в автономном кабинете русофильский деятель считал Ю. Ревая. По мнению Э. Бачинского, декларирование Ю. Ревая своей проукраинской позиции являлось лишь демагогией. А. Боровский в своей аналитической записке отмечал: «Э. Бачинский кричал Ю. Ревая, что он, Э. Бачинский, работал на русинский народ уже в то время, когда Ю. Ревай еще ходил с венгерской азбукой под мышкой». Сам бывший офицер также считал, что личность Ю. Ревая не могла внушать доверия: «Ю. Ревай — бывший учитель, коммунист, затем социал-демократ. Мог прийти на воскресное общественное собрание в заштопанных штанах, а вечером надеть щегольской костюм, надеколониться и проводить время в обществе венгров. [...] Его жена носила дорогие меха, люди говорили, что они стоили 30 000 крон. Его дети и секретарь жили в роскоши, в то время как вся земля ждала по-

20 Шевченко К. В. Карпатское эхо Мюнхена-1938 как катализатор этнокультурной инженерии: от Подкарпатской Руси к Карпатской Украине // СССР и Чехословакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи. Минск, 2018. С. 125–127.

ставок кукурузы. Однажды на одном приеме я сидел рядом с ним и не слышал из его уст никакой речи, кроме венгерской. Его жена и дети также говорили только по-венгерски»²¹. Таким образом, А. Боровский считал, что участие Ю. Ревая в украинофильском движении было обусловлено конъюнктурными соображениями и желанием добиться успехов в политической жизни, а отнюдь не глубинными идейными убеждениями.

Русофильские политические деятели, оказавшиеся в неблагоприятном положении, обращались в Прагу с требованиями сместить А. Волошина с поста премьер-министра Подкарпатской Руси. 14 ноября 1938 г. в Хусте была создана Центральная Русская Народная Рада во главе с русофилом В. Караманом. Рада протестовала против насильственной украинизации школ, увольнения русофильских преподавателей, эксцессов со стороны украинских националистов²². 20 ноября 1938 г. группа русофильских политиков направила руководству Чехословакии меморандум, в котором излагалось их видение ситуации в Подкарпатской Руси. По мнению авторов документа, многолетняя ошибочная политика Праги в Подкарпатской Руси по поддержке украинофильского движения привела к тому, что власть захватили «лживые агенты иностранных государств», которых поддерживала лишь четверть населения края. Русофилы сетовали на увольнения сторонников русской национальной ориентации и замену их на неопытных функционеров, легитимность которых базировалась лишь на «украинской национальности» и членстве в украинских организациях. Авторы меморандума декларировали свою лояльность Чехословакии и призывали Прагу «не допустить создания независимого украинского государства»²³. Апелляция к Праге никак не улучшила положение русофилов. Так, В. Караман, не добившись своих целей и столкнувшись с растущими репрессиями в отношении прорусских деятелей, покинул Подкарпатскую Русь и переехал в Восточную Словакию²⁴.

20 января 1939 г. правительство А. Волошина официально распустило все политические партии, действовавшие в регионе. Одновременно создавалась новая партия — «Украинское национальное объединение» (УНО). УНО фактически являлось единственной силой, реально претендовавшей на победу на выборах в автономный

21 Národní archiv České Republiky. F. MV-L. Sign. 2-10-3. Kart. 114.

22 Шевченко К. В. Карпатское эхо... С. 128.

23 Jarnecki M., Kotakowski P. «Ukraiński Piemont»... S. 155–156.

24 Шевченко К. В. Карпатское эхо... С. 128.

парламент 12 февраля 1939 г. Выборный список русофилов во главе с Э. Бачинским не был зарегистрирован по надуманным причинам. Предвыборная кампания и сами выборы прошли в крайне агрессивной атмосфере. При этом чехословацкая администрация косвенно поддерживала проукраинские силы, так как считала, что последние могут выступить противовесом идеям венгерского ревизионизма. А. Боровский в своей аналитической записке так характеризовал события тех дней: «Украинцы, которые были в меньшинстве, получили большинство голосов, потому что не имели конкурентов. Большинство народа не хотело идти на выборы. Они приходили к нашим чиновникам и спрашивали, что делать. Мы говорили, чтобы люди шли на выборы, чтобы голосовали за украинцев, обосновывая это тем, что украинцы не хотят присоединения края к венграм. Возможно, это было правильным шагом, так как Венгрия тогда добивалась проведения плебисцита в Подкарпатской Руси. В Изе [селе под Хустом. — *О. К.*], где население было предано республике, произошел случай, который, как мы считаем, не был единичным. Большая часть бюллетеней, подсчитанных комиссией, оказалась недействительной. Но украинцы объявили, что вся Иза голосовала за них. Несколько сечевиков, которые приехали в Изу агитировать за украинских кандидатов, были до крови избиты»²⁵. Официальный результат фактически безальтернативных выборов (около 90% голосов получило УНО) не вызывал доверия и у других политиков региона. К. В. Шевченко приводит фрагмент воспоминаний свидетеля выборов, одного из лидеров коммунистического движения Подкарпатской Руси (кстати, убежденного сторонника украинофильской национально-языковой ориентации) О. Борканюка. Он утверждал, что выборы проходили в условиях открытого террора со стороны сечевиков, однако «даже несмотря на террор, значительная часть населения явно голосовала против правительства А. Волошина. Были десятки сел, где украинские фашисты не получили и 20% голосов». По словам О. Борканюка, правительство А. Волошина «просто сфальсифицировало общие результаты выборов и только таким образом показало 94% голосов»²⁶.

В начале 1939 г. президент Чехословакии Э. Гаха получил две телеграммы от редактора одного из изданий чешского города Простеёв В. Данишека. Тот выступал от имени русинов (по всей видимости, был родом из Подкарпатской Руси) с резкой критикой режима

25 Národní archiv České Republiky. Ibidem.

26 *Шевченко К. В.* Карпатское эхо... С. 130.

А. Волошина. Первая из телеграмм датируется январем 1939 г. В этот период Прага предприняла одну из последних попыток восстановить действенный контроль в Подкарпатской Руси, введя в состав автономного правительства своего представителя генерала Л. Прхалу. А. Волошин заявил об антиконституционности подобного решения, в крае по инициативе властей стали проводиться античешские демонстрации. 17 января 1939 г. Ю. Ревай с балкона штаб-квартиры «Карпатской Сечи» обратился к участникам одной из них с популистским заявлением: «Мы 20 лет терпели чехов и хотели всё решить по-хорошему. Однако теперь мы видим, что они учинили зло, и нам надо показать им свой украинский кулак»²⁷. Крупнейшая демонстрация прошла 22 января 1919 г. (в годовщину «Акта злуки» Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики) в Хусте. В ней участвовало более 20 000 человек (больше, чем население города). Демонстрация прошла под лозунгами «Прхалу не знаем и знать не хотим», «Чех не будет министром Карпатской Украины», «Прочь министра-чеха, хотим министра-украинца». При этом русофильские деятели во главе с Э. Бачинским встретили назначение Л. Прхалы с определенной надеждой²⁸. В телеграмме В. Данишека отмечалось: «Миссия пана министра Прхалы стала для нас, русинов, единственной гарантией мира и порядка». В антиконституционных действиях обвинялся сам А. Волошин, который, по точному замечанию В. Данишека, «под ложными предложениями изолировал уважаемых русинов», дабы «сфальсифицировать предстоящие выборы». Публицист считал, что власть А. Волошина во многом держалась на агрессивных действиях украинских националистов из Галиции, и призывал Прагу к действиям: «Как верный гражданин и уважаемый русин сообщаю Вам, что шабаш тех 15 000 эмигрантов нестерпим, и призываю высшее руководство нашего государства к энергичному заступничеству»²⁹. В. Данишек просил Э. Гаху о личной встрече, но эта просьба была отклонена³⁰.

11 марта 1939 г. (за несколько дней до полной оккупации Подкарпатской Руси Венгрией) В. Данишек направил Э. Гахе вторую телеграмму. В ней содержался ряд просьб: отставка автономного правительства А. Волошина, выдворение из республики украинских эмигрантов и лишение их чехословацкого гражданства, проведение

27 Jarnecki M., Kotakowski P. «Ukraiński Piemont»... S. 222.

28 Ibidem.

29 АКРР. Inv. č. 880. Sign. PR 1808. Kart. 12.

30 Ibidem.

новых прозрачных выборов в автономный сейм. Некоторые требования редактора четко указывали на его русофильскую ориентацию: «Требуем, чтобы было сформировано карпаторусское правительство, признан наш русский язык. [...] Требуем гарантий того, что наше русское дело не будет ощущать давления со стороны украинства»³¹. Данная телеграмма осталась без ответа.

В период функционирования кабинета А. Волошина обострился конфессиональный вопрос. Православная церковь сербской юрисдикции действовала легально и была признана чехословацким правительством. Епископ Владимир (Раич) в целом сохранял лояльность автономному правительству. Однако большинство православного духовенства являлось носителями общерусского сознания, что могло создать для него проблемы в отношениях с краевыми властями. В этой связи активизировали свою деятельность сторонники пражского архиепископа Савватия (Врабца), который в 1923 г. был рукоположен константинопольским патриархом вопреки каноническим правилам. Многие священники-савватиевцы придерживались украинофильской ориентации и пытались убедить А. Волошина и его окружение в возможности взаимовыгодного сотрудничества. Сторонники пражского архиепископа планировали создать «Украинскую православную метрополию» на основе томоса патриарха Мелетия (Метаксакиса) от 6 марта 1923 г.³² 17 ноября 1938 г. лидеры русофильского политического спектра края (Э. Бачинский, В. Караман и др.) направили письмо руководителю МИД Чехословакии Ф. Хвалковскому. В письме утверждалось, что создание автокефальной украинской православной церкви могло стать «шагом к созданию собственной, независимой от Праги государственности»³³. В это же время в Праге находилась делегация во главе с епископским заместителем архимандритом Алексием (Кабалюком), которая протестовала против создания в Подкарпатской Руси Украинской православной церкви под руководством Савватия³⁴.

31 Ibidem.

32 Данилець Ю. Православна церква в Карпатській Україні (1938–1939) // Ужгородська Українська богословська академія ім. св. Кирила та Мефодія — Карпатський університет ім. А. Волошина. Науковий вісник. Ужгород, 2008. Вип. 4–5. С. 8–9.

33 Jarnecki M., Kotakowski P. «Ukrainiński Piemont»... S. 155.

34 Данилець Ю. Становище православної церкви на Закарпатті в 1938 р. — на поч. 1941 р. // Українська гунгаристика. Наукове періодичне видання. Ужгород, 2019. Вип. 1. С. 56.

А. Волошин, по всей видимости, осознавал возможные последствия реализации проекта савватиевцев и не пошел на данный шаг.

Русофильские деятели, активисты студенческого движения П. Цибере и С. Анталовский, убедившись в неэффективности своих попыток повлиять на чехословацкие власти или автономное правительство Подкарпатской Руси, решили обратиться к силе, которая, на их взгляд, реально определяла ситуацию в крае, — к властным кругам Германии. В аналитической записке, составленной сотрудником Канцелярии президента, сообщалось о его разговоре с указанными русофилами. П. Цибере и С. Анталовский вечером 28 января 1939 г. отправлялись в Берлин, чтобы информировать политические элиты Германии о ситуации в Подкарпатской Руси и попросить их повлиять на кабинет А. Волошина, дабы он «представлял интересы и русского направления». На замечание сотрудника Канцелярии, что «такие проблемы надо решать дома, чтобы не давать стимул иностранцам вмешиваться в наши внутренние дела», С. Анталовский ответил следующее: «Мы делали всё возможное для исправления ситуации, работали как в Хусте, так и в Праге. К сожалению, безрезультатно. В Берлине мы не собираемся жаловаться на президента республики и центральные власти, только корректно обрисовать положение в Подкарпатской Руси, чтобы Берлин был информирован и мог правильно поступить, использовал свое влияние на местную власть»³⁵. Достоверно не известно, состоялась ли встреча русофильских деятелей с представителями руководства нацистской Германии. Однако сам факт планирования подобной встречи свидетельствует о том, что некоторые общественные деятели Подкарпатской Руси видели полную беспомощность Праги, ее неспособность контролировать ситуацию в стране.

В отличие от А. Бродия, который до событий марта 1939 г. не решался открыто отрицать свою лояльность Праге, другой лидер русофильского движения — С. Фенцик — после своей отставки 26 октября 1938 г. бежал в Будапешт и сделал ставку на планомерную работу в интересах венгерского государства. Русофильский политик активно агитировал за присоединение всей Подкарпатской Руси к Венгрии³⁶. Сразу после Венского арбитража С. Фенцик обратился к министру внутренних дел Венгрии с просьбой передать помещения украинско-фильской организации «Просвита» в пользование «карпаторусским культурным организациям и гвардии чернорубашечников (эффект-

35 АКРР. Inv. č. 925. Sign. PR 52. Kart. 15.

36 *Fedinec Cs.* «A magyar szent koronához»... Old. 63.

ная свита русофильского деятеля, участники которой открыто позиционировали себя сторонниками фашистской идеологии. — *О. К.*»). Интересно, что центральные власти Венгрии в целом благосклонно относились к начинаниям экстравагантного политика. Так, советник министра Я. Пашканади в письме жупану Ужанской жупы Ю. Дюричу от 18 февраля 1939 г. предлагал принять проект С. Феница, так как он мог служить «противодействием чешской пропаганде» и демонстрацией наличия в регионе «лояльных карпатороссов». Советник министра делал следующее заключение: «Справедливо, что центр украинской пропаганды, который на протяжении 20 лет получал многомиллионную помощь, будет передан карпаторусским организациям и чернорубашечникам»³⁷. Однако жупан позволил себе не согласиться с мнением помощника министра, отметив, что культурная жизнь русинов должна регулироваться правовыми основами будущей автономии, а для ее успешной реализации недопустимо делать кому-то «специальные уступки»³⁸. 1 мая 1939 г. (уже после событий середины марта 1939 г., когда северные и центральные регионы Подкарпатской Руси были оккупированы венгерскими войсками) Ю. Дюрич в письме министру внутренних дел Венгрии пояснил свое недоброжелательное отношение к С. Фенцику и его молодым соратникам: «15 марта, когда венгерские сыновья проливали кровь в Карпатах, штаб чернорубашечников забавлялся в увеселительных заведениях Ужгорода, и это шокировало венгерских жителей города. По конфиденциальной информации, члены гвардии в последующие дни занимались тем, что там, где население с радостью устанавливало венгерский флаг и с восторгом встречало венгерские войска, убеждали население, что это “русская” территория по своей природе, заменяли венгерские флаги русскими триколорами. Это можно было наблюдать во многих местах»³⁹. Столь негативная оценка, которую дал «чернорубашечникам» Ю. Дюрич, предопределила нежелание венгерских властей легализовать молодежную русофильскую организацию.

Таким образом, в период функционирования автономного правительства А. Волошина русофильские деятели были фактически лишены возможности влиять на общественно-политическую и национально-культурную обстановку в Подкарпатской Руси. Попытки

37 Государственный архив Закарпатской области (ГАЗО). Ф. 47. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.

38 Там же. Л. 4.

39 ГАЗО. Ф. 47. Оп. 2. Д. 67. Л. 8.

исправить ситуацию путем апелляции к центральным властям были обречены на провал, так как Прага в условиях послеюнхенской агонии уже фактически не контролировала ситуацию в регионе. После полного включения Подкарпатской Руси в состав Венгрии в марте 1939 г. официально поддерживаемой новыми властями идеологией стал «угро-русинизм», в рамках которого постулировалось представление о русинах как об отдельном народе, тесно связанном с венграми историческими, культурными, экономическими узами. Русофилы, которые получили относительную свободу для выражения своих идей, критиковали данный курс в публицистике и русскоязычной прессе (газеты «Русская правда» / «Русское слово», «Карпаторусский голос»). Украинofilы же были полностью вытеснены на маргинес общественной жизни Подкарпатской Руси. После присоединения региона к СССР ситуация вновь резко изменилась: жители края в административном порядке были «объявлены» украинцами, культурное наследие многих выдающихся русофильских деятелей на долгие годы было предано забвению либо намеренному искажению в угоду политической конъюнктуры. В настоящее время лишь отдельные активисты русинского движения в Украине отстаивают позиции, близкие традиционному русофильству региона.

Источники и литература

Государственный архив Закарпатской области (ГАЗО).

Archív Kanceláře prezidenta republiky (AKPR).

Národní archiv České Republiky (NAČR).

Бр. Бродий *межи нами...* // Неделя. 15 марта 1939 г. С. 3.

Вегеш М. М., Гиря В. І., Король І. Ф. Угорська іредента на Закарпатті між двома світовими війнами (1918–1939 рр.). Ужгород: Колір Принт, 1998. 129 с.

Гранчак І. І., Балагурі Е. М., Грицак І. В., Ілько В. П., Поп І. І. Нариси історії Закарпаття: у 3 т. Ужгород: Закарпаття, 1995. Т. II. 663 с.

Данилець Ю. Православна церква в Карпатській Україні (1938–1939) // Ужгородська Українська богословська академія ім. св. Кирила та Мефодія — Карпатський університет ім. А. Волошина. Науковий вісник. Ужгород, 2008. Вип. 4–5. С. 7–10.

Данилець Ю. Становище православної церкви на Закарпатті в 1938 р. — на поч. 1941 р. // Українська гунгаристика. Наукове періодичне видання. Ужгород, 2019. Вип. 1. С. 54–71.

Куцов К. Карпатоукраїнські студенти і угорська політика щодо Підкарпатської Русі 1930-х рр. // Українська гунгаристика. Наукове періодичне видання. Ужгород, 2019. Вип. 1. С. 72–81.

Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2001. 431 с.

Фединец Ч. Славянское население Закарпатья в венгерской политической риторике периода ревизии // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе: [сб. ст.]. М.: Институт славяноведения РАН; СПб: Нестор-История, 2016. С. 171–190.

Шевченко К. В. Карпатское эхо Мюнхена-1938 как катализатор этнокультурной инженерии: от Подкарпатской Руси к Карпатской Украине // СССР и Чехословакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи. Минск: Колорград, 2018. С. 120–134.

Шевченко К. В. Русинский вопрос в межвоенной Чехословакии // Славяноведение. 2003. № 3. С. 3–17.

Шевченко К. В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX в. М.: Regnum, 2011. 414 с.

Brenzovics L. Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján (1939–1944). Ungvár: Kárpátaljai Magyar Kulturális Szövetség, 2010. 204. old.

Fedinec Cs. «A magyar szent koronához visszatért Kárpátalja» 1938–1944. Budapest: Jaffa Kiadó, 2015. 240. old.

Jarnecki M., Kołakowski P. «Українські Piemont». Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTM, 2017. 383 s.

Rychlík J. Hospodářský, sociální, kulturní a politický vývoj Podkarpatské Rusi 1919–1939. Praha: Národohospodářský ústav Josefa Hlávky, 2013. 183 s.

Švorc P. A kárpátaljai autonómia kérdése és a régió Magyarországhoz csatlóása // Kárpáti Ukrajna: Vereckétől Husztig. Egy konfliktustörténet nemzeti olvasatai. Pozhony: Kalligram Kiadó, 2014. 46–70. old.

References

Archív Kanceláře prezidenta republiky.
Gosudarstvennyi arkhiv Zakarpatskoi oblasti.
Národní archiv České Republiky.

Br. Brodii mezhi nami... *Nedelia*, 15 marta 1939 g., s. 3.

Brenzovics, L. *Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján (1939–1944)*. Ungvár: Kárpátaljai Magyar Kulturális Szövetség, 2010, 204. old.

Danylec', Ju. Pravoslavna tserkva v Karpats'kii Ukraïni (1938–1939). *Uzhhorods'ka Ukraïns'ka bohoslavs'ka akademïia im. sv. Kyryla ta Mefodïia — Karpats'kyj universytet im. A. Voloshyna. Naukovyj visnyk*. Uzhhorod, 2008, vyp. 4–5, s. 7–10.

Danylec', Ju. Stanovyshhe pravoslavnoi cerkvy na Zakarpatti v 1938 r. — na poch. 1941 r. *Ukraïns'ka hung'arystyka. Naukove periodychne vydannja*. Uzhhorod, 2019, vyp. 1, s. 54–71.

Fedinec, Cs. *“A magyar szent koronához visszatért Kárpátalja” 1938–1944*. Budapest: Jaffa Kiadó, 2015, 240. old.

Fedinets, Ch. Slavianskoe naselenie Zakarpat'ia v vengerskoi politicheskoi ritorike perioda revizii. *Imia naroda: Ukraina i ee naselenie v ofitsial'nykh i nauchnykh terminakh, publitsistike i literature: [sb. st.]*. M.: Institut slavianovedeniia RAN; SPb: Nestor-Istoriia, 2016, s. 171–190.

Hranchak, I. I., Balaguri, E. M., Hrycak, I. V., Il'ko, V. P., Pop, I. I. *Narysy istorii Zakarpattia*: u 3 t. Uzhhorod: Zakarpattia, 1995, t. II, 663 s.

Jarnecki, M., Kołakowski, P. *“Ukraïnski Piemont”*. *Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTM, 2017, 383 s.

Kutsov, K. Karpatoukraïns'ki studenty i uhors'ka polityka shhodo Podkarpats'koi Rusi 1930-k rr. *Ukraïns'ka hung'arystyka. Naukove periodychne vydannia*. Uzhhorod, 2019, vyp. I, s. 72–81.

Pop, I. *Entsiklopediia Podkarpatskoi Rusi*. Uzhgorod: Izdatel'stvo V. Padiaka, 2001, 431 s.

Rychlík, J. *Hospodářský, sociální, kulturní a politický vývoj Podkarpatské Rusi 1919–1939*. Praha: Národohospodářský ústav Josefa Hlávky, 2013, 183 s.

Shevchenko, K. V. Karpatskoe ekho Miunkhena-1938 kak katalizator etnokul'turnoi inzhenerii: ot Podkarpatskoi Rusi k Karpatskoi Ukraine. *SSSR i Chekhoslovakiia v XX veke: kliuchevye sobytiia i vyzovy epokhi*. Minsk: Kolorgrad, 2018, s. 120–134.

Shevchenko, K. V. Rusinskii vopros v mezhoennoi Chekhoslovakii. *Slaviano-vedenie*, 2003, № 3, s. 3–17.

Shevchenko, K. V. *Slavianskaia Atlantida. Karpatskaia Rus' i rusiny v XIX — pervoi polovine XX v*. Moscow: Regnum, 2011, 414 s.

Švorc, P. A kárpátaljai autonómia kérdése és a régió Magyarországhoz csatolása. *Kárpáti Ukrajna: Vereckétől Husztig. Egy konfliktustörténet nemzeti olvasatai*. Pozhony: Kalligram Kiadó, 2014, 46–70. old.

Vehesh, M. M., Hyria, V. I., Korol', I. F. *Uhors'ka iredenta na Zakarpatti mizh dvoma svitovymy vijnamy (1918–1939 rr.)*. Uzhhorod: Kolir Print, 1998, 129 s.

Oleg G. Kazak

The Russophile intelligentsia of the Subcarpathian Rus
during the existence of the Second Czechoslovak Republic

The article discusses various behavioral strategies of representatives of the Russophile camp of Subcarpathian Rus in October 1938 — March 1939. It is stated that under unfavorable conditions (a massive Ukrainization campaign initiated by the autonomous government of A. Voloshin), the Russophile leaders were forced to appeal to the authorities of one of states that had their own interests in the region. A significant part of the Russophile intelligentsia remained loyal to Czechoslovakia and tried to persuade Prague to put pressure on Voloshin's office. S. Fenzik and his entourage, using their long-established ties with representatives of the Hungarian authorities, made a bet on cooperation with Budapest. Finally, some figures tried to establish contacts with the elites of Nazi Germany, rightly noting the great influence of this country on the situation in Subcarpathian Rus. The author analyzes in detail the activities of the government of A. Voloshin, who became the object of the harshest criticism of representatives of the Russophile camp: the actual prohibition of the activities of pro-Russian political and social forces, the aggressive behavior of the members of the paramilitary organization «Karpatskaya Sech», whose leadership largely consisted of Galicians, en-mass falsifications at the elections to the autonomous sejm. The source base of the work consists of documents kept at archives of the Czech Republic (The National Archive of the Czech Republic, The Archive of the President's Office) and Ukraine (The State Archive of the Zakarpattian Region), as well as academic works of Hungarian, Polish, Ukrainian and Russian historians.

Keywords: *Rusyns, Russophiles, identity, autonomous government, social and political life.*

Государственная политика Словакии по урегулированию проблем между греко-католиками и православными (1990–1996 гг.)

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников рассматривается вопрос окончательного урегулирования проблем между греко-католиками и православными в Восточной Словакии (1990–1996). Показаны причины возникновения конфликта между двумя конфессиями. После расформирования Греко-католической церкви в конце апреля 1950 г., 13 февраля 1952 г. в Чехословакии было принято постановление о передаче недвижимого имущества греко-католической церкви православной. Данный вопрос мог быть решен лишь после «бархатной» революции. На первом этапе урегулирования прорабатывались основы т. н. Законоположения президиума Словацкого Национального Совета № 211/1990. Однако данный документ не поспособствовал разрешению проблем, скорее наоборот. На следующем этапе ситуация начала накаляться: греко-католики закрыли перед православными 41 храм, однако такое же количество церквей было закрыто перед униатами в течение сорока предыдущих лет. Ситуацию не могли урегулировать ни решения судебных инстанций, ни деятельность Уполномоченного правительства СР по урегулированию имущественных споров между греко-католиками и православными Адольфа Смолика. Третий этап начался в мае 1992 г., когда между правительством Словакии и Прешовской православной епархией был заключен договор. На его основе православная церковь должна была передать храмы греко-католикам, за которые ей полагалась компенсация в размере 1,5 млн чехословацких крон. Благодаря этому униатам были возвращены их церкви, а православная церковь смогла построить сорок новых православных храмов, что привело к окончательному урегулированию проблем между двумя конфессиями.

Ключевые слова: *церковная политика, правительственная политика, греко-католическая церковь, православная церковь, Чехословакия, Словацкая Республика.*

После «бархатной» революции претерпела кардинальные изменения как церковная политика, так и деятельность правительства, направленная на разрешение в Словакии проблем между православными и греко-католиками (униатами). Данный подход декларировался во всех программных заявлениях исполнительной власти. При этом, несмотря на преобладающий в этой стране католицизм, например, премьер-министр Владимир Мечъяр всегда публично говорил о христианстве в целом либо перечислял все вероисповедания, причем не только христианские¹.

В данных источниках отмечалась также роль христианства не только в истории Словакии, но и в ее будущем развитии. «Христианская и цивилизационная суть кирилло-мефодиевской традиции является не только наследием прошлого, но и определенным обязательством, программой для будущего. В этом мы усматриваем основания для постепенного морального и духовного возрождения общества», — говорится в основном документе правительства В. Мечъяра, сформированного после первых свободных выборов в Чехословакии в июне 1990 г.²

В то время основополагающей задачей в этой сфере стало урегулирование сложной ситуации между греко-католиками и православными. Основой церковной политики 1949–1989 гг. стала попытка властей свести к минимуму влияние Ватикана на церковные круги Чехословакии. Важнейшим направлением был признан перевод униатов в православие путем расформирования греко-католической церкви³. Правда, подобный подход к церковным вопросам был предложен еще президентом Чехословакии Эдвардом Бенешем во второй четверти 1946 г. — в ответ на призывы греко-католического епископа Павела Гойдича голосовать за Демократическую партию, что воспринималось как опасность появления католического «античешского фронта»⁴.

1 Programové vyhlásenie vlády SR. S. 34. URL: http://www.nrsr.sk/dl/Browser/DsDocumentVariant?documentVariantId=17339&fileName=rozne_01.pdf&ext=pdf (дата обращения: 23.9.2018).

2 Programové vyhlásenie vlády SR. Č.j. 10/1990. S. 3. URL: http://www.nrsr.sk/dl/Browser/DsDocumentVariant?documentVariantId=812&fileName=tlac_010.pdf&ext=pdf (дата обращения: 23.9.2018).

3 Подробнее см.: Zpráva z porady na ÚAV NF o návrhu plánu řešení náboženských otázek v ČSR // Kaplan K. Národní fronta 1948–1960. Praha, 2012. S. 620–627.

4 Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. (1944–1948). Документы из российских архивов. М., 2009. С. 291, 328.

В 1949 г. были приняты законы и распоряжения правительства Чехословацкой Республики (ЧСР) по финансированию церковных организаций, среди которых не нашлось места для греко-католической церкви, что привело к неполучению ею субсидий от государства. Эта политика была нацелена на лишение ее государственного финансирования. В конце 1949 — начале 1950 г. постепенно подготавливалось ее расформирование⁵. Этим процессом в Словакии заведовал тогдашний председатель Словацкого комитета по делам церкви Густав Гусак⁶.

28 апреля 1950 г. в Прешове состоялся Собор представителей греко-католического духовенства и мирян, на котором присутствовало 820 делегатов, представлявших все униатские приходы. На нем греко-католическая церковь формально совершила самороспуск. С позиции православных, униаты «ликвидировали унию», порвав связь с Римом, и, таким образом, вернулись «в лоно прадедной святой православной веры»⁷.

В связи с итогами Прешовского собора Государственный комитет по делам церкви (ГКДЦ) с согласия Министерства финансов и Министерства справедливости ЧСР 13 февраля 1952 г. принял постановление № 20.285/51-II/1 о передаче недвижимого имущества греко-католической церкви православной⁸. Таким образом, последняя приобрела все униатские храмы.

5 Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М., 2008. С. 440–469; *Мурашко Г. П.* Судьбы Греко-католической церкви в странах Восточной Европы после Второй мировой войны (Из истории национально-конфессиональных конфликтов) // Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М., 2011. С. 364–376; *Она же.* Греко-католическая церковь в Словакии после Второй мировой войны // Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв. СПб., 2009. С. 393–408.

6 *Pešek J.* Vo funkcii povereníka – predsedu Slovenského úradu pre veci cirkevné // *Gustáv Husák.* Moc politiky. Politik moci. Bratislava, 2013. S. 418.

7 Из жизни православной церкви за границей // Журнал Московской патриархии. 1950. № 5. С. 19.

8 Slovenský národný archív (SNA). Fond Úrad vlády Slovenskej socialistickej republiky / Slovenskej republiky 1981–1992 (F. ÚV SSR/SR). Zasadnutia vlády SSR/SR (ZV SSR/SR). Škatuľa č. (Šk.) 817. Č. j. 2812/1990. Správa o stave riešenia majetkových záležitostí medzi gréckokatolíckou cirkvou a pravoslávnu cirkvou. S. 1.

В ходе «Пражской весны» церковная политика претерпела определенные изменения⁹. 13 июня 1968 г. правительством Чехословакии было принято распоряжение № 70 об экономическом обеспечении греко-католической церкви государством. Этим подзаконным актом была возобновлена деятельность данной конфессии в Чехословакии. Что же касается бывшего униатского недвижимого имущества, то этот вопрос должен был решаться либо путем переговоров между представителями двух вероисповеданий, либо уполномоченным Словацкого национального совета (СНС) по культуре и информации¹⁰. На начальном этапе (до середины 1970-х гг.) представители двух вероисповеданий заключили десятки договоров о совместном использовании сакральных объектов. Это, тем не менее, не смогло решить данную проблему ни тогда, ни позже.

В последние двадцать лет «реального социализма» в Чехословакии греко-католическая церковь вступила в борьбу за свое имущество. Известны случаи, когда на местном и региональном уровнях коммунисты оказывали ей поддержку. Центральная же власть скорее вставала на сторону православных, хотя в определенные годы и между ними возникали некоторые проблемы, что могло быть связано со слишком завышенными требованиями православной церкви. Впрочем, турбулентностью отличались и отношения власти с униатами: то политики занимали их сторону, то, чаще, отказывали им в поддержке¹¹.

К середине 1980-х гг. в некоторых населенных пунктах Восточной Словакии между греко-католиками и православными возникла напряженность в связи с нерешенными имущественными вопросами¹².

Еще во второй половине 1970-х гг. Верховным судом Словацкой Социалистической Республики (ССР) было принято решение № 3с137/76 от 26 февраля 1976 г., согласно которому постановление ГКДЦ от 13 февраля 1952 г. «не имело законной силы и не могло привести к

9 *Lipták R.* Znovuzrodenie Gréckokatolíckej cirkvi v roku 1968. Prešov, 2016. S. 51–131.

10 *Vládné nariadenie č. 70 z 13. júna 1968 o hospodárskom zabezpečení cirkví a náboženských spoločností štátom.* URL: <http://www.zakonypreludi.sk/zz/1968-70/znenie-0> (дата обращения: 24.9.2018).

11 *Pešek J., Barnovský M.* V zovretí normalizácie. Cirkvi na Slovensku v rokoch 1969–1989. Bratislava, 2004. S. 159–183.

12 *SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV SSR/SR. Šk. 752. Č. j. 180/1988. Návrh na udelenie štátneho vyznamenania Za zásluhy o výstavbu arcibiskupovi Nikolajovi, ThDr. Mikulášovi Kocvárovi.* S. 2.

передаче имущества»¹³. Тот же самый вывод содержится и в заявлении Генеральной прокуратуры ССР от 10 ноября 1988 г.¹⁴ Позиция других государственных органов ССР, например Министерства культуры ССР, заключалась в том, что провозглашение недействительности данного постановления противоречило бы распоряжению правительства ЧССР № 70/1968 о финансовом обеспечении греко-католической церкви государством, которое вытекало из законности решения ГКДЦ¹⁵.

Очевидно, что чехословацкие коммунисты не хотели приводить данное постановление в соответствие с законодательством. Возникает правомерный вопрос: почему они придерживались такой политики, если в тогдашних исторических условиях изменение законодательства было всего лишь «делом техники». Весьма правдоподобное объяснение предложили словацкие историки Ян Пешек и Михал Барновский: во-первых, данное положение их удовлетворяло, так как в их руках находился действенный способ давления на обе церкви, а во-вторых, они боялись, что при повторном решении данной проблемы напряженность между двумя конфессиями могла серьезно усугубиться¹⁶.

Вследствие нерешенности и усугубления проблем на протяжении четырех десятилетий, в Словакии верили, что эти проблемы смогут урегулировать только представители новой политической волны, пришедшие к власти в ходе «бархатной» революции. Однако уже в первой трети 1990 г. стало очевидным, что ситуация куда более сложная, чем могло показаться на фоне демократических преобразований.

В декабре 1989 г. греко-католическая церковь публично провозгласила свои требования: объявление недействительными итогов Прешовского собора 1950 г. и отмена постановления ГКДЦ от 13 февраля 1952 г. Униаты выдвинули первые важнейшие требования в этом направлении. Речь шла, во-первых, о возвращении епископской резиденции и близлежащих зданий в Прешове, а во-вторых, о реабилитации епископа П. Гойдича и всех осужденных¹⁷.

13 Цит. по: *Pešek J., Barnovský M. V zovretí normalizácie...* S. 177.

14 SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV SSR/SR. Šk. 817. Č. j. 2812/90. Správa o stave riešenia majetkoprávných záležitostí medzi gréckokatolíckou cirkvou a pravoslávnu cirkvou. S. 5.

15 *Pešek J., Barnovský M. V zovretí normalizácie...* S. 177.

16 *Ibid.* S. 178.

17 *Borza P. Gréckokatolícka cirkev po roku 1989 // 20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja.* Bratislava, 2013. S. 562.

23 марта 1990 г. произошла первая встреча иерархов двух церквей с представителями правительства СР и Словацкого национального совета (СНС), на которой обсуждалось, в основном, возвращение епископской резиденции и здания бывшего греко-католического приюта. В последнем планировалось учредить богословский факультет и семинарию. Весьма интенсивными были и переговоры по передаче православными отдельных приходов, которые, однако, не принесли никаких конкретных результатов. В интересах спокойного решения данных вопросов греко-католический епископ Ян Гирка и архиепископ православной Прешовской епархии Николай (Микулаш Коцвар) договорились о взаимной терпимости, а участники данной встречи попросили их разработать архипастырское послание, чтобы в этом духе действовали и верующие обеих церквей. Священники обеих конфессий зачитали его на богослужениях в воскресенье 25 марта 1990 г.¹⁸

Через неделю, 2 апреля 1990 г., состоялась вторая встреча представителей двух церквей со словацкими политиками, на которой обсуждались как проблема принадлежности кафедрального собора и здания богословского факультета с семинарией в Прешове, так и «поиск возможностей глобальных решений в области имущественно-правовых отношений между греко-католической и православной церквями»¹⁹. Согласно постановлению президиума правительства СР № 15 от 28 марта 1990 г. Прешовская православная епархия передала греко-католической церкви епископскую резиденцию. В связи с этим спикер СНС Рудольф Шустер, будущий президент Словакии (1999–2004), пообещал передать Епархиальному совету православной церкви виллу там же в Прешове, на улице Францисци. Словацкое правительство оформило эту передачу постановлением № 182 от 18 апреля 1990 г.²⁰

В данной связи необходимо коснуться следующего сюжета, получившего распространение в словацкой историографии. Греко-католический исследователь Петер Борза акцентирует внимание на сохран-

18 Ibid. S. 563.

19 SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV SSR/SR. Šk. 816. Č. j. 2639/1990. Návrh ďalšieho postupu riešenia dôsledkov protiprávneho prevodu vlastníctva majetku gréckokatolíckej cirkvi na pravoslávnu cirkev. Informácia o rokovaní s predstaviteľmi gréckokatolíckej cirkvi a pravoslávnej cirkvi. S. 1.

20 Ibid. Č. j. 2638/1990. Návrh na prevod vlastníctva objektu a priestorov na Francisciho ulici v Prešove na Eparchiálnu radu pravoslávnej cirkvi. S. 1.

ности данного здания, которое в ходе его возвращения находилось в плачевном состоянии. «Необходимо напомнить, что православная церковь получила в 1950 г. совершенно функциональную и оборудованную резиденцию. А вернула разрушенное здание, в котором была вырвана даже электропроводка и уничтожена сантехника. В похожем состоянии греко-католическая церковь получила и здание Православного богословского факультета»²¹. Таким образом, П. Борза рисует портрет православной церкви, намеренно доводящей возвращаемые униятам храмы до их непригодности к эксплуатации.

Во-первых, нельзя исключить из исторического исследования целую эпоху, в ходе которой на протяжении сорока лет все церкви, включая рядовых верующих, испытывали давление государства. Тогдашние чехословацкие власти пристально следили даже за паломнической активностью в Словакии, безуспешно стремясь не допустить ее политизации²². Внимание чехословацких коммунистов касалось всех сторон религиозной жизни в Словакии: от назначения высших церковных иерархов через деятельность религиозных движений (включая т. н. «тайную церковь», находившуюся в подполье) вплоть до финансового обеспечения церквей. Еще в ходе «Пражской весны» в 1968 г. одной из основополагающих целей со стороны оппозиционных коммунистам общественных субъектов в Словакии являлось «обновление церковной жизни»²³. Поэтому состояние храмов, как и других церковных объектов, здесь свидетельствовало не о деятельности православной церкви, а о последствиях государственной церковной политики эпохи «реального социализма»²⁴.

21 *Borza P.* Gréckokatolícka cirkev... S. 562.

22 *Задорожнюк Э. Г.* Чехословацкое государство и словацкие христиане в период нормализации (1969–1989) // Церковь и время. 2013. № 1 (62). С. 171.

23 Там же. С. 165.

24 О церковной политике в Словакии см., например: *Задорожнюк Э. Г.* Чехословацкое государство...; *Она же.* Словацкие католики и чехословацкое государство в послеавгустовское двадцатилетие. 1969–1989 гг. // Наукові праці історичного факультету Запорізького університету. Запоріжжя, 2013. Вип. 32; *Она же.* Специфика протестных настроений в Словакии в послеавгустовское десятилетие. 1969–1979 гг. // Социальные последствия войн и конфликтов XX в.: Историческая память. М., 2013; *Pešek J., Barnovský M.* V zovretí normalizácie...

Во-вторых, правдивость данного вывода подтверждают и архивные источники, доступные во время написания П. Борзой его статьи, но по какой-то причине им не использованные. В правительственном документе «Информация об урегулировании имущественных отношений между греко-католической и православной церквями» от 11 июня 1996 г. словацкий вице-премьер Йозеф Калман отметил следующее: «Значительная часть (возвращенных православными греко-католических церквей. — *В. Н.*) находится в полуразрушенном виде, некоторые из них непригодны для использования, что отрицательным образом отразилось на их техническом состоянии. Однако необходимо констатировать, что такой вид данных объектов [...] возник не из-за умышленного вмешательства православной церкви, но стал следствием объективной реальности»²⁵.

В связи с этим не представляется возможным согласиться с выводами Борзы. Хотя эта проблема действительно существовала: словацкое правительство в дальнейшем субсидировало ремонт тех храмов, которые по объективным причинам находились в плохом состоянии. К тому же, как отмечалось в правительственных документах, во многих случаях православная церковь не только пользовалась бывшим имуществом униатов, но и улучшала его состояние из собственных средств и с финансовой поддержкой верующих, многие из которых и после официального признания греко-католической церкви и возобновления ее деятельности в 1968 г. «остались в православной церкви»²⁶.

Таким образом, уже к концу марта 1990 г. была решена первоочередная задача, стоявшая перед греко-католиками, — передача им епископской резиденции. Это показывает, что православные были готовы пойти на уступки, получив компенсацию от словацких властей в виде виллы в Прешове под здание Епархиального совета.

Однако со второй задачей, возвращением ими греко-католических храмов, ситуация выглядела проблематичнее. Ее реализация затянулась на два года и сопровождалась всплеском эмоций и нагнетанием обста-

25 SNA. F. Úrad vlády SR 1993–1996 (F. ÚV SR). Šk. 169. Č.j. 2210/96. Informácia o usporiadaní majetkových vzťahov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnu cirkvou v zmysle zákonného opatrenia predsedníctva SNR č. 211/1990 Zb. po prijatí Rámцovej dohody. S. 3.

26 Ibid. F. ÚV SSR/SR. ZV SSR/SR. Šk. 817. Č.j. 2812/1990. Správa o stave riešenia majetkoprávných záležitostí medzi gréckokatolíckou a pravoslávnu cirkvou. S. 5–6.

новки с обеих сторон. Благодаря наличию архивных документов сегодня можно выделить несколько этапов урегулирования данной ситуации.

На первом этапе (март — апрель 1990 г.) первоочередным вопросом стало определение количества верующих как православной, так и греко-католической церкви и решение проблемы так называемых «чистых деревень» (населенных пунктов, в которых большинство верующих идентифицировало себя с одной конфессией — православной или греко-католической). Греко-католическая церковь предоставила православным иерархам список 120 «чистых деревень», которые согласились с ним в письме № 193/90 от 12 марта 1990 г. Однако уже на переговорах 2 апреля того же года их изначальная позиция претерпела серьезные изменения. По мнению представителей православной церкви, всего лишь 14 «чистых деревень» из общего числа 120 являлись таковыми. В свою очередь, и униаты отказались признать 70 «чистых деревень» из 80 в аналогичном православном списке по Прешовской епархии (в Михаловецкой епархии они не признали за православными ни одной «чистой деревни»).

Понятие «чистая деревня» не устраивало словацкое правительство, так как оно «не учитывало реального состояния данного вопроса и не соблюдало право свободного выбора вероисповедания. Фиксация правового состояния имущества без надлежащего установления конфессиональной обстановки, в конкретном случае количества верующих в отдельных деревнях, противоречило бы принятому принципу решения проблемы, служащему интересам обеих церквей и учитывающему проявленную свободную волю верующих»²⁷.

Проблему усугубляло еще и то обстоятельство, что в Словакии тогда не было подтвержденных объективных данных о количестве православных и греко-католических верующих, что привело к спорам по данному вопросу между представителями двух церквей. Православные выступали против возвращения всего имущества греко-католической церкви, принадлежавшего ей до 1950 г., аргументируя это ростом количества православных приходов с 21 в 1950 г. до 85 в 1990 г. Униаты, в свою очередь, ставили его под сомнение, говоря о десяти приходах православной церкви. Предметом споров стало и общее число верующих — греко-католические представители определяли православную паству в 20–25 тыс. чел., а православные иерархи — в 200 тыс. чел.²⁸

27 Ibid. Šk. 816. Č. j. 2639/1990. Návrh ďalšieho postupu... S. 3.

28 Ibid. Ďalší postup riešenia dôsledkov protiprávneho prevodu vlastníctva majetku gréckokatolíckej cirkvi na pravoslávnu cirkev. S. 1.

Ближе к истине, однако, была греко-католическая церковь: по переписи населения Словацкой Республики, проведенной 3 марта 1991 г., православных верующих насчитывалось 34 376 чел.²⁹, что составило лишь 0,65% от всего населения. Именно принцип получения и использования объективных данных по количеству верующих двух конфессий был признан словацким правительством в качестве «единственной базы», на основе которой «можно принять соответствующее юридическое решение» по новому устройству имущественно-правовых отношений между церквями³⁰.

Второй составляющей на этом этапе стали подготовка и выбор конкретного варианта урегулирования имущественных проблем. В конце апреля 1990 г. правительство СР проанализировало две имевшиеся возможности. Первой перспективой была организация имущественно-правовых отношений между церквями в соответствии с распоряжением правительства ЧССР № 70/1968 от 19 июня 1968 г. (ст. 2): «имущество, которое ко дню вступления в силу данного распоряжения считалось имуществом православной церкви» будет разделено «на основе соглашения между обеими церквями»; если же оно не будет подписано в течение 6 месяцев от вступления в силу данного документа, то, как уже отмечалось выше, решение относительно имущества двух церквей должен был принимать Уполномоченный СНС по культуре и информации³¹. От этого варианта, однако, пришлось отказаться ввиду того, что он узаконил бы постановление ГКДЦ от 13 февраля 1952 г., признанное ранее незаконным.

Второй перспективой было решение данного вопроса путем реституции, т. е. возвращения к состоянию до 28 апреля 1950 г. В этом случае потребовалась бы отмена как упомянутого постановления 1952 г., так и «положения 2 и 3 статей распоряжения правительства ЧССР № 70/1968»³².

Однако и против такого варианта имелся ряд существенных аргументов. Речь идет прежде всего о том, что после 1950 г. ситуация зна-

29 Štatistická ročenka Slovenskej republiky 1993. Bratislava: Štatistický úrad SR, 1993. S. 437.

30 SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV SSR/SR. Šk. 816. Č. j. 2639/90. Ďalší postup riešenia dôsledkov... S. 2.

31 Vládne nariadenie č. 70/1968 Zb. o hospodárskom zabezpečení grécko-katolíckej cirkvi štátom. URL: <http://www.zakonypreludi.sk/zz/1968-70/znenie-19680619> (дата обращения: 26.09.2018).

32 SNA. F. ÚV SSR/SR. Šk. 817. Č. j. 2812/90. Správa o stave riešenia majetkoprávných záležitostí medzi gréckokatolíckou a pravoslávnu cirkvou. S. 5.

чительно изменилась. Православная церковь на собственные средства и средства своей паствы улучшила состояние церковных объектов, которые ей следовало вернуть униатам. Количество верующих обеих конфессий также претерпело изменения. К тому же при реализации данного сценария православные потеряли бы церкви и часовни также в тех селах, в которых верующие не возвратились в греко-католичество. Кроме того, в случае принятия этого варианта, в тех населенных пунктах, в которых проживали представители обеих вероисповеданий, и в дальнейшем осталось бы проблемой договорное урегулирование совместного использования церковных объектов.

Несмотря на это, вторая альтернатива представлялась словацкому правительству как «единственно возможное и реальное» разрешение данной проблемы. Именно она была утверждена в правительственном постановлении № 189 от 25 апреля 1990 г. Как отмечалось в одном из документов правительства, в случае реализации этого постановления необходимо «найти путь достижения договоренностей по совместной беспрепятственной деятельности обеих церквей в смешанных (православно-униатских. — *В. Н.*) селах». Другими словами, там, где у православных после возвращения ими храмов не окажется священных объектов, правительство стремилось «заставить греко-католическую церковь [...] на основе соглашения предоставить возможность православным священникам пользоваться ими». Одновременно с этим представлялось необходимым искать варианты по «строительству собственных священных объектов для православных верующих»³³. Обращает на себя внимание тот факт, что в данном документе не оговаривается конкретно, кто и каким образом будет его финансировать, так как на тот момент правительство СР и СНС выступали всего лишь в роли посредника между церквями.

На основе принятого второго варианта правительством был разработан проект законоположения президиума СНС «Об урегулировании имущественных отношений между греко-католической и православной церквями». Кабинет министров его обсудил и принял постановлением № 246 от 23 мая 1990 г. Вице-премьер правительства СР А. Варга попытался объединить в нем позиции церквей таким образом, чтобы защитить обе стороны.

Первая статья документа устанавливает в качестве собственности греко-католической церкви то недвижимое имущество, которое находилось в ее владении до 28 апреля 1950 г. В связи с незаконностью пере-

33 Ibid. S. 5–6.

дачи объектов православной церкви статьей 4 отменялись как постановление ГКДЦ от 13 февраля 1952 г., так и статьи 2 и 3 распоряжения правительства ЧССР № 70/1968 от 13 июня 1968 г. Данные статьи исходили из того, что Прешовский собор 1950 г. был актом насильственным, и в связи с этим следовало считать его решения недействительными. В результате незаконными были объявлены и последующие решения государственных органов, отмененные данным нормативным актом.

Статья 2 давала возможность православной церкви на основе соглашения использовать совместно с греко-католической церковью те объекты, которые православные обязаны ей были вернуть в соответствии со статьей 1. В случае отсутствия данного договора Министерство культуры СР обязывалось принять решение о совместном использовании недвижимого имущества греко-католической церкви двумя конфессиями «исходя из количества верующих» двух вероисповеданий³⁴. Эта статья была чрезвычайно важной для православных, и причиной ее включения в данный проект стали реальное положение и перспективы развития словацкого православия. «Потребуется более длительный срок для того, чтобы православная церковь решила материальные проблемы для своей дальнейшей деятельности, главным образом путем строительства церковей или выкупа и приспособления других подходящих для священнодействий объектов, — говорится в «пояснительной записке» к проекту этого нормативного акта. — В связи с этим необходимо дать ей возможность использовать объекты греко-католической церкви в тех селах, в которых православные насчитывают большинство, но не владеют ни церквями, ни храмами»³⁵.

Статья 3 решала важные для православных финансовые вопросы: если православная церковь израсходовала «собственные финансовые средства для реконструкции или модернизации недвижимого имущества, которые выходят за рамки обычного ремонта и технического обслуживания, и если из-за этого была повышена стоимость этих зданий, то православная церковь имеет право требовать от униатов возмещения затрат по истечении двух лет с момента окончания срока использования данного недвижимого имущества»³⁶. Этот раздел был предложен словацким правительством в связи с тем, что, как уже упоминалось,

34 SNA. F. ÚV SSR/SR. Zasadania vlády SSR/SR. Šk. 820. Č.j. 3160/90. Návrh zákonného opatrenia Predsedníctva SNR o usporiadaní majetkových vzťahov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnu cirkvou. S. 1–2.

35 Ibid. Dôvodová správa. S. 3.

36 Ibid. Návrh zákonného opatrenia Predsedníctva SNR... S. 2.

«православная церковь реконструировала и модернизировала многие церкви в то время, когда православные считали их своим имуществом». Поэтому данный документ был призван «предоставить защиту ее (православной церкви. — *В. Н.*) права в области компенсации затраченных расходов или позволить ей пользоваться в деревнях теми объектами, которые уже не были в ее собственности, если в данном населенном пункте они не владели ни одним храмом»³⁷.

Проект законоположения был предоставлен только греко-католической церкви. 27 мая 1990 г. ее адвокат Антон Текуш направил словацкому правительству официальную позицию униатов по данному документу. В частности, кабинету министров рекомендовалось убрать из проекта все абзацы второй статьи и заменить их следующими пунктами: «1. Все имущество, приобретенное от греко-католической церкви [...] православная церковь в Словакии обязана постепенно передать до 31 августа 1990 г.; 2. Правительство СР [...] назначит своего уполномоченного, вице-премьера, который будет руководить передачей православными отдельного недвижимого имущества греко-католической церкви и нести ответственность за его возвращение»³⁸. Таким образом, православные иерархи не получили бы право пользования имуществом, которое принадлежало им с 1952 по 1989 г., в связи с чем потеряли бы возможность проводить в этих объектах богослужения. Поэтому президиум СНС вынужден был отказаться от этих предложений.

Важно понимать, что большая часть этого текста содержит весьма субъективные, эмоциональные, осуждающие правительство оценки. «Позволю себе предупредить правительство Словацкой Республики, — написал в нем представитель греко-католической церкви, — что серьезная медлительность в действиях министерства культуры СР, как и государственных органов и организаций в этом вопросе, вызывает политическую напряженность». Она, по его убеждению, могла «привести к насилию по отношению к нынешним представителям государственной власти. [...] Греко-католические верующие без немедленного издания законоположения считают любые извинения тактическим маневрированием перед свободными выборами»³⁹.

37 Ibid. Dôvodová správa. S. 3.

38 SNA. F. ÚV SSR/SR. Zasadania vlády SSR/SR. Šk. 820. Č.j. 3160/90. Vydrenie a stanovisko. S. 2.

39 Первые свободные демократические выборы состоялись 8–9 июня 1990 г. См.: Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории в 2 кн. / Отв. ред. В. В. Марьина. М., 2005. Кн. 2. С. 325.

Отмечалось в этом документе и то, что «среди 50 принятых СНС или Федеральным собранием законов вполне уместилось бы и законное урегулирование данной проблемы, если бы хватало доброй воли и она решалась бы ответственными и юридически образованными людьми»⁴⁰.

Такая попытка оказать давление сразу на несколько государственных органов Словакии вряд ли могла быть успешной. Можно, однако, понять греко-католическую церковь: в течение сорока лет ее верующие не получали доступ в свои храмы, а учитывая продолжительность нерешенности этой проблемы, они рассчитывали на немедленное, даже молниеносное ее урегулирование. «В качестве юрисконсульта [греко-католической церкви] я согласен с утверждением, что “коммунисты” в 1950 г. сумели уничтожить греко-католическую церковь за один день, а представители бархатной революции не в состоянии устранить в законной форме противоправность постановления [ГКДЦ] и сопровождающих его мер даже на протяжении шести с половиной месяцев»⁴¹. Однако, как показало время, быстрого решения данной проблемы не существовало.

После подготовки, утверждения и обсуждения с униатами проекта данного законоположения наступил черед его принятия на заседании президиума СНС. 29 мая 1990 г. в ходе его рассмотрения на 69-м заседании этого законодательного органа депутаты разделились на две группы. Одна из них стояла на позициях униатов, требуя незамедлительного возвращения их имущества без каких бы то ни было условий со стороны православной церкви: вице-спикер СНС Габор Залосш, депутаты Ян Бакыча и Аугустин Марьян Хуска⁴². Большинство законодателей, однако, заняло нейтральную позицию. Некоторые из них в определенном смысле даже встали на сторону православной церкви. Вице-спикер СНС Йозеф Сиротняк информировал «президиум СНС о том, что, несмотря на заключенные обеими церквями соглашения о совместном использовании имущества, со стороны униатов имело место самопроизвольное закрытие богослужебных помещений». Он призвал представителей обеих церквей к взаимно-

40 SNA. F. ÚV SSR/SR. Zasadania vlády SSR/SR. Šk. 820. Č.j. 3160/90. Vyjadrenie a stanovisko. S. 3.

41 Ibid.

42 Zápisnica z 69. schôdze Predsedníctva SNR, konanej dňa 29. mája 1990. S. 6–7, 9. URL: <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Document?documentId=1394> (дата обращения: 27.09.2018).

му соблюдению подписанных договоренностей. Депутат Франтишек Миклошко⁴³ обратил внимание на то, что «из прений непонятно, как после передачи имущества греко-католической церкви будет обеспечено использование данных объектов православными верующими», и предложил включить в текст проекта законоположения статью о бесплатном пользовании ими православной стороной. С ним соглашался и первый вице-спикер СНС Ян Будаи, заявивший о необходимости гарантировать «исполнение церковных обрядов православной церкви таким образом, чтобы ее не дискриминировать». Депутат Эва Боровска отметила, что предложенный проект не предоставляет никаких прав православным. Спикер СНС Р. Шустер высказался о «сохранении православной церкви». С его точки зрения, в случае утраты данного имущества ей «угрожает реальное исчезновение»⁴⁴. С ним сложно не согласиться, так как потеря практически всех храмов грозила ей прекращением своего существования.

На данном заседании была даже высказана точка зрения, вообще не учитывавшая интересы униатов. Я. Будаи заметил, что «не существует закона об изъятии имущества греко-католической церкви в пользу православной, и, по сути дела, речь идет только о неподписанном документе, намекающем на то, что униаты от своего имущества отказались добровольно»⁴⁵. Такой подход, однако, не получил никакой поддержки.

Весьма интересную позицию занял будущий председатель Партии левых демократов Петер Вайс. Словацкий политик предложил правительству СР выделить «финансовые средства для строительства необходимых [православной церкви] богослужебных объектов в тех населенных пунктах, в которых невозможно подписание со-

43 Франтишек Миклошко (1947), подписавший «Хартию 77», организовал в Братиславе «мирное шествие со свечами». 25 марта 1988 г. на площадях Братиславы собралось несколько тысяч мирных демонстрантов, которые в течение получаса пели религиозные гимны с горящими свечами. Чехословацкие власти ее разогнали с применением водометов, а 141 ее участник подвергся аресту. См.: *Задорожник Э. Г. Чехословацкое государство и словацкие христиане в период нормализации (1969–1989) // Церковь и время. 2013. № 1 (62). С. 176–178; Она же. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.). М., 2008. С. 228–229.*

44 Ibid. S. 4, 8–9.

45 Ibid. S. 6.

глашения [между церквями] о распоряжении данным имуществом»⁴⁶. Ровно через два года именно этот подход станет закладным камнем в фундамент окончательного урегулирования проблем между греко-католиками и православными в Словакии.

В итоге на 69-м заседании президиума СНС 29 мая 1990 г. было принято законоположение № 211/1990 об урегулировании имущественных отношений между греко-католической и православной церквями. В отличие от проекта, в окончательной редакции документа исчезла статья 3, касавшаяся возможности получения православными компенсаций за их вложения в церковные объекты. Однако отсутствие этой нормы в данном законодательном акте никак не повлияло на дальнейшие события. Статья 2 была изменена таким образом, что решения о частичном или полном использовании греко-католических церквей стал принимать уполномоченный правительства, а не Министерство культуры Словакии⁴⁷.

После принятия словацкими депутатами законоположения началась второй этап урегулирования проблем между двумя конфессиями. В то время практически всем участникам этого процесса казалось, что основополагающий документ поспособствует решению данного вопроса. Но реальность была противоположной. Совершенно прав был уполномоченный правительства СР по урегулированию имущественных споров между греко-католиками и православными Адольф Смолик, отметивший в одном документе тот факт, что «в ходе разработки законоположения, несомненно, не предполагалось, что церкви не договорятся ни в одном из случаев»⁴⁸. Об этом, однако, предупреждал министр культуры Словакии Ладислав Снопко еще на заседании президиума СНС 29 мая 1990 г. Особенно подчеркнув, что не стоит ожидать разрешения проблем между двумя церквями после его принятия, словацкий политик прогнозировал возникновение обратной реакции — эскалации конфликта между сторонами⁴⁹.

46 Ibid. S. 7.

47 *Zákonné opatrenie Predsedníctva Slovenskej národnej rady č. 211/1990 Zb. o usporiadaní majetkových vzťahov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnu cirkvou*. URL: <http://www.zakonypreludi.sk/zz/1990-211/znenie-19900529> (дата обращения: 27.9.2018)

48 SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV SSR/SR. Šk. 844. Č. j. 290/1991. *Správa o riešení problémov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnu cirkvou k 31. decembru 1990*. S. 2.

49 *Zápisnica z 69. schôdze...* S. 5.

Такая перспектива исходила из реального положения вещей, так как не представлялось возможным объединить позиции сторон. Православные выступали против первой статьи, а греко-католическую церковь не устраивали остальные положения данного акта.

Ситуация стала накаляться. Греко-католики постепенно закрыли перед православными 41 храмов, которые до этого совместно использовались обеими церквями. Однако существовало приблизительно такое же количество церквей, которые были закрыты перед униатами уже на протяжении сорока лет. В связи с этим А. Смолик принял за решение проблемы в первую очередь в тех селах, в которых она стояла особенно остро⁵⁰.

Существовало четыре этапа урегулирования имущественных вопросов по каждому отдельно взятому церковному объекту. В первой фазе уполномоченный правительства изучал документы. Вторая стадия заключалась в проведении переговоров о каждом населенном пункте на заседаниях комиссий Областных национальных комитетов⁵¹ в присутствии трех представителей от каждой церкви. На третьем этапе принимались решения, которые осуществлялись на четвертой стадии. Проблема заключалась в том, что именно против реализации этих решений возражали обе церкви.

Православная церковь не хотела подчиниться тем решениям, в соответствии с которыми после сорока лет самостоятельного использования храмы следовало передать греко-католикам. Она вычисляла затраты, вложенные на протяжении десятилетий в реконструкцию данных церковных объектов, поэтому их реституцию она обуславливала возвращением этих средств. Православные «создавали трудности» для реализации предложений Смолика, по которым от них ожидалось проведение богослужений в не предназначенных для этого помещениях — домах культуры, загсах, кинотеатрах, старших школах.

Униаты, в свою очередь, затрудняли осуществление тех решений, которые допускали совместное использование храмов. Речь шла, глав-

50 SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV SSR/SR. Šk. 844. Správa o riešení problémov... S. 3.

51 Национальные комитеты, выполнявшие роль местного управления, были сформированы весной 1945 г. Существовали они до середины 1991 г. Заменяли их районные и областные комитеты в соответствии с законами № 369/1990 об организации населенных пунктов от 6 сентября 1990 г. и № 138/1991 об имуществе населенных пунктов от 20 марта 1991 г.

ным образом, о постепенном закрытии священных объектов перед православными⁵².

Отметим, что существовали и некоторые положительные случаи решения проблем. Достаточно быстро был решен вопрос о запасных помещениях для православной церкви в нескольких восточнословацких городах — Прешове, Бардейове и Кошице. Во всех этих случаях серьезную положительную роль сыграли городские власти, без которых было не достичь таких результатов. В 1990 г. государство предоставило субсидию греко-католической церкви на сумму 8,5 млн чехословацких крон. А православная церковь получила от словацкого правительства 13,4 млн чехословацких крон. Из них православные использовали 3,3 млн крон на ремонт епископской резиденции, 5,9 млн. крон на ремонт здания семинарии и 4,2 млн крон — на ремонт здания православного богословского факультета в Прешове⁵³. Однако речь идет о некоторых частных случаях с государственным участием. В целом проблема не снималась.

Самые большие затруднения для урегулирования этого вопроса создал абзац 3 статьи 2 законоположения № 211/1990 от 29 мая 1990 г. В ходе его обсуждения на заседании президиума СНС ни словацкие политики, ни церковные деятели не заметили данный нюанс. Он устанавливал, что на решения уполномоченного «не распространяются общие нормы об административных правонарушениях»⁵⁴. Таким образом, в случае невыполнения решений православными греко-католическая церковь даже в суде не могла добиваться их реализации согласно закону № 71/1967 об административных правонарушениях от 13 июля 1967 г. Оставалась только возможность обратиться в суд с предложением обязать православную церковь выполнить постановление уполномоченного правительства. Следовательно, судебный вердикт предоставил бы право на арест имущества православной церкви, и суд взял бы на себя ответственность по осуществлению приговора⁵⁵.

52 Ibid. S. 4–5.

53 Ibid. S. 5.

54 *Zákonné opatrenie Predsedníctva SNR č. 211/1990 Zb...* URL: <http://www.zakonypreludi.sk/zz/1990-211/znenie-19900529> (дата обращения: 28.09.2018).

55 SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV SSR/SR. Šk. 863. Č. j. 2722/1991. Správa o riešení problémov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnuou cirkvou v zmysle zákonného opatrenia Predsedníctva SNR č. 211/1990 Zb. k 30. júnu 1991. S. 1.

Как мы видим, возникла следующая ситуация: законоположение позволило уполномоченному правительства принимать решения, за которые ответственность несли судебные инстанции. Поэтому последние не торопились с принятием решений, не желая погрузиться в те вопросы, которые тогда вызывали серьезную напряженность в отношениях двух церквей в Восточной Словакии⁵⁶.

По состоянию на середину 1991 г. в этом регионе сложилось следующее положение: в районных судах в городах Требишов, Гуменне, Михаловце и Бардейов находилось более 30 исков по требованиям исполнения православными решений уполномоченного правительства. Суды по ним приняли совершенно разные вердикты. Во многих случаях они были возвращены греко-католикам с требованием их дополнения. По другим обращениям суды постановили вновь предложить православной церкви соглашения, в которых стороны сформулируют условия временного использования данных объектов, как, например, вход в храм, плата за аренду и прочие сборы. В итоге к середине 1991 г. словацкие судебные инстанции ни в одном случае не приступили к приведению в исполнение постановлений А. Смолика⁵⁷. Во второй половине года ситуация оставалась такой же: «В судах подано более 30 заявлений по поводу исполнения решений, — докладывал Смолик словацкому правительству. — Суды, однако, ищут разные формальности, чтобы задерживать вынесение постановлений по этим вопросам»⁵⁸.

Вряд ли, однако, стоит обвинять словацкие суды в ухудшении обстановки, так как исполнение приговора приводило к серьезной напряженности на местах. Необходимо особенно подчеркнуть тот факт, что все-таки существовало одно решение словацкого суда, которое было реализовано. 23 октября 1991 г. в соответствии с судебным постановлением православная церковь должна была передать униатам храм в г. Медзилаборце. В ходе его исполнения на месте присутствовало 80 полицейских. Оно сопровождалось протестами сотен верующих. Судья А. Лыса за день до этого призвала православную церковь

56 Об этих проблемах см.: *Borza P. Gréckokatolícka cirkev... S. 564.*

57 SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV SSR/SR. Šk. 863. Č. j. 2722/1991. *Správa o riešení problémov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnuou cirkvou... S. 4.*

58 SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV SSR/SR. Šk. 890. Č. j. 4466/1991. *Správa o riešení problémov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnuou cirkvou v zmysle zákonného opatrenia Predsedníctva SNR č. 211/1990 Zb. o usporiadaní majetkových vzťahov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnuou cirkvou, k 31. decembru 1991. S. 7.*

открыть и освободить храм до девяти часов утра 23 октября. В этом случае не понадобились бы никакие меры. Однако на следующий день он был закрыт. Судебному исполнителю пришлось поступить в соответствии с законом, что вызвало протесты в скопившейся перед храмом толпе (приблизительно 250–300 человек). Началась стычка между собравшимися верующими и представителями власти, которая, однако, не привела к тяжелым последствиям: полицейские очистили пространство перед храмом, сделав возможным его передачу униатам⁵⁹. Важно понимать, что, согласно правительственному документу, речь шла о «самом простом случае в Восточной Словакии». В этом городе у каждой конфессии был собственный храм, и, таким образом, было необходимо всего лишь поменять местами верующих⁶⁰. Сложно себе представить, к чему могли привести решения судебных инстанций по всем греко-католическим храмам.

С другой стороны, проблемы создавало и бездействие судов, которое породило уникальную ситуацию. Правительство СР предоставляло субсидии как на ремонты и содержание храмов⁶¹, так и в целом на функционирование православной церкви⁶². В связи с тем, что православная церковь отказалась возвращать униатам храмы в соответствии с решениями А. Смолика, суды штрафовали ее по каждому такому случаю на 5 тыс. крон. Такие штрафы к 31 июню 1991 г. насчитывали сумму, превышавшую 100 тыс. крон⁶³. В Словакии, таким образом, возник замкнутый круг: с одной стороны, государство предоставляло православной церкви финансирование, а с другой — взимало с нее эти финансовые средства в форме штрафов. Тем самым кабинет министров как бы субсидировал невыполнение православной церковью решений уполномоченного правительства.

59 *Borza P.* Gréckokatolícka cirkev... S. 566.

60 SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV SSR/SR. Šk. 890. Č. j. 4466/1991. Správa o riešení problémov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnuou cirkvou... S. 7.

61 В 1990 г. субсидия составила сумму 13,4 млн чехословацких крон, а в бюджете на 1991 г. речь шла уже о 15 млн крон.

62 Прешовская епархия получила за 1990 г. 860 тыс. крон, а Михаловецкая – 396 тыс. крон (*Ibid.* Šk. 844. Č. j. 290/1991, Správa o riešení problémov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnuou cirkvou... S. 5; *Ibid.* Šk. 863. Č. j. 2722/1991, Správa o riešení problémov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnuou cirkvou... S. 3–4).

63 *Ibid.* Šk. 863. Č. j. 2722/1991, Správa o riešení problémov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnuou cirkvou... S. 4.

Данные обстоятельства не могли удовлетворить словацкое правительство. В одном из своих документов Смолик охарактеризовал ситуацию, сложившуюся к 30 июня 1991 г., следующим образом: «Невозможно с одной стороны предоставлять православной церкви субсидии, а с другой стороны терпеть от нее нынешнее поведение». Ее представители направляли письма всем законодательным и правительственным органам ЧСФР, заявляя, что они не признают законоположение № 211/1990 и никогда ему не подчинятся, даже «ценой кровопролития». В адрес представителей государства, в особенности уполномоченного правительства, они направляли «оскорбительные выражения и угрозы». К тому же уже на протяжении всей первой половины 1991 г. они не участвовали в переговорах и не представляли необходимые документы с аргументацией, что на повестку дня ставятся вопросы по тем населенным пунктам, в решении которых православная церковь не заинтересована. Больше всего, однако, Смолика беспокоило то, что она не желала подчиниться его постановлениям, главным образом по переводу имущества в тех селах, в которых проживали униаты⁶⁴.

Во второй половине 1991 г. ситуация совершенно не улучшилась, зато изменились оценки Смолика, которые стали более эмоциональными. Но, с другой стороны, в них уже просматривалось предложение к реальным действиям со стороны правительства: «Реализация решений очень плохая, — информировал он правительство в начале 1992 г. — Православная церковь все еще отказывается принять законоположение № 211/1990, а значит, и распоряжения уполномоченного правительства, изданные на его основе. [...] Она отрицательно относится к любому предложению. Ей удастся тормозить развитие, направленное на умиротворение ситуации в Восточной Словакии». Смолик предложил изменить правительственную политику в данном направлении, так как предыдущая деятельность кабинета министров ни к чему не привела. «Православная церковь ни с чем не соглашается, но, тем не менее, получает от государства субсидии на функционирование, инвестиции, ремонт и зарплаты священникам. Законом она не подчиняется, но нарушает в селах своей деятельностью совместное использование» церковных объектов.

Досталось в этом отчете и правительству — за то, что оно не приступило к более активным действиям. «До сегодняшнего дня государство, пытаясь успокоить обстановку, ничего не сделало. Оно не смогло

64 Ibid. S. 3–4.

даже проконтролировать завышение кадрового состава духовенства. Всем им выплачиваются зарплаты. Таким образом, значительная его часть поощряется за деятельность, в которой превалирует борьба, раздоры, неуважение к законам и нагнетание беспокойства верующих». И даже те действия, которые были предприняты правительством, как, например, попытка перемещения духовных лиц, способствовавших возникновению нетерпимости в населенных пунктах, оказались напрасными и не смогли улучшить положение. «Представители православной церкви не поддержали эти предложения и содействуют упрямым священникам. Как правило, речь идет о приходских священнослужителях, многие из которых были посвящены в сан после прохождения непродолжительных курсов после 1950 г.»⁶⁵.

В связи с этим в начале февраля 1992 г. Смолик предложил словацкому правительству принять конкретные меры по отношению к православной церкви. Одни были одобрены (обсуждение с представителями православной церкви перемещений священников или проведение Министерством культуры контроля использования православными государственными финансовыми средствами), от других кабинет министров отказался. Так, например, министру культуры СР предлагалось, во-первых, рассмотреть «перспективу наложения штрафов на тех священников, которые отрицательным образом влияют на верующих и борются против осуществления» законоположения, и во-вторых, проанализировать «рабочую нагрузку православных духовных лиц» для выдачи зарплаты только тем из них, которые «по объективным критериям» выполняют свою работу⁶⁶.

Такие предложения, в чем-то напоминавшие меры предыдущей власти в области церковной политики, были вполне естественно отвергнуты словацким правительством ввиду того, что духовные лица являлись служащими своих церквей. Поэтому Министерство культуры не могло «напрямую обеспечить финансовые санкции по отношению к тем священнослужителям, которые развивают деструктивную деятельность». Этот вопрос, с позиции данного ведомства, следовало решать только путем «рекомендаций работодателю священников», т. е. Прешовской православной епархии. Однако сотрудники

65 Ibid. Šk. 890. Č. j. 4466/1991. Správa o riešení problémov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnu cirkvou... S. 6–7.

66 Ibid. Návrh opatrení na vykonanie zákonných opatrení Predsedníctva Slovenskej národnej rady č. 211/1990 Zb. o usporiadaní majetkových vzťahov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnu cirkvou. S. 1.

министерства отметили возможность внесения дополнений к закону № 218/1949 об экономическом обеспечении церквей и религиозных общин государством от 14 октября 1949 г. с уже принятыми поправками к нему законом № 16/1990 от 23 января 1990 г. и распоряжением правительства ЧСФР № 578/1990 об упорядочении личной прибыли, предоставляемой служащим церквей и религиозных общин, от 20 декабря 1990 г.

Данное предложение касалось того, чтобы зарплата духовенству православной церкви «соответствовали их рабочей нагрузке или количеству верующих, приходящихся на одного священнослужителя»⁶⁷. Перспектива такой нормы была рекомендована Министерством культуры словацкому правительству «в качестве подходящей аргументации» в ходе разговоров с представителями православной церкви⁶⁸. Все перечисленные в постановлении меры демонстрируют попытку словацкой власти склонить православную церковь к компромиссам.

Таким образом, архивные источники показывают следующую динамику государственной политики в данной области: если в 1990–1991 гг. правительство ограничивалось критикой деятельности православной церкви в своих документах и решением проблем в судебных инстанциях, то уже в начале 1992 г. оно решило действовать. Его мероприятия в данной области были направлены на окончательное урегулирование проблемы, волновавшей восточнословацкое общество на протяжении двух лет. Ввиду того, что проведение в жизнь данного постановления могло бы привести к серьезным последствиям для православной церкви, как и в связи с тем, что правительство этим документом явственно дало понять, что оно не собирается бездейственно смотреть на сложившуюся ситуацию, православная церковь стала более сговорчивой.

С конца февраля до конца марта 1992 г. состоялись четыре встречи между представителями исполнительной власти и православной церкви, итогом которых стало подписание 5 мая 1992 г. соглашения между премьер-министром СР Яном Чарногурским и православным прешовским архиепископом Николаем о постепенной передаче храмов в руки греко-католической церкви в Прешове. В соответствии с ним Прешовская епархия обязалась передать униатам до 31 мая 1992 г. церковные объекты в 30 селах, а до 30 июня того же года церкви в

67 Ibid. S. 2–3; Ibid. Vyjadrenie Ministerstva kultúry SR k Správe o riešení problémov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnuou cirkvou. S. 2–3.

68 Ibid. Výsledky pripomienkového konania. S. 1.

10 населенных пунктах, за что получила от правительства исключительное ассигнование в размере 48 млн крон. Таким образом, за одну церковь, возвращенную православными, словацкое правительство выплатило им 1,2 млн крон. Причем речь шла о незамедлительном переводе греко-католического имущества. Как показывают конкретные примеры в селах Микулашова и Едлинка, православная церковь передавала храмы в тот же самый день, когда на ее банковский счет были начислены данные финансовые средства⁶⁹.

Таким образом, можно сделать заключение, что Прешовская православная епархия не дожидалась окончания строительства своих церквей. Православных беспокоил вопрос о тех помещениях, в которых им в дальнейшем будет позволено проводить богослужения, то есть о выделении правительством финансовых средств для строительства церквей в будущем. Именно это и послужило причиной сопротивления законоположению № 211/1990, которое православная церковь воспринимала как «несправедливость» по отношению к ней⁷⁰.

Тем не менее можно понять и А. Смолика: такие действия православной церкви только усугубляли и до того непростую обстановку в Восточной Словакии между верующими двух конфессий. Однако после подписания упомянутого соглашения практически мгновенно начала меняться ситуация, и, естественно, из всех правительственных документов исчезла критика в адрес православной церкви. Все это имело как объективные предпосылки, так и положительные результаты, которые помогли развитию и греко-католической, и православной церкви.

В результате подписания данного договора начинался третий этап урегулирования имущественных споров между двумя вероисповеданиями. Благодаря соглашению, которое, по утверждению А. Смолика, помогло реализации законоположения № 211/1990, постепенно стабилизировалась ситуация в Восточной Словакии. Несмотря на то, что к концу июля 1992 г. оно было реализован только отчасти,

69 Ibid. Šk. 921. Č. j. 3410/1992. Správa o kontrole použitia finančných prostriedkov uvoľnených pre investičné akcie pravoslávnej cirkvi a návrhu ďalších opatrení; Protokol z výsledku kontroly použitia finančných prostriedkov, uvoľnených pre investičné akcie Pravoslávnej cirkvi v Prešove za obdobie od 1. 1. 1992 do 30. 8. 1992. S. 5–6.

70 Ibid. Šk. 916. Č. j. 2806/1992. Návrh na predĺženie činnosti splnomocnenca vlády SR pre usporiadanie majetkových vzťahov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnu cirkvou na Slovensku. S. 1.

уполномоченный правительством его назвал «существенным вкладом в решение данных проблем»⁷¹.

После смены правительства в Словакии архиепископ Николай отправил 24 июня 1992 г. А. Смолику письмо, в котором говорилось следующее: «Православная Прешовская епархия готова продолжать начавшийся процесс передачи храмов греко-католической церкви. Однако это зависит от того, предоставит ли новое правительство финансовые средства для обеспечения богослужебных помещений православным верующим. Мы просим вас, чтобы вы в качестве уполномоченного проинформировали словацкое правительство о радикальном изменении отношений между греко-католической и православной церквями благодаря реализации соглашения от 5 мая 1992 г. В настоящее время ситуация в отдельных селах уже не столь напряженная, как в прошлом». С точки зрения православного иерарха, «только дальнейшее выполнение условий договора окончательно позволит решить продолжительные проблемы» между двумя конфессиями. «Поэтому лично вам как уполномоченному правительства мы выражаем искреннюю благодарность за затраченные вами усилия по реализации данного соглашения»⁷².

Таким образом, кардинально менялась ситуация и положение верующих в Восточной Словакии. Изменились не только отношения между ними, но и подход православной церкви к представителям словацкой власти. Оценил это изменение и А. Смолик, обратив в одном из документов внимание на то, что «реализация договора от 5 мая 1992 г. благотворно повлияла на процесс урегулирования проблем между греко-католической и православной церквями»⁷³. В связи с этим он предложил кабинету министров продолжить данную политику: «Для максимально возможного снижения риска конфронтации, вытекающей из применения греко-католической церковью имущественных прав посредством выполнения судебных приговоров, необходимо продолжить начавшийся процесс примирительного решения проблемных вопросов, связанных с реализацией законоположения № 211/1990». Поэтому уполномоченный правительства рекомендовал выделить дополнительно 18,5 млн чехословацких крон для Прешовской епархии для передачи православными других храмов униатам.

71 Ibid.

72 Ibid. S. 2.

73 Ibid. Šk. 921. Č. j. 3410/1992. Správa o kontrole použitia finančných prostriedkov... S. 2.

Это позволило бы консолидировать «религиозную обстановку в следующих приблизительно пятнадцати населенных пунктах»⁷⁴. Данное предложение Смолика было одобрено постановлением правительства № 777 от 13 октября 1992 г.⁷⁵

Реализация данного документа позволила окончательно урегулировать проблемы между православными и униатами в Прешовской епархии. После этого во второй половине 1992 г. таким же способом начали решаться вопросы и в Михаловецкой епархии. В итоге к середине 1996 г. исполнительная власть смогла разрешить практически все проблемы с имуществом греко-католиков, поскольку в это время оставалось принять решение только по трем храмам, что было осуществлено постановлением правительства СР № 421 от 11 июня 1996 г.⁷⁶

Ввиду вышеизложенного мы можем согласиться с выводами вице-преьера Й. Калмана: «Словацкая Республика как первое государство в Центрально-Восточной Европе путем урегулирования имущественных отношений между греко-католической и православной церквями успешно и деликатно разрешила сложную и теоретически взрывоопасную задачу по исправлению несправедливостей, допущенных в предыдущий период. Вследствие правильной политики и государственных финансовых компенсаций за переданную недвижимость удалось снизить напряженность и риск возникновения межконфессиональных конфликтов в регионе Восточной Словакии»⁷⁷.

Успешные итоги данной работы положительно воспринимались и за рубежом. В ходе визита в Словакию римский понтифик Иоанн Павел II поддержал данную политику. Высоко ее оценил и генеральный секретарь Конференции европейских церквей Жан Фишер. В 1996 г.

74 Ibid.

75 Ibid. Uznesenie č. 777 z 13. októbra 1992 k správe o kontrole použitia finančných prostriedkov uvoľnených pre investičné akcie pravoslávnej cirkvi a návrhu ďalších opatrení. S. 1.

76 Ibid. F. ÚV SR. Šk. 169. Č. j. 2210/96. Uznesenie vlády Slovenskej republiky č. 421 zo dňa 11. júna 1996 k informácii o usporiadaní majetkových vzťahov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnu cirkvou v zmysle zákonného opatrenia Predsedníctva Slovenskej národnej rady č. 211/1990 Zb. po prijatí Rámcovej dohody. S. 1–2.

77 Ibid. Informácia o usporiadaní majetkových vzťahov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnu cirkvou v zmysle zákonného opatrenia predsedníctva SNR č. 211/1990 Zb. po prijatí Rámcovej dohody. S. 8.

глава Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии митрополит Кирилл (нынешний Святейший Патриарх Московский и всея Руси) поблагодарил словацкое правительство за методы, которыми решалась эта проблема. Высокую оценку этой политике дал в ходе своего визита в Словакию и Святейший Патриарх Алексей II⁷⁸. Сопоставляя словацкую ситуацию с положением православных на Украине, глава Русской православной церкви на встрече со словацким послом Романом Палданом в конце мая 1997 г. указал на словацкую практику. «Словацкое руководство поддерживает строительство храмов для того вероисповедания, у которого на основе реституции было отнято имущество, чем предотвращается эскалация напряженности». По словам Патриарха, его приятно удивило, что во время посещения Прешова его «приветствовали студенты греко-католического богословского факультета, что также свидетельствует о культуре межконфессионального диалога» в Словакии⁷⁹.

Существенный сдвиг, однако, произошел не только в имущественных вопросах между двумя церквями, но и в их взаимоотношениях в целом. Как говорится в правительственном документе, разрешение проблем между ними «можно воспринимать как открытие пространства для включения обеих церквей в различные области общественной жизни» в смысле принятого 20 января 1995 г. программного заявления словацкого правительства⁸⁰. Таким образом, можно сделать заключение о создании кабинетом министров основных предпосылок для проведения в жизнь одной из ключевых задач на 1995–1998 гг. по церковной политике в Словакии уже к середине 1996 г.

78 Ibid.

79 Diplomatický archív Ministerstva zahraničných vecí SR. Fond Zastupiteľský úrad SR v Moskve. Krabica č. 95. Fascikel č. 256-100. Č.j. 3.212/97-PÚ. Záznam o rozhovore z 27. 5. 1997. S. 2; Никитин В. В. Визит Патриарха московского Алексия II в Словакию. Причины и подготовка // Славяноведение. 2017. № 5. С. 70–71.

80 SNA. F. ÚV SR. Šk. 169. Č.j. 2210/96. Informácia o usporiadaní majetkových vzťahov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnuou cirkvou v zmysle zákonného opatrenia predsedníctva SNR č. 211/1990 Zb. po prijatí Rámcovej dohody. S. 8; Programové vyhlásenie vlády Slovenskej republiky. Č.j. 74/1995. S. 63. URL: https://www.nrsr.sk/dl/Browser/DsDocumentVariant?documentVariantId=20170&fileName=nav_0074.pdf&ext=pdf (дата обращения: 29.09.2018).

В целом такой успешный итог в противостоянии двух конфессий в Восточной Словакии стал возможным исключительно благодаря государственной финансовой поддержке двух церквей, что привело к развитию как греко-католицизма, так и православия в Словацкой Республике.

Источники и литература

Slovenský národný archív (SNA). Bratislava.

Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. (1944–1948). Документы из российских архивов. М.: РОССПЭН, 2009. 887 с.

Задорожнюк Э. Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.). М.: Индрик, 2008. 440 с.

Задорожнюк Э. Г. Словацкие католики и чехословацкое государство в послеавгустовское двадцатилетие. 1969–1989 гг. // Наукові праці історичного факультету Запорізького університету. Запоріжжя, 2013. Вип. 32. URL: <http://kniga.seluk.ru/k-bezopasnost/1290854-1-udk-94-2835437-1969-1989-zadorozhnyuk-slovakie-katoliki-chehoslovackoe-gosudarstvo-posleavgustovskoe-dvadcatileti.php> (дата обращения: 28.05.2019).

Задорожнюк Э. Г. Специфика протестных настроений в Словакии в послеавгустовское десятилетие. 1969–1979 гг. // Социальные последствия войн и конфликтов XX в.: Историческая память. Междунар. сб. статей. М., 2013. С. 288–304.

Задорожнюк Э. Г. Чехословацкое государство и словацкие христиане в период нормализации (1969–1989) // Церковь и время. 2013. № 1 (62). С. 138–210.

Из жизни православной церкви за границей // Журнал Московской патриархии. 1950. № 5. С. 18–22.

Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 826 с.

Мурашко Г. П. Судьбы Греко-католической церкви в странах Восточной Европы после Второй мировой войны (Из истории национально-конфессиональных конфликтов) // Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 363–376.

Мурашко Г. П. Греко-католическая церковь в Словакии после Второй мировой войны // *Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв.* СПб.: Алетейя, 2009. С. 393–407.

Никитин В. В. Визит Патриарха московского Алексия II в Словакию. Причины и подготовка // *Славяноведение*. 2017. № 5. С. 69–79.

Borza P. Gréckokatolícka cirkev po roku 1989 // *20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja*. Bratislava: Veda, 2013. S. 560–575.

Kaplan K. Národní fronta 1948–1960. Praha: Academia, 2012. 908 s.

Lipták R. Znovuzrodenie Gréckokatolíckej cirkvi v roku 1968. Prešov: Universum, 2016. 192 s.

Pešek J. Vo funkcii povereníka — predsedu Slovenského úradu pre veci cirkevné // *Gustáv Husák. Moc politiky. Politik moci*. Bratislava: Veda, 2013. S. 403–422.

Pešek J., Barnovský M. V zovretí normalizácie. Cirkvi na Slovensku v rokoch 1969–1989. Bratislava: VEDA, 2004. 230 s.

References

Slovenský národný archív (Bratislava).

Borza, P. “Gréckokatolícka cirkev po roku 1989.” *20 rokov samostatnej Slovenskej republiky. Jedinečnosť a diskontinuita historického vývoja*. Bratislava: Veda, 2013, s. 560–575.

“Iz zhizni pravoslavnoi tserkvi za granitseĭ.” *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*, no. 5, 1950, s. 18–22.

Kaplan, K. *Národní fronta 1948–1960*. Praha: Academia, 2012, 908 s.

Lipták, R. *Znovuzrodenie Gréckokatolíckej cirkvi v roku 1968*. Prešov: Universum, 2016, 192 s.

Moskva i Vostochnaia Evropa. Vlast' i tserkov' v period obshchestvennykh transformatsii 40-50-kh godov XX veka. Ocherki istorii. Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. Yel'tsina, 2008, 826 s.

Murashko, G. P. “Sud'by Greko-katolicheskoi tserkvi v stranakh Vostochnoi Evropy posle Vtoroi mirovoi voyny (Iz istorii natsional'no-konfessional'nykh konfliktov).” *Gosudarstvo i tserkov' v XX veke. Ėvoliutsia vzaimootnosheniĭ, politicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty. Opyt Rossii i Evropy*. Moscow: Knizhnyi dom LIBROKOM, 2011, s. 363–376.

Murashko, G. P. “Greko-katolicheskaya tserkov' v Slovakiĭ posle Vtoroi mirovoi voyny.” *Sredniaia Evropa. Problemy mezhdunarodnykh i mezhnatsional'nykh otnosheniĭ XII–XX vv.* Saint Petersburg: Aleteĭia, 2009, s. 393–407.

Nikitin, V. V. "Vizit Patriarkha moskovskogo Aleksiiia II v Slovakiu. Prichiny i podgotovka." *Slavianovedenie*, no. 5, 2017, s. 69–79.

Pešek, J. "Vo funkcii poverenika — predsedu Slovenského úradu pre veci cirkevné." *Gustáv Husák. Moc politiky. Politik moci*. Bratislava: Veda, 2013, s. 403–422.

Pešek, J., and Barnovský, M. *V zovretí normalizácie. Cirkvi na Slovensku v rokoch 1969–1989*. Bratislava: VEDA, 2004, 230 s.

Vlast' i tserkov' v Vostochnoi' Evrope. 1944–1953. T. 1. (1944–1948). Dokumenty iz rossiiskikh arkhivov. Moscow: ROSSPEN, 2009, 887 s.

Zadorozhniuk, E. G. "Chekhoslovatskoe gosudarstvo i slovatskie khristiane v period normalizatsii (1969–1989)." *Tserkov' i vremia*. № 1 (62), 2013, s. 138–210.

Zadorozhnyuk, E. G. *Ot krusheniia Prazhskoi vesny k triumfu «barkhatnoi» revoliutsii. Iz istorii oppozitsionnogo dvizheniia v Chekhoslovakii (avgust 1968 — noiabr' 1989 g.)*. Moscow: Indrik, 2008, 440 s.

Zadorozhniuk, E. G. "Slovatskie katoliki i chekhoslovatskoe gosudarstvo v posleavgustovskoe dvadtsatiletie. 1969–1989 gg." *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu*, no. 32, 2013. URL: <http://kniga.seluk.ru/k-bezopasnost/1290854-1-udk-94-2835437-1969-1989-zadorozhnyuk-slovackie-katoliki-chehoslovackoe-gosudarstvo-posleavgustovskoe-dvadcatileti.php> (accessed 28.05.2019)

Zadorozhniuk, E. G. "Spetsifika protestnykh nastroeniï v Slovakiï v posleavgustovskoe desiatiletie. 1969–1979 gg." *Sotsial'nye posledstviia voïn i konfliktov XX v.: Istoricheskaia pamiat'. Mezhdunarodnyi sbornik statei*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2013, s. 288–304.

Viktor V. Nikitin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Slovak State policy aimed to resolving problems
between Greek Catholics and Orthodox (1990–1996)

The article, on the basis of the archival sources used for the first time, dwells upon the very difficult issue of the final settlement of problems between the Greek Catholics and the Orthodox in Eastern Slovakia (1990–1996). The causes of the conflict between the two confessions are shown. After the dissolution of the Greek Catholic Church at the end of April 1950, on February 13, 1952, a resolution was passed in Czechoslovakia on the transfer of real estate to the Greek Catholic Orthodox Church. This issue could be resolved only after the "velvet" revolution. At the first stage of the settlement, the basics of the so-called Statute of the Presidium of the Slovak National Council No. 211/1990. However,

this document did not contribute to the resolution of problems, rather the opposite. At the next stage, the situation began to heat up: Greek Catholics closed 41 churches for the Orthodox, however, the same number of churches had been closed in front of the Uniates during the forty previous years. Neither court decisions nor the activities of the Commissioner of the Government of the Slovak Republic for the settlement of property disputes between Greek Catholics and the Orthodox Adolf Smolik could resolve the situation. The third stage began in May 1992, when an agreement was concluded between the Slovak government and the Prešov Orthodox Diocese. On its basis, the Orthodox Church was to transfer the temples to the Greek Catholics, for which it was entitled to compensation in the amount of 1.5 million crowns. Thanks to this, the Uniates returned their churches, and the Orthodox Church was able to build forty new Orthodox churches, which led to the final settlement of problems between the two confessions.

Keywords: *church policy, government policy, Greek Catholic Church, Orthodox Church, Czechoslovakia, the Slovak Republic.*

Согласование плана мирного урегулирования Вэнса-Оуэна в 1992–1993 гг.

Статья освещает процесс взаимодействия Союзной Республики Югославии (СРЮ) и Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ) в 1992–1993 гг. в рамках согласования плана Вэнса-Оуэна по мирному урегулированию конфликта в Боснии и Герцеговине. Ключевой задачей СРЮ в этот период являлось снятие с республики международных санкций, подрывавших экономику и международные связи страны. С этой целью президент Сербии С. Милошевич, фактически руководивший Югославией, ввел в руководство СРЮ компромиссные фигуры известного писателя Д. Чосича, занявшего пост президента страны, и американского бизнесмена сербского происхождения М. Панича, ставшего премьер-министром. Их присутствие должно было способствовать успешному исходу переговоров Белграда с МКБЮ и другими субъектами международного сообщества. В этом ключе основное внимание уделяется аспекту выстраивания отношений между руководителями СРЮ Д. Чосичем и С. Милошевичем, с одной стороны, и сопредседателями МКБЮ Д. Оуэном и С. Вэнсом, с другой. В ходе длительных переговоров их позиции вокруг мирного плана по урегулированию в Боснии и Герцеговине постепенно сблизились. Это, однако, не спасло план от провала в связи с тем, что значительная часть руководства боснийских сербов выступила против него. Тем не менее, налаженный контакт между Белградом и МКБЮ позволил сторонам найти взаимопонимание в ходе дальнейших переговоров.

Ключевые слова: *план Вэнса-Оуэна, распад Югославии, война в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг., Международная конференция по бывшей Югославии, Слободан Милошевич.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.1.12

18 марта 1992 г. лидеры трех враждующих этнических общин Боснии и Герцеговины (БиГ) — Алия Изетбегович, Мате Бобан и Радован Караджич — подписали так называемое Лиссабонское согла-

шение. Соглашение было основано на составленном сопредседателем координационного совета Конференции Европейского сообщества по Югославии лордом Питером Карингтоном и португальским дипломатом Жозе Кутильеро плане мирного урегулирования и подразумевало деление страны на кантоны по этническому принципу. В ходе переговоров в феврале — марте 1992 г. план в конце концов был поддержан всеми тремя сторонами, однако уже 28 марта лидер боснийских мусульман А. Изетбегович отозвал свою подпись. Это решение наряду с другими факторами стало причиной разросшегося в БиГ конфликта между тремя сторонами. Именно после срыва переговоров вокруг плана Карингтона-Кутильеро война стала неизбежной.

Следующим по хронологии значимым шагом в ряду международных планов и инициатив по мирному урегулированию в Боснии и Герцеговине стал переговорный процесс в рамках согласования плана Вэнса-Оуэна. Эта проблематика довольно активно освещалась в историографии последних 20 лет. Уже к концу 1990-х гг. был опубликован ряд значимых работ отечественных исследователей по данной теме, среди которых стоит выделить К. В. Никифорова¹ и Г. Н. Энгельгардта². Оба автора затрагивали проблемы мирного урегулирования в БиГ в 1992–1993 гг. и переговоров по плану Вэнса-Оуэна, однако в основном в рамках рассмотрения миротворческого процесса на Балканах в более поздние периоды. Более детально этот вопрос разработала Е. Ю. Гуськова³, осветив основные вехи переговорного процесса по плану Вэнса-Оуэна, а основную вину за его провал возложив на администрацию США.

В рамках своих исследований к вопросам мирных инициатив в БиГ обращались и западные исследователи, среди которых стоит выделить Л. Силбер⁴, М. Гленни⁵, С. Брендана⁶ и Л. Селла⁷. При этом

1 *Никифоров К. В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999.

2 *Энгельгардт Г. Н.* Республика Сербская по Дейтонским соглашениям // *Славяноведение*. 1997. № 3. С. 76–84.

3 *Гуськова Е. Ю.* История Югославского кризиса (1990–2000). М., 2001.

4 *Silber L.* Yugoslavia: Death of a Nation. New York, 1997.

5 *Glenny M.* The Fall of Yugoslavia. New York, 1996.

6 *Brendan S.* Unfinest Hour: Britain and the Destruction of Bosnia. London, 2001.

7 *Sell L.* Slobodan Milosevic and the Destruction of Yugoslavia. Durham, NC, 2002.

если Брендан, поддерживая популярную в западной историографии парадигму, представляет лишь сербов как единственных виновников конфликта, укоряя европейских дипломатов за нерешительность и противопоставляя их жесткой руке Вашингтона, то Силбер, Гленни и Селл проводят более взвешенный анализ событий, концентрируясь, в том числе, и на внутренних причинах войны в БиГ.

Разумеется, определенное внимание переговорному процессу в рамках урегулирования в БиГ уделяли и сербские историки. Здесь стоит упомянуть работы Л. Булатович⁸, Ж. Ковачевича⁹, Ч. Загораца¹⁰, носящие, правда, в основном апологетический просербский характер. Прямую противоположность такому подходу представляют труды (в рамках сборников документов) С. Бисерко¹¹ и В. Петровича¹², выступивших с резкой критикой «сербского национализма».

Ряд аспектов, однако, остался за пределами внимания исследователей. Так, представляется любопытным процесс поиска взаимопонимания в ходе переговоров по согласованию плана Вэнса-Оуэна между руководством непосредственно Союзной Республики Югославия (СРЮ), с одной стороны, и Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ), с другой. Интересно рассмотреть, каким образом СРЮ, оказавшись под сильнейшим международным давлением, искала пути выхода из сложившейся ситуации, а также каким образом руководители МКБЮ в рамках лавирования между европейскими лидерами, ООН и США выстраивали свое взаимодействие с Югославией.

После провала мартовских переговоров 1992 г. в БиГ начались полномасштабные боевые действия, сопровождавшиеся этническими чистками и, как следствие, ухудшением гуманитарной ситуации в регионе. Эти события вынудили Европейское сообщество действовать более активно.

Еще в августе 1991 г. на фоне обострявшейся в Югославии обстановки ЕС учредило Конференцию по Югославии. Помимо пред-

8 Булатович Л. Генерал Младич — военный преступник? М., 1998.

9 Kovačević T. Amerika i raspad Jugoslavije. Beograd, 2007.

10 Đuro Z. Dr Radovan Karadžić: fanatik srpske ideje. Beograd, 2008.

11 Kovanje antijugoslovenske zavere / Ur. i prir. Biserko S. Beograd, 2006. Knj. 1–2.

12 Srpske političke elite i Vens — Ovenov plan / Prir. V. Petrović. Beograd, 2010. T. 1; Srpske političke elite i Vens — Ovenov plan / Prir. V. Petrović. Beograd, 2011. T. 2.

ставителей Европейского сообщества, в работе структуры принимали участие специалисты из Организации Объединенных Наций (ООН), Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), а также Организации исламская конференция (ОИК). Конференция ЕС по Югославии занималась мониторингом обстановки в стране, предоставляя ее руководству рекомендации. В свою очередь, сопредседателями Конференции становились представитель Генерального секретаря ООН и представитель страны, председательствующей в ЕС, — на тот момент Великобритании. В августе 1992 г. во время заседания в Лондоне Конференция была переименована в Международную конференцию по бывшей Югославии и преобразована в постоянно действующий орган, ставший основным инструментом осуществления переговоров и налаживания процесса мирного урегулирования в регионе. Работа Конференции обеспечивалась Исполнительным комитетом, состоявшим из представителей ООН и других международных организаций, рабочими группами, а также Секретариатом МКБЮ в Женеве¹³.

В свою очередь, тогда же на посту сопредседателя от ЕС Питера Карингтона сменил известный британский политик, бывший министр иностранных дел Великобритании Дэвид Оуэн¹⁴. В этой должности вместе со своим американским коллегой, спецпредставителем Генерального секретаря ООН, бывшим госсекретарем США Сайрусом Вэнсом Оуэн начал работу над процессом мирного урегулирования конфликтов на территории бывшей Югославии.

Серьезные изменения произошли и в руководстве Югославии. Во-первых, 27 апреля 1992 г. была обнародована конституция Союзной Республики Югославии, согласно которой последняя отныне состояла из Сербии и Черногории, отказывалась от территориальных претензий к другим бывшим союзным республикам и принимала на себя все обязательства и договоры прекратившей свое существование Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ). Во-вторых, 30 мая 1992 г. резолюцией № 757 Совет Безопасности ООН ввел против Югославии жесткие санкции, прежде всего экономического характера. Санкции тяжелой ношей легли на Югославию, и их отмена стояла в политической повестке дня Белграда вплоть до 1996 г.

13 International Conference on the Former Yugoslavia (ICFY) // United Nations Archives. URL: <https://search.archives.un.org/international-conference-on-former-yugoslavia-icfy> (accessed: 15.04.2019).

14 Owen D. *Balkan Odyssey*. New York, 1997. P. 24.

Пост президента новообразованной Союзной Республики Югославии президент Сербии Слободан Милошевич предложил хорошо известному на Западе сербскому писателю-диссиденту Добрице Чосичу¹⁵. После некоторых уговоров последний согласился, и 15 июня 1992 г. Союзная скупщина (парламент) утвердила Д. Чосича президентом СРЮ. Премьер-министром страны было предложено стать американскому бизнесмену сербского происхождения Милану Паничу¹⁶.

Выбор пал на Чосича не случайно. Помимо признания на Западе, он был популярен в Сербии, особенно в среде национально-патриотически настроенной интеллигенции, где его часто называли «отцом сербской нации». В этом ключе его фигура могла бы оказывать значительное влияние на лидера боснийских сербов Радована Караджича, послужив Белграду дополнительным рычагом воздействия на ситуацию в Боснии и Герцеговине. К тому же с выдвиганием на передний внешнеполитический план президента Чосича Милошевич дистанцировался от возможных непопулярных решений по боснийскому вопросу, продолжая в то же время играть ключевую роль в формировании курса внешней политики Югославии¹⁷. Помимо всего прочего, приход Д. Чосича и М. Панича во властные структуры страны должен был способствовать смене имиджа СРЮ в мире, стать базой для налаживания отношений между Югославией, с одной стороны, и ЕС и ООН, взявшими на себя роль посредников в разрешении конфликтов на Балканах, с другой. Д. Оуэн в своих воспоминаниях прямо заявляет, что МКБЮ возлагала большие надежды на Д. Чосича, рассчитывая, что последний сможет взять на себя активную роль в определении внешней политики Белграда и даже в перспективе побороться с С. Милошевичем за пост президента Сербии на осенних выборах¹⁸.

Изначально в решении боснийской проблемы президент Чосич избрал однозначную и в то же время гибкую позицию: СРЮ не готова признать БиГ без автономии сербов, однако будет прикладывать все усилия для мирного разрешения конфликта и прекращения огня¹⁹.

15 *Bulatović M.* Pravila čutanja. Niš, 2004. S. 87.

16 *Ibid.* S. 119.

17 *Owen D.* Balkan Odyssey. P. 51.

18 *Ibid.*

19 *Чосич Д.* Заметки писателя и президента СР Югославии 1992–1993 / Пер. с серб. И. Чароты. Сергиев Посад, 2012. С. 107.

Такая позиция отразилась и в договоренностях между Д. Чосичем и президентом Республики Сербской (РС), лидером боснийских сербов Радованом Караджичем в июле 1992 г. Так, ими было принято решение предложить конфликтующим сторонам в Боснии создать «трехсторонний комитет по прекращению огня и установлению мира», пригласив в него бывшего соратника президента Изетбеговича, Адила Зульфикарпашича, занимавшего умеренные позиции. Кроме этого, предлагалось закрепить за осажденной боснийскими сербами столицей БиГ Сараево «особый статус», а также начать предпринимать меры по выполнению требований Совета Безопасности ООН о прекращении огня²⁰.

В рамках подготовки к заседанию Международной конференции по бывшей Югославии в Лондоне, намеченному на конец августа 1992 г., руководство СРЮ провело консультации с Караджичем. Было достигнуто взаимопонимание в вопросах уважения внешних границ БиГ, отстаивания позиций по утверждению в стране конфедеративного строя, прекращения этнических чисток и содействия процессу возвращения беженцев, а также обеспечения свободного передвижения гуманитарных конвоев²¹. Очевидно, на этом этапе СРЮ могла вести переговоры по боснийскому кризису при полной поддержке ее позиций руководством боснийских сербов, что придавало решениям союзного правительства дополнительный политический вес.

Однако сама Лондонская конференция вскрыла прямые противоречия в позициях МКБЮ и Югославии. Одним из ключевых являлось признание Союзной Республики Югославии. Еще при подготовке конференции М. Панич заявил одному из организаторов мероприятия, лорду П. Карингтону, что делегация из Белграда будет присутствовать в Лондоне в качестве представителей СРЮ. Однако Карингтон с такой позицией не согласился, заявив, что видит присутствие премьер-министра и президента Югославии в Лондоне исключительно в качестве гостей, а остальных членов делегации — как представителей Сербии и Черногории²². Предложения и письма Чосича членам Совета Безопасности ООН с просьбой признать СРЮ²³ остались неуслышанными. Еще одним серьезным камнем преткновения стали обвинения Сербии и Черногории в агрессии против Боснии и Герцеговины, открыто про-

20 Там же. С. 109.

21 Там же. С. 134.

22 Там же. С. 126.

23 Там же. С. 123.

звучавшие из уст представителей ЕС и ООН во время очередного заседания конференции. В знак протеста делегация Югославии покинула зал и вернулась лишь благодаря уговорам российских дипломатов А.В. Козырева и В. И. Чуркина²⁴.

Тем не менее в сентябре 1992 г. сопредседатели МКБЮ предприняли свою первую поездку в Белград, в ходе которой, как отмечал Оуэн, смогли установить тесный деловой контакт с Чосичем, ставший опорой для дальнейшего сотрудничества с союзным руководством²⁵. Первые значимые результаты такого сотрудничества вскоре дали о себе знать: уже в конце сентября при посредничестве МКБЮ в Женеве прошли переговоры президента СРЮ Д. Чосича и президента Хорватии Ф. Туджмана, закончившиеся подписанием 30 сентября «Декларации Чосича-Туджмана», урегулировавшей хорватско-югославский конфликт вокруг полуострова Превлака²⁶.

Параллельно в октябре 1992 г. в МКБЮ начинается активное обсуждение планов по мирному урегулированию в Боснии и Герцеговине. 4 октября 1992 г. сопредседатели МКБЮ Дэвид Оуэн и Сайрус Вэнс получили от главы рабочей группы ООН по урегулированию конфликта в Боснии и Герцеговине, финского дипломата Мартти Ахтисаари, документ с пятью различными опциями существования или разделения БиГ, разработанный специалистами этой группы. Один из вариантов предполагал устройство Боснии и Герцеговины в виде «централизованной федерации»²⁷, состоящей из десяти национальных кантонов. Именно он и был взят С. Вэнсом и Д. Оуэном за основу плана мирного урегулирования²⁸. Здесь стоит подчеркнуть, что причиной такого решения во многом стала принятая МКБЮ в качестве базиса мирного урегулирования генеральная линия на сохранение территориальной целостности Боснии и Герцеговины и отказ от конфедеративной модели²⁹.

Перед началом полноценных обсуждений мирного плана были проведены первые консультации с заинтересованными сторонами.

24 Там же. С. 139.

25 *Owen D. Balkan Odyssey*. P. 46.

26 *Ibid.* P. 54.

27 Сам Д. Оуэн отмечал противоречивость такой формулировки, представленной ему специалистами рабочей группы, позднее перейдя к термину «децентрализованное государство».

28 *Owen D. Balkan Odyssey*. P. 62.

29 *Ibid.*

В своей базовой версии проект был представлен президенту СРЮ Д. Чосичу, который воспринял его довольно скептически, хотя и выразил готовность работать над любыми мирными предложениями³⁰. Реакция Р. Караджича была неоднозначной: он в целом поддержал инициативу, однако выразил несогласие с разделением БиГ на десять кантонов, а также с централизованным управлением армией, внешней и монетарной политикой. В то же время предложение МКБЮ было с энтузиазмом встречено министром иностранных дел БиГ Х. Силайджичем³¹. При этом активную поддержку своим инициативам сопредседатели МКБЮ нашли у такого важного регионального игрока, как Греция: премьер-министр Константинос Мицотакис выразил полное согласие с планом и готовность встретиться с Милошевичем для его обсуждения³².

После предварительной подготовки и доработки план Вэнса и Оуэна был представлен 2 января 1993 г. в Женеве главам пяти делегаций: Мате Бобану от хорватских сербов, Франьо Туджману от Хорватии, Алие Изетбеговичу от боснийских мусульман, Радовану Караджичу от боснийских сербов, Добрице Чосичу от Союзной Республики Югославии³³. План состоял из трех частей, содержавших основные положения устройства и организации мирной жизни в БиГ.

Во-первых, определялись конституционные принципы. БиГ объявлялась децентрализованным государством с широкой автономией провинций. При этом руководство, как местное, так и общегосударственное, должно было избираться на демократических выборах; предусматривался механизм решения споров между как локальными, так и центральными правительствами. Сараево объявлялось свободным городом.

Во-вторых, были определены основные положения демилитаризации. В течение 72 часов стороны обязывались прекратить огонь. Подразумевался отвод тяжелых вооружений от Сараево и других конфликтных зон, а также их полная демилитаризация. Подчеркивалось, что войска должны быть расформированы по возвращении их в обозначенные провинции в течение 45 дней.

Наиболее важной и спорной частью плана являлись карты разделения национальных провинций, составленные С. Вэнсом и Д. Оуэном.

30 Чосич Д. Заметки писателя... С. 185.

31 Owen D. Balkan Odyssey. P. 63.

32 Ibid. P. 71.

33 Ibid. P. 89.

Собственно, их и нельзя назвать национальными, как подчеркивал сам Д. Оуэн, однако в тех или иных районах по численности преобладала одна из трех национальностей БиГ. Ключевой особенностью здесь являлась несвязанность многих национальных, и в частности сербских, кантонов между собой. Помимо карт, эта часть плана подразумевала решение ряда вопросов государственного устройства. Центральное правительство должно было состоять из девяти членов (по три от каждой стороны), которые принимали бы решения на основании консенсуса. Мультиэтничные региональные правительства должны были отражать интересы всех групп, населяющих регион, в равной мере. Последствия этнических чисток ликвидировались, вынужденные переселенцы возвращались в свои дома. Для восстановления властных структур, банковской системы, телекоммуникаций и гражданской авиации необходимо было вновь создать соответствующие государственные институты³⁴. Важно отметить, что Сараево переходило бы в соответствии с планом под протекторат ООН³⁵. Целью установления такого протектората являлось недопущение этнических чисток в самом городе, сохранение его многонационального облика.

Последовавшая реакция на представленный план была обусловлена важными для Югославии внешне- и внутривосточными событиями. Во-первых, незадолго до обсуждений в Женеве президент СРЮ Д. Чосич провел ряд важных встреч с участниками переговоров. Так, в ходе встречи с международными посредниками от МКБЮ Д. Оуэном и С. Вэнсом ему была довольно четко обозначена позиция по отношению к СРЮ: если она не согласится на мирный план и не повлияет на Р. Караджича с целью склонить и его к согласию, то Югославию ожидает бомбардировка всех коммуникаций, связывающих ее с БиГ, а боснийских сербов — нападение сил международной коалиции на их позиции и уничтожение мостов на Дрине³⁶. Для руководства СРЮ стало очевидным, что МКБЮ в этом вопросе заняла предельно жесткую позицию. В свою очередь, встреча Д. Чосича с президентом Хорватии Ф. Туджманом, с которым у руководства СРЮ со времени подписания совместной декларации и ряда встреч в октябре был налажен диалог, вскрыла явные противоречия между позицией МКБЮ, с одной стороны, и позицией Белграда и Загреба, с другой. Оба президента сошлись во мнении о необходимости отста-

34 Ibid. P. 89–90.

35 *Энгельгардт Г. Н.* Республика Сербская... С. 77.

36 *Чосич Д.* Заметки писателя... С. 211.

ивания идеи о трехсоставной конфедерации БиГ³⁷, в рамках которой возможно удовлетворение национальных и политических требований боснийских сербов и хорватов.

Во-вторых, важные события произошли и в самой Югославии: в Союзной скупщине был выражен вотум недоверия правительству Милана Панича, а сам он отправлен в отставку³⁸. Такая потеря стала серьезным ударом по позициям президента СРЮ, лишив его определенной опоры при принятии внешнеполитических решений. Разгоревшийся конфликт в Югославии между союзным руководством и С. Милошевичем не способствовал укреплению международных позиций СРЮ. Все эти обстоятельства Чосичу так или иначе приходилось учитывать в ходе дальнейших переговоров.

И действительно, позиция президента СРЮ, изначально довольно скептически относившегося к плану, под давлением событий становилась более гибкой, что можно наблюдать уже в ходе двух первых раундов переговоров. Подчеркнув, что необходимо избежать интернационализации конфликта и военной интервенции, президент Союзной Республики Югославии согласился на любое решение, к которому стороны придут во время обсуждения плана Вэнса-Оуэна³⁹. Таким образом Д. Чосич, очевидно, попытался частично дистанцировать СРЮ от переговорного процесса. Эта линия поведения, как мы увидим позднее, в ходе переговоров с МКБЮ активно эксплуатировалась и Милошевичем.

Ситуация тем временем усложнялась. Р. Караджич, не отказавшись, правда, от переговоров, сам план отверг. А уже 9 января последовал ультиматум от председателя совета министров Европейского сообщества Д. Йенсена: если СРЮ не заявит о принятии плана Вэнса-Оуэна, ее ждут еще более жесткие санкционные меры экономического характера — вплоть до полной изоляции⁴⁰.

Отказ Р. Караджича от плана в значительной степени обусловлен следующими ключевыми факторами. Во-первых, в соответствии с предложением Вэнса и Оуэна получалось, что 48% сербов оставались вне четырех сербских кантонов, что для руководства Республики Сербской было совершенно недопустимо⁴¹. Во-вторых, согласно пла-

37 Там же. С. 213.

38 Там же. С. 214.

39 Там же. С. 215.

40 Там же. С. 223.

41 Там же. С. 216.

ну, сербам выделялись наименее развитые территории. По данным, которые приводит К. В. Никифоров, из 31,7 млрд долл. — так оценивалось имущество БиГ — лишь около 6 млрд долларов переходило бы сербам, при том что доля сербского населения на территории БиГ на тот момент достигала почти 50%⁴². В-третьих, план Вэнса-Оуэна подразумевал географическое разделение сербских территорий, в то время как еще в начале 1992 г. войска Республики Сербской захватили около 70% территории страны, соединив северо-западную и восточную части занятых земель в районе города Брчко так называемым Посавинским коридором. Ликвидация такой территориальной «связки» была неприемлема для руководителей РС. Стоит оговорить, что расширение этого коридора (его ширина в наименьшей точке составляла всего 5 км), а также обеспечение его безопасности оставались для боснийских сербов важнейшей задачей на протяжении всей войны⁴³.

На фоне этих событий Слободан Милошевич со значительным перевесом одержал победу над Миланом Паничем на выборах президента Сербии. Для западных лидеров стала очевидной необходимость привлечь Милошевича к переговорам. С. Вэнс и Д. Оуэн потребовали от Д. Чосича на следующий раунд переговорного процесса привезти С. Милошевича и президента Черногории Момира Булатовича⁴⁴. Как писал сам Оуэн, они с Вэнсом посчитали, что после выборов Милошевич будет вести себя смелее в отношении мирных инициатив и сможет оказать большее давление на Караджича, нежели Чосич, политический авторитет которого падал день ото дня⁴⁵. В дальнейшем президент СРЮ оставался значимой политической фигурой лишь в формате переговоров.

На фоне ультиматумов и переговоров по плану Вэнса-Оуэна позиции президента Сербии и президента СРЮ начали сближаться. Это проявилось в ходе дискуссии 9 января 1993 г. между представителями союзного и республиканских правительств, с одной стороны, и правительств Республики Сербской и Республики Сербская Краина (РСК), с другой. Р. Караджич и представители РСК на этой встрече предложили план не принимать, посредничество МКБЮ, как носящее антисербский характер, отвергнуть и, продолжая переговоры,

42 *Никифоров К. В.* Между Кремлем... С. 28.

43 Там же. С. 15.

44 *Owen D.* *Balkan Odyssey.* P. 91.

45 *Ibid.*

задействовать Югославскую народную армию (ЮНА) для решения назревших проблем. Такую крайне нереалистичную политику резко отвергли и Д. Чосич, и С. Милошевич⁴⁶. Споры продолжились в Женеве в ходе второго раунда переговоров 10–12 января. Так и не придя к согласию, руководители сербских республик в формате переговоров де-факто разделились. Оформил этот раскол Д. Чосич, в присутствии других делегаций официально заявивший, что СРЮ принимает основные принципы и карты мирного плана, и выразивший несогласие с делегацией Республики Сербской⁴⁷. Для СРЮ в этот момент назрела новая внешнеполитическая повестка — ради смягчения или отмены санкций заставить боснийских сербов подписать и соблюдать базовое соглашение по плану Вэнса-Оуэна.

Тем не менее от дальнейших переговоров Караджич в очередной раз не отказался. Скупщина Республики Сербской, хотя и высказалась резко против составленных МКБЮ карт, условно приняла предложения Вэнса и Оуэна, дав Караджичу отмашку продолжать переговоры⁴⁸. К тому же, как отмечали Вэнс и Оуэн, с появлением на переговорах Милошевича Караджич стал более сговорчив и по крайней мере пошел на контакт⁴⁹.

Начало переговоров практически совпало с инаугурацией новоизбранного президента США Билла Клинтона 20 января 1993 г., и Вашингтон вскоре стал проявлять повышенный интерес к югославскому кризису. МКБЮ было известно отрицательное отношение администрации Клинтона к плану Вэнса-Оуэна: она в него не верила и обвиняла сопредседателей МКБЮ в покрывании этнических чисток. Также, по мнению Оуэна, государственному секретарю США Уоррену Кристоферу не нравилось превалирование МКБЮ в вопросах мирного урегулирования в БиГ, и тем более Вашингтон не был готов поддержать «чужой» план военным путем, как это подразумевали сопредседатели⁵⁰. Конфликт с администрацией Клинтона вошел в открытую фазу, когда У. Кристофер официально заявил о своих сомнениях касательно эффективности и возможности подписания плана Вэнса-Оуэна⁵¹.

46 Чосич Д. Заметки писателя... С. 223–227.

47 Там же. С. 230.

48 Srpske političke elite... Т. 1. С. 189.

49 Owen D. Balkan Odyssey. P. 105.

50 Ibid. P. 184.

51 Ibid. P. 101.

С оглядкой на Вашингтон план не торопился подписывать и Алия Изетбегович, который надеялся выторговать для мусульман нечто большее, чем три национальные провинции. Как отмечает Д. Оуэн, это обстоятельство также обусловило позицию лидера боснийских сербов: отсутствие подписи Изетбеговича под планом избавляло Караджича от последних сомнений в необходимости отказа от него⁵².

США тем временем стали открыто навязывать свою позицию международным посредникам. 1 февраля сопредседатели МКБЮ провели закрытые переговоры с У. Кристофером, в ходе которых надеялись все же привлечь его на свою сторону, указав на очевидные, по их мнению, достоинства плана относительно обеспечения безопасности мирного населения и административного деления БиГ. В итоге государственный секретарь даже заявил Вэнсу и Оуэну, что «эта встреча просветила» его, обещав оказать поддержку плану и выразив желание работать вместе с МКБЮ. Однако уже через несколько часов в ходе пресс-конференции он фактически подтвердил свою прежнюю позицию, подчеркнув «неоднозначное» отношение к плану⁵³. Попытка Вашингтона навязать свою игру прослеживалась и в ряде критических публикаций в американских СМИ. Так, *The New York Times* в своей статье от 4 февраля «США не будут заставлять мусульман принять план мирного урегулирования по Боснии» осветило прошедшую встречу Клинтона со своими советниками по национальной безопасности, на которой рассматривался вопрос об «альтернативных» вариантах мирного урегулирования, в том числе предполагающих активизацию роли США в переговорах и предложение ими более «приемлемой для мусульман инициативы»⁵⁴.

Не желая вступать в открытый конфликт с администрацией Клинтона, сопредседатели МКБЮ пошли на некоторые территориальные уступки мусульманам в рамках мирного плана, которые, по их замыслу, могли бы вовлечь американцев в переговоры. Ключевые изменения касались упомянутого жизненно важного для сербов Посавинского коридора, который был значительно сужен. Также была расширена площадь мусульманских территорий в провинции Бихач⁵⁵.

52 Ibid. P. 104.

53 Ibid. P. 107.

54 *Friedman Th. L.* U.S. will not push Muslims to accept Bosnia peace plan // *The New York Times*. 04 Feb 1993.

55 *Owen D.* *Balkan Odyssey*. P. 117.

Такие корректировки возымели эффект. Уже 10 февраля У. Кристофер объявил о принятии администрацией США новой стратегии в реализации плана Вэнса-Оуэна⁵⁶. США объявили об отказе от «жесткого» подхода к мирному процессу, приветствовав план Вэнса и Оуэна, а также назначили своего посланника на переговоры. Так, создав определенный шумовой фон и угрожая сорвать переговоры, администрация США «вклинилась» в переговорный процесс.

Для обсуждения корректировки плана в духе американских предложений были назначены переговоры в Нью-Йорке. От сербской стороны на них присутствовали Р. Караджич и министр иностранных дел СРЮ В. Йованович. Как и ожидалось, новые корректировки плана вызвали негодование у лидера боснийских сербов, пожелавшего даже покинуть переговоры⁵⁷. В связи с этим Д. Чосич поставил В. Йовановичу задачу любой ценой удержать Караджича в Нью-Йорке. Срыв этих переговоров по вине сербской стороны мог бы раскрутить новый маховик санкций, еще более жестких, чем те, под которыми уже находилась Союзная Республика Югославия.

Эта угроза была вполне реальной. Информацию о таких намерениях со стороны Совета Безопасности ООН подтверждал и М. Булатович, который нанес ряд деловых визитов в европейские страны с целью найти иной, кроме инициативы МКБЮ, выход для сербов⁵⁸. Вывод Булатовича был однозначен: оперативного простора для югославской дипломатии на этом этапе не остается — европейские лидеры твердо поддерживают предложенный Вэнсом и Оуэном план⁵⁹. Это же подтверждал и Оуэн, говоря о встрече министров иностранных дел ЕС в Брюсселе, проходившей 8 марта⁶⁰.

Между тем сопредседатели МКБЮ предприняли важный тактический маневр, пригласив С. Милошевича в Париж на переговоры с участием президента Франции Франсуа Миттерана, опытного и авторитетного политика⁶¹. В ходе встречи президент Сербии обозначил позицию Югославии на текущем этапе: влияние Белграда на боснийских сербов весьма ограничено. СРЮ может скоррек-

56 *Sciolino E.* CONFLICT IN THE BALKANS; U.S. Backs Bosnian Peace Plan, Dropping Threats to Use Force // *The New York Times*. 11 Feb. 1993.

57 *Чосич Д.* Заметки писателя... С. 274.

58 Там же. С. 276.

59 Там же. С. 277.

60 *Owen D.* *Balkan Odyssey*. P. 123.

61 *Ibid.*

тировать позицию Караджича по конституционным вопросам в рамках соглашения, способствовать прекращению огня, однако не имеет власти над боснийскими сербами при согласовании карты провинций. Более того, Милошевич заявил, что данная проблема является внутренней для Боснии и Герцеговины, и стороны должны решить ее между собой⁶². По всей видимости, он не столько уже традиционно «дистанцировался» от конфликта в БиГ, сколько пытался выторговать у Миттерана и сопредседателей МКБЮ реальные предложения, а не неоднократно озвученные угрозы ужесточения санкций и возможности бомбардировок. Уловив настроения своего собеседника, Миттеран обещал в случае, если президенту Сербии удастся убедить боснийских сербов подписать план, бороться за скорейшую отмену санкций. Как отмечал Д. Оуэн, после этого поведение С. Милошевича сразу же изменилось: получив конкретное предложение, он с большим интересом вернулся к вопросу обсуждения карты, подтвердив намерение оказать должное давление на Р. Караджича и вернуть его за стол переговоров в Нью-Йорке⁶³.

Предложения Ф. Миттерана нашли отклик и в других европейских столицах. Как докладывал М. Булатович президенту СРЮ, некоторые страны ЕС, в частности Италия, также выразили готовность снять санкции с СРЮ, если Белграду удастся добиться согласия Караджича на предложения Вэнса и Оуэна. Аналогично Лондон, хотя и в более сдержанных тонах, говорил о возможности начала процесса отмены санкций⁶⁴.

На фоне активного включения С. Милошевича в переговорный процесс в руководстве СРЮ вновь стали наблюдаться противоречия. Разногласия президента СРЮ и президента Сербии на этот раз касались ситуации на боснийско-югославской границе. С. Милошевич занял довольно жесткую позицию: Верховный Совет обороны, несмотря на сопротивление Д. Чосича, принял решение о закрытии въезда на территорию СРЮ для лидеров боснийских сербов⁶⁵. Очевидно, С. Милошевич вел здесь свою игру, пытаясь создать для МКБЮ видимость серьезного давления на Р. Караджича. В то же время в вопросе принятия требований МКБЮ президент Сербии далеко заходить не хотел:

62 Ibid. P. 125.

63 Ibid. P. 126.

64 Чосич Д. Заметки писателя... С. 277.

65 Там же. С. 280.

на предложение Д. Чосича согласиться на международный контроль ООН над границей с Боснией С. Милошевич ответил отказом⁶⁶.

Ситуация еще более осложнилась, когда 26 марта Р. Караджич вернулся из Нью-Йорка, отвергнув карты мусульман и американцев⁶⁷. Стало очевидно, что югославское руководство и сопредседатели МКБЮ оказались в тупике. Пытаясь воспользоваться сложившейся ситуацией, президент Чосич в разговоре с Бруно Ботай, генеральным секретарем Министерства иностранных дел Италии, вновь поднял тему создания в рамках Боснии и Герцеговины трехсоставной конфедерации⁶⁸. Эту же идею Чосич высказал на заседании Европарламента 2 апреля — однако она так и не получила отражения ни в одном предложении МКБЮ и Европейского сообщества⁶⁹.

Заявление председателя Совета Европейского сообщества А. Петерсена 4 апреля поставило югославскую дипломатию в еще более тяжелое положение. А. Петерсен выдвинул ультиматум: если сербы до 26 апреля не подпишут план Вэнса-Оуэна, СРЮ будет тотально изолирована⁷⁰. На созванном вслед за этим заявлением очередном заседании руководства СРЮ и республик с лидерами РС Р. Караджич и его сподвижники дали понять, что они не отступятся. Уход с поста сопредседателя Конференции по бывшей Югославии С. Вэнса лишь подтвердил опасения президента СРЮ в том, что возможности разрешения конфликта путем переговоров постепенно исчерпываются⁷¹. В письме Оуэну Чосич просил его отказаться от ультиматумов, изменить свое критическое отношение к сербам, продолжить переговорный процесс в Женевском формате, не рассматривая при этом решение боснийских сербов на Нью-Йоркском этапе переговоров как окончательное⁷². Советник Чосича С. Стоянович в частном разговоре заявил Оуэну, что, несмотря на освещаемую прессой риторику президента СРЮ и руководителей республик о недопустимости плана Вэнса-Оуэна, все трое готовы вести дальнейший диалог⁷³.

66 Там же. С. 281.

67 Там же. С. 285.

68 Там же.

69 Там же. С. 289.

70 Там же.

71 Там же. С. 291.

72 Там же. С. 294.

73 *Owen D. Balkan Odyssey*. P. 138.

На эти дипломатические шаги ответили и ближайшие партнеры Югославии, старавшиеся выступать в роли посредников. Так, премьер-министр Греции Мицотакис убеждал Чосича и Караджича принять план, пообещав договориться о коридоре шириной в 10 км между Семберией и Краиной⁷⁴. Предложение о включении расширенного Посавинского коридора в карты мирного урегулирования могло убедить Караджича подписать план.

Переговоры К. Мицотакиса и Р. Караджича оказались безуспешными. Затем с похожим, но еще более «щедрым» предложением в Белград приезжал спецпредставитель президента Российской Федерации на Балканах, заместитель министра иностранных дел Виталий Чуркин. Российский дипломат предложил Караджичу и Чосичу пойти навстречу требованиям сербов о единой территории их общины в составе БиГ и определить последнюю как трехчленную федерацию. Государственная власть при этом должна была сохранять прежний формат правительства и президиума. Чосич в целом принял предложения В. Чуркина, Караджич в очередной раз выступил против⁷⁵. Впоследствии большую часть этих предложений пришлось снять из-за противодействия Вашингтона; отодвинуть срок ультиматума ЕС и США тоже не получилось, однако удалось договориться о коридоре между Семберией и Краиной под охраной российских миротворческих сил. При этом В. Чуркин в частном разговоре отметил, что России из-за своего непростого положения на международной арене придется голосовать в Совбезе ООН за новые санкции, если боснийские сербы не примут план⁷⁶. Но предлагаемое российской дипломатией решение было вновь отвергнуто Караджичем⁷⁷.

С приближением срока ультиматума в риторике сил международного сообщества начали преобладать угрозы военной интервенции. 12 апреля 1993 г. авиация НАТО в своей первой на территории бывшей Югославии боевой миссии воспрепятствовала полетам боснийских сербов с аэродромов Баня-Луки⁷⁸. Вслед за этим событием 17 апреля резолюцией Совета Безопасности ООН № 820 было подтверждено вступление в силу новых ограничительных мер против СРЮ в случае неприятия боснийскими сербами всех мирных предложений в рам-

74 Чосич Д. Заметки писателя... С. 295.

75 Там же. С. 302.

76 Там же. С. 307.

77 Owen D. *Balkan Odyssey*. P. 139.

78 Чосич Д. Заметки писателя... С. 302.

ках плана Вэнса-Оуэна до 26 апреля⁷⁹. Очевидно, это должно было в очередной раз доказать серьезность намерений МКБЮ.

Руководство Югославии в связи с этими событиями созвало Совет по координации государственной политики. В ходе заседания Чосич выступил с резким осуждением руководства боснийских сербов. Президент СРЮ заявил, что политика Республики Сербской и Республики Сербской Краины противоречит интересам страны. Он резко раскритиковал начальника штаба и фактически командующего Войсками РС Ратко Младича, наступление которого на мусульманский анклав Сребреница стало причиной новых угроз со стороны международного сообщества⁸⁰. Чосич сделал акцент на том, что сербский вопрос во внешней политике Югославии должен перестать быть государственным. Милошевич в ответном слове поддержал концепцию Чосича и, не осуждая боснийских сербов, призвал их принять план Вэнса и Оуэна. Однако в то же время он настаивал на отстранении СРЮ от принятия решения по картам, чтобы «своими руками не душили два миллиона сербов»⁸¹. Чосич поддержал его требование.

На последовавшем после этого узком заседании Совета Караджич заявил, что без одобрения Скупщиной план Вэнса-Оуэна он принять не может⁸². Как и ожидалось, Скупщина РС его отвергла⁸³. На этом этапе, как видно, уже официально оформилось расхождение по вопросу принятия плана Вэнса-Оуэна между руководителями СРЮ и РС.

24 апреля прибывший в Белград Д. Оуэн представил югославской стороне «Временное соглашение». В ходе встречи с С. Милошевичем сопредседатель МКБЮ в рамках этого соглашения гарантировал ему наличие так называемого Посавинского коридора между Семберией и Краиной и демилитаризованной зоны по обе стороны от него⁸⁴. Это решение уже было согласовано с Мате Бобаном и Алией Изетбеговичем. Президент Сербии и президент СРЮ сочли подобную редакцию плана Вэнса-Оуэна вполне приемлемой⁸⁵. В свою очередь, Р. Караджич

79 Резолюция Совета Безопасности ООН № 820. URL: <https://undocs.org/ru/S/RES/820> (дата обращения: 11.03.2019).

80 Чосич Д. Заметки писателя... С. 315–316.

81 Там же. С. 321.

82 Там же. С. 325.

83 Там же. С. 332.

84 Owen D. *Balkan Odyssey*. P. 143.

85 Чосич Д. Заметки писателя... С. 330.

и председатель Народной скупщины РС М. Краишник «Временное соглашение» отклонили⁸⁶, а немногим позже против проголосовала и сама Скупщина⁸⁷.

Оуэн еще 22 апреля оговорил с премьер-министром Греции Мицотакисом возможность проведения в Афинах крупной встречи с участием всех враждующих сторон БиГ, лидеров Хорватии и Сербии, а также ключевых международных посредников⁸⁸. Такие переговоры в Афинах были назначены на 1 мая. На них и должно было состояться подписание плана Вэнса и Оуэна.

По прибытии в Афины Милошевич сделал официальное заявление, согласно которому делегация от Югославии полностью принимала все предложения Вэнса и Оуэна⁸⁹. Для того чтобы убедить Караджича подписать соглашение, президент Сербии говорил ему, что оно носит временный характер и вскоре будет пересмотрено, ведь план попросту нереализуем⁹⁰. После тяжелейших 10-часовых переговоров подписание плана все же состоялось. Однако Караджич сделал серьезную оговорку: подпись будет действительна только в случае одобрения этого решения Скупщиной РС⁹¹.

Заседание Скупщины было назначено на 5 мая в Пале, временной военной столице боснийских сербов⁹². На него прибыли югославские лидеры Д. Чосич, С. Милошевич и М. Булатович, а также взявший на себя роль посредника К. Мицотакис. Президент СРЮ, продолжая линию Милошевича, попытался убедить депутатов Скупщины проголосовать за план, аргументируя это тем, что мусульманское государство в Европе не сможет долго просуществовать и план Вэнса-Оуэна является переходным этапом⁹³. По словам Чосича, хотя условия мира и не являются идеальными, они «создают возможность достичь в мирных условиях того, чего не смогли достичь на поле боя, в окопах»⁹⁴.

86 Там же. С. 331.

87 Там же. С. 332.

88 *Owen D. Balkan Odyssey*. P. 147.

89 The Death of Yugoslavia. BBC, 1995 // YouTube. 28.09.2012. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=oODjSdLoSYo> (accessed: 11.03.2019). [Выступление Милошевича перед журналистами в отеле Astir Palace Hotel].

90 Ibid.

91 *Чосич Д.* Заметки писателя... С. 337.

92 The Death of Yugoslavia. [Пятая часть фильма, переговоры в Пале].

93 Ibid. [Съемка выступления Д. Чосича в Пале].

94 Ibid.

Даже Караджич, подчеркнув, что план является «катастрофическим для боснийских сербов» из-за того, что почти половина сербского населения остается вне сербских кантонов, заявил, что обстоятельства вынуждают его поддерживать план, так как другого выхода для прекращения огня просто нет⁹⁵. Какое-то время казалось, что депутаты колеблются: об этом говорило отсутствие какого-либо неодобрения или несогласия с их стороны по отношению к выдвинутым аргументам. Однако вскоре приехал запоздавший из-за камнепада Младич с военными картами. Он показал депутатам занятые силами боснийских сербов территории и сравнил их с теми, что предлагались им по плану Вэнса-Оуэна — более 30% территории пришлось бы отдать хорватам и мусульманам⁹⁶. Его поддержал и известный экономист Райко Дукич⁹⁷. После этого спикер Скупщины РС Момчило Краишник объявил о начале закрытого заседания. В этот момент, по словам Оуэна, стало очевидно, что «план мертв»⁹⁸. И действительно, Скупщина в очередной раз его отвергла. Немалую роль в исходе заседания сыграла прозванная «железной леди» Биляна Плавшич, вице-президент Республики Сербской. Она открыто заняла антимилошевичскую позицию, отказавшись даже поприветствовать президента Сербии во время официального приема⁹⁹. Мнение Плавшич, обладавшей серьезным авторитетом в РС, а также доводы Младича и Дукича убедили Скупщину Республики Сербской проголосовать против плана. Несмотря на это, Караджич и Краишник поспешили заявить, что Скупщина не отказалась от плана, а лишь выставляет вопрос о его принятии на референдум¹⁰⁰.

Но говорить о том, что план Вэнса-Оуэна не имеет будущего, позволял уже целый ряд обстоятельств. Во-первых, после пяти месяцев интенсивных переговоров все средства дипломатического давления на РС были фактически исчерпаны. Аргументы руководителей СРЮ, угрозы США отменить эмбарго на поставки оружия мусульманам¹⁰¹, дежурство самолетов НАТО в небе над Боснией — все это не заставило боснийских сербов изменить своего подхода к плану

95 Ibid. [Съемка выступления Р. Караджича в Пале].

96 Owen D. *Balkan Odyssey*. P. 155.

97 Srpske političke elite... Т. 2. С. 270.

98 The Death of Yugoslavia. [Интервью Оуэна телеканалу BBC].

99 Srpske političke elite... Т. 2. С. 272.

100 Owen D. *Balkan Odyssey*. P. 155.

101 Гуськова Е. Ю. История... С. 371.

Вэнса и Оуэна, который они считали для себя дискриминационным. Во-вторых, созданная 1 мая 1993 г. конференция в Афинах должна была стать финальным этапом в переговорах благодаря долгожданной подписи Караджича. Однако события в Пале показали ее ничтожную значимость, поскольку Караджич делегировал принятие решения Скупщине РС. Наконец, решение Скупщины РС об отклонении плана было подкреплено народным референдумом 15–16 мая, когда 96% голосовавших (явка составила 92% населения подконтрольной сербам части БиГ) высказались против¹⁰².

Реакция Чосича и Милошевича на эти события была довольно жесткой. Милошевич после заседания Скупщины РС не дал прессе никаких комментариев, сразу покинув Пале. В телефонном разговоре с Оуэном на обратной дороге в Белград он всю вину за провал голосования в Скупщине возложил, что интересно, не на Караджича, а на Краишника и Младича. Чосич же после голосования вышел к прессе с заявлением, что его результаты являются «худшим и наиболее фатальным из возможных решением». В своей риторике он возлагал основную вину на президента РС Радована Караджича, а уже вслед за ним на Краишника, Младича и недалеких, по его мнению, членов Скупщины¹⁰³.

Пытаясь предотвратить исполнение угроз западных держав о дополнительных санкциях и бомбежках, руководство СРЮ через председателя союзного правительства Р. Контича отправило письма Генеральному секретарю ООН, сопредседателям МКБЮ и премьер-министрам стран-членов СБ ООН с просьбой продолжить переговоры по боснийской проблеме и не инициировать военную интервенцию. Более того, правительство СРЮ, как и обещало, объявило о прекращении любой, кроме гуманитарной, помощи сербам Боснии¹⁰⁴. Все это заставило план «прожить» до конца мая, когда США и Россия выступили с так называемым «Планом Контактной группы»¹⁰⁵.

Подводя итоги, стоит подчеркнуть следующее. Несмотря на фактический провал переговоров по плану мирного урегулирования Вэнса-Оуэна, руководство СРЮ и МКБЮ в 1992–1993 гг. смогло наладить прямое взаимодействие друг с другом не только на официаль-

102 Там же. С. 372.

103 *Owen D. Balkan Odyssey*. P. 155.

104 *Гуськова Е. Ю.* История... С. 373.

105 *Owen D. Balkan Odyssey*. P. 168.

ном, но и на личном уровне. На первом этапе переговоров, в августе 1992 г. — январе 1993 г., ключевой фигурой переговоров с Югославией для сопредседателей Конференции оставался Д. Чосич. Однако после президентских выборов в Сербии, убедительную победу на которых одержал С. Милошевич, и смещения с поста премьер-министра СРЮ М. Панича политический вес «отца нации» потерпел серьезный урон. В результате на втором этапе, в январе — апреле 1993 г., главную роль в переговорах играл уже С. Милошевич. Сопредседателям Конференции удалось найти к нему определенный подход, распознав в Милошевиче прагматичного политика, нацеленного на достижение результата и готового к компромиссам. Руководством же Югославии МКБЮ рассматривалась как авторитетная международная организация, которая могла бы способствовать достижению ключевой цели внешней политики СРЮ — снятию санкций.

В период переговоров также наблюдалась явная потеря Белградом контроля над руководством боснийских сербов в связи с ослаблением позиций Чосича и несогласием с официальной линией СРЮ по мирному плану. МКБЮ, в свою очередь, не получала поддержки со стороны важных мировых игроков, прежде всего США. Конференция оказывала давление на Белград и Пале, постоянно угрожая им бомбардировками, однако она не обладала реальными средствами принуждения. Руководство и Скупщина РС, видимо, не были готовы им поверить. Поддавшийся на угрозы президент СРЮ Д. Чосич, публично поддержав провалившийся план, окончательно лишился политического авторитета, чем не преминул воспользоваться С. Милошевич, сместив его с поста в июне 1993 г.¹⁰⁶

Будучи недостаточно весомой организацией на международной арене и ввиду политической несостоятельности Белграда, Конференция не была готова учесть интересы Югославии в переговорном процессе, не говоря уже об интересах боснийских сербов. При этом для Белграда, помимо снятия санкций, было важно продвинуть идею организации Боснии и Герцеговины на основе трехчленной конфедерации. Не раз озвученная, эта идея на данном этапе не нашла поддержки МКБЮ, хотя в дальнейшем, как известно, легла в основу следующих планов мирного урегулирования и, в видоизмененном формате, даже в Дейтонское мирное соглашение.

106 Ibid. P. 178.

Источники и литература

Булатович Л. Генерал Младич — военный преступник? М.: Славянская летопись, 1998. 339 с.

Гуськова Е. Ю. История Югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право, 2001. 714 с.

Никифоров К. В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН, 1999. 262 с.

Резолюция Совета Безопасности ООН № 820. URL: <https://undocs.org/ru/S/RES/820> (дата обращения: 11.03.2019).

Чосич Д. Заметки писателя и президента СР Югославии 1992–1993 / Пер. с серб. И. Чароты. Сергиев Посад: ВДВ-Пак, 2012.

Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская по Дейтонским соглашениям // Славяноведение. 1997. № 3. С. 76–84.

Brendan S. Unfinest Hour: Britain and the Destruction of Bosnia. London: Allen Lane, 2001. 350 p.

Bulatović M. Pravila čutanja. Niš: Zograf, 2004. 349 str.

Duro Z. Dr Radovan Karadžić: fanatik srpske ideje. Beograd: Dosije, 2008. 272 str.

Friedman Th. L. U.S. will not push Muslims to accept Bosnia peace plan // The New York Times. 04 Feb 1993.

Glenny M. The Fall of Yugoslavia. New York: Penguin Books, 1996. 336 p.
International Conference on the Former Yugoslavia (ICFY) // United Nations Archives. URL: <https://search.archives.un.org/international-conference-on-former-yugoslavia-icfy> (accessed: 15.04.2019).

Kovačević T. Amerika i raspad Jugoslavije. Beograd: Filip Višnjić, 2007. 448 str.

Kovanje antijugoslovenske zavere. Knj. 1–2 / Ur. i prir. Biserko S. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. 1548 str.

Owen D. Balkan Odyssey. New York: Harcourt, 1997. 389 p.

Sciolino E. CONFLICT IN THE BALKANS; U.S. Backs Bosnian Peace Plan, Dropping Threats to Use Force // The New York Times. 11 Feb 1993.

Sell L. Slobodan Milosevic and the Destruction of Yugoslavia. Durham, NC: Duke University Press Books, 2002. 432 p.

Silber L. Yugoslavia: Death of a Nation. New York: Penguin Books, 1997. 416 p.

Srpske političke elite i Vens — Ovenov plan / Prir. V. Petrović. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2010. T. 1. 290 str.

Srpske političke elite i Vens — Ovenov plan / Prir. V. Petrović. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2011. T. 2. 301 str.

The Death of Yugoslavia. BBC, 1995 // YouTube. 28.09.2012. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=oODjdsLoSYo> (accessed: 11.03.2019).

References

Bulatovich, L. *General Mladich voennyj prestupnik?* Moscow: Slavyanskaya letopis', 1998, 339 p.

Gus'kova, E. Yu. *Istoriya YUgoslavskogo krizisa (1990–2000)*. Moscow: Russkoe pravo, 2001, 714 p.

Nikiforov, K. V. *Mezhdru Kremlem i Respublikoj Serbskoj (Bosnijskij krizis: zavershayushchij etap)*. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 1999, 262 p.

Chosich, D. *Zametki pisatelya i prezidenta SR Yugoslavii 1992–1993*; per. s serb. I. Charoty. Sergiev Posad: VDV-Pak, 2012.

Engel'gardt, G. N. Respublika Serbskaya po Dejtonskim soglasheniyam. *Slavyanovedenie*, 1997, no 3, p. 76–84.

Brendan, S. *Unfinest Hour: Britain and the Destruction of Bosnia*. London: Allen Lane, 2001, 350 p.

Bulatović, M. *Pravila čutanja*. Niš: Zograf, 2004, 349 p.

Đuro, Z. *Dr Radovan Karadžić: fanatik srpske ideje*. Beograd: Dosije, 2008, 272 p.

Friedman, Th. L. "U.S. will not push Muslims to accept Bosnia peace plan". *The New York Times*. 03 Feb 1993.

Glenny, M. *The Fall of Yugoslavia*. New York: Penguin Books, 1996, 336 p.

International Conference on the Former Yugoslavia (ICFY). *United Nations Archives*. URL: <https://search.archives.un.org/international-conference-on-former-yugoslavia-icfy> (accessed: 15.04.2019).

Kovačević, T. *Amerika I raspad Jugoslavije*. Beograd: Filip Višnjić, 2007, 448 p.

Kovanje antijugoslovenske zavere. Knj. 1–2; ur. i prir. Biserko S. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. 1548 str.

Owen, D. *Balkan Odyssey*. New York: Harcourt, 1997, 389 p.

Sciolino, E. "CONFLICT IN THE BALKANS; U.S. Backs Bosnian Peace Plan, Dropping Threats to Use Force". *The New York Times*. 11 Feb 1993.

Sell L. *Slobodan Milosevic and the Destruction of Yugoslavia*. Durham, NC: Duke University Press Books, 2002, 432 p.

Silber, L. *Yugoslavia: Death of a Nation*. New York: Penguin Books, 1997, 416 p.

Srpske političke elite i Vens — Ovenov plan; prir. V. Petrović. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2010. Vol. 1. 290 str.

Srpske političke elite i Vens — Ovenov plan; prir. V. Petrović. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2011. Vol. 2. 301 str.

The Death of Yugoslavia. BBC, 1995. *YouTube*. 28.09.2012. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=oODjsoLoSYo> (accessed: 11.03.2019).

UN Security Council Resolution No 820. URL: <https://undocs.org/ru/S/RES/820> (accessed: 11.03.2019).

Yakov N. Smirnov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The cooperation of the FRY and the ICFY in 1992–1993 in the context of the negotiations on the Vance-Owen peace plan

The article covers the process of interaction between Yugoslavia and the International Conference on the Former Yugoslavia in the framework of the negotiations on the Vance-Owen plan. The key task of the FRY during this period was lifting of international sanctions, which undermined the country's economics and international relations. In pursuit of this goal, the Serbian President S. Milošević, who actually led Yugoslavia, introduced compromise figures to the FRY leadership. Those were the famous writer D. Ćosić, who took over as president of the country, and an American businessman of Serbian descent M. Panić, who became prime minister. Their presence was to contribute to the successful outcome of Belgrade's negotiations with the ICFY and other actors in the international community. In this vein, the main attention is paid to the aspect of building relations between the leaders of the FRY D. Ćosić and S. Milošević, on the one hand, and the ICFY co-chairs D. Owen and S. Vance, on the other. During lengthy negotiations, their positions around a peace plan for a settlement in Bosnia and Herzegovina gradually became closer. This, however, did not save the plan from failure, due to the fact that a significant part of the Bosnian Serb leadership opposed it. Nevertheless, the established contact between Belgrade and the ICFY allowed the parties to find mutual understanding in the course of further negotiations.

Keywords: *the Vance-Owen plan, the dissolution of Yugoslavia, war in Bosnia and Herzegovina in 1992–1995, the International Conference on the Former Yugoslavia, Slobodan Milošević.*

Русско-тюркские культурно-исторические связи (XV–XXI вв.)

Евразия была местом происхождения тюркских и восточнославянских народов, которые впоследствии распространились по значительной части территории материка. Их противостояние и соперничество сопровождалось взаимовлиянием и взаимопроникновением. Так, Византия дала восточным славянам религию, а османам — государственность. Русский народ получил православие от Византии и унаследовал государственные традиции тюркских степных империй, наделив при этом государственную идею сакральным значением. А в русскую трактовку православия, в свою очередь, проникли черты тюркского менталитета. Впоследствии тюрки приняли ислам, а также стали наследниками Византийской империи — ее трона и системы управления, в результате чего произошла «византизация» тюркской элиты и государственности. Евразия как место сосуществования двух народов и рождения степных империй и Византия, давшая одному народу веру, а другому трон, исторически связали два народа. Русский народ совместил и продолжил религиозные традиции Византии и государственность евразийских империй, а тюрки соединили и развили идейные основы ислама и имперскую организацию Византии. В современных условиях в России и Турции возникла потребность в артикуляции самоидентичности, и евразийство, судя по всему, могло бы стать объединяющей доктриной, которая в состоянии ответить на вызовы XXI века. Схожесть, симметричность и синхронность истории русского и тюркских народов и их государств, расположенных на широких просторах Евразии, подтверждается тесными культурно-историческими связями, совместимой геополитической ориентацией и общностью исторической судьбы.

Ключевые слова: *Балканы, геополитическая ориентация, Евразия, евразийство, Россия, русские, славяне, Турция, тюрки.*

Исторический контекст

Евразия издревле была населена тюркскими кочевыми племенами. Выход на историческую арену и усиление восточных славян привели к их соприкосновению с тюрками, после чего началось их сосуществование и взаимопроникновение на широких просторах Евразии, о чем писали евразийцы Н. Трубецкой и П. Савицкий. Евразия, по мнению Савицкого, имела не только географическое измерение, но и некоторую культурно-историческую характеристику, включавшую влияние *Юга, Востока и Запада*¹. Трубецкой также считал Евразию единой не только географической, но и антропологической и до известной степени самодовлеющей экономической областью².

Касаясь геополитической предопределенности двух миров, Савицкий писал, что «в течение ряда тысячелетий политическое преобладание в евразийском мире принадлежало кочевникам. Заняв все пространство от пределов Европы до пределов Китая, соприкасаясь одновременно с Передней Азией, Ираном и Индией, кочевники служили посредниками между разрозненными, в своем исходном состоянии, мирами оседлых культур»³. Подобное положение абсолютно закономерно приводило к большим политическим образованиям. Совершенно не случайны объединительные тенденции, наличие которых «весьма характерно отличает историю Евразии от истории Европы и Азии, гораздо более раздробленных в политическом и культурном смысле»⁴. Скифский, гуннский, монгольский периоды общевразийской истории были продолжены периодом русским⁵.

Русско-тюркское культурно-историческое единство подтверждается и современными исследователями. А. Сотниченко пишет, что «симбиоз русской и тюркской культур насчитывает многие сотни лет. [...] Контакты имели непрерывный характер. Известно, что со времени возникновения Руси на карте между Востоком и Западом Евразии велось соперничество между тюркским и славянскими мирами за господство над пространствами континента. С середины XVI в. завоевания Казани, Астрахани и Сибирского ханств определили до-

1 Савицкий П. Н. Избранное. М., 2010. С. 187–189.

2 Трубецкой Н. С. Евразийство: избранное. М., 2016. С. 142.

3 Савицкий П. Н. Избранное. С. 538–539.

4 Там же. С. 495.

5 Там же. С. 496.

минирование русской культуры в евразийском пространстве на несколько сотен лет вперед»⁶.

Политические взаимосвязи двух миров Н. Трубецкой характеризовал следующим образом: «Русский царь явился наследником монгольского хана» и «Русская государственность в одном из своих истоков произошла из татарской»⁷. В подтверждение этому историки заключают, что русская централизованная власть складывалась под сенью Золотой Орды, она переняла у татаро-монголов перепись податного населения, почтовую связь, баскачество. Русская нация — это продукт евразийского этнического и культурного синтеза⁸.

Эта связь имела идеологическое и психологическое измерения, ибо «в Московской Руси туранская по своему происхождению государственность и государственная идея оправославились, получили христианское религиозное освещение и идеологически связались с византийскими традициями, одновременно произошла известная “туранизация” самой византийской традиции и проникновение черт туранской психики в саму русскую трактовку православия»⁹.

Русь в 1480 г. стала полностью свободной, отделившись от Золотой Орды, которая к тому времени уже распалась. Чуть ранее, в 1453 г., османы, захватив Константинополь, положили конец Византийской империи. Накануне этих событий, в 1452 г., между Русью и Османской империей установились дипломатические отношения. Симметричность и синхронность этих событий поражает. Тюрки стали номинальными наследниками Византии, последней Римской империи, столетиями располагавшейся в Восточном Средиземноморье или Юго-Западной Евразии. Русь, освободившись, стала в какой-то мере преемницей Золотой Орды, которая была последней из тюркских империй, существовавших на просторах Евразии. После этого северные и центральные регионы Евразии были заняты Русским государством, которое затем расширялось в восточном направлении, а на юге континента появилась Османская империя, завоевывавшая новые земли на западе.

6 Сотниченко А. А. Расцвет и закат пантюркизма в Турции на рубеже XX и XXI вв. // Рахмат-наме: Сборник статей к 70-летию Р. Р. Рахимова / Отв. ред. М. Е. Резван. СПб., 2008. С. 308–309.

7 Трубецкой Н. С. Евразийство... С. 93.

8 Турция между Европой и Азией / Отв. ред. Н. Г. Киреев. М., 2001. С. 398.

9 Трубецкой Н. С. Евразийство... С. 94.

Покорив Византию, османы сохранили практиковавшуюся здесь столетиями систему управления. После захвата Константинополя султан соединил исламские культурные и византийские административные традиции.

Перефразируя Трубецкого, можно заключить, что тюркская государственность и кочевники исламизировались, глубоко впитав в себя ближневосточные традиции и идеологию; одновременно произошла известная «византизация» тюркской элиты и государственности, перенимание византийской системы управления империей. Османская империя стала центром исламского мира и политическим наследником Византии. Это признавал Кемаль Ататюрк, заявивший, что «правительство халифа и султана происходит от династии, которая унаследовала трон последнего византийского цезаря»¹⁰.

Движимое теми же завоевательными устремлениями и государственной идеей, Русское государство, покоряя тюрко-татарские ханства, сосуществуя и смешиваясь с тюрко-татарскими народами, объединило Евразию, выйдя на востоке к Азии и на западе к Европе. Русь приняла православие, которое стало идеологической основой нового государства, от Византии. Не случайно после падения Константинополя появилась доктрина «Москва — Третий Рим», согласно которой Русское государство становилось центром восточного христианства, православия. Оно должно было также наладить отношения со своими новыми тюрко-мусульманскими подданными, что представлялось не очень-то трудным делом, поскольку, выражаясь языком того же Трубецкого, в русском православии существовали черты туранской психики. Таким образом, Россия стала духовным преемником Византии и политическим продолжателем евразийских степных империй. Православие, полученное от Византии, в трактовку которого проникли черты тюркского менталитета, и государственная идея и административная система, тюркские по своему происхождению, но получившие после принятия православия сакральное значение, составляли основу русского бытия и государственности.

Для османов же тюрко-монгольское право и управление, ислам и византийские традиции оказались тем фундаментом, на котором они строили свое самобытное имперское государство и формировали новое общество. Способность использовать византийское наследие С. Орешкова считает достижением османов, позволившим им создать

¹⁰ *Мустафа Кемаль*. Путь новой Турции. 1919–1927. М., 1932. Т. II. 1919–1920. С. 198.

свою империю и противостоять Европе. Именно это дает возможность говорить об особой османско-мусульманской цивилизации, а также в чем-то сближает османскую историю с историей России, где происходило свое, близкое Европе и наследовавшее византийские традиции, но иное цивилизационное развитие¹¹.

У двух народов начинается период активных территориальных расширений. Но если Россия строила будущую империю на однородных внутренних территориях Евразии, то османы — на ее разнородных окраинах, что неизбежно проявилось в процессе распада их империй. Российская и Османская империи являлись крупнейшими государственными образованиями нового времени, занимавшими огромные просторы Евразии, Ближнего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Европы. В конце XVII века России по наущению Римского папы пришлось включиться в антиосманскую войну Священной лиги. «Так началась, — как пишет С. Орешкова, — череда из последовавших затем девяти войн, создававших впечатление об извечной конфронтации двух имперских образований — Российского и Османского. Не всегда войны были следствием непримиримых противоречий этих двух империй. Значительно чаще они являлись результатом общеевропейских конфликтов и интриг европейских дипломатов»¹². Эти интриги были возобновлены в республиканский период Турции и продолжают до наших дней.

В XIX в. у некоторых мыслителей, несмотря на бесконечные войны, возникло понимание общности интересов русского и турецкого народов. В частности, газета «Гарджуман», издававшаяся в 1883–1918 гг.¹³, писала следующее: «Турко-исламский мир и русское государство оказались расположенными на обширнейшем континенте между двумя человеческими муравейниками земного шара, между европейцами и китайцами. Европейцы и китайцы не позволят русским

11 Орешкова С. В. Становление Османской империи: ислам и византийское наследие // Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973). М., 2010. С. 268.

12 Орешкова С. В. Изучение Турции в России // Турция на рубеже XX и XXI веков. М., 2008. С. 16–17.

13 Редактором и издателем этой газеты был Исмаил бек Гаспирали (1851–1914). Выходец из обеспеченной семьи, он учился в гимназии и военной академии в Москве, жил в Париже и Стамбуле, в 1878 г. был избран мэром Бахчисарая в Крыму.

и тюркам спокойно жить в своих широких полях и долинах. Они [...] с двух сторон хлынут на эти поля. Европейцы, в отличие от китайцев, будут осваивать наши земли не столько своим населением, сколько своей системой знаний, своими капиталами. Такими методами европейцы превратят славянские и тюркские государства в свои сельскохозяйственные угодья, их население превратят в рабов и пленников. В такой ситуации русские и мусульмане, взявшись за руки, должны будут противостоять агрессии европейцев и китайцев»¹⁴. Для своего времени это была новая, оригинальная, если не революционная, идея, и для этой идеи были основания.

На рубеже XIX–XX вв. Османская и Российская империи переживали кризис и находилась в лихорадочном поиске новых идей и концепций, которые помогли бы провести назревшие реформы, снять социальную и политическую напряженность.

Европа уже переживала идейно-ценностный кризис. Здесь католицизм долгое время доминировал в политике и тормозил развитие науки и культуры. Рожденные в период реформации догмы и ценности протестантизма перекочевали в виде научных теорий в немецкую философию, французскую социологию, английскую политическую экономику, затем в англосаксонское и романо-германское право, верховенство которого стали выдавать за норму и навязывать всему миру, «забывая» при этом, каковы были путь к этому праву и его истоки.

Об этой проблеме писал Макс Вебер. Признавая, что «капитализм, безусловно, тождествен стремлению к наживе», он вместе с тем отмечает, что капитализм *может обуздать* это иррациональное стремление и рационально его регламентировать¹⁵. Делается это через «рациональную структуру *права* и управления», которые предоставил «*лишь* Запад». Истоки этого права Вебер, как известно, находит в протестантизме¹⁶.

После одновременного распада Османской и Российской империй первая становится объектом агрессии, а вторая — интервенции Антанты. В этих условиях Мустафа Кемаль возглавил войну за неза-

14 Мухамметдинов Р. Ф. Зарождение и эволюция тюркизма: (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ, 70-е гг. XIX в. — 90-е гг. XX в.). Казань, 1996. С. 93.

15 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и исп. М., 2006. С. 9.

16 Там же. С. 22–25.

висимость, а большевики — войну против интервентов. Кемалисты и большевики были в похожем положении: они боролись за новые государства после развала своих империй и находились в международной изоляции.

Для кемалистов помощь со стороны большевиков, а также согласование военной стратегии с Москвой представлялись весьма важными условиями победы над агрессией стран Антанты. Турция, в свою очередь, была важна для Советской России в ее борьбе против интервенции. В этой связи С.И. Аралов, первый посол Советской России в новой Турции, писал, что, «когда прямые вооруженные атаки на Советский Союз и на молодую Турцию не дали результатов, империалистические правительства в лице Черчилля, Керзона, Ллойд Джорджа и Пуанкаре изменили тактику. Они повели закулисную подрывную работу, стараясь рассорить Советский Союз с новой Турцией»¹⁷. Произошло обратное: в 1925 г. Турция и СССР подписали договор о дружбе и сотрудничестве.

Эти параллельные и зеркальные события говорят о схожести и взаимодополняемости исторических судеб России и Турции и их народов. Было скорее закономерностью, что после одновременного крушения Российской и Османской империй возникшие на их руинах новые государства помогали друг другу и вырабатывали новую идеологию. Кемализм в Турции, как и социализм в России, стал ответом на поиски идейно-ценностного самоопределения после краха империй, когда надо было создавать новые государства на других основах.

В то же время в истории России и Турции можно найти и немало разделяющего. Ни с кем Российская империя в новое время не воевала так много, как с Османской империей. По подсчетам В. Н. Виноградова, между двумя империями было 10 войн начиная от Петра Первого и до Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., включая Крымскую войну, когда османы воевали против России в союзе с западными державами. Для России в этот период важнейшими внешнеполитическими приоритетами были Восточный вопрос, борьба за проливы, защита славянского населения Балкан.

В Евразии сосуществование славян и тюрок сопровождалось конкуренцией и войнами — вплоть до полного уничтожения и исчезновения со страниц истории целых народов. Вместе с тем успешный опыт их совместного проживания в одном государстве дает именно Россия.

¹⁷ Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М., 1960. С. 158.

Проживая в составе России столетиями, тюркские и исламские народы, как и славяне, стали частью России и россиянами, что также является связующим элементом между ними. Кстати, в Османской империи опыт совместного проживания турок с южными славянами не стал подобным примером. Для южных славян, кроме потурченцев, Османская империя не была родным государством, а турки рассматривались как завоеватели.

Забегая вперед, отметим также годы холодной войны, когда Турция, будучи членом НАТО, находилась во вражеском для СССР лагере. Свое членство в НАТО Турция сохраняет и сейчас.

Все это говорит о сложности многовековых отношений двух народов, сочетающих в себе общность интересов, обусловленную сходными внутренними и внешними условиями исторического развития их государств, с противостоянием и конкуренцией.

Евразийство в Турции

После распада СССР социализм перестал быть официальной российской идеологией. Но и капитализм неолиберального толка в России не приживается. В Турции также наблюдается разочарование в западных ценностях, которые становятся все более несовместимыми с турецкой национальной идентичностью. В этих условиях социальный консерватизм и политическое евразийство, похоже, начинают вызывать новый интерес.

Истоки турецкого евразийства, по мнению аналитиков, следует искать в тюркской системе веры. По убеждению древних тюрков, божье желание заключалось в том, чтобы тюркские правители привели весь мир под свою справедливую власть. Именно это представление стало главной силой, стоящей за неконтролируемым тюркским стремлением к власти и мировой гегемонии. Легитимность была важной составляющей в тюркской системе правления, и любой слабый правитель, не сумевший установить мир и порядок в своем государстве, мог быть коллективно свергнут¹⁸.

Некоторые ученые начало российского евразийства как многовекового крупного регионального интеграционного явления ведут со времени сосуществования русских, татар и монголов под господством Золотой Орды, а затем в рамках Российского государства¹⁹. Истоки

18 Kafesoğlu I., Dursun Y. H., Merçil E., and Saray M. A Short History of Turkish — Islamic States (Excluding the Ottoman State). Ankara, 1994. P. 20.

19 Турция между Европой и Азией. С. 397.

османо-турецкого евразийства также удревяняются. Ученые нашли их в средневековой Малой Азии, когда начались, а затем все более расширялись контакты пришедших туда из Центральной Азии тюрков с населением Византии. Тюрки-анатолийцы несли в завоевательных походах «свой» тигель евразийства все далее на запад.

Таким образом, исследователи говорят о пространстве России и Турции как о двух исторических очагах евразийской интеграции²⁰. Говоря о географическом положении этих государств, Эрель Телляль пишет, что «евразийское сознание сближает Россию и Турцию с точки зрения геостратегии и культуры»²¹. Это не случайно, поскольку Евразия является как для тюрков, так и для восточных славян местом их происхождения и проживания.

Тема евразийства обсуждается в Турции не только в политических кругах, но и в научном сообществе, однако евразийские научные исследования выполняются достаточно узким кругом лиц. Используемое в Турции понятие «Евразия» имеет следующие границы: на западе и севере — от Балкан вплоть до Северного Ледовитого океана; на юге — от Средиземного моря, включая Турецкую Республику и Турецкую Республику Северный Кипр, до Аравийского моря, Кавказа и Синайского полуострова, далее захватывая Средний Восток, Иран и тюркские республики Центральной Азии; наконец, на востоке регион ограничивается Желтым и Южно-Китайским морями. Евразийство воспринимается в Турции далеко не как идеология, скорее, о нем толкуют как о некоем политическом понятии²². Критерием определения этой территории, разумеется, стало проживание на ней тюркских народов.

В Турции считают, что на основе кемалистских принципов был создан образец новой целостной модели развития, пригодный для стран Евразии, находящихся в сходном геополитическом положении²³. Одним из направлений развития турецкой культуры Ататюрк планировал сделать не столько продвижение ислама, сколько углубление отношений с тюркскими народами Центральной Азии²⁴. Однако после Второй мировой войны политика Турции шла в орбите Запада, связи

20 Там же. С. 398–399.

21 Телляль Э. Советское наследие в российско-турецких отношениях // Турция в XX веке: [сб. ст.]. М., 2004. С. 135.

22 Кылычбейли Э. Х. Евразийская геополитика: Турция и Россия (старые понятия, новые подходы) // Турция в XX веке: [сб. ст.]. М., 2004. С. 277.

23 Там же. С. 279.

24 Там же. С. 278.

с зарубежными тюрками прекратились. По словам Э. Кылычбейли, «Евразия была принесена в жертву страху перед коммунизмом»²⁵.

После окончания холодной войны в Турции пришло осознание того, что достижение полного членства в Европейском союзе в лучшем случае является длительным процессом. Министр иностранных дел Турции И. Джем заявил: «Мы хотим занять место в Европейском союзе, однако наше видение гораздо шире. Наша задача — стать центром, определяющим элементом евразийской действительности, значение которой постоянно растет»²⁶.

Осмысление евразийства после Ататюрка не достигло зрелости геополитической мысли. Характеристика Евразии и ее концептуальный анализ не преследует национальную цель, но является геостратегической областью, на которую существуют разные взгляды.

Консервативный подход к евразийству основывается на турецко-исламском синтезе. Средством его трансляции выступают среднеобразовательные бесплатные школы, просветительские и печатно-издательские организации, ведущие политическую деятельность, обладающие тесными личными связями, активно устанавливающие деловые контакты для защиты и продвижения тюркской культуры в странах СНГ. Деятельность этих организаций направлена на создание лоббистских групп²⁷. Странники этого подхода ратуют за сотрудничество с США с целью противостояния «славяно-православному» присутствию России в регионе, а также для разрушения фронта, образуемого Грецией, Кипром, Сирией, Ираном, Арменией и Россией²⁸.

Странники социалистического подхода подчеркивают необходимость социально-культурного сближения и дружбы народов. Они выступают за развитие этнического многообразия в рамках смешанной культуры и многоструктурной политической системы, что считают естественным и правильным с гуманистической точки зрения²⁹. Евразийство расценивается ими как возможность создания блока развивающихся стран, направленного против империалистических полюсов мира, причем акцент делается на необходимости превращения России в естественного партнера Турции³⁰.

25 Там же. С. 280.

26 Там же. С. 292–293.

27 Там же. С. 281.

28 Там же. С. 293.

29 Там же. С. 282.

30 Там же. С. 294.

В российской историографии евразийство в духовной жизни турецкого общества 1990-х гг. рассматривается как новое явление; считается, что модель турецкого евразийства формируется через посткемалистский национализм и тюркизм³¹.

В Турции Советский Союз воспринимался как мощная держава, способная бросить вызов любой стране. Сегодня, по мнению турецких приверженцев евразийства, ситуация обратная: опасность может возникнуть из-за слабости России, будущее которой непосредственно зависит от того, насколько ей удастся ускорить свое социально-экономическое развитие.

Игроки за пределами Евразии делают ставку на геополитическую раздробленность региона. Архитекторы же единой Евразии должны подталкивать ее народы к объединению, но «здесь нет места ни имперским структурам, ни этническим миниатюрным государственным образованиям». Причем продвижение «мусульманской светской демократической модели» может обеспечить Турции важное положение в мусульманском и тюркском мире и способствовать достижению ее исторической цели — стать «центром силы» в Евразии. Вместе с тем, исходя из необходимости соблюдения равновесия, являющегося фундаментальным условием во внешней политике, турецкие аналитики считают необходимым продолжать выстраивать долгосрочные отношения с Россией — нынешним центром регионального притяжения — и с Китаем, выступающим в качестве другой влиятельной силы в регионе³².

Некоторые турецкие исследователи полагают, что за последнее десятилетие в Турции наметилась конвергенция кемалистской и евразийской идеологий. Многие интеллектуалы, как кемалисты, так и социалисты, а также влиятельные турецкие военные используют евразийский геополитический дискурс как доктрину, способную стать альтернативой односторонней прозападной ориентации страны. Некоторые российские специалисты сомневаются в подобной переориентации³³, однако мы убеждены, что она имеет место в современном турецком обществе.

Элементы евразийства присутствуют в программе Партии справедливости и развития. В ней утверждается, что нововведенная концепция стратегической глубины и активность во внешней политике

31 Турция между Европой и Азией. С. 402.

32 *Кылычбейли Э. Х.* Евразийская геополитика... С. 290–291.

33 *Ягудин Б. М.* Кемализм и формирование политико-идеологических основ «Третьей Республики» в Турции // *Нации и национализм на мусульманском Востоке.* М., 2015. С. 264.

должны охватывать также регионы от Кавказа до Центральной Азии, которые рассматриваются в качестве потенциальных партнеров Турции. Подобное взаимодействие возможно путем обращения к общему историческому наследию и его трансляции в контекст сегодняшней глобальной политики, углубления взаимопонимания и партнерства через конкретные проекты. Подобным образом Турция расширила политические, экономические и культурные связи с рядом стран Кавказа и Центральной Азии, с которыми ее соединяют особые религиозные, языковые и исторические узы³⁴. Южный Кавказ и Центральная Азия являются регионами, входящими в сферу внешнеполитических интересов Турции; среди международных организаций, продвигающих там идеи евразийства, следует назвать Совет сотрудничества тюркоязычных государств и Совместное управление тюркской культурой и искусством.

Нельзя не видеть несоответствия между амбициозной целью Турции стать «центром силы» в Евразии и ее конструктивной политикой установления долгосрочных отношений с Россией. Нельзя не видеть конкуренции и противоречий между интересами этих стран: Россия рассматривает Евразию как зону своих естественных интересов, а Турция — через призму своих культурных и исторических связей.

Подобная конкуренция может возникнуть и в некоторых районах Балкан. Россия имеет особые отношения с Сербией и Республикой Сербской в Боснии и Герцеговине. Турция — с Албанией, мусульманской частью Боснии и Герцеговины, албанским населением Северной Македонии, с частично признанным Косово. Неустойчивое положение в Боснии и Герцеговине, разногласия по Косово, потенциальная дестабилизация в сербском Санджаке и Южной Сербии могли бы отразиться на российско-турецких отношениях. Но есть альтернатива. Мы в свое время, касаясь визита президента России Владимира Путина в Сербию 17 января 2019 г., отмечали, что продление «Турецкого потока» в Европу через Сербию и договоренности по железным дорогам делают Сербию и Турцию ключевыми транзитными странами в сфере энергетики и транспорта, соединяющими Западную и Северную Европу с Ближним Востоком³⁵.

34 Party Program // AK Parti. URL: <http://www.akparti.org.tr/english/akparti/parti-programme#bolum> (accessed: 04.08.2018).

35 Мамедов И. Россия–Турция–Сербия; новая энергетическая связка, 3 февраля 2019 г. // Центр изучения современной Турции. Аналитика.

Следовательно, на Балканах возможности для сотрудничества могут перевесить потенциальные разногласия.

В то же время следует отметить, что подход Турции к евразийству является не цельным, а выборочным, ограничиваясь тюркскими странами и народами региона. Роль центра силы исключительно для мусульманских и тюркских народов Евразии, которую отводит для себя Турция, может иметь результатом разделение Евразии. Подход России к евразийству шире и глубже, он основывается на объективных геополитических факторах и культурно-исторических характеристиках, относящихся к целостной и взаимосвязанной территории.

Однако ключевой детерминантой российско-турецких отношений все же является складывающаяся международная обстановка. Турецкие аналитики турецко-российские отношения 1990-х гг. назвали «золотым веком», стержневым элементом которого, с их точки зрения, являлось исчезновение имиджа России как страны, где доминируют территориальные и идеологические экспансионистские устремления и агрессивность³⁶. В современных условиях Россия и Турция, как и столетие назад, оказались в схожем положении. Отношения с Западом ухудшаются, против них вводятся санкции, игнорируются их интересы. В обеих странах есть потребность в формулировании и артикуляции новой идентичности. Евразийство в его интеграционной, а не сегрегационной трактовке сближает Турцию и Россию, их народы. Не политика соперничества, доминирования или односторонности, а сотрудничество и партнерство выглядят более предпочтительным и перспективным геополитическим и историко-культурным выбором.

Заключение

В Турции все более очевидным становится отторжение западной ориентации, и политическая элита страны уже признала этот факт. Обозначение этого сложного явления как «исламского национализма», «политического ислама» или «исламского правления» не звучит убедительно. Страной управляют не священнослужители и не по религиозным, а по светским нормам. Турецкие аналитики считают ошибочным утверждение, что восстановление исламских ценностей

URL: <http://ceist.ru/analitika/item/rossiya-turciya-serbiya-novaya-energeticheskaya-svyazka> (дата обращения: 16.04.2019).

36 Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 194. Оп. 81. П. 253. Д. 10. Л. 164.

в общественной жизни страны приведет к радикальным изменениям в ее внутренней или внешней политике³⁷.

Эти термины намеренно или по недостаточному пониманию введены в оборот главным образом западными экспертами. Они, как правило, выступают с позиции публичного отмежевания от религии не только в политике, но и в общественной и частной жизни, что стало нормой в Европе и в целом на Западе, хотя на практике и там сохраняются религиозные традиции, примерами чему являются клятва президентов США на Библии, отпевание усопших в церквях и т. п. Характерной чертой современного западного человека становится отстранение от религиозных догм, обрядов и институтов при формальном причислении себя к числу «верующих».

Турецкое разочарование в западных ценностях выглядит закономерным. В Турции, как, впрочем, и в России, идут идейные поиски. После осознания чуждости и неприемлемости современного западного социального либерализма (на это повлияли также западные санкции) в России и Турции идет процесс поиска самоидентичности. Жизненно важным является то, что Россия не рассматривается в Турции в качестве врага. К сожалению, по мнению турецких экспертов, в России не произошло подобной трансформации. У них складывается впечатление, что российская политическая элита испытывает к Турции весьма противоречивые чувства. Эта противоречивость усиливается слабостью России, членством Турции в НАТО и традиционно преувеличенным восприятием пантюркизма как заговора Анкары. Сейчас совершенно очевидно, заключают турецкие ученые, что планы формирования тюркского мира неосуществимы и российская элита может пересмотреть свое восприятие Турции с более реалистических позиций. Подобное переосмысление не только упрочило бы российско-турецкое сближение, но и в огромной степени способствовало бы миру и стабильности в регионе³⁸.

Нынешнее сближение России и Турции происходит как раз на основе их не вполне озвученного, но, возможно, осознанного культурно-исторического единства. Попутно заметим, что поиски само-

37 *Karaosmanoğlu A. L. Turkey Between the Middle East and Western Europe // Turkish Foreign Policy: Recent Developments / Ed. by Kemal H. Karpat. Madison, 1996. P. 21.*

38 *Duygu Bazoğlu Sezer. Turkish-Russian Relations a Decade Later: From Adversity to Managed Competition // Perceptions. 2001. Vol. VI. No. 1.*

идентичности идут и в Европе, которая в меру своих сил пытается освободиться от американской «опеки».

Совместное российско-турецкое научное сотрудничество только дополнило бы собственные исследования двух стран. Религии не разделяют два народа, как это считалось в XIX в., а похожий подход к ним объединяет. Принадлежность двух стран к разным идеологическим лагерям в XX в. не мешала их сотрудничеству. Тем более в XXI в. есть все основания для того, чтобы они могли сблизиться на базе общей геополитической ориентации, культурно-исторических связей и понимания единства исторических судеб их народов.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации.

Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М.: Изд-во Института международных отношений, 1960. 222 с.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. 2-е изд., доп. и исп. 648 с.

Кылычбейли Э. Х. Евразийская геополитика: Турция и Россия (старые понятия, новые подходы) // Турция в XX веке: [сб. ст.]. М.: Акад. гуманитар. исслед., 2004. С. 274–296.

Мамедов И. Россия–Турция–Сербия; новая энергетическая связка, 3 февраля 2019 г. // Центр изучения современной Турции. Аналитика. URL: <http://ceist.ru/analitika/item/rossiya-turciya-serbiya-novaya-energeticheskaya-svyazka> (дата обращения: 16.04.2019).

Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. 1919–1927. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1932. Т. II. 1919–1920. 416 с.

Мухамметдинов Р. Ф. Зарождение и эволюция тюркизма: (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ, 70-е гг. XIX в. — 90-е гг. XX в.). Казань: Заман, 1996. 272 с.

Орешкова С. В. Изучение Турции в России // Турция на рубеже XX и XXI веков. М.: ИВ РАН, 2008. С. 13–21.

Орешкова С. В. Становление Османской империи: ислам и византийское наследство // Османский мир и османистика: Сборник статей к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973). М.: ИВ РАН, 2010. С. 248–268.

Савицкий П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 776 с.

Сотниченко А. А. Расцвет и закат пантюркизма в Турции на рубеже XX и XXI вв. // Рахмат-наме: Сборник статей к 70-летию Р. Р. Рахимова / Отв. ред. М. Е. Резван. СПб.: МАЭ РАН, 2008. 488 с.

Телляль Э. Советское наследие в российско-турецких отношениях // Турция в XX веке: [сб. ст.]. М.: Акад. гуманитар. исслед., 2004. С. 134–139.

Трубецкой Н. С. Евразийство: избранное. М.: ИНФРА-М, 2016. 358 с.

Турция между Европой и Азией / Отв. ред. Н. Г. Киреев. М.: Крафт+, 2001. 536 с.

Ягудин Б. М. Кемализм и формирование политико-идеологических основ «Третьей Республики» в Турции // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М.: ИВ РАН, 2015. С. 257–264.

Duygu Bazoğlu Sezer. Turkish-Russian Relations a Decade Later: From Adversity to Managed Competition // *Perceptions*. 2001. Vol. VI. No 1.

Kafesoğlu I., Dursun Y. H., Merçil E., and Saray M. A Short History of Turkish — Islamic States (Excluding the Ottoman State). Ankara: Turkish Historical Society Printing House, 1994. 436 p.

Karaosmanoğlu A. L. Turkey Between the Middle East and Western Europe // *Turkish Foreign Policy: Recent Developments* / Ed. by Kemal H. Karpat. Madison: University of Wisconsin, 1996. P. 11–24.

Party Program // AK Parti. URL: <http://www.akparti.org.tr/english/ak-parti/parti-programme#bolum> (accessed: 04.08.2018).

References

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (Moscow)

Aralov, S. I. *Vospominaniia sovetskogo diplomata. 1922–1923*. Moscow: Izd-vo Instituta Mezhdunarodnykh otnoshenii, 1960, 222 s.

Duygu Bazoğlu Sezer. “Turkish-Russian Relations a Decade Later: From Adversity to Managed Competition”. *Perceptions*, 2001, vol. VI, no. 1.

Iagudin, B. M. “Kemalizm i formirovanie politiko-ideologicheskikh osnov «Tret’ei Respubliki» v Turtsii”. *Natsii i natsionalizm na musul’manском Vostoke*. Moscow: IV RAN, 2015, 257–264 s.

Kafesoğlu, I., Dursun, Y. H., Merçil, E., and Saray, M. *A Short History of Turkish — Islamic States (Excluding the Ottoman State)*. Ankara: Turkish Historical Society Printing House, 1994, 436 p.

Karaosmanoğlu, A. L. “Turkey Between the Middle East and Western Europe”. *Turkish Foreign Policy: Recent Developments*, ed. by Kemal H. Karpat. Madison: University of Wisconsin, 1996, p. 11–24.

Kylychbeili, E. Kh. “Evraziiskaia geopolitika: Turtsiia i Rossiia (starye poniatia, novye podkhody)”. *Turtsiia v XX veke: [sb. st.]*. Moscow: Akad. gumanitar. issled., 2004. S. 274–296.

Mamedov, I. “Rossiia-Turtsiia-Serbiia; novaia energeticheskaiia sviazka, 3 fevralia 2019 g.” *Tsentr izucheniiia sovremennoi Turtsii. Analitika*. URL: <http://ceist.ru/analitika/item/rossiya-turciya-serbiya-novaya-energeticheskaya-svyazka> (accessed: 16.04.2019).

Mustafa Kemal'. *Put' novoi Turtsii. 1919–1927*. M.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1932. T. II. 1919–1920. 416 s.

Mukhammetdinov, R. F. *Zarozhdenie i evoliutsiia tiurkizma: (Iz istorii politicheskoi mysli i ideologii tiurkskikh narodov; Osmanskaia i Rossiiskaia imperii, Turtsiia, SSSR, SNG, 70-e gg. XIX v. — 90-e gg. XX v.)*. Kazan': Zaman, 1996, 272 s.

Oreshkova, S. V. “Izuchenie Turtsii v Rossii”. *Turtsiia na rubezhe XX i XXI vekov*. Moscow: IV RAN, 2008. S.13–21.

Oreshkova, S. V. “Stanovlenie Osmanskoi imperii: islam i vizantiiskoe nasledstvo”. *Osmanskii mir i osmanistika. Sbornik statei k 100-letiiu so dnia rozhdeniia A. S. Tveritinovoi (1910–1973)*. Moscow: IV RAN, 2010. S. 248–268.

Party Program. *AK Parti*. URL: http://www.akparti.org.tr/english/akparti/party-programme#bolum_ (accessed: 04.08.2018).

Savitskii, P. N. *Izbrannoe*. Moscow: ROSSPEN, 2010, 776 s.

Sotnichenko, A. A. “Rastsvet i zakat pantiuurkizma v Turtsii na rubezhe XX i XXI vv.” *Rakhmat-name: Sbornik statei k 70-letiiu R. R. Rakhimova*, otv. red. M. E. Rezvan. Saint-Petersburg: MAE RAN, 2008, 488 s.

Tellial', E. “Sovetskoe nasledie v rossiisko-turetskikh otnosheniiaxh”. *Turtsiia v XX veke: [sb. st.]*. Moscow: Akad. gumanitar. issled., 2004, 351 s.

Trubetskoi, N. S. *Evraziistvo: izbrannoe*. Moscow: INFRA-M, 2016, 358 s.

Turtsiia mezhdv Evropoi i Aziei, otv. red. N. G. Kireev. Moscow: Kraft+, 2001, 536 s.

Veber, M. *Protestantskaia etika i dukh kapitalizma*. 2-e izd., dop. i isp. Moscow: ROSSPEN, 2006, 648 s.

Ilgar M. Mamedov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Russian-Turkic cultural and historical ties (XV–XXI Centuries)

Eurasia has been a place of origin and habitation of the Turkic and East Slavic peoples. Confrontation and rivalry of these peoples have been going hand in hand by mutual influence and interpenetration. Byzantium became a source of faith for the Eastern Slavs, and of a statehood — for the Ottomans. The Russian people obtained Orthodoxy from Byzantium and inherited the statehood of the Turkic steppe empires. However, the Russian people sanctified the idea of the state through Orthodoxy. The features of the Turkic psyche, in turn, penetrated into the Russian interpretation of Orthodoxy. The Turks converted to Islam and became the heirs of the Byzantine throne and system of government. The Turkic elite and the statehood went through the process of “becoming Byzantium”. Eurasia, as the place of origin of the two peoples and of birth of the steppe empires, and Byzantium, which gave the faith to one, the throne to other, have historically tied two peoples. The Russian people combined and continued the ideological traditions of Byzantium and the statehood of the Eurasian empires. The Turks unified and continued the ideological foundations of Islam and the Imperial tradition of Byzantium. Nowadays in Russia and Turkey, there is a need for an articulation of self-identity. Eurasianism, apparently, could become a unifying doctrine, able to meet the challenges of the XXI century. The similarity, symmetry and synchronicity of the history of the Russian and Turkic peoples and their States in the vast expanses of Eurasia confirms close cultural and historical ties, compatible geopolitical orientation and common historical destiny.

Keywords: Balkans, geopolitical orientation, Eurasia, Eurasianism, Russia, Russians, Slavs, Turkey, Turks.

УДК 94
ББК 63.3 (2)

М. А. Робинсон
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

**Научная карьера В. Н. Перетца
в контексте общественно-политической жизни Киева
(от первых лекций в Университете
до избрания в Академию наук)**

Академик В. Н. Перетц, выдающийся русский ученый и педагог, избрал в качестве основного круга своих научных интересов историю литературы и культуры Средневековья и раннего Нового времени на украинских землях. Для раскрытия обозначенной в статье проблемы анализируются архивные источники: прежде всего письма академиков А. А. Шахматова, Ф. Е. Корша, И. В. Ягича, А. И. Соболевского, великого князя Константина Константиновича, а также П. И. Житецкого, Т. Д. Флоринского, А. И. Яцимирского, И. А. Шляпкина, П. Н. Симони, А. И. Кадлубовского, К. П. Михальчука и др.

Деятельность Перетца проходила в условиях жесткой критики со стороны представителей киевской научной общественности, придерживавшейся правоконсервативных, националистических взглядов. Сама область научных интересов Перетца, работа созданного им в Киевском университете Семинария вызывала подозрения в сочувствии «украинофильству», и даже более того, в приверженности его радикальному политическому проявлению, получившему в этой среде название «мазепинство». Главным антагонистом Перетца был член Киевского клуба русских националистов, видный ученый-славист, профессор университета Т. Д. Флоринский.

Анализ писем Перетца полностью снимает с ученого подозрения в сочувствии украинскому сепаратизму. Он сам характеризовал свои политические взгляды как «левые», именно эти убеждения вызывали у него сочувствие к стремлению украинских ученых исследовать историю, язык, литературу и культуру своей родины. Но при этом Перетц не принимал и осуждал украинских коллег за их национализм, за то, что они привносят его в область научных исследований, к тому же зачастую при слабой филологической подготовке.

Ключевые слова: *А. А. Шахматов, Ф. Е. Корш, И. В. Ягич, П. И. Житецкий, Т. Д. Флоринский, «украинофильство», «мазепинство», украинский национализм.*

После защиты в ноябре 1900 г. магистерской диссертации¹ В. Н. Перетц решил связать продолжение своей научной карьеры с Киевским университетом. Однако быстрому осуществлению этого желания мешал целый ряд обстоятельств. О них мы можем узнать из писем Перетцу видного украинского филолога П. И. Житецкого. Так, он подтверждал опасения Перетца в письме от 7 декабря 1900 г.: «Вы пишете, что Ваши статьи в “Северном Курьере”² закроют Вам дорогу в Киевский Университет. Да, они не полезны для этой цели»³. Статьи, опубликованные ученым в этой газете, были посвящены исключительно научной проблематике, но само участие в ней могло не понравиться консервативной профессуре и руководству киевского университета. Однако большую проблему для Перетца, по мнению Житецкого, могло представлять наличие в университете у тех, от кого зависит получение мест, своих кандидатов. «Но главная беда в том, — подчеркивал Житецкий, — что Флоринский очень любит благо нравного Сперанского⁴ и весьма желает, чтобы на кафедре русской литературы процветал Лобода⁵»⁶.

После выхода в свет второго тома своих исследований по истории апокрифов⁷ Перетц задумался о возможности защиты докторской диссертации. А. И. Соболевский, всячески поддерживавший своего ученика, предупреждал его, что в Петербургском университете с представлением к защите этой работы в качестве докторской диссертации могут возникнуть трудности. Он предупреждал, что многое будет зависеть от позиции такого специалиста, как И. А. Шляпкин, мнение которого может быть очень важно при защите и чьи замечания могут осложнить

1 *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. I. Из истории русской песни. Ч. 1, 2.

2 «Северный курьер» — ежедневная политическая и литературная газета, издавалась в Петербурге с ноября 1899 г. В ней печатались и представители русского «легального марксизма». 22 декабря 1900 г. была закрыта на основании Устава о цензуре.

3 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 27. Л. 3–3об.

4 Сперанский Михаил Несторович (1863–1938) — литературовед-славист, академик РАН (1921).

5 Лобода Андрей Митрофанович (1871–1931) — литературовед, академик ВУАН (1922).

6 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 27. Л. 3об.

7 *Перетц В. Н.* Материалы к истории апокрифа и легенды, II. К истории Лунника. Введение и славянские тексты. Дополнения к истории Громника и указатели к вып. I и II // ИОРЯС. 1901. Т. VI. Кн. 3, 4.

защиту. Соболевский советовал 17 сентября 1901 г. «потолковать» со Шляпкиным и подчеркивал: «Ответ его сообщите мне немедленно!»⁸

Можно предположить, что Шляпкин склонялся к идее попытаться провести защиту в Петербургском университете, а Перетц мечтал о Киеве. Именно поэтому он писал 12 октября Шляпкину: «... удивляюсь, отчего Вы не хотите меня пустить в Киев: кажется, я там никому — и уж, конечно, ни Вам, ни друзьям Вашим — не могу быть вреден. А здесь в Питере — сами знаете: сижу на бобах и хвораю»⁹. У Соболевского также оставались сомнения в возможности «приличного диспута» в Петербургском университете, и он прямо спрашивал Перетца в письме от 31 октября 1901 г.: «Итак, есть риск. Есть ли надобность рисковать?» Соболевский рекомендовал Перетцу для достижения «скорого докторства» обратиться в Юрьевский университет. Ситуация с Киевским университетом была хорошо известна Соболевскому, он также предупреждал своего ученика: «Ваше желание — попасть в Киев. Но шансов у Вас мало, так как в Киеве уже имеется кандидат — Сперанский»¹⁰.

Своими проблемами с защитой Перетц делился и с Житецким, который буквально в те же дни, что и Соболевский, 25 октября, писал: «Говорят также, что по русской словесности лекций в университете нет. Время подходящее для водворения Вашего здесь. Нельзя ли защитить диссертацию в другом университете, напр[имер], Варшавском или Одессе? Здесь же в Киеве все зависит от Флоринского и Кулаковского¹¹, с которыми А. И. Соболевский в хороших отношениях. Мне кажется, что его посредничество имело бы большую силу»¹².

Перетц учел предостережения Соболевского и не стал спешить. Прошло несколько месяцев, и в начале 1902 г. вышел в свет третий том его историко-литературных исследований и материалов, посвященный развитию русской поэзии XVIII в.¹³ На появление этой работы живо откликнулся Житецкий, писавший Перетцу 20 марта 1902 г.: «Только силою научных, а не стихийных симпатий, Вы могли открыть жизнь в

8 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 78. Л. 14.

9 Там же. Ф. 1296. Оп. 1. Д. 65. Л. 7.

10 Там же. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 78. Л. 12об.

11 Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919) — известный филолог-классик, специалист по истории Римской и Византийской империй.

12 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.

13 *Перетц В. И.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. III. Из истории развития русской поэзии. XVIII в. СПб., 1902. Ч. 1–2.

том материале, который считался мертвым. Вирши!.. Да ведь это позор старинной малорусской литературы! Сколько теперь еще есть наивных людей, которые так думают! А между тем, в этом позоре переливалась живая струя мысли, создававшей поэтическую форму народной песни. Вы оправдали мое давнее, заветное убеждение, которое в свое время выразил я в примечании к размеру народных малорусских дум»¹⁴.

Теперь уже и у Соболевского не было никаких сомнений в возможности успешно защитить эту работу в качестве докторской диссертации. Он писал Шляпкину 8 марта 1902 г.: «На нас с Вами возложено составление отзыва о диссертации Перетца. А потому позвольте спросить у Вас:

- 1) в какие из заседаний факультета, в ближайшее, имеющее быть на будущей неделе, или в одно из следующих Вы пустите свой отзыв?
- 2) до Пасхи или после Пасхи мы устроим диспут?

Я прочел бегло диссертацию и вынес определенное впечатление. Если Вы будете действовать быстро, я примусь за более тщательное чтение и за справки. Если Вы намерены медлить, то я отложу все это на время после Пасхи. Я привык отделяться от диспутов как можно скорее, чтобы иметь свободные руки, и в данном случае мне хотелось бы покончить с Перетцем в конце поста»¹⁵.

Пожелание Соболевского было учтено, Перетц защитил диссертацию еще до Пасхи¹⁶, хотя у Шляпкина, как предполагал Соболевский, и осталось много замечаний к диссертации, по поводу которых он дискутировал с Перетцем на страницах Журнала Министерства народного просвещения¹⁷. Но при этом Шляпкин все-таки признал, что «и в данном виде она составляет фактическое приобретение для специалистов и друзей истории русской литературы, которые уже получили и надеются получить новые вклады в родную специальность от молодого трудолюбивого автора»¹⁸.

14 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 27. Л. 17об.

15 Там же. Ф. 1296. Оп. 1. Д. 130. Л. 6–6об.

16 Пасха в 1902 г. была 27 апреля.

17 *Шляпкин И. В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы. Т. III... и 17 положений к диссертации (от 31 марта 1902 г.) // ЖМНП. 1902. № 9. С. 233–240; Перетц В. Ответ И. А. Шляпкину // ЖМНП. 1902. № 10. С. 487–492; Шляпкин И. Заметка на ответ г. Перетца // ЖМНП. 1902. № 11. С. 231–235.*

18 *Шляпкин И. В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы. Т. III. С. 239–240.*

Успешная защита повышала шансы Перетца попасть в Киевский университет. «Как же Вы обрадовали меня известием о диспуте Вашем»¹⁹, — писал Перетцу Житецкий 18 апреля. При этом его все-таки продолжала беспокоить позиция руководства факультета. Житецкий продолжал: «Теперь в качестве доктора русской литературы, — продолжал ученый, — Вы имеете право принять участие в конкурсе, а Лобода и Сперанский, как магистры, не имеют этого права. Правда, Флоринский и К^о могут заявить, что у них есть кандидат, который якобы скоро получит докторскую степень, посему им не нужен конкурс»²⁰. В качестве возможного выхода Житецкий предлагал Перетцу обратиться в Министерство народного просвещения с просьбой организовать конкурс. «А может быть, — выражал он надежду, — можно будет и обойтись без этого после свидания Флоринского с Вами и Соболевским»²¹.

Теперь Житецкий всячески стал подталкивать Перетца к решительным действиям. «Итак, решайтесь! — писал он Перетцу 3 июля 1902 г. — Да поможет Вам Бог! А как бы я рад был видеть Вас здесь. Но чувство сердечной симпатии, которое есть источник этой радости, заставляет меня сказать, что не легка Вам будет борьба с шайкой сыщиков, подобных Кулаковскому, и фанатиков, подобных Флоринскому. Скажите на милость, Флоринский не хочет брать Вас “на свою ответственность”. Что же он — отец Вам — что ли? Что за необузданный и обозленный человек. Вообразите, он воюет с собственной женой же из-за того же украинофильства, хотя она совсем не украинофил»²². При этом Житецкий не преминул напомнить Перетцу необходимость учесть советы его учителя: «Наступает решительная минута: или теперь, или никогда! Посоветуйтесь с Соболевским — он их лучше знает, а человек он прямой — на его слово можно положиться. Семь раз примерьте, а один раз отрежьте!»²³

Несмотря на все опасения Житецкого, дело с «воворением» Перетца в Киевском университете продвигалось успешно. Открывающаяся перспектива заставляла Перетца очень серьезно задуматься о карьере педагога и о перспективе вовлечения студентов в научную работу. В последнем у него, по-видимому, были большие сомнения. Житецкий со своей стороны старался успокоить и подбодрить ученого.

19 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.

20 Там же. Л. 10об.

21 Там же. Л. 11.

22 Там же. Л. 4об.

23 Там же. Л. 4об.-5.

Он писал Перетцу 8 января 1903 г.: «Порадовали Вы меня широкими проспектами трудов Ваших по истории украинской поэзии. Что касается до щирых украинцев из киевской молодежи, уклоняющейся от науки, то в защиту ее могу сказать, что это овцы без пастыря». Далее Житецкий не преминул указать на, по его мнению, виновника такого положения: «Не могу же я считать “пастырем добрым” Флоринского. Напротив того, это тот пастырь, который разгоняет овец»²⁴.

Наконец, «весной 1903 г. В. Н. Перетц был избран по конкурсу экстраординарным профессором Университета св. Владимира, по кафедре русского языка и словесности»²⁵. Житецкий, желая Перетцу новых научных успехов, считал необходимым предупредить его о той непростой обстановке, в которой тот окажется в Киеве. Он писал 14 апреля: «Дай Бог Вам и на киевской почве сохранить не только прежнюю научную производительность, но и научное самообладание!

Ох, эта киевская почва!.. Не нужно обманывать себя на ее счет. Непохожа она на петербургскую. Хотя и петербургская — не первый сорт: вредят ей сквозные ветры, которые, как известно, считаются символом легкомыслия, но зато эти ветры освежают воздух. А здесь, как говорят украинцы, “спертый дух”»²⁶.

И действительно, первые впечатления о новом месте работы были у ученого удручающими, и 3 октября 1903 г. Перетц жаловался своему другу А. И. Яцимирскому «из этой окаянной дыры» на то, что петербургские коллеги его забыли, на недостаток научной литературы, что он оказался в положении «забытых судьбой, заброшенных в провинции ученых!»²⁷. К тому же добавил Перетц: «Здоровье мое все хромает. Боюсь, что если не выберусь из Киева, то придется подыхать»²⁸. Но при этом Перетц явно ощущал себя причастным к достаточно бурной внутренней жизни университета, сразу примкнув к либеральной части профессуры. Он сообщал Яцимирскому о выборах нового проректора: «Наш прогрессивный кандидат не прошел. Собрал из 60 всего голос[ов] 25. Но и черносотенный — около 12»²⁹.

24 Там же. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 27. Л. 23.

25 *Адрианова-Перетц В. П.* Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) // *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 217.

26 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 27. Л. 27.

27 Там же. Ф. 584. Оп. 1. Д. 184. Л. 4–4об.

28 Там же. Л. 4об., 5.

29 Там же. Л. 5.

Интересно, что именно в эти же дни А. А. Шахматов, осведомленный о настроениях Перетца, старался поддержать ученого, указывая на открывающуюся перед ним перспективу: «...у Вас теперь досуг для составления цельных систематических курсов. Ученики, наверное, найдутся со временем»³⁰. Последнее предположение Шахматова оказалось удивительно точным: успехи Перетца — учителя и воспитателя нового поколения ученых не заставили себя ждать.

Уже в следующем, 1904-м, году Перетц приступил к чтению курса, в котором речь шла о «малорусской литературе древнего периода». Столь смелое удревнение украинской литературы получило отклик в польской и зарубежной украинской печати. Обратил на это внимание и Соболевский, пожуривший своего ученика. «Полагаю, — писал он 18 марта 1904 г., — что Вы никакой малорусской литературы XI в. не нашли, что все старое остается пока по-старому, что Вы можете говорить о принадлежности Слова Илариона и т. п. малорусской литературе только как о гипотезе; зачем же писать об этом в заглавии лекций? Ведь достаточно бы было сказать где-нибудь в самих лекциях, во введении, в заключении, разве затем, чтобы подразнить Флоринского, попечителя и еще кого-нибудь из местных не-украинофилов?»³¹

Следует отметить, что Перетц предполагал возможность негативной реакции на подобную постановку вопроса и стремился избежать упреков в политической неблагонадежности. Так, он сообщал Соболевскому о своем разговоре с деканом филологического факультета Т. Д. Флоринским: «С Т. Д. я объяснился сразу по прибытии и заверил его, что, несмотря на свои симпатии к юго-западной литературе, никогда не стану украинофилом, и кажется, он успокоился»³².

Перетц свое слово сдержал, он не стал украинофилом в том смысле, какой это направление приобрело к началу XX в. Даже представители либерального направления в общественной жизни России, как, например, Шахматов, уже усматривали в украинофильстве этого времени негативные черты. Шахматов в мае 1901 г. в письме известному профессору Харьковского университета и активному участнику Харьковского общества грамотности Д. Н. Овсяннико-Куликовскому,

30 Там же. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 4.

31 Там же. Д. 78. Л. 23–23об.

32 Цит. по: *Груздева Е. Н.* Владимир Николаевич Перетц в Киеве. 1903–1914 гг. (из переписки В. Н. Перетца с А. А. Шахматовым) // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 158.

размышляя о «великом деле сближения обеих русских народностей», относил «квасной патриотизм великоруса и украинофильство малоруса» к разряду равнозначных «общественных недугов»³³. Во взглядах же русских правоконсервативных кругов украинофильство приравнивалось уже к политическому сепаратизму, получившему в этой среде название «мазепинство». С развитием в стране после революции 1905 г. политической жизни и либеральные деятели ощутили угрозу украинского сепаратизма, хотя и видели в его развитии вину властей и русских консерваторов. Так, Шахматов писал А. Ф. Кони 11 декабря 1912 г.: «Я тоже боюсь украинского вопроса и порожденного им “мазепинства”. Мне очень дорого единство России и процветание всего русского племени в его совокупности. Но думаю, что те из нас, которые стараются об удовлетворении тех или иных элементарных требований малорусов, менее грешат против родины, ее целостности и величия, чем те, которые разжигают племенную вражду и возбуждают между братьями ненависть»³⁴.

Перетца же, и то только отчасти, можно относить к украинофилам в том романтически-народническом духе, который имело это направление во второй половине XIX в. И это отнюдь не означало, что все в украинской действительности нравилось ученому. Так, Перетца не умиляло положение украинского крестьянства, о чем он писал Яцимирскому 30 июля 1905 г.: «Малор[оссийская] деревня — не из симпатичных — много контрастов. Сытые казаки и голодающие крестьяне. Антагонизм зело обостряется. Здесь наглядно вижу, сколь омерзительна буржуазная сытость, не прикрытая культурн[ым] покровом, и как жестока она к голодающему»³⁵. Тем не менее, с самого начала деятельности Перетца в Киевском университете среди консервативной части профессуры, университетской администрации и той киевской интеллигенции, которая впоследствии входила в такие общественные организации, как Русское собрание и Киевский клуб русских националистов, за ним утвердилась репутация украинофила в политической его интерпретации. Заметим, что Флоринский, в лице которого Перетц приобрел стойкого недоброжелателя, был одним из инициаторов создания этого Клуба, а Кулаковский входил в Совет Клуба.

Перетц с юности придерживался леволиберальных демократических взглядов. Отвечая в письме П. Н. Симони от 26 ноября 1928 г.

33 РО ИРЛИ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 250. Л. 4об.–5.

34 РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 14. Д. 1. Л. 117об.

35 РГАЛИ. Ф. 584. Оп. 1. Д. 184. Л. 2об.

на вопрос о становлении своих научных интересов, Перетц отмечал: подростком «в связи с естественным, хотя и неосознанным, исканием мировоззрения я увлекся народнической литературой». К окончанию университета «приблизительно в 1892–3 годах», продолжал ученый: «...я увлекся марксизмом, вытеснившим народничество»³⁶. Но марксизм с его жесткой детерминированностью методологических принципов и приемов не удовлетворил молодого ученого. Поиски методологической основы собственных исследований восточнославянских литератур привели его в начале XX в. к выводам, близким к школе русского формализма³⁷.

Профессионально занимаясь изучением украинской литературы раннего Нового времени, Перетц активно включился в деятельность украинских научных обществ и изданий. Так, он писал Шахматову 3 марта 1908 г.: «У нас организовалось и с осени начало действовать “Украинское научное об[щест]во в Киеве”³⁸, я имею честь состоять председ[ателем] филологической секции его и членом редакц[ионного] комитета»³⁹. Свое сообщение ученый сопровождал предложением написать для нового издания. В мае 1908 г. начали выходить «Записки українського наукового товариства в Київі». Перетц наряду с М. С. Грушевским и Н. П. Василенко стал постоянным членом редколлегии этого издания.

В следующем письме от 29 марта Перетц сделал важные уточнения к формальной стороне публикации. Он писал: «Да, предупреждаю: — по постановл[ению] Совета Укр[аинского] уч[еного] об[щест]ва статьи печатаются на украинском яз[ыке]. Т[ак] что мы Вас переведем.

36 ОР РНБ. Ф. 696. Д. 148. Л. 5–6.

37 Робинсон М. А. В. Н. Перетц: методологические взгляды на изучение истории литературы // *Literature and Social Change: A Voyage Through the History of Slavic Studies. Proceedings of the International Symposium «Literature and Slavic Studies» held by the Commission for the History of Slavic Studies at Comenius University in Bratislava on the 12th and 13th of April 2016* / Ed. by L. Matejko. Bratislava, 2017. P. 157–174. В современном литературоведении делаются даже смелые предположения о приоритете Перетца в формулировании некоторых постулатов формализма (*Росовецкий С. К.* Памятник истории литературоведения — или университетское пособие на все времена? // Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. М., 2010. С. 18).

38 Українське наукове товариство (УНТ).

39 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 74об.

Предупреждаю, чтобы не было сие для Вас неожиданностью. Надеюсь, Вы против этого не имеете возражений?»⁴⁰

Участие в деятельности украинских научных организаций, а также начало работы Семинария русской филологии⁴¹, значительную часть проблематики которого составляло изучение литературы, языка и истории культуры Украины, не могли не вызвать активизации недоброжелателей ученого. Он жаловался Шахматову 3 апреля 1908 г.: «На меня черносотенцы подняли гонение: запрещают занятия в моем филологическом семинарии, ибо таковые до сих пор происходили дважды в нед[елю] на дому по вечерам. Плетут, будто это — “политика”». «Вы увидите скоро, — продолжал Перетц, — когда напечатаю работы лучших участников, что вся “политика” моя вращается около... древней литер[атуры] и диалектол[огии]!.. Но здесь — с этим не считаются»⁴². И действительно, в первые два года существования «Записок» в них появились статьи членов Семинария: В. П. Адриановой, А. С. Грузинского, А. А. Назаревского, И. И. Огиенко, С. Ф. Шевченко.

Перетц заслуженно гордился работами своих учеников и всячески способствовал популяризации их достижений. Профессор Харьковского университета А. И. Кадлубовский⁴³ писал Перетцу 7 января 1910 г.: «Затем я считаю долгом поблагодарить Вас (так как данное дело сделано, вероятно, по Вашему указанию) и попросить передать мою глубокую благодарность тем 2 авторам, которые прислали мне свои работы, в основании представляющие читанные у Вас рефераты: В. Адрианову и С. Ф. Шевченко. По-вид[имому], у Вас отлично поставлен семинарий: здесь прививается туго; отчасти (но только отчасти) это понятно: у Вас больше возбуждают интерес

40 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 77об.

41 Начальной датой в истории Семинария «как стойкой организации» считается его первое собрание 10 октября 1907 г. (Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. Участники Семинария — своему руководителю. Л., 1929. С. 27). К этому времени «Семинарий русской филологии», переросший рамки «обычного университетского “спецеминара”, превратился в своеобразный научный кружок» (*Адрианова-Перетц В. П.* Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) // *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 218).

42 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 79об.

43 Кадлубовский Арсений Петрович (1867–1921) — специалист по древнерусской агиографической литературе, русской литературе XIX века.

данные источников (рукописи, старопеч[атные] книги). Во всяк[ом] случае авторы эти молодцы. От души желаю и им, и Вам всяких дальнейших успехов»⁴⁴.

Правоконсервативная общественность Киева усматривала и в исследовательских интересах, и в педагогической деятельности Перетца как минимум украинофильство и даже «мазепинство». Взаимная неприязнь была очевидной. Перетц позволял себе называть Флоринского в письмах коллегам «Тимошкой»⁴⁵. Но непросто складывались отношения Перетца и с украинскими коллегами, и прежде всего это касалось тех случаев, когда они руководствовались своими национальными пристрастиями при разработке больших научных проектов. Именно этим объясняется позиция Перетца, когда он получил приглашение принять участие в подготовке труда «Украинский народ в его прошлом и настоящем»⁴⁶. В отличие от Перетца, Шахматов не только принял приглашение, но и стал одним из редакторов всего издания. Поэтому решение Перетца удивило и огорчило Шахматова. Он писал ученому 17 июля 1910 г.: «Мне досадно, что Вы отказываетесь от участия в Энциклопедии. Ваше письмо дошло до меня только недавно; оно задержалось в П[етербур]ге, а Вы не воспользовались моим деревенским адресом. Убедительно Вас прошу взять назад свой отказ; он поставит нас в большое затруднение. Пожалуйста, не думайте, что в чем-нибудь виноват Крымский»⁴⁷. Вопрос обсуждался в П[етербур]ге при участии некоторых еще украинцев, инициаторов Энциклопедии; они смотрят на это дело как на нечто важное для их национальных интересов и, с этой стороны, просили Вас не отказываться от намечавшихся для Вас отделов, причем всякое новое имя встречалось ими с неодобрением. Доказать, что Константин Иванович⁴⁸ — специалист по укр[аинской] литературе, конечно, не удалось. Его имя встретило возражения именно только с этой стороны. Пожалуйста, не задержите ответ — утвердительный, и пришлите его по адресу: почт[овая] ст[анция] Вязовка Сар[атовского] у[езда]»⁴⁹.

44 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 31. Л. 3об.

45 Там же. Ф. 584. Оп. 1. Д. 184. Л. 2.

46 Украинский народ в его прошлом и настоящем: В 2 т. СПб. 1914–1916.

47 Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942) — украинский филолог, востоковед, писатель, переводчик, академик ВУАН (1919).

48 Имеется в виду Арабажин Константин Иванович (1866–1929) — русский и украинский литературовед, журналист, писатель.

49 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 8–8об.

И проблематика предполагавшегося издания, и, безусловно, мнение Шахматова были дороги для Перетца, поэтому он ответил не сразу. В письме от 26 сентября ученый постарался представить обстоятельную аргументацию своего отказа. «Я не отвечал Вам долго потому, — писал Перетц, — что очень не хотел отказываться от участия в Украинской энциклопедии. Но по зрелом обсуждении и размышлении я вижу, что этой работы мне не следует брать на себя: сотрудничать в деле, где к участникам относятся не так, как я считаю справедливым, — выше моих сил. Там — свои люди, пусть и обходятся при содействии своих людей [. . .] — и на Вас, и на меня смотрят эти гг. Лотоцкие⁵⁰, Крымские и К^о — шовинисты чистой воды — не очень-то благосклонно. Но Вы такая величина, с которою, для интереса дела, надо считаться. А со мною — можно не считаться. Вот и все. И я это сразу же понял весною. Вопрос был только в том, смогу ли я сломить свое самолюбие и стоит ли неволить себя. Решил, что не стоит. А дело без меня хуже не делается: тот же Студинский⁵¹ отлично напишет порцию, которая должна быть написана мною. Не сердитесь на меня и не объясняйте “дурным и сварливым характером” мой отказ. Чего я не могу сделать — на то никогда не смогу себя принудить»⁵².

В своих оценках настроений части украинской научной интеллигенции Перетц, отметивший крайнюю степень ее национализма, явно не соглашался с мнением Житецкого, который в принципе отрицал саму возможность возникновения украинского шовинизма. Сообщить Перетцу свои соображения по этому поводу Житецкого побудила заметка от редакции в одной из киевских газет. Итак, в письме от 25 июля 1905 г. он писал: «От редакции сделана заметка, в которой редакция говорит, что она стоит выше всякого шовинизма — каков бы ни был этот шовинизм — польский или украинский. Хорошо, но где же она видела украинский шовинизм? Ведь существенная черта шовинизма — подавить чужую народность и навязать свою в силу преобладаний — государственных, экономических и вообще культурных. Но в [нрзб] сих отношениях украинская народность неизменно слабее как великорусской, так и польской, поэтому как в прошлом, так и в настоящем ей выпало на деле от великорус[ского] и польского шови-

50 Лотоцкий Александр Иванович (1870–1939) — украинский общественно-политический деятель, писатель, публицист, ученый.

51 Студинский Кирилл Иосифович (1868–1941) — украинский филолог-славист, писатель, общественный деятель, академик ВУАН (1924).

52 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 102–103.

низма, и только ведь можно говорить об обрусении и об ополячении, но не об украинизации в политическом смысле этого слова»⁵³.

При столь очевидном отрицательном отношении к украинским «шовинистам» со стороны Перетца, его недоброжелатели причисляли самого ученого именно к «суперукраинцам». Примером такого отношения может служить письмо Ю. А. Яворского⁵⁴, жаловавшегося М. Н. Сперанскому 7 ноября 1910 г.: «Вопрос о моей доцентуре в здешнем ун[иверсите]те, наконец, после почти двухгодичной канители, разрешился, и именно так, как можно было — по существующему в нашем факультете “соотношению” партийных сил — предвидеть: кадето-“украинский” блок, с обер-украинцем Перетцом во главе, дружно провалил ее 7-ю голосами против 5-ти»⁵⁵. Полагаем, что в данном случае сыграло свою роль не столько предполагавшееся украинофильство-«мазепинство» Перетца, сколько его левые политические взгляды.

Неучастие Перетца в двухтомнике «Украинский народ в его прошлом и настоящем» не означало тем не менее прекращение его сотрудничества в других проектах украинских ученых. Его статьи печатались не только в Известиях Киевского университета и в изданиях ОРЯС, но и в украинской научной периодике — трудах и киевского, и львовского научных товариществ.

Семинарий, который создал Перетц, совершал каждый год «экскурсии» не только в близлежащие от Киева города (Житомир, Екатеринослав, Нежин), но и столичные научные центры (Москва). В этих поездках члены Семинария работали в библиотеках и архивах, выступали с докладами. Свой первый выезд Семинарий осуществил в Петербург 20 февраля — 6 марта 1910 г. Здесь сам Перетц, как и его ученики, заслужили у коллег самые высокие оценки. Шахматов писал ученому 26 марта: «Чсть Вам и слава! Некоторые из них, несомненно, станут скоро украшением которого-нибудь из наших университетов»⁵⁶. В следующем году отзыв Шахматова о членах Семинария был не менее высок. В письме Яцимирскому от 7 марта он отмечал, что «впечатление они произвели великолепное»⁵⁷. Пред-

53 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 27. Л. 7а–7а об.

54 Яворский Юлиан Андреевич (1873–1937) — литературовед, в 1915 г. он все-таки стал доцентом Киевского университета.

55 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 336. Л. 51об.–52.

56 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 7.

57 Там же. Ф. 584. Оп. 1. Д. 258. Л. 21.

ложенную Перетцем организацию работы Семинария оценили и его иностранные коллеги. Яцимирский писал Перетцу 24 апреля 1911 г.: «Проф[ессор] А. Брюкнер⁵⁸ остроумный человек, он дал вашему семинарию кличку *fliegende Seminarium*⁵⁹. Ловко? Теперь пойдет гулять это определение»⁶⁰.

Отчеты о поездках Семинария, составленные Перетцем, регулярно публиковались в Университетских известиях, как правило, они представляли тексты на десятках страниц⁶¹. Об их значении Кадлубовский писал Перетцу 24 декабря 1912 г.: «Прежде всего позвольте принести Вам глубокую благодарность за присылку печатных работ Ваших, особенно глубоко интересных отчетов об экскурсиях Вашего семинария. Они интересны и сами по себе, и по тому, что показывают, как Вы сумели вдохнуть такую жизнь в дело изучения литературы и языка. Можно только пожелать, чтобы Ваш пример нашел побольше подражателей и чтобы эти подражатели и сами умели привлекать молодежь, да чтобы и среди этой последней они находили почву столь же благоприятную, как находите Вы. От души желаю Вам в дальнейшем развития и усовершенствования Вашего дела»⁶².

С каждым годом рос научный авторитет ученого в академических кругах. Именно к Перетцу решил обратиться за содействием главный редактор «Энциклопедии славянской филологии» В. Ягич. Инициатором грандиозного многотомного издания выступало Отделение русского языка и словесности. Как отмечал Ягич, энциклопедия должна состоять из «трех Отделов: первого, по всем вопросам, касающимся славянских языков и наречий (лингвистическая часть), второго, по истории славянских литератур (историко-литературная часть), третьего, относящегося к быту славянских народов (этнографическая часть)»⁶³. В разделе «Отдельные славянские языки в грамматическом отношении» в блоке «2. Русская группа» в одном из выпусков пред-

58 Брюкнер Александр (1856–1939) — польский славист, лингвист и литературовед. Иностранный член-корреспондент Академии наук (1889).

59 *fliegende Seminarium* (нем.) — летучий семинар.

60 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 97. Л. 43об.–44.

61 См., например: *Перетц В. Н.* Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в С.-Петербург, 13–28 февраля 1911 года. Киев, 1912. 171 с.

62 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 31. Л. 4–4об.

63 *Ягич И. В.* Предисловие // Будде Е. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX вв.). СПб., 1908. С. IV (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 12).

полагалось представить такие его части, как: «Образование современного малорусского языка» и «Малорусские наречия»⁶⁴. Специалистов, которые могли бы написать соответствующие разделы, Ягич искал среди украинских ученых. С огорчением он сообщал 31 марта 1910 г. о печальной новости — неожиданной кончине одного из авторов. «Вы знаете, многоуважаемый Влад[имир] Ник[олаевич], — писал Ягич, — что в то время, когда я по поручению Отделения стал отыскивать сотрудников для малорус[ского] языка, я возлагал все надежды на Житецкого и Михальчука⁶⁵. Первый был тогда очень занят пересмотром малор[усского] текста св[ященного] Писания и не мог дать никаких обещаний. Второй указал мне на Тимченка⁶⁶. [...] Теперь же узнаю от Вас, что и на Житецкого нельзя больше рассчитывать. Увы — как это печально!»⁶⁷

«Между тем, — продолжал ученый, — Ваша деятельность в Киве выдвигает Вас не только по истории литературы, для которой у меня было уже давно на примете Ваше участие, но также по истории малор[усского] языка. Поэтому я бы очень просил Вас не считать себя обиженным тем, что я до сих пор не обращался к Вам. Причина в медленном ходе Энциклопедии и в моих личных занятиях в этом предприятии. [...] Только теперь я могу несколько свободнее отдохнуть и начать вновь заботиться о судьбе следующих выпусков. Поэтому я собирался написать Вам просьбу принять участие в Энциклопедии. Печальное известие о кончине Богумила, о которой никто не известил меня, заставляет меня теперь прежде всего формулировать вопрос так: Не хотите ли Вы взяться за продолжение и окончание темы бывшего Вашего ученика Богумила? Я бы доставил Вам обратно его рукопись, и Вы бы видели, что и как нужно сделать, чтобы вопрос об образовании литер[атурного] малорусск[ого] языка был бы по возможности всесторонне и удовлетворительно разработан»⁶⁸.

Очень важными Ягич считал и организаторские способности Перетца. Поэтому он продолжал: «Второй вопрос сводится к следующему: Если Вы, как я полагаю, имеете сношения с киевскими малорус-

64 Там же. С. IX.

65 Михальчук Константин Петрович (1840–1914) — украинский языковед и этнограф.

66 Тимченко Евгений Константинович (1866–1948) — украинский лингвист, академик ВУАН (1919), член-корреспондент АН СССР (1929).

67 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 94. Л. 2об.–4.

68 Там же. Л. 4–4об.

скими учеными, Вы могли бы взять на себя роль посредника для некоторого облегчения мне трудной задачи, т. е. расспросом узнать от г. Тимченка, занят ли он разработкой темы о современных малорусск[их] говорах и говорах в пределах России? Я до сих пор не приставал к киевлянам потому, что ни Шахматов, ни Соболевский еще не написали своих статей. Но я бы желал к осени или к зиме нынешнего года начать печатать русскую группу. [...] Вы очень обяжете меня, если окажете мне большую услугу, что по наведенной справке сообщите мне, на что я могу рассчитывать из Киева и в какой срок?»⁶⁹

В «Энциклопедии славянской филологии» вопросам языка предполагалось посвятить 20 выпусков, но Ягич уже строил планы по подготовке выпусков, посвященных национальным славянским литературам. В письме от 15 сентября 1911 г. он вновь обращался к Перетцу за советом. «Хотя Энциклопедия славянской филологии очень медленно подвигается, — констатировал Ягич, — я нахожу все же целесообразным уже теперь составить план второй главной части предприятия, т. е. историко-литературного отделения. Что касается [нрзб] — или малороссийской, [нрзб] украинской литературы я имею прежде всего в виду содействие Ваше, так как на бедного д[окто]ра Франко нельзя уже рассчитывать, другого же такого в Галиции я не знаю, с которым можно было бы об этом вопросе посоветоваться. Поэтому позвольте мне обратиться к Вам с просьбой поделиться со мною советами, как мне взяться за это дело, т. е. к кому обратиться с предложением участия в разработке истории малорусской литературы для нашей Энциклопедии»⁷⁰.

Ягич прекрасно осознавал подстерегавшие будущих авторов трудности не столько научного, сколько общественно-политического характера. И этим обстоятельством он во многом объяснял свое обращение за советом именно к Перетцу. «Я знаю, — продолжал ученый, — что подыскать сотрудников такого предприятия, каким я себе представляю нашу Энциклопедию, — дело очень трудное. Над этим изданием должен был бы витать дух славянской взаимной не то любви, не то дружбы, в особенности по вопросу об отношении малорусской литературы к великорусской, где, по-моему, следовало бы избежать обе крайности, в которых, к сожалению, как раз в наше время вращается большинство общественных деятелей. Я все же мечтаю о

69 Там же. Л. 4об.–3об.

70 Там же. Л. 5–5об.

возможности поворота к разумному утравкизму⁷¹, каким в свое время отличались Максимович, Костомаров и т. д., т. е., по-моему, образованному великорусу не должна быть чужда духовная и культурная жизнь малорусов, и наоборот. Но Вам-то не нужно проповедовать об этом, Вы, надеюсь, все это живо чувствуете и усиленно в этом направлении действуете. Вот и причина, по которой я обращаюсь к Вам с просьбой содействия и сотрудничества»⁷².

Судя по письму от 18 октября⁷³, Ягич довольно быстро получил обстоятельный ответ от Перетца. «Сердечное спасибо за Ваше письмо, рисующее верно положение дела. Я так и предвидел, — писал ученый, — что как раз для малорусской литературы трудно будет найти подходящих сотрудников. Сочинение упомянутого Вами Ефремова⁷⁴ я не знаю, но по Вашему отзыву судя, это — nicht vinner Mann!⁷⁵»⁷⁶.

В своем письме Перетц вновь подтвердил свое отрицательное отношение к националистическим настроениям в среде украинских гуманитариев. Ягич выражал свое полное согласие с его оценками. «Крымского, — отмечал ученый, — считаю и я фанатиком в высшей степени, что мне при всей любви его к малорусской родине для человека науки просто непостижимо. Это явление патологическое»⁷⁷.

Возвращаясь к проблематике своего прошлого письма, посвященного проблемам языкознания, Ягич вновь указывал на необходимость избегать влияния политических страстей на научные вопросы. «Чтобы наши галичане не были в претензии, — писал ученый, — я поручил южнорусскую (украинско-галицкую) диалектологию одному из галицких молодых ученых Зелинському, он лучший знаток диа-

71 Утравкизм — в данном контексте — принятие и того, и другого. Утравкисты — одна из групп последователей Я. Гуса, требовавшая причащения под обоими видами (*utraque specie* — под двумя видами), т. е. хлеба и вина.

72 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 94. Л. 5об.—6.

73 Ягич датировал письма одновременно и по юлианскому, и по григорианскому календарям. В данном случае оставляем дату принятого в России Юлианского календаря.

74 Ефремов Сергей Александрович (1876–1939) — украинский общественно-политический деятель, публицист, историк литературы. В 1911 г. была опубликована его книга «Історія українського письменства», академик ВУАН (1919).

75 Nicht vinner Mann (*нем.*) — не человек-победитель.

76 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 94. Л. 7.

77 Там же.

лектологических особенностей малорусских говоров, человек, вполне преданный науке без фанатизма Крымского. При нем известную часть задачи (истор[ическое] обозрение того, как создавался литературный язык малорусский) возьмет на себя Тимченко. Итак, как Вы видите, я везде стараюсь подыскать лучших знатоков предмета»⁷⁸.

Похоже, что Перетц, характеризуя и рекомендуя Ягичу возможных авторов для Энциклопедии, сам не стремился принять в ней участия. Однако Ягич подчеркивал и обосновывал свою заинтересованность привлечь Перетца к этому проекту. «Я вполне понимаю, — писал ученый, — что Вы можете считать пустой тратой времени — заниматься составлением компендиев, но я и не предлагаю Вам полного компендия, а только участие по той эпохе южнорусск[ой] литературы, которая, как вы доказали, Вас интересует, а именно обозрение средневековой деятельности русского юго-западного края в то время, когда он, стоя под влиянием польско-латинского схоластицизма, восторгался своими виршами, драм[атическими] произведениями и [нрзб]. Одним словом, всю деятельность, заключающую в себе зародыши литературы вплоть до Котляревского, — эту тему я бы хотел все-таки навязать Вам как лучшему знатоку. [...] Тут Вы могли бы сообщить нам много интересного из своего, т.е. собственных исследований. И это, быть может, могло бы все-таки и Вас заинтересовать»⁷⁹.

Ягич согласился с рекомендацией Перетца привлечь к делу А. М. Лободу⁸⁰. При этом он полагал, что для рассмотрения некоторых вопросов явно предпочтителен взгляд профессора русского университета. «Не знаю только, — отмечал ученый, — согласится ли он взять на себя всю новейшую литературу как украинскую, так и галицкую? Я находил бы это и возможным и желательным, потому что для русского ученого, следящего с любовью за южнорусской литературой, гораздо легче применить к делу правильный масштаб, чем для людей, зараженных провинциальным самолюбием»⁸¹.

«Итак, — констатировал Ягич, — мне представляется очень удачным такой выбор сотрудников. Вы — до Котляревского, Сумцов⁸² —

78 Там же. Л. 8.

79 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 94. Л. 7–7об.

80 Лобода Андрей Митрофанович (1871–1931) — литературовед, академик ВУАН (1919).

81 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 94. Л. 7об.–8.

82 Сумцов Михаил Федорович (1854–1922) — фольклорист, этнограф, академик ВУАН (1919).

до Шевченка (включительно ли или нет, об этом можно потолковать). Лобода — новейшую литературу до 1900 или даже 1910». Интересовало Ягича и мнение Перетца о возможном объеме тома и сроках его завершения. Он прямо спрашивал: «Скажите еще следующее: Мне кажется, что в кратком виде, без лишнего разглагольствования, с внесением критической библиографии, можно представить южнорусскую литературу в объеме 30–35 листов. Как Вы думаете? Сроки я бы поставил — два года, т. е. к 1914 г. надо бы приступить к печатанию». И в заключении письма ученый вновь обращался с личной просьбой к Перетцу: «Главное все-таки: паки и паки я прошу Вас не отказаться от участия в этом прекрасном, хотя трудно исполнимом предприятии»⁸³.

Предприятие действительно было трудноисполнимым, ни сроки, ни объемы подготовленных выпусков не соблюдались. «На днях, — писал Ягич Перетцу 31 марта 1910 г., — Вы увидите изданный мною первый “выпуск”, обнимающий большой том (60 листов!). Можете представить себе, что я в течение последних 4-х лет был почти исключительно занят этим “выпуском”, т. е. “Историю славянской филологии”⁸⁴»⁸⁵. Сам же Ягич первоначально планировал под свой труд всего 10 листов⁸⁶. К сожалению, планы Ягича, касавшиеся и истории украинского языка, и истории украинской литературы, которые он обсуждал с Перетцем, остались нереализованными.

К академическим ученым, принимавшим участие в проектах украинских ученых, принадлежал Ф. Е. Корш⁸⁷. Он, в частности, входил вместе с Шахматовым в редколлегия труда «Украинский народ в его прошлом и настоящем». Корш также обсуждал с Перетцем вопросы, так или иначе связанные с украинской тематикой. Знаток многих языков, Корш пересыпал текст своих писем фразами на латыни, греческом, французском, немецком и украинском. О последнем он с иронией замечал в письме от 22 февраля 1912 г.: «Нет, эта “мова” положительно неблагонадежна: того и гляди, наведет на что-нибудь совсем неудобное»⁸⁸. С не меньшей иронией он описывал украиновед-

83 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 94. Л. 8–8об.

84 Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910 (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1).

85 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 94. Л. 4–4об.

86 Ягич И. В. Предисловие. С. VII.

87 Корш Федор Евгеньевич (1843–1915) — филолог-классик, востоковед, славист, академик (1900).

88 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 37. Л. 2об.

ческую деятельность свою и своих коллег по московскому «Обществу славянской культуры». «Со второй половины января, — продолжал ученый, — я словно в котле киплю: моя статья для Украинской энциклопедии еще не написана⁸⁹, “Общество славянской культуры”⁹⁰ при новом составе “старшины”⁹¹ (кроме меня) проявило ужасающую деятельность, самая деятельная и беспокойная его секция, украинская, возложила на меня значительную часть своих мятежных упований, корректуры сыпятся на меня десятками, юбиляры, живые и мертвые, словно сговорились относительно своих знаменательных годовщин и чуть не все сразу требуют речей и статей...»⁹²

Если судить по письмам Корша Перетцу, то ирония была неотъемлемой частью их стиля. Даже в период крайнего обострения отношений между либеральной и правоконсервативной, националистической частью общества, вызванного делом Бейлиса⁹³, ирония не покидала Корша. Он писал Перетцу 23 октября 1913 г.: «Во славу Михальчука⁹⁴ следует написать что-нибудь такое, что хоть одним боком касалось бы Украины, или, как выразились бы Л. Волков, Савенко⁹⁵, ритуальный психиатр Сикорский⁹⁶ и т. п., что-нибудь мазепинское. Я мог бы сказать, что такая статья у меня есть, даже написана — *si dis placet*⁹⁷ — по-украински, если это окончательно выяснилось, что сборника в честь Франка⁹⁸ не состоится (что кажется вероятным

89 Статья так и не была написана.

90 «Общество славянской культуры», организованное в 1908 г., объединяло представителей либерального направления.

91 Корш был председателем Общества в 1909–1911 гг.

92 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.

93 Процесс состоялся в Киеве 23 сентября — 28 октября 1913 г.

94 Михальчук Константин Петрович (1840–1914) — украинский языковед и этнограф. Сборник готовился к 75-летию ученого, но вышел уже после его кончины (Фільольогічний збірник пам'яті К. Михальчука. Київ, 1915).

95 Савенко Анатолий Иванович (1874–1922) — общественный и политический деятель, публицист, один из основателей Киевского клуба русских националистов.

96 Сикорский Иван Алексеевич (1842–1919) — психиатр, публицист, профессор Киевского университета, выступал экспертом и свидетелем от обвинения по делу Бейлиса.

97 *si dis placet* (лат.) — Бог спасает нас.

98 Франко Иван Яковлевич (1856–1916) — украинский писатель, ученый, публицист.

вследствие раздоров, происходящих во львовском Товаристве имени Шевченка, судя по присланной мне оттуда брошюре)»⁹⁹.

Несомненно, москвича Корша, обладавшего высоким положением академика, реакция на его статьи Киевского клуба русских националистов не особенно волновала и даже забавляла. Для Перетца же, оказавшегося в центре ожесточенных нападков на проявления украинского сепаратизма, как реального, так и выдуманного, ситуация была очень непростой.

Обвинения в «мазепинстве» могли повлечь за собой серьезные неприятности в университете. Тем не менее, при уже отмеченной сложности отношения ученого к шовинистическим склонностям украинских коллег, он не намеревался прерывать своего сотрудничества с ними в научных мероприятиях. Поэтому, когда УНТ задумало организовать новое периодическое издание — журнал «Украина», Перетц принял в нем самое живое участие. Он старался расширить авторский состав за счет статей столичных ученых. Ученый, например, писал В. И. Срезневскому 5 марта 1914 г.: «Не найдете ли Вы возможным дать нечто, касающееся старой Малороссии и ее литературы, в новое издание (3-х месячное) “Украина”, которое на днях начнет выходить в свет в Киеве. Это будет историч[еский] журнал типа “Киев[ской] старины”: исследования, небольшие статейки, материалы — не громоздкие, а поместительные, на неск[олько] страничек; критика и библиография. Перв[ая] книжка выйдет на днях». Перетц в сложившейся ситуации посчитал важным отметить характер издания: «Журнал — не политич[еский] и не партийный, а чисто научный»¹⁰⁰.

Шахматов посылал свои статьи, написанные для украинских изданий, Перетцу, который организовывал их дальнейшее продвижение. 1 января 1914 г. он сообщал Шахматову: «С удовольствием я прочел Вашу статью — она — ясна необычайно. Опасаюсь, что при переводе будет затруднение (и не было бы путаницы в терминах укр[аинских] м[а]л[о]р[усских]»). При этом Перетц отметил два принципиальных обстоятельства для успешного выполнения работы. «Я предлагаю, — писал он, — взяться за перевод Е. К. Тимч[енко] — это понимающий дело человек и, конечно, далекий от шовинизма»¹⁰¹.

Через четыре дня, 5 января, Перетц отправил Шахматову новое письмо. Ученый предлагал на выбор разные издания для публика-

99 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 37. Л. 5–5об.

100 Там же. Ф. 436. Оп. 1. Д. 2862. Л. 8–8об.

101 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 99.

ции статьи: «У меня лежит пока статья Ваша о Грамматике См[аль-]Стоцкого¹⁰², — и М. С. Груш[евский] подал мысль предложить Вам “конверсию”, т. е. для “Украины” просить Вас уступить эту статью, как затрагивающую общий и всем интересный вопрос. Сборн[ик] Михальчуку, как теперь выяснено радой Тов[арищества], пойдет в печать после Шевченковского, т. е. в марте-апреле. (Шевч[енковский] том будет листов 12–15 и ввиду юбилея — его надо двигать скорее!). Если Вы согласны — уведомьте меня открыткой, если нет — я отдам в набор для тома, посвященного Михальчуку»¹⁰³.

Согласие Шахматова было вскоре получено, и 22 января Перетц, извиняясь, сообщал: «Сразу не поблагодарил Вас за разрешение на конвертацию статей — хворал»¹⁰⁴. Уже 2 февраля Перетц информировал его об успешном продвижении в подготовке статьи к публикации: «Ваша статья переведена Тимч[енко] — по-моему, превосходно»¹⁰⁵. Однако характер замечаний, сделанных Шахматовым, смутил украинскую часть редколлегии журнала, о чем Перетц написал ученому 5 февраля: «Первое — редакция “Украины” обратится к Вам с просьбою внести некоторую гармонию между началом статьи, где преподается совет не вносить политич[еской] страстности в вопросы языкознания — и между концом, где дается назидание См[аль-]Ст[оцкому]¹⁰⁶ и другим, находящимся для нас за пределами досягаемости¹⁰⁷. «Я, хотя и не украинец, — продолжал ученый, — присоединяюсь заранее к той просьбе, которая будет обращена к Вам: не стоит дразнить людей, и без того оскорбительно забытых в самом дорогом! Ведь столетие Шевч[енко] будет покрыто гробовым молчанием — в угоду партии политических шантажистов, присвоивших себе монополию имени “русских”»!¹⁰⁸

102 *Smal-Stockyj S., Gartner T. Grammatik der Ruthenischen (Ukrainischen) Sprache. Wien, 1913.*

103 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 1–1об.

104 Там же. Л. 7.

105 Там же. Л. 3.

106 Смаль-Стоцкий Степан Иосифович (1859–1938) — украинский лингвист, славист, историк литературы, общественно-политический деятель.

107 Смаль-Стоцкий и его соавтор австрийский лингвист Теодор Гартнер (1843–1925) — профессора Черновицкого университета были подданными Австро-Венгрии.

108 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 9–10.

Реакция правой прессы на появление «Украины» последовала незамедлительно, особое раздражение вызвала публикация в ней статей членов Академии наук. Так «Новое время» от 25 марта поместило заметку «Новый журнал на украинском языке», в которой отмечалось, что «русское общество Киева глубоко возмущено участием в новой мазепинской затее официальных лиц»¹⁰⁹. И уже 28 марта Шахматов должен был оправдываться в письме к президенту Академии наук, великому князю Константину Константиновичу. «На днях, — писал ученый, — против Ф. Е. Корша и меня выдвинуто в некоторых газетах обвинение в том, что мы участвуем в только что основанном М. С. Грушевским в Киеве научном издании “Украина”». Ученый сообщал, что не имеет «ни времени, ни охоты принимать в этом органе ближайшего участия», но при этом он отмечал, что «поместил в нем с особенным удовольствием разбор только что вышедшей в Галиции грамматики Смаль-Стоцкого»¹¹⁰. Даже если Шахматов и принял во внимание совет Перетца несколько смягчить тон рецензии, выводы ее остались вполне определенными. Он подчеркивал, что в рецензируемом труде «с вопиющим насилием над фактами и искажением научной правды проводится мысль о близком родстве малорусов с сербами и об отсутствии в прошлом общерусского в жизни великорусского и малорусского наречий периода». «Я считаю себя нравственно обязанным бороться, — заключал ученый, — против этой нелепой теории и против других теорий, отрицающих единство русского языка; эта моя обязанность вытекает из того, что мои специальные знания позволяют мне доказывать противоположную точку зрения неопровержимыми научными данными»¹¹¹.

Дополнительным обстоятельством, которое столь глубоко возмутило «русское общество Киева», стало избрание Перетца с его репутацией украинофила в Академию наук. Кандидатура Перетца была поддержана на заседании ОРЯС еще 21 марта 1913 г. В тот же день Шахматов посчитал нужным сообщить об этом решении Перетцу и при

109 Цит. по: *Соболев В. С.* Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915 годы. СПб., 1993. С. 157.

110 *Шахматов О. О.* До питання про початок української мови. Кілька слів на нову працю з граматики українського язика: *Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von S. Von Smal Stockyj und T. Gartner.* Wien, 1913 // Україна. 1914. Кн. 1. С. 7–19.

111 Цит. по: *Соболев В. С.* Августейший президент. С. 155–156.

этом специально отметил: «Быть может, мне не следовало бы писать Вам это письмо. Но делаю это для того, чтобы Вы видели просвет — возможность вырваться из Киева, попасть в П[етербург]»¹¹². О решении, принятом на следующем заседании ОРЯС, Шахматов сообщал Перетцу 30 ноября 1913 г.: «...баллотировку в Отделении предположено назначить на 12 декабря. Окончательное же избрание (в Общем Собрании) последует не раньше начала февраля»¹¹³. На заседании Отделения 12 декабря Перетц единогласно избран академиком.

Шахматов поспешил обрадовать Перетца, хотя и предупредил: «Разумеется, трения могут быть. Но надо подготовить Вашу кандидатуру в Общем собрании». Особо упоминал он об уже заявленной позиции великого князя К. К. Романова и возможной реакции Николая II: «Не думаю, чтобы вышли затруднения при Высоч[айшем] утверждении. Президент дал свое согласие»¹¹⁴. Можно предположить, что столь твердо выраженная уверенность Шахматова в окончательном положительном исходе дела должна была несколько успокоить Перетца. Сам же Шахматов предполагал возможность осложнений; так, он, сообщая Н. П. Кондакову 16 декабря о прошедших выборах, отмечал: «Кандидатура Перетца вызывает на стороне много толков»¹¹⁵.

Тем временем Перетцу стали поступать поздравления от коллег. Н. К. Никольский еще 12 декабря писал: «Сейчас прочитал об избрании Вашем. Сердечно поздравляю Вас и желаю Вам дальнейших успехов»¹¹⁶. Перетца явно беспокоила преждевременная огласка случившегося. Об этом можно судить по письму будущего коллеги Перетца по Академии И. П. Бородина¹¹⁷: «Сердечно поздравляю и горячо приветствую Вас как будущего товарища по Академии, — писал Бородин 21 декабря. — Охотно исполняю Вашу просьбу, но сильно сомневаюсь, чтобы дело осталось в секрете до февраля. Во всяком случае, буду нем, как рыба. Общее собрание, конечно, простая формальность.

112 Там же. Д. 91. Л. 10–10 об.

113 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 11 об.

114 Там же. Л. 12–12 об.

115 СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 2. Д. 440. Л. 17.

116 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 59. Л. 5 об.

117 Бородин Иван Парфеньевич (1847–1930) — ботаник, академик (1902). Надпись на конверте, где хранились его письма в архиве Перетца: «И. П. Бородин, академик, ботаник (муж моей двоюродной сестры, Ал. Григ. Перетц)» (РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 7. Л. 1).

У нас только что новый химик, избранный единогласно Отделением, прошел также единогласно в Общем собрании»¹¹⁸. Но ситуация не давала поводов Перетцу спокойно ждать результатов Общего собрания Академии. Он так характеризовал Шахматову общую обстановку и действия своих оппонентов в письме от 5 января 1914 г.: «Обе киевские рептилии — и “Киевлянин”¹¹⁹, и “Киев”¹²⁰ — рвут и мечут на “мазепинцев”; прямо не обинуясь, говорят: и “как это правительство терпит чиновников “мазепинцев”...». При этом он обращал внимание Шахматова на то, «как озлобленно ругает Ягича Флоринский [...] Не может ему простить его мнений об укр[аинском] вопр[осе] и вдребезги старается разнести и его Энциклопедию, и его глаголическую палеографию¹²¹» и «поносит Академию наук»¹²².

Накануне Общего собрания Перетц писал о своем состоянии Шахматову 2 февраля: «Я издергался до последней крайности в этой гнусной атмосфере шипения и злопыхательства». Невольно он завидовал спокойствию В. С. Иконникова¹²³, своего старшего коллеги по Киевскому университету, проходившему выборы в ОРЯС вместе с ним. «Счастливым старец Иконников! — восклицал ученый. — Он спокоен, он уверен. Впрочем — и я в его возрасте и при его заслугах в области науки — также был бы спокоен!»¹²⁴

Одним из первых, кто поздравил Перетца «с окончательным избранием в академики», был Яцимирский. «Помните, — писал он 9 февраля, — много раз эти десять лет нашей переписки Вы говорили о своей ссылке в Киев. Теперь многие позавидуют Вашему возвращению из “ссылки” и, наверное, пожелали бы претерпеть временно и то, что преподносили Вам “враги света” в Киеве, и затем въезжать триумфатором»¹²⁵. В своем поздравлении Перетцу Михальчук особо

118 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

119 «Киевлянин» — ежедневная газета консервативно-монархического направления (1864–1919).

120 «Киев» — ежедневная правоконсервативная общественно-политическая и литературная газета (1914–1916).

121 Ягич И. В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3: Графика у славян. СПб., 1911. С. 51–262 + 36 листов снимков.

122 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 2–2об.

123 Иконников Владимир Степанович (1841–1923) — историк, академик (1914).

124 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 3об., 4.

125 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 97. Л. 55об.

отметил его роль как педагога. Он писал 13 февраля: «...сердечно желаю Вам необходимых сил, бодрости и здоровья, чтобы много лет потрудиться еще на пользу науки и для истинно культурного воспитания Ваших многочисленных и высоко Вас чтущих учениц и учеников»¹²⁶.

Успокоенности Перетца не способствовала и информация, которую он получал из академических кругов. Так, 15 февраля он писал Шахматову: «Уже несколько дней, как я получил от Вас уведомление об избрании Общим Собранием. Но душа моя очень неспокойна. А. Г. Бородина¹²⁷ — которая, по-видимому, совсем уже из ума вышла (а была когда-то умной женщиной!), пишет мне¹²⁸, что я еле-еле прошел в Общ[ем] Собр[ании], одним голосом (намекая, кажется, на дядю Ваню¹²⁹) — за мое “мазепинство”, в которое и она уверовала... просмотрев только список моих работ! Вот как быстро делают заключения. Сижу я тихо — не рипаюсь, как говорят в Киеве»¹³⁰. Перетц не без оснований опасался возможности противодействия утверждению его избрания со стороны влиятельных правоконсервативных националистических кругов. «Видел я Тимофея, — продолжал он, — лица на нем нет, от злобы и ненависти даже почернел, на меня смотреть не хочет... От таких и им подобных людей всего можно ожидать. И если черная сотня лишь отчасти преуспела в Общ[ем] Собр[ании], чуть-чуть не провалив меня, то теперь ей полный простор... Я не знаю, через кого пойдет дело обо мне на доклад царю. Его, опасаясь, могут настроить или подсказать отрицат[ельное] отношение ко мне. Конечно, если он скажет вел[ико]му князю, что я — “жид”¹³¹, тот с полным

126 Там же. Д. 55. Л. 2.

127 Бородина Александра Григорьевна (1846–1914) — жена академика И. П. Бородина, писательница. Надпись на конверте, где хранились ее письма в архиве Перетца: «А. Гр. Бородина, ур[ожденная] Перетц, моя двоюр[одная] сестра, переводчица 1870-х гг.» (РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 8. Л. 1).

128 Это письмо не сохранилось в фонде Перетца, возможно, ученый это сделал сознательно, так как, например, большое письмо Бородиной 1893 г. сохранилось.

129 Имеется в виду И. П. Бородин.

130 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 17.

131 Прадедом В. Н. Перетца был принявший христианство Абрам Израилевич Перетц (1770–1833), коммерции советник, откупщик, общественный деятель.

правом добавит — “и внук статс-секретаря¹³² Вашего Вел[ичества]”, ибо К. Р. знал деда и относился к нему с уважением, о чем как-то сам упоминал»¹³³.

«Вообще — я очень в безнадежном настроении, — писал в заключении Перетц. — Стыдно сознавать, но боюсь в случае неудачи — что меня в Киеве добьют — “своими средствами”. Помните — “pollice verso”^{134?}»¹³⁵

В подтверждение своих опасений Перетц 24 февраля сообщал Шахматову: «Я узнал, что в Пет[ербурге] разные грязные личности, не брезгающие даже анонимными письмами, воспользовались случаем, чтобы обругать меня. Конфиденц[иально] сообщаю, что П. В. Никитину¹³⁶, который ко мне относится благожелательно, — было прислано анон[имное] ругательное письмо за то, что он, “кадет Никитин”, помог пройти в Акад[емию] “жиду-предателю” (т. е. мне), за что потомство “вобьет осиноный кол” в его (Никитина) гроб»¹³⁷. Не исключал ученый и перспективы потерять место в университете. Он полагал: «...если высшая власть меня не утв[ердит] в Акад[емии], то меня погонят из Киев[ского] унив[ерситета], так как для гг. национ[алистов] я — логически — кажусь гораздо опаснее в центре “мазепинства”, чем в СПб.»¹³⁸.

Но и удачное разрешение дела с утверждением вызывало у Перетца беспокойство. Его заботила судьба семинария, который стал важнейшей составляющей его научной и педагогической деятельности: «...если мое дело пройдет в высшей инстанции — и я переселюсь в СПб., то я не смогу перетащить сюда моих киевлян!» Не без иронии Перетц писал о своих учениках: «Они — ужасные буржуи и любят хорошо питаться и иметь верный заработок, — а где я его достану им?!

132 Перетц Егор Абрамович (1833–1899) — русский государственный деятель, Государственный секретарь (1878–1882), член Государственного совета, действительный тайный советник (1883). В. Н. Перетц приходился Е. А. Перетцу внучатым племянником.

133 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 17, 17об.–18.

134 Pollice verso (*лат.*) — «повернув большой палец», жест, обрекающий на смерть побежденного гладиатора.

135 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 18об.

136 Никитин Петр Васильевич (1849–1916) — филолог-классик, вице-президент Академии наук (1900–1916).

137 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 15–15об.

138 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 16.

Здесь же в Киеве они имеют не менее 1½–2-х тысяч каждый в среднеуч[ебных] завед[ениях], а также некот[орые] и на курсах. Поехать могут в Киев¹³⁹ 1–2 челов[ека]. Поэтом[у] ученый уже строил планы на будущее: «Значит, надо создавать новые кадры, уже на новой почве, чего нельзя делать, не будучи твердо укрепленным на университетском грунте»¹⁴⁰. Последнее обстоятельство его беспокоило, и он надеялся на советы и содействие Шахматова в устройстве в Петербургский университет. При удачном разрешении и этой проблемы Перетц надеялся на будущие успехи: «Как много можно сделать в Петерб[урге], имея свой семина[рий], — при наличии библиотек!»¹⁴¹

Отвечая 1 марта на это письмо, Шахматов стремился успокоить и обнадежить Перетца: «Не пѣцѣтся объ оутрѣнимъ дѣне!»¹⁴² Я уверен, что все хорошо для Вас устроится, устроилось бы главное — Ваше утверждение». При этом он не скрывал и своей озабоченности возможностью вмешательства политики в это дело. «Меня сильно тревожит неизвестность, — продолжал Шахматов. — Неясны размеры кампании, ведущейся из Киева. Время мы переживаем тяжелое. Очень уж обнаглели те враги русского народа, которые присвоили себе преимущественное звание его друзей»¹⁴³.

Мы не можем сказать, вся ли переписка Шахматова и Перетца интересовала цензуру, но фактом является перлюстрация именно этого письма. Эта копия хранится в архиве Перетца среди писем Шахматова¹⁴⁴, евангельская цитата в копии отсутствует. На обороте письма Перетц отметил: «NB из перлюстрации!» Документ имеет заголовок «С. Петербург. 1 марта 1914. Академик Шахматов в Киев В. Н. Перетцу». К фамилиям сделаны примечания: «А. А. Шахматов — член Импер[аторской] Академии наук — левый» и «Проф[ессор] В. Н. Перетц — левый». На листе имеются и все делопроизводственные отметки: «Дело 59 г. 57. Б. 1914 г.»¹⁴⁵.

Помещение его в один ряд с Шахматовым, членство которого в ЦК кадетской партии было хорошо известно, стало для Перетца

139 Описка Перетца, следует читать «в Петербург».

140 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 14.

141 Там же. Л. 16об.

142 «Не пѣцѣтся объ оутрѣнимъ дѣне» — не заботьтесь о завтрашнем дне. Близко к церковнославянскому тексту Евангелия (Мф 6: 34).

143 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 13–13об.

144 Там же. Л. 44–44об.

145 Там же. Л. 44.

неожиданностью, которая его возмутила. Он тут же поместил свой комментарий: «Интересно, какими письмами интересовались жан-дармы, — и их безграмотность, зачисляя меня — в кадеты! Для них “левее” не было?»¹⁴⁶

Успокаивая Перетца, Шахматов не мог скрыть свою тревогу и делился 18 марта своими опасениями и с В. М. Истриным: «Заботит меня вопрос о Перетце: ну как его не утвердят!»¹⁴⁷ В уже упоминавшемся письме Шахматова к К. Р. от 28 марта, вызванном нападками правой прессы на членов Академии, ученый особо остановился и на выборах в Академию Перетца, вокруг которого уже не один месяц бурлили нешуточные страсти. Шахматов писал: «Избирая В. Н. Перетца, предложенного Н. А. Котляревским¹⁴⁸, стоящим далеко от всякой политики и поддержанного А. И. Соболевским, Отделение имело в виду его отличные труды по истории русской литературы и его блестящую преподавательскую деятельность в Университете св. Владимира. В. Н. Перетц никакого участия в украинофильской агитации не принимал и не принимает. Он выучился в Киеве говорить и писать по-малорусски, он занимается историей малорусской литературы преимущественно XVII–XVIII вв. Но, конечно, этого нельзя поставить ему в вину, это должно поставить ему в заслугу»¹⁴⁹. Упоминание в данном контексте поддержки кандидатуры Перетца Соболевским не случайно. Оно должно было подчеркнуть непричастность Перетца к пропаганде идей «мазепинства». Репутация Соболевского, придерживавшегося правоконсервативных взглядов, его активное участие в «Союзе русского народа», решительное осуждение украинского национализма должны были служить подтверждением непричастности его ученика к этому течению. Шахматов был готов представить Президенту Академии работы Перетца, послужившие основанием для его избрания. «Среди того, что писал В. Н. Перетц, — подчеркивал Шахматов, — нет ни одной строки, которая имела бы даже отдаленное отношение к политике»¹⁵⁰.

146 Там же. Л. 44об.

147 СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 181. Л. 46об.

148 Сам Котляревский честно признавался, что выдвинул Перетца только потому, что этого очень хотел Шахматов (*Груздева Е. Н.* Избрание в ординарные академики В. Н. Перетца (реконструкция событий по архивным материалам) // *Петербургский исторический журнал.* 2018. № 1. С. 254).

149 Цит. по: *Соболев В. С.* Августейший президент. С. 156.

150 Там же. С. 157.

Следует особо остановиться на позиции Соболевского. Перетц неоднократно в письмах Шахматову выражал сомнение в том, что его учитель поддержит его кандидатуру¹⁵¹. Возможно, такие сомнения вызывали не только политические пристрастия Соболевского, но и то, что он был не только в хороших отношениях с антагонистом Перетца Флоринским, но и выдвигал последнего в академики. Флоринский 16 января 1910 г. не набрал в Отделении нужного количества голосов. Процедура проведения выборов вызвала резкие возражения Соболевского, и Шахматов даже опасался его выхода из ОРЯС¹⁵². Но в случае с Перетцем ученый проявил научную принципиальность, он был одним из подписавших «Записку» о его ученых трудах¹⁵³.

30 марта 1914 г. Президент АН ознакомился с письмом Шахматова «и, по-видимому, решил взять дело под свой контроль»¹⁵⁴. Можно, кстати, отметить, что великий князь благосклонно относился к литературе на украинском языке, в том числе и к переводам собственных произведений. Он, в частности, просил Шахматова 24 мая 1914 г.: «... будьте добры добыть мне от кого-либо из знатоков малорусской речи отзыв о том, насколько удовлетворителен прилагаемый перевод “Царя Иудейского”¹⁵⁵ и признаете ли Вы удобным, в случае если перевод окажется хорошим, упоминание о том, что он выпускается с моего одобрения»¹⁵⁶. По-видимому, Шахматову не составило труда отыскать такого специалиста. Уже через месяц, 23 июня, К. Р. писал ученому: «Пользуюсь случаем искренно поблагодарить Вас за доставление замечаний о малорусском переводе “Царя Иудейского”, они сообщены мною переводчику»¹⁵⁷.

Если несправедливые нападки русских националистов грозили Перетцу разного рода неприятностями, то труды националистов укра-

151 *Груздева Е. Н.* Избрание в ординарные академики В. Н. Перетца. С. 255.

152 См. подробнее: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 245–246.

153 *Груздева Е. Н.* Избрание в ординарные академики В. Н. Перетца. С. 258.

154 *Адрианова-Перетц В. П.* Владимир Николаевич Перетц (1870–1935). С. 226.

155 Первое представление драмы К. Р. «Царь Иудейский» состоялось в январе 1914 г., в том же году вышло и ее первое издание.

156 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 716. Л. 24.

157 Там же. Л. 25.

инских возмущали ученого своей предвзятостью и непрофессионализмом. Так, ученый с раздражением сообщал Шахматову 10 марта о подобном труде. «Смаль-Стоцкий, — писал Перетц, — прислал совершенно сумасшедшую статью об орфографии — в стиле Ив[ана] Сем[еновича] Левицкого¹⁵⁸, в свое время подвизавшегося в “Киев[ской] Стар[ине]”. Мы отклонили напечатание этого шедевра. Требуется создания такой орфографии (“щоб була цілком неподібна російській”)! Совсем в стиле польской “эндеции”¹⁵⁹ (“żeby moskewskim duchem nie smierdziała”¹⁶⁰)»¹⁶¹. Но и не столь радикальные киевские коллеги Перетца не отличались глубокими филологическими познаниями. Ученый напоминал Шахматову, что все статьи в «Записках» УНТ печатаются только по-украински, и отмечал при этом, что среди сотрудников нет единства в языковом вопросе. «Что касается нареканий со стороны “самых украинцев”, — писал Перетц 7 апреля, — то это народ удивительный. Груш[евский] ворчит на Тимч[енко], а Тимч[енко] на Груш[евского]. Я же думаю, что здесь дело — в неустановленности общей формы и в том, что Груш[евский] и его соратники — Дорошенко¹⁶² и К° (у нас в “Укр[аине]”) хотят (сами того не подозревая) ожаргонить язык, ибо старого не знают, с историей языка — совсем незнакомы и либо сами пускают (по выражению Тимченки) в ход “какотвары”, либо коверкают русские слова, вроде “редакувати”, вм[есто] редакувати, “порядковий”, вм[есто] рядовой и т.п. Т[имчен]-ко огорчен тем, что его труд испортила чья-то рука [...] а Груш[евский] с Дорошенко — гордятся, что спасли отечество, насовавши в работу Тимченка своего жаргону... Суди их Бог!»¹⁶³

Если Перетц негодовал на своих украинских коллег и ждал утверждения избрания, то ученые коллеги его главного антагониста отметили в эти дни в Славянском благотворительном обществе С.-Петербурга юбилей научной деятельности Флоринского. Ученый

158 Левицкий (Нечуй) Иван Семенович (1838–1918) — украинский писатель и публицист.

159 Национально-демократическая партия (*Narodowa Demokracja*, или *endecja* — эндеция) — польская правая националистическая партия.

160 «żeby moskewskim duchem nie smierdziała» — чтобы московским духом не пахло.

161 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 19–19об.

162 Дорошенко Дмитрий Иванович (1882–1951) — украинский литературовед, историк, публицист, политический деятель.

163 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 24об.

был, безусловно, тронут таким вниманием и словами Соболевского, произнесенными на заседании. Тем более, отмечал Флоринский, «...я и не думал ни о каком новом юбилее (в Киеве никто и не вспомнил о моем 35-тилетии)»¹⁶⁴. Он писал Соболевскому 26 марта 1914 г.: «На днях я прочел в “Слав[янских] Изв[естиях]” Вашу исполненную душевного расположения характеристику моей ученой деятельности, а сегодня нашел в “Нов[ом] Врем[ени]” сокращенный пересказ Вашего доклада и свое изображение с очень старой фотографии, [не] соответствующей настоящему моему старческому облику»¹⁶⁵. Заключительная фраза в статье “Нов[ого] Врем[ени]” о забаллотировке меня Академией и о предпочтении Перетца показалась мне неудобной и неуместной. Пожалуй, мои недруги подумают, что я имею какое-либо касательство к этой статье»¹⁶⁶. Флоринский заканчивал письмо фразой: «Я и к забаллотировке в академики отношусь совершенно спокойно»¹⁶⁷. Позволим себе усомниться в искренности последнего замечания Флоринского, особенно на фоне явно звучащей обиды на киевских коллег, не вспомнивших о 35-летию его ученой деятельности.

Возможно, Соболевский вполне мог предполагать, что Флоринский очень болезненно отнесется к избранию Перетца, ведь он был уже членом-корреспондентом Академии наук, когда Перетц только защитил свою магистерскую диссертацию. Поэтому он, решив отметить не совсем привычный «юбилей», хотел напомнить о безусловных научных заслугах Флоринского и заодно смягчить его реакцию на произошедшее. Однако дальнейшие события показали, что смириться с избранием Перетца Флоринский так и не смог.

В апреле 1914 г. состоялось окончательное утверждение Перетца членом Академии, и 4 мая его поздравил Корш в своей ироничной манере. «Во-первых, — писал ученый, — примите выражение моей радости по поводу Вашего вступления в наше лоно (в наше свиное стадо, как сказал бы остривший в этом вкусе прохвесор-козак Йосип Максимович Бодянский¹⁶⁸)». По причине тяжелой болезни москвич Корш не принимал участия в выборах; объясняя эту ситуацию, он

164 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 389. Л. 8об.

165 Осенью 1913 г. Флоринскому исполнилось 59 лет.

166 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 389. Л. 8–8об.

167 Там же. Л. 8об.

168 Бодянский Осип (Иосиф) Максимович (1808–1877) — один из первых русских славистов, филолог, историк, фольклорист, писатель, переводчик.

не мог удержаться от шутливого тона: «К моему великому сожалению, — писал он, — если я чем-либо мог содействовать Вашему избранию, то это разве лишь сочувствием, так как по болезни воздерживался посещения Петроболотска за весь истекающий учебный год и теперь пишу из лечебницы¹⁶⁹».

Корш связывал избрание Перетца с осуществлением серьезных научно-организационных планов Шахматова по расширению научной проблематики ОРЯС. При этом он ясно обозначил свое отрицательное отношение к лингвистическим изысканиям украинских националистов и их сторонников. Не изменяя шутливому тону, ученый писал: «Мы с Шахматовым давно уже мечтали о пополнении нашего довольно кацапского отдела представителем юго-западной области русского (наперекор Смаль-Стоцкому с Гартнером) литературного творчества. Для этого несколько лет тому назад мы с ним предлагали Франка, незадолго до постигшей его неизлечимой болезни. Итак, *tout est pour le mieux dans ce meilleur des mondes*¹⁷⁰; вместо инвалида Франка у нас теперь молодой и — [нрзб.] — здоровый академик».

Не менее Шахматова Корш опасался и препятствий со стороны. «А сильно боялись мы и на этот раз, — писал ученый, — хоть Вы не австриец, а все-таки...: ибо “осфърчаша времена”, а “в Киеве на горах” — тем паче»¹⁷¹. Дальнейшее развитие событий подтвердило, что и после утверждения избрания успех Перетца продолжал вызывать в названных кругах Киева желание приписать ученому не только «мазепинство», но и государственную измену. Для последнего обвинения послужила начавшаяся осенью 1914 г. Первая мировая война. Так, Перетц с возмущением писал Шахматову 10 декабря 1914 г.: «Эта гнусная сплетня заключается в том, что — как было, говорят, напечатано в “Киеве” осенью — я будто бы летом был на совещании самого кайзера с покойным Францем Фердинандом в Конопиште¹⁷² (так кажется)! Это было до такой степени глупо, что даже “Киевлянин” не

169 Менее чем через год Корш скончался.

170 *Tout est pour le mieux dans ce meilleur des mondes* (франц.) — Все в лучшем свете в этом смелом новом мире.

171 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 37. Л. 6–6об.

172 Замок Конопиште в Чехии близ города Бенешов принадлежал наследнику австро-венгерского престола эрцгерцогу Францу Фердинанду. Там 12 июня 1914 г. состоялась его встреча с кайзером Вильгельмом II и гросс-адмиралом фон Тирпицем. Совещание явилось одним из этапов дипломатической подготовки Первой мировой войны.

поверил. В Киеве в это никто, конечно, из умных людей не поверил. Я же смеялся дикости этой выдумки и не писал пока в ред[акцию], ибо слишком уж глупо это. Не знаю, какой идиот или негодяй мог Вам сказать такую вещь! Уполномочиваю Вас назвать в глаза лжецом и сплетником того, кто распространяет подобные нелепости...»¹⁷³

Не преувеличивал ли Перетц распространение этого слуха? Об этом можно судить хотя бы по тому, что информация о нем была включена А. Царинным в его книгу¹⁷⁴, опубликованную в 1925 г. в Берлине. Итак, автор, сообщая о совещании у Франца Фердинанда, писал: «В то время ходил упорный слух, будто на это совещание в качестве экспертов вызваны были М. С. Грушевский и В. Н. Перетц для выяснения вопроса, могут ли рассчитывать центральные державы на восстание “украинского народа” против России в случае объявления войны». При этом Царинный довольно прозрачно намекал: «И М. С. Грушевский, и В. Н. Перетц находились тогда в пределах Австрии, и весьма возможно, что слух этот не был легендой»¹⁷⁵.

Общепринято предположение, что под псевдонимом А. Царинный скрывался историк, археограф, литературовед, публицист, общественный и политический деятель, член Клуба русских националистов, известный своими статьями и выступлениями с осуждением украинского национализма, Андрей Владимирович Стороженко (1857 — после 1926). Однако в статье есть пассаж, вызывающий некоторое недоумение. Автор пишет: «...можно заключить, что начало мировой войны застало Владимира Николаевича в Закопане (в Татрах). Когда он возвратился в Россию и какова была его дальнейшая судьба, нам ни от кого не случалось слышать»¹⁷⁶. Перетц был слишком хорошо известен в Киеве, чтобы Стороженко ничего о его деятельности не знал хотя бы до своего отъезда из Киева за границу весной 1919 г.

После утверждения и переезда в Петербург Перетц отнюдь не порвал свои связи с Киевом. Там осталась часть учеников, судьба которых беспокоила ученого. Он предпринял ряд попыток официально перетянуть их в Петроград. Ученый писал Шляпкину 14 октября: «Обращаюсь к Вам по следующему делу: я намерен просить о при-

173 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 44–45.

174 *Царинный А.* Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998.

175 Там же. С. 188.

176 Там же. С. 189.

числении к Петроградскому Университету некоторых из моих (младших) учеников, уже оставленных там, в Киеве, при Университете и оставшихся без руководителя, так как мой товарищ и приятель проф. Лобода занимается преимущественно, если не исключительно, новой литературой. Вам как никому другому, может быть, ясно, как трудно заниматься в провинции, особенно когда уже сложились интересы, требующие большого материала, находящегося в больших библиотеках. Я прошу историко-филологический факультет поддержать мое ходатайство, а Вас — быть представителем моих интересов как руководителя тех молодых людей, о коих прошу. В надежде, что Вы не откажете в поддержке моего ходатайства»¹⁷⁷.

Этим планам Перетца не суждено было сбыться, так как они встретили яростное сопротивление его недоброжелателей в Киевском университете. Наиболее активным противником ученого по-прежнему выступал Флоринский. Он писал Соболевскому 2 января 1915 г.: «В настоящее время Перетц в Киеве и деятельно выступает в своих мазепинских гастролях. Наглость его дошла до того, что он вошел в Министерство с запиской о командировке в Петроград под его специальное руководство [нрзб.] прогр[аммами] стипендиатов. Министерство спросило наш Факультет, который большинством голосов признал это прикомандирование ненужным. К сожалению, декан испугался моего предложения — представить — как мотив отказа — надлежащую оценку деятельности Перетца — как вождя “украинства — мазепинства”»¹⁷⁸. Очевидно, Министерство было вполне удовлетворено таким ответом. Недаром Шахматов советовал 9 января 1915 г. академику К. Г. Залеману, обращавшемуся по каким-то вопросам в Министерство просвещения: «В разговоре лучше, думаю, не ссылаться Вам на В. Н. Перетца, которого в Министерстве недолюбливают»¹⁷⁹.

По убеждению Флоринского, избрание Перетца нанесло Академии наук непоправимый вред. По его твердому убеждению, «большая беда» «стряслась над Академией с избранием (при содействии настоящих русских людей) в академики “украинца-мазепинца” самого отвратительного типа. Из Вашего письма видно, что этот мазепинец уже начал командовать в Академии и плюет на мнения и предложения тех лиц, которым обязан своим нынешним положением. Кажется, недалеко то

177 РГАЛИ. Ф. 1296. Оп. 1. Д. 65. Л. 17–18.

178 Там же. Ф. 449. Оп. 1. Д. 389. Л. 12об.

179 СПбФ АРАН. Ф. 87. Оп. 3. Д. 380. Л. 12.

время, когда Академия наук станет настоящим гнездом мазепинства и вполне заменит упраздняемые теперь львовские “украинские” учреждения¹⁸⁰. Вот это большое несчастье. Отсрочить его — неотложная обязанность русских людей, сознающих всю важность и необходимость культурного единства всех ветвей русского народа»¹⁸¹.

Ожесточенное неприятие Флоринским мнимых проявлений «мазепинства» в Академии наук вело к тому, что все изменения в составе ОРЯС он видел только в ракурсе «партийной» борьбы. Поэтому очень характерна его оценка результатов выборов в 1916 г. Он с большим удовлетворением писал 5 августа 1916 г. Соболевскому: «От Ал[ексея] Ал[ександровича] узнал кое-какие подробности о послед[них] выборах в Академию. Теперь русская национальная партия, несомненно, усиливается, и можно надеяться, что будет положен предел преступной поддержке, оказываемой “украинскому” сепаратизму со стороны Отделения русского языка и словесности»¹⁸². В качестве членов ОРЯС были избраны в 1916 г. Н. К. Никольский¹⁸³, И. С. Пальмов¹⁸⁴ и Е. Ф. Карский¹⁸⁵. По-видимому, всех их и зачислял в свою «партию» Флоринский. Именно такой «партийный» взгляд на деятельность ОРЯС был неприемлем для Шахматова. Он писал сестре Е. А. Масальской 16 января 1910 г. о своем желании, «в случае он (Флоринский. — М. Р.) будет избран, уйти из председательствующих, так как предвидел, что Отделение превратится из ученого учреждения в политическое. Соболевский и Флоринский, один в Москве и П[етербур]ге, другой в Киеве, все время выступают в разных организациях крайне правых партий с речами, докладами и т. п.»¹⁸⁶. Неудивительно, что

180 В частности, было закрыто Научное общество им. Шевченко.

181 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 389. Л. 12–12об.

182 Там же. Л. 30.

183 Никольский Николай Константинович (1863–1936) — историк-славист, археограф.

184 Пальмов Иван Савич (1856–1920) — историк церкви.

185 Карский Евфимий Федорович (1860/1861–1931) — филолог-славист, этнограф.

186 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 4. Д. 57. Л. 67об. Дополнительный материал к переписке Перетца и Шахматова содержится в только что вышедшем фундаментальном издании: *Шахматов А. А. Избранная переписка*: В 3 т. / Алексей Александрович Шахматов. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным / [Отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева; авт.-сост. В. Г. Вовина-Лебедева, Е. Н. Груздева, А. Е. Жуков]. СПб., 2018. 944 с., 32 с. [вкл.] (Studiorum slavlicorum orbis; вып. 12).

Шахматов совершенно по-другому воспринимал результаты выборов. Он с удовлетворением сообщал Перетцу 23 марта 1916 г. об открывающихся возможностях расширить научную сферу интересов всего Отделения. Не преминул Шахматов еще раз подчеркнуть и удачу для Отделения с избранием в его состав самого Перетца. Он писал: «Избрание Е. Ф. Карского радует меня с принципиальной стороны: российская Академия не должна быть однобокой и представлять только один великорусский язык. Малорусская область нашла в Вас и знатока и представителя; теперь мы будем иметь представителя белорусского языкознания»¹⁸⁷.

За 10 лет, проведенных в Киеве, Перетц прошел путь от первых лекций в Киевском университете до избрания в Академию наук. Много позже, 26 ноября 1928 г. он отмечал в письме Симони: «С ростом знаний, с начитанностью в памятниках др[евней] письм[енности] — росла и любовь к этой отрасли творчества древней Руси. И теперь эта письменность — всех трех ветвей древней Руси — составляет для меня неиссякаемый источник научного интереса»¹⁸⁸. За этот период ученый превратился в крупнейшего специалиста в этой области и создал свою научную школу.

С одной стороны, интерес Перетца к литературе и культуре украинских земель в эпоху Средневековья и раннего Нового времени вызывал подозрения в среде киевских русских националистов в приверженности ученого «украинофильству» и более того — «мазепинству». С другой стороны, Перетца раздражал национализм и непрофессионализм коллег по отношению к собственно украинским научным изданиям, в которых он сотрудничал в качестве члена редколлегий и публиковал свои исследования. Таким образом, научная и преподавательская деятельность ученого, в которой он достиг высокого признания в научном сообществе, проходила в очень непростых условиях, которые, однако, не смогли заставить Перетца поступиться ни своими научными интересами и принципами, ни политическими убеждениями.

187 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 24.

188 ОР РНБ. Ф. 696. Д. 148. Л. 6.

Источники и литература

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ).
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН).

Адрианова-Перетц В. П. Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) // *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 206–233.

Груздева Е. Н. Владимир Николаевич Перетц в Киеве. 1903–1914 гг. (из переписки В. Н. Перетца с А. А. Шахматовым) // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 150–166.

Груздева Е. Н. Избрание в ординарные академики В. Н. Перетца (реконструкция событий по архивным материалам) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 253–264.

Ефремов С. Історія українського письменства. СПб., 1911.

Перетц В. Ответ И. А. Шляпкину // ЖМНП. 1902. № 10. С. 487–492.

Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. I. Из истории русской песни. Ч. 1. 425 с.; Ч. 2. 209 с.

Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. III. Из истории развития русской поэзии. XVIII в. Ч. 1. 426 с.; Ч. 2. 187 с.

Перетц В. Н. Материалы к истории апокрифа и легенды, II. К истории Лунника. Введение и славянские тексты. Дополнения к истории Громника и указатели к вып. I и II // ИОРЯС. 1901. Т. VI. Кн. 3. С. 1–126; Кн. 4. С. 103–131.

Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в С.-Петербург, 13–28 февраля 1911 года. Киев, 1912. 171 с.

Робинсон М. А. В. Н. Перетц: методологические взгляды на изучение истории литературы // Literature and Social Change: A Voyage Through the History of Slavic Studies. Proceedings of the International Symposium «Literature and Slavic Studies» held by the Commission for the History of Slavic Studies at Comenius University in Bratislava on the 12th and 13th of April 2016 / Ed. by L. Matejko. Bratislava, 2017. P. 157–174.

Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. 430 с.

Росовецкий С. К. Памятник истории литературоведения — или университетское пособие на все времена? // Перетц В. Н. Краткий очерк

методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. М., 2010. С. 3–24.

Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. Участники Семинария — своему руководителю. Л., 1929. 58 с.

Соболев В. С. Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915 годы. СПб., 1993. 181 с.

Украинский народ в его прошлом и настоящем: В 2 т. СПб. 1914–1916. 714 с.

Фільольогічний збірник пам'яті К. Михальчука. Київ, 1915. 151 с.

Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 133–252.

Шахматов О. О. До питання про початок української мови. Кілька слів на нову працю з граматики українського язика: *Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von S. Von Smal Stockyj und T. Gartner.* Wien, 1913 // Україна. 1914. Кн. 1. С. 7–19.

Шахматов А. А. Избранная переписка: В 3 т. / Алексей Александрович Шахматов. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным / [Отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева; авт.-сост. В. Г. Вовина-Лебедева, Е. Н. Груздева, А. Е. Жуков]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 944 с., 32 с. [вкл.] (*Studiorum slavico- orbis*; вып. 12).

Шляпкин И. В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы. Т. III... и 17 положений к диссертации (от 31 марта 1902 г.) // ЖМНП. 1902. № 9. С. 233–240;

Шляпкин И. Заметка на ответ г. Перетца // ЖМНП. 1902. № 11. С. 231–235.

Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910 (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1). VII, 961 с.

Ягич И. В. Предисловие // Будде Е. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII–XIX вв.). СПб., 1908 (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 12). С. III–XV.

Ягич И. В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3: Графика у славян. СПб., 1911. С. 51–262 + 36 листов снимков.

Smal-Stockyj S., Gartner T. Grammatik der Ruthenischen (Ukrainischen) Sprache. Wien, 1913. 550 s.

References

- Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva. Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury. Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN.*
- Adrianova-Peretts, V. P. "Vladimir Nikolaevich Peretts (1870–1935)." *Peretts V. N. Issledovaniia i materialy po istorii starinnoi ukrainskoi literatury XVI–XVIII vekov.* Moscow; Leningrad, 1962, s. 206–233.
- Efremov, S. *Istoriia ukrains'koho pys'menstva.* Saint-Petersburg, 1911, 459, 15 s.
- Fil'ol'ohichnyi zbirnyk pamiaty K. Mykhal'chuka. Kyiv, 1915, 151 s.
- Gruzdeva, E. N. "Vladimir Nikolaevich Peretts v Kieve. 1903–1914 gg. (iz perepiski V. N. Perettsa s A. A. SHakhmatovym)" *Akademik A. A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie. Sbornik statei k 150-letiu so dnia rozhdeniia uchenogo.* Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2015, s. 150–166.
- Gruzdeva, E. N. "Izbranie v ordinarnye akademiki V. N. Perettsa (rekonstruktsiia sobytii po arkhivnym materialam)." *Peterburgskii istoricheskii zhurnal.* 2018, no. 1, s. 253–264.
- Peretts, V. "Otvēt I. A. SHliapkinu." *ZHMNP.* 1902, no. 10, s. 487–492.
- Peretts, V. N. *Istorko-literaturnye issledovaniia i materialy. T. I. Iz istorii russkoi pesni.* Saint-Petersburg, 1900, Ch. 1, 425 s.; Ch. 2, 209 s.
- Peretts, V. N. *Istorko-literaturnye issledovaniia i materialy. T. III. Iz istorii razvitiia russkoi poezii.* XVIII v. SPb., 1902, Ch. 1, 426 s.; Ch. 2, 187 s.
- Peretts V. N. "Materialy k istorii apokrifā i legendy, II. K istorii Lunnika. Vvedenie i slavianskie teksty. Dopoleniia k istorii Gromnika i ukazateli k vyp. I i II." *IORIAS.* 1901. T. VI. Kn. 3, s. 1–126; kn. 4, s. 103–131.
- Peretts, V. N. *Otchet ob ekskursii Seminariia russkoi filologii v S.-Peterburg, 13–28 fevralia 1911 goda.* Kiev, 1912, 171 s.
- Robinson, M. A. *Sud'by akademicheskoi elity: otechestvennoe slavianovedenie (1917 — nachalo 1930-kh godov).* Moscow, 2004, 430 s.
- Robinson, M. A. "V. N. Peretts: metodologicheskie vzgliady na izuchenie istorii literatury." *Literature and Social Change: A Voyage Through the History of Slavic Studies. Proceedings of the International Symposium "Literature and Slavic Studies" held by the Commission for the History of Slavic Studies at Comenius University in Bratislava on the 12th and 13th of April 2016 /* Ed. by L. Matejko. Bratislava, 2017, p. 157–174.
- Rosovetskii, S. K. "Pamiatnik istorii literaturovedeniia — ili universitetskoe posobie na vse vremena?" *Peretts V. N. Kratkiĭ ocherk metodologii istorii russkoi literatury. Posobie i spravochnik dlia prepodavatelei, studentov i dlia samoobrazovaniia.* Moscow, 2010, s. 3–24.

Seminariĭ russkoĭ filologii akad. V. N. Perettsa. Uchastniki Seminariĭa — svoemu rukovoditeliu. Leningrad, 1929, 58 s.

Spakhmatov, A. A. *Izbrannaĭa perepiska: v 3 t.* / Alekseĭ Aleksandrovich SHakhmatov. T. 1: Perepiska s F. F. Fortunatovym, V. N. Perettsĕm, V. M. Istrinyĭm / [Otv. red. V. G. Vovina-Lebedeva; avt.-sost. V. G. Vovina-Lebedeva, E. N. Gruzdeva, A. E. ZHukov]. Saint-Petersburg: DMITRIĬ BULANIN, 2018, 944 s., 32 s. [vkl.] (Studiorum slavlicorum orbis; vyp. 12).

Shakhmatov, O. O. “Do pytniĭa pro pochatok ukraĭns'koĭ movy. Kil'ka sliv na novu praĭsiu z hramatyky ukraĭns'koho ĭazyka: Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von S. Von Smal Stockyj und T. Gartner. Wien, 1913” *Ukraĭna*. 1914, kn. 1, s. 7–19.

Spliĭapkin, I. “V. N. Peretts. Istoriko-literaturnye issledovaniĭa i materialy. T. III... I 17 polozeniĭ k dissertatsii (ot 31 marta 1902 g.)”. *ZHMNP*. 1902, no. 9, s. 233–240.

Spliĭapkin, I. “Zametka na otvet g. Perettsa” *ZHMNP*. 1902, no. 11, s. 231–235.

Smal-Stockyj, S.; Gartner, T. *Grammatik der Ruthenischen (Ukrainischen) Sprache*. Wien, 1913, 550 s.

Sobolev, V. S. *Avgusteĭshĭĭ prezident. Velikiĭ knĭaz' Konstantin Konstantinovich vo glave Imperatorskoĭ Akademii nauk. 1889–1915 gody*. Saint-Petersburg, 1993. 181 s.

ŤSarinyĭ, A. “Ukrainskoe dvizhenie. Kratkiĭ istoricheskiĭ ocherk, preimushchestvenno po lichnym vospominaniĭam” *Ukrainskiĭ separatizm v Rossii. Ideologiĭa natsional'nogo raskola*. Moscow, 1998, s. 133–252.

Ukrainskiĭ narod v ego proshlom i nastoiashchem: v 2 t. Saint-Petersburg. 1914–1916, 714 s.

ĬAgich, I. V. *Istoriĭa slaviĭanskoĭ filologii*. SPb. 1910 (Ėntsiklopediĭa slaviĭanskoĭ filologii. Vyp. 1). VII, 961 s.

ĬAgich, I. V. “Predislovie.” *Budde E. Ocherk istorii sovremennogo literaturnogo russkogo ĭazyka (XVII–XIX vv.)*. Saint-Petersburg, 1908 (Ėntsiklopediĭa slaviĭanskoĭ filologii. Vyp. 12), s. III–XV.

ĬAgich, I. V. “Glagolicheskoe pis'mo.” *Ėntsiklopediĭa slaviĭanskoĭ filologii*. Vyp. 3: Grafika u slaviĭan. Saint-Petersburg, 1911, s. 51–262+36 listov snimkov.

Mikhail A. Robinson

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The academic career of V. N. Peretz in the context of social and political life in Kiev (from the first lectures at the University to the election to the Academy of Sciences)

The member of the Academy of Sciences, V. N. Peretz, an outstanding Russian scientist and teacher, chose the history of literature and culture of the Middle Ages and early Modern Age in Ukrainian lands as the main field of his academic interests. To uncover the problems put under scrutiny in the article, archival sources are analyzed: first of all, letters from the academicians A. A. Shakhmatov, F. E. Korsh, I. V. Yagich, A. I. Sobolevsky, Grand Duke Konstantin Konstantinovich, as well as P. I. Zhitetsky, T. D. Florinsky, A. I. Yatsimirsky, I. A. Shlyapkin, P. N. Simoni, A. I. Kadlubovsky, K. P. Mikhanchuk, and others. Peretz's work was carried out under severe criticism from representatives of the Kiev academic community, which adhered to right-wing conservative and nationalist views. The very area of Peretz's academic interests, the work of the Seminar created by him at Kiev University aroused suspicions of sympathy for "Ukrainophilism," and even more so, of adherence to its radical political manifestation, which was called "mazepinstvo" in this milieu. The main antagonist of Peretz was T. D. Florinsky, member of the Kiev club of Russian nationalists, prominent Slavic scholar, and professor at the university. The analysis of Peretz's letters completely takes away any suspicion in sympathies for Ukrainian separatism. He himself characterized his political views as "leftist". It was precisely these beliefs that aroused his sympathy for the desire of Ukrainian scholars to study the history, language, literature and culture of their homeland. But at the same time, Peretz did not accept and even condemned the Ukrainian colleagues for their nationalism, for the fact that they bring it to the field of academic research, moreover, often with poor philological preparation.

Keywords: *A. A. Shakhmatov, F. E. Korsh, I. V. Yagich, P. I. Zhitetsky, T. D. Florinsky, "Ukrainophilism", "mazepinstvo", Ukrainian nationalism.*

УДК 821.163.6
ББК 83.3(4/8)

Б. Божич
Люблянский университет
(Словения, Любляна)

**Словенистика в Московском государственном университете
имени М. В. Ломоносова
(к 100-летию Люблянского университета)**

Словенистика как одно из направлений в рамках кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова начала свое развитие в России в 1969–1970 уч. гг. Возглавляет направление словенистики с момента его появления к.ф.н., доц. О. С. Плотникова, она преподает грамматику современного словенского языка, диалектологию и историю языка, д.ф.н., проф. Н. Н. Старикова ведет курсы по истории, культуре и литературе Словении. С 1973–1974 уч. гг. в Москве работают лекторы из Словении, ведущие практические занятия по словенскому языку. Число студентов-филологов, изучающих словенский язык за последние 20 лет неуклонно увеличивается, для некоторых из них словенистика становится основной специальностью. Московские словенисты МГУ успешно сотрудничают на международном уровне с высшими учебными заведениями и различными институтами, частые гости в Москве — преподаватели из Словении. В период обучения студенты пробуют свои силы в переводах словенских литературных произведений, в устном переводе в рамках культурных русско-словенских мероприятий, субтитров к словенскому кино. Такие мероприятия организуются регулярно, в основном — при сотрудничестве со Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы имени М. И. Рудомино и Центром славянских культур, Посольством Республики Словения в Москве, при поддержке Центра словенского языка как иностранного (Любляна). МГУ имени М. В. Ломоносова стал первым иностранным университетом мира, где была и до сих пор есть возможность изучать словенский язык в качестве предмета основной специализации.

Ключевые слова: *словенистика в России, МГУ, кафедра славянской филологии, О. С. Плотникова, Н. Н. Старикова.*

Словенистика как одно из направлений в рамках кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова начала свое развитие в России в 1969–1970 уч. гг., когда словенский язык в качестве второго славянского выбрала группа студентов-сербохорватистов. В настоящее время словенистическое направление включает обучение в бакалавриате (прием каждые 4 года), магистратуре и аспирантуре, а также изучение словенского языка в качестве второго славянского студентами 3 и 4 курсов бакалавриата отделения славянской филологии. Кроме того, словенский язык преподается как предмет по выбору в рамках магистерской программы «Русский язык и литература» и в качестве факультативного для студентов различных специальностей и курсов.

История развития словенистики на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова со времени ее возникновения до 1999 г. подробно описана в сборнике Центра словенского языка как иностранного¹. Возглавляет направление словенистики с момента его появления на филологическом факультете к.ф.н., доц. О. С. Плотникова, которая преподает описательную и теоретическую грамматику современного словенского языка, диалектологию и историю языка, читает различные спецкурсы и ведет семинары; также сотрудником кафедры и специалистом по словенистике долгое время является д.ф.н., проф. Н. Н. Старикова, которая читает лекции по словенской истории, культуре, литературе и литературной критике. С 2017–2018 уч. гг. сотрудником кафедры является словенист, к.ф.н. М. Л. Кулешова, ставшая преподавателем в одной из факультативных групп словенского языка. С 1973–1974 уч. гг. (с перерывами) в Москве работают лекторы из Словении, ведущие практические занятия по словенскому языку. Среди словенских специалистов, которые преподавали на филологическом факультете МГУ, были Владо Нартник, Аница Цедилник, Миро Ореховец, Аленка Маркуж, Францка Кавчич, Дарья Пеперко, Майя Алиджанович, Вера Залокар, Дарья Маркойя, Ксения Фенрих, Нина Габровшек, Катарина Огринц и Магда Лойк (последняя — в 2016–2017 уч. гг.). С 2017–2018 уч. гг. по настоящее время преподавателем словенского языка, направленным на филологический факультет из Словении, является Боштъян Божич.

Особый вклад в существование и развитие московской словенистики в течение многих лет вносят заведующая кафедрой славянской

¹ *Zalokar V. Slovenščina na univerzi v Moskvi // Center za slovenščino za drugi / tuji jezik. Ljubljana, 1999. S. 81–84.*

филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова д.ф.н., проф. Н. Е. Ананьева и д.ф.н., проф. М. Л. Ремнёва, в течение многих лет занимавшая пост декана филологического факультета, а ныне являющаяся президентом факультета.

Последние 20 лет число словенистов колеблется от 2 до 5 выпускников. С 1999–2000 уч. гг. до настоящего времени на филологическом факультете были подготовлены 21 дипломная работа по словенистике и 3 кандидатские диссертации, посвященные словенскому языкознанию. Студенты-словенисты регулярно представляют свои работы на традиционной студенческой научной конференции «Ломоносов».

Московские словенисты МГУ успешно сотрудничают на международном уровне с высшими учебными заведениями и различными институтами, частые гости в Москве — преподаватели из Словении. В последние годы в рамках различных программ и стажировок в МГУ проходили лекции д-ра Томо Вирка, д-ра Матевжа Коса, д-ра Йоже Пирьевеца, д-ра Криштофа-Яцека Козака, д-ра Борута Клабьяна, д-ра Горазда Байца, д-ра Алойзии Зупан-Сосич, д-ра Мойцы Нидорфер-Шишкович, д-ра Матея Шекли, д-ра Младена Ухлика. В рамках научно-исследовательской деятельности в 2015 г. на филологическом факультете МГУ прошел круглый стол «Актуальные проблемы современной словенистики: Языковые контакты» (2 ноября 2015 г.), в 2016 г. состоялась международная научная конференция «Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте» (28–29 ноября 2016 г.). Актуальными остаются учебные стажировки студентов, которые получают возможность посетить страну изучаемого языка в рамках двустороннего обмена или стипендии на Семинар словенского языка, литературы и культуры и таким образом приобрести более глубокие знания о словенском языке, литературе, культуре и в целом жителях Словении.

Учитывая потребности студентов, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Н. Н. Старикова написала две авторские монографии: «Словенский исторический роман 1920–30-х гг. Типология, геналогия, поэтика» (2006) и «Литература в социокультурном пространстве независимой Словении» (2018), в качестве ответственного редактора, переводчика и одного из авторов принимала участие в создании двух коллективных монографий по истории словенской литературы: «Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX вв.)» (2010) и «Словенская литература XX века» (2014).

В период обучения студенты могут попробовать свои силы в переводах словенских литературных произведений. В сотрудничестве с издательством «Белетрина» вышла книга студенческих переводов на русский язык «Jutra v Rusiji — Утра в России» (2005). С 2012 г. в Москве под руководством словениста, к.ф.н. Ю. А. Созиной, при поддержке Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино и Института славяноведения РАН каждые два года проходит русско-словенский переводческий семинар, во время которого для студентов проводятся полезные и интересные литературные мастер-классы и переводческие конкурсы. В 2012 г. в рамках проекта «Всемирные дни словенского документального фильма» студенты получили возможность перевести на русский язык субтитры к словенским документальным фильмам. Затем был издан перевод на русский язык разговорника «Словенский в кармане — Žерна slovenščina» (2014), студенты также подготовили переводы на русский язык отрывков произведений классика словенской литературы И. Цанкара (1876–1918) для издания «Антология творчества Ивана Цанкара в переводах на иностранные языки» («Antologija literature Ivana Cankarja s prevodi v tuje jezike», 2018).

Для студентов и более широкой аудитории за последние двадцать лет было подготовлено немало интересных и пользующихся популярностью культурных мероприятий, в основном — при сотрудничестве со Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы имени М. И. Рудомино и Центром славянских культур, Посольством Республики Словении в Москве, при поддержке Центра словенского языка как иностранного (Любляна), на которых российская публика имела возможность познакомиться со словенскими деятелями культуры, поэтами, писателями, музыкантами, среди которых Тоне Павчек, Борис Пахор, Андрей Розман-Роза, Светлана Макарович, Милан Есих, Себастьян Прегель, Винко Мёдерндорфер, Владо Креслин, Мирт Комель, Борис А. Новак, Горан Войнович и др., а также издательствами «Белетрина» и «Гога». На кафедре славянской филологии в течение многих лет проходят «Вечера словенского кино» под патронатом «Словенского центра кино». С неизменным энтузиазмом словенисты кафедры отзываются на приглашения на московские мероприятия, так или иначе связанные со Словенией, словенским языком и словенской культурой в целом. На некоторых из них студенты по просьбе организаторов выступают в качестве участников, переводчиков или помощников.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова стал первым иностранным университетом мира, где была и до сих пор есть возможность изучать словенский язык в качестве предмета основной специализации. В 2018–2019 уч. г. десятое поколение студентов-словенистов МГУ получило дипломы бакалавров.

(Перевод О. Н. Чуфистовой)

Источники и литература

Zalokar V. Slovenščina na univerzi v Moskvi // Center za slovenščino za drugi / tuji jezik. Ljubljana, 1999. S. 81–84.

References

Zalokar, V. Slovenščina na univerzi v Moskvi. Center za slovenščino za drugi / tuji jezik. Ljubljana, 1999, s. 81–84.

B. Božič

University of Ljubljana (Ljubljana, Slovenia)

Slovene studies at Lomonosov Moscow State University.
For the 100th anniversary of the University of Ljubljana

Slovene studies as one of the possible majors at the chair for Slavic philology (Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University) date back to the academic year 1969–1970. From the beginning, this major is lead by O. S. Plotnikova, Candidate of Sciences and associated professor. She teaches the grammar of contemporary Slovene, its dialectology and language history. N. N. Starikova, Candidate of Sciences, reads courses on Slovene history, culture and literature. Starting from 1973–1974 academic year, lecturers from Slovenia teach practical classes of Slovene. The number of students and graduates with knowledge of Slovene in the recent two decades does not change much and lies between 15 and 20. From these, for two to seven students Slovene studies are major. The specialists in Slovene studies from Moscow successfully collaborate on the international level with universities and institutes in Moscow as well as with other institutions. Often there come teachers from Slovenia.

During their studies, our students translate Slovene fiction, interpret at cultural Russian-Slovene events, prepare subtitles for Slovene cinema. Such events are organized on a regular basis, mainly in collaboration with the Margarita Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature, with the Centre for Slavic Cultures, the Embassy of the Republic of Slovenia in Moscow with the support of the Centre of Slovene as Foreign (Ljubljana). Lomonosov Moscow State University became the first outside Slovenia to have Slovene as major.

Keywords: Slovene studies in Russia, Lomonosov Moscow State University, chair for Slavic Studies, O. S. Plotnikova, N. N. Starikova.

УДК 39
ББК 63

М. В. Лескинен
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

**Играть по-русски.
Дизайн игральных карт Российской империи
второй половины XIX — начала XX в.
и поиски национальной образности**

В статье рассмотрен дизайн игральных карт «в русском вкусе», проекты колод которых создавались русскими художниками в 1860-е — 1910-е гг. по государственному заказам. Это, в частности, эскизы авторства М. Зичи, Н. Н. Каразина, М. О. Микешина, И. Я. Билибина и др. Изображения проанализированы с точки зрения содержания и форм репрезентации этнической и национальной русскости, показана взаимосвязь «программ» игральных колод с изменением официальных концепций национальной идентичности и исторического наследия — с одной стороны, и с принципами иллюстративности произведений, предназначенных для массового спроса (таких же, как, например, открытки), — с другой. На общую стилистику карточных изображений также оказали влияние эволюция художественных стилей в России этого времени (в частности, «неорусский стиль», русский модерн) и интерес к русскому фольклору. Автор заключает, что атрибутами русскости в рассматриваемых образах стали: во-первых, русский костюм боярского сословия и декоративные элементы культуры Московского государства XVII в., а во-вторых, характерные черты мифологических (сказочных) и былинных персонажей фольклорных произведений. В поисках русского стиля для карт отразились основные тенденции процесса осмысления русской идентичности в целом и ее визуальной репрезентации в частности.

Ключевые слова: *Российская империя, национальная идентичность, игральные карты, визуализация русскости, национальные образы.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.3.0

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Визуальные воплощения великорусской этничности и репрезентация русскости в национализирующем дискурсе Российской империи (вторая половина XIX в.)» (№ 18-09-00105а).

История формирования национальных художественных стилей в европейских государствах XIX в. тесно связана с процессами национализма, строительства, создания национальной идеологии, мифологии. Вырабатывающийся на этом этапе комплекс представлений о том, что считать народным / национальным, общим в рамках единой государственности, но уникальным в сравнении с другими, неизбежно протекает в виде двух процессов. С одной стороны, «отбираются» достаточно известные и определенные элементы исторической фактуры (основные вехи, действительные исторические и мифологические события, правители, герои, жертвы и т. п.), они, впрочем, могут быть в равной степени реальными и легендарными, важнее фактор их «закрепленности» в национальном сознании. С другой стороны, имеет место конструирование (энергичное и сознательное либо менее отрефлексированное, интуитивное) совокупности идеально-типических элементов реальности — человека, пространства, символики, метафор. Оба «набора» призваны стать воплощением национального своеобразия, особенности, миссии, идеи. То и другое находит выражение в визуальных формах — как в искусстве (живописных, скульптурных и архитектурных изображениях), так и в области повседневности, в понимании способов популяризации национального. Это одежда, интерьеры, предметы быта (домашнего обихода), декор и орнамент, журнальные и газетные иллюстрации, открытки, реклама, афиши, упаковка (в частности, фантики), — словом, все то, что связано с обыденностью и «говорит без слов».

В отличие от «больших» национальных стилей визуализация национального в таких формах долгое время не рассматривалась в аспекте влияния на авто- и гетеростереотипные образы наций и их изобразительные клише-метафоры. Постепенно стало очевидно, что ее изучение необходимо сочетать с анализом массовых визуальных представлений второй половины XIX — начала XX в. о себе («своих») и «других», особенно остро эти представления (в том числе в сатирическом и пропагандистском качестве) проявились во время Первой мировой войны. В последние годы в этом направлении активно и плодотворно изучаются, в частности, графика и декор художественных открыток рубежа веков, их соотношение с различными направлениями в искусстве Серебряного века¹. Следует отметить, что в России

¹ См.: *Медяков А. С.* Открытка рубежа XIX — начала XX в. как социокультурный феномен // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 146–162; *Чанкина М. Я.* Художественная открытка. К столетию открытки в России. М., 1993; *Нацокина М.* Художественная открытка русского модерна. М., 2004.

расцвет жанра открытки совпал с расцветом стиля модерн, что во многом предопределило визуальные особенности репрезентации русскости в этом специфическом жанре.

В настоящей статье мы рассмотрим один из аспектов визуальных трактовок на примере другого типа изображений, оказавших несомненное влияние на русскую национальную образность периода формирования национальной / имперской идентичности. Обратимся к попыткам воплотить «русский стиль» в игральных картах, сопоставив их с основными концепциями и идеально-типическими образцами русскости, которые складывались в российской науке и публицистике в 1860-х — 1910-х гг. Нам представляется, что игральные карты правомерно рассматривать в контексте истории жанра художественной открытки — не только в связи с широкой распространенностью и стабильным покупательским спросом, но и в связи со спецификой их создания и производства. Как открытки, так и карты представляют собой произведения прикладной графики. Кроме того, их авторы должны были учитывать предпочтения и вкусы массовой, неискушенной аудитории. Наконец, проекты и эскизы тех и других выполняли одни и те же художники.

Первые заказные проекты 1860-х гг.

Истории возникновения игральных и гадальных карт посвящена обширная литература, хорошо изучены также основные этапы карточного производства в Российской империи XVIII — начала XX в. Нас, однако, интересует прежде всего оформление игральных карт, конкретно — несколько проектов колод, разработанных русскими художниками в конце XIX — начале XX в. по государственному заказу, целью которого было создание карт «национальных» или «в русском вкусе».

Не останавливаясь на эволюции карточных изображений до середины XIX в.², подчеркнем, что идея «обновления» колод игральных карт возникла в начале 1860-х гг., при этом заказ на их создание

2 См.: *Гарин Л. Ф.* Художник и карты // *Панорама искусств.* 1988. № 11. С. 252–264; *Игра и страсть в русском изобразительном искусстве.* Каталог / Сост. И. Арская и др. СПб., 1999. С. 220–251; *Шевцов В. В.* Карточная игра в России. Конец XVI — начало XX века. История игры и история общества. Томск, 2005; *Григоренко Е. Н.* Русские игральные карты. История и стиль. Ставрополь, 2013.

давался профессиональным художникам³. Очевидно, что реализация «национального» элемента в репрезентациях подобного рода рассматривалась как важная идеологическая задача.

Одним из первых художников, получивших заказ, стал известный рисовальщик, венгр по происхождению Михай (Михаил Александрович) Зичи (1827–1906), который в 1847–1874 гг. и с 1880 г. до своей смерти проживал в России. С 1859 до 1873 г. Зичи был официальным придворным живописцем-хроникером, запечатлевавшим повседневную придворную жизнь, досуг и празднества императора и русского двора. В 1860 г. он создал серию карт на основе 52 акварелей о царской охоте, эскизы к которым набрасывал в том же году с натуры, сопровождая Александра II, являвшегося страстным охотником. Считается, что эта колода (сейчас входит в состав «Охотничьего альбома» в Эрмитаже) — шуточная⁴. Тем не менее сама идея создания такой колоды, которая если и была бы издана, то лишь для избранного, придворного, круга, на наш взгляд, говорит об интересе к «своим», отечественным реалиям, интересным сюжетам и знаковым событиям.

Иначе сложилась судьба самой известной русской колоды, созданной в 1862 г., — «колоды Шарлеманя». Для главной в России Карточной фабрики при Александровской мануфактуре, находившейся со времен Екатерины II в ведении Воспитательного дома, в 1860-х гг. наступило время преобразований, в связи с чем было принято решение изменить устаревшие карточные «лики». Поручение дали Адольфу Иосифовичу Шарлеманю-Боду (1826–1901), французу по происхождению, который был не только известным батальным, историческим и жанровым живописцем, но также художником Его императорского величества, служил в Экспедиции заготовления государственных бумаг, а позже был привлечен к созданию прориси Большого герба Российской империи (1882). Шарлемань являлся известным иллюстратором литературных произведений, театральным художником, «ди-

3 По стечению обстоятельств почти никто из авторов эскизов, о которых пойдет речь, не увидел свои проекты реализованными, а соответствующие колоды — напечатанными.

4 См.: Григоренко Е. Н. Русские игральные карты. С. 12; подробнее о колоде Зичи см.: Принцева Г. А. Игральные карты со сценами охоты // При дворе русских императоров. Произведения Михая Зичи из собрания Эрмитажа. Каталог выставки / Под ред. А. С. Кантор-Гуковской, Г. А. Принцевой. СПб., 2005. С. 17–25.

зайнером» балов, приемов и т. п.⁵ Художник предложил четыре варианта новых колод, одна из которых — «Атласная» — обрела широкую известность, издается на протяжении полутора столетий и поныне остается самой популярной в России. При этом ни «Атласная», ни оставшаяся неизданной вторая колода Шарлеманя («Новые фигуры») никак не могли считаться «русскими» ни по орнаменталистике, ни по образам фигур. Зато в третьей его колоде — «Пасьянных игральных картах» (1862) — каждая из мастей представляла народы «четырех рас», причем «белую» расу (бубновая масть) воплощали русские: «король — царь со скипетром и державой, дама — девушка в кокошнике и вышитой сорочке, валет — рында с секирой»⁶. Эти персонажи были изображены в русских одеждах XVII в. В эскизах для четвертой колоды («Дорожной»), работа над которой шла в конце 1860-х, Шарлемань использовал вариации всех трех прежних проектов.

Таким образом, уже в 1862 г. в фигурах карточной колоды проявились первые элементы «русскости», соотносимые с костюмами и сословными типами Московского государства XVII в. Разумеется, их историчность более чем условна — правильнее говорить лишь об отдельных атрибутах русской одежды допетровской эпохи: в руках «царя» держава и скипетр, форма верхней части одеяния походит на царское платно, но головной убор представляет собой нечто среднее между короной и шапкой (ее «примета» — меховая опушка). Только валет в образе рынды содержит все основные исторические элементы одеяния оруженосца-телохранителя русских великих князей и царей: в руке он держит бердыш, на голове высокая шапка, воротник кафтана с типичными для рынды деталями небольшой, стоячий; точны и другие детали⁷. А вот «дама» «одета» довольно неопределенно: на

5 См.: *Филиппова А. А.* Творчество художника А. И. Шарлеманя // *Обсерватория культуры.* 2017. Т. 14. № 2. С. 208–216; *Перельман А. С.* «Новые фигуры» академика Шарлеманя. СПб., 1995; *Гарин Л. Ф.* Художник и карты. С. 260–262.

6 *Григоренко Е. Н.* Русские игральные карты. С. 16.

7 Вероятнее всего, автор пользовался известным трудом: *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению: В 30 т., в 60 кн. СПб., 1841–1862. Рисунок внешнего облика рынды помещен на иллюстрациях № 115 и 116 (Там же. СПб., 1841. Т. 1). Характерные детали совпадают также с рисунком в составленном из сохранившихся собраний и исторических изображений известном альбоме исторических одеяний

ней невысокий кокошник с кисеей сзади, рубаха с широкими приборокными к запястью рукавами, украшенными сверху и по низу традиционной славянской красной вышивкой, угадывается также сарафан. Вероятнее всего, это убор девушки, установить сословную принадлежность которой непросто — так мог выглядеть и праздничный наряд крестьянки, и костюм боярышни.

После работ Зичи и Шарлеманя идея проектирования «русских» карточных колод или колод с элементами русского стиля в течение почти сорока лет не актуализировалась. Хотя именно в этот период в отечественном искусстве сформировался и господствовал так называемый «русский (неорусский, псевдорусский) стиль», тесно связанный с визуализацией национального идеала и исторического наследия русской культуры⁸. Значительную, а на некоторых этапах и доминирующую роль в нем играли взятые за образец и переосмысленные визуальные формы двух исторических периодов истории Руси / России:

Ф. Г. Солнцева, где аналогичный рисунок подписан «Из Олеария. Русский столярник» (Одежды русского государства. Альбом акварелей Ф. Г. Солнцева. Б.м., 1869. Илл. 231). Автор вполне мог пользоваться реконструкциями Солнцева и до публикации всего альбома целиком, ведь они издавались и были известны в 1840–50-е гг. Чуть позже появляется еще один труд, на который опираются русские художники, создавая образы русских допетровской эпохи: *Прохоров В. А.* Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. В 4 т. СПб., 1881–1885.

8 См.: *Кириченко Е. И.* Введение. Русский стиль и русское искусство. О термине «русский стиль» и содержании книги // Кириченко Е. И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности: народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII — начала XX в. М., 1997. С. 8–15; *Sunderland W.* Shop Signs, monuments, souvenirs. Views of the Empire in everyday life // *Picturing Russia. Explorations in Visual Culture* / ed. by V. A. Kivelson and J. Neuberger. London, 2008. P. 104–108; *Brooks J.* The Russian Nation Imagined. The peoples of Russia as seen in Popular Imagery. 1860–1890-s // *Journal of Social History*. Vol. 43. N 3 (Spring 2010). P. 535–557. Нельзя не упомянуть в связи с этим возникшую в высших кругах и получившую наибольшее распространение в 1880-е — 1910-е гг. моду на русский костюм XVII в. и его мотивы. Эту тенденцию исследователи связывают с популярностью в обществе славянофильских идей и расцветом исторического жанра в литературе и искусстве. См.: *Кириченко Е. И.* Введение. Русский стиль и русское искусство. С. 60–80; *Шевеленко И.* Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М., 2017. С. 48–80.

древнерусский (новгородский и киевский) и позднемосковский (XVII в., главным образом правление Алексея Михайловича). Этот выбор не случаен. Как показал Р. Уортман, с воцарения Александра III началось формирование новой самодержавной доктрины, связывавшей царскую власть и народ воедино посредством провозглашения традиций допетровской Руси основой русской монархии, сопровождающейся отказом от прежней апелляции императоров к петровско-имперскому наследию⁹: «...император ассоциировал себя с новым исходным периодом, с XVII столетием, обозначая тем самым настоящее наследие самодержавия»¹⁰. Создание этого мифа было продолжено Николаем II.

***Проекты художников модерна:
русская история и русский костюм***

К концу столетия на смену «русскому стилю» приходит модерн, весьма активно использующий элементы древнерусского орнамента, украшений, декора и т. п. Для него характерны поиски «русскости» в различных проявлениях: в виде исторических сюжетов, фольклорных мотивов, использования и имитации архитектурных образцов и декоративных элементов деревянного зодчества, резьбы, одежды допетровской Руси. Именно XVII век стал для художников модерна «образцовой» эпохой, воплощавшей русское наследие, традиции, народные образы.

Мощное инспирирующее воздействие оказало культурное освоение Русского Севера (многочисленные в те годы путешествия и экспедиции), «открытие» которого пришлось на 1890-е — 1900-е гг. Знакомство с сохранившимися на Севере формами материальной культуры, объявлявшейся теперь воплощением незамутненной, народной «истинно-русскости», приводит к тому, что национальное осмысляется в новой (севернорусской) стилистике, актуализируя интерес к фольклорным мотивам (эпосу, былинам и пр.), сказочным персонажам и мифологическим существам¹¹. В северном регионе относительно

9 См.: Уортман Р. В. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М., 2004. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. Гл. 6–7.

10 Там же. С. 323.

11 См., например, проникательные заключения И. Я. Билибина, сформулированные им после экспедиционных путешествий в северные губернии (Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую) в 1902–1905 гг. (Билибин И. Я. Народное творчество Севера // Мир искусства. 1904. Т. 12. С. 303–318).

хорошо сохранились как произведения деревянного зодчества, так и русские праздничные крестьянские костюмы, уборы, украшения и предметы быта (в особенности женские старообрядческие) XVII в. Хотя следует заметить, что сам вопрос об интерпретации русского национального наследия в искусстве как передвижников, так и деятелей модерна гораздо сложнее¹², и полемика о том, как именно понимались, переосмыслялись (а главное, воплощались) в модерне Серебряного века традиции и формы, декларировавшиеся в качестве «истинной» русскости, продолжается и сегодня. Так или иначе, все основные проекты «русских» карт были представлены художниками, темы творчества и стилистика которых в определенной мере была связана с модерном.

Известный русский баталист, иллюстратор Николай Николаевич Каразин (1842–1908) на рубеже веков создал проект новой колоды игральных карт «Высший сорт», которая была выпущена Карточной фабрикой Императорского воспитательного дома — монопольным в Российской империи (с конца XVIII в.) производителем карт¹³. В принадлежащем Е. Н. Григоренко очерке истории игральных карт в России указывается, что колода Каразина неофициально называлась Исторической и имела два варианта — 1897 и 1898 гг. В журнальной заметке 1900 г. о выпуске второго варианта¹⁴ говорилось, что эти новые карты «можно назвать национальными», поскольку в них содержатся «художественно исполненные портреты представителей четырех национальностей, входящих в состав Российской империи»¹⁵. По мнению Е. Н. Григоренко, этими национальностями для четырех мастей были выбраны русские (черви), украинцы (трефы), киргизы (пики) и литовцы (бубны)¹⁶. Однако в тексте журнальной заметки

12 См.: *Плотников В. И.* Фольклор и русское изобразительное искусство второй половины XIX в. Л., 1987; *Неклюдова М. Г.* Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX — начала XX в. М., 1991; *Кириченко Е. И.* Введение. Русский стиль и русское искусство.

13 Подробнее об этом: *Григоренко Е. Н.* Русские игральные карты. С. 26–28; *Красавин В., при участии А. Бондарева (Харьков).* «Новые русские карты» Николая Каразина. Текст доступен на сайте Российского карточного общества по адресу: <https://www.russcards.com/karazin-cards> (дата обращения: 01.06.2019).

14 Новые русские карты // *Огонек*. 1900. № 9. 6 (18) марта. С. 67.

15 Там же.

16 *Григоренко Е. Н.* Русские игральные карты. С. 27.

1900 г. они именуются иначе: «малороссийской национальностью», «киргизской или башкирской национальностью», при этом портреты валета и дамы пик называются также «татаринном» и «татаркой». Бубны и вовсе определяются как «поляки». Этноним «русские» в данном перечне, конечно, использоваться не мог, поскольку так назывались все три восточнославянских племени — великорусы, малорусы и белорусы. Русские в современном значении этнонима именовались не иначе как «великороссийское племя» (т. е. великороссы) — именно такой термин использован в заметке.

На первый взгляд трудно объяснить несходство описаний карточных фигур — ведь и в книге Григоренко, и в номере журнала «Огонек» они наглядно воспроизведены. Конечно, Каразин вряд имел намерение точно отразить этнографические детали одежды и физического облика, хотя он и считался одним из наиболее авторитетных художников, «специализировавшихся» на этнографических типах. Однако дело не его в ошибках, приведших к неверной идентификации изображенных типов и костюмов. Отождествление киргизов и татар в заметке «Огонька» объясняется тем, что определение «татары» в этнографии XIX в. использовалось как для обозначения татар как конкретной этнической группы, так и в качестве родового названия тюркских народов Империи, то есть бытовало как этноним, конфессионим и политоним. Киргизами до начала XX в. русские именовали, в частности, казахов и другие кочевые племена современного Казахстана. Впрочем, можно предположить, что Каразин сознательно избрал в качестве представителей пиковой масти типажи *разных* этносов.

Путаница между литовцами и поляками заметна в образе короля бубен — воина с длинной бородой, держащего в руке характерную булаву с шипами, в довольно примечательном шлеме с парными металлическими крыльями по бокам. Эти атрибуты, строго говоря, могли принадлежать как литовскому, так и польскому шляхтичу-рыцарю, в данном случае гетману или воеводе времен Польско-литовского государства или Речи Посполитой до разделов (хотя справедливости ради необходимо отметить, что форма крыльев на шлеме, которую изобразил художник, вовсе не была типичным элементом рыцарских доспехов XVI–XVII вв.¹⁷).

17 «Крылатые гусары» — элитная польская тяжелая кавалерия XVI–XVIII в., получила название из-за характерного атрибута — «крыльев», прикреплявшихся за спиной всадника. При этом парные крылышки именно на шлеме не были характерным атрибутом гусарских доспехов.

Важны детали изображения, которые автор заметки 1900 г. определяет как короля «в древнебоярской одежде» (король червей), русскую боярыню «в роскошном одеянии» (дама червей) и «молодого царского сокольничего в роскошной одежде с орлами на груди и спине» (валет). И одежда, и головные уборы, действительно, имеют детали, характерные для боярского костюма времен царя Алексея Михайловича. Хотя форма кокошника у дамы заставляет предположить, что это все же не боярыня, а боярышня, боярская дочь.

Таким образом, в каразинском проекте русских «национальных карт» прочитывается стремление отразить идею многоэтнической имперской нации (по сути, речь идет о русском как национальном), состоящей из разных народов: прежде всего двух главных восточнославянских племен «триединого русского народа» (великорусов и малорусов), а также условно «восточных» и условно «западных» народов. Эти смысловые аллюзии довольно прозрачны и говорят о том, что «национальное» могло пониматься не только как собственно этническое или исключительно русское / великорусское.

Необходимо подчеркнуть, что Каразин являлся автором больших серий иллюстраций, на основе которых создано несколько серий открыток; в них нашло выражение понимание «русскости», с одной стороны, как исключительно «великорусскости», с другой — как отождествление с традициями и культурными формами искусства и быта Московской Руси именно XVII столетия. Одна из этих серий создавалась на рубеже веков¹⁸, связана с Москвой и носит название «Привет из Москвы». На ней изображены древние достопримечательности первой столицы, а также разные «типы» в костюмах и с атрибутами XVII в., как в боярских или стилизованных под них одеждах, так и в нарядах горожан того времени. Серия выпускалась в 1902–1903 гг. в известном издательстве А. А. Левенсона. Каразину принадлежат также иллюстрации и литографии, на основе которых создавались праздничные открытки (к Масленице, Святкам, Рождеству, Пасхе и пр.); печатались и открытки с его живописных работ на традиционные «русские сюже-

Гусары имели шлемы разных форм. Лишь один из подобных шлемов заката «польской гусарии» (начала XVIII в.) хранится ныне в собрании Музея истории Войска польского в Польше (Варшава). Фото и информация доступны по адресу: <http://www.husaria.jest.pl/skrzydla.html> (дата последнего обращения: 25.06.2019).

18 Мелитонян А., Цуканов П., Ларина А., Величко С. Привет из Москвы. Москва на старых открытках. 1895–1917. Альбом-каталог. М., 2004. С. 33.

ты», жанровые сцены: «Пахота», «Сенокос», «Жатва» (одноименные картины), «Тройка», «Застолье», «Из церкви», «Воз сена», «Всадник» и др. Рисунки Каразина можно увидеть во многих иллюстрированных журналах 1870-х — 1900-х гг. Из многочисленных поездок он всегда привозил эскизы, позволявшие ему со знанием дела иллюстрировать публикации путевых очерков путешественников по самым разным областям Российской империи. Однако натурные зарисовки современной повседневной крестьянской и городской жизни, а также быта различных «экзотических» для многих русских зрителей народов и племен Империи концептуально отличны от сериальных открыток, на которых представлены собирательные русские образы. Каразинские изображения такого рода очень узнаваемы, так как в них предстают обобщенно-русские типы, бытовые и этнографические детали которых более схожи с театральными костюмами и декорациями, все они апеллируют к русскости в образе «боярской московской старины». В них, как, впрочем, и в других популярных «исторических» живописных и графических произведениях того времени, доминируют яркие, но условные элементы. И в эскизах игральных карт «русскость» трактуется художником подобным образом. Не очень понятно, однако, почему при большой популярности открыток по эскизам Каразина его колода «Высший сорт» не пользовалась спросом у покупателей¹⁹.

Фольклорные персонажи в рисунках карточных фигур

К попытке создать «русский стиль» или «русский вкус» в игровых картах можно отнести и «проект игральных карт для Императорской карточной фабрики» скульптора и художника Михаила Осиповича Микешина (1835–1896) (эскизы хранятся в Русском музее). Этот проект создавался раньше каразинского, в 1890 г., реализован не был, но упоминания достойны. На рисунках для 12 фигурных карт представлены персонажи русских сказок, некоторые (Кощей Бессмертный, Леший, Баба-яга, Русалка) очень узнаваемы, другие (Колдун-Кудесник, Водяной, Киевская ведьма, Царь-девица) вряд ли могли бы быть идентифицированы без сохранившихся подписей. Валеты воплощали абстрактные «злые» и «добрые» силы: Лучник, Баян, Сокольник, Винник (силы тьмы, богатырскую смелость, силы добра, смекалку)²⁰. Однако эта полная колода не пошла в тираж. Сохранились многочисленные эскизы Микешина

¹⁹ Григоренко Е. Н. Русские игральные карты. С. 28.

²⁰ Там же. С. 26. Подробнее об этом: Демиденко Ю. Игральные карты в «русском вкусе» // Наше наследие. 1998. № 47. С. 124–128.

периода поиска концепции; по ним видно, что он не сразу выбрал героев русских сказок в качестве карточных персонажей. Был и другой замысел, отраженный в дневниках художника: «...на одном из карандашных эскизов из собрания Русского музея, представляющем фигуры всех четырех мастей, трефы — персонажи, одетые в русские костюмы XV–XVII вв.»²¹. Интересна также информация Ю. Демиденко, что в записных книжках Микешина имеются заметки о «художественной программе» еще одного (третьего?) варианта колоды — «славянского», где каждая из мастей олицетворяла конкретное славянское государство, а фигуры — соответствующих национальных героев. Бубны (Благодарумие) воплощали Чехию, черви (Справедливость) — Сербию, пики (Сила) соотносились с Болгарией, фигурами трэф (Единения) выступали русские исторические персонажи: Иван III, Илья Муромец, Марфа-Посадница и др. Еще один предполагаемый вариант колоды состоял из портретов исторических деятелей (не только российских, но и иностранных, сыгравших важную роль в русской истории), над образами которых скульптор работал для других своих произведений, в частности для памятников «Тысячелетие России» (1862; 128 фигур реализованной композиции) или «Богдан Хмельницкий» (1888): Михаил Федорович Романов, Богдан Хмельницкий, Ермак, князь Кузьма Минин, Марина Мнишек, Заруцкий и Лжедмитрий²². В набросках и черновиках есть еще один вариант, где в качестве фигур избраны правители и отдельные деятели исключительно древнерусского периода истории²³. При жизни Микешина карты изданы не были, после его смерти наследники в 1903 г. передали все эскизы в Русский музей, и вскоре они были напечатаны в виде черно-белых открыток.

Поиски Микешиним образов для игральных карт «в русском вкусе» наглядно демонстрируют тенденции в интерпретации русскости: ее носителями считаются фольклорные персонажи (как аутентично-народные, так и заимствованные из волшебных сказок, то есть литературные, созданные в результате адаптации различных европейских фольклорных традиций), легендарные герои разных славянских народов и, наконец, реальные исторические личности, причем относящиеся к двум периодам отечественной истории — древнерусскому и XVI–XVII вв. Именно эти периоды наиболее активно обуславливали представления о визуализации «типичной» русскости.

21 Демиденко Ю. Игральные карты. С. 125.

22 Там же. С. 125–126.

23 Там же. С. 126.

В 1911 г. заказ на создание двух колод в «национальном» стиле от князя Д. П. Голицына (главноуправляющего Собственного Ее Величества Ведомства канцелярии по учреждениям Императрицы Марии, к которым относилась и государственная Карточная фабрика) поступил к еще одному известному художнику — Ивану Яковлевичу Билибину (1876–1942). За два года он сделал эскизы к двум колодам (ныне хранятся в Русском музее), но издание не состоялось, поскольку Голицын покинул свой пост, и проект был заморожен. Билибин известен как иллюстратор русских былин и сказок (1899–1903), сказок А. С. Пушкина (1904–1908), по его эскизам изданы серии открыток «Богатыри» (1903) и «Народные костюмы Русского Севера» (1909), которые создавались на основе материалов экспедиций (1902–1904) художника для изучения северной русской архитектуры, организованных по поручению Этнографического отдела Музея Александра III.

В письме-отчете Голицыну в 1911 г. Билибин говорил о замысле карточной колоды: «Стиль — древнерусский (народные картинки и старые лубочные сказки, только облагороженные, если только вообще можно “облагородить” старину). Валеты изображены как разные Бовы-Королевичи и Ерусланы-Лазаревичи, т. е. одеты сказочными витязями в облачении с византийским оттенком. Ни восточных карт, ни царей Иродов нет»²⁴. Изображения гораздо более схематичны и менее иллюстративны, чем, в частности, у Каразина, они приближаются к символическим, добрые и злые герои снабжены изящными фантастическими атрибутами. Конечно, нельзя не учитывать стилистику графики Билибина, тяготеющую к «лубочности»; она проявилась, в частности, в иллюстрациях и рисунках к русским сказкам и былинам: их изобразительная манера, колорит, характерные детали — «плоть от плоти эстетика модерна»²⁵.

На сохранившихся эскизах видно, что не все фигуры изображали русских персонажей. Длиннобородый король бубен с державой и скипетром — вполне западноевропейского облика, но в характерном русском облачении XVI–XVII вв., которое, однако, прописано довольно схематично. Трефовая дама обладает атрибутами женского боярского костюма и головного убора того же времени. Но на голове трефового валета с пикой и мечом — шляпа, более напоминающая шляпу офицерской формы XVIII в. (к этому времени «восходят» и тонкие усики).

24 Иван Яковлевич Билибин: Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970. С. 100.

25 Нацюкина М. В. Художественная открытка. С. 211.

Валет и дама явно выполнены в стилистике лубка XVIII столетия, которую Билибин умело воспроизвел.

Представление о том, на какие источники, помимо археологических находок и немногочисленных собственно русских изображений (в миниатюрах, фресках, резьбе, чуть позже — портретах-парсунах) XVI–XVII вв. опирались художники последней трети столетия, дает статья Билибина²⁶, из которой ясно, что многие использовали не только упоминавшиеся масштабные реконструкции русских исторических костюмов, доспехов, утвари и т. д. (рисованные — в частности, Ф. Г. Солнцева или А. В. Висковатова, вербальные — например, И. Е. Забелина²⁷), но и непосредственно отечественные исторические источники (в частности, иконы, лубки). Так, художник дает критический разбор достоверности изображений на гравюрах в изданиях описаний иноземцами Московского государства, его царей и жителей, а также портретов разных русских сословий — как индивидуальных, так и обобщенных, содержащихся в текстах иностранных путешественников по Московии. Кроме того, Билибин упоминает самоописание русских (например, Г. К. Котошихина), а также приводит в пример детали предметов из собрания Оружейной палаты и элементы костюма в текстах русских былин, характеризуя русский костюм в целом как «одежду покоя».

И все же, хотя без участия Билибина, именно в 1911 г. был создан вариант «национальной» колоды, получивший известность и признание. Это колода «Русский стиль»²⁸. Парадокс заключается в том, что ее авторами и издателями стали не отечественные художники, а немецкие мастера карточного производства фабрики Б. Дорндорфа (Франкфурт-на-Майне). Анонимный художник втайне от владельца разработал для России две колоды карт — одну в русском стиле, другую под названием «Рококо». Четыре колоды были сделаны для Императорской карточной фабрики. Принято считать, что в основу изображения фигур положены портреты из альбома со 173 фототипиями, изданного в 1904 г. и содержащего фотоснимки, сделанные на известном костюмированном балу в Зимнем дворце, приурочен-

26 Билибин И. Я. Несколько слов о русской одежде в XVI и XVII вв. // Старые годы. 1909. № 7–9. С. 440–456.

27 Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876–1879. Ч. 1–2; Забелин И. Е. Домашний быт русский царей в XVI и XVII столетиях. М., 1869. Т. 1–2.

28 См.: Григоренко Е. Н. Русские игральные карты. С. 28–29.

ном к 290-летнему юбилею Дома Романовых (1903). Участники бала были одеты в исторические русские костюмы эпохи царя Алексея Михайловича²⁹. Соответственно, одежда, убор и украшения дамы трэф были скопированы с костюма боярыни великой княгини Елизаветы Федоровны, а дамы червей — с наряда великой княжны Ксении Александровны на этом балу. Костюм трефового валета выполнен с фотографии брата государя, великого князя Михаила Александровича. Эскизы костюмов создавались по рисункам известного художника Сергея Сергеевича Соломко (1867–1928) — книжного и журнального иллюстратора, автора театральных афиш, исторических акварелей, и также — следует это подчеркнуть — серии рисунков к открыткам на «русские темы» (1900), созданной специально для издательства И. С. Лапина в Париже.

Однако в одной из российских журнальных публикаций, сообщавших о выпуске колоды «Русский стиль», говорилось: «Для ознакомления немецкого художника с нашей стариной ему отправили во Франкфурт целый транспорт орнаментов, рисунков, снимков, картин»³⁰. Действительно, не все фигуры воспроизводили костюмы придворного бала. Например, облик дамы пик копировал детали костюма с портрета русского художника К. Б. Венига «Русская девушка» (1889).

Таким образом, очевидными тенденциями в дизайне игральных карт, призванных служить воплощением русскости и узнаваемости «русской колоды», стали те внешние приметы, которые в период формирования национально-государственной идеологии ассоциировались с русской традицией: это, во-первых, русский костюм, его атрибуты, декоративные элементы XVII в. (эпохи правления Алексея Михайловича), притом преимущественно в однословной боярской (боярско-княжеской) репрезентации, во-вторых, атрибуты образов

29 Подробнее об этом: *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Т. 2. С. 509–512; *Руан К.* Новое платье Империи. История российской модной индустрии, 1700–1917. М., 2011. С. 247–257; *Экитут С. А.* С короля — на бал. Прототипы знаменитой карточной колоды танцевали на костюмированном балу 1903 г. // *Родина*. 2016. № 7 (716). Текст доступен по адресу: <https://rg.ru/2016/07/14/rodina-karty.html> (дата обращения: 20.06.2019).

30 Цит. по: *Карты в русском стиле и стиле рококо*. Текст доступен по адресу: <https://www.russcards.com/rus-style-rococo> (дата обращения: 01.06.2019).

мифологических и былинных персонажей русских фольклорных произведений, столь популярных как в пересказах и переложениях, так и в театральных и сценических постановках рубежа столетий.

Важно заметить, что если в 1860-х гг. отражение «национального» в картах могло трактоваться как идея полиэтничной империи, государства различных народов и культур, то в самом конце столетия определенно возобладали концепция визуальной национальной репрезентации как прежде всего русской и великорусской, соотносимой при этом с московским самодержавием периода максимальной централизации и мощи монархии.

Необходимо подчеркнуть, что нереализованные проекты карточных колод в «русском вкусе» или «национальном стиле» (как формулировалось заказчиками), создававшиеся на протяжении полувека, демонстрируют не только эволюцию представлений о «русскости» и форм ее визуализации как типично-национального образа, но и интерпретацию авторами функций художественной продукции массового спроса — такой же, в сущности, как открытка.

Источники и литература

Билибин И. Я. Народное творчество Севера // Мир искусства. 1904. Т. 12. С. 303–318.

Билибин И. Я. Несколько слов о русской одежде в XVI и XVII вв. // Старые годы. 1909. № 7–9. С. 440–456.

Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. СПб., 1841–1862. В 30 т., в 60 кн.

Гарин Л. Ф. Художник и карты // Панорама искусств. 1988. № 11. С. 252–264.

Григоренко Е. Н. Русские игральные карты. История и стиль. Ставрополь, 2013. 105 с.

Демиденко Ю. Игральные карты в «русском вкусе» // Наше наследие. 1998. № 47. С. 124–128.

Забелин И. Е. Домашний быт русский царей в XVI и XVII столетиях. М., 1869. Т. 1–2.

Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876–1879. Ч. 1–2.

Иван Яковлевич Билибин: Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л.: Худож. РСФСР, 1970. 370 с.

Игра и страсть в русском изобразительном искусстве. Каталог / Сост. И. Арская и др. СПб.: Palace Edition, 1999. 359 с.

Карты в русском стиле и стиле рококо. URL: <https://www.russcards.com/rus-style-rococo> (дата обращения: 01.06.2019).

Кириченко Е. И. Введение. Русский стиль и русское искусство. О термине «русский стиль» и содержании книги // Кириченко Е. И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности: народность и национальность. Традиции древнерусского и народного искусства в русском искусстве XVIII — начала XX в. М., 1997. С. 8–15.

Красавин В., при участии А. Бондарева (Харьков). «Новые русские карты» Николая Каразина. URL: <https://www.russcards.com/karazin-cards> (дата обращения: 01. 06. 2019).

Медяков А. С. Открытка рубежа XIX — начала XX в. как социокультурный феномен // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 146–162.

Мелитонян А., Цуканов П., Ларина А., Величко С. Привет из Москвы. Москва на старых открытках. 1895–1917. Альбом-каталог. М., 2004. 127 с.

Нащокина М. Художественная открытка русского модерна. М.: Жираф, 2004. 472 с/

Неклюдова М. Г. Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX — начала XX в. М.: Искусство, 1991. 395 с.

Новые русские карты // Огонек. Иллюстрированное обозрение общественной и политической жизни, наук и изящных искусств. Приложение к «Биржевым новостям». 1900. № 9. 6 (18) марта. С. 65, 67.

Одежды русского государства. Альбом акварелей Ф. Г. Солнцева. Б.м., 1869.

Перельман А. С. «Новые фигуры» академика Шарлеманя. СПб., 1995. 98 с.

Плотников В. И. Фольклор и русское изобразительное искусство второй половины XIX в. Л., 1987. 282 с.

Принцева Г. А. Игральные карты со сценами охоты // При дворе русских императоров. Произведения Михая Зичи из собрания Эрмитажа. Каталог выставки / Под ред. А. С. Кантор-Гуковской, Г. А. Принцевой. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2005. 123 с.

Прохоров В. А. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной: В 4 т. СПб., 1881–1885.

Уртман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М.: ОГИ, 2004. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. 796 с.

Филиппова А. А. Творчество художника А. И. Шарлеманя // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 2. С. 208–216.

Чапкина М. Я. Художественная открытка. К столетию открытки в России. М., 1993. 303 с.

Шевеленко И. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: НЛЮ, 2017. 333 с.

Шевцов В. В. Карточная игра в России. Конец XVI — начало XX века. История игры и история общества. Томск, 2005. 242 с.

Экитум С. А. С короля — на бал. Прототипы знаменитой карточной колоды танцевали на костюмированном балу 1903 г. // Родина. 2016. № 7 (716). URL: <https://rg.ru/2016/07/14/rodina-karty.html> (дата обращения: 20.06.2019).

Brooks J. The Russian Nation Imagined. The peoples of Russia as seen in Popular Imagery. 1860–1890-s // Journal of Social History. Vol. 43. No. 3 (Spring 2010). P. 535–557.

Sunderland W. Shop Signs, monuments, souvenirs. Views of the Empire in everyday life. *Picturing Russia. Explorations in Visual Culture* / Ed. by V. A. Kivelson and J. Neuberger. London, 2008. P. 104–108.

References

- Bilibin, I. Ia. Narodnoe tvorcestvo Severa. *Mir iskusstva*, 1904, t. 12, s. 303–318.
- Bilibin, I. Ia. Neskol'ko slov o russkoi odezhde v XVI i XVII vv. *Starye gody*, 1909, № 7–9, s. 440–456.
- Brooks, J. The Russian Nation Imagined. The peoples of Russia as seen in Popular Imagery. 1860–1890-s. *Journal of Social History*, vol. 43, No. 3 (Spring 2010), pp. 535–557.
- Chapkina, M. Ia. *Khudozhestvennaia otkrytka. K stoletiiu otkrytki v Rossii*. Moscow, 1993.
- Demidenko, Iu. Igral'nye karty v «russkom vkuse». *Nashe nasledie*, 1998, № 47, s. 124–128.
- Ekshut, S. A. S korolia — na bal. Prototipy znamenitoi kartochnoi kolody tantsevali na kostiumirovannom balu 1903 g. *Rodina*, 2016, № 7 (716). URL: <https://rg.ru/2016/07/14/rodina-karty.html>. Accessed 20.06.2019.
- Filippova, A. A. Tvorcestvo khudozhnika A. I. Sharlemania. *Observatoriia kul'tury*, 2017, t. 14, № 2, s. 208–216.
- Garin, L. F. Khudozhnik i karty. *Panorama iskusstv*, 1988, № 11, s. 252–264.
- Grigorenko, E. N. *Russkie igral'nye karty. Istorii i stil'*. Stavropol', 2013, 105 s.
- Igra i strast' v russkom izobrazitel'nom iskusstve. Katalog* / sost. I. Arskaia i dr. Saint-Petersburg: Palace Edition, 1999, 359 s.
- Ivan Iakovlevich Bilibin: *Stat'i. Pis'ma. Vospominaniia o khudozhnike*. Leningrad: Khudozh. RSFSR, 1970, 370 s.
- Karty v russkom stile i stile rokoko. URL: <https://www.russcards.com/rus-style-rococo>. Accessed 01.06.2019.

Kirichenko, E. I. Vvedenie. Russkii stil' i russkoe iskusstvo. O termine «russkii stil'» i soderzhanii knigi. Kirichenko, E. I. *Russkii stil'. Poiski vyrazheniia natsional'noi samobytnosti: narodnost' i natsional'nost'. Traditsii drevnerusskogo i narodnogo iskusstva v russkom iskusstve XVIII — nachala XX v.* Moscow, 1997, s. 8–15.

Krasavin, V., pri uchastii A. Bondareva (Khar'kov) «Novyia russkiiia karty» Nikolaia Karazina]. URL: <https://www.russcards.com/karazin-cards>. Accessed 01. 06. 2019.

Mediakov, A. S. Otkrytka rubezha XIX — nachala XX vv. kak sotsiokul'turnyi fenomen. *Dialog so vremenem*, 2019, № 67, s. 146–162.

Melitonian, A., Tsukanov, P., Larina, A., Velichko, S. *Privet iz Moskvy. Moskva na starykh otkrytkakh. 1895–1917. Al'bom-katalog.* Moscow, 2004, 127 s.

Nashchokina, M. *Khudozhestvennaia otkrytka russkogo moderna.* Moscow, Zhyraf, 2004, 472 c.

Nekliudova, M. G. *Traditsii i novatorstvo v russkom iskusstve kontsa XIX — nachala XX v.* Moscow, Iskusstvo, 1991, 395 s.

Novye russkie karty. *Ogonek. Illiustrirovannoe obozrenie obshchestvenno i politicheskoi zhizni, nauk i iziashchnykh iskusstv. Prilozhenie k «Birzhevym novostiam»*, 1900, № 9, 6 (18) marta, s. 65, 67.

Odezhdy russkogo gosudarstva. Al'bom akvarelei F. G. Solntseva. 1869.

Perel'man, A. S. «Novye figury» akademika Sharlemania. Saint-Petersburg, 1995, 98 s.

Plotnikov, V. I. *Fol'klor i russkoe izobrazitel'noe iskusstvo vtoroi poloviny XIX v.* Leningrad, 1987, 282 s.

Printseva, G. A. Igral'nye karty so stsenami okhoty. *Pri dvore russkikh imperatorov. Proizvedeniia Mikhaia Zichi iz sobraniia Ermitazha, Katalog vystavki / pod red. A. S. Kantor-Gukovskoi, G. A. Printsevoi.* Saint-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh, 2005, 123 s.

Prokhorov, V. A. *Materialy po istorii russkikh odezhd i obstanovki zhizni narodnoi.* V 4 t. Saint-Petersburg, 1881–1885.

Shevtsov, V. V. *Kartochnaia igra v Rossii. Konets XVI — nachalo XX veka. Istoriiia igry i istoriia obshchestva.* Tomsk, 2005, 242 s.

Shevelenko, I. *Modernizm kak arkhazim: natsionalizm i poiski modernistskoi estetiki v Rossii.* Moscow: NLO, 2017, 333 s.

Sunderland, W. Shop Signs, monuments, souvenirs. Views of the Empire in everyday life. *Picturing Russia. Explorations in Visual Culture / Ed. by V.A. Kivelson and J. Neuberger.* London, 2008, pp. 104–108.

Viskovatov, A. V. *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniia rossiiskikh voisk, s risunkami, sostavlennoe po vysochaishemu poveleniiu.* Saint-Petersburg, 1841–1862. V 30 t, v 60 kn.

Wortman, R. S. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii.* Moscow: OGI, 2004. V 2 t. T. 2. Ot Aleksandra II do otrencheniia Nikolaia II, 796 s.

Zabelin, I. E. *Domashnii byt russkii tsarei v XVI i XVII stoletiiakh*. T. 1–2. Moscow, 1869.

Zabelin, I. E. *Istoriia russkoi zhizni s drevneishikh vremen*. Ch. 1–2. Moscow, 1876–1879.

Maria V. Leskinen

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

To play in Russian style: The design of playing cards in the Russian Empire
in the second half of the 19th — the beginning of 20th century
and the search for national imagery

The article describes the design projects for playing cards “in Russian taste”, created by Russian artists in the 1860s — 1910s by state orders. This, in particular, are the card sketches made by Mikhay Zichi, Nicolay Karazin, Michail Mikeshin, Ivan Bilibin and others. The card images are analyzed through the tendencies to represent ethnic and national Russianness at the time of changes in the official conceptions of national identity and historical heritage. Another level of analysis takes into account the principles of illustrativity for mass use (cf. the postcards). The general style of card images was also influenced by the evolution of artistic styles in Russia at that time (in particular, the “Neo-Russian style”, the Russian modernism) and interest in Russian folklore. The author concludes that the attributes of Russianness in the images considered were: firstly, the Russian costume of the boyar estate and decorative elements of the culture of the Moscow state of the 17th century, and secondly, the characteristic features of mythological (fairy-tale) and epic characters of folklore works. In the search for the Russian style for playing cards, the main trends of the process of understanding the Russian identity in general and its visual representation in particular were reflected.

Keywords: *Russian Empire, national identity, cards, visualization of Russianness, Russian nation images, Russian playing cards.*

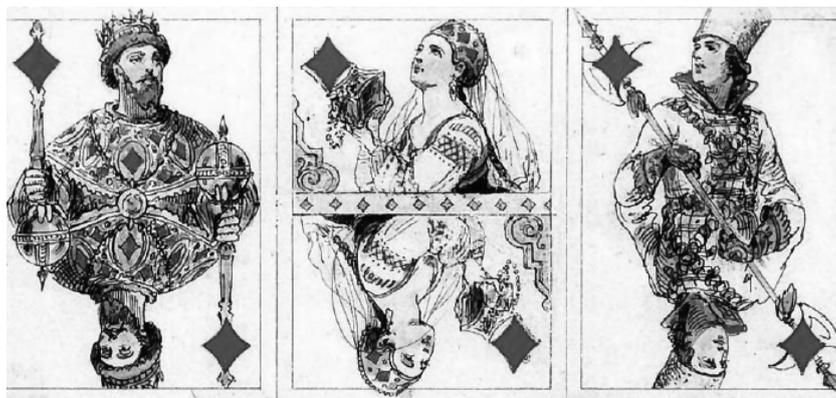

Рис. 1.

Рис. 2.

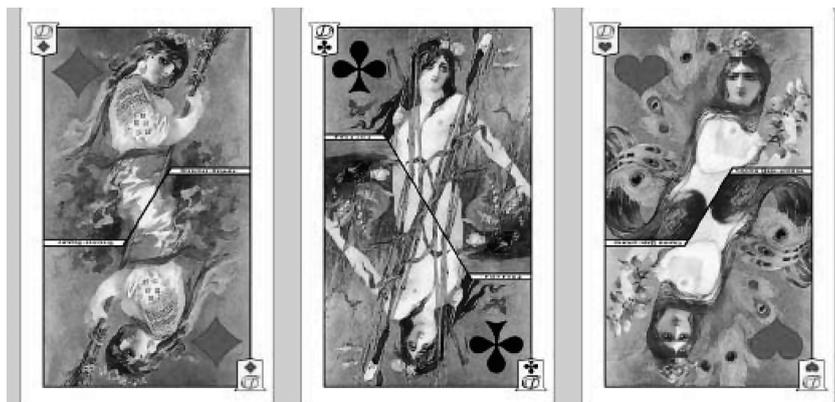

Рис. 3.

Рис. 4.

УДК 81-23
ББК 81.23

Е. И. Якушкина
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Лексика первого издания словаря Вука Караджича в сопоставлении с данными «Общеславянского лингвистического атласа»

Сербские и хорватские лексические материалы «Общеславянского лингвистического атласа» содержат ряд географически четко противопоставленных лексем, таких как, например, *причати* и *приповедати* ‘рассказывать’. Некоторые из подобных лексических пар демонстрируют противопоставление восточного и западного ареалов, а другие — центрального и периферийных. В настоящей работе рассматривается, как данные лексемы представлены в первом издании словаря Вука Караджича. Делается вывод, что Словарь содержит целый ряд лексем, характерных, согласно атласу, для западного и периферийного черногорского ареала, а также демонстрирует интерференцию лексики западного и восточного и центрального и периферийного типа.

Ключевые слова: *сербский язык, диалектология, лексикология, лингвогеография, Общеславянский лингвистический атлас, Вук Караджич.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.4.01

Цель настоящей работы состоит в определении ареалогических признаков лексического фонда, представленного в словаре Вука Караджича 1818 г.¹ Эти признаки выделяются на основании сопоставления лексики Словаря с лексическими данными, содержащимися в опубликованных выпусках «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА)². Общеславянский атлас, хотя и имеет достаточно раз-

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-012-00471 «Ареальное членение и ареальные связи сербскохорватских говоров в области лексики».

1 *Karađiћ В. С.* Српски рјечник. У Бечу, 1818.

2 Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1: Животный мир. М., 1988; Вып. 4: Сельское хо-

реженную сетку пунктов на центральноюжнославянской территории и в большей степени предназначен для прослеживания соответствий на общеславянском уровне, при отсутствии национальных сербского, боснийского и хорватского диалектных атласов позволяет выявить определенные закономерности ареального членения даже небольшой территории³. Ареальная характеристика тршицкого говора, отраженного в первом издании Словаря, дана П. Ивичем⁴, однако лексические признаки она не учитывает.

На предыдущем этапе исследования из опубликованных выпусков ОЛА были извлечены лексические пары или ряды, которые в штокавских говорах манифестируют противопоставленные ареалы (*зоб* — *овас* ‘овес’, *зеле* — *купус* ‘капуста’, *власи* — *коса* ‘волосы’, *челюсти* — *вилице* ‘челюсти’, *врт* — *башића* — *градина* ‘огород’, *леђа* — *плећи* ‘спина’, *јетра* — *црна џигерица* ‘печень’, *плућа* — *бела џигерица* ‘легкие’, *луг* — *ливада* ‘луг’, *папир* — *хартуја* ‘бумага’, *шака* — *песница* ‘кисть руки’, *кажипут* — *кажипрст* ‘указательный палец’, *скоруп* — *кајмак* ‘сливки’, *мука* — *брашно* ‘мука’, *обед* — *ручак* ‘обед’, *благдан* — *празник* ‘праздник’, *хита* — *баца* ‘бросает’, *приповеда* — *прича* ‘рассказывает’, *образ* ‘лицо’ — *образ* ‘щека’, *књига* ‘письмо’ — *књига* ‘книга’, *гној* — *ђубре* ‘навоз’, *крило* — *пераја* ‘плавник’, *укопати* — *сахранити* ‘похоронить’, *пуж* — *спуж* ‘улитка’, *жмире* — *чварци* ‘пережаренные кусочки сала, шкварки’, *гујавица* — *глиста* ‘дождевой червь’, *бачвар* — *качар* ‘бондарь’, *чеињак* — *бели лук* ‘чеснок’, *корито* — *наћве* ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’, *варити* — *кувати* ‘варить’, *жећа* — *жећ* — *жед* ‘желание пить’, *стегно*, *бедро* — *бутина* ‘бедро’, *већа* — *обрва* ‘бровь’, *пазуво* — *подмишка* ‘подмышка’, *страшити* — *плашити* ‘пугать’, *млинар* — *воденичар* ‘мельник’, *судац* — *судија* ‘судья’, *парадајз* — *патлиџан* ‘помидор’, *тинта* — *мастило* ‘чернила’, *заручник* — *вереник* ‘жених’, *штакор* — *пацов* ‘крыса’, *прстењак* — *домали прст* ‘указательный палец’ и др.). На основании пучков лексических изоглосс перечисленных и других лексических пар на штокавской территории были выделены

зайство. Братислава, 2012; Вып. 6: Домашнее хозяйство и приготовление пищи. М., 2007; Вып. 8: Профессии и общественная жизнь. Warszawa, 2003; Вып. 9: Человек. Kraków, 2009; Вып. 10. Народные обычаи. М., 2015.

3 Якушкина Е. И. Черногорские говоры в «Общеславянском лингвистическом атласе» (лексический аспект) // Славяноведение. 2018. № 5. С. 86–94.

4 Ивић П. Српски народ и његов језик. Београд, 1971. С. 317–321.

западный и восточный ареалы, центральный ареал и несколько периферийных — славонский, черногорский, восточносербский⁵.

Выделенные на лексическом материале ареалы согласуются с принятым в диалектологии делением штокавской территории на основании фонетических и морфологических признаков⁶. Пучки изоглосс по штокавской территории проходят преимущественно в направлении юг — север или юго-запад — северо-восток⁷, т. е. делят штокавские говоры на **западные** и **восточные**. Пучок изоглосс отделяет хорватские и бошняцкие штокавские говоры: «Различным западным и северо-западным штокавским говорам, на которых говорит католическое и, возможно, мусульманское население, свойственны черты, общие с чакавско-кайкавско-словенской группой: отсутствие перехода $sk' = st'$, $zg' = zd' > um$, $жд$ [...] сохранение [...] формы $ъe$ (или энклитики je) в вин. п. мн. ч. личного местоимения третьего лица»⁸. Сербские новоштокавские иекавские говоры также делятся на северо-западные и юго-восточные⁹, к северо-западным относятся говоры в северной Далмации, Лике, Кордуне, Горском Котаре и на западе Боснийской Краины (редукция гласных, оглушение согласных в конце слова и др.)¹⁰, к юго-восточным — прежде всего говоры Черногории, к которым иногда примыкают говоры соседних областей Герцеговины и сербского Полимья (иекавская йотация губных согласных, переход $ћ$ в j , смешение падежей места и направления)¹¹. Еще одна важная граница проходит в направлении Бока Которска — Румыния¹², отделяя говоры с новоштокавской акцентуацией от староштокавских. Таким образом, изоглоссы, делящие штокавскую территорию на западный и восточный ареалы, проходят на некотором расстоянии друг от друга, так что

5 Якушкина Е.И. Сербская и хорватская лексика в Общеславянском лингвистическом атласе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 1. С. 5–11.

6 Ивић П. Српскохрватски дијалекти. Њихова структура и развој // Ивић П. Целокупна дела. Т. 3. Сремски Карловци; Нови Сад, 1994. С. 46–47.

7 Там же.

8 Там же. С. 46.

9 Ивић П. Српски дијалекти и њихова класификација. Сремски Карловци; Нови Сад, 2009. С. 18.

10 Там же. С. 23.

11 Там же. С. 18–19.

12 Там же. С. 12–13.

выделение того или иного ареала зависит от выбранного признака¹³ (кроме того, лексические материалы ОЛА часто демонстрируют интерференцию употребления разных лексем в центре штокавской территории). Понятие **центра** применительно к штокавским говорам (а не ко всей центральноюжнославянской или южнославянской территории) относится к говорам с новоштокавской акцентуацией, а славонские, зетско-сеницкие, косовско-ресавские и торлацкие говоры образуют штокавскую **периферию**. Однако и западные новоштокавские (икавские) говоры обладают рядом периферийных морфологических черт по сравнению с прочими новоштокавскими говорами¹⁴. Лексическая периферийность свойственна зетско-сеницким говорам и говорам восточной Сербии¹⁵.

Чтобы проследить основные ареальные характеристики лексики отраженного в вуковском Словаре трищичкого говора, мы проверили фиксацию вышеприведенных лексем в первом издании словаря Вука. Эта проверка дала следующие результаты.

Представленная в Словаре лексическая система трищичкого говора в качестве дублетов или синонимов в ряде случаев содержит слова и западного, и восточного типа. В Словаре зафиксированы следующие лексемы, которые в материалах ОЛА обычно ареально противопоставлены: *приповиједати* и *причати* ‘рассказывать’, *судац* и *судија* ‘судья’, *жеђа* и *жеђ* ‘жажда’, *страшити* и *плашити* ‘пугать’, *гној* и *ђубре* ‘навоз’, *(х)итити* и *бацити* ‘бросить’, *веселити се* и *радовати се* ‘радоваться’ (первое слово в приведенных парах характерно для западного ареала, а второе — для восточного). Согласно ОЛА, лексема *приповедати* у сербов встречается только в Башаиде (Кикинда) и в Свинице (Румыния), основной же ареал данной лексики находится в Хорватии. Дважды это слово зафиксировано в Боснии среди неправославного населения. Лексема *причати*, напротив, характерна для всей Боснии и Герцеговины, Славонии, Черногории и Сербии. Согласно словарю Югославянской академии, глагол *приповиједати* в значении ‘рассказывать’ употребляется в сборниках вуковских песен и пословиц, в переводе Библии Д. Даничича и в сочинениях В. Карад-

13 *Ивић П.* Српскохрватски дијалекти. Њихова структура и развој // *Ивић П.* Целокупна дела. Т. 3. С. 25, 27.

14 Там же. С. 181.

15 *Толстой Н. И.* Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. М., 1997. С. 124, 145; *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 252–308.

жича¹⁶. Во втором издании Словаря В. Караджича *приповиједати* имеет помету «южн.»¹⁷. В современных сербских диалектных словарях глагол *приповедати* не фиксируется (в силу дифференциального характера большинства сербских диалектных словарей фиксации интересующих нас лексем в сербской диалектной лексикографии встречается очень мало). Относительно слов *судац* и *судија*, к сожалению, данные из Боснии и Герцеговины отсутствуют, а в тех материалах, которыми мы располагаем, на сербской территории слово *судац* засвидетельствовано только в двух приморских пунктах в Черногории (согласно словарю Югославянской академии, *судац* в сербских текстах встречается только в записях народных песен¹⁸), тогда как в Хорватии, напротив, отсутствуют подтверждения лексемы *судија*. Во втором издании Словаря это слово дано без пометы¹⁹. Слово *жеђа* встречается в сербских говорах в Герцеговине и Черногории, и далее ареал этой лексемы распространяется на запад, тогда как в Сербии и центральной и восточной Боснии засвидетельствовано только слово *жеђ*. В словаре Югославянской академии в сербских текстах слово *жеђа* также представлено только в народных песнях, изданных В. Караджичем²⁰, а в словаре Сербской академии к этому слову приводится иллюстрация не только из записанных Караджичем народных песен, но и из текстов уроженца Боснийской Краины писателя Б. Чопича²¹. Во втором издании Словаря *жеђа* дано без пометы, но с отсылкой к *жеђ*²². Глагол *страшити* на центральноюжнославянской территории главным образом, согласно ОЛА, распространен в Черногории и в Далмации (почти повсеместно), также он засвидетельствован в языке сербского населения в Сиваце в Бачке, в Неменикучах в окрестностях Белграда и в Свинице в Румынии; спорадически этот глагол встречается в

16 Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. D. 12. 1936–1937. S. 100.

17 Караџић В. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Београд, 1977. С. 595.

18 Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 16. S. 887.

19 Караџић В. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. С. 723.

20 Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 76. S. 275–277.

21 Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–. Т. 5. 1968. С. 329.

22 Караџић В. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. С. 157.

кайкавской Хорватии, а массово распространен в словенском языке и западнославянских говорах. Второе издание Словаря дает это слово без помет²³. С ареалом глагола *страшити* почти совпадает область распространения лексемы *гној* 'навоз', представленной на центрально-южнославянской территории в Черногории, Далмации, в кайкавских говорах, отдельных пунктах Боснии и Герцеговины среди хорватов и бошняков, а широко распространенной в Словении и западнославянских языках. В сербских говорах за пределами Черногории²⁴ слово зафиксировано только в Ясенике в Герцеговине. В словаре Сербской академии из произведений сербских авторов к этому слову приводятся иллюстрации из Д. Лапчевича и Л. Мичевича²⁵. Для говоров Сербии более характерна лексема *гној* 'навоз'. Во втором издании Словаря приводятся оба значения: 'der Eiter' и 'der Duenger'²⁶. Глагол (*х*)*итити* 'бросить' на центральноюжнославянской территории, по данным ОЛА, распространен только в кайкавской Хорватии и Далмации (данная изоглосса охватывает также словенские и серболужицкие говоры), в других же областях зафиксирован глагол *бацити*. В лексикографии глагол *итне* 'бросит' зафиксирован в говоре Свиницы²⁷. В сербских говорах глагол (*х*)*итати* обычно выражает значение 'торопиться'²⁸. Во втором издании глагол *хитати* дан с отсылкой к *бацити*²⁹. О глаголе *веселити се* в значении 'радоваться чему-то' на центральноюжнославянской территории данные в атласе отсутствуют, в ОЛА он засвидетельствован только в Словении, тогда как на всей территории Сербии и Боснии употребляется глагол *радовати се*. Согласно словарю Югославянской академии, *веселити се* 'радо-

23 Там же. С. 718.

24 Ср. также фиксации: *Ђунић Д., Ђунић Ж.* Речник говора Загараца // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 44. Београд, 1997. С. 158; *Рјеџник hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Д. 3. С. 215 [со ссылкой на Любишу: *Земље остале без гноја и јалове* (земли остались без удобрения и бесплодными)].

25 Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 3. С. 384.

26 *Караџић В.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. С. 90.

27 *Томић М.* Речник радимског говора // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 35. Београд, 1989. С. 52.

28 *Митровић Б.* Речник лесковачког говора. // Библиотека народног музеја у Лесковцу. Књ. 32. Лесковац, 1984. С. 131; *Ђунић Д., Ђунић Ж.* Речник говора Загараца. С. 149.

29 *Караџић В.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. С. 804.

ваться чему-то' наряду с *жећа* можно считать самым «западным» из всех перечисленных слов, т. е. наиболее ограниченно встречающимся в сербских текстах³⁰. Согласно словарю Сербской академии, из сербских авторов это слово встречается у С. Матавуля и С. М. Любиши. Во втором издании Словаря слово дается без помет. Примечательно, что на сербской территории это слово употребляется в Черногории, которая часто обнаруживает связи с хорватским и, шире, западным ареалом: *ja se veseljah da me je Bog doveo gdje se pravo суди* (я радовался, что Бог привел меня туда, где судят по правде) (Любиша)³¹.

Можно предположить, что связь тршицкой лексики с лексикой западной части центральноюжнославянской территории осуществлялась через герцеговинский ареал, который, однако, в течение 150 лет, прошедших со времени публикации Словаря, утратил часть западной лексики: некоторые из приведенных и употреблявшихся В. Караджичем лексем, согласно ОЛА, не засвидетельствованы на сербской территории и зафиксированы только в хорватских говорах (правда, это может быть следствием различных побочных факторов, например разреженности сетки пунктов или особенностей сбора материала). Так, глагол *приповиједати*, не зафиксированный в ОЛА в сербских говорах, сам Караджич употреблял в своих сочинениях: *за смрт Марка Краљевића различно се приповиједа* (о смерти Марко Кралевича рассказывают разное)³², *Шта се о нему зна... или приповиједа*³³ (что о нем известно или что о нем рассказывают). Лексемы *жећа*, *гној* 'навоз', *приведати*, *судац* и *итати* 'бросать' употребляются или употреблялись в недавнем прошлом в говоре Раджевины (северо-западная Сербия)³⁴.

Из лексических дублетов, присутствующих в Словаре и имеющих различные географические характеристики, интерес представляет также пара *допасти се* и *свићети се*. Глагол *допадати се* в восточной части центральноюжнославянского ареала зафиксирован в пунктах Тучеп (Ракош), Плячковица (Вране), Жепа (Рогатица, среди мусульманского населения) параллельно с глаголом *свићати се*³⁵. Большая

30 Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 20. S. 767–770.

31 Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 20. S. 769.

32 Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 12. S. 100.

33 Там же.

34 Устное сообщение носителя говора с. Бела Црква.

35 Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. М., 2015. Вып. 10: Народные обычаи.

часть фиксаций глагола *допадати се* приходится на северночакавскую территорию, кайкавскую Хорватию и Словению, а также это слово зафиксировано в трех пунктах в южной Македонии. Караджич также использовал это слово в значении 'нравиться'³⁶. Согласно ОЛА, в сербских говорах употребляется глагол *свиђати се, свидети се*, который можно назвать штокавским словом с периферийными македонскими и болгарскими параллелями.

Кроме дублетов, свидетельствующих об интерференции «западной» и «восточной» лексики в говоре Тршича, для обозначений некоторых понятий в Словаре представлены только слова **западного** типа, распространенные в Черногории, Герцеговине, Далмации, Хорватии и Словении. Так, в Словаре представлена лексема *заручник* 'жених', тогда как лексема *вјереник* в Словаре отсутствует, а слово *вјереница* имеет значение 'вјерна љуба (верная возлюбленная)'. Во втором издании Словаря *вјереник* дается с отсылкой к *заручник*, а *вјереница* — к *заручница*³⁷. Согласно ОЛА, слово *заручник* (иногда вместе со словом *вереник*) представлено в сербских говорах в пункте Крива Риска (Частина), Трибине (Съеница), Ясеник и Груде в Герцеговине, Миличи (Власеница), ср. также ее фиксацию в сербских говорах Боснии³⁸. Словарь Югославянской академии не приводит примеры употребления этого слова самим Караджичем, как и другими сербскими авторами, однако в его изданиях народных песен это слово встречается достаточно часто: *није мајка једнога сина (ожалила) [...] већ дјевојка првог заручника*³⁹ (не мать оплакала сына, а девушка жениха), встречается оно также и в вуковских изданиях народной прозы⁴⁰.

Также в Словарь включены слова *стегно, бедро* 'бедро', которые в материалах ОЛА обнаруживаются в Черногории, Далмации, западной Герцеговине, северной Хорватии и Словении, основное же (по ОЛА) сербское слово *бут* в Словаре имеет значение 'der Schinken (ветчина)' (во втором издании — 'Oberschenkel (бедро)⁴¹). Согласно словарю Югославянской академии, слово *бедро* широко употреблял сам Караджич в

36 Broz I., Iveković F. Rječnik hrvatskoga jezika. Sv. 1. Zagreb, 1901. S. 244.

37 Караџић В. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима. С. 66.

38 Далмација С. Рјечник говора Поткозарја. Бања Лука, 2004. С. 96.

39 Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 22. S. 365.

40 Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 6. С. 365.

41 Караџић В. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима. С. 50.

переводе Нового Завета, встречается оно и в народных песнях⁴², употребление слова *стегно* примерами из народных песен не подтверждается, а из сербских авторов встречается только у Даничиича⁴³. Еще одна западная лексема, присутствующая в Словаре, — это *пазуо* (в говорах также *пазух*, *пазуво*). Лексема распространена в основном к западу от Дрины, к востоку от нее слово встречается в северной Шумадии и западной Сербии (*пазу* засвидетельствовано также в Косове⁴⁴), тогда как на остальной территории Сербии, в македонских и болгарских говорах засвидетельствована лексема *мишка*, *подмишка*.

В основном фонде Словаря, т. е. без помет «у Црној Гори» или «по југо-западним крајевима», также присутствуют и другие западные лексемы, которые в ОЛА выделяются как приморские локализмы (лексемы, характерные для черногорского и далматинского ареала) или лексемы, характерные для пограничья Сербии и Черногории, но в действительности встречаются и в других западных областях, например в Боснийской Краине⁴⁵. Это слова: *кажитуп* ‘указательный палец’, *скоруп* ‘слой жира на кипяченом молоке’ (штокавское слово *кајмак* в Словаре дано с отсылкой к *скоруп*), *(х)рбат* ‘спина’, *повлака* ‘сливки’, ‘сметана’.

Ряд лексических признаков, извлеченных нами из ОЛА, связывает тришцикую лексику с **центральной** штокавским ареалом: *образ* ‘щека’ (ср. *образ* ‘лицо’ в словенских, чакавских, черногорских и западных и южных болгарских говорах — ОЛА 2009, карта № 2), *ма(х)уна* ‘стручок’, ср. *мошња* (южная Черногория, Далматинские острова), *мошиа* (южная Македония), *тошња*, *тошница* (Истрия, Кварнер, два пункта в восточной Словении) и др.; *пуж* (в Боснии и Герцеговине, Черногории, западной Сербии; ср. словен., сев.-хорв., центр. и вост.-серб. *стуж*); *(х) елда* ‘гречиха’ (в западной Сербии, на севере Черногории, в Боснии и Герцеговине, на западе Воеводины, ср. сев.-зап. хорв. *hajda*; на территории центр., вост. Сербии, Македонии и Болгарии название для данного растения не зафиксировано); *качар* ‘бондарь’ (в центр., южн. и вост. Сербии и сев. Македонии, ср. хорв., сев.-серб., черног., болг. *бачвар*, второе издание Словаря также включает лексему *бачвар*).

В то же время в Словаре присутствуют дублеты, свидетельствующие об интерференции **центральной** и **периферийной** (обычно

42 Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 1. S. 222–223.

43 Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 16. S. 517.

44 Букумирић М. Речник говора северне Метохије. Београд, 2012. С. 406.

45 Экспедиционные записи автора статьи в с. Кола (общ. Баня-Лука), 2019 г.

черногорской или, шире, **приморской**) лексики: *чварци* и *жмире* (последнее слово характерно для черногорского ареала); *укопати* (в Черногории, Далмации, Боснии) и *сахранити* (в Сербии, Боснии и Герцеговине, Славонии; в Словаре также представлен глагол *погрести*, который, согласно ОЛА, вообще не встречается на центрально-южнославянской территории); *чельуст* и *вилаца* (слово *čeljusti* также засвидетельствовано в Словении, Истрии и восточной Сербии). Учитывая удаленность ареала лексемы *чельуст* от тришницкого, можно предположить, что в прошлом этот ареал был шире и, возможно, включал также и Черногорию.

Среди дублетов есть слова, характерные для приморского ареала, включая Хорватское побережье: *плећи* ‘плечи’ наряду со словом *раме* (зафиксировано в ОЛА в чакавских говорах); *књига* ‘письмо’ (в этом значении также и во втором издании Словаря⁴⁶ (в ОЛА слово зафиксировано в южной Черногории, Далмации и отдельных македонских пунктах) наряду со словом *писмо* (лексема *књига* ‘письмо’ также широко распространена в народных песнях⁴⁷).

Встречаются в Словаре и «**восточные**» лексемы. Примером может послужить слово (*црвен*) *патлиџан* ‘помидор’. Изоглосса этой лексемы проходит по центральной Боснии, и к западу от этой границы лексема не встречается. В Боснии, Герцеговине и Сербии, согласно ОЛА, употребляются обе лексемы (*патлиџан* и *парадајз* ‘помидор’), но *патлиџан* чаще. В болгарских и македонских говорах из этих двух слов распространено только слово *патлиџан*. Для востока характерна и лексема *мастило* ‘чернила’.

Лексический тип первого издания Словаря Вука Караджича характеризуется переходностью и смешанностью, отражая особенности западной и восточной зоны центральноюжнославянского ареала. При этом тришницкий говор проявляет себя как типично новоштокавский, поскольку лексическая интерференция является важной чертой этого ареала, насколько можно об этом судить на основании данных ОЛА. Во втором издании Словаря некоторые «западные» лексемы утратили статус основных и стали маркироваться как более редкие (через отсылку к более частотным).

⁴⁶ *Караџић В.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима. С. 279.

⁴⁷ *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika.* D. 5. S. 118–119.

Источники и литература

Букумирић М. Речник говора северне Метохије. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2012. 704 с.

Далмација С. Рјечник говора Поткозарја. Бања Лука: Глас српски графика, 2004. 362 с.

Ивић П. Српски народ и његов језик. Београд: Српска књижевна задруга, 1971. 335 с.

Ивић П. Српскохрватски дијалекти. Њихова структура и развој // Ивић П. Целокупна дела. Т. 3. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1994. 319 с.

Ивић П. Српски дијалекти и њихова класификација. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2009. 221 с.

Караџић В. С. Српски рјечник. У Бечу: [Штампарија Јерменског манастира], 1818. 928 с.

Караџић В. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Београд: Нолит, 1977. 862 с.

Митровић Б. Речник лесковачког говора // Библиотека народног музеја у Лесковцу. Књ. 32. Лесковац: Народни музеј у Лесковцу, 1984.

Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1: Животный мир. М.: Наука, 1988. 188 с.; Вып. 4: Сельское хозяйство. Братислава, 2012. 266 с.; Вып. 6: Домашнее хозяйство и приготовление пищи. М.: ИРЯ РАН, 2007. 192 с.; Вып. 8: Профессии и общественная жизнь. Warszawa, 2003. 192 с.; Вып. 9: Человек. Kraków, 2009. 218 с.; Вып. 10: Народные обычаи. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 276 с.

Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.

Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд: Институт за српскохрватски (српски) језик, 1959–. Т. 1–.

Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки русской культуры, 1997. 520 с.

Томић М. Речник радимског говора // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 35. Београд, 1989. С. 3–174.

Ђунић Д., Ђунић Ж. Речник говора Загараца // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 44. Београд, 1997. 615 с.

Якушкина Е.И. Сербская и хорватская лексика в Общеславянском лингвистическом атласе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 1. С. 5–11.

Якушкина Е. И. Черногорские говоры в «Общеславянском лингвистическом атласе» (лексический аспект) // Славяноведение. 2018. № 5. С. 86–94.

Broz I., Iveković F. Rječnik hrvatskoga jezika. Sv. 1. Zagreb: Štamparija K. Albrechta, 1901. 951 s.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. D. 1–23.

References

Broz I., Iveković, F. *Rječnik hrvatskoga jezika*, sv. 1. Zagreb: Štamparija K. Albrechta, 1901, 951 s.

Bukumirić, M. *Rečnik govora severne Metohije*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 2012, 704 s.

Dalmacija, S. *Rječnik govora Potkozarja*. Banja Luka: Glas srpski grafika, 2004, 362 s.

Ivić P. *Srpski dijalekti i njihova klasifikacija*. Sremski Karlovci, Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2009, 221 s.

Ivić, P. *Srpski narod i njegov jezik*. Beograd: Srpska književna zadruga, 1971, 335 s.

Ivić, P. *Srpskohrvatski dijalekti. Njihova struktura i razvoj. Celokupna dela*, t. 3. Sremski Karlovci; Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 1994, 319 s.

Karadžić V. S. *Srpski rječnik*. U Beču: [Štamparija Jermenskog manastira], 1818, 928 s.

Karadžić V. *Srpski rječnik istumačen njemačkim i latinskim riječima*. Beograd: Nolit, 1977, 862 s.

Mitrović B. "Rečnik leskovačkog govora." *Biblioteka narodnog muzeja u Leskovcu*, knj. 32, Leskovac: Narodni muzej u Leskovcu, 1984.

Obshchslavianskiĭ lingvisticheskiĭ atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 1, Zhivotnyĭ mir. Moscow: Nauka, 1988, 188 p.

Obshchslavianskiĭ lingvisticheskiĭ atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 4, Sel'skoe khoziaĭstvo. Bratislava: [s. n.], 2012, 266 p.

Obshchslavianskiĭ lingvisticheskiĭ atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 6, Domashnee khoziaĭstvo i prigotovlenie pishchi. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 2007, 192 p.

Obshchslavianskiĭ lingvisticheskiĭ atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 8, Professii i obshchestvennaia zhizn'. Warszawa: [s. n.], 2003, 192 p.

Obshchslavianskiĭ lingvisticheskiĭ atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 9, Chelovek. Kraków: [s. n.], 2009. 218 p.

Obshchslavianskiĭ lingvisticheskiĭ atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 10, Narodnye obychai. Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2015. 276 p.

Plotnikova A. A. *Ėtnolingvisticheskaia geografiia Iuzhnoĭ Slavii*. Moscow: Indrik, 2004, 768 p.

Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika, t. 1–. Beograd: Institut za srpskohrvatski (srpski) jezik, 1959–.

Tolstoĭ N. I. *Izbrannye trudy*, t. 1, Slavianskaia leksikologĭia i semasiologĭia. Moscow: M.: Iazyki rusскоĭ kul'tury [LRC Publishing House], 1997, 520 p.

Tomić M. “Rečnik radimskog govora.” *Srpski dijalektološki zbornik*, knj. 35, Beograd, 1989, s. 3–174.

Ćupić, D., and Ćupić, Ž. “Rečnik govora Zagarača.” *Srpski dijalektološki zbornik*, knj. 44, Beograd, 1997, 615 s.

Yakushkina E.I. “Serbskaia i khorvatskaia leksika v Obshch斯拉vianskom lingvističeskom atlase.” *Izvestiia RAN. Serĭia literatury i iazyka*, t. 77, no. 1, Moscow, 2018, p. 5–11.

Yakushkina E. I. “Chernogorskie govory v “Obshch斯拉vianskom lingvisticheskom atlase” (leksicheskiĭ aspekt).” *Slavianovedenie*, no. 5, Moscow, 2018, p. 86–94.

Ekaterina I. Yakushkina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Vocabulary of the Serbian dictionary (by Vuk Karadžić) in comparison with the «Slavic linguistic atlas»

The paper attempts to characterize the vocabulary of the “Serbian dictionary”, written by Vuk Karadžić in 1818, from the point of view of the areal division of the Serbo-Croatian territory. The materials of the lexical issues of the “Slavic linguistic Atlas” make it possible to find lexemes that are differential for different parts of the Serbo-Croatian territory and distinguish the Western and Eastern areas and the Central and peripheral ones. These are such lexemes as *pripovedati* and *pričati*, *strašiti* and *plašiti*, *veseliti se* and *radovati se* (West — East) and *sahraniti* — *ukopati* (center — periphery). Karadžić’s vocabulary often includes lexemes of both Western and Eastern types, as well as Central and peripheral (primarily Montenegrin). Besides interference, the dictionary sometimes contains only Western words. Sometimes the vocabulary, which is not noticed in the Atlas in Serbian dialects, was actively used by Vuk himself, which may indicate both the dynamics of the dialect picture and the limited information provided by the Atlas. Keywords: *Serbian language, dialectology, lexicology, linguogeography, Slavic linguistic atlas, Vuk Karadžić.*

Морфологические особенности языка Й. И. Байзы и бернолаковский литературный язык

В статье рассматриваются морфологические особенности языка текстов Й. И. Байзы, написанных до кодификации словацкого литературного языка А. Бернолака и после нее, с целью выявления влияния кодификации на язык конкретного автора. Устанавливается, что это влияние было минимальным, практически не затронувшим его структуру. При этом стабильными оказываются как традиционные для словацкой письменности элементы, включая устаревшие, так и очевидные инновации, отсутствующие в кодификации. Кроме того, определяется место языка Й. И. Байзы в процессе развития языка словацкой письменности путем его сопоставления с текстами докодификационного периода и более поздними текстами, созданными последователями А. Бернолака. Выясняется, что язык Й. И. Байзы ближе к языку традиционной письменности и языку текстов последователей А. Бернолака, чем к кодификации.

Ключевые слова: *словацкий литературный язык, морфологические особенности, кодификация словацкого литературного языка, Й. И. Байза, А. Бернолак, бернолаковский литературный язык.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.4.02

Й. И. Байза, автор первого словацкого романа «Юноши Рене похождения и испытания» (1873 г.), оставил заметный след в истории словацкого литературного языка. Многие исследователи называют его среди первопроходцев использования словацкого языка в письменных текстах, так как он на практике пытался содействовать упорядочиванию представленных в них языковых элементов. Такая характеристика Й. И. Байзы во многом объясняется тем, что в своих эпиграммах он сам подчеркивал свое значение в истории словацкой письменности:

Milé Tovarištví! Víš, tú česť sem já mám,
bich prvny ke knihám slováckým led lámal¹.
(Любезное Товарищество²! Помни: я тот,
кто первым имел честь пробивать к словацким книгам лед.)

Кроме того, широкую известность приобрела острая дискуссия Й. И. Байзы по языковым вопросам с первым кодификатором словацкого литературного языка (1787) А. Бернолаком и одним из наиболее видных писателей-бернолаковцев Ю. Фандли. Эта дискуссия получила наименование «бернолаковские полемики»³. При этом Й. И. Байза стал членом Словацкого ученого товарищества, образованного в 1792 г. в г. Трнава с филиалами в ряде словацких городов и ставившего своей задачей распространение в Словакии литературного языка, кодифицированного А. Бернолаком. Таким образом, несмотря на острые дискуссии с А. Бернолаком и Ю. Фандли, Й. И. Байза в целом признавал бернолаковский литературный язык. В этой связи представляет интерес эволюция языка Й. И. Байзы, так как существуют труды, написанные им до кодификации А. Бернолака и после нее. Иными словами, на примере языка Й. И. Байзы можно проследить, как менялся язык определенного автора под воздействием кодификации литературного языка. Как показал анализ орфографии и фонетической системы языка Й. И. Байзы, кодификация А. Бернолака оказала воздействие лишь на его орфографию, тогда как фонетическая система осталась практически без изменений (Лифанов 2017). В данной статье мы сопоставим морфологические системы языка Й. И. Байзы докодификационного и посткодификационного периодов, чтобы выявить расхождения между ними. С этой целью будут выделены те морфологические формы, которые различаются в языке романа Й. И. Байзы «Юноши Рене похождения и испытания» (Vajza 1783) и кодификации А. Бернолака, а затем они будут сопоставлены с соответствующими формами из «Христианской католической религии» Й. И. Байзы (Vajza 1789a) и из более поздних трудов других авторов-бернолаковцев.

1 Приведена цитата из сборника (Vajza 1794), опубликованного в книге: (Kotvan 1966: 265).

2 Имеется в виду Словацкое ученое товарищество, созданное в 1792 г. для распространения литературного языка, ранее кодифицированного А. Бернолаком.

3 Работы, имеющие отношение к бернолаковским полемикам, опубликованы в: (Kotvan 1966).

В связи с этим, однако, возникает вопрос, был ли Й. И. Байза во время создания «Христианской католической религии» знаком с кодификацией морфологической системы А. Бернолака. Ведь если кодификация орфографической и фонетической систем была осуществлена в 1787 г. (Bernolák 1964a), то «Словацкая грамматика» вышла только в 1790 г. (Bernolák 1964b)! Ответ на этот вопрос может быть, безусловно, положительным, так как в 1789 г. вышел труд одного из наиболее активных бернолаковцев Ю. Фандли (Fándly 1789), в котором кодификация А. Бернолака уже была реализована на практике. Более того, в этом же году была издана работа Й. И. Байзы, в которой автор высказал свои критические суждения о языке Ю. Фандли (Vajza 1789b).

Как язык Й. И. Байзы, так и кодификация А. Бернолака базировались на одном и том же идиоме, первоначально формировавшемся на территории Юго-Западной Словакии, прежде всего в г. Трава, путем вытеснения генетических богемизмов словацкими элементами. Конкретные языковые элементы изменялись асинхронно, т. е. одни элементы вытеснялись раньше, а другие позже. Таким образом реализовался принцип гибкой стабильности, благодаря которому достигалась преемственность текстов, созданных в разное время. Поскольку этот идиом не был кодифицирован, тексты, относящиеся к разным периодам, в целом отражали реализовавшуюся тенденцию, но изменения в них происходили стихийно и не всегда совпадали в языке разных авторов. В результате в языке одних авторов какой-то элемент уже был вытеснен, тогда как у других он еще продолжал сохраняться. Подобные явления, отсутствующие в кодификации А. Бернолака, мы находим в языке Й. И. Байзы. Наиболее ярким примером такого типа является наличие гласного *u* во флексиях род. (и омонимичной ей флексии вин. падежа в парадигмах одушевленных существительных) и дат. падежей мн. числа существительных мужского рода:

a) Nalezňess potom z *mrawuw* místami wiňesené, a predložené ňelhagícé následi (A2) (Ты увидишь потом появившиеся очевидные последствия, обусловленные нравами); *gestli tak zatwrdle Kraguw* skuselostí zádáss (10) (требуешь ли таких укоренившихся привычек стран); *y wiswedčeňý bezrečného po zemi Musulmannuw* chođeňý bilo Gim potrebné (12) (им было необходимо также подтверждение того, что ходить по земле мусульман безопасно); *bil techdi postawen uprostred dwóch rohuw* (20) (и тогда он был построен между двумя углами); *ale y celího Mesta obiwateluw* oslepiťi ume-la (26) (но она могла ослепить жителей всего города); *po tem nežlibi bili weci gegích Obiwatelum* známé učíňené, do mnohých welkých *Domuw* powo-

laný vstupowali (12)⁴ (после того как все вещи им стали известны, они получили право входить во многие большие дома) (Bajza 1783);

b) Ponáššaný bíwagú každím umeňá wetrem w nepráwosti liduw (2) (Дуновением ветра искусства они приобретают человеческие пороки); nasledugme pri wihledáwáňi Krista trích Kráľúw (12) (проследим это в поиске Христа тремя царями); článki wíri z odewzdáňá a ze Snemuw naproťi kacírurum plňe hágíťi (3–4) (принципы веры и решения синодов в полной мере защищать от еретиков); k mnohonásobným powerám, a blúdum naklonený bíwagú (2) (они бывают склонны к многочисленным суевериям и ереси); Prw, nežli k duwodum pokročím, rozumen biťi musím (3) (Преждем чем перейти к аргументам, я должен стать разумным) (Bajza 1789a).

В кодификации же А. Бернолака обнаруживаем только соответствующие формы с флексиями *-ow*, *-om*: *dubow*, *dubom* ('дубов, дубам'); *děšd'ow*, *děšd'om* ('дождей, дождям'); *dobitkow*, *dobitkom* ('скота, скоту'⁵); *sluhow*, *sluhom* ('слуг, слугам'); *sudcow*, *sudcom* ('судей, судьям'); *pánow*, *pánom* ('господ, господам') (Bernolák 1964b: 157).

Такое явное противопоставление устаревших традиционных в словацкой письменности форм (в языке Й. И. Байзы) и получивших распространение инноваций (в кодификации А. Бернолака и в бернолаковском литературном языке), однако, представлено довольно редко. Чаще в обоих идиомах старое и новое находится в отношениях конкуренции. Естественно, в языке Й. И. Байзы в работах разных лет в этих случаях изменений не наблюдается. Так, например, в косвенных падежах притяжательных местоимений как у Й. И. Байзы, так и у А. Бернолака находим более старые генетически чешские стяженные и новые генетически словацкие нестяженные формы:

a) lechko y w skrítost'i swég pochopené bilo (A2) (даже в скрытом виде легко было понято); podruhé pak ně zlý cíl múg, dobré, aspon wedle wtipu mého, predsewzetý (A3) (во-вторых, это не было моим злым умыслом, а было мое доброе намерение, по крайней мере по моему разумению; bi ze smutného swého pochibowáňy do žádanég gistoti bila priňesená (17) (она бы из печальной своей неуверенности в необходимую убежденность была принесена); A mláďenec tento ňewím, do kterích počtu prináležil, či múdre,

4 Цифра в скобках, иногда в сочетании с буквой, обозначает страницу в тексте.

5 В словацком языке данное слово употребляется как в единственном, так и во множественном числе.

či né konca *sweho* obdržeňý dúfal (10) (А юноша этот, не знаю, к числу кого он принадлежал, то ли мудро, то ли нет, надеялся на то, что он перестанет это получать) — statečňe predpoweděné o bitnosti ě stránki tégto ged'ňe, ale u celég útlég *mogég* práce (A3) (мужественное предсказание бытия содержится не только на этой странице, но является результатом также всей моей прежней работы); у w nagoprawd'iwegssem nebezpečenstwý wid'á oňi mňením *swogím* ňelhačícú biťi bezpečnosť (10) (даже при самой настоящей опасности они полагают, что видят надежную безопасность); we wúli nisstměň *swogég* tak bil stálý (10) (в своем желании он был более-менее постоянным) (Bajza 1783);

b) Sud'ím wssetko sskodu biťi pre zwlásťné umenj (znánj) Gúžiša Krista Pána *mého* (Я считаю, что все является уроном для особого искусства (знания) Иисуса Христа, Господа моего) (4–5); rozmísláťi buděss w nich seďice w dome *twém* (7) (размышлять будешь в них, видя в своем доме); kd'iž ho Kráľi naleznú, a kde gest, w nawráceňú *swém* oznámá (12) (когда его найдут и, где он есть, сообщат по возвращении) — a každý bedlí, abi w *swogém* gsúcím, a dokonálím zustal (5) (и каждый внимательно следит за тем, чтобы остаться на своем подходящем и безупречном [месте. — К. Л.]); Budú slowá títo, které gá prikazugem tebe dnes... w srdci *twogém* (7) (И будут эти слова, которые я говорю тебе сегодня... в сердце твоём) (Bajza 1789a).

Ср. парадигму ед. числа притяжательного местоимения *móg* ‘мой’ из кодификации А. Бернолака: (Bernolák 1964b: 195).

падеж	мужской род	женский род	средний род
И	<i>móg</i>	<i>moga</i> (má)	<i>moge</i> , <i>mé</i>
Р	<i>mogého</i> (mého)	<i>mogeg</i> (még)	<i>mogého</i> , <i>mého</i>
Д	<i>mogému</i> (mému)	<i>mogeg</i> (még)	<i>mogému</i> , <i>mému</i>
В	<i>mogého</i> (mogho, mého)	<i>mogu</i> (mu)	<i>moge</i> , <i>mé</i>
З	o <i>móg!</i>	o <i>moga</i> (má)	o <i>moge</i> , <i>mé</i>
П	w <i>mogom</i> , <i>ém</i> (w mém)	na <i>mogeg</i> (még)	na <i>mogom</i> , <i>ém</i> (mém)
Т	z <i>mogím</i> (z <i>mím</i>)	z <i>mogú</i> (mú)	z <i>mogím</i> (z <i>mím</i>)

Аналогичным примером является конкуренция форм существительных среднего рода типа *stawaňi* / *stawaňa* ‘строение’ с генетически чешскими перегласованными и генетически словацкими неперегласованными флексиями.

a) *Dávám Mlád'enca, kteriho, ponewádz prez mnohé príhodi sstestliwe pregsseł, mnoho k wicwičeny swému w swém putuwáňý, y slissal, y wiďel* (A2) (Я пишу о юноше, который счастливо преодолел многие испытания и во время приключений многое услышал и увидел для своего совершенствования); *bi tořižto w súďeňý swém neb mom=i* [так в тексте, ср. и другие примеры далее. — К. Л.] *ňebili* (A2) (то есть суждения своего не имели); *který wssecko haňa, a rotupujú* (A2) (которые все хаят и ругают); *gestli ñekďe proři mňeňý, a rozumu gegich hressím* (A3) (браню ли я где-то вопреки их мнению и разуму); *podruhé pak ñé zlý cíl múg, dobré, aspon wedle wtipu mého, predsewzety* (A3) (во-вторых, это не было моим злым умыслом, а было мое доброе намерение, по крайней мере по моему разумению); *y obecné slowenčini wislowý* (A3) (и общие для словацкого языка выражения); *náchilního geho k pítaňý swému nalézli* (12) (нашли его предрасположенным к ответу на их вопросы) — *kďiž sa o swúg a swemu ostríhaňú poručeního Renat=a žiwot stara* (27) (когда он заботится о своей жизни и жизни Рене, которому приказано сделать обрезание) (Bajza 1783);

b) *wssecko prez wssecki weki Cirkwe ustanowenj w pameti držati* (4) (все во все века постановления церкви держали в голове); *Sud'ím wssetko sskodu biři pre zwłásťné umenj (znánj) Gúžiša Krista Pána mého* (4–5) (Я считаю, что всё является уроном для особого искусства (знания) Иисуса Христа, Господа моего); *Cirkewné rízenj od počátku w pameti míři, gako gsem w prwneg kázni wiložil* (24) (Об устройстве Церкви с самого начала помнить, как я рассказал в первой проповеди) — *W krádkém, který mezi wámi k wassému dúchownému rízeňú poslaný bidlím, časi* (1) (Короткое время, в котором я послан среди вас жить для того, чтобы вами управлять); *we wecách nisstméňég swého dussného spaseňá* (1) (однако в деле своего духовного спасения); *Ponáššaný bíwagú kažďím umeňá wetrem w nepráwoři liduw* (2) (Дуновением ветра искусства они приобретают человеческие пороки); *tak oni pri duchowném takémto swogém obrezáňú spaseními nekdi slúři móhli* (3) (так они при таком своем духовном обрезании иногда могли слыть спасенными) (Bajza 1789a).

Ср. соответствующую парадигму в кодификации А. Бернолака (Bernolák 1964b: 169):

падеж	ед. ч.	мн. ч.
И	stawaňi (ňa)	stawaňi (ňá)
Р	stawaňi (ňá)	stawaňi
Д	stawaňi (ňu)	stawaňim (ňám)

V	stawaňí (ňa)	stawaňí (ňá)
З	stawaňí (ňa)	stawaňí (ňá)
П	stawaňí	stawaňích (ňách)
Т	stawaňím (ňom)	stawaňimi

Иногда, однако, при сопоставлении языка Й. И. Байзы и кодификации А. Бернолака выявляется асимметрия старых и новых форм. Одним из ее вариантов является употребление Й. И. Байзой старой традиционной формы наряду с более новой, при этом А. Бернолак кодифицирует только последнюю. В качестве примера приведем зафиксированные у Й. И. Байзы формы род., дат. и вин. падежей ед. числа прилагательных (и слов, относящихся к другим частям речи, но имеющих парадигмы, тождественные с парадигмами прилагательных) с долгой флексией *-ěj*, широко распространенной в добернолаковской письменности, и с краткой флексией *-ej*, являющейся по сути общесловацкой. При этом первые в языке Й. И. Байзы преобладают как до кодификации А. Бернолака, так и после нее. Ср. примеры:

a) *statečne predpovedené o bitnosťi ňe stránki téhto ged'ine, ale y celég útlég mogég práce* (A3) (мужественное предсказание бытия содержится не только на этой странице, но является результатом также всей моей прежней работы); *z kterím René-a sina swého od odchodu do Krajini cuzég chcel zestrassiťi* (A5) (которым он своего сына Рене хотел напугать, чтобы он не уезжал в чужую страну); *bi ze smutného swého pochibowáňy do žadánég gistoti bila priňesená* (17) (она бы из печальной своей неуверенности в необходимую убежденность была принесена); *do druhég swetlice wstúpila wolagíc za sebu y Rene=a* (19) (она вошла в другую светлицу, зовя за собой Рене) — *René zagiste s Ban=Stiphout=em ňepochopil tak hlbokú tak wisokeg Panni poníženost'* (15) (Наверняка Рене с Бан-Стифоутом не поняли, насколько глубоко была оскорблена девушка) (Bajza 1783);

b) *Z vlastnég li gegích, anebo s cuzég giních wini?* (2) (По их ли собственной вине или по чужой?); *Doswedčuge tomu i Augustín w prwnég krestánskég láski knize* (13) (Об этом свидетельствует и Августин в первой христианской книге любви); *Cirkewné řízenj od počátku w pamet'i míťi, gako gsem w prwneg kázni wiložil* (24) (Об устройстве Церкви с самого начала помнить, как я рассказал в первой проповеди) — *d'et'inský ten staw za staw nedokonálost'i krestánskeg držal, s kteriho bi gích rád wiwédel* (24) (это состояние детскости он считал состоянием несовершенства, из которого он бы их с удовольствием вывел) (Bajza 1789a).

В кодификации же А. Бернолака представлены лишь рассматриваемые формы с краткой флексией типа *pekneq* ‘красивый’ (Bernolák 1964b: 177).

В некоторых случаях, однако, асимметрия может иметь несколько иной характер, когда старой форме в языке Й. И. Байзы противопоставлены две формы, старая и новая, в кодификации А. Бернолака. Так, в языке Й. И. Байзы обнаруживаем формы твор. падежа ед. числа существительных мужского и среднего рода только с традиционной в словацкой письменности генетически чешской и крайнезападнословацкой локальной формой с флексией *-em*. Ср. примеры:

а) *nech gen wstúpi do srdca laskawé nečo, nech ho niekoľik silňég ohnem swím rozpáli* (A5) (только пусть войдет в сердце что-нибудь ласковое, пусть оно сильнее воспламенит его); *wislal za towarissa Muža udatního, a w Stranách tých ně nekuseliho Gmenem Ban-Stiphouta* (11) (отправил с ним попутчиком мужа храброго, знающего эти страны, по имени Бан-Стифоут); *brech Torreta, Sigot' Sala z mestečkem Zara* (11) (берег Торрента, остров Сала с городком Зара); *to gsíce plním hrdlem kričime* (14) (хотя мы это и кричим во всю глотку); *Kd'iz ona trasícim Gazikem odpowídala, že ano* (23) (Когда она дрожащим голосом отвечала, что да); *Fatima, Fatima plním hrdlem kričíc, a kurcuw na romstwu žádagíc* (27–28) (Во всю глотку крича: «Фатима, Фатима» — и требуя купцов для расплаты) (Bajza 1783);

б) *Ponáššaný bíwagú každím umeňá wetrem w nepráwost'i liduw* (2) (Дуновением ветра искусства они приобретают человеческие пороки); *abi gako Kristus pri swém telesném, Gežissem, anebž Spasitelem nazwaný bil* (3) (чтобы его, телесного, как Христа, Иисусом или Спасителем назвали); *abi do neho na tolko hlbsség whlídal, buďto Učitel'em není* (4) (чтобы в него еще глубже всматривался, как будто он Учителем не является); *Žáden který sprawedliwím kres'anem katolikem naziwan bi'i žádá* (6) (Каждый, кто хочет называться праведным христианином-католиком) (Bajza 1789a).

А. Бернолак же кодифицирует лишь формы с наиболее распространенной словацкой флексией *-om*, подчеркивая при этом, что «чехам, особенно в новое время, нравится окончание *-ém*⁶, чему не стоит завидовать» (Bernolák 1964b: 163). Ср. примеры: *sluhom* ‘службой’, *sudcom* ‘судьей’, *pánom* ‘господином’, *dubom* ‘дубом’, *děšdom* ‘дождем’, *dobitkom* ‘скотом’ (Bernolák 1964b: 155, 157). Эти формы, однако, не

⁶ В действительности же в чешском языке в указанном падеже представлены формы с флексией *-em*.

были приняты бернолаковцами, в результате чего сам кодификатор от них отказался, начав также употреблять формы с флексией *-em*. «В полемическом труде “Кое-что об эпиграммах...” (1794) в твор. падеже еще употребляется окончание *-om* [...], но в “Надгробной речи” (1803) представлено уже только окончание *-em* [...]. Падежное окончание *-em* используется и в “Словаре” [“Словарь словацко-чешско-латинско-немецко-венгерский” 1825–1827 гг. — *К. Л.*]» (Nabovštiaková 1959: 157).

В словацкой письменной традиции десятилетиями сохранялась дублетность форм превосходной степени прилагательных, которые образовывались от форм сравнительной степени при помощи префикса в огласовке *naj-* или в огласовке *nej-* (Лифанов 2000: 38–40). Первый характеризует словацкий язык в целом, тогда как второй отражает результат чешской регрессивной перегласовки. На это указывает сам А. Бернолак в «Словацкой грамматике»: «Некоторые произносят суперлатив со слогом *neg*, напр. *negpeknejší*, *negsladší* и т. д., что плохо, потому что этот слог восходит к предлогу *nad*» (Bernolák 1964b: 185). Й. И. Байза первоначально следует традиционному для словацкой письменности употреблению данного префикса в обеих огласовках, но позже, вслед за другими бернолаковцами, начинает использовать лишь генетически словацкий префикс *naj-*; ср. примеры:

a) *čo nagdrakssé*, a *nagmilssé uznáváss bár zdě*, *bár na druhém Swet’* (!) (что-то самое дорогое и самое любимое ты узнаешь либо здесь, либо на том свете) (19–20); *který mňa s Taříkem o nagdrakssý poklad priñesel?* (17) (который лишил меня с отцом самого драгоценного клада); *čo nagbohatsé gest*, *w rukách držal* (26) (всё самое богатое я держал в руках) — *který Basss=owí negsskodliwegssý bil* (17) (который был для Басссса самым вредным); *gak potem pochítaný w negukrutñegssem mučeňý swedčili* (17) (как потом схваченные признавались во время самых жестоких мучений) (Bajza 1783);

b) *u mnohých nagswetegssého nassého naboženstwá neznámot’ skusil gsem* (1) (я выявил у многих незнание нашей святейшей религии); *orač, kteriho umenj, w obecnég misli, nagslabsség múdrosti gest...* (5) (пахарь, искусство которого в простых мыслях на самом слабом уровне); *kresťan katolík pak w celém swém žiwote neprestále ag w nagskriweñegsseg starobe učedľníkem Krista* (6) (христианин-католик всю свою жизнь и даже в самой глубокой старости остается учеником Христа) (Bajza 1789a).

В рассматриваемых текстах и кодификации, однако, можем обнаружить и обратное соотношение форм, т. е. новое не обязательно

представлено именно в кодификации А. Бернолака. Так, например, в кодификации последнего в формах им. падежа мн. числа прилагательных, согласующихся с одушевленными существительными, имеющими в конце основы заднеязычный согласный, обязательно должна происходить альтернативация этого заднеязычного; ср. им. пад. ед. ч. *druhí* ‘второй’, *hluchí* ‘глухой’, *dluhí* ‘длинный’, *welkí* ‘большой’, *drahí* ‘дорогой’ — *druzí* ‘вторые’, *hluší* ‘глухие’, *dluzí* ‘длинные’, *welcí* ‘большие’, *drazí* ‘дорогие’ (Bernolák 1964b: 183). Подобные формы характерны для чешского языка, тогда как в словацких диалектах сохранились лишь их реликты. Начальный этап их проникновения в язык письменности отражен, в частности, в языке Й. И. Байзы; ср. примеры:

a) list ten az (!) posawád učeňegssý *Arabsstj* w gazyku wlastném zpísaný zachowáwagú (15) (письмо это, написанное на родном языке, до сих пор хранят ученейшие арабы); a čo *Arabsstí* werá, werili bi gsme y mi bár! (15) (и во что арабы верят, скорее всего, верили бы и мы) — na čo zbúrený Messřané *púlnahý* z postele wiskočili (27) (из-за этого потревоженные горожане полунагие вскочили с постелей) (Bajza 1783);

b) Ale *mnozy* proti í trich Kráľuw, i Heródesa príkladu wsseliké sebe zanepřázdňenj wiobrazugú (13) (Но многие вопреки примеру и трех царей, и Геродота всякие занятия себе выдумывают) — *Wážňegssé* něčo... *druhý* ríkágu (17) (Другие говорят что-то более серьезное) (Bajza 1789a).

Язык Й. И. Байзы и кодификация А. Бернолака различаются также некоторыми элементами, употребление или рекомендация которых противоречит реальной языковой практике. В качестве примера приведем формы род. и дат. падежей ед. числа мужского рода имен прилагательных с флексиями *-ého* / *-iho* и *-ému* / *-ímu* соответственно. А. Бернолак выступает против употребления названных флексий с гласным *-í*: «Некоторые в род., дат. и вин.⁷ падежах единственного числа вместо окончаний *ého*, *ému* употребляют окончания *úho*, *úmu*⁸,

⁷ Имеются в виду формы вин. пад. ед. числа прилагательных, согласующихся с одушевленными существительными, совпадающие с формами род. пад.

⁸ В данных флексиях представлен звук *í*, возникший в чешском языке из звука *é*, который А. Бернолак обозначает графемой *ú* в позиции после функционально твердого согласного, чтобы показать, что этот звук не смягчает согласный, имеющий мягкую пару. В позиции же после функционально мягкого согласного он использует графему *í*.

например: *reknýho* ‘красивого’, *reknýmu* ‘красивому’, *naglepšího* ‘наилучшего’, *najlepšimu* ‘наилучшему’ и т. д., но это — открытие современных чехов; их предки использовали первые окончания, которые употребляет большая часть славянских народов; ср. Библию, изданную в Праге в 1480 г.» (Bernolák 1964b: 181). И действительно, в словацкой добернолаковской письменности находим формы с обеими указанными вариантами флексий, причем, как правило, образованными по чешским правилам; ср. примеры:

O Wisokost bohactwy mudrosti / a vmenj *Božjho!* (О Величие богатства мудрости и искусства Божьего) (A8); *Otca nassého prwnjho Adama / a Ewu Matku nassu* (B2) (Отца нашего первого Адама и Еву, Мать нашу); *gak by gsme wideli Boha nassého stworícjho Nebe / y Zem* (B2) (как бы мы видели Бога нашего, создавшего Небо и Землю) — *k sobě pritáhni / čo gest oddaleného* (A) (к себе прижми то, что отдалено); *aby poznali tebe samého Boha prawého* (A2) (чтобы они узнали тебя самого, истинного Бога); *ale radneg tobě Pána mého tak velikého / mocného / mudrého / před očjma mimá wždycky držeti / a tobě milowati* (B) (но тебя, моего Господа, такого великого, могущественного, мудрого, всегда иметь перед моими глазами и любить тебя) (Baranyai 1737); *W zapoweděj čas Swadebnjho weselý ndržet* (A8) (В запретное время свадебного веселья не устраивать); *Odkud sy hrjchy / pripominat budess? Z Desatero Božjho Prikázanj* (A10) (Откуда ты будешь вспоминать о грехах? Из Десяти Заповедей Божьих) — *Slobodnoli do Stawu Manželského w hrjchu smrtedlným wstupowat?* (B) (Разрешено ли в Супружество вступать в смертном грехе?); *Genž se gest počal z Ducha Swatého* (A3) (Который произошел от Святого Духа); *Kelko gest neuprednegssých Stránek Krestianského Včenj?* (A5) (Сколько основных положений у Христианского Учения?) (Bossányi 1760).

Эта традиция была настолько сильной, что даже после кодификации А. Бернолака ряд бернолаковцев продолжал употреблять обе флексии, хотя и непоследовательно:

kdíž dnešního Dně ponagprw k Oltári nagwiššého pristupuge MADACS JOSEF, nowoposwaťení Knaz Arci=Biskupstwí ostrihomského (4) (когда сегодня впервые подходит к высшему алтарю Йозеф Мадач, новорукоположенный священник Эстергомского архиепископства); *kdíž dnešního Dně ponagprw tu nekrwawu Obetu to gest gednorodného Sina božjho obetuge* (4–5) (когда сегодня впервые он жертвует здесь бескровную жертву, то есть едиnorodного Сына Божьего); *Zdálíž gá*

nečo tomuto nowo=poswaŕenému Knazowi *wďačnegšého*, duchowním mogím Bratrom *potešitedelnegšého*, geho ščastl'iweg a láskaweg Matke, která dáwno za tímto Dňom túžila, a zdíchala *radostegšého*, wám wšetkým *milegšého*, a *užitečnegšého* prednest' možem (5) (Если я что-то этому новорукоположенному священнику благодарного, духовным моим братьям утешительного, его счастливой и ласковой Матери, которая давно мечтала об этом дне и вздыхала, радостного, вам всем милого и полезного могу произнести) (Rudnay 1804); Wtedi uzrú Sina Čloweka *prichádzagíciho* w Oblakoch s Mocú, a Welebností weličú (1) (увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою); *Zakád' aľe k ďalšimu* tých dwoch Stránek Wiswetleňú prikročím, Láski wašé za pílne prosím Pozorowáňi (3) (И пока я перейду к дальнейшему объяснению этих двух страниц, я прошу вашей любви за прилежное созерцание); že Príčina tég Prísnošti *posledného* Súdu ne tak u Boha, gako u nás samích sa winachádzá (2) (что причина такой строгости последнего суда исходит не столько от Бога, сколько от нас); čím k *dokonálegšému* Žiwotu tam sme zawázaní, tím we wíceg Wečách obžalowaní buděme! (4) (чем более совершенная жизнь нам там обещана, тем в большем числе вещей мы будем обвинены); že od Otca *wšemohúceho* od Wečnosťi ge sploděni (20) (иже от Отца всемогущего рожденного прежде всех век) (Hulyák 1828).

Непоследовательное употребление флексий с гласным *é* в текстах бернолаковцев вполне понятно, так как оно отражает процесс вытеснения ими генетически чешских флексий с гласным *í*. В языке же Й. И. Байзы имеет место не реализация какого-то процесса, а смешение двух типов флексий, поскольку он употребляет не только флексии с гласным *é* после функционально мягких согласных, но и флексии с гласным *í* после функционально твердых; ср.:

а) a werá y to podle zretedlností písma *poweďeného* (14) (и верят в это в зависимости от четкости использованного шрифта); bi ze *smutného* swého rochibowáňy do žádanég gistoti bila priňesená (17) (она бы из печальной своей неуверенности в необходимую убежденность была принесена); Dávám Mláděna, *kerího*, ponewádz prez mnohé príhodi sstestliwe pregs-sel, mnoho k wicwičěny swému w swém putuwáňy, y slissal, y widel (A2) (Я пишу о юноше, который счастливо преодолел многие испытания и во время приключений многое услышал и увидел для своего совершенствования); které ay we wčilegssý wek ranugú (A2) (которые и в настоящее время царствуют); wislal za towarissa Muža *udatního*, a w Stranách tých ně

ňeskuseliho Gmenem Ban-Stiphouta (11) (отправил с ним попутчиком мужа храброго, знающего эти страны, по имени Бан-Стифоут); a *kd'iž prám nástrog k wířaztwý budúcimu zdál gég biři hotowý* (19) (и хотя ей казалось готовым орудие для будущей победы); *Mlúw, a ulož koňec twíma slowámi tak dlhímu mému zarmútku* (22) (Говори и положи конец своими словами такой моей долгой печали); *Welká práwí, Welkiho Bassssi Dcéra máss winníka pred tebú* (22) (Большая говорит: «Дочь великого Бассси, вот виновник перед тобой»); *ale y celího Mesta obíwateľuw oslepíři umela* (26) (и она могла ослепить жителей всего города) (Bajza 1783);

b) *Tretý osten, který nás má pohibuwaři k základnému, a kolik možné gest, dokonalému náboženstwá nasseho znaňú* (8) (Третья боль, которая должна нас направлять к основному и насколько возможно совершенному знанию нашей религии); *A k tomu gsíce každího krestřana katolíka powiníniho biři w prítomném kázáňú žádám preukázati* (3) (И хотя я требую, чтобы каждый христианин-католик в настоящей проповеди обязан был показать...); *z ohledu gak na gedníhokaždího werního osobitně, tak ag na celú wespolek* (8) (глядя как на каждого верующего в отдельности, так и на всех сразу) (Bajza 1789a).

Несвойственные словацкой письменной традиции формы, однако, характерны не только для языка Й. И. Байзы, но и для кодификации А. Бернолака. В частности, например, А. Бернолак различает формы вин. и твор. падежей ед. числа женского рода имен прилагательных, хотя реально это различие отсутствует как в западнословацком диалекте, так и в чешском языке. Ср. примеры: вин. пад. *peknu* 'красивую' — твор. пад. *peknú* 'красивой' (Bernolák 1964b: 177); зап.-слц. *peknú* — *peknú*, чеш. *peknou* — *peknou*. Интересно, что некоторые авторы-бернолаковцы стремились следовать этому указанию кодификатора, хотя они и были в меньшинстве. Ср. примеры из текстов авторов-бернолаковцев, в которых в названных формах вин. падежа представлен долгий гласный:

a tak Dušu na Obras Božski *stworenú* z Prewíneňím raňime (и так мы, будучи виновными, раним душу, созданную по подобию Божьему) (Fiala 1790: 13); *Od něho dostáwal potrebnú Náuku každí* (От него каждый получал необходимую науку) (Šimko 1827: 4); *Na túto aľe Otázku milí náš Wikupitel nedal rownú Odpowed' Poslom* (Но на этот вопрос дорогой наш Искупитель не дал ответа послам) (Hulyák 1828: 16); *Gestľibi tak něčiňil, More ag Zem i Wišku bi hwezdnú Strhľi* (Если бы он так не делал, море и Землю и звездную высь они бы уничтожили)

(Wirgiliowa Eneida 1828: 6); O! kdokoľwew si, ktorí toto predhadzugesť, zgwugesť *wel'ikú* Neumelosť, a Neznámosť we Wecách sw. Náboženstwa! (О, любой, кто это показывает, демонстрирует полное неумение и незнание дел святой религии) (Radlinský 1843: 8).

Неудивительно, что Й. И. Байза употреблял типичные западно-словацкие формы как до кодификации А. Бернолака, так и после нее:

a) René zagisté s Ban=Stiphout=em ňepochopil tak *hlbokú* tak wiso-keg Panni poníženosť (15) (Наверняка Рене с Бан-Стифоутом не поняли, насколько глубоко была оскорблена девушка); kďiž odpowede, a wssecku řeč *mlúwenú* wážiła (17) (когда она с уважением относилась к ответам и всем сказанным речам); a zlý usilowáňý swého wíchod *každú* chvíľu očekáwal (26) (и злясь, он каждую минуту ожидал выхода своего напряжения); gakúkoliw we tme *pochitenu* zbrog k obraňe swég w holích rukách ňesíc (27) (неся голыми руками любое схваченное в темноте оружие для своей защиты) (Bajza 1783);

b) z ohledu na hodné Swátosťi prigímánj, na *právú* pobožnosť (4) (с точки зрения достойной святости и причащения, настоящей набожности); která z řečenég newedomosťi na *celú* obecňe Cirkew wiplíwá (8) (которая из-за названного незнания в целом затрагивает всю церковь); Tito, setwi *d'iwnnú* uzreli *hwézdú*, hnedki sa za ňú, kam wédla, pust'ili (11) (Они, как только увидели удивительную звезду, сразу отправились туда, куда она вела); který gak *polnú* tak *domagssú* robotu skrz *služebnú* čeled wikonáwagú (18) (которые работу как в поле, так и дома делают с помощью слуг) (Bajza 1789a).

В формах твор. падежа ед. числа существительных мужского рода А. Бернолак кодифицирует единственную флексию *-mi*, причем даже в тех случаях, когда в результате соединения основы с флексией возникают труднопроизносимые группы согласных, например: *sudcmi* ‘судьями’, *děšd'mi* ‘дождями’, *dobitkmi* ‘скотом’ (Bernolák 1964b: 157). Подобные формы не фиксируются ни в словацкой письменности того времени, ни в словацких диалектах. В языке Й. И. Байзы указанная флексия представлена у слов с одним согласным в конце основы, тогда как слова с двумя и более согласными имеют флексию *-oma*:

a) gak libežné z *ňekraganmi* zacházaňý skusili (12–13) (как они любезно обращались с приехавшими); on gsíce utékel... z dwoma *služebníkmi* (23) (хотя он и убежал с двумя служителями) — a spolu zrak očum ze wssemi

ostatními *smisloma* gu opustil (23) (и одновременно зрение вместе с остальными чувствами ее покинуло) (Bajza 1783);

b) a prwe neprestáváme biťi *krest'anmi* (6) (и прежде всего мы не перестаем быть христианами); Timito *spúsobmi* strízliwe, a pobozňe žiwý buděťe na swetě temto (10) (И таким образом вы реально и благочестиво останетесь живыми на этом свете); s tríma *Král'mi* do Betleema, a kamkolíw ginam daremňe púgďeme (12) (мы напрасно пойдем с тремя Царями в Вифлеем и в какое угодно другое место); a s *kacírmi* negednúc i proti wúli o náboženstwú zmlúwánj máme (29) (и не объединяясь с еретиками, мы против воли имеем договор о вере) — Abi wssemi možnými *prostredkoma* naziwat' k plnssému poznáňú Boha (4) (Чтобы всеми возможными средствами призывать к более полному познанию Бога) (Bajza 1789a).

В текстах авторов-бернолаковцев данное положение А. Бернолака не соблюдалось.

Кодификация А. Бернолака имела довольно специфический характер, поскольку, как показывает анализ реальных бернолаковских текстов, она существенно отличалась от современных кодификаций, поскольку она не отражала уже сложившиеся нормы, а, напротив, на ее базе начала складываться норма литературного языка путем неприятия авторами-бернолаковцами многих кодифицированных форм. Вследствие этого соотношение языковых элементов, представленных в языке Й. И. Байзы и в кодификации А. Бернолака, приобретает еще один тип асимметрии, когда в языке Й. И. Байзы представлен только традиционный для письменности вариант с генетически чешской / западнословацкой флексией, а в кодификации А. Бернолака наряду с названной формой имеется еще и новый, западнословацкий / среднесловацкий вариант. При переходе же в практическую плоскость те морфологические элементы, ареал которых совпадает со среднесловацким регионом, как правило, либо не закрепляются в бернолаковском литературном языке, либо вообще в него не проникают. Примером такого типа являются формы предл. падежа ед. числа прилагательных мужского и среднего рода, которые А. Бернолак кодифицирует с флексией *-om*, которая характеризует прежде всего среднесловацкий диалект, но употребляется также и в говорах западнословацкого диалекта, функционирующих на прилегающей к Средней Словакии территории. При этом он допускает употребление также форм с традиционной для словацкой письменности флексией *-ém*: «Предл. падеж мужского рода всегда оканчивается на *om*, вместо которого чехи и их последователи используют окончание *-ém*»

(Bernolák 1964b: 181). И приводит следующие примеры: *na reknom (ém)* ‘на красивом’, *na rápovom (ém)* ‘на господском’, *na raínom (ém)* ‘на принадлежащем госпоже’ (Bernolák 1964b: 177, 179). Й. И. Байза же как до кодификации А. Бернолака, так и после нее употребляет только традиционные формы:

a) у *w nagoprawďiwegssem nebezpečensťwý widá oňi mňením swogím ňelhagicú biťi bezpečnosť* (10) (даже при самой настоящей опасности они полагают, что видят надежную безопасность); *A z tímto po krátkém čase do prichistaního hajowa y wrocławíc...* (11) (И войдя с этим спустя некоторое время в подготовленную лодку...); *po pozdraweúy (!) spoločném prinesený krám kázala gsice wiložiti* (19) (после взаимного приветствия, хотя она и приказала выложить старье); *neb smrť w mladém swém weku podstúpiťi mal bit prinúzen* (20) (потому что он был вынужден пойти на смерть в своем молодом возрасте); *kďiž eghle strassliwý porád krik ztrhnúl sa w celém Mestě* (27) (когда постоянно по всему городу раздавался пугающий крик) (Bajza 1783);

b) *W krátkém, který mezi wámi k wassému duchownému řízeňu poslaný bidlím, časi* (1) (Короткое время, в котором я послан среди вас жить для того, чтобы вами управлять); *a hustá šed'iwost' gích guž o blížkém do šťastnég, nebo nesšťestnég wečnosťi prestúpeňu stále napomíná* (1) (и густая седина их уже напоминала о близком уходе в счастливую либо несчастную вечность); *tak oni pri duchowném takémto swogém obrezáňu spasenímí nekdi slúfi móhli* (3) (так они при таком своем духовном обрезании иногда могли слыть спасенными); *Pozbud'iti gá hcem wssekých, který posawád we ťmách hlúposti o swém wečném osláweňu blúďili* (3) (Я хочу приободрить всех, кто до сих пор блуждал во тьме глупости вечного празднования) (Bajza 1789a).

Характерно, что авторы-бернолаковцы также продолжали использовать только традиционные флексии (Lifanov 2012–2013: 255–256), да и сам А. Бернолак позже употреблял именно их (Nabovštiaková 1959: 158).

Несколько иначе ситуация развивается в отношении традиционной формы причастия на *-l* глаголов с основой на согласный. Традиционная форма причастия содержит вставной гласный *-e-*, что мы и находим в текстах Й. И. Байзы:

a) *kďiž silný wíter do níh opríc nanáhle do prostred Mora gích odné-sel* (11) (когда сильный ветер, в них дую, внезапно отнес их на середину моря); *který mňa s Tat'ikem o nagdrakssý poklad priňéssel?* (17) (который

лишил меня с отцом самого драгоценного клада); *k lechčegssému od morawsko=českého rozdílnému čítaňú pokládel gsem dwognásobné znameňú* (A4) (я считал, что двойные знаки легче, чем моравско-чешское чтение); *a bárs gistú, bárs podwodnú Panni žalost'ú obmekčenú pádel* Круже гэг, а, у líbagíc, у моџíc гу з оџуw wítlačenu wodú (22) (и он пал, растаяв от несомненной и обманной жалости девы, к ее рукам, целуя и орошая ее водой из глаз своих); *napádel na lotruw Arabss'ských pri wrchu Thábor* (23) (он напал на арабских мерзавцев у горы Фавор); *po ňedlhém bráňeňú on gsíce utékel* (23) (недолго сопротивляясь, он хотя и убежал...); *a bi ku krámu gidúc ginsse čosi zas doňesel* (25) (чтобы, идя к лавке, он что-нибудь другое с собой принес) (Bajza 1783);

b) *Uznagíce prawími biťi tri, které gsem prednésel, dúwodi* (10) (Признавая верными три довода, которые я назвал); *gak čo gsem w onechdágsség nowího roku reči prednésel* (12) (что я назвал в тогдашней речи по случаю нового года); *gá bratri, gsem wám nemohel mluwiťi gakž duchowním, než gakž telesním* (23) (я, братья, не мог вам говорить ни как духовным, ни как телесным); *d'eřinský ten staw za staw nedokonálost'i krest'anskeg držal, s kterého bi gich rád wiwédel* (24) (это состояние детскости он считал состоянием несовершенства, из которого он бы их с удовольствием вывел) (Bajza 1789a).

Формы причастий со вставным гласным *-o-*, кодифицированные А. Бернолаком, проникают в наиболее ранние тексты, написанные на бернолаковском литературном языке, однако не закрепляются в нем и вытесняются традиционными. То же самое происходит и в языке самого А. Бернолака: первоначально в проповедях он употребляет кодифицированные формы, но в «Словаре» возвращается к традиционным (Habovštiaková 1959: 158).

Язык Й. И. Байзы содержит также некоторые перспективные явления, которые не нашли отражения в кодификации А. Бернолака, однако стали появляться в более поздних текстах бернолаковцев и полностью закрепились в словацком литературном языке после его новой кодификации, осуществленной в 40-е гг. XIX в. Л. Штуром. Это продление корневого гласного в формах род. падежа мн. числа с нулевой флексией без вставного гласного существительных женского и среднего рода и долгий гласный во флексиях в формах им. и вин. падежей мн. числа существительных среднего рода. Отметим, что оба названных явления стали объектом дискуссии между Й. И. Байзой и А. Бернолаком, о чем последний написал следующее: «В действительности же хороший словак тоже говорит *tíchto bab, hovad, devčat*

[соответственно 'этих женщин', 'невежд', 'девочек'. — К. Л.] и т. д., а не *báb, hovád, devčát*) (Bernolák 1966: 325); «Как хорошие словаки, так и чехи говорят *slova, pravidla, tela, srdca, líca* [соответственно 'слова', 'правила', 'тела' 'сердца', 'щеки'. — К. Л.] и т. д., а не *slová, pravidlá, telá, srdcá, lícá* и т. д.» (Bernolák 1966: 326). Ср. примеры из языка Й. И. Байзы и других бернолаковцев:

1. a) *Či človek odhod'enegssý gest, aneb má biťi od howád ňemúdrích?* (14) (Отличается ли или должен ли отличаться человек от глупых животных?); *bez wssech slów pochibních sprawedliwie sprawedliwost' wigewil* (20) (без каких-либо сомнительных слов он справедливо установил справедливость); *a bárs y podle slów swích chcela pokračowať* (26) (хотя она, по ее словам, и хотела продолжать) (Bajza 1783); *swedomních príhód težkost' rozdeluwaťi* (4) (разделять тяжесть грехов); *k poznáňú čistých prawi-dél krest'anských mráwuw* (4) (для познания чистых правил христианской нравственности); *abi gsme gehu slów z očuw gak tela, tak dusse nezpústali* (8) (чтобы мы не упустили его слова ни телом, ни душой); *Nezamesskala gích dluhost' cést* (11) (Их не задержала продолжительность пути); *nebezpečenstwj osóba* (11) (опасность для людей); *Kdo, čoprednesené gest, zewnitřne wí, a smisel slów rozumí* (14) (Кто знает, что произнесено, и понимает смысл слов); *že ten sprawedliwú drží cestu do nebés* (15) (что тот, праведный, отправляется на небеса); *a i hríssních útrát dost'i čineno bíwá* (20) (и часто происходят греховные утраты) (Bajza 1789a).

b) *Chodí od gedného k druhému, rozličních Učitelow Mládeže, a wrchňích Škól Sprawcow pokorně prosí* (Он ходит от одного к другому, покорно просит различных учителей молодежи и главных управляющих школ) (Hollí 1813: 20); *Čož na iních Místách učínil Dobrého, to známo S Prešporских ge Nowin* (Всё, что он сделал хорошего, известно из газеты «Прешпорские новости») (Šimko 1827: 5); *Krem teho, pre tých, ktorí bi uplňegšé ňekterých Weci Wiswetleňi žádaľi, Poznačeňi Kapitól, a Weršow Písma swatého na mnohých Místách sem doložil* (Кроме того, для тех, кто бы хотел более полного пояснения некоторых вещей, я привел во многих местах номера глав и стихов Священного Писания) (Hulyák 1828: III); *Rekel: wihubim Človeka, kterého sem stworil, ze Zeme, od Človeka až do Howád, od Zemeplazow až do Ptáctwa nebeského, nebo mi ge lúto že sem gich učínil* (И сказал Господь: истреблю с лица земли человек, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их) (Palkovič 1829: 2).

2. a) *že bremenu setwí zňesitedlnímu plecá podložil* (20) (что бремени почти невыносимому плечи подставил); *a gedna o druhú seba tlčícé sskod-*

liwe *tela* na zem padnúťú sľibowali (24) (и, толкая друг друга и падая на землю, зловредные тела свои предлагали) (Bajza 1783); Učenj toto s patreňá na *pravidlá* swé ani lechké wždicki k pochoreňú, ani úzké, a krádké neni (5) (Учение это, представленное в виде правил, не всегда легко понять, ни ограниченным, ни простым оно не является); Učiteľa swého *slowá* usľi-chaťi, dáné od neho čítanj precháziti powinen gest (6) (Слова своего учителя услышать, данное им прочитав он обязан); Budú *slowá* títo, které gá prikazujem tebe dnes... w srdci twogém (7) (Слова эти, которые я говорю тебе сегодня, будут в сердце твоём) (Bajza 1783);

b) *Srdcá* wšech, kteří na neho hľedeľi, za sebú wábil (Сердца всех, кто смотрел на небо, он манил за собой) (Holli 1813: 19); preto *Srdcá* naše, které si stworil, obmekči (поэтому сердца наши, которые ты создал, смягчи) (Hulyák 1828: 15); Rekel ale Bóh: Nech su *Swetidlá* na Oblohi nebeskeg, a nech d'ela Ďen a noc (И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи) (Palkovič 1829: 2); Predhadzugú Zňewažit'el'i sw. Rútow této Spasitele *Slowá* (Приводят умаляющим значение св. оков эти слова Спасителя) (Radlinský 1843: 15).

Анализ языка Й. И. Байзы и кодификации А. Бернолака показал, что кодификация А. Бернолака оказала минимальное влияние на язык Й. И. Байзы. Нами было выявлено всего лишь одно морфологическое явление, исходно связанное с фонетикой, — префикс *nej-*, первоначально использовавшийся Й. И. Байзой при образовании форм превосходной степени прилагательных (наряду с префиксом *naj-*). После же кодификации эти формы из языка Й. И. Байзы исчезают. При этом язык Й. И. Байзы был ближе к реально функционировавшему бернолаковскому литературному языку, чем к кодификации, так как сами бернолаковцы принимали далеко не все кодифицированные А. Бернолаком языковые элементы, хотя и были в целом сторонниками его языка.

Язык Й. И. Байзы и кодификацию А. Бернолака нельзя рассматривать как противопоставление только старого традиционного и зарождающегося нового, поскольку в первом были представлены элементы, которые с течением времени стали появляться в текстах авторов-бернолаковцев и представляли собой перспективу его развития. В кодификации же А. Бернолака, напротив, выявляется целый ряд элементов, которые не закрепились в бернолаковском литературном языке, и даже сам А. Бернолак впоследствии был вынужден от них отказаться.

Источники и литература

Лифанов 2000 — *Лифанов К. В.* Язык духовной литературы словацких католиков XVI–XVIII вв. и кодификация А. Бернолака. М.: Издательство Московского университета, 2000. 119 с.

Лифанов 2017 — *Лифанов К. В.* Орфографическая и фонетическая системы языка Й. И. Байзы на фоне кодификации словацкого литературного языка А. Бернолака // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований.* СПб., 2017. Т. 13. № 2. С. 558–578.

Bajza 1783 — *Bajza J. I.* René Mlád'enca Prihodi, a Skusenost'i. W Presspurku: Wytisstěná v Jána Michala Landerera, 1783. 288 s.

Bajza 1789a — *Bajza J. I.* Krest'anského Katolíckého Náboženstwa, které lidu swému wíkládal, a pre wsseobecný prospěch wídal Josep. Ignat. Bajza Farár Dolno-Dubowský, Díl Iý: O Wíre. W Trnawe: u Wáclawa Gelinka mestského Knihtiskára, 1789. 178 s.

Bajza 1789b — *Bajza J. I.* Anti-Fándly aneb Dúverně Zmlúwánj mezi Theodulusem tret'ího Franciškánuw rádu bosákem, a Gurem Fándly Nahác-kím Farárem o, a proti geho Dúwernég Zmlúwe mezi Mníchem, a d'áblem. W Halle: [s. n.], 1789. 62 s.

Bajza 1794 — Bajza Jozefa Ignáca, farára dolnodubovského, Slovenské dvojnásobné epigramata, jednako-konco-hlasné a zvuko-mírné. Prvná knížka, obsahující jednako-konco-hlasné. V Trnave: u Václava Jelínka, privil. kníhtlačára, 1794 // *Bernolákovské polemiky / Vyd. I. Kotvan.* Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1966. S. 227–274.

Baranyai 1737 — *Baranyai M.* Lekarstwy Duchowne Naproti Gakemu-kolwek Duchownemu nakazeni za osem Dni vžíwané, to gest: Exercitia octiduana s. p. Ignatii. Rogimáni o Prawdách wečných A naslowensky gazyk sporádane a predložene od Gedneho Dwogictihodneho Kneže Towarystwa Gežissowého z nakladem Dwogjeti hodného a neyučenegssjho Pana Baranyai Mathiasse v Vherskeg zemi w Stolicy Gemerskeg w Polance farára neyhodnegssjho. [W Kossicách]: Wytisstěno w Kossicách skrze Jána Frauerheima, 1737. 624 s.

Bernolák 1964a — *A.* Dissertatio philologico-critica de litteris slavorum, de divisione illarum, nec non accentibus = Kritická filologická rozprava o slovanských písmenách, o ich rozdelení, ako aj o prízvukoch // *Gramatické dielo Antona Bernoláka / Vyd. J. Pavelek.* Bratislava: [s. n.], 1964. S. 11–131.

Bernolák 1964b — *Bernolák A.* Grammatica slavica = Slovenská gramatika // *Gramatické dielo Antona Bernoláka / vyd. J. Pavelek.* Bratislava: [s. n.], 1964. S. 113–407.

Bernolák 1966 — *Bernolák A.* Nečo o epigramatách anebožto málorád-koch Jozefa Ignáca Bajzi, dolnodubovského pána farára, oprávdívím Slovákom

k uvažováňú predložené. V Žiline, vitlačil Štefan Prisoľ roku 1794 // Bernolákovské polemiky / vyd. I. Kotvan. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1966. S. 311–335.

Bossányi 1760 — *Bossányi S.* Krátke Winaučenj Čloweka Krestianskeho Katolickeho, Z Nákladem Gedneho Parona, a do=Brodinca Nezmilostiwegssyho; Od P. P. Missionárúw z Rádu Sw. Otcie Frantisska z Bratrúw Menssych Conventualských, Sprostým Lidem predložené A Ku Vžitku Duchownému neywjc Mládezi wydané. [W Kossycach]: Vtisstené w Kossycach, w Impressyji Akademickeg Roku, 1760.

Fándly 1789 — *Fándly J.* Dúwerná Zmluwa mezi Mníchom a Diáblom o prwnich Počátkoch, o starodáwních, ag o wčulágšich Premenách Reholníckích. Kterú spísal we stirech Stránkách pre mladich Presporskich Kňazow Guro Fándly Nahácki Farár w Arci-Biskupstwi Ostrichomském. W Presporku: Z Literámi Gána Michala Landerera, Vrozeného z Fisskutu, 1789. 447 s.

Fiala 1790 — *Fiala A.* Czlánkomrawná Reč na Den slawného Wskrisseňa Gežisse Krista zložená a w Kosteie wisokích Sskol w Zámku pressporském prednesená od Antona Fiala pátého Roku Bohomluwnika slawného Arci-Biskupstwá Ostrihomského Chowanca. W Presporku: Literámi Gána Michala Landerera Urozeného z Frisskutu, Leta Páňe 1790, od Prátelow gehu na Swetlo widaná.

Habovštiaková 1959 — *Habovštiaková K.* Bernoláková spisovná slovenčina v praxi (Rozbor Bernolákovkej kázne) // Jazykovedný časopis 10. 1959. Č. 2. S. 151–162.

Holli 1813 — *Holli G.* Zaslužená Sláwa swatého Gozefa Kalazancia od Matki Božeg, zakladatela Škol Pobožních chudobních w Chráme božkém Trenčanském škól Pobožních Roku M.DCCC.XIII predložená skrz Holli Gura hlawného Kostěla Nitranského Kanowňíka, Vice-Archi-Diakona a Farára Westěnského. W Trnawe: witlačená u Wáclawa Gelinka, 1813. 30 s.

Hulyák 1828 — *Hulyák G.* Celoročné Neďelné Kázňe, které z francúzských znameňitích Kazatelow někdi boľi witáhnuté, a w uherskég Reči podla neďelních Ewanděli zříděné, wčil aľe z uherského na slowenski Gazik sú preložené skrz Gozefa Hulyák, Kaplána Šaščínského. Děľ 1. W Trnawe: witlačené u Gána Krstě. Gelinka, 1828. 361 s.

Kotvan 1966 — Bernolákovské polemiky / Vyd. I. Kotvan. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1966. 391 s.

Lifanov 2012/2013 — *Lifanov K. V.* Метаморфозы кодификации А. Бернолака // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2012–2013. Bd. 69, Hf. 2. S. 247–280.

Palkovič 1829 — *Palkovič J.* Swaté Písmo starého i nowého Zákona podla obecného latinského, od sw. Rímsko-Katolickég Cirkwi potwrdeného, prelo-

žené s Prirownáňím ģruntowného Tekstu, na Swetlo widané. Děł 1. W Ostrihome: witlačené z Litterámi Jozefa Beimela, Cis. Kral. Priv. Primatiálského Kňihtlačára, Leta Pána 1829. 1250 s.

Radlinský 1843 — *Radlinský O. L.* Kázeň o swatích Pútoch aneb: Srdečni Pastirstwi hlas na Cťitelow sw. Pútow, a gegich Znewažitelow, ze všestránním Pohledom na Bansko-Šťawnňickú Kalwáriu, kterú po Čas Pobožnost'i Kalwárskég na Sláwnost' Powíšeňá swatého Kříža powedal na wišemenowanég Kalwárii Roku 1843 Ondr. Ludw. Radlinszky, Kaplan Bansko-Šťawnňickég Kalwárie. W Banské Šťawnnici: Písmem Františka Lorbera, 1843. 40 s.

Rudnay 1804 — Rudnay S. Kázeň na Slawné Primiete Madacs Josefa nowo=poswaťeného Knaza Arci=Biskupstwí Ostrihomského k duchownému Prospechu w Bognanském Chráme Páne držaná skrz Rudnay Sandora DE EADEM, ET DIVÉK-UJFALU Swatého bozkého Umeňi Učítela, Wiďeku Welko=Topolčanského V. Archi-Diacona, a Farára Krušowského. W Trnawe: Witlačená u Wáclawa Geľinka priv. Kňihtlač, Dňe 2. Sept. R. P. 1804.

Šimko 1827 — *Šimko P. A.* Lutohrádky, které s Příležitostí Smrti Nagwíborňegšihó, a Dustogñewelebnihó Pána Gozefa Kluch, Biskupa Nitránského, Geho Cisarskég, a Kráľowsko=Apoštolskég Gasnost'i Skutečného Tagného, aneb Stawu Radca, zložil P. Adalbert Šimko, z Rádu G. Franc. w Kragi B. P. Marii Kňaz. W Trnawe: Witlačené u Gána Geľinka, 1827. 8 s.

Wirgiliowa Eneida 1828 — Wirgiliowa Eneida od Gana Hollého. W Trnawe: witlačená u G. K. Geľinka, 1828. 291 s.

References

Bernolákovské polemiky, vyd. I. Kotvan. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1966, 391 s.

Gramatické dielo Antona Bernoláka, vyd. J. Pavelek. Bratislava: [s. n.], 1964, 552 s.

Habovštiaková, K. "Bernoláková spisovná slovenčina v praxi (Rozbor Bernolákovvej kázne)." *Jazykovedný časopis* 10, č. 2, 1959, s. 151–162.

Lifanov, K. V. "Metamorfozy kodifikatsii A. Bernolaka." *Zeitschrift für Slavische Philologie*, Bd. 69, Hf. 2, 2012–2013, S. 247–280.

Lifanov, K. V. *Iazyk dukhovnoï literatury slovatskikh katolikov XVI–XVIII vv. i kodifikatsiia A. Bernolaka*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Lomonosov Moscow State University Press], 2000, 119 p.

Lifanov, K. V. "Orfograficheskaia i foneticheskaia sistemy iazyka Ī. I. Bažy na fone kodifikatsii slovatskogo literaturnogo iazyka A. Bernolaka." *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticskikh issledovaniĭ*, t. 13, no. 2, Saint-Petersburg, 2017, p. 558–578.

Konstantin V. Lifanov
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Morphological peculiarities of Bajza's language and Bernolák's standard

This article discusses the morphological features of Bajza's texts, written before the Bernolák's codification of the Slovak standard language and thereafter, in order to identify the impact of the codification on language of a particular author. It is established that this influence was minimum, almost not affected its structure. At the same time both components — traditional elements of Slovak writing, including outdated ones, and obvious innovations not included in the codification — are also stable. In addition, the Bajza's language defined in development of language Slovak writing by its comparison to texts of the precodification period and later texts created by A. Bernolák's followers. It turns out that Bajza's language is closer to the language of traditional literature and language texts of the followers of A. Bernolák than to the codificated language.

Keywords: Slovak standard language, morphological features, codification of standard language, Bajza, Bernolák, Bernolák's standard language.

Словацкий темпоральный диминутив *chvíl'ka*: к вопросу о специфике лексического значения

В статье на материале Словацкого национального корпуса анализируется семантика словацкой диминутивной лексемы *chvíl'ka*. Специфика лексемы состоит в том, что на значение малого отрезка времени здесь накладывается значение диминутивности. В первой части статьи рассматриваются возможные ограничения на сочетаемость для *chvíl'ka* в генитивных конструкциях, в конструкциях с согласованным определением, а также в конструкциях с глаголами, где соответствующая лексема занимает позицию подлежащего либо прямого дополнения. Во второй части статьи для более четкой экспликации значения лексемы исследуются случаи, когда *chvíl'ka* употребляется в пределах одного высказывания вместе с другими темпоральными лексемами кратковременности, выявляются основные конструкции, где происходит контекстуальная синонимия либо квазисинонимия *chvíl'ka* и *chvíla* / *chvíl'ka* и *okamih*. Показано, что в словацком языке модификация значения *chvíla* не приводит к появлению у производного слова экспрессивных функций.

Ключевые слова: словацкий язык, темпоральная лексика, диминутивы, лексическая сочетаемость, экспрессивность.

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.4.03

Субстантивы со значением короткого отрезка времени в словацком языке порождают целую группу диминутивов, к каковым относятся *chvíl'ka* ‘минутка’, *chvíločka* ‘минуточка’, *okamžik* ‘мгновеньице’, *minútka* ‘минутка’, *minútočka* ‘минуточка’, *sekundička* ‘секундочка’, *momentík* ‘мгновеньице’, *momentíček* ‘мгновеньице’ — производные лексем лексем *chvíla*, *okamih*, *minúta*, *sekunda* и *moment*. Семантика таких слов сама по себе является достаточно парадоксальной в том числе потому, что на значение минимального отрезка времени, уже заложенное в значении производящей лексемы, дополнительно накладывается значение диминутивности. Так, когда З. И. Резанова пишет о диминутивах, производных от слов, называющих точные

отрезки времени, она указывает, что в них «актуализируется смысл субъективного переживания времени: говорящий подчеркивает, что считает называемый отрезок времени незначительным, маленьким»¹. По утверждению исследовательницы, в русском языке соответствующие дериваты могут выражать: «...1) субъективное переживание говорящим данного отрезка времени как незначительного, маленького и имплицитную этим отношением положительную эмоцию [...]; 2) субъективное отношение говорящего к событийному ряду, соотносимому с данным отрезком времени [...]; 3) отношение говорящего к ситуации в целом, к субъекту, характеризующему диминутивной формой со значением времени: диминутивная форма в таких контекстах полностью утрачивает значение уменьшительности, являясь одним из средств выражения экспрессивности. Диминутив в таких конструкциях имеет значение ‘отклоняющийся в значительной степени от нормы, по мнению говорящего, который испытывает по этому поводу сильные эмоции’...»² Русская темпоральная лексика достаточно подробно рассматривается в монографии Е. С. Яковлевой³, где исследовательница, в частности, пишет о противопоставлении в составе русских лексем кратковременности показателей бытового (минута, секунда) и надбытового (миг, мгновение) времени — при этом, однако, в фокусе авторского внимания находятся лишь производные лексем: диминутивы в монографии сколь-нибудь подробному анализу не подвергаются.

В случае со словацкой лексикой диминутивы порождают как показатели точного минимального времени (ср. производные *minútka*, *minútočka*, *sekundička*), так и показатели приблизительного (*chvilka*, *chvíločka*), где субъективная квалификация данного отрезка в качестве краткого актуализирована уже в значении производящей лексемы, что еще более осложняет экспликацию значения производного слова. При этом *chvilka* существенно превышает по частотности остальные словацкие диминутивы, имея 31 422 вхождения в Корпус — ср. для

¹ Резанова З. И. Субъективные образы времени в славянских языках: диминутивные модели // Сибирский филологический журнал. 2017. С. 163.

² Там же. С. 164; ср. также: Кузьменкова В. А. Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания // Язык. Сознание. Коммуникация. М., 2007. С. 38–44.

³ Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

chvíľočka 5493, для *okamžik* 1425, для *minútka* 2946, для *minútočka* 27, для *sekundička* 105, для *momentík* 124, для *momentíček* 41 — в качестве сравнения см. также для не-диминутива *okamih* 77157 вхождений в Корпус. В центре нашего внимания будет находиться именно слово *chvíľka*: мы постараемся показать, что сфера значения у *chvíľka* выходит за рамки собственно диминутивности, лексема обладает своей спецификой как относительно *chvíľa*, так и относительно *okamih* и тем самым заполняет определенную лауну в системе словацких субстантивов кратковременности, ср.: «...по мере роста употребления диминутив теряет экспрессию и начинает использоваться как нейтральное обозначение, конкурируя за роль доминанты семантического ряда»⁴. Как пишет Т. А. Шмелева о диминутивах, производных от субстантивов времени, «размерность в них нейтрализуется, заменяясь оценочностью»⁵; ср. также: «...размерность в темпоральных диминутивах превращается в минимальность желаемого, что следует рассматривать как специфический результат взаимодействия диминутива и семантики существительного»⁶.

В связи с тем, что значение слова во многом определяется его сочетаемостными характеристиками, в первой части статьи будут рассмотрены возможные сходства / различия в сочетаемости указанной лексемы *chvíľka* и производящей *chvíľa*. Мы будем рассматривать употребление лексем в рамках следующих конструкций: А) генитивных конструкций, описывающих возможные события, которые могут произойти в промежуток времени⁷; В) конструкции с согласованным определением, предполагающих возможные характеристики, приписываемые говорящим отрезку времени; С) конструкций с глаголами, где темпоральное слово занимает при глаголе позицию субъекта либо прямого дополнения, — соответственно, здесь речь пойдет о трансформациях, которые могут происходить с отрезком времени. Материалом для анализа послужили данные Словацкого националь-

4 Фуфаева И. В. Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. Н. Лобачевского. 2016. № 3. С. 257.

5 Шмелева Т. В. Диминутив и семантика существительного: лексика времени // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 52.

6 Там же. С. 53.

7 См. об этом: Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000. С. 40.

ного корпуса (Slovenský národný korpus, далее SNK)⁸. Оговоримся, что здесь мы будем оперировать данными так называемой абсолютной частотности (словацкий термин *absolútna frekvencia*), т. е. об общем числе соответствующих сочетаний⁹. Помимо абсолютной частотности, в корпусно ориентированных исследованиях существует целый ряд других параметров, таких как MI-score и t-score¹⁰, однако в рамках данной статьи эти данные будут носить лишь вспомогательный характер, поскольку нас будет интересовать не столько сочетаемость *chvíľa* и его диминутива с конкретными лексемами, сколько возможные лексико-семантические группы, к которым будут либо не будут тяготеть рассматриваемые слова.

Сочетаемость в рамках генитивной конструкции у *chvilka* в целом сходна с той, что характерна для недиминутива *chvíľa*¹¹, однако имеет некоторые существенные ограничения. Так, для *chvilka*, так же, как для *chvíľa*, характерны сочетания с именами, обозначающими состояние тишины / покоя: *chvilka ticha* ‘минутка / минута тишины’, *chvilka mlčania* ‘минутка / минута молчания’, *chvilka pokoja* ‘минутка / минута покоя’, *chvilka oddychu* ‘минутка / минута отдыха’. Ср. пример, где *chvilka* употреблена в чрезвычайно характерном для себя контексте, когда речь идет о краткой паузе в разговоре, после которой следует новый неожиданный поворот в коммуникации (1). В (2) выражение подчеркивает резкий переход, (кратковременное) изменение состояния для говорящего.

(1) *Vyexuje zvyšok piva a po chvíľke ticha mení tému.* Он допивает остатки пива и спустя **какое-то время** меняет тему.

8 Slovenský národný korpus — prim-8.0-public-sane. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV 2018. URL: <https://korpus.juls.savba.sk>.

9 Šimková M. Frekvencia slov a tvarov v súčasnej slovenčine // Slovenská reč. 2011. Roč. 76. Č. 5–6. S. 322–333.

10 Так называемые показатели меры ассоциации, когда по определенной формуле вычисляется степень притяжения между конкретными лексемами. См. об этом, например: Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. СПб., 2010. [Вып.] 9 (16). С. 137–143.

11 Ср.: Ващенко Д. Ю. Словацкие субстантивы со значением кратковременности в составе генитивной конструкции: к специфике сочетаемости // Slověne. 2018. № 2. С. 321–342.

(2) *Často počujem, ako niekto skonštatuje: ...no a potom nastala tá trápna chvíľka ticha. Nerozumiem. Prečo by ticho malo byť trápne?* Часто я слышу, как кто-нибудь констатирует: «...ну и потом наступила мучительная *минута тишины*». Не понимаю. Почему тишина обязательно мучительная?

Отличие между *chvíľa* и *chvíľka* в сочетаниях подобного рода состоит в обозначении этими сочетаниями временных промежутков разной протяженности: в первом случае он может быть сколь угодно продолжительным, ср. возможность *povedala po dlhej chvíli ticha* (сказала после длинной минуты тишины) и невозможность *povedala po dlhej chvíľke ticha*; точно так же, например, *chvíľa ticha, mlčania* ‘минута тишины, молчания’, в отличие от *chvíľka ticha, mlčania*, может предполагать и другие однородные члены в рамках генитивной конструкции: *chvíľa* (но не *chvíľka*) *mlčania a zamyslenia* ‘минута молчания и задумчивости’.

Сюда же мы относим равно характерные с *chvíľka* и с ее недими- нутивным коррелятом сочетания *chvíľka voľna* ‘минутка свободы’, а также *chvíľka nepozornosti* ‘минутка невнимательности’, ср. примеры, где *chvíľka* обозначает минимальный промежуток времени, который может быть использован с максимальной пользой:

(3) *Pri čom sa viete počas týchto stresujúcich dní najlepšie odreagovať? — Najlepšie sa odreagujem, keď môžem stráviť chvíľku voľna s rodinou alebo so svojím priateľom.* «Что вас больше всего успокаивает в течение всех этих дней стресса?» — «Больше всего мне помогает, если я могу провести немного свободного времени с семьей или со своим другом».

(4) *Miroslav využil chvíľku nepozornosti násilníkov a vzal nohy na plecia.* Мирослав использовал момент, когда преступники потеряли бдительность, и сбежал.

Еще одной «зоной генитивной сочетаемости» для *chvíľka* является управление существительными, обозначающими ментальные процессы, предполагающие размышление, колебание, выбор: *chvíľka váhania* ‘минутка колебания’, *chvíľka uvažovania* ‘минутка рассуждений’, *chvíľka zamyslenia* ‘минутка задумчивости’, *chvíľka rozmyšľania* ‘минутка размышлений’, при этом относительная частотность подобных сочетаний с *chvíľka* выше, нежели с *chvíľa*. Наиболее характерный контекст употребления здесь сходен с тем, что был приведен выше в (1): *chvíľka* обозначает «минимальный перерыв», после которого сле-

дует резкая перемена либо в коммуникации, либо в тех действиях, которые предпринимает субъект действия, — ср. подобное в (5–7).

(5) *Po chvíľke váhania, počas ktorej sa Marissa márne obzerala a hľadala trochu súkromia, si začala rozopínať blúzku.* После минуты колебаний, во время которой Марисса напрасно оглядывалась, пытаясь найти какое-то укрытие, она начала расстегивать блузку.

(6) *Dievčatko zostalo zarazené a po chvíľke premýšľania povedalo: "Aha. Takže to kvôli tebe má babka všetky vlasy na hlave šedivé."* Девочка оставалась в каком-то ступоре и после минуты раздумий сказала: «Ага. Так это из-за тебя у бабки все волосы на голове седые».

(7) *Po chvíľke uvažovania som si vzal mobil a vyhladal jedno meno. Podumav nemnoho,* я взял мобильник и нашел его имя.

Точно так же как с *chvíľa*, однако в сравнительно большем объеме с *chvílka* представлены сочетания *chvílka čakania* ‘минута ожидания’, ср. контекст, аналогичный вышеприведенным:

(8) *Po chvíľke čakania vstupujeme do miestnosti, kde sa predstavenie novinky odohrá.* Подождав минуту, мы входим в зал, где пройдет презентация новинки.

Ограничения на сочетаемость касаются в первую очередь сочетаний *chvílka* с субстантивами *život* и *smrť*: так, с *chvílka* в Корпусе обнаруживаются лишь четыре словосочетания *chvílka smrti* букв. ‘минутка смерти’, ср. примеры, в двух случаях наступление смерти относится к будущему времени и представляет собой предполагаемый факт, и еще в одном случае речь не столько о смерти, сколько о ее близости, т. е. о смертельной угрозе:

(9) *Caldwell zdvihne hlavu, nadýchne sa a zrazu pocíti nutkanie zrýchliť krok, preklusať popri Hummelovej garáži, [...] a potom ďalej, ďalej cez kopce, ktoré sa v diaľke zdajú rovné a belasé, ďalej a ďalej na juhovýchod, naprieč cez diaľnice a rieky, ktorých zamrznuté hladiny sú rovnako pevné ako povrch ciest, až kým nakoniec neklesne, kým sa mu hlava vo chvíľke smrti nepredlíži smerom k Baltimoru.* Колдуэлл поднимает голову, делает вдох и тут же чувствует потребность ускорить шаг, пройти мимо гаража Хаммела [...] и потом всё дальше, дальше через холмы, которые кажутся вдали ровными и синими, всё дальше и дальше на юго-восток, наискосок через шоссе и реки, замерзшие глади, которые столь же прочны, как дорожное по-

крытие, пока наконец он не упадет, пока его голова **в минуту смерти** не ляжет по направлению к Балтимору.

(10) *No von Prum nás tentoraz nevidel. Pohľad mal taký meravý, chladný a vzdialený, že bolo chvíľami ťažko uveriť, že sa tie oči dakedy vôbec zavru, dokonca ani vo chvíľke smrti.* Но фон Прам нас уже не видел. Взгляд у него был такой неподвижный, холодный и отчужденный, что иногда было сложно поверить, что эти глаза вообще когда-нибудь закроются, **даже в момент смерти.**

(11) *“To sú, — pomyslel si, — akiste posledné záblesky mysle, to, čo sa nazýva umierať pri plnom vedomí.” Tu ho zdvihlo vysoko dohora, a on, čo doteraz nepocítoval nijakú bolesť, pocítil prudký úder do pleca, a keď otvoril oči, zbadal, že ho vyzdvihlo vedľa plte. Keď uvidel toto vratké a chatrné plavidlo, zhlobené vo chvíľke smrti, náhlivo a nezmyselne prešiel pohľadom po cestujúcich a vôbec sa neodvážil pokúsiť sa vyškriabať naň, len sa chytil rukami okraja dosiek a vysunúc sa z vody, nadýchal sa z plných pľúc čerstvého vzduchu.* «Вот они, — подумал он, — последние движения мысли, то, что называется умирать в полном сознании». Тут его словно подбросило высоко вверх, и он, до сих пор не ощущавший никакой боли, почувствовал резкий удар в плечо, и когда он открыл глаза, то понял, что его выбросило возле какого-то плота. Когда он увидел это зыбкое и непрочное судно, наспех сколоченное **в минуту смертельной опасности**, он быстро и машинально окинул взглядом тех, кто был на плоту и всё же не решился забраться на него, лишь схватился руками за края досок и, высунувшись из воды, набрал полные легкие свежего воздуха.

Сочетания *chvíľka života* ‘минутка жизни’ представлены в сравнительно небольшом объеме, как правило в контексте повторяющегося действия.

(12) *Tak láska, prosím bojuj o každú chvíľku života! Boh ťa nemôže zradíť.* Любовь, сражайся за каждую **минуту** жизни! Бог тебя никогда не оставит.

(13) *Mamička, buď i naďalej plná úsmevu pretaveného v utrpení, vďačná za každú vzácnu chvíľku života.* Мамочка, будь и впредь полной улыбок, прорывающихся сквозь страдания, благодарной за каждую **минуту** жизни.

Кроме того, к числу периферийных с *chvíľka* относятся словосочетания с существительными, обозначающими эмоциональные состояния: *chvíľka radosti* ‘минута радости’, *chvíľka (ne)šťastia* ‘минута

счастья', которые представлены также либо в контексте повторяющегося действия (14), либо в контексте будущего времени (15), либо если предполагается минимальность промежутка времени (16):

(14) *Večne hľadá a nachádza na cestách chvíľky šťastia, radosti z horskej prírody [...]* Он вечно ищет и находит в пути минуты счастья, радости от горной природы [...]

(15) *Či bude celý život hladovať? Nikdy nenájde ani chvíľku radosti a pokoja?* Будет ли он всю жизнь голодать? Неужели никогда не найдет он ни минуты радости и покоя?

(16) *Na vedľajšej posteli, rozprávala Verena, ležalo jednoduché dedinské dievča, ktoré vždy opakovalo, keď sa začali veľké pôrodné bolesti: "Preboha, tolko utrpenia za takú chvíľku radosti!"* На кровати рядом, рассказывала Верена, лежала простая девушка из деревни, которая, когда у нее начались сильные схватки, постоянно повторяла: «Господи, столько страданий за какой-то миг радости!»

В рамках расширенной генитивной конструкции вида S + Adj. Gen + S.Gen. для *chvílka*, в отличие от *chvíľa*, абсолютно не характерна семантика наполненности. Так, для *chvíľa* основным сочетанием с генитивом в постпозиции являются конструкции *chvíle plné* 'минуты, полные' + S.Gen., в то время как сочетания *chvíľa voľného času* 'минута свободного времени' нехарактерны для лексемы. В свою очередь *chvíľa voľného času* наряду с *chvílka trápneho* букв. 'минута мучительного' + S.Gen. будут основными для *chvílka* и низкочастотными для *chvíľa*.

(17) *Keď si nájdeme chvíľku voľného času — a máme ho veru málo, lebo popri povinnostiach korešpondentov máme aj oficiálne povinnosti — šéfredaktor tejto "malej" Pravdy, veselý Slovák, ktorý vydáva svoje noviny s dvoma spolupracovníkmi, zásobuje nás čerstvými správami.* Когда мы найдем минутку свободного времени — а у нас его действительно мало, поскольку помимо задач, которые мы решаем как корреспонденты, у нас есть и официальные обязанности — шеф-редактор этой «малой» «Правды», веселый словак, который издает свою газету вместе с двумя коллегами, засыпает нас свежими новостями.

(18) *"Tak sa pozriem na ten obraz," prehovorila po chvíľke trápneho mlčania, vstala a začala ho rozbaľovať.* «Я посмотрю на эту картину», — сказала она после минуты мучительного молчания, встала и стала ее распаковывать.

И с *chvíľa*, и с *chvíľka* будут характерны сочетания с причастием в генитиве, например *chvíle / chvíľky stravené* ‘минуты / минутки, проведенные’ (19–20). Кроме того, *chvíľa* также может употребляться в конструкциях *chvíle prežitie s + S.Inst.* ‘минуты, прожитые с’. С *chvíľka* такие конструкции не употребляются.

(19) *Radi by sme s novinkou oslovili všetkých, ktorí vyznávajú aktívny životný štýl, užívajú si chvíľky strávené so svojimi blízkymi a ocenia poctivé osvieženie kdekoľvek.* Мы с радостью предложим эту новинку всем, кто выбирает активный образ жизни и наслаждается **минутами, проведенными** вместе с близкими, и в состоянии оценить возможность основательно взбодриться, где бы он ни был.

(20) *Ďakujem pani Táni za príjemné chvíľky strávené pri čítaní jej nádherných knižiek.* Благодарю пани Танию за приятные **минуты, проведенные** за чтением ее великолепных книжек.

Адъективная сочетаемость у диминутива также несколько уже той, что наблюдается у *chvíľa*. Так, практически не представлена характеристика промежутка времени как уникального, неповторимого: сочетания вида *jedinečná chvíľka* ‘исключительная минута’, *mimoriadná chvíľka* ‘неповторимая минута’ в Корпусе не представлены. Наряду с этим для *chvíľka*, в отличие от *chvíľa*, совершенно не характерно обозначение отрезка времени как удачного, подходящего: очень распространенными являются сочетания *vhodná chvíľa* ‘удачная минута’ и практически не представлены в Корпусе конструкции *vhodná chvíľka*. Объединяет лексемы сочетаемость с адъективом *slabý, slabší*, ср. примеры, где *chvíľka* обозначает промежуток времени, который может и должен быть определенным образом использован, — в (21) речь идет о матче, а в (22) — о бытовой ситуации.

(21) *Zverenci hrájúceho trénera Stankoviča využili slabšiu chvíľku hostí v 9. min., kedy po chybe obrany rutínérsky vyrovnal Michal Mlynár.* Воспитанники играющего тренера Станковича воспользовались **временной уязвимостью** у гостей на 9-й минуте, когда, после того как оборона ошиблась, счет мастерски сравнял Михал Млинар.

(22) *Všetci mužiovia majú svoju slabú chvíľku a vtedy šikovná žena dosiahne u nich všetko, čo chce. У всех мужчин бывает минута слабости, и в этот момент сметливая женщина добьется от них всего, чего захочет.*

Далее ср. примеры, где *chvíľka* употребляется с адъективами, обозначающими минимальный по размеру признак *malý, krátky*,

минимальность отрезка времени противопоставляется значительно-сти события, происходящего в этот отрезок времени.

(23) *Sadla si na stolček vedľa toaletného stolíka a rozhliadla sa po veľkej miestnosti. Bola to izba v dome vojvodu, muža, za ktorého sa mala vydať, a ona len pred malou chvíľkou bozkávala niekoho iného.* Она присела на стул возле туалетного столика и окинула взглядом большой зал. Это была комната в доме герцога, мужчины, за которого она должна была выйти замуж, а она еще какую-то минуту назад целовала другого.

(24) *Bol opitý, o čom ma presvedčil aj závan, ktorý ma ovalil, keď sa ku mne priblížil. Bože, ako sa mohol za takú krátku chvíľku opiť?* Он был пьян, о чем свидетельствовал в том числе запах, который ударил мне в нос, когда он ко мне приблизился. Боже, как он мог за такой короткий период времени напиться?

Для обоих субстантивов характерны сочетания с адъективом *hodný*: при этом в большинстве случаев при *chvílka* стоят наречия-частицы *ešte* ‘еще’, *už* ‘уже’, *veru* ‘в самом деле’, которые выполняют усилительную функцию. Ниже мы приводим примеры только для *chvílka*, поскольку именно данная лексема является здесь объектом рассмотрения. Ср:

(25) *Ešte hodnú chvíľku plynú z jej úst utešujúce láskavé slová. Túli ma k sebe ako dieťa, hladká mi hlavu, čelo, mokré lica. Ani rodná matka by ma nemohla nežnejšie láskat'. Еще долгое время текут из ее уст утешающие ласковые слова. Она прижимает меня к себе как ребенка, гладит по голове, по лбу, по мокрым щекам. Родная мать не могла бы ласкать нежнее.*

(26) *Veruže hodnú chvíľku som ju musel na diaľku cez mobilný telefón prehovárať a povzbudzovať, aby sa nebála žaby v pitvore pochytať do ruky a vyložiť na dvor, že jej vôbec zuby neporátajú [...] ako jej o tom hovorievali rodičia a starí rodičia.* Мне в самом деле долго пришлось ее уговаривать издали по мобильному и убеждать, чтобы она не боялась брать в руки жаб в подвале и выносить их во двор, что они не пересчитают ей зубы [...], как ей говорили родители и бабушка с дедушкой.

В области глагольной сочетаемости для *chvílka*, в отличие от *chvíľa*, не свойственны сочетания с глаголами, обозначающими эмоциональное проживание ситуации: возможно *prežiť chvíľu*, но не *prežiť chvíľku* ‘пережить минуту’. Соответственно, более частотными сочетаниями с *chvílka* являются сочетания с глаголами ожидания *počkať*,

vyčkať ‘подождать, дожждаться’, а также с глаголом vydržať ‘выдержать’, объектную валентность которых они заполняют, ср.:

(27) *Za 800 Eur je v súčasnosti dostupná 64GB verzia iPadu. Na presné sumy si budete musieť ešte chvíľku počkať.* За 800 евро в настоящее время доступна 64-гигабайтовая версия айпада. Чтобы узнать точную сумму, мы должны будем еще какое-то время подождать.

(28) *“Vydrž chvíľku, Kate, chceš — ehm — chceš ti niečo prečítať... z novín. Len chvíľočku, kým to nájdem.” «Подожди немного, Кейт, я хочу — кхм — хочу кое-что тебе прочитать... из новостей. Минутку, я только найду».*

Распространенными сочетаниями с *chvíľka* также являются конструкции с глаголом обладания *mať* ‘иметь’ и с глаголом *nájsť* ‘найти’, при этом если сочетания *mať chvíľu* / *mať chvíľku* ‘найти минуту / иметь минуту’ равным образом возможны и частотны, то *nájsť chvíľu* ‘найти минуту’ для лексемы не характерно, в то время как сочетание *nájsť chvíľku* ‘найти минутку’ является для соответствующей лексемы одним из основных — см. примеры, где, как и выше, *chvíľka* употребляется в контексте повторяющегося действия:

(29) *Ak existuje nejaký skutočne medzinárodný sviatok, je to Deň matiek. [...] Každý z nás by si mal nájsť chvíľku, aby si na tú svoju matku spomenul.* Если существует какой-то по-настоящему международный праздник, то это День матери. [...] Каждый из нас должен найти минуту для того, чтобы вспомнить о своей матери.

(30) *Náš klub si mimoriadne cení prácu psychológa PhDr. Petra Honthyho, ktorý je vždy ochotný podať pomocnú ruku všetkým, ktorí to potrebujú. Vždy si nájde chvíľku, aby ľuďom pomohol a vytrhol ich z priepasti, do ktorej sa dostali nie vlastným pričinením.* Наш клуб особенно ценит работу психолога др. Петра Хонти, который всегда готов протянуть руку помощи тем, кто в ней нуждается. Он всегда найдет минуту, чтобы помочь людям и вытащить их из пропасти, в которой они оказались не по своей вине.

В случае, если лексема занимает синтаксическую позицию субъекта при глаголе, сочетания с глаголами изменения состояния будут являться более частотными для *chvíľa*, и низкочастотными — для *chvíľka*, т. е. *príde chvíľa*, *nastane chvíľa*, но не *príde chvíľka*, *nastane chvíľka*. Напротив, конструкции с глаголом *stačiť* ‘быть достаточным’

там, где речь идет о минимальном времени, достаточном для выполнения чего-либо, являются низкочастотными для *chvíľa* и распространенными — для *chvílka*, ср.:

(31) “*Stačí chvílka šialenstva, aby bol niekto zranený na celý život. Ako Yoko Ono. [...]*,” píše Weaver. «Достаточно минуты безумия, чтобы кого-то ранить на всю жизнь. Как Йоко Оно. [...]», — пишет Уивер.

(32) *Závidíte profesionálom vypracované tehličky a štihty driek? Robte to ako oni a rannú rozcvičku odcvičte na bosu. Ale pozor, stačí chvílka nepozornosti a spadnete.* Завидуете, что у профессионалов рельефные кубики и тонкая талия? Делайте как они, проводите утреннюю зарядку босиком. Однако осторожно, **один неверный шаг** — и вы упадете.

Далее для установления случаев контекстуальной синонимии либо квазисинонимии рассматриваемого диминутива с другими субстантивами кратковременности мы проанализируем случаи, когда *chvílka* употребляется в одном контексте с лексемой *chvíľa*, но также с *okamih*, которое обозначает минимальную единицу времени. Ср. определения соответствующих лексем в толковых словарях словацкого языка, где SSJ¹² трактует *chvíľa* как «достаточно короткий отрезок времени (без подробной конкретизации), а *okamih* введен через синонимический ряд *chvílka, moment*. В KSSJ¹³ *okamih* толкуется как очень короткий отрезок времени, момент, а *chvíľa* — как относительно короткий отрезок времени, миг. Фактическая частотность тех или иных конструкций в корпусе здесь будет играть вторичную функцию, здесь нас будут интересовать характер отношений, в которые будут вступать лексемы — прежде всего их одно- / разнореферентность (лексемы обозначают один и тот же отрезок времени либо разные), а также употребление с однотипными / разнотипными определениями / предикатами.

Chvílka vs chvíľa

Случаи совместной встречаемости *chvílka* и *chvíľa* можно разделить на несколько групп:

12 Slovník slovenského jazyka. [D.] 1: A–K / Red. Š. Peciar. 1 v. vyd. Bratislava, 1959; [D.] 2: L–O / red. Š. Peciar. 1 v. vyd. Bratislava, 1960.

13 Krátky slovník slovenského jazyka / Red. J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. 4 v. vyd. Bratislava, 2003.

1. Употребление *chvílka* vs *chvíľa* в условиях разнореферентности:

1а) *Chvílka* vs *chvíľa* употребляются в контексте повторяющегося действия. В следующих примерах *chvílka* и *chvíľa* в целом являются взаимозаменяемыми, однако *chvílka* обозначает промежуток времени меньший, нежели тот, который обозначается посредством *chvíľa*.

(33) *Ked' sa napil, začalo sa mu grgať a voda sa mu tlačila späť do hrdla. Chvíľu šiel, chvíľku sedel, ale veľmi sa mu nechcelo obzerať po zákazníkoch. Tak sa ponevierať až do poludnia.* Когда он напивался, у него начиналась отрыжка и вода шла обратно в горло. Он **то** ходил, **то** присаживался (**минуту** он шел, **минуту** сидел), однако ему не очень хотелось обращать внимание на клиентов. Так он слонялся до полудня.

(34) *Veci, ktoré skúma, často prekladá z pravej ruky do ľavej a naopak. Chvíľu nimi búcha o zem, chvíľu o vlastnú nožičku. Na chvíľku ich odhodí, a potom hra pokračuje odznova.* Вещи, которые он исследует, он переключивает из правой руки в левую и наоборот. **Он ударяет ими то о землю, то о собственную ногу. На минуту отбросит их, и потом игра продолжается снова.**

1б) Ситуация может и не предполагать повторяемость действий — см., например, контексты (35–36), когда оба существительных маркируют некоторые следующие друг за другом промежутки времени, однако *chvílka* предполагает именно быструю смену ситуаций (*už o chvíľku*). В (36) ср. также синтаксический параллелизм двух высказываний, где лексеме *chvílka* синонимичен другой темпоральный диминутив — *minútka*:

(35) *Pozrela na rodičov. “Povedzte mi všetko, čo viete o priebehu ochorenia. Kedy to začalo?” “Dnes popoludní,” zašepkal mlynár. V jednej chvíli naháňal sliedku a o chvíľku už nechcel zjesť kašu, ktorú mu žena navarila.* Она посмотрела на родителей: «Расскажите мне всё, что знаете о ходе заболевания. Когда это началось?» — «Сегодня после обеда», — прошептал мельник. Вот он гоняет кур, а через минуту уже не хочет есть кашу, которую ему сварилa жена.

(36) *Cítim, ako zaspávam, ale pokúšam sa s tým bojovať. V jednu chvíľu som hore a o chvíľku sa už hompáľam na trblietavých vlnách. V jednu chvíľu pri mne leží Gabriel, no o minútku neskôr sa ku mne túli Linden, tak ako to robieval v spánku.* Я чувствую, как засыпаю, но пытаюсь с этим бороться. **То я наверху, то через мгновение уже болтаюсь** на сверкающих волнах. **То рядом со мной Габриель, то уже ко мне льнет Линден,** как он это делал во сне.

1с) Аналогично *chvílka* и *chvíľa* употребляются не только с разными предикатами, но и с разными зависимыми именами в составе генитивных / атрибутивных конструкций. В (37) *chvíľa* обозначает отдых после обеда (т. е. более значимый и продолжительный), а *chvílka* — краткий отдых перед ужином. В (38) *chvílka* маркирует именно отрезок времени, который, по мнению говорящего, быстро забывается.

(37) *Nasledovalo dopoludňajšie lyžovanie, obed, chvíľa oddychu, popoludňajšie lyžovanie, chvílka oddychu, večera, stretutie a zhodnotenie dňa v spoločenskej miestnosti a osobné voľno až do večierky. Ďalšie dni prebiehali v podobnom duchu.* Последовало дообеденное катание на лыжах, обед, небольшой отдых, послеобеденное катание на лыжах, небольшой отдых, ужин, встреча и обсуждение прошедшего дня в общей зале, и потом у каждого свободное время вплоть до вечеринки. Остальные дни проходили в таком же духе.

(38) *Rád spomínam na každé obdobie. Každé má svoje krásne chvíle, aj svoje temné chvíľky, ale tie prejdú a všetko pozitívne a kladné nakoniec zostane v hlave.* Я люблю вспоминать про все периоды жизни. В каждом есть и прекрасные моменты, и печальные, но они пройдут, а всё положительное в конце концов останется в памяти.

2. Употребление *chvílka* vs *chvíľa* в условиях однореферентности, когда речь идет фактически об одном и том же промежутке времени; сюда относятся:

2а) Случаи, когда *chvílka* обозначает время предполагаемого ожидания, а *chvíľa* — время фактического, т. е. контексты вида *aspoň na chvíľku chcem X, a o chvíľu už som X* ‘хотя бы на минутку я хочу X, а через минуту я уже X’, ср.:

(39) *Povzdychla som si a upravila sa, aby sme sa tam mohli vrátiť. Aspoň na chvíľku. O chvíľu sme už boli na tanečnom parkete.* Я вздохнула и привела себя в порядок, чтобы мы смогли туда вернуться. Хоть на минутку. Через минуту мы уже были на танцплощадке.

(40) *Nechal ich chvíľku odpočinúť a o chvíľu sa kone pohli sami.* Он дал им немного отдохнуть, и через минуту кони уже тронулись сами.

2б) Обратная ситуация, когда сначала промежуток времени обозначается посредством *chvíľa*, а уже затем — посредством *chvílka*. Данный контекст употребления *chvíľa* предполагает такие предикаты, как *zostať* ‘остаться’, *postat’* ‘постоять’, *odmlčať*, ‘помолчать’, а *chvílka*, точно так же, как было указано в (35–36), предполагает быструю смену ситуаций:

(41) “*Sadni si Natália, musím ti to vysvetliť všetko úplne od začiatku. Je to smutné, ale čo už...*” *otec sa na chvíľu odmlčal. Po chvíľke však pokračoval.* «Сядь, Наталья, я хочу объяснить тебе всё с самого начала. Это грустно, но что уж теперь...» — отец **на минуту замолк**. Впрочем, **вскоре он продолжил**.

(42) *Tento rozhovor, ktorý sa odohral kúsok od nás, nami nejak zvláštne otriasol. Bolo to ako facka. Zbytočné, bolestivé, človeka to ani nepreberie, ani neosvieti, nič, len zacíti na chvíľu páľivé štipanie, ktoré o chvíľku zmizne a zase je všetko ako predtým.* Этот разговор, происходивший недалеко от нас, особенно нас потряс. Это было словно пощечина. Ненужная, болезненная, человека она ни приведет в чувство, ни сделает умнее, только **на минуту он почувствует жгучее покалывание**, которое **вскоре уже пропадет**, и всё опять будет как прежде.

2с) Сложные предложения, предполагающие неполную одновременность действия в главном и придаточном, т. е. высказывания вида *X robil Y vo chvíli, kedy Z na chvíľku urobil A* ‘X делал Y в ту минуту, когда Z на минуту сделал A’ (43), а также следование *X robil Y do chvíle, kedy Z na chvíľku urobil A* ‘X делал Y до той минуты, пока Z на минуту не сделал A’ (44):

(43) *Vo chvíli, keď Ján na chvíľku prestal, aby sa napil vína, dovolila si prerušiť jeho nadšený monológ. V tom momente, kedy Ján na chvíľku prerušil, aby vypil vína, ona dovolila sebe prervať jeho voодушевленный monológ.*

(44) *Dozvedeli sme sa, odkedy sa Kňazko s Havlom poznal, ako sa stal jeho poradcom, ako spolu vychádzali. Dalo sa to ako-tak znieť. Ale len do chvíle, než režia opäť na chvíľku prepla zo štúdia do Chrámu svätého Víta.* Мы узнали, как Княжко познакомился с Гавелом, как он стал его советником, как они действовали вместе. Это как-то можно было вытерпеть. Но только **до того момента**, как камера оператора опять **на минуту перенесла нас от учебы в храм святого Вита**.

2d) Случаи, когда *chvíľka* и *chvíľa* либо заполняют объектную валентность предиката, либо употребляются в составе предложно-падежной конструкции, причем *chvíľa* обозначает непосредственно промежуток, в который осуществляется действие, а *chvíľka*, заполняя объектную валентность, часто в составе генитивной конструкции, маркирует предполагаемое состояние, в котором будет находиться субъект восприятия. Ср. употребление лексем *chvíľka* и *chvíľa* с гла-

голом *zažiť* ‘пережить’ (45) или с предикатом, обозначающим процесс восприятия (46):

(45) *Vianoce trávim tradične so svojou matkou. Mám pocit, že všade vládne akýsi nepokoj, a málokedy som sa tak tešil na Vianoce ako teraz, aby som sa utiahol, aby som aspoň na chvíľu zažil chvíľku ozajstného pokoja.* Рождество я традиционно отмечаю вместе со своей мамой. У меня такое чувство, что везде царит какое-то беспокойство, редко когда я так был рад уединиться, чтобы хоть **ненадолго пережить минуты настоящего покоя**.

(46) *Claudio akoby cítil, že za jej odmietnutím sa skrýva aj niečo iné, oveľa závažnejšie. Po chvíli, keď Juliette vychutnávala chvíľku ticha, spýtal sa: “Máš tu veľa obdivovateľov, však?”* Клаудио словно чувствовал, что за ее отказом скрывается нечто иное, гораздо более существенное. **В следующую мгновение, пока Жюльет наслаждалась недолгой тишиной**, он спросил: «У тебя тут много поклонников, верно?»

2e) Многочисленными являются примеры, когда последовательность *chvíľa*, *chvíľka* употребляется с целью подчеркнуть, что промежуток времени не будет долгим, при этом при *chvíľka*, как правило, стоят ограничительные наречия *ešte*, *iba*, *len* ‘только’, ‘еще’ (47–48):

(47) *Potom sa znovu chopil vidličky. No po druhý raz, a potom po tretí a štvrtý, ho zastavili tie isté slová: “Počkaj ešte chvíľu, oci... ešte chvíľku.”* Потом он снова взялся за вилку. Но и во второй раз, и в третий, и в четвертый его останавливали всё те же самые слова: «**Подожди еще минуту**, папа... **еще минутку**».

(48) *Stačila iba chvíľa. Chvíľka nepozornosti zlodějovi stačí. Presvedčila sa o tom aj žena, ktorá si 11. apríla okolo 11. h nechala položenú kabelku na lavičke pri pokladniach v OD Tesco v Považskej Bystrici. **Достаточно было минуты. Достаточно ненадолго потерять бдительность, и этого хватит преступнику.*** В этом убедилась женщина, которая 11 апреля около 11 часов дня оставила лежать на лавочке сумку в ТЦ «Теско» возле кассы в Поважской Бистрице.

2f) Гораздо реже представлена обратная ситуация: предполагается, что события могут несколько затянуться (48), либо же имеется в виду, что события эти вовсе не столь незначительны, как может показаться сначала, и употребление *chvíľa* тем самым повышает «градус патетики» (50):

(49) “Zastavím vás,” vyhlásila, presvedčená, že vraví pravdu. Jeho dlhé prsty jej zatiaľ rozmotávali uzol pri krku a rozopínali župan. Jemne ju uhryzol do ušného lalôčika. **O chvíľku, pomyslela si, o chvíľu ho zastavím, ale nie hneď...** «Я остановлю вас», — заявила она в полной уверенности, что говорит правду. Его длинные пальцы меж тем развязали узел на ее шее и расстегивали халат. Он нежно укусил ее за мочку уха. **Через минуту,** подумала она, **через минуту я остановлю его, но не сейчас.**

(50) *Snažíme sa stále spojiť s poslancom strany Maďarskej koalície, Gáborom Gálom, žiaľ to spojenie sa nám prerušilo. V tejto chvíľky, chvíli, prepáčte, už by mal byť opäť pán Gál na linke, nech sa páči, pán Gál, počujete sa?* Мы постоянно стараемся выйти на связь с депутатом партии Венгерской коалиции, Габором Галом, к сожалению, связь прервалась. **В эту минуту, простите, в этот момент** господин Гал опять должен появиться на связи, пожалуйста, господин Гал, вы нас слышите?

2g) Промежуток, называемый *chvíľka*, может входить в промежуток, называемый *chvíľa*, но не равняется ему, речь тем самым идет о неполной одновременности действий (51–53):

(51) *Hľadajú spasenie, tú chvíľku uprostred dvoch iných chvíľ, čo všetko zmení, tú chvíľku, ktorá je ako Kristus medzi dvoma lotrami.* Они ищут спасение, **этот миг между двух минут,** который всё изменит, **миг,** который словно Христос между двумя разбойниками.

(52) *Potom, v tej chvíli iba chvíľku budem hneď vedľa, aby som videl. Aby som videl, ako to je, čo bude a čo sa stane...* Потом **в следующий момент я ненадолго останусь с вами,** чтобы видеть. Чтобы видеть, как есть, что будет и что выйдет.

(53) *Bojovalo sa o každú loptu. Juventáci si vybrali slabšiu chvíľku v tej najhoršej chvíli.* Борьба шла за каждый мяч. Футболисты Ювентуса нашли **слабое место в самый опасный момент.**

2h) Наконец, значительная группа примеров связана с полной одновременностью *chvíľka* и *chvíľa*, когда один и тот же промежуток времени характеризуется по-разному — в данном случае можно предположить, что разные субстантивы употребляются в первую очередь для того, чтобы избежать тавтологии, однако заметим, что *chvíľka* здесь, как правило, обозначает конкретную ситуацию, в то время как при *chvíľa* всегда стоят зависимые слова, говорящий описывает свои ощущения в данный промежуток времени. Ср. в (54) некто сперва появляется (*chvíľka*), затем его появление оправдывает ожидания субъекта

екта (*chvíľa*), а в (55) сперва промежуток времени вводится (*chvílka*), а затем говорится о чувствах, которые испытывает в это время субъект восприятия (*chvíľa*).

(54) *Ženy na neho čakajú, tá krásna chvílka jeho zjavenia sa je im chvíľou sviatočnou.* Женщины его ждут, чудесный **момент, когда он появляется, становится для них праздничной минутой.**

(55) *Sedím na posteli, alebo pozerám von oknom. Chvílka ranného ticha. Chvíľa, v ktorej si uvedomujem, že som tu a teraz. Že s nekonečnou pravidelnosťou vychádza slnko a začína ďalší deň.* Я сижу на кровати или смотрю в окно. **Минута утренней тишины. Минута, в которую я осознаю,** что живу здесь и сейчас. Что с бесконечной регулярностью выходит солнце и начинается новый день.

Chvílka vs okamih

При одновременном употреблении *chvílka* и *okamih* выделяются:

1a) Употребление *chvílka* и *okamih* в ситуации однореферентности в ряду однородных членов, когда при *okamih* стоят модификаторы *krátky* ‘короткий’, *len, iba* ‘только, лишь’, ср. примеры (56–57):

(56) *Zjavila sa na mieste, ktoré obidvaja pokladali za najmenej pravdepodobné. Zjavne nevedel, čo povedať, a pozvať ju dnu sa mu nezдало prístupné. Ukazovákikom jej naznačil, aby chvíľku, **krátky okamih, počkala.*** Она появилась в месте, которое оба считали наименее правдоподобным. Он явно не знал, что сказать, а позвать ее внутрь казалось ему некорректным. Он сделал жест указательным пальцем, чтобы та **подождала минуту, всего миг.**

(57) *Varila som obed a zrazu som počula, že niekto rozpráva o mori, krásnej krajine, ostrovoch v mori, prírode, plážach a vtedy, **možno to bol len okamih chvílka bola som tam.*** Я готовила обед и вдруг услышала, как кто-то рассказывает о море, о прекрасной стране, о природе, о пляжах, и тогда, **возможно, это было всего мгновение, миг,** я была там.

1b) Употребление лексем при однореферентности, когда *chvílka* обозначает время статического положения субъекта, а *okamih* — время изменения ситуации. Ср. пример (58), где сначала адресата просят подождать (*chvílka*), а затем дополнительно забыть про Y (*okamih*), т. е. на время изменить свое отношение к Y, в (59) *chvílka* употреблена при глаголе *odmlčať* ‘промолчать, сделать паузу’, а *okamih* — при глаголе

pokračovať ‘продолжить’, обозначающем продолжение действия или изменение состояния:

(58) “*Zaplietol sa Sam do politiky?*” “**Поčkajte chvíľku. Na okamih na Hassúna zabudnite, možno ani nie je dôležitý — zatiaľ!**” “*Pre mňa je dôležitý hlavne Sam,*” *presviedčal ho Scott.* «Сэм ввязался в политику?» — «**Подождите минуту. На миг забудьте про Гассуна**, возможно, он вообще не играет роли — пока что». — «Для меня играет роль в основном Сэм», — убеждал его Скотт.

(59) “*Neskáč mi, prosím do reči!*” *pozrela mu uprene do očí. Na chvíľku sa odmlčala, ale o okamih pokračovala ďalej.* «Пожалуйста, не перебивай меня!» — она посмотрела ему прямо в глаза. **На минуту она смолкла, но спустя мгновение продолжила.**

1с) *Okamih* употребляется метафорически и обозначает промежуток времени, который квалифицирует ситуацию в целом, положение дел, в то время как *chvíľka* — ее непосредственную длительность, — сюда относятся контексты вида *okamih, kedy na chvíľku bolo X* ‘миг, когда на минуту было X’ — примеры (60–61):

(60) *Ak manažér dokáže v týchto okamihoch aspoň na chvíľku zabudnúť na seba a začne počúvať, získa od svojich ľudí veľkú podporu a rovnako aj zvýšenie pracovného výkonu.* Если менеджер **в такие моменты сможет хотя бы на миг** забыть про себя и начнет слушать, он обретет поддержку своих клиентов и тем самым повысит свою производительность.

(61) *Cestou prešli iba popri jednej malej dedinke, okolo pár hlinených chalúp, a to bol jediný okamih, keď tu na chvíľku prišlo smutno za domovom.* По дороге они прошли через одну небольшую деревню, несколько глиняных хижин, и это был единственный **миг, когда мне на минуту стало** жалко дома.

1d) Следующим вариантом для *chvíľka* и *okamih* является их употребление в синонимическом ряду, когда их перечисление, часто с ограничительными адвербами, выполняет усилительную функцию:

(62) *V твоjich poviedkach sa ustavične niečo mihá, jedna maličká udalosť podmieňuje inú, možno dôležitejšiu, časové úseky: okamihy, chvíľky, sú hmatateľnými úlomkami “väčšieho” času. Vo mne pri ich čítaní vznikol taký dojem, akoby som sa pozerala do kaleidoskopu.* В твоих сказках постоянно что-то мелькает, одно мелкое событие становится причиной другого,

возможно более важного, *отрезки времени: минуты, миги* — являются осязаемыми осколками «большого» времени.

(63) *Platíme, — zdvihla ruku Klára. A nechala ju vo vzduchu. Pravdaže to bol iba okamih; azda niekoľko sekúnd, chvílka, ktorú inokedy ani neznamenaš...* «Мы платим», — подняла руку Клара. И рука так и осталась в воздухе. Хотя это был *лишь миг; всего несколько секунд, минута*, которую иногда даже не заметишь...

2а) Многочисленную группу случаев составляет употребление *chvílka* и *okamih* в ситуации разнореферентности, когда они разделены союзами *a / alebo*. Часто субстантивы здесь являются полными синонимами и употребляются скорее для того, чтобы избежать тавтологии (64), однако в ряде случаев возможно говорить о том, что *chvílka* обозначает промежуток времени, когда говорящий воспринимает ситуацию непосредственно, в то время как *okamih* употребляется, если говорящий описывает свои мысли / чувства в данный промежуток времени; ср. также употребление *chvílka* vs *okamih* в контексте повторяющегося действия с адъективом *každý* (65):

(64) *Nachádzaš si čas, kedy sa stíšiš a necháš Ježiša, aby svojou prítomnosťou naplnil tvoje srdce? Môže to byť chvílka pri svätej omši alebo okamih ticha, kedy si môžeš oddýchnuť v Pánovom milujúcom objatí.* Ты находишь время, когда всё в тебе смолкает, и ты позволяешь Иисусу своим присутствием наполнить твоё сердце? Это может быть *минута во время священной мессы или мгновение тишины*, когда ты можешь отдохнуть в объятиях любящего Господа.

(65) *Každá z týchto postáv je vždy žena - žena bez veku. Je ako večný princíp, vyjadrený hľadáním samej seba. V každej chvílke, v každom okamihu sa deje malá tragédia.* Каждая из этих действующих лиц всегда женщина — женщина без возраста. Это своего рода вечный принцип, выражаемый в поиске самой себя. *В каждой минуте, в каждом мгновении* кроется маленькая трагедия.

Мы видим, что *chvílka*, с одной стороны, наследует от производящей лексемы часть «диминутивных функций», с другой стороны, в отличие от русского языка, словацкие темпоральные диминутивы не приобретают экспрессивных функций. Это, в свою очередь, позволяет лексемам *chvíla* и *chvílka* функционировать в рамках одного высказывания в случае, если ситуация предполагает указание на два коротких отрезка времени, которым говорящий приписывает различ-

ную длительность. При этом, хотя лексема *chvilka* сходна по значению с *okamih*, который точно так же обозначает сугубо короткий отрезок времени, она несинонимична ему относительно внутреннего / внешнего ракурса осмысления ситуации. Корреляция *chvilka* прежде всего с субстантивами кратковременности соседствующих языков (чешского, венгерского, немецкого), как представляется, составляет общую перспективу исследования семантики данного слова.

Источники и литература

Ващенко Д. Ю. Словацкие субстантивы со значением кратковременности в составе генитивной конструкции: к специфике сочетаемости // *Slověne*. 2018. № 2. С. 321–342.

Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. М.: Издательство РГГУ, 2010. [Вып.] 9 (16). С. 137–143.

Кузьменкова В. А. Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания // *Язык. Сознание. Коммуникация*. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 38–44.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.

Резанова З. И. Субъективные образы времени в славянских языках: диминутивные модели // *Сибирский филологический журнал*. Новосибирск, 2017. № 3. С. 161–173.

Фуфаева И. В. Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке // *Вестник Нижегородского университета им. Н. Н. Лобачевского*. Нижний Новгород, 2016. № 3. С. 257–266.

Шмелева Т. В. Диминутив и семантика существительного: лексика времени // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. М., 2018. № 1. С. 50–55.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.

Krátky slovník slovenského jazyka / Red. J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. 4 výd. Bratislava: Veda, 2003. 985 s.

Slovník slovenského jazyka. [D.] 1: A–K / Red. Š. Peciar. 1 výd. Bratislava: Veda, 1959. 815 s.; [D.] 2: L–O / Red. Š. Peciar. 1 výd. Bratislava: Veda, 1960. 648 s.

Šimková M. Frekvencia slov a tvarov v súčasnej slovenčine // *Slovenská reč*. Bratislava, 2011. Roč. 76. Č. 5–6. S. 322–333.

References

Fufaeva, I. V. "Ėkspansiia ěkspressivnykh diminutivov v russkom iazyke." *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. N. Lobachevskogo*, no. 3, Nizhniĭ Novgorod, 2016, p. 257–266.

Krátky slovník slovenského jazyka, red. J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. 4 vĕd., Bratislava: Veda, 2003, 985 s.

Kuzmenkova, V. A. "Diminutiv kak sredstvo vyrazheniia implitsitnykh smyslov vyskazyvaniia." *Iazyk. Soznanie. Kommunikatsiia*, Moscow: MAKS Press, 2007, p. 38–44.

Rakhilina, E. V. *Kognitivnyĭ analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'*. Moscow: Russkie slovari, 2000, 416 p.

Rezanova, Z. I. "Sub'ektivnye obrazy vremeni v slavianskikh iazykakh: diminutivnye modeli." *Sibirskĭĭ filologicheskĭĭ zhurnal*, no. 3, Novosibirsk, 2017, p. 161–173.

Shmeleva, T. V. "Diminutiv i semantika sushchestvitel'nogo: leksika vremeni." *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaia filologiya*, no. 1, Moscow, 2018, p. 50–55.

Slovník slovenského jazyka, [d.] 1: A–K, red. Š. Peciar. 1 vĕd., Bratislava: Veda, 1959, 815 s.; [d.] 2: L–O, red. Š. Peciar. 1 vĕd., Bratislava: Veda, 1960, 648 s.

Šimková, M. "Frekvencia slov a tvarov v súčasnej slovenčine." *Slovenská reč*, roč. 76, č. 5–6, Bratislava, 2011, s. 322–333.

Vashchenko, D. Yu. "Slovatskie substantivy so znacheniem kratkovremennosti v sostave genitivnoĭ konstruktсии: k spetsifike sochetaemosti." *Slovĕne*, no. 2, Moscow, 2018, p. 321–342.

Yakovleva, E. S. *Fragmenty russkoĭ iazykovoĭ kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriiatiia)*. Moscow: Gnozis, 1994, 343 s.

Zakharov, V. P., Khokhlova, M. V. "Analiz ěffektivnosti statisticheskikh metodov vyivleniia kollokatsĭĭ v tekstakh na russkom iazyke." *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, vyp. 9 (16), Moscow: Izdatel'stvo RGGU [Russian State University for the Humanities Press], 2010, p. 137–143.

Darya Yu. Vashchenko

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Slovak temporal diminutive *chvil'ka*: on the specifics of lexical meaning

In the article on the material of the Slovak national corpus examines the semantics of Slovak lexemes diminutive *chvil'ka*. The specificity of lexemes is that the value of small time interval, there is imposed the

value of diminutively. In the first part of the article discusses possible limitations on compatibility for *chvílka* in genitive designs, in designs with an agreed definition, but also in constructions with verbs, where the corresponding token is the position of subject or direct object. In the second part of the article for a clearer explication of the meanings of the lexemes investigated are cases when *chvílka* used within a single utterance, together with other temporal lexemes of the brevity, it reveals the basic structure, where contextual synonymy or quasisynonymy *chvílka* and *chvíľa* / *chvílka* and *okamih*. It is shown that in the Slovak language, modifying the value *chvíľa* does not result from a derivative word expressive functions

Keywords: *Slovak language, temporal vocabulary, diminutives, compatibility, expressivity.*

УДК 801.3:882

ББК 81.2-3:83.3(2Рос=Рус)1 Воронежский государственный университет
(Воронеж, Россия)

С. А. Скуридина

**К вопросу об автобиографизме антропонимов
в художественных текстах Ф. М. Достоевского**

В статье рассматриваются антропонимы в произведениях Ф. М. Достоевского с точки зрения отражения в них фактов его биографии. Особенностью творческой лаборатории писателя является переосмысление биографических событий, которые в художественном тексте приобретают значение ключевых. При подходе, заключающемся в рассмотрении автобиографии как отправной точки, проникновение в ономастическую лабораторию писателя становится для исследователя более продуктивным. Имя собственное, введенное в художественный текст, может быть рассмотрено как результат внутреннего стимула писателя, возникшего вследствие переживания какого-либо микрофакта, отсутствие которого могло стать причиной создания другого имени, а следовательно, и героя. Каждое собственное имя в художественных текстах Ф. М. Достоевского, взятое изолированно, отличается от того же имени, встроенного в концептуальное единство творческого и жизненного пути писателя, в связи с чем выявление потенциала ономастики Ф. М. Достоевского невозможно без обращения к его окружению, без изучения документальных источников — дневников, заметок, черновиков, переписки, воспоминаний, принадлежащих не только ему самому, но и его современникам. В числе ономастических приемов Ф. М. Достоевского — использование по-разному переосмысленных, преобразованных, а иногда оставленных без изменения автобиографичных имен собственных.

Ключевые слова: *антропоним, протоним, прототип, биография, автобиография, автобиографизм, Ф. М. Достоевский.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.5.01

Автобиографизм — это воспроизведение в художественных текстах собственного жизненного опыта писателя, реальных фактов его биографии или биографии знакомых писателю людей, т. е. за понятием *автобиографизм* скрывается проблема взаимосвязи художественной и внехудожественной реальности.

Как указывает Р. Якобсон, «нельзя, естественно, впасть ни в вульгарный биографизм, рассматривающий литературное произведение как воспроизведение ситуации, из которой оно возникло, и выводящий из текста произведения то или иное событие, ни в вульгарный автобиографизм, догматически отрицающий любую связь между литературным произведением и жизненной ситуацией»¹.

И. Голубович, обращаясь к работам П. М. Бицилли о феномене биографии, говорит о «новом биографизме», который «фиксирует переориентацию внимания с «внешней биографии» на биографию внутреннюю», т. е. стремление «видеть именно внутреннюю историю духовной жизни, «внутреннюю плоть смысла» «в биографических и автобиографических актах», которые можно назвать «автобиографической памятью»².

В данном случае интересна работа Т. А. Касаткиной относительно вопроса, что считать событием биографии. С одной стороны, по мнению исследователя, необходимо рассматривать события творчества как события жизни, с другой — «проживаемая жизнь, события этой жизни, иногда совершенно меняют ракурс восприятия прежде заявленной художником темы»³. Подобный подход позволяет рассматривать биографию и творчество как «единый жизненный текст, сплетенный из событий самых разных уровней»⁴. Понимание биографии как единого жизненного текста предусматривает отношение даже к самому мелкому факту биографии как к такому, без которого жизненный текст мог быть написан по-другому. На наш взгляд, осознание данного тезиса делает возможным представление ономастической системы Ф. М. Достоевского как явления, глубоко автобиографичного и не сводимого только к проблеме поиска прототипов: любое имя собственное, введенное в художественный текст, может быть рассмотрено как результат внутреннего стимула, возникшего вследствие переживания какого-либо микрофакта.

¹ Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 146.

² Голубович И. П. М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.-сост. Ю. П. Зарецкий, В. П. Лихачев, А. Ю. Зарецкая. М., 2013. С. 66.

³ Касаткина Т. А. Что считать событием биографии? // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 46.

⁴ Там же. С. 48.

Тем не менее, большое количество работ исследователей посвящено выявлению прототипов разных героев Ф. М. Достоевского и проблеме соответствия / несоответствия прототипа и персонажа, хотя, по верному наблюдению Л. П. Гроссмана, «в своей творческой работе Достоевский никогда не стеснял себя данными действительности и подлинными признаками прототипа: ему нужна была не определенная конкретная фигура во всех ее особенностях, а лишь ее художественная выразительность»⁵. «Художественная выразительность» могла заключаться в имени реального лица, что позволяет говорить о протониме персонажа, а не о его прототипе. По мнению Г. Ф. Ковалева, основателя Воронежской ономастической школы, в рамках которой выполнена данная работа, «любое художественное творчество можно рассматривать с позиций автобиографических включений. Биография писателя, несомненно, накладывает отпечаток на все его творчество, что и составляет суть автобиографизма писательской ономастики»⁶.

Тексты Ф. М. Достоевского, по верному замечанию М. В. Загидуллиной, демонстрируют особый автобиографизм, который можно представить как «“растворенность” автобиографической основы в вымышленном плане текста», когда «мелкие бытовые подробности “распылены” в текстах, включены в зоны самых разных героев, нередко отнюдь не близких автору»⁷. Думается, что любое имя собственное в художественном тексте Ф. М. Достоевского, взятое изолированно, отличается от того же имени, встроенного в концептуальное единство творческого и жизненного пути писателя.

Несомненно, что выявление основных ономастических приемов творческой лаборатории Ф. М. Достоевского невозможно без обращения к его окружению, без изучения документальных источников — дневников, заметок, черновиков, воспоминаний, принадлежащих не только ему самому, но и его современникам. Достоверным источником ономастических сведений является также переписка автора. В настоящей работе представлена одна из особенностей творческого метода Ф. М. Достоевского, а именно автобиографизм. Обращение к

⁵ Гроссман Л. П. Достоевский-художник // Творчество Достоевского. М., 1959. С. 363.

⁶ Ковалёв Г. Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, 2014. С. 10.

⁷ Загидуллина М. В. Автобиографизм. URL: <https://www.fedorostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/003/> Дата последнего обращения: 11.05.2019.

биографии писателя, на наш взгляд, является первым этапом исследования литературной ономастики, предваряющим, но не отменяющим анализ внутренней формы онима, его ассоциативных связей⁸.

В письме Ф. М. Достоевского А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г., содержащем наброски «Жития великого грешника», прослеживается понимание писателем антропонима не только как средства индивидуализации, но и как лаконичного и мощного средства типизации: «...хочу выставить во 2-ой повести главной фигурой Тихона Задонского; конечно, под другим именем, но тоже архиерей, будет проживать в монастыре на спокойе. 13-летний мальчик, участвовавший в совершении уголовного преступления, развитый и развращенный (я этот тип знаю), будущий герой всего романа, посажен в монастырь родителями. [...] Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем). [...] К Чаадаеву могут приехать в гости и другие: Белинский напри<ер>, Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в роман беру этот тип.) В монастыре есть и Павел Прусский, есть и Голубов, и инок Парфений»⁹. Художественный образ не может быть равен образу прототипа, поскольку прототип переосмысливается в творческом сознании автора и, как следствие, преобразуется.

К числу аргументов данного утверждения можно отнести фамилию губернатора и его жены *Лембке* в романе «Бесы», прототипами которых «стали тверской губернатор П. Т. Баранов и его жена. Русская фамилия заменена писателем на иностранную с сохранением семантического значения», а «бараньи глаза» и «бараний взгляд» оставлены¹⁰.

Интересный прием Ф. М. Достоевского — использование ассоциаций, вызываемых фамилией прототипа, для создания портрета персонажа: при описании Шигалева в романе «Бесы» часто используются

8 О других особенностях ономастической лаборатории Ф. М. Достоевского см.: Скуридина С. А. Мать-сыра земля как мифопоэтическая константа творчества Достоевского // Вестник славянских культур. 2016. Т. 42. № 4. С. 143–150; Скуридина С. А. В ономастической лаборатории Ф. М. Достоевского // Русская речь. 2017. № 6. С. 81–85; Скуридина С. А. Небо как мифопоэтическая константа творчества Ф. М. Достоевского: ономастический аспект // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. № 4. С. 177–184; Скуридина С. А. Имя в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // Гуманитарно-педагогическое образование. 2018. Т. 4. № 3. С. 65–70 и др.

9 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30-ти т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 118.

10 Подробнее см: Альтман М. С. По вехам имен. Саратов, 1976. С. 79.

эпитеты *вислоухий, длинноухий*, что связано с фамилией прототипа, которым стал В. А. Зайцев.

Введение имени *Фома* в повесть «Село Степанчиково и его обитатели», возможно, детерминировано совпадением первой буквы в имени писателя и в имени его персонажа Опискина — *Ө*. Вероятно, отношения Опискина и Ростанева в повести «Село Степанчиково и его обитатели» коррелируют с отношениями Ф. М. Достоевского и барона А. Е. Врангеля, а соответственно, Опискин может рассматриваться как автопародия¹¹. Подобное предположение высказывалось ранее Н. К. Михайловским: «...если я сопоставлю Достоевского с его же созданием, Фомой Опискиным, то, конечно, очень хорошо понимаю, что первый умен и талантлив, а второй глуп и бездарен»¹².

Фамилия *Девушкин* в романе «Бедные люди» может быть обусловлена особой «девической» манерой письма героя, восходящей к переписке писателя с матерью. В одном из писем Макар Девушкин употребляет лексему *девический*: «У бедного человека... тот же самый стыд, что у вас, примером сказать, девический»¹³.

Антропонимы повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон» системно организуются вымышленным топонимом *Мордасов*, мотивированным сниженной лексемой *мордасы* — мн. число от «морда, рыло, рожа, сысалы»¹⁴. Автобиографическим импульсом к созданию топонима *Мордасов* могло стать услышанное в детстве название реальной реки *Мардас*, протекавшей в Костромской губернии, а «Достоевский мог с матерью гостить в “Мардасовской стороне”»¹⁵, в имении своей крестной П. Т. Козловской, муж которой, по мнению В. Н. Бочкова, стал прототипом князя К.¹⁶, чем и обусловлен выбор начальной буквы фамилии персонажа.

11 *Алекин В.* Об одном из прототипов Фомы Опискина. URL: Дата последнего обращения: 20.11.2019.

12 *Михайловский Н. К.* Жестокий талант. URL: Дата последнего обращения: 12.02.2019.

13 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972. Т. 1. С. 69.

14 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 346.

15 *Сафронова Е. Ю.* К вопросу о городе Мордасове: А. Н. Гернгросс и Ф. М. Достоевский (архивные разыскания) // *Культура и текст.* 2018 (32). № 1. С. 122.

16 Подробнее см: *Бочков В. Н.* «Князь К.» и его родня // *Бочков В. Н.* «Скажи: которая Татьяна?»: Образы и прототипы в русской литературе. М., 1990. С. 249–261.

В повести «Дядюшкин сон» фигурирует доктор Каллист Станиславович, являющийся одним из многочисленных образов малосведущих врачей, таких как, например, Крестьян Иванович Рутеншиц в повести «Двойник». Фамилия доктора не называется Ф. М. Достоевским, что свидетельствует о его узнаваемости в городе Мордасове. Интересно происхождение отчества *Станиславович*. В Барнауле, где неоднократно бывал писатель, практиковал доктор Иван Антипович Преображенский, награжденный орденом Святого Станислава 3 степени за полгода до припадка Ф. М. Достоевского (вероятно, именно он и диагностировал эпилепсию у писателя)¹⁷.

В доме своей тетки А. Ф. Куманиной, будучи еще ребенком, Ф. М. Достоевский мог слышать фамилию управляющего московской конторы Государственного Коммерческого банка Е. Г. Рогожина и имя-отчество его жены Настасьи Филипповны. Так реальные онимы, переосмысленные писателем, вошли в роман «Идиот», где получили символическое значение. «Родная тетка писателя стала в романе матерью Парфена Рогожина. Основой сюжета романа послужила история личной жизни племянника Алексея Куманина — Константина Константиновича»¹⁸. Фамилии *Долгорукий*, *Сокольский*, *Прытков*, встречающиеся в романе «Подросток», могли быть заимствованы Ф. М. Достоевским «из прихода церкви, в котором стоял дом дяди А. А. Куманина. Сама Прыткова и старый князь Сокольский напоминают тетку и дядю Достоевского»¹⁹.

Фамилию *Мармеладов* стоит рассматривать как отражение пристрастий самого Ф. М. Достоевского: великий писатель был сладкоежкой, о чем сохранились воспоминания как жены, так и его современников, например, Вс. Соловьева: «“Постойте, голубчик!” — часто говорил он, останавливаясь среди разговора. Он подходил к своему маленькому шкафику, отворял его и вынимал различные сласти: жезтынку с королевским черносливом, свежую пастилу, изюм, виноград. Он ставил все это на стол и усиленно приглашал хорошенько занять-

17 Сафронова Е. Ю. Архивные разыскания о барнаульском докторе Ф. М. Достоевского // Культура и текст. 2017 (30). № 3. С. 135.

18 Сукина Л. Б. Писатель Достоевский и купцы Куманины // Коммунар. 1990. 1 декабря. С. 3.

19 Федоров Г. А. Из разысканий о московской родне Достоевского (К генезису рассказа «Маленький герой») // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 70.

ся этими вещами. Он был большой лакомка...»²⁰. В воспоминаниях А. Е. Врангеля рассказывается о том, что они «оба съ Достоевскимъ были и до фруктовъ, а Ѳ. М. и вообще до всякаго лакомства» любители. [...] Одно изъ любимыхъ лакомствъ Ѳ. М. и мое были кедровые орѣхи съ медомъ»²¹. Находясь в Старой Руссе, Ф. М. Достоевский всегда заходил в лавку купца Плотникова, упоминаемую в романе «Братья Карамазовы», и «покупал только что привезенное из Петербурга (закуски, гостинцы)»²². В настоящее время на этом же месте в Старой Руссе, как и во времена Ф. М. Достоевского, располагается кондитерский магазин.

Находясь в ссылке, Ф. М. Достоевский вел дневник, изданный впоследствии как «Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь)», где под номером 428 сделана запись: «Да он у нас [когда] белый не ходит, а все такой черномазый»²³. Слово, услышанное писателем задолго до возникновения замысла романа «Братья Карамазовы», было переосмыслено Ф. М. Достоевским и преобразовано в основу для фамилии *Карамазов*, семантика которой раскрывается в сцене знакомства Арины Петровны Снегиревой и Алеши Карамазова: «“Здравствуйте, садитесь, господин Черномазов”, — проговорила она. — “Карамазов, маменька, Карамазов...” — “Ну, Карамазов или как там, а я всегда Черномазов”»²⁴. П. М. Бицилли предлагает рассматривать происхождение фамилии *Карамазов* поэтапно, обозначая в качестве автобиографического стимула фамилию *Каракозов*: «Каракозов — Карамзин — Кармазинов — Карамазов»²⁵.

Фамилия *Ставрогин*, вероятно, возникла в сознании Ф. М. Достоевского в результате трансформации фамилии *Ставровские*, принадлежавшей родственникам писателя. Ф. М. Достоевский негативно отзывался о Ставровских в связи с тяжбой из-за наследства А. Ф. Ку-

20 Соловьев В. С. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 2. С. 208.

21 Подробнее см.: Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг. СПб., 1912. С. 49–50.

22 Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1987. С. 295.

23 Достоевский Ф. М. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь). Красноярск, 1985. С. 31.

24 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1978. Т. 14. С. 184.

25 Бицилли П. М. Происхождение имени Карамазовых // Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 634.

маниной: «...Ставровские — все это одного корня народ, мошенники, надувалы и валеты»²⁶.

Ряд автобиографичных антропонимов в творчестве Ф. М. Достоевского можно продолжать, отнеся к их числу фамилии *Верховцева*, *Бумштейн*, *Самсонов*, *Павлищев*, *Ракитин* и многие другие. Биография писателя, воспринимаемая как единый жизненный текст, предполагает важность любого жизненного эпизода, отсутствие которого могло быть причиной продуцирования совсем иного жизненного текста. При подходе, заключающемся в рассмотрении автобиографического события как отправной точки, проникновение в творческую лабораторию писателя становится более результативным. В арсенале ономастических приемов Ф. М. Достоевского — использование по-разному переосмысленных, преобразованных, а иногда оставленных без изменения автобиографичных имен собственных. При этом реальные антропонимы чаще всего переносятся в текст без сохранения каких-либо особенностей прототипов. Ф. М. Достоевский не стремится к тому, чтобы персонаж был узан читателем по фамилии: его герой, даже получив известную фамилию, например Долгорукий, живет своей жизнью.

Источники и литература

Алекин В. Об одном из прототипов Фомы Опискина. URL: <http://aljokin-1957.narod.ru/business1.html/> (дата последнего обращения: 20.11.2019).

Альтман М. С. По вехам имен. Саратов, 1976. 280 с.

Бицилли П. М. Происхождение имени Карамазовых // Избранные труды по филологии. М., 1996. 710 с.

Бочков В. Н. «Князь К.» и его родня // Бочков В. Н. «Скажи: которая Татьяна?»: Образы и прототипы в русской литературе. М.: Современник, 1990. С. 249–261.

Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг. СПб., 1912. 221 с.

Голубович И. П. М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.-сост. Зарецкий Ю. П., Ли-

²⁶ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 120.

хачев В. П., Зарецкая А. Ю.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2013. 253 с.

Гроссман Л. П. Достоевский-художник // Творчество Достоевского. М., 1959. С. 330–417.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М.: Терра, 1995. 784 с.

Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1987. 544 с.

Достоевский Ф. М. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь). Красноярск, 1985. 112 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1978. Т. 14. 511 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1986. Т. 29. Кн. 1. 573 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1988. Т. 30. Кн. 1. 455 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1972. Т. 1. 519 с.

Загидуллина М. В. Автобиографизм. URL: <https://www.fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/003/> (дата последнего обращения: 20.11.2019).

Касаткина Т. А. Что считать событием биографии? // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 44–78.

Ковалёв Г. Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Изд.-полигр. центр «Новая книга», 2014. С. 3–27.

Михайловский Н. К. Жестокий талант. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0042.shtml/ (дата последнего обращения: 12.02.2019).

Сафронова Е. Ю. Архивные разыскания о барнаульском докторе Ф. М. Достоевского // Культура и текст. 2017 (30). № 3. С. 125–138.

Сафронова Е. Ю. К вопросу о городе Мордасове: А. Н. Гернгросс и Ф. М. Достоевский (архивные разыскания) // Культура и текст. 2018 (32). № 1. С. 118–143.

Скуридина С. А. Мать-сыра земля как мифопоэтическая константа творчества Достоевского // Вестник славянских культур. 2016. Т. 42. № 4. С. 143–150.

Скуридина С. А. В ономастической лаборатории Ф. М. Достоевского // Русская речь. 2017. № 6. С. 81–85.

Скуридина С. А. Имя в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // Гуманитарно-педагогическое образование. 2018. Т. 4. № 3. С. 65–70.

Скуридина С. А. Небо как мифопоэтическая константа творчества Ф. М. Достоевского: ономастический аспект // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. № 4. С. 177–184.

Соловьев В. С. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 2. С. 197–231.

Сукина Л. Б. Писатель Достоевский и купцы Куманины // Коммунар. 1990. 1 декабря. С. 3.

Федоров Г. А. Из разысканий о московской родне Достоевского (К генезису рассказа «Маленький герой») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л., 1976. С. 66–73.

Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. 464 с.

References

Âkobson, R. *Raboty po poetike*. Moscow, 1987, 464 s.

Alekin, V. “Ob odnom iz prototipov Fomy Opiskina”. URL: <http://aljokin-1957.narod.ru/business1.html/> Accessed: 20.10.2019.

Al'tman, M. S. *Po veham imen*. Saratov, 1976, 280 s.

Bicilli, P. M. “Proishozhdenie imeni Karamazovyh”. *Izbrannye trudy po filologii*. Moscow, 1996, 710 s.

Bočkov, V. N. “«Knâz' K.» i ego rodnâ”. «Skaži: katoraâ Tat'âna?»: *Obrazy i prototipy v russkoj literature*. Moscow: Sovremennik, 1990, s. 249–261.

Dal', V. I. *Tolkovyj slovar' živogo velikorussskogo âzyka: v 4 t.* T. 2. Moscow: Terra, 1995, 784 s.

Dostoevskaâ, A. G. *Vospominaniâ*. Moscow, 1987, 544 s.

Dostoevskij, F. M. *Moâ tetradka katoržnaâ (Sibirskaâ tetrad')*. Krasnoârsk, 1985, 112 s.

Dostoevskij, F. M. *Polnoe sobranie sočinenij v 30-ti tt.* T. 14. Leningrad, 1978, 511 s.

Dostoevskij, F. M. *Polnoe sobranie sočinenij v 30-ti tt.* T. 29. Kn. 1. Leningrad: Nauka, 1986, 573 s.

Dostoevskij, F. M. *Polnoe sobranie sočinenij v 30-ti tt.* T. 30. Kn. 1. Leningrad, 1988, 455 s.

Dostoevskij, F. M. *Polnoe sobranie sočinenij v 30-ti tt.* T.1. Leningrad, 1972, 519 s.

Fedorov, G. A. “Iz razyskanij o moskovskoj rodne Dostoevsskogo (K genезису rasskaza «Malen'kij geroj»)”. *Dostoevskij. Materialy i issledovaniâ*, T. 2. Leningrad, 1976, s. 66–73.

Goľubovič, I. P. “M. Bicilli o fenomene avtobiografii i «biografičeskij povorot» v sovremennoj gumanitaristike”. *Avtor i biografiâ, pis'mo i čtenie*. Sbornik dokladov / red.-sost. Zareckij, Ū. P., Lihačev, V. P., Zareckaâ, A. Ū.; Nac. issled. un-t «Vysšaâ škola èkonomiki». Moscow, 2013, 253 s.

Grossman, L. P. "Dostoevskij-hudožnik". *Tvorčestvo Dostoevskogo*. Moscow, 1959, s. 330–417.

Kasatkina, T. A. "Čto sčitat' sobytiem biografii"? *Voprosy literatury*. 2016, no. 2, s. 44–78.

Kovalëv, G. F. "Aspekty izučeniâ imen sobstvennyh v hudožestvennyh proizvedeniâh". *Izbrannoe. Literaturnaâ onomastika*. Voronež: Izd.-poligr. Centr «Novaâ kniga». 2014, s. 3–27.

Mihajlovskij, N. K. *Žestokij talant*. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0042.shtml/ Accessed: 12.02.2019.

Safronova, E. Ū. "Arhivnye razyskaniâ o barnaul'skom doktore F. M. Dostoevskogo". *Kul'tura i tekst*. No. 3, 2017 (30), s. 125–138.

Safronova, E. Ū. "K voprosu o gorode Mordasove: A. N. Gerngross i F. M. Dostoevskij (arhivnye razyskaniâ)". *Kul'tura i tekst*. No. 1, 2018 (32), s. 118–143.

Skuridina, S. A. "Imâ v žizni i tvorčestve F. M. Dostoevskogo". *Gumanitarno-pedagogičeskoe obrazovanie* 2018. T. 4, No. 3, s. 65–70.

Skuridina, S. A. "Mat'-syra zemlâ kak mifopoëtičeskaâ konstanta tvorčestva Dostoevskogo". *Vestnik slavânskih kul'tur* 2016. T. 42, No. 4, s. 143–150.

Skuridina, S. A. "Nebo kak mifopoëtičeskaâ konstanta tvorčestva F. M. Dostoevskogo: onomastičeskij aspekt". *Vestnik slavânskih kul'tur* 2017. T. 46, No. 4, s. 177–184.

Skuridina, S. A. "V onomastičeskoj laboratorii F. M. Dostoevskogo". *Russkaâ reč'* 2017. No. 6, s. 81–85.

Solov'ev, Vs. S. "Vospominaniâ o F. M. Dostoevskom". *F. M. Dostoevskij v vospominaniâh sovremennikov*. T. 2. M., 1990, s. 197–231.

Sukina, L. B. "Pisatel' Dostoevskij i kupcy Kumaniny". *Kommunar* 1990. 1 dekabrá, s. 3.

Vrangel', A. E. *Vospominaniâ o F. M. Dostoevskom v Sibiri 1854–1856 gg.* Sankt-Peterburg, 1912, 221 s.

Zagidullina, M. V. *Avtobiografizm*. URL: <https://www.fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/003/> Accessed: 20.10.2019.

Svetlana A. Skuridina

On the autobiographic nature of anthroponyms
in the Dostoevsky's literary texts

The article deals with anthroponyms in the Dostoevsky's works in terms of reflection of the events from his biography in them. The peculiarity of the creative laboratory of the writer is the rethinking of biographical events, which in the literary text acquire the value of a key. For the researcher, when considering the autobiography as a starting point, entering the onomastic laboratory of the writer becomes more productive. The proper name included into the literary text can be considered as a result of the inner stimulus of the writer, which arose as a result of the experience of some micro-act, the absence of which could cause the creation of another name, and consequently, another character. Each proper name in Dostoevsky's literary texts, taken in isolation, differs from the same name, embedded in the conceptual unity of the writer's creative and life path, and therefore it is impossible to identify the potential of Dostoevsky's onomastics without referring to his environment, without studying documentary sources — diaries, notes, drafts, correspondence, memories belonging not only to himself, but also to his contemporaries. Among the Dostoevsky's onomastic techniques is the use of autobiographical proper names, that may be differently reinterpreted, transformed, and sometimes left without changing.

Keywords: *anthroponym, protonym, prototype, biography, autobiography, autobiographic traits, Dostoevsky.*

**«Я хочу говорить»¹.
Аутопсихотерапевтические функции повествования
Ю. Баргельской и А. Старобинец
о перинатальной потере**

Нарративизация травмы позволяет переработать травматический опыт и широко используется психотерапией. Как процесс аутопсихотерапии может быть рассмотрено и литературное творчество, всегда так или иначе связанное с автобиографической памятью. В статье рассматривается специфический опыт столкновения со смертью, воплощенный в короткой прозе польской писательницы младшего поколения Юстины Баргельской («Обсоветки», 2010) и книге российского автора, Анны Старобинец («Посмотри на него», 2017) — перинатальная потеря, т. е. гибель ребенка во время беременности, родов или вскоре после рождения. Анализируются художественные приемы, при помощи которых повествование осуществляет интеграцию травматического опыта в повседневную реальность («каталогизация» боли других матерей, техника «разделенного экрана», принятие перспективы стороннего наблюдателя, дробление кошмара на мелкие действия или отсутствие логики и др. у Баргельской; экстернализация утраты путем проживания траура, «восстановление» утраченных отношений и др. у Старобинец; соединение жизни и смерти, придание утрате места в истории жизни, введение акта условного завершения у обоих авторов). Также исследуются мотивации подобного повествования и — на основе текстов интервью — его аутопсихотерапевтическая «эффективность».

Ключевые слова: *аутопсихотерапия, травма, перинатальная потеря, Баргельская, Старобинец.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.5.02

Мотиваций к написанию подобных текстов, как правило, бывает две: публицистическая (артикуляция табуированного опыта, стремление оказать поддержку другим женщинам, попытка изменить систему) и

¹ Старобинец А. Посмотри на него. М., 2017. С. 65.

аутопсихотерапевтическая² (поиск художественной формы, помогающей автору пережить горе). Первая направлена вовне и имеет социально-психологическую цель. Тема — прерывание беременности по медицинским показаниям, призрачный выбор или его отсутствие, рождение мертвого ребенка, прощание с новорожденными или еще не родившимися детьми — и для Польши (в меньшей степени), и для России (в большей) остается неартикулированной, подавляемой, социально не поддерживаемой. Неслучайно Юстина Баргельская говорит о том, что осуществляет — от собственного имени и от лица других женщин — своего рода *coming-out*³. Анна Старобинец подчеркивает, что «это вообще по большому счету первый русскоязычный текст на эту тему. Потому что про “такие вещи” у нас говорить не принято»⁴. Она же описывает пережитую изнутри разницу между цинизмом, равнодушием, а зачастую и жестокостью российской перинатальной медицины — и умением и желанием вести себя этично, избавить женщину от дополнительных физических и психических травм — столь же объективно горестной медицины немецкой, а также разницу, наблюдаемую на российских и англоязычных форумах («Их обсуждения — это форма психотерапии. А наши — форма самоистязания»⁵). Но в определенном смысле эта же мотивация обращена и на самих авторов (являясь призрачной компенсацией той поддержки, которую не смогли в свое время получить они сами и придавая некий *надличностный* смысл пережитой утрате): «[...] если эта книга поможет кому-то в горе, значит, она написана не напрасно. И значит, в том, что случилось с нами, *был хоть какой-то смысл* [курсив мой. — И. А.]»⁶. Однако я бы хотела рассмотреть эти тексты именно с точки зрения их *аутопсихотерапевтической* функции: вербализация травматического опыта, не поддающегося автоматическому встраиванию в привычные схемы понимания, помогает структурировать его как цепь событий и придать ему характер биографического опыта.

Современная культура в целом стремится к вытеснению смерти, которая перестала быть «прирученной», «интимно связанной с человеком» и сделалась «дикой»⁷, «инфантильной», «разучившейся гово-

2 Подробнее см.: Адельгейм И. Е. Психология поэтики. Аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.). М., 2018.

3 *Bargielska J.* Poroniłam. Wywiad. URL: (дата обращения: 11.05.2019).

4 Пост Старобинец А. в Facebook от 2 февраля 2017 г.

5 Старобинец А. Посмотри на него. С. 26.

6 Там же. С. 2.

7 Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. [Электронный ресурс] (дата обращения: 11.05.2019).

рить», «нечленораздельной», находящейся «под надзором»⁸. Подобный «социально-репрессивный» взгляд на смерть порождает связанную с этим явлением «невротическую тревожность»: «Воспитание и культура должны быть пронизаны более близким знакомством с нею»⁹.

Человеческое восприятие смерти можно свести к трем моделям, трем танатологическим ситуациям, каждая из которых, вне зависимости от дистанции и перспективы, отсылает к глубинному и всегда индивидуальному танатическому страху перед неведомым и неизбежным. Это трагедия уникальности, одноразовости, субъективности первого лица — соприкосновение с перспективой собственного конца («смерть-я»), множественность и анонимность третьего лица («смерть-он») и, наконец, стоящий между ними — «третьим лицом, принципом спокойствия» и «первым лицом, источником тревоги»¹⁰ — опыт второго лица, соединяющий в себе элементы двух предыдущих позиций, т. е. смерть близкого человека («смерть-ты»).

Но совершенно особый случай «смерти-ты» представляет собой потеря ребенка, в частности, перинатальная утрата. Янкелевич предполагает, что этот опыт наиболее приближен к «смерти-я»: «Нет ничего более схожего с отчаянием умирающего, чем горе страдающей матери»¹¹. «“Мысленно я пережила смерть своих детей тысячу раз”, — говорит Бронка. [...] Означает ли эта формула, что Бронка разрешает себе фантазировать о смерти детей, чтобы, если это случится, суметь ее пережить? Я выкрасила стены ядовитой краской, чтобы не умереть, если случайно проглочу мышьяк. Поразительно это чувство распада, которое возникает при мысли о смерти собственного ребенка — и стоящее за ним понимание, что, если бы ребенок умер на самом деле, этот распад, который теперь, в рамках фантазии, кажется абсолютным — хоть и мимолетным — оказался бы во сто крат сильнее»¹². Смерть ребенка любого возраста означает для родителей целый комплекс физических и символических потерь:

8 Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006. С. 319.

9 Feifel H. Attitudes toward death: A psychological perspective // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1969. Vol. 33 (3). P. 292–295. Цит. по: Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н., Николаев Е. Л., Семикин Г. И., Храмулашвили В. В., Казанцева В. Н. Отношение к смерти у студентов медицинских, гуманитарных и технических специальностей: вопрос суицидального риска // Психологическая наука и образование. 2014. № 3. URL: (дата последнего обращения: 11.05.2019).

10 Янкелевич В. Смерть. М., 1999. С. 29.

11 Там же. С. 32.

12 Bargielska J. *Obsoletki*. Wołowiec, 2010. S. 80.

утрату внешнего объекта, значимого другого (объекта привязанности), статуса (родительства), будущего, стадии жизненного цикла, надежды, мечты, части себя, семьи и друг друга. Перинатальная потеря отличается от родительского горя тем, что, во-первых, значительную ее часть составляют именно вторичные и символические потери (утрата связанных с будущим ребенком надежд и представлений, в частности о себе, недоверие женщины к собственному телу и своим биологическим функциям); во-вторых, осложнена интернализация факта смерти, поскольку отсутствует выраженный феномен отсутствия — у родителей нет ничего (или почти ничего), что было бы физически связано с умершим ребенком, т. е. вещественной памяти; в-третьих, существует социальное отрицание такой утраты (для большинства окружающих эта потеря не является реальной, а потому право родителей на длительное и полноценное переживание процесса горя не признается культурологически).

Это и специфический опыт самого соприкосновения со смертью, характерного для «смерти-ты». Смерть является абсолютным воплощением «неведомого»¹³, «архетипом непостижимости»¹⁴, и «частичная смерть» — опыт смерти «из вторых рук» — оказывается перспективной, в которой он наиболее доступен живым. Через потрясение и наступающее после него отсутствие является человеку смысл конечности и вечности. Концепция «частичные смерти против полного исчезновения»¹⁵ основана на мнении, согласно которому, испытывая скорбь по умершим друзьям и близким, человек максимально приближается к пониманию «частичной смерти»; этот опыт формирует отношение человека к тяжким личным утратам и как к кульминации — самой окончательной потере, потере своей жизни. Смерть близкого человека максимально приближена к нашей, давая опыт переживания однократности и незаменимости собственного бытия: «Между анонимностью третьего лица и трагической субъективностью первого находится промежуточный и в некотором роде привилегированный случай *второго лица*; между смертью *другого*, *далекой* и *безразличной*, и смертью *собственной*, *прямо тождественной* нашему бытию, есть близость смерти близкого. В самом деле, Ты — первый Другой, непосредственно другой другой, а не Я, в точке соприкосновения с Я, ближайшая граница инакости»¹⁶.

13 Bauman Z. Płynny lęk. Kraków, 2008. S. 55.

14 Ibid. S. 93.

15 Танатология // Философский энциклопедический словарь. М., 1997. С. 447.

16 Янкевич В. Смерть. С. 32.

Однако при перинатальной потере это соприкосновение со «смертью-ты» совершается словно бы *изнутри*, поскольку ребенок составляет с матерью единое целое: «Он со мной. Но не в нем [в отце. — И. А.], а во мне этот мальчик с огромными почками. Это мне предстоит убить его в самое ближайшее время. Или мне предстоит доносить его и родить. И увидеть, как он умирает»; «Я не хочу его убивать!.. [...] Ребенок внутри меня слегка вздрагивает — как пойманный в ладонь мотылек»; «Вероятно, перед началом схваток вам сделают специальный укол через брюшную стенку и стенку матки. [...] Я вдруг понимаю, что она имеет в виду, и цепенею. [...] А ребенок начинает нервно вертеться там, в глубине, за брюшной стенкой и стенкой матки»¹⁷; «[...] некоторое время я служила могилой»¹⁸.

В сущности, это опыт смерти почти личный, почти из первых рук, почти непосредственный: «Беата решила не донашивать беременность. Малышку разрежали в животе Беаты и вынули по кусочкам, но что-то забыли, и Беата потом долго болела, так что пришлось еще раз залезть к ней внутрь, чтобы вытащить этот оставшийся фрагмент»¹⁹; «Обычно я очень боюсь летать, но сейчас мне не страшно. Мне все равно, упадет этот самолет или нет. Лично я уже упала»; «[...] одной рукой обнимаю живот (потому что куда еще ее деть, эту руку?) и чувствую, как он вздрагивает там, в темноте, и сама я тоже лежу в темноте, темнота внутри меня и снаружи, мы с ним вместе как будто бы под водой, как будто бы под землей, мы с ним вместе как будто в одной могиле»; «[...] через дрему, [...] через обезболивание, через онемевший живот я вдруг чувствую, что что-то внутри меня отрывается и перестает жить. Внутри меня — смерть. [...] я чувствую, как смерть течет по моим ногам, и тогда я начинаю кричать. Не от боли. От страха»; «Она вытирает гель с моего живота, в котором больше нет моего ребенка, в котором больше ничего нет, кроме следов, которые оставила смерть. Эти следы не может распознать ультразвук, но я их чувствую. Уж я-то их в себе чувствую. [...] — Ты как? — Мне кажется, я умираю. [...] Он умер — и я тоже сейчас умру»²⁰.

Название книги Баргельской «Обсолетки» происходит от медицинского термина «*gravid obsolete*» — «внутриутробная смерть плода». «Что-то вроде викентианок, облаток, ордена или секты. “Секта” женщин, объединенных тем, что им известно, что такое *gravid*

17 Старобинец А. Посмотри на него. С. 17, 33, 41.

18 Bargielska J. *Obsoletki*. S. 27.

19 Ibid. S. 82.

20 Старобинец А. Посмотри на него. С. 33, 45, 54, 56.

obsolete»²¹, — объясняет сама писательница. «Я рассказываю о себе, но помогаю осуществить coming-out и другим женщинам, получается целая галерея. Книга обо мне одной не имела бы смысла, поскольку это опыт такой глубины, что нет иного способа рассказать о нем, кроме как попытаться представить реакции разных женщин»²², — признается Баргельская и воплощает свой опыт как один из многих. Лишь отдельные реплики выдают собственную, единственную, боль: «Есть квартира, где умер мой первый ребенок, и ничьи комплексы этого не изменят»; «В сумке у меня лежит пупс. [...] Он точно такого размера, как был мой ребенок, когда умер»²³.

Баргельская рассказывает не только и даже — на первый взгляд — *не столько* о собственной перинатальной потере, сколько о том, с чем сталкивается, работая в общественной организации, которая осуществляет эмпатическую поддержку семей, переживающих перинатальную потерю. Она фотографирует по их просьбам мертвых детей («Кадр, еще кадр. Мать целует содержимое свертка, отец отчаянно рыдает, но тоже целует»), а затем пытается в фотошопе придать соответствующую форму крошечным телам, чтобы у родителей осталось подтверждение реальности существования ребенка и его смерти, что облегчает процесс осознания утраты и примирения с ней («[...] долгие ночи фотошопизма»; «Я включаю компьютер и принимаюсь обрабатывать Ханночку. Насидевшись как следует перед монитором, я уже могу точно сказать, где у Ханночки ручки, где ножки, где головка. [...] Это похоже на школьный экзамен на знание контурных карт, и удовлетворение приносит не меньшее»²⁴), организует встречи родителей и символические похороны. Это своего рода страшный каталог материнского горя, свидетелем которого является повествовательница: «Если ребенок умирает не крещенным и очень маленьким, меньше тринадцати сантиметров, ему вместо похорон устраивают окропление. [...] все немного отрешенно смотрели на коробочку, в которой лежал окропляемый. Коробочка была разрисована: веселая часть — отцом, сдержанная — матерью, в отцовской части присутствовал серебряный “сааб”, железная дорога, люди с поднятыми руками, в материнской — фиолетовые и синие разводы, напоминающие внутривенный наркоз»; «[...] я думаю о дочке Беаты. В середине беременности оказалось, что у дочки Беаты отсутствует голова»; «Сейчас, когда ты читаешь эти слова, читатель, Пётрусь уже

21 *Bargielska J.* Poroniłam. Wywiad.

22 *Ibid.*

23 *Bargielska J.* Obsoletki. S. 41, 57.

24 *Ibid.* S. 40–41, 39.

мертв. Разве что произошло чудо [...] на которое не рассчитывают ни мама Пётруся, ни папа Пётруся, ни сестра, ни бабушка, ни подруги, ни друзья родителей Пётруся, ни, наконец, я, скромный фотограф — пока еще гипотетических — останков Пётруся»; «[...] осень, когда Пётрусь должен родиться. Скорее всего, мертвым. Или ради пятнадцати минут жизни»; «Я подсказала маме Пётруся, в какой больнице лучше рожать таких детей, которые не проживут долго, а она пошла в эту больницу и попросила показать ей морг. Я стою и смотрю на маму Пётруся, которая смотрит на морг»²⁵.

Старобинец говорит в первую очередь о личном опыте, это исповедь, писавшаяся более-менее «по горячим следам» («Одно дело — придумывать страшные истории, совсем другое — самой стать героиней хоррора. Я долго сомневалась, стоит ли писать эту книгу. Ведь слишком личное. Слишком реальное»²⁶). Автор снова воспроизводит все этапы опыта, начиная с момента, когда она узнает страшную новость во время УЗИ — через неправдоподобную в своей жестокости российскую медицинскую систему и диаметрально отличающуюся от нее немецкую — до психологической адаптации к перенесенной трагедии. Важнейшей болевой точкой книги является момент выбора — выбора смерти для ребенка, который не сможет жить вне утробы матери, а затем — выбора опыта собственной памяти. Все самое страшное происходит не снаружи, а внутри, и именно эту агонию писательница и описывает во всей ее адской и будничной полноте. Сделать ли ребенку смертельную инъекцию, чтобы он не мучился в родах, или подождать, чтобы умер сам? Смотреть ли на своего рожденного-нерожденного ребенка или не стоит? Как бы ни была жестока российская медицина или гуманна медицина немецкая, ни одна из них не может предложить ответа на эти вопросы.

Однако книга включает и вторую часть, чисто публицистическую — посвященную опыту других женщин (в том числе и попыткам — единичным, частным — организовать группы поддержки в России, как-то обойти бесчеловечную систему), опыту, в том числе психологическому, немецких врачей и акушеров (одна из которых придумала и создала комнату для прощания с мертвыми детьми, придумала помещать самых крошечных в украшенные скорлупки от страусиных яиц, обнимать матерей, если они в этом нуждаются, делать фото и отпечатки маленьких ручек и ножек, чтобы отдать в запечатанном конверте родителям, другими способами заботиться о том, чтобы у них осталась вещественная память, потребность в которой они не всег-

25 Ibid. S. 18, 82, 84.

26 Старобинец А. Посмотри на него. С. 1.

да сразу осознают), отказу российской специализированной больницы даже предоставить возможность поговорить с врачами.

Таким образом, и повествование Старобинец также включает опыт *других*: сначала с перспективы «патологических сводок из ада» и «чтения про ужасы» (на Интернет-форумах) на первом этапе столкновения с трагедией — изнутри ужаса, ради подтверждения, что этот опыт «исключения» статистически повторяем (в первой части), затем — публицистический постфактум, извне, только с провалами, как и у Баргельской, в этот опыт («...В тесной комнате прощаний резко кончается воздух, а голос Корнелии начинает звучать гулко и неразборчиво, словно в каменной пещере. [...] Я вдруг чувствую, как приоткрывается крошечный люк в давно забытую бездну. [...] В этой комнате я смотрела в корзинку с холодным, обиженным бейби. В этой комнате... нет, не в этой. Я стряхиваю с себя наваждение. Эта комната просто похожа на ту, другую. Но не та. Не та... Люк захлопывается»²⁷), в уже отчасти другой роли — человека, желающего помочь другим и что-то изменить в системе. Однако сюжет «других» играет, как представляется, и еще одну роль: это *не* прожитые варианты судьбы (донести беременность и родить мертвого ребенка или ребенка, который может прожить несколько часов или дней).

Повествование Баргельской направлено на ассимиляцию травматического опыта, интеграцию пережитого с опытом настоящего времени²⁸. Зачастую травмированный человек «на протяжении длительного времени живет словно бы в двух мирах: царстве травмы и области сегодняшней, повседневной жизни. Очень часто эти миры невозможно соединить»²⁹.

Каталог потерь, собранный в книге, смешивается, встраивается в каждодневную жизнь с ее бытом, проблемами и радостями, вписывается в мельчайшие детали повседневного опыта. Повествовательница описывает жизнь женщин после потери ребенка — еще не родившегося, не полностью сформировавшегося. Однако словно бы не сосредотачивается полностью на этом страшном опыте: большие, малые и совсем крошечные события, сотни уникальных жизненных мгновений сливаются в единый поток, детали и дни изображаются как одинаково значимые. Фотографирование мертвого ребенка, разговор с матерью и с медсестрой, интерьер и пр. («[...] медсестра приносит из-за ширмы

27 Там же. С. 23, 142.

28 *Van der Kolk B. A., Van der Hart O. Natrętna przeszłość: elastyczność pamięci i piętno traumy // Antologia studiów nad traumą. Kraków, 2015. S. 174.*

29 *Ibid.* S. 170.

зеленый сверток и кладет на стол, прикрытый белой скатертью»; «А вы завтракали? — спрашивает она. — Этим матерям такое в голову приходит, — говорит она и, слой за слоем, разворачивает сверток. — Например, беременность девятнадцать недель, ребенок умер где-то на пятнадцатой, там все почерневшее, мацерированное. Уже из похоронного бюро пришли, а она достает пакет и начинает посыпать гроб какими-то лепестками. Розовыми, кажется. Чтобы вам только плохо не стало, без завтрака-то. — Она развернула сверток целиком, и теперь показывает мне кусочек засохшей печенки. Я фотографирую кусочек засохшей печенки и вижу, что у нее что-то есть... есть что-то. Как бы ножка. Как бы головка. Мать печенки еще в больнице и сейчас как раз звонит мне, я говорю, что зайду к ней, и мы договоримся о том, как передать фотографии») — и тут же: «Возвращаясь домой — хотя я надела сапоги, которые ношу не первый сезон — стираю ноги до крови»³⁰. Или: «Гробовщики, подложив круглую балку, отодвинули могильную плиту, и я подумала, что, возможно, именно так изобразили колесо»³¹. Названия глав также различны, одни акцентируют повседневность («Самостоятельная мама и ее бесценная лампа», «Очень длинный поезд», «Дочь Беаты», «Пьющая женщина», «История моей усталости», «А почему папа не спит в маминой кровати», «Разумеется, дождь») с неотделимым от нее абсурдом ассоциаций и самой реальности («Седьмой ребенок Анджелины Джоли», «О нашем с Бондом сыне», «Турботермомодернизация в Жилищном кооперативе Воля», «Злая женщина в киселе»), а другие непосредственно связаны с трагедией («Как фотографировать мертвых детей», «Ссылка на труп», «Она фантазирует о смерти ребенка»). За любой может скрываться как обыденный, так и трагический опыт. Один из рассказов-глав заканчивается фразой, выдающей желание задержаться в одном из беззаботных в своей обыденности моментов: «А сейчас раннее утро, я сижу в кухне и ищу эту звездочку [ранее речь идет об интерактивной детской книге с песенками — «Десять кнопок! Подпевай. Хочешь остановить музыку? Нажми звездочку». — *И. А.*], которую надо нажать, чтобы остановиться»³².

Кроме того, Баргельская использует своего рода технику «разделенного экрана», применяемую в гипнотической терапии и помогающую пациентам обезвредить некоторые болезненные воспоминания (психотерапевт просит пациента закрыть глаза и мысленно разделить визуальное поле на две части: в одну половину экрана пациент поме-

30 *Bargielska J. Obsoleteki. S. 38–39.*

31 *Ibid. S. 18.*

32 *Ibid. S. 8, 9.*

щает болезненный образ, а в другую — приятную, успокаивающую картинку: постоянное присутствие умиротворяющего образа компенсирует и смягчает воздействие того, который связан с травмой): «Пишу вот такую книгу — “Организация и поддержание жизни после выкидыша и мертворождения”. [...] Одно мое запястье пахнет фигой, а другое — ирисом»³³.

Повествовательница при помощи ряда приемов снижает пафос и внешний накал эмоций. Это происходит путем сочетания стилей и интонаций: например, сначала описание в духе журналистской заметки («Чтобы почтить память наших утраченных детей, в солнечный осенний день мы соберемся в городском парке и выпустим в воздух наполненные гелием голубые и розовые шарики. [...] Родители смогут написать на шарике имя ребенка, неделю беременности, когда он ушел, что угодно, что придет им в голову»; «Все так прекрасно и возвышенно, и одновременно спокойно. [...] Точно в запланированный и указанный в прессе час каждый получает шарик и фломастер. “Сынок, мы всегда будем тебя помнить”, “Горошинка, мы тебя любим — папа и мама” — пишут они или рисуют сердечки. На счет три-четыре выпускают шарики [...]»; возвышенный пассаж («Посмотрите, как это прекрасно, мы пережили несчастье, но скольких необыкновенных людей благодаря этому встретили, как сильно, часто к лучшему изменилась наша жизнь, сколько хорошего мы испытали, правда?»; «— Это было прекрасно, — говорят они потом. [...] Это было похоже на похороны, которые нам не дали устроить. Спасибо») и внезапное: «В сумке у меня лежит пупс, такой, какие двадцать лет назад продавались в газетных киосках: голый и лысый, совсем не похожий на младенца. Он точно такого размера, как был мой ребенок, когда умер. Я его просто так с собой ношу. — Знаете что, — говорю я, — идите вы на фиг, девки. Следующее тысячелетие я хочу провести со своим пупсом на дне грязной реки. — Сама иди на фиг, девка, — отвечают они. — Думаешь, нам этого не хочется?»³⁴ Или: «Еще я недавно побывала на окроплении. [...] Доминиканец снял капюшон, произнес соответствующие слова, и мы поплакали, тихонько. Мне бы хотелось иметь дома такого доминиканца, чтобы можно было поплакать»³⁵.

Другим приемом является описание словно бы с позиции стороннего наблюдателя, когда речь идет как о других женщинах, так и о собственном опыте, использование слов «сверток», «содержимое», «засохшая печенка», «кусочек чего-то»: «[...] приносит из-за ширмы

33 Ibid. S. 80.

34 Ibid. S. 56–57.

35 Ibid. S. 18.

зеленый сверток и кладет на стол, прикрытый белой скатертью»; «Мужик из морга выносит нам сверток и бросает на патологоанатомический стол [...] Вместе с матерью свертка мы переодеваем содержимое в салатовые ползунки. У содержимого немного расходятся швы на головке и на грудной клетке. [...] Кадр, еще кадр. Мать целует содержимое свертка»; «[...] говорит она и, слой за слоем, разворачивает сверток [...] Она развернула сверток целиком, и теперь показывает мне кусочек засохшей печенки. Я фотографирую кусочек засохшей печенки [...] Мать печенки еще в больнице»; «Позвал медсестру, чтобы принесла банку, еще поковырялся, вынул из меня какой-то кусочек чего-то и бросил в банку»; «[...] когда через некоторое время я получила результаты анализа содержимого банки, я не узнала из них ничего нового»³⁶. (Характерно, что подобное расщепление, у Баргельской оказывающееся уже выросшим из травмы художественным приемом, описывает как психологический опыт Старобинец: «Кажется, в этот момент я впервые ненадолго раздваиваюсь. Одна я трясущимися руками стирает с живота гель. А другая внимательно и спокойно следит за той первой, и за врачом тоже, и вообще она весьма наблюдательна. Например, она замечает, что он больше не называет моего ребенка ребенком. Только “плодом”»; «Другая я, которая холодна и спокойна, тем временем подмечает [...]»³⁷ и пр.)

Еще одним способом психологической адаптации к ужасу описываемого является разложение происходящего на множество мелких действий («Медсестра приклеила пластырь с моей фамилией, велела мне переодеться в ночную рубашку, и мы пошли в отделение. По подземному коридору, потому что отделение было в другом корпусе больницы. Банку несла медсестра») или раздробление ужаса на мелкие нестыковки логики («Не противоречит ли формула “родился мертвым” конституции? Потому что логике — безусловно»; «Одна девушка спрашивает, как это так, она после многочисленных попыток наконец забеременела, но беременность оказалась внематочной. Ей сделали укол и сказали, что зародыш рассосется через месяц-другой. — Кто это придумал? — спрашивает девушка, а потом уточняет, что это такое — беременность или съемки триллера»; «Слушай, — говорю я коллеге, который полжизни провел в больницах, — она говорит, что чувствовала движения этой малышки. Как можно двигаться без головы?»; «Я — женщина, которая родила ребенка без головы, — так представлялась Беата, имея дома старшую дочку, у которой все стратегические элементы были на месте, пока не родила следующую.

36 Ibid. S. 38, 40–41, 38–39, 27.

37 Старобинец А. Посмотри на него. С. 3, 4.

Тогда она стала представляться следующим образом: — Я — женщина, которая родила двух детей с головами и одного ребенка без»; «Там мне сделали УЗИ. Врач предупредил, что я услышу разные звуки, но ни один не будет звуком сердцебиения моего ребенка. — Да знаю я, — возмутилась я. — Ведь сердце моего ребенка лежит в банке. — Выйдя из больницы, я уже не была в этом так уверена, и названивала знакомым, спрашивая: — Слушай, разве это возможно, чтобы в той банке был мой ребенок?»³⁸).

Повествовательница стремится перерассказать жизненную историю, вписав в повседневный опыт трагедию, которая *на самом деле* не равнялась и не равняется прочим. «Способ, каким я рассказываю, кажется мне естественным для описания вещей, которые ускользают от описания, — говорит Баргельская в интервью. — Я их очерчиваю»³⁹.

Книга Старобинец, в первую очередь, — текст-траур. В процессе переживания траура в повествовании утрата экстернализуется, «отделяется» от личности скорбящего, структурируется как внешнее событие. Оплакивание умершего близкого — разделение, разъединение себя и той незаменимой части мира, которой был для скорбящего умерший, процесс перестройки собственного мира, частично также умершего — есть специфическая попытка преодоления смерти, называемая Деррида торгом, стремлением притерпеться к смерти посредством скорби, пожертвовать ей часть внутреннего «я» и взамен ощутить ее как нечто близкое и интимное, сделать ее частью своей жизни⁴⁰. По словам Бодрийяра, «реальная/воображаемая смерть может лишь искупаться индивидуальной работой скорби, которую субъект осуществляет над смертью других людей и над своей собственной смертью еще при жизни»⁴¹. Переживая скорбь по умершим близким, человек максимально приближается к пониманию смерти как таковой⁴².

Однако опыт перинатальной потери для женщины — специфический. Это потеря в буквальном смысле части себя, неразрывно, изну-

38 *Bargielska J.* *Obsoletki.* S. 27, 41, 86, 82, 83, 27.

39 *Bargielska J.* *Poroniłam.* Wywiad. URL: (дата обращения: 11.05.2019).

40 *Деррида Ж.* Дар смерти (часть 1) // *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна.* Серія: Теорія культури і філософія науки. 2002. № 552/1. С. 127.

41 *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2006. С. 265.

42 *Kastenbaum R, Aisenberg R.* *The Psychology of Death.* New York, 1972. Цит. по: *Красильников Р. Л.* Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда, 2007. С. 37–38.

три, с матерью связанная, наконец, это потеря не прошлого, в котором присутствовал умерший, а потеря, в первую очередь, — *будущего*: «Этим же вечером, впервые за шестнадцать недель, ребенок во мне начинает шевелиться. Это мягкие, скользкие движения — как будто он меня гладит. Как будто мы собрались все вместе, вся “семья барсуков”, просто Старший и Младший снаружи, а Наименьший — внутри. Как будто все будет хорошо. Как в кино»; «И мне некомфортно. В этом зале ожидания, похожем на вокзальный. Среди этих женщин, у которых такие лица, будто скоро за ними прямо сюда придет игрушечный поезд и увезет их в прекрасное будущее. К молочным смесям, к розовым и голубым ленточкам, к распашонкам и памперсам. И к масикам, у которых нормальные почки. А я в этот поезд не попаду»; «[...] для меня это песня о том, как умирают нерожденные дети, а с ними умирает вся радость мира, для меня это песня о том, [...] как мой маленький сын говорит мне “пока-пока”»⁴³.

«Иногда было тяжело, — признается Старобинец. — Например, за сцену родов я не могла взяться месяц. Я хорошо ее видела, я знала, как ее написать, но просто не могла сесть за клавиатуру и собрать буквы в слова. Я тогда уже была на девятом месяце беременности моим сыном Лево́й. Но когда все же заставила себя — все написалось быстро, легко, и главное, мне сразу стало гораздо лучше. Как будто все это время у меня на груди лежало что-то тяжелое, а потом я это сбросила», — говорит писательница в интервью⁴⁴. Повествование помогает «заново все пережить, переосмыслить — и отпустить»⁴⁵, прожить горе («Прожить это горе — вот что важно»⁴⁶, — добавляет писательница в другом интервью).

Другой аутопсихотерапевтической функцией этого текста оказывается и повторное переживание короткого времени, отпущенного им с ребенком, словно бы растягивание его и проживание непрожитого, своего рода «восстановление»⁴⁷ утраченных отношений: «Я пью глинтвейн, потому что уже не важно. [...] И еще потому, что я чувствую — глинтвейн ему нравится. Когда я пью глинтвейн, он весело

43 Старобинец А. Посмотри на него. С. 5, 7, 54.

44 Старобинец А. Интервью. URL: (дата последнего обращения: 11.05.2019).

45 Там же.

46 Старобинец А. Горе не бесконечно, как ни кощунственно это звучит // Meduza. 6 февраля 2017 г. URL: (дата последнего обращения: 11.05.2019).

47 Уайт М. Карты нарративной практики. Введение в нарративную терапию. М., 2010. С. 151–152.

шевелится внутри. Пусть в его жизни — там, в безвоздушной темноте моей матки, из которой ему никогда не выбраться к свету и воздуху, у него будет хоть что-то приятное»; «До завтра мой ребенок будет со мной. Он будет шевелиться. Я выпью таблетку, но он все равно будет шевелиться. Мы ходим в кафе, я возьму что-нибудь сладкое, ему нравится сладкое, какао или глинтвейн... [...] Ребенок шевелится. Ему нравится сладкое, ему хорошо»⁴⁸. Этому способствуют английские включения (разговоры с немецкими врачами, называющими ребенка «ребенком», ведутся по-английски): сначала «baby», потом в русской транслитерации — «бейби», «литл бейби»⁴⁹. «Эта книга — дань уважения моему безымянному сыну. Я написала про него — и, значит, теперь он есть»⁵⁰, — говорит автор в интервью.

В конечном счете опыт смерти осмысливается и как опыт жизни, навсегда остающийся в ней след и напоминание: «Мы ни из чего не выходим невредимыми»; «Память о том, что очень легко все потерять, что мы не живем в безопасности и это абсурд — питать иллюзии, будто мы живы, потому что в любую минуту может случиться все — думаю, что нужно это держать в голове, на заднем плане, чтобы жить осмысленно», — говорит Баргельская в интервью. Книга Старобинец называется «Посмотри на него» — это слова мужа, вслед за немецкими врачами («Обязательно нужно на него посмотреть»⁵¹) уговаривающего ее попрощаться с малышом. Эти слова повторяются. «Посмотри на него!»⁵² — снова говорит муж, когда через несколько лет у них рождается здоровый ребенок. И, наконец, на детском кладбище клиники автор думает, глядя на пролетающие самолеты: «И в одном из таких самолетов скоро окажемся мы. И, взлетая, я буду прижимать к себе сына и смотреть из иллюминатора вниз. Я боюсь высоты, но я все-таки буду смотреть. Я буду смотреть на него»⁵³.

Источники и литература

Адельгейм И. Е. Психология поэтики. Аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.). М.: Индрик, 2018. 648 с.

48 *Старобинец А.* Посмотри на него. С. 39, 50.

49 Там же. С. 34 и далее.

50 *Старобинец А.* Интервью.

51 *Старобинец А.* Посмотри на него. С. 56, 43.

52 Там же. С. 87.

53 Там же. С. 91.

Арвес Ф. Человек перед лицом смерти. URL: http://krotov.info/history/18/general/e_1.htm/ (дата последнего обращения: 16.08.2019).

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2006. 389 с.

Деррида Ж. Дар смерти (часть 1) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія: Теорія культури і філософія науки. 2002. № 552/1. С. 120–152.

Старобинец А. Горе не бесконечно, как ни кошунственно это звучит. URL: <https://meduza.io/feature/2017/02/06/gore-ne-beskonechno-kak-ni-koschunstvenno-eto-zvuchit/> (дата последнего обращения 16.08.2019).

Старобинец А. Интервью. [Электронный ресурс]: <https://vlast.kz/books/21823-anna-starobinec-pisatel-eta-kniga-dan-uvazenia-moemu-bezymannomu-synu-a-napisala-pro-nego-i-znacit-teper-on-est.html/> (дата последнего обращения: 16.08.2019).

Старобинец А. Посмотри на него. М.: АСТ: Corpus, 2017. 288 с.

Старобинец А. Пост в Facebook от 2 февраля 2017 г.

Уайт М. Карты нарративной практики. Введение в нарративную терапию. М.: Генезис, 2010. 326 с.

Танатология // Философский энциклопедический словарь. М.: ИД «ИНФРА-М», 1997. 447 с.

Янкевич В. Смерть. М.: Изд-во Литературного института, 1999. 446 с.

Bargielska J. Obsoleteki. Wołowiec: Czarne, 2010. 90 s.

Bargielska J. Poroniłam. Wywiad. URL: http://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/1,96856,9625264,Justyna_Bargielska_Poroniłam.html/ (дата последнего обращения: 16.08.2019).

Bauman Z. Płynny lek. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2008. 320 s.

Feifel H. Attitudes toward death: A psychological perspective // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1969. Vol. 33 (3). P. 292–295.

Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н., Николаев Е. Л., Семикин Г. И., Храмелашвили В. В., Казанцева В. Н. Отношение к смерти у студентов медицинских, гуманитарных и технических специальностей: вопрос суицидального риска // Психологическая наука и образование. 2014. № 3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Enikolopov_et_al.phtml/ (дата последнего обращения: 16.08.2019/)

Kastenbaum R., Aisenberg R. The Psychology of Death. New York, 1972.

Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. 140 с.

Van der Kolk B. A., Van der Hart O. Natrętna przeszłość: elastyczność pamięci i piętno traumy // Antologia studiów nad traumą. Kraków: Universitas, 2015. S. 135–174.

References

- “Tanatologĭiā.” *Filosofskĭi ěntĭklopedicheskiĭ slovar'*. Moscow: Izd. dom “INFRA-M”, 1997, 447 s.
- Adel'geĭm, I. E. *Psikhologiiā poětiki. Autopsikhoterapevticheskie funktsĭi khudozhestvennogo teksta (na materiale pol'skoĭ prozy 1990-2010-kh gg.)*. Moscow: Indrik, 2018, 648 s.
- Ar'es, F. CHelovek pered litsom smerti. URL: http://krotov.info/history/18/general/e_1.htm. Accessed 16.08.2019.
- Bargielska, J. *Obsoletki*. Wołowiec: Czarne, 2010, 90 s.
- Bargielska, J. Poroniłam. Wywiad. URL: http://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/1,96856,9625264,Justyna_Bargielska_Poroniłam.html. Accessed 16.08.2019.
- Bauman, Z. Płynny lęk. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2008, 320 s.
- Bodriiār ZH. Simvolicheskĭi obmen i smert'. Moscow: Dobrosvet, KDU, 2006, 389 s.
- CHistopol'skaĭa, K. A., Enikolopov, S. N., Nikolaev, E. L., Semikin, G. I., Xramelashvili, V. V., Kazantseva, V. N. “Otnoshenie k smerti u studentov medĭtsĭnskikh, gumanitarnykh i tekhnicheskikh spětsĭal'nostei: vopros suitsĭdal'nogo riska.” *Psikhologicheskaiā nauka i obrazovanie*. 2014, No. 3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Enikolopov_et_al.phtml. Accessed 16.08.2019.
- Derrida, ZH. “Dar smerti (chast' 1)”. *Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo uni-versitetu ěm. V. N. Karazina. Seriā. Teoriā kul'turi i filosofĭa nauki*. 2002, No. 552/1, S. 120–152.
- Feifel, H. “Attitudes toward death: A psychological perspective”. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1969. Vol. 33 (3). P. 292–295.
- Ānkelevich, V. *Smert'*. Moscow: Izdatel'stvo literaturnogo instituta, 1999, 446 s.
- Kastenbaum, R., Aisenberg R. *The Psychology of Death*. New York, 1972.
- Krasil'nikov, R. L. Obraz smerti v literaturnom proizvedenii: modeli i urovni analiza. Vologda: GUK IATĖSK, 2007, 140 s.
- Starobiněts, A. “Gore ne beskonechno, kak ni koshchunstvenno ěto zvuchit”. URL: <https://meduza.io/feature/2017/02/06/gore-ne-beskonechno-kak-ni-koschunstvenno-eto-zvuchit>. Accessed 16.08.2019.
- Starobiněts, A. Interv'iu. URL: <https://vlast.kz/books/21823-anna-starobinec-pisatel-eta-kniga-dan-uvazenia-moemu-bezymannomu-synu-a-napisala-pro-nego-i-znacit-teper-on-est.html> Accessed 16.08.2019.
- Starobiněts, A. *Posmotri na nego*. Moscow: AST: Corpus, 2017. 288 s.
- Starobiněts, A. Post in Facebook date the 2nd of February 2017.
- Uaiť, M. “Karty narrativnoi praktiki.” *Vvedenie v narrativnuĭ terapiĭu*. Moscow: Genezis, 2010, 326 s.
- Van der Kolk, B. A., Van der Hart O. “Natrětna przeszłość: elastycznosć pamĭęci i piětno traumy.” *Antologia studiów nad traumą*. Kraków: Universitas, 2015, S. 135–174.

Irina E. Adelgym

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

“I want to speak”. The autopsychotherapeutic functions
of J. Bargielska and A. Starobinets narration about a perinatal loss

The narratization of trauma allows one to rework the traumatic experience and is widely used in psychotherapy. Literary work can also be considered as autopsychotherapy, since it is always connected in some way with autobiographical memory. The article discusses the specific experience of facing death, embodied in the short prose of the Polish writer of the younger generation Justina Bargielska (“Obsoletki”, 2010) and the book of the Russian author, Anna Starobinets (“Look at him”, 2017) — perinatal loss, that is, the death of a child during pregnancy, childbirth or shortly after birth. Artistic techniques are analyzed, with the help of which the narrative integrates the traumatic experience into everyday reality: “cataloging” the pains of other mothers, the “split screen” technique, accepting the perspective of an outside observer, breaking the nightmare into minor actions, lack of logic etc. by Bargielska; externalizing the loss by living through mourning, “restoring” lost relationships etc. by Starobinets, combining life and death, giving loss a place in the history of life, introducing an act of suspended completion by both authors. The motivations of such a narrative and, based on interview texts, its autopsychotherapeutic “effectiveness” are also investigated.

Keywords: autopsychotherapy, trauma, perinatal loss, Bargielska, Starobinets.

УДК 82.091
ББК 83.3(4)

А. Г. Шешкен
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

«Мастер и Маргарита» М. Булгакова в контексте македонской художественной литературы (1970–2010-е гг.)

Македонская булгакиана насчитывает почти полвека, начавшись в 1970 г., когда в переводе Т. Урошевич был опубликован роман «Мастер и Маргарита». С тех пор М. Булгаков стал неотъемлемой частью национальной культуры и одновременно частью мировой рецепции классика русской литературы XX в. В македонской истории восприятия русского писателя выделяются два периода, обусловленные историческими обстоятельствами: 1970–1991 и с 1991 г. по настоящее время. В первый период македонская рецепция Булгакова была неотъемлемой частью югославского восприятия творчества этого писателя, который в короткое время стал очень популярным и стал восприниматься в одном ряду с Толстым, Достоевским и Чеховым. Начало научного изучения творчества Булгакова в македонской литературе положил текст В. Урошевича, опубликованный как послесловие к «Мастеру и Маргарите». Роман изменил представление македонского (и югославского) литературоведения о процессах, происходивших в русской литературе в 1920–1930-е гг., их богатстве и разнообразии. Сатирическое изображение социалистической Москвы, соотношение элементов реализма и фантастики, глубокое философское содержание романа, осмысление литературной традиции, художественный подтекст произведения — основные вопросы, привлекавшие исследователей творчества Булгакова. Начиная с 1990-х гг. «Мастер и Маргарита» осмысливается в связи с постмодернизмом, который стал одним из основных художественных течений в македонской литературе. В 2000-е гг. в повести-сказке В. Урошевича «Невеста змея» обнаруживаются черты, которые позволяют говорить о творческом диалоге писателя с классиком русской литературы XX в.

Ключевые слова: *Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита», Влада Урошевич, Таня Урошевич, реализм, фантастика, литературная традиция, македонская литература XX века.*

Творчество М. Булгакова прочно вошло в художественное сознание современной македонской культуры. Этот процесс начался на рубеже 1960–1970-х гг. и стал частью мировой булгакианы. Публикация романа «Мастер и Маргарита» в СССР в журнале «Москва» (1966/67), затем отдельной книгой в издательстве Умса-Press (Париж, 1967) стала мировой сенсацией. Посмертно изданный роман о Мастере сразу поставил М. Булгакова в первый ряд классиков русской литературы, включив автора в число наиболее значительных мировых писателей XX в. Роман остается культовым произведением до сих пор, за ним прочно закрепилась репутация одной из самых читаемых и загадочных книг в русской литературе.

Важной особенностью рецепции М. Булгакова за рубежом является то, что и отечественное, и зарубежное литературоведение приступило к анализу его творчества практически одновременно, предлагая весьма разные, оригинальные трактовки художественного мира писателя, его отношения к русской и мировой литературной традиции, места в советской литературе межвоенного времени. В центре внимания российских и зарубежных исследователей оказался главный роман писателя, затем интерес распространился на другие произведения и творчество в целом. Восприятие и оценка романа «Мастер и Маргарита» в литературах и культурах славянских стран в значительной степени были обусловлены теми процессами, которые протекали в самих этих литературах. Как показали выступления на конференции в честь 125-летия писателя в Институте славяноведения РАН (2016), М. Булгаков за короткий период времени стал частью литературного ландшафта у южных и западных славян и оказал сильное влияние на развитие таких разных явлений, как литературная фантастика, сатирически-гротескное изображение реальности и зарождение постмодернистских тенденций¹.

Для македонской литературы роман М. Булгакова тоже стал открытием, которое существенно изменило представление о литературе XX в., интерес к которому возник в начале 1970-х гг. и остается устойчивым, несмотря на резкие изменения социального и идеологического климата. Можно выделить два этапа «македонской истории» М. Булгакова. Первый протекал в условиях социалистической Югославии. Он охватывает приблизительно двадцать лет (рубеж 1960/1970-х гг. — 1991), когда существовало общее югославское куль-

¹ См. опубликованные материалы конференции: Михаил Булгаков и славянская культура. М., 2017.

турное пространство, при сохранении национальной самобытности югославских народов. В это время македонское прочтение Булгакова было частью общеюгославской рецепции его творчества. Второй этап македонской булгакианы протекает в условиях распада Югославии, обретения Македонией государственной независимости (1991), отказа от социалистического пути развития и изменения политики в области культуры. В литературе приобрел прочные позиции постмодернизм, в русле которого стали восприниматься произведения русского писателя. В свете поисков национальной литературы возрос интерес к фантастике и гротеску в произведениях Булгакова.

Булгакиана начинается в Македонии с публикации его романа о Мастере. Перевод журнального варианта «Мастера и Маргариты» (1970) на македонский язык талантливым переводчиком русской литературы Таней Урошевич стал частью общеюгославского интереса к Булгакову. На сербском языке роман был издан в Белграде в 1968 г., на хорватском — в 1969 г. в Загребе, на словенском — в 1971 г. в Любляне. Тогда же в Югославии стали появляться первые попытки анализа «Мастера и Маргариты» и других произведений русского писателя.

Быстро обнаружилось, что это было вторым открытием М. Булгакова. Первое состоялось еще в межвоенные годы, когда Булгаков попал в поле зрения национальных театров Королевства СХС, которые начали ставить его пьесы. Большую роль сыграло гастрольное турне 1930 г. МХТ. Во время гастролей «художественники» (так называли коллектив в печати) побывали во многих городах Югославии (Белград, Нови Сад, Загреб, Любляна и др.), в том числе в Скопье². В репертуар, кроме русской классической драмы (Гоголь, Островский, Чехов), была включена пьеса «Дни Турбиных» (1926) М. Булгакова (за рубежом часто шла под названием «Белая гвардия»). Позднее ставились также «Зойкина квартира» и «Кабала святош». Пьесу «Мольер» в 1935–1936 гг. поставил в Словении видный деятель «левого искусства» Братко Крефт³, затем она шла на сценах разных театров

2 Наиболее полно гастролы театра проанализированы в монографии сербского ученого З. Божовича (*Božović Z. Šehov kao dramski pisac kod Srba*. Beograd, 1985) и российского ученого Н. Вагановой (*Ваганова Н. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах*. СПб., 2007).

3 Шешкен А. Г. Русская и югославянские литературы в свете компаративистики. М., 2003. С. 125.

страны⁴. Была ли показана пьеса «Белая гвардия» в Скопье в 1930 г., точно не установлено, однако при обсуждении гастролей МХТ информация о ней с большой долей вероятности должна была прозвучать, особенно если учесть, что в Вардарской Македонии в 1920–1930-е гг. сформировалась представительная русская эмигрантская культурная среда.

В 1970-е гг. увлечение Булгаковым в Македонии было частью общегославского интереса к его творчеству в целом. Македонцы познакомились, пусть не сразу на родном языке, с другими произведениями Булгакова (уровень владения сербским языком был очень высоким): смогли прочитать, затем увидеть в постановке белградского театра «Ателье 212» инсценировку повести «Собачье сердце», прочитать «Записки юного врача», «Белую гвардию», «Жизнь господина де Мольера» и др. Большим успехом пользовался фильм «Мастер и Маргарита», снятый выдающимся сербским режиссером-новатором Александром Петровичем в 1972 г. с популярным актером Батой Живоиновичем в роли Коровьева. Это была первая в мировом кинематографе попытка экранизировать роман о Мастере⁵.

Произведения М. Булгакова, в первую очередь «Мастер и Маргарита», отвечали потребностям македонской литературы конца 1960 — 1970-х гг., которая, как и другие национальные литературы Югославии, находилась в напряженном поиске новых художественных средств изображения действительности. Это время характеризуется преодолением эстетической конфронтации середины 1950 — 1960-х гг. между «реалистами» и «модернистами», когда на фоне отказа от соцреализма как теории и практики велись острые споры о путях развития литературы. Как точно отметил авторитетный македонский ученый М. Гюрчинов, к концу 1960-х гг. «реалисты мо-

4 Подробнее см.: *Шешкен А. Г.* Югославская русистика о Михаиле Булгакове // Михаил Булгаков: современные толкования. К 100-летию со дня рождения. 1891–1991. М., 1991. С. 138–151; *Маравич Д.* Сербская и хорватская литературная критика о романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2000.

5 См.: *Маравич Д.* Фильм А. Петровича «Мастер и Маргарита» // Михаил Булгаков и славянская культура. М., 2017. С. 245–254; *Перушко И.* Как закалялся югославский Мастер // Михаил Булгаков и славянская культура. С. 255–266. Знаменитый польский режиссер Анджей Вайда всего на несколько месяцев до этого снял фильм «Пилат и другие», но положил в основу экранизации только одну сюжетную линию романа.

дернизировались, а модернисты спустились на землю»⁶ и обратились «к проблемам македонца на его собственной земле»⁷. В эти годы появились такие ставшие важными вехами для македонской литературы произведения, как новеллистика Ж. Чинго и его роман «Большая вода» (1971), роман С. Яневского «Упрямы» (1969), малая проза П. М. Андреевского и др. При всех различиях тематики и проблематики, в них четко обозначился новый ракурс художественного видения действительности, для которого характерен синтез реальности и фантастики, сплав типического, бытовых деталей, элементов мифа и чудесного. Поиски в русле «магического» и «фантастического реализма» были для македонской прозы и драматургии весьма продуктивными. При этом М. Булгаков оказался в одном ряду с латиноамериканскими авторами Х. Л. Борхесом и Г. Г. Маркесом.

Роман о Мастере, где тесно переплелись философско-критическое осмысление основных постулатов марксистской теории, сатирический ракурс изображения советской реальности 1930-х гг. и фантастика, воспринимался как открытие. Как заметил один из первых македонских исследователей романа В. Урошевич, это был «весьма редкий случай, когда произведение, написанное в одну эпоху, появилось на литературной сцене спустя много лет после смерти своего автора, в совсем другой период, и в этом новом контексте сыграло такую активную и значительную роль»⁸.

Влада Урошевич и как писатель был близок по духу М. Булгакову. Он дебютировал в конце 1950-х гг. лирикой в духе поэзии сюрреализма (в терминологии югославского литературоведения — надреализма) и стал одним из первых в национальной литературе авторов «городской» поэзии. Реальность, с неизбежными для сюрреализма причудливыми очертаниями (в отличие от поэзии, без нарочитой метафоричности), воплощена и в прозе этого автора конца 1960 — 1970-х гг. Два мира, фантастики и реальности, равноценны и сосуществуют в его новеллистике («Прогулки по Скопье», «Моя сестра Эмилия») и романе «Вкус персиков». Переключка же с произведениями Булгакова обнаруживается в творчестве В. Урошевича намного позднее, в повести-сказке «Невеста змея» (2009).

⁶ Ѓурчинов М. Освојување на реалноста. Скопје, 2000. С. 284.

⁷ Ѓурчинов М. Современа македонска книжевност. Скопје, 1983. С. 357.

⁸ Урошевиќ В. Писателот под закрила на темните сили // Булгаков М. Мајсторот и Маргарита. Скопје, 1996. С. 453.

Этому предшествовало глубокое осмысление македонским писателем булгаковского романа. Как уже было сказано выше, В. Урошевич — ученый-филолог, университетский преподаватель, академик МАНИ — был автором послесловия к переводу на македонский язык романа «Мастер и Маргарита», выполненному его супругой. Текст «Писатель под покровом темных сил» положил начало исследовательскому осмыслению как романа «Мастер и Маргарита», так всего творчества М. Булгакова в Македонии. В. Урошевич выделил основные вопросы, связанные с изучением романа, на которых сосредоточилось мировое булгаковедение в последующие десятилетия. В этом В. Урошевич шел в ногу с другими исследователями, а македонское булгаковедение уже на старте продемонстрировало готовность внести свой вклад в анализ одного из самых загадочных текстов русской и мировой литературы. По этой причине остановимся подробнее на послесловии к македонскому изданию «Мастера и Маргариты», которое, в сущности, представляет собой серьезный научный труд.

В. Урошевич без колебаний отводит «Мастеру и Маргарите» выдающееся место в истории русской и мировой литературы. Он подчеркивает, что «это произведение сразу заняло свое место среди самых значительных романов русской литературы, как и среди тех произведений мировой литературы, по которым запомнится двадцатый век»⁹. Для македонского ученого в связи с этим возникает вопрос о принятии или неприятии опыта реалистической традиции, который был одним из основных и весьма острых в македонском литературоведении и критике на протяжении 1950–1960-х гг. Текст романа Булгакова, возникший из небытия («рукописи не горят»), дал возможность по-новому осмыслить процессы, проходившие в советской литературе, рассмотреть их под углом зрения преемственности, развития традиций русской классической литературы, несмотря на провозглашенный разрыв с ними в 1920-е гг. В. Урошевич акцентирует внимание на том, что роман о Мастере есть проявление «драгоценной связки» («скапоцена алка»), соединяющей высочайшие достижения русской литературы до Октября с теми произведениями, которые стали появляться в ней во второй половине XX в. «вместе с ослаблением диктатуры социалистического реализма» (453).

⁹ Урошевич В. Писателот под закрила на темните сили // Булгаков М. Мајсторот и Маргарита. Скопје, 1996. С. 453. Далее цитаты этого текста (второе издание романа) приводятся в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

Македонский ученый дал достаточно (насколько это было в те годы возможно) детальный обзор творческой биографии Булгакова. В статье приводятся основные сведения о творческом пути писателя, подчеркивается разнообразие и тематическое богатство прозы, обращение к теме гражданской войны («Белая гвардия») и изображению современной жизни в «Роковых яйцах» и «Собачьем сердце». Освещены драматургия Булгакова и судьба сценических постановок его произведений. Тонко подмечено, как менялась общественная атмосфера в советской России в течение 1920–1930-х гг. и как это отразилось на судьбе произведений писателя. В. Урошевич называет «исключительно» смелым для своего времени роман «Белая гвардия», который, во что сегодня нелегко поверить, не только не возмутил творческую общественность своим сочувственным изображением не принявшей революцию интеллигенции и глубокого драматизма ее судеб, но, напротив, вызвал интерес, а автор получил предложение от МХАТ написать на материале романа пьесу. Этой пьесой стали «Дни Турбиных». Эти факты говорят о том, что литературная (и реальная) жизнь была богаче и разнообразнее, чем принято думать, она не всегда и не во всем подчинялась партийному диктату. При этом подчеркнута, что Булгаков в 1930-е гг. творил в крайне сложной обстановке, в условиях запрета его пьес, обвинений в создании пасквиля против революции, атмосфере недоверия и подозрительности. В. Урошевич высказывает глубокое уважение писателю, который «продолжал творить [...] будучи запрещаемым, замалчиваемым, получающим отказы в публикации своих произведений» (455). Исследователю важно показать, в каких сложных условиях и тяжелой моральной атмосфере рождался роман о Мастере. Автор послесловия отдельно останавливается на истории публикации произведения, указывая на значение публикации «Мастера и Маргариты» в журнале «Москва» в конце 1966 — начале 1967 гг., которая положила начало его переводу на иностранные языки, в том числе в Македонии. Еще раз подчеркнем, что и Таня Урошевич свой первый перевод сделала с журнального варианта.

В. Урошевич пришел к верным, основанным на понимании специфического пути развития русской литературы выводам о принадлежности писателя к гоголевской традиции. Он обращает внимание, что еще в раннем творчестве, в «Дьяволиаде» (1925), у Булгакова проявляется желание вступить с автором «Мертвых душ» в творческий диалог, для чего в качестве героев выводятся гоголевские персонажи, а авантюрист Чичиков, перемещенный в Москву начала 1920-х гг., чувствует себя в ней вполне комфортно. Появление такого

автора, как Булгаков, подчеркивает Урошевич, «было исключительно сильным доказательством преемственности той линии в русской литературе, которая началась с Гоголя и которая дает простор воображению и преодолевает законы реальности» (453).

Македонский ученый обратил внимание на сложную жанровую структуру «Матера и Маргариты», подчеркнув, что «это произведение можно назвать и сатирическим, и любовным, и фантастическим, и философско-метафизическим романом» (453). Его проблематика связана с постановкой важнейших вопросов эпохи (отношение власти и художника) и философских вопросов о добре и зле — «о силах Света... и силах Тьмы» (454), которые близки писателю. В. Урошевич обратил внимание на такую важнейшую особенность романа, сближающую ее с вершинными достижениями русской классики, как сочетание глубины содержания, совершенства формы и занимательности сюжета. Произведение «наполнено не только высоким полетом духа, но и интересом к повседневной, земной жизни, истинным трагизмом и в то же время искрометным, местами и грубоватым юмором, что в целом превращает роман в упоительную книгу» (454). В. Урошевич видит в произведении Булгакова образец «современного (“модерного”, т. е. модернистского. — *А. Ш.*) романа с несколькими линиями повествования, где действие развивается в нескольких временно-пространственных планах» (456).

В повествовательно-композиционной структуре романа о Мастере Урошевич выделил три сюжетные линии. Первую он назвал «роман о романе». Она представляет собой рассказ о любви Мастера и Маргариты и истории написания, гонений и сожжения романа о Понтии Пилате. Здесь рассказчиком выступает сам Мастер. «Его речь эмоциональная, лирическая, наполненная горечью из-за пережитой несправедливости, но все-таки полная достоинства даже по отношению к тем, кто ему причинил зло» (457). Вторая линия — «роман в романе». Это текст повествования о римском прокураторе Древней Иудеи Понтии Пилате и его встрече с Христом (Иешуа). Эту историю, подчеркивает Урошевич, «мы узнаем по частям от нескольких рассказчиков» (457) в версии, серьезно отличающейся от канонических евангелий. Стиль этой части текста приподнято-торжественный, в нем присутствуют отголоски древней легенды, он придает происходящему значительность и глубину, и одновременно высокий драматизм.

Самое значительное место в повествовании занимает третья сюжетная линия, которую Урошевич назвал «роман вокруг романа» (457). Это история о Воланде и его свите, появившихся в Москве в

конце 1920-х гг. С появлением Воланда происходит резкий поворот в судьбе и Мастера, и Маргариты, которые обретают возможность соединить свои судьбы. Многие явления в жизни социалистической Москвы благодаря вмешательству нечистой силы обретают свое истинное значение, обнаруживается глубина ханжества и лицемерия бюрократии разного уровня, особенно в писательской среде. В этой части «доминирует сатирическо-юмористический стиль, превращающийся в кульминационные моменты в бурлеск» (457). Меняется и тип рассказчика. Это «недостовверный» (458) повествователь, который как бы не вполне понимает, что же, в сущности, случилось, чему он на самом деле стал свидетелем. «Этот рассказчик удивляется и ужасается поступкам компании Воланда, но мы чувствуем — это рассказчик, который притворяется непонимающим, а на самом деле усмехается в усы» (458). Мастерство Булгакова, подчеркивает Урошевич, заключается в том, что в финале все три линии сходятся при помощи ряда деталей и остроумных сюжетных ходов, раскрывающих их глубинную взаимосвязанность и взаимообусловленность.

В. Урошевич уделил отдельное внимание такой черте поэтики «Мастера и Маргариты», как соединение элементов фантастики и комического, что проявится позднее и в его собственном творчестве. М. Булгаков использовал в этом романе такой тип современной фантастической литературы, который предполагает столкновение, конфликт между сверхъестественным явлением и рациональным миром. Два эти полюса представлены соответственно Дьяволом / Воландом и реальным миром, Москвой первого десятилетия советской власти с ее вульгарно-рационалистическим утверждением материалистического мировоззрения. «Блестящее сочетание: столица “научного социализма” и фигура из кошмарных снов человечества, оппонент любого рационального подхода к жизни, отрицание здравомыслящей организации Универсума и веры в Добро как основной основы прогресса» (458). Именно это столкновение положило начало цепочке невероятных событий романа, подчеркивает исследователь.

Он видит в таком использовании фантастического элемента продолжение гоголевской традиции, для которой характерно соединение фантастики и комического для достижения гротескового эффекта. Напоминая факт биографии Гоголя, который сжег часть рукописи «Мертвых душ», и аналогичный отчаянный поступок Мастера, Урошевич не склонен считать эту деталь «парадигмой» трагической судьбы писателя. Исследователь видит «подлинное родство глубже — в ощущении связи между смехом и страхом как между

двумя возможными реакциями человека, который оказывается перед миром, ускользающим от его привычного понимания» (459). Македонский ученый считает, что таким образом реализуется спасительная, врачующая сила смеха: «Смех, соединившись с фантастикой, создает для трагической ситуации, возникшей при вмешательстве сверхъестественного в обычную жизнь, еще один возможный выход: смех гуманизирует сверхъестественное и делает ненужным рационалистическое ему противостояние» (459).

Наряду с Библией и Гоголем, Урошевич в качестве подтекстовой основы романа обращает внимание и на средневековую европейскую легенду о Фаусте и произведение Гете, указывая на многочисленные аллюзии в романе. Сегодня эта тема достаточно глубоко исследована, но тогда наблюдения Урошевича имели важное значение, они ориентировали читателя произведения, подготавливали его к чтению многослойного текста, связанного многочисленными нитями с шедеврами мировой и русской литературы. Урошевич не прошел мимо целого ряда деталей, указывающих на тесную связь булгаковского шедевра с одним из величайших произведений мировой литературы. Он, в частности, подметил, что ассоциацию с «Фаустом» усиливает имя несчастного Михаила Александровича Берлиоза, которое должно вызвать у культурного читателя ассоциацию с Гектором Берлиозом, автором оратории «Осуждение Фауста», также и цепь с изображением черного пуделя на шее Маргариты на балу у Воланда. Черный пудель считался в европейской культуре Средневековья символом дьявола, именно поэтому у Гете Мефистофель впервые предстал перед Фаустом в этом обличье. В то же время Урошевич обратил внимание на то, что русский писатель предлагает совершенно иную трактовку известного мотива, в частности, поведение булгаковской Маргариты в корне отлично от героини в «Фаусте». У Булгакова женщина играет исключительно активную роль и представляет собой, в сущности, главную двигательную силу сюжета.

В качестве одной из важных проблем романа «Мастер и Маргарита» Урошевич выделил роль сил добра и зла в судьбе Мастера. Он обратил внимание, что «силы порядка, основанного на весьма упрощенной формуле материалистического мировоззрения» (460), объединились против художника. Ему помогают темные силы, силы иррационального. Возникает любопытный парадокс: «подлинное искусство находится под защитой Воланда, Господина Тьмы, павшего ангела, вечного бунтовщика против устоявшихся авторитетов и носителя сомнения в любой идее, которая хочет представить мир

результатом действия одного-единственного принципа» (461). В то же время в самом конце романа на защиту Мастера встают и силы добра. Македонский исследователь подчеркивает, что силы зла и добра объединяются у Булгакова для защиты подлинного искусства, духовности и красоты, и предостерегает от упрощенной трактовки философского содержания произведения, в котором грань между этими понятиями оказывается тонкой, они на самом деле дополняют друг друга.

Столь глубокое проникновение В. Урошевича в смысл романа о Мастере дало, как нам представляется, импульс и для собственного творчества македонского писателя. Вполне возможно, что это произошло неосознанно, так как обнаруживается спустя почти сорок лет после того, как Урошевич был глубоко погружен в мир булгаковского романа. Речь идет о повести-сказке «Невеста змея» (2009). Сразу подчеркнем, что никаких прямых ассоциаций (цитат, прямых или скрытых, упоминаний имен булгаковских персонажей и пр.) с текстом «Мастера и Маргариты» в произведении Урошевича нет. Там со всей очевидностью присутствует фольклорная основа, ориентация на национальную сказочную традицию.

В основу сюжета повести-сказки «Невеста змея» положен популярный у всех славян (и не только) традиционный сказочный мотив о борьбе со змеем / драконом. Завязка повести В. Урошевича и ее основная канва соответствуют жанру волшебной сказки. Юную красавцу Летку похищает змей, и брат Денко идет ее спасать. Он готов сразиться со змеем и освободить сестру. По пути он спасает от верной гибели посланца королевы крыс, ее гонца, ученого крыса *Mus Rattus* (с лат.: черная или домашняя крыса), который становится его верным помощником. Еще один помощник — оса Зуда — тоже оказывается полезной в его миссии. Герой наделен смекалкой, упорством, храбростью, он понимает язык животных и насекомых, чувствует знаки, которые ему подает природа, что помогает ему избежать гибели. В повести появляется кузнец, частый персонаж народных сказок о змее, нечистая сила в виде упырей, кикимор, русалок, псоглавцев, колдунья-ведунья, помощники змея хозяин постоянного двора и Патенталья, который в фольклоре выступает как благородный и верный помощник героя. Таким образом, проступает очевидная связь с самым значительным собранием македонских народных сказок Марко Цепенкова.

Урошевич пародирует сказочный сюжет и фольклорную трактовку героев. Денко преодолевает препятствия и добирается до логова

змея. Однако своей сестры у змея он не находит. Ее выкрали похитители из другого мира (в повести он называется Нижняя земля), и сам змей отправляется ее выручать из беды. Он и Летка полюбили друг друга, и змей из похитителя превратился в героя-спасителя. Денко и змей объединяются для спасения девушки, и в финале Летка улетает со змеем в его пещеру. Таким образом, через прием пародии в повести реализуется идея об относительности добра и зла, характерная, как в свое время отметил Урошевич, для романа Булгакова.

Если вспомнить, каким интеллигентным, приятным и обходительным был Воланд, то сходство в изображении нечистой силы у писателей усиливается. Олицетворение зла — змей — тоже оказывается весьма симпатичным и в этом приближается к булгаковскому персонажу. Змей изображен интеллектуалом, в пещере которого есть богатая библиотека, в том числе энциклопедические издания. Его пещера — комфортное жилище, где все «источало ленивую негу расслабленного безделья»¹⁰. Впрочем, видеть тут ассоциацию с текстом русского писателя все-таки было бы натяжкой. Скорее можно предположить, что автор пародирует и сказочный образ, и его научную интерпретацию из известных и широко цитируемых в современной науке трудов В. Я. Проппа («Морфология волшебной сказки» и «Исторические корни волшебной сказки»). Повзрослевший Денко становится фольклористом и должен быть знаком с исследованиями русского ученого. В. Я. Пропп, например, утверждает, что в сказке нет подробного описания змея и его жилища. Сказано только, что чаще всего змей / дракон живет на высокой горе. В. Урошевич, напротив, приводит подробный «портрет» змея, созданный на контрасте. Подчеркнута его огромная физическая сила («от туловища исходило ощущение неумолимой силы — оно было могучим, созданным для набегов и налетов, время от времени под кожей змея, лежавшего на гладкой скале, подрагивали мускулы...»¹¹) и в то же время ум и доброта («невероятно умные глаза, светившиеся добротой и пронизательностью»¹²).

Традиционное сказочное пространство называется «Верхней землей», которой противопоставлена населенная подлинными злодеями «Нижняя земля». Это современный город, «место для жизни опасное», как убеждают герои. Похищенная Летка попала в пу-

10 Урошевич В. Невеста змея. М., 2012. С. 101.

11 Там же.

12 Там же.

бличный дом, откуда ее и спасают брат и змей-жених. Описанию мира патриархально-сказочного противопоставлено описание городских реалий с улицами, запахами, полицией, охранниками и владельцами притонов. При характеристике Нижнего мира автор прибегает к обличительной сатире.

Именно в этой части повести Урошевича прослеживается, на наш взгляд, интертекстуальная связь с «Мастером и Маргаритой». Это касается появления на улицах города необычной компании, прибывшей из Верхнего мира спасать невесту змея. Она ассоциируется с разгуливающими по Москве помощниками Воланда. Вот как выглядела компания: «Мужчины выглядели странно — один помоложе, был одет как подсобный рабочий на стройке, на нем, совершенно не по сезону, была кепка из толстой ткани, мягая куртка и такие же брюки; второй, лысый, самый крупный из них, был в черной майке без рукавов, бриджах и грубых ботинках на босу ногу; у третьего на голове была соломенная шляпа-канотье с черным шнурком, длинный черный фрак на голое тело и пестрые брюки в оранжевую и фиолетовую полоску. В руках у третьего был большой черный футляр от виолончели»¹³. Известное описание из романа Булгакова помощников Воланда усиливается для македонского читателя ассоциацией с персонажами из снятого А. Петровичем фильма.

Посетители из «Верхнего мира» с интересом разглядывают город и отмечают, что «тут у них все не такое, каким кажется с первого взгляда». Хотя спасателям девушки предстоит серьезная и опасная операция по ее освобождению, они готовы к разным шуткам и мелким пакостям. Патенталья настроен «хорошо повеселиться», а еще отомстить разным «мрачным типам», возомнившим, что на них нет управы. Другой участник акции, Плешак, вообще планирует целый город «на уши поставить». Ученый Крыс сформулировал поставленную цель философски: «победа иррациональных сил хаоса над приверженцами порядка и разума». У колдуньи разные глаза: один карий, другой зеленый. Первый смотрит ласково, второй злобно. Вспомним, что разные глаза были у Воланда, который также хромал. Колдунья при появлении в городе в черном обтягивающем платье сначала с трудом идет в туфлях на каблуках, затем она шутит над цыганом, превращая его дешевый товар в драгоценные украшения. Жители города, как и москвичи у Булгакова, становятся свидетелями необычных природных явлений, сильной грозы и бури.

13 Урошевич В. Невеста змея. М., 2012. С. 128–129.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос отношения произведений М. Булгакова и Урошевича с постмодернизмом. «Мастер и Маргарита» одними учеными относится к одному из первых постмодернистских текстов в русской литературе, другими — к предшественникам этого направления. «Невеста змея» В. Урошевича, напротив, может считаться попыткой художественного оппонирования постмодернизму. Произведение несет отчетливый отпечаток македонской литературной ситуации начала XXI в. и связано с возрастающей оппозицией поэтике постмодернизма, доминировавшего в национальном искусстве слова в 1980–1990-е гг. В нулевые годы чувствуется «усталость» от постмодернизма, появляются произведения, где полемически опровергаются его основные художественные принципы. В этом ряду свое место занимает и повесть В. Урошевича, где пародируются, например, такие приемы, как палимпсест. В целом же для повести-сказки В. Урошевича роман Булгакова, наряду с волшебной сказкой, может рассматриваться как архетип.

Интересно, что в романах 2000-х гг. переводчика Булгакова Тани Урошевич ассоциативной связи с русским писателем не обнаруживается, при том что многие ее произведения написаны в постмодернистской манере (романы «Оплошность» и «Аквамарин»), в них реальность прихотливо переплетается с мифом и фантастикой.

Именно соединение мира реального и фантастического в «Мастере и Маргарите» продолжает вызывать самый пристальный интерес у македонских писателей, считают македонские исследователи. Например, Л. Капушевская-Дракулевская отметила этот аспект в докладе на юбилейной конференции, посвященной М. Булгакову, а затем в статье «Отражение фантастического мира романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита” в современной македонской литературе»¹⁴.

М. Булгаков за полвека своего присутствия в Македонии стал неотъемлемой частью ее культуры. К юбилею писателя известный македонский и российский режиссер Иван Поповский поставил инсценировку «Мастера и Маргариты» в Македонском Народном театре (премьера состоялась 1 декабря 2015 г.). Спектакль известного своим новаторским подходом к интерпретации литературных произведений режиссера получил восторженные отклики публики и прессы и занял свое постоянное место в репертуаре театра.

¹⁴ *Капушевска-Дракулевска Л.* Отражение фантастического мира романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в современной македонской прозе // Михаил Булгаков и славянская культура. М., 2017. С. 267–276.

Источники и литература

- Božović Z. Čehov kao dramski pisac kod Srba.* Beograd, 1985. 279 с.
- Ваганова Н.* Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. СПб., 2007. 237 с.
- Ѓурчинов М.* Освојување на реалноста. Скопје, 2000. 486 с.
- Ѓурчинов М.* Современа македонска книжевност. Скопје, 1983. 502 с.
- Капушевска-Дракулевска Л.* Отражение фантастического мира романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в современной македонской прозе // Михаил Булгаков и славянская культура. М., 2017. С. 167–276.
- Маравич Д.* Сербская и хорватская литературная критика о романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2000. 19 с.
- Михаил Булгаков и славянская культура. М., 2017. 384 с.
- Урошевиќ В.* Писателот под закрила на темните сили // Булгаков М. Мајсторот и Маргарита. Скопје, 1996. С. 453–461.
- Урошевич В.* Невеста змея / Пер. О. Панькиной. М., 2012. 175 с.
- Шешкен А. Г.* Русская и югославянские литературы в свете компаративистики. М., 2003. 144 с.
- Шешкен А. Г.* Югославская русистика о Михаиле Булгакове // Михаил Булгаков: современные толкования. К 100-летию со дня рождения. 1891–1991. М., 1991. С. 138–151.

References

- Božović, Z. Čehov kao dramski pisac kod Srba.* Beograd, 1985, 279 s.
- Ѓurčinov, M. Osvojuvanje na realnosta.* Skopje, 2000, 486 s.
- Ѓurčinov, M. Sovremena makedonska kniževnost.* Skopje, 1983, 502 s.
- Капушевска-Дракулевска, L. “Otraženie fantastičeskogo mira romana M. Bulgakova «Master i Margarita» v sovremennoj makedonskoj proze”.* *Mihail Bulgakov i slavânskaâ kul'tura.* Moscow, 2017, s. 167–276.
- Maravič, D. Serbskaâ i horvatskaâ literaturnaâ kritika o romane M. A. Bulgakova «Master i Margarita».* Avtoref. Dis. Kand filol. nauk. Moscow, 2000, 19 s.
- Mihail Bulgakov i slavânskaâ kul'tura.* Moscow, 2017, 384 s.
- Šešken, A. G. Russkaâ i ũgoslavânskie literatury v svete komparativistiki.* Moscow, 2003, 144 s.
- Šešken, A. G. “Ŭgoslavskaâ rusistika o Mihaile Bulgakove”.* *Mihail Bulgakov: sovremnyye tolkovaniâ. K 100-letiu so dnâ roždeniâ. 1891–1991.* Moscow, 1991, s. 138–151.
- Uroševič, V. Nevesta zmeâ.* Moscow, 2012. Per. Pan'kinoy O., 175 s.

Urošević, V. "Pisatelot pod zakrila na temnite sili". *Bulgakov M. Majstorot i Margarita*. Skopje, 1996, s. 453–461.

Vagapova, N. *Ruskaâ teatral'naâ èmigraciâ v Central'noj Evrope i na Balkanah*. Sankt-Peterburg, 2007, 237 s.

Alla G. Sheshken

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

M. Bulgakov's "The Master and Margarita" in the context
of Macedonian fiction (1970s–2010s)

The Macedonian interest to Bulgakov numbers around 50 years. It started in 1970 when "The Master and Margarita" was translated by T. Urošević and published. Since then, Bulgakov became an inalienable part of the national culture and at the same time Macedonia entered the process of world reception of the Russian classical author of the 20th century. In the Macedonian history of Bulgakov's reception, two periods stand out, which can be explained by the historical circumstances, 1970–1991, and 1991 until now. During the first period, the Macedonian reception of Bulgakov was an inalienable part of the Yugoslav reception of his works. Quite shortly, he became very popular and was perceived as a member of the same group with Tolstoy, Dostoyevsky and Chekhov. The beginning of academic reception of Bulgakov's oeuvre was marked by the text by V. Urošević published as an afterword to "The Master and Margarita". The novel changed the ideas of the Macedonian (and Yugoslav) literary studies about the processes that took place in the Russian literature in the 1920s–1930s, their richness and diversity. The satirical image of socialist Moscow, the correlation of the elements of realism and science fiction, the deep philosophical content of the novel, the comprehension of the literary tradition, the artistic subtext of the work are the main issues that attracted Bulgakov's scholars. Since the 1990s, "The Master and Margarita" is conceptualized in connection with postmodernism, which has become one of the main artistic movements in Macedonian literature. In the 2000s in the author's tale of V. Urošević, "The Bride of the Serpent," traits are revealed that make it possible to talk about the writer's creative dialogue with the classic of Russian literature of the twentieth century.

Keywords: *Mikhail Bulgakov, "The Master and Margarita", Vlada Urošević, Tanja Urošević, realism, fiction, literary tradition, Macedonian literature of the twentieth century.*

УДК 821.161.1., 821.163.41.
ББК 83.3(2), 83.3(4/8)

Г. П. Тыртова
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)

О трудностях перевода на сербский язык повести С. Довлатова «Заповедник»

На примере перевода повести С. Довлатова «Заповедник» на сербский язык рассматриваются проблемы передачи реалий и фрагментов текста, обладающих эмотивно-экспрессивной коннотацией. Сложности переводческой работы с реалиями исследуются на материале нескольких групп (советизмы, названия литературных произведений и цитаты из них, имена и фамилии). В сербском тексте все реалии передаются с помощью транскрипции. В статье доказывается неправомерность такой стратегии, предлагаются иные варианты, делается вывод о необходимости индивидуального подхода к передаче каждой реалии. Так, если при передаче имен-символов (Шепилов, Гейченко, Керн) возможна транскрипция, но с обязательными пояснениями, то фамилии типа *Красильников*, *Карацупа* и др. в силу ряда причин не только не требуют транскрипции, но и могут опускаться (нулевая трансформация). Автор рассматривает и примыкающие к реалиям контексты, смысл которых непонятен иностранному адресату по причине отсутствия у него экстралингвистической информации, которой обладает русскоязычный читатель. Затрагивается вопрос перевода просторечной лексики и компенсационных преобразований. Делается вывод о необычайно сложной языковой мозаике «Заповедника», которая ставит повесть на грань непереводаемости.

Ключевые слова: *реалии, советизмы, имена собственные, просторечие, коннотации, эмоциональный аспект, эквивалентность перевода.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.6.01

В одном из писем, отправленных после выхода американского издания повести, С. Довлатов посетовал: «Жаль, что “Заповедник” трудно перевести. Все говорят, что это моя лучшая книжка»¹. Со вто-

¹ Довлатов С. Заповедник и другие истории: повести, рассказы. СПб., 2015. С. 524.

рым суждением можно соглашаться или нет, считая, что у писателя есть и более достойные произведения, но с первым выводом не поспоришь. С чем связаны трудности перевода довлатовской повести? В ней нет того, что обычно привлекает большинство читателей: захватывающего детективного сюжета или любовных страстей; автор рассказывает о жизни и работе своего героя в Пушкиногорье, куда тот уехал, чтобы обдумать свою жизнь, принять какие-то решения, выйти из тупика. Всё это происходит на фоне картин советской жизни, для описания которой, среди прочего, использованы многочисленные реалии (прежде всего советизмы) и близкие к ним элементы. Именно с их передачей связан ряд трудностей. Переводчики, создававшие английский текст, столкнулись с тем, что нужны многочисленные объяснения в разных формах, чтобы довести до сознания людей, никогда не знавших социалистической действительности, ее особенности и передать национальный, исторический и социальный колорит реалий. Предполагает ли меньшие трудности перевод, если он выполняется для читателей, у которых имеются некоторые сведения о социализме и советской жизни? Именно с этой точки зрения интересен сербский перевод «Заповедника», выполненный Р. Мечанин.

Анализ под таким углом зрения не предполагает разбора отдельных смысловых ошибок, от которых несвободен сербский текст «Заповедника», т. е. не рассматриваются такие случаи, как:

Университетская профессура была *озадачена*.

Univerzitetaska profesura je bila *ograničena zadacima*.

Переводчица ошибочно посчитала, что глагол *озадачить*, от которого образовано краткое причастие, имеет в данном случае значение «поставить задачу», и именно его она использует в своем тексте, в то время как эквивалентом для русского причастия служат сербские формы *zbunjen, doveden u zabunu*.

Более того, специально утвердили новую *штатную единицу*...

Štaviše, specijalno su formirali novu *civilnu jedinicu*...

В этом случае перепутаны паронимы *штатный* (относящийся к штату — серб. *osoblje, personal*) и *штатский* (не военный — серб. *civilni*).

...реплики *второстепенных* государственных деятелей

...replike *marginalnih* državnih činovnika.

В данном контексте нужно было употребить сербские словарные соответствия для русского прилагательного *drugorazredan, sporedan*, что сделало бы перевод эквивалентным.

На третий день работы женщина в очках спросила меня:

— Когда родился Бенкендорф?

— *Году в седамдесетом*, — ответил я.

В допущенной мною *инверсии* звучала неуверенность.

Trećega dana rada, žena sa naočarima me je zapitala:

— Kada je rođen Benkendorf?

— *Sedamdesete godine* — odgovorio sam.

U *inverziji*, koju sam dozvolio sebi, zvučala je neuverljivost.

В русском языке приблизительность, создаваемая инверсией в обозначении времени, говорит о неуверенности героя в своих знаниях. Переводчица механически копирует эту темпоральную конструкцию, не учитывая, что при таком порядке слов в сербском языке инверсия отсутствует, это точная дата — исчезает приблизительность знаний, а вместе с ней и сомнения в них.

Эти ошибки влияют на качество переводного текста, но они не могут быть главной темой в статьях и рецензиях о переводе: прав И. Левый, отметивший, что разбор смысловых ошибок мало поучителен, т. к. они в лучшем случае служат «...мерилом лингвистической подготовки переводчика или тщательности его работы»². Анализ сербского перевода «Заповедника» дает материал для более интересных размышлений о том, какие элементы повести сложны для передачи на другой язык настолько, что препятствуют полной ее переводимости.

1. Советизмы

Разного рода реалии, прежде всего советизмы, т. е. «слова и словосочетания, возникшие за годы советской власти, или старые слова и словосочетания, у которых в этот период возникли новые значения»³ — важная часть культурного кода довластовского текста. Один из аспектов современного их изучения — проблема временной

² Левый И. Искусство перевода. М., 1974. С. 119–152, 217–236.

³ Чернов Г. В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык. М., 1958. Т. XVI. С. 223.

дистанции: СССР распался почти тридцать лет назад, одни советизмы утрачены, другие поменяли окраску или звучат теперь иронически. Между появлением русского текста «Заповедника» (впервые был напечатан в США в 1983 г.) и его переводом на сербский язык (2004) прошло двадцать лет революционных перемен. В Сербии всё меньше людей, которые помнят социалистическую действительность, и это делает проблему понимания советизмов для читателей-сербов еще сложнее, что неудивительно: значение некоторых лексем этой группы неясно и многим русскоязычным людям, живущим на территории бывшего СССР; им тоже нужны дополнительные толкования. В вышедшем в 2015 г. сборнике довлатовских произведений в комментариях объясняется, что такое ленкомната, ОГПУ, ЦК, БАМ, «Немецкая волна», «Пионерская зорька», ДОСААФ, «Варшавянка» и др. и кто такие А. Гречко, Н. Карацупа, С. Гейченко, В. Пикуль, И. Эренбург, Д. Шепилов и т. д. Старшему и среднему поколению российских читателей хорошо известно всё или почти всё перечисленное, но для нового читателя это — terra incognita.

Сербский текст «Заповедника» показывает, что передача советизмов требует большой и кропотливой работы. Для их передачи применяются обычные для реалий приемы: транскрипция и транслитерация (как правило, сопровождаются пояснениями, комментариями, сносками), описательный перевод, приближенный перевод, в редких случаях — калькирование. Р. Мечанин, автор сербского перевода, в подавляющем большинстве случаев выбирает для передачи советизмов транскрипцию, но лишь в трех случаях дает подстрочные примечания, которые касаются реалий-аббревиатур ДОСААФ, УВД и ЛИТМО (Ленинградский институт точной механики и оптики). Остальные советизмы транскрибированы без каких-либо дополнительных объяснений их значения: *šeka*, *Ogonjok*, *tanker Derbent* и др.

Выбирая наиболее подходящий путь для передачи реалий, переводчик опирается на свои фоновые знания, опыт и чутье. Р. Мечанин использует транскрибирование, но сравнение русского и сербского текстов показывает, что в отдельных случаях лучшему пониманию советизмов послужило бы использование других приемов:

А Марков говорит:

— Это вы напрасно... У нас теперь вместо Бога — ленинский центральный комитет.

Хотя наступит и для этих блядей своя кровавая *ежовщина*...

Ali, Markov mu reče:

— Džaba vam je to... kod nas je sad umesto Boga — Lenjinov centralni komitet. Mada će i te kurve jednog dana doživeti svoju krvavu *ježovštinu*.

Термин *ежовщина* используется в сербской исторической литературе, но он вряд ли известен кому-то, кроме специалистов. Здесь уместно использовать трансформацию замены, употребив вместо данной лексемы другие, широко известные советизмы — “*gulag*”, “*čistka*”.

Иной подход возможен при передаче советизма *власовец*:

Сотрудничает в этом...ну... «Континентале». Типа радио «Свобода». Литературным *власовцем* заделался не хуже Солженицына. Saraduje u tom... ра... Kontinentalu. Tipa radio „Sloboda“... Postaje književni *vlasovac*, ništa gori od Solženjicina.

Как и в случае с реалией *ежовщина*, этот советизм (солдат или офицер, воевавший в армии генерала А. А. Власова, перешедшего на сторону Германии) может быть известен специалистам или людям старшего поколения, но он не знаком другим представителям сербской культуры. Возможное решение — использовать генерализирующую трансформацию, употребив слово *izdajnik* (предатель). При таком подходе перевод теряет часть колорита, т. к. появляется слово с нулевой коннотацией, но его употребление передает предметное содержание реалии, что делает текст полностью понятным для читателя перевода.

При передаче некоторых реалий более информативным, более адекватным стал бы поясняющий перевод. Например, интерпретациями фразы *Vi slušate “Pionirsku zoru”* могут быть варианты:

Vi slušate *jutarnju emisiju za decu*. Slušate *dečiju jutarnju emisiju*.

Анализ контекстов, включающих советизмы, показывает, что при их передаче в каждом отдельном случае нужен индивидуальный подход. Так, в оригинале встречается широко известный советизм *колхоз*:

Митрофанов вырос фантастическим лентяем, если можно назвать лентяем человека, прочитавшего десять тысяч книг. Митрофанов не умывался, не брился, не посещал ленинских субботников. Не возвращал долгов и не зашнуровывал ботинок. Надевать кепку он ленился.

Он просто клал ее на голову. **В колхоз** — не поехал. Взял и не явился без уважительной причины.

Mitrofanov je postao fantastična lenčuga, ako se lenčugom može nazvati čovek koji je pročitao deset hiljada knjiga. Mitrofanov se nije umivao, nije se brijač, nije posećivao Lenjinove subotare. Nije vraćao dugove i nije zapertljavao cipele. Mrzelo ga je da navlači kačket. Samo bi ga stavio na glavu. **U kolhoz** nije otišao. Prihvatio i — nije se pojavio, a bez valjanog razloga.

Эта советская реалья знакома сербам не понаслышке: сразу после Второй мировой войны в Югославии, ставшей на путь социализма, делались попытки (малоудачные и быстро закончившиеся) ввести колхозное хозяйствование. В данном случае советизм *колхоз* — метонимия, основанная на связи места и людей, действующих в этом месте: С. Довлатов имеет в виду широко практиковавшиеся в советскую эпоху выезды студентов в колхозы для помощи в уборке урожая. Передать метонимию можно, используя бытующее в сербском языке выражение *radna akcija: Na radnu akciju nije otišao*.

2. Названия литературных произведений

Еще одна разновидность реалий, которых немало в повести С. Довлатова. Так, в одном из диалогов встречается название известной трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам», а в другом — заглавие критической статьи Н. А. Добролюбова, посвященной драме А. Н. Островского «Гроза»:

— Вера, — крикнул Марков, — дай опохмелиться! Я же знаю — у тебя есть. Так зачем это *хождение по мукам*? Дай сразу!

Vera — viknu Markov — daj da razbijemo mamurluk! Znam ja, ti imaš. Šemu onda ovo *hoždenije po mukama*? Daj odmah!

Вероятно, переводчица, не «опознав» реалию, протранскрибировала первое слово, тогда как правильное название романа А. Н. Толстого в переводе на сербский язык «*Нод по mukama*».

Взгляни на это прогрессивное человечество! На эти тупые рожи! На эти *тени забытых предков*! Живу здесь, как *луч света в тёмном царстве*...

Pogledaj ovo progresivno čovečanstvo! Ove tupave njuške! Ove *senke zaboravljenih predaka*! Živim ovde kao *zrak svetlosti u carstvu mraka*...

Кроме «луча света», второй пример содержит еще одну реалию, которая является ссылкой на два произведения: «Тени забытых предков» — название одного из первых фильмов С. Параджанова (вероятнее всего, именно на него намекает С. Довлатов), но так же называется повесть известного украинского писателя М. Коцюбинского, по которой снят этот фильм.

В «Заповеднике» встречается и более сложная разновидность литературных реалий: цитата-ссылка, аллюзия на определенное литературное произведение. Например, в отрывке:

Казалось бы — откуда? *Из какого сора?* Из каких глубин убогой, хамской жизни?!

Reklo bi se: odakle? *Iz kog đubreta?* Iz kojih dubina ubogog, prostačkog života?

содержится аллюзия на стихотворение А. Ахматовой из цикла «Тайны ремесла» («Когда б вы знали, из какого сора растут цветы, не ведая стыда...»).

Радмила Мечанин во всех случаях дословно передает рассматриваемые реалии, но такой перевод, не снабженный примечаниями или пояснениями внутри текста, не может считаться прагматически эквивалентным русским аллюзиям. Читатель оригинала знает произведения, на которые ссылается автор, он понимает основанный на этом юмор, однако его не способен оценить иностранный читатель, которому не известна ни одна из реалий. Это еще раз подтверждает вывод А. Д. Швейцера о том, что дословная «передача такого рода аллюзий, как правило, не достигает своей цели, оставляя нераскрытой лежащую в ее основе импликацию»⁴.

3. Имена собственные

Говоря об этой лексической группе, Влахов и Флорин замечают, что «...тесные связи имен собственных с определенным народом, с национальными традициями и культурой [...] делают их носителями национального (а иногда и исторического) колорита, роднят их с реалиями»⁵.

⁴ Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. С. 157.

⁵ Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. С. 270.

С. Довлатов часто упоминает знаменитых ученых, писателей, политиков, общественных деятелей советской эпохи, которые надолго останутся в истории. Их имена общеизвестны и входят в группу так называемых прецедентных феноменов, не требующих пояснений. Передача таких имен не представляет сложности — в этом случае достаточно их транскрибировать:

...Говорят, в ленинградском Дворце искусств аплодировали, когда **Сталин** появился на экране. Я-то всегда его ненавидел. Задолго до реформ **Хрущева**⁶.

Kažu u lenjingradskom Dvorcu umetnosti su aplaudirali kada su ugledali **Staljina** na ekranu. A ja sam ga uvek mrzeo. Mnogo pre **Hruščovljevih** reformi. Марков слегка возвысил голос. Апломб и самоуничижение постоянно в нем чередовались. Он говорил:

— Надо же русскому диссиденту опохмелиться, как по-твоему? **Академик Сахаров** тебя за это не похвалит...

Markov je blago povisio glas. U njemu su se stalno smenjivali samopouzdanje i ponižavanje samog sebe.

— Ruski disident treba da rastera mamurluk, šta ti misliš? Zbog toga te neće pohvaliti **akademik Saharov**...

Но встречаются в «Заповеднике» имена людей, незнакомых как иностранцам, так и широкой российской публике. Передавая их, Р. Мечанин использует тот же прием, что и в предыдущем случае, т. е. транскрибирует без дополнительных объяснений. Представляется, однако, что способ передачи таких имен может быть разным в каждом конкретном случае:

Заговорили обо мне. Кто-то из общих знакомых сказал:

— Он в Таллине.

Ему возразили:

— Нет, уже год, как в Ленинграде.

— А я слышал, что в Риге у **Красильникова**.

Poveo se razgovor o meni. Neko od zajedničkih poznanika je rekao:

— Он је у Талину.

Uzvratili su mu:

— Nije, već godinu dana je u Lenjingradu.

— А ја сам чуо да је у Риги, код **Krasiljnikova**.

⁶ Там же. С. 457.

Красильников — малоизвестный широкой публике персонаж. Из комментария к русскому тексту «Заповедника» можно узнать, что это поэт, представитель филологической школы, возникшей на филфаке ЛГУ во второй половине 50-х гг. Сидел в тюрьме за антисоветскую деятельность, жил в Риге, работал экскурсоводом, составил путеводитель по городу⁷. Его имя в повести больше не встречается, оно не важно для формирования смысла или более глубокого понимания содержания. Такая контекстуальная обстановка допускает без потерь для текста т. н. нулевой перевод (трансформация опущения), который в данном случае полностью оправдан, т. к. повесть до предела насыщена именами собственными, а мозаика из неизвестных имен может мешать иностранному читателю воспринимать текст и даже раздражать его.

Опущение некоторых фамилий может сопровождаться трансформационными преобразованиями:

У меня была идея — рвануть отсюда куда попало. Хоть в Южную Родезию. Лишь бы подальше от нашей деревни... Но как? Граница на замке! С утра до ночи под охраной *Карацуны*...

...Imao sam ideju — da kidnem odavde, pa kud puklo da puklo. Makar i u Južnu Rodeziju. Samo što dalje od ovog našeg sela... Ali kako? Granica je na katancu! Od jutra do noći je pod obezbeđenjem *Karacupe*...

Фамилия *Карацуны*, самого известного советского пограничника 30-х гг. XX в., служит здесь символом героической деятельности всех пограничников, и в переводе предпочтительнее не формальная эквивалентность, а передача значения контекста, т. е. замена фамилии человека обозначением его деятельности: Od jutra do noći je pod obezbeđenjem *granične straže*.

Другие имена, такие как *Шепилов*, *Гейченко* или *Керн*, не могут опускаться. Это своеобразные ярлыки, имена-символы⁸, для передачи которых обязательно пояснение, сопровождающее транскрипцию:

Я гостеприимно наклонил бутылку. В руках у него чудом появился стакан.

— Премного благодарен, — сказал он. — Надеюсь, всё это куплено ценой моральной деградации?

⁷ Довлатов С. Заповедник и другие истории: повести, рассказы. СПб., 2015. С. 526.

⁸ Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. С. 290.

— Перестань, — сказал я, — лучше выпьем.

В ответ прозвучало:

— Благодарю и примыкаю, как *Шенилов*...

Gostoljubivo sam mu ponudio flašu. U njegovim rukama se nekim čudom pojavila čaša.

— Premnogo zahvaljujem — rekao je. — Nadam se da je sve to kupljeno po ceni moralne degradacije?

— Prestani — kažem — bolje da pijemo.

Začuh odgovor:

— Zahvaljujem i pristupam, kao *Šepilov*.

Шепилов, партийный и государственный деятель, стал известен в 1957 г., когда на Пленуме ЦК КПСС шла речь об антипартийной группе «Молотова, Кагановича, Маленкова и примкнувшего к ним Шепилова». Последняя часть этой формулировки стала основой анекдота, превратилась в клише. Конечно, для иностранного читателя и Красильников, и Карацупа, и Шепилов одинаково неизвестные персоны, но поскольку фамилия последнего — определенный символ и вводится она, как правило, для получения комического, юмористического эффекта, прагматика перевода требует сноски с объяснением.

Он говорит — «фикция», — разъяснил Потоцкий. — Он хочет сказать, что аллея *Керн* — это выдумка *Гейченко*. То есть аллея, конечно, имеется. Обыкновенная липовая аллея. А Керн тут ни при чем. Может, она и близко к этой аллее не подходила.

On kaže “fikcija” — razjasnio je Potocki. — Hoće da kaže kako je aleja *Kern* — *Gejčenkova* ideja. To jest, aleja postoji, naravno. Običan drvored lipa. A Kern nema blage veze sa tim. Možda nije bila ni blizu te aleje.

С. С. Гейченко в течение нескольких десятилетий был директором пушкинского музея-заповедника. Творчески относился к своему делу, был автором многих «придумок», существовавших в Пушкиногорье. Одна из них, о которой иронично говорит С. Довлатов, — аллея Анны Керн, героини знаменитого пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье...». Знаковость этих двух имен — основание для сноски или объяснения после текста.

Особая сложность «Заповедника» — наличие большого числа контекстов, которые, не будучи реалиями в прямом смысле этого слова, напоминают их тем, что смысл сказанного непонятен иностранному адресату в силу отсутствия у него экстралингвистической инфор-

мации, которой обладает русскоязычный читатель. Кроме того, эти контексты, ироничные, юмористические, полные намеков и отсылок, обладают экспрессивно-эмотивной коннотацией, крайне сложной для адекватной передачи. Эти два фактора и ставят довлатовскую повесть на грань переводимости. Переводчик должен понимать уровень экстралингвистических знаний иностранца и соизмерять экспрессивность текстов оригинала и перевода. При этом он должен учитывать, «что внешне однотипные средства языка подлинника и языка перевода иногда резко отличаются друг от друга по степени экспрессивности. Отсюда следует, что механическое копирование стилистических средств подлинника не ведет к достижению требуемого коммуникативного эффекта»⁹. Между тем именно механическое копирование встречается в сербском переводе многих фраз:

...Вдумайтесь, товарищи! «Я вас любил так искренно, так нежно...»
 Миру крепостнических отношений противопоставил Александр Сергеевич этот вдохновенный гимн бескорыстия...
 Zamislite drugovi! Voleh vas tako iskreno, tako nežno... Svetu kmetovskih odnosa Aleksandar Sergejevič je suprotstavljao ovu nadahnutu himnu nesebičnosti...

Р. Мечанин скрупулезно воспроизвела референциальный смысл, но не добилась эффекта, присутствующего в оригинале. Те, кто в советские времена изучал творчество А. С. Пушкина и других русских классиков, сталкивались с примитивными разборами их произведений, написанными с точки зрения примитивной социологии сухим, суконным языком. Фразы о «вдохновенном гимне бескорыстия», «мире крепостнических отношений» и т. п. были характерны для таких трудов; русскоязычный читатель сразу их узнаёт и понимает авторскую иронию: смешон псевдоанализ гениального стихотворения о любви, несовместим язык поэзии и примитивный язык якобы научного стиля. Подобные фразы давно превратились в своеобразную реалию, которую читатель-серб, выросший в другой культуре, вряд ли может понять. Не может он и оценить иронию автора, ассоциации, на которые рассчитывал С. Довлатов. Трудно предположить, какой должна быть стратегия переводчика: использовать такие же избитые штампы из сербских литературоведческих трудов опасно, т. к. исчезнет колорит; объяснения в сносках помогут понять смысл, но не передадут экспрессию, и т. д.

⁹ Швейцер А. Д. Теория перевода. С. 147.

Сложен для передачи и такой фрагмент «Заповедника»:

Как-то раз я водворил над столом фотографию американского писателя Беллоу.

— Белов? — переспросила Таня. — Из «Нового мира»?

— Он самый, — говорю...

Jednom sam iznad stola stavio fotografiju američkog pisca Beloua.

— Belov? — upitala je Tanja. — Iz Novog mira?

— Glavom i bradom — kažem...

Полное понимание этого небольшого отрывка невозможно, если не донести до иностранного читателя информацию, формирующую важный смысл. Василий Белов — один из главных представителей советской деревенской прозы, Сол Беллоу — американский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1976), хорошо известный лишь интеллектуалам. Героиня явно к ним не принадлежит, если она путает фамилии столь разных авторов. Но герой ее не поправляет, для него это не важно, потому что он влюблен в Таню, она нравится ему такой. Только прочитав комментарии, сербский читатель лучше поймет содержание, увидит игру слов (Белов — Беллоу), узнает, что «Новый мир» — это не просто название одного из печатных изданий, а культовый советский литературный журнал 60–70-х гг. прошлого века.

4. Перевод просторечий

Из случаев, которые принято считать «отклонениями от литературной нормы» (просторечие, жаргоны, сленг, профессиональные языки, вольности устной речи, детская речь, ломаная речь, дефекты речи, ошибки в правописании), в «Заповеднике» встречается преимущественно просторечие, которое автор использует для речевой характеристики персонажей. В идеале переводчик должен подобрать эквивалент или аналог в языке перевода, и в ряде случаев Р. Мечанин это удается: на месте русских просторечий находим удачные сербские соответствия:

Всё же дай *пятёрочку*. Из принципа дай, бляха-муха! Покажи наш советский характер!

Nego, daj mi *petobanku*. Iz principa mi daj, jebote! Pokaži naš sovjetski karakter!

Краснолицый, взъерошенный, Михаил Иванович продолжает орать:

— Забыл — так мы напомним!

— Чего забыл-то, ну?

— Всё напомним. Напомним семнадцатый год! Мы тебя это... Мы тебя, *холеру*, раскулачим! Всех партийных раскулачим! В чека тебя отправим, как этого... Как *батьку Махно*...

Crvenog lica, razbarušen, Mihail Ivanovič i dalje urla:

... — Ako si zaboravio, mi ćemo te podsetiti!

— Šta sam ja to zaboravio, je li?

— Svega ćemo te podsetiti. Podsetićemo te na sedamnaestu godinu! Mi ćemo tebe... Mi ćemo te raskulačiti, *kugo!* Sve partijce ćemo raskulačiti! U čeku ćemo te poslati, kao onog... Kao onog *čaleta Mahnoa*...

В сербском языке слово «холера» не употребляется в переносном значении. Те переносные значения и коннотации, которыми обладает рус. *холера*, в сербском имеет название другой страшной болезни — *kuga* (*чума*).

Приемлемой можно считать передачу слова *батька*. Русско-сербские словари предлагают для рус. *батя* два соответствия: *otac, tata*. Эти слова, относящиеся к литературному языку, были бы неуместны в устойчивом выражении «батя Махно», поэтому разговорное *čale* — *папаня, батя*, не являясь полным эквивалентом, всё же указывает на отступление от литературной нормы.

— Зато он добрый.

— Добрый, — соглашался Никитин, — жену чуть не зарезал. Все *платья ейные* спалил.

— Zato je dobar.

— Dobar je — saglasio se Nikitin — ženu umalo nije zaklao. Sve *aljine joj* je zapalio.

В сербском языке отсутствует просторечный эквивалент для русского местоимения *ейный*, поэтому переводчица оставляет литературную форму выражения притяжательности, но рядом стоящее слово приводит без начального *h*, что является признаком просторечия.

На месте некоторых русских просторечий в сербском тексте находим слова, являющиеся принадлежностью литературного языка. Такие случаи можно разделить на две группы:

1) в сербском языке существует эквивалент для русского просторечия, но по каким-то причинам он отсутствует в переводе:

а) Так, — говорю, — всегда и получается. Сперва *угробят* человека, а потом начинают разыскивать его личные вещи.

Tako — kažem — uvek i bude. Najpre *sahrane* čoveka, pa posle počnu da traže njegove lične stvari.

Сербский литературный глагол *sahraniti* (*похоронить*) не совсем верно передает сказанное в оригинале. В этом контексте возможен глагол *istekati*, который дается в словаре с пометой «пейоративный» и имеет значение «укокошить, ухлопать».

б) Фима говорит: «Двадцать пять рублей!» Мама родная! Где их взять?! Всю Псковщину обегал, еле *наскрѐб*.

Fima kaže “Dvadeset pet rubalja!”...Majko rođena! Gde da ih nađem?! Obišao sam čitav okrug, jedva sam *prikupio*.

В переводе достигнута эквивалентность смысла: *prikupiti* обозначает «собрать», но утрачена просторечная окрашенность, которую можно сохранить, употребив глагол *skucati* (в словаре с пометой «разг.»), имеющий значение «понемногу скопить».

в) Поразительно устроен российский *алкаш*.

Ruski *alkoholičar* je zapanjujuće konstitucije.

В сербском слове *pjandura* есть признаки просторечия, и в данном контексте оно более уместно, чем литературное *alkoholičar*.

2) в сербском языке отсутствует эквивалент для русского просторечия.

Например, невозможно подыскать соответствия для русских слов, просторечность которых опирается на фонетические характеристики:

По щекам гармониста катились слезы. Он спросил:

— Зачем у меня шесть рублей с аванса вычли?! Зачем по *билютню* не дали отгулять?!

Niz harmonikaševe obraze su se kotrljale suze. Upitao je:

— Zašto su mi zakinuli šest rubalja od avansa?! Zašto mi nisu dali *bolovanje* da se oporavim?!

Всех *партейных* раскулачим...

Sve *partijce* ćemo raskulačiti!

Нужные эквиваленты отсутствуют и для просторечий, встречающихся в таких примерах:

Пятнадцать суток дали, *без курева*, без ничего... А нам-то хули?..
 Сидеть — не работать...
 Odrapili su mi petnaest dana, *bez duvana*, bez ičega. I to nam je kazna...
 Da sedimo i ne radimo...

День работаешь, неделю пьёшь... Другим *водяра* — праздник. А для
 меня — суровые будни...
 Jedan dan radiš, nedelju dana piješ... Drugima je *votka* — praznik. A za
 mene surova svakodnevnica...

Компенсируя подобные потери, Р. Мечанин употребляет просторечные слова в тех местах перевода, где в русском тексте использованы слова литературного языка. Кроме компенсаций, связанных с передачей просторечий, в сербском тексте встречается еще ряд преобразований, причина которых в том, что в довлатовском тексте представлены, как уже было сказано, сложные виды речевой деятельности, отличительная особенность которых — многочисленные коннотации и экспрессивно-эмоциональная нагрузка. Передача этих параметров всегда сопряжена с потерями, и, чтобы возместить их хотя бы частично, Р. Мечанин прибегает к компенсационным приемам. Так, один из приводившихся примеров (см. с. 3 статьи) заканчивается формой перфекта, в которой отсутствует вспомогательный глагол:

В колхоз — не поехал. Взял и не явился без уважительной причины.
 U kolhoz nije otišao. *Prihvatio* i — nije se pojavio, a bez valjanog razloga.

Случаи образования перфекта без вспомогательного глагола хорошо известны (возвратный глагол в 3 лице единственного числа, употребление после некоторых энклитических форм местоимений). В иных условиях появление усеченного перфекта может указывать на эмоционально окрашенное высказывание. Именно этот случай представлен в переводе: говорящий неприятно удивлен тем, что Митрофанов не поехал в колхоз, причем без уважительных причин.

Еще один компенсационный прием связан с употреблением аориста и имперфекта вместо обычного перфекта:

Мы раза два ходили за вином. Однажды какие-то люди заняли наши места. Но Марков поднял крик, и те ушли.

Dva puta smo išli po vino. Jednom su nam neki ljudi zauzeli mesta. Ali je Markov digao glas, te oni *odoše*.

Приоткрылась дверь, вошла женщина с глиняной миской.

Odškrinuše se vrata, *uđe* žena sa glinenom činijom.

Тут я на секунду забылся. И *вздрогнул*, услышав собственный голос.

Tada sam se za trenutak zaboravio. I *uzdrtao* kad sam čuo vlastiti glas.

Появление этих прошедших времен, которые в современном сербском языке используются для усиления экспрессивности, как и использование плюсквамперфекта (см., например:

Очнулся я в незнакомом помещении. Было уже светло.

Došao sam sebi u nepoznatoj prostoriji. *Već je bilo svanulo.*)

и усеченного перфекта, можно считать попыткой переводчика привести в текст динамику и эмоциональность, утраченные при переводе других фрагментов повести.

Первый иностранный текст «Заповедника» появился на английском языке, и его создатели не скрывали, что столкнулись в своей работе с большими трудностями. Анализ сербского текста показывает, что сложностей с переводом на родственный славянский язык немногим меньше. Получатель (установка на него, т. е. прагматический фактор — главное для каждого переводчика) должен располагать переводом, который вызывает у адресата коммуникативный эффект: при полном понимании содержания воспринимаются эмоциональные, экспрессивные и другие аспекты текста. Достижению этого эффекта мешает перегруженность «Заповедника» трудно передаваемыми коннотациями, такими составляющими (реалии и близкие к ним элементы), перевод которых требует не просто семантической эквивалентности, а сложных трансформаций (добавление, опущение, полное перефразирование, уточнение). Повесть С. Довлатова относится к произведениям, перевод которых на любой язык полон компромиссов и потерь, и сделать его адекватным чрезвычайно сложно.

Источники и литература

- Dovlatov S. Spomen-muzej. Novi Sad Stylos, 2004. 144 s.*
Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
Левый И. Искусство перевода. М., 1974. С. 119–152, 217–236.
Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М.; Владимир, 2008. С. 344–411.
Довлатов С. Заповедник и другие истории: повести, рассказы. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 544 с.
Тыртова Г. П. Что показывает перевод повести С. Довлатова «Заповедник» на сербский язык // Язык, сознание, коммуникация. Сб. научных статей к юбилею профессора Н. Е. Ананьевой. М.: МАКС Пресс, 2017. Вып. 55. С. 299–305.
Чернов Г. В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. М., 1958. Т. XVI. 223 с.
Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

References

- CHernov, G. V. “K voprosu o peredache bezëkvivalentnoï leksiki pri perevode sovetsoï publitsistiki na angliiskii iazyk.” *Uchënye zapiski 1-go MGPIIA*. Moscow, 1958, T. XVI.
- Dovlatov, S. *Spomen-muzej*. Novi Sad: Stulos, 2004, 144 s.
- Dovlatov, S. *Zapovednik i drugie istorii: povesti, rasskazy*. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015, 544 s.
- Levyi, I. *Iskusstvo perevoda*. Moscow, 1974. S. 119–152, 217–236.
- Sdobnikov, V. V., Petrova, O. V. *Teoriia perevoda*. Moscow; Vladimir, 2008, s. 344–411.
- SHveitsër, A. D. *Teoriia perevoda. Status, problemy, aspekty*. Moscow: Nauka, 1988, 215 s.
- Tyrtova, G. P. “CHto pokazyvaet perevod povesti S. Dovlatova «Zapovednik» na serbskii iazyk.” *IAzyk, soznanie, kommunikatsiia*. Sb. nauchnykh statei k iubileiu professora N. E. Anan'evoi. Moscow: MAKS Press, 2017. Vyp. 55, s. 299–305.
- Vlakhov, S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode*. Moscow: Vysshaia shkola, 1986, 416 s.

Galina P. Tyrtova
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

On the difficulties in translating the language mosaic of the novel
by S. Dovlatov “Pushkin Hills” (“Zapovednik”)
(on the example of translation into the Serbian language)

On the example of the translation of the novel by S. Dovlatov “Pushkin Hills” (“Zapovednik”) into the Serbian language, the problems of translating culture-bound items and fragments of the text with an emotionally expressive connotation are considered. The difficulties of translation of culture-bound items are studied on the basis of several groups (sovietisms, names of literary works and quotes from them, names and surnames). In the Serbian text, all culture-bound items are transmitted through transcription. The article proves the illegitimacy of such a strategy, proposes other options, and concludes the need for an individual approach to the transfer of each reality. So, while during the transfer of symbolic names (Shepilov, Geychenko, Kern), transcription is possible, though with obligatory explanations, on the opposite, surnames like Krasilnikov, Karatsupa and others, for a number of reasons, not only do not require transcription, but can also be omitted (zero transformation). The author also considers contexts adjacent to culture-bound items, the meaning of which is not clear to the foreign addressee due to the lack of extra-linguistic information that the Russian-speaking reader possesses. The question of translation of colloquial vocabulary and compensatory transformations is raised. The conclusion is drawn about the unusually complex language mosaic of the “Pushkin Hills” (“Zapovednik”), which puts the text on the verge of translatability.

Keywords: realia, Soviet terminology, names, vernacular, connotations, emotional aspect, translation adequacy.

УДК 94 (4): «1912/1913»
ББК 63.3(0)53

Н. С. Гусев, А. Л. Шемякин
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

**«Пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются,
пусть не отступают, и все будет хорошо»: письмо русского
журналиста черногорского происхождения И. П. Табурно
сербскому премьеру Н. Пашичу в разгар
австро-сербского кризиса 1912 г.**

В данной работе публикуется частное письмо Иеронима Павловича Табурно — выходца из Боки Которской, долгие годы жившего в России, работавшего инженером и сотрудничавшего с газетой «Новое время». Осенью 1912 г. началась Первая балканская война, в которой Сербия стремилась получить выход к Адриатическому морю. Однако против притязаний Белграда жестко выступила Вена, настаивавшая на создании Албании в границах, лишивших Сербию искомого. Ни одна из сторон не желала уступить, австро-венгерское руководство перешло к демонстративным угрозам, а взоры сербов обратились на русское общество, часть которого выступала за поддержку Сербии. В самый разгар этого кризиса И. П. Табурно отправил сербскому премьеру и своему личному другу Н. Пашичу письмо, в котором описал сложившиеся в России настроения, рассказал о своих встречах с российскими официальными лицами (А. А. Масаловым, В. Н. Коковцовым, С. Д. Сазоновым, В. А. Сухомлиновым), а также с С. Ю. Витте. Информация журналиста свидетельствует о борьбе внутри российских общества и руководства по вопросу вступления в войну с Австро-Венгрией. По мнению автора послания, сербам стоило продолжать стоять на своем, в таком случае при помощи России искомый выход к морю будет получен. Сам факт письма говорит о том, что, будучи российским подданным, И. П. Табурно являлся агентом влияния Белграда. Также впервые прослеживается биография И. П. Табурно. Ключевые слова: *И. П. Табурно, Н. Пашич, Первая балканская война, австро-сербский конфликт 1912 г., С. Ю. Витте, Н. Г. Гартвиг, вел. кн. Николай Николаевич.*

Осенью 1912 г. началась Первая балканская война — связанные системой взаимных договоренностей Болгария, Сербия, Греция и Черногория совместно выступили против Османской империи. Союзники планировали разделить Балканы, при этом, однако, зачастую несколько партнеров по коалиции претендовали на одни и те же земли. Вдобавок великие державы не считали подобное своеволие допустимым и изначально заявили, что статус-кво на полуострове нарушен не будет. Когда через некоторое время эта угроза сама по себе сошла на нет, новый фактор спутал карты союзникам. Австро-Венгрия стала настаивать на создании независимого албанского государства, земли которого в своих планах уже поделили Греция и Сербия. Для последней это было особенно болезненно, поскольку лишало ее выхода к морю, столь необходимого для экономической и военно-стратегической безопасности. Европейские дипломаты предлагали полумеры в виде выделения Белграду транспортного коридора к морю, но такое решение не устраивало ни одну из сторон. Стремясь явочным путем обеспечить свои права на искомые территории, сербские войска заняли побережье Адриатики и отказались повиноваться воле великих держав, требовавших покинуть этот район. Тогда в Вене перешли к открытым угрозам, взгляды Сербии обратились на Россию, в которой часть общественного мнения активно требовала войны, а правительство предприняло ряд мер мобилизационного характера¹.

С самого начала Первой балканской войны сербы, понимая значение общественного мнения, отправили в Петербург ряд своих неофициальных представителей для пестования необходимых им настроений. Выступали агентами Белграда и российские подданные — выходцы из сербских или черногорских земель, многие из которых работали в газетах². К таковым относился автор приводимого доку-

1 Подробнее см.: *Гусев Н. С.* Русское общество и сербско-австрийский конфликт 1912–1913 гг.: хотели ли русские войны // *Славянский альманах*. 2018. № 3/4; *Кострикова Е. Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 262–271.

2 *Гусев Н.* Русский «фронт» борьбы за Македонию // *Родина*. 2014. № 6. С. 82–83; *Гусев Н. С.* Болгария и Сербия в 1912–1913 гг.: соперничество за статус «любимца» России на Балканах // *Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв.* / Отв. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб., 2017. С. 77;

мента — Иероним Павлович Табурно. Его биография до сих пор в научной литературе не прослежена, и следует ее очертить хотя бы пунктирно.

И. П. Табурно родился в Боке Которской на территории современной Черногории в 1862 г., окончил Венский университет по специальности инженера. После участия в антиавстрийском восстании в Герцеговине вынужденно переехал в Черногорию, затем — в Болгарию³. Там в 1884 г. он познакомился с будущим вершителем судеб Сербии Н. Пашичем (они вместе работали на строительстве Русе-Варненской железнодорожной линии⁴), и между ними на долгие годы завязалась тесная дружба. Затем в связи с изменением ситуации в Болгарии оба эмигранта были вынуждены покинуть эту страну и отправиться в Россию. Через некоторое время Пашич триумфально вернулся на родину и в 1891 г. возглавил правительство, а Табурно остался в России и продолжил карьеру инженера: принял участие в строительстве Закаспийской, Сибирской, Московско-Ярославско-Архангельской железнодорожных линий. Параллельно началась его карьера публициста: он стал печататься в газетах «Россия», «Русская земля», вошел в штат «Нового времени»⁵. В 1899–1900 гг. он организовал издательское товарищество «И. П. Табурно и К°», но вскоре, видимо, был вынужден отказаться от этого предприятия и вернуться к работе инженера. Тогда же начали выходить его брошюры, связанные с проектами железнодорожного строительства, а затем и книги аналитического характера, касающиеся различных сторон экономики России⁶. В 1903 г. Иероним Павлович принял участие в экспедиции

Кострикова Е. Г. Первая Балканская война и российское общество. Корреспонденты русских газет на театре военных действий // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912) / Приред. А. Раствовић. Ниш, 2013. Књ. I. С. 476, 479.

³ Новое время. 1913. 29 июня.

⁴ Централен държавен архив на Република България. Ф. 284К. Оп. 1. А.е. 334. Л. 2.

⁵ Золотая книга Российской империи. СПб., 1908. С. 82.

⁶ Напр.: *Табурно И. П.* 1) Записка к проекту «горнопромышленной» железной дороги (Славянск — Петербург). СПб., 1902; 2) Необходимые мероприятия для создания экспорта за границу донецкого угля и русского торгово-грузового флота для русского экспорта вообще. СПб., 1902; 3) О применении системы «воздушных контактов» для электрических трамваев и электрических железных дорог. СПб., 1902; 4) Пояснительная за-

Н. Г. Гарина-Михайловского, готовившей проект железнодорожной ветки в Крыму. Табурно, как признавал сам Гарин-Михайловский, был ему навязан сверху, но поскольку являлся «крупным, очень знающим инженером», стал помощником начальника экспедиции⁷. В эти годы сотрудничество с «Новым временем» не прерывалось, у издателя газеты А. С. Суворина Табурно был, видимо, на хорошем счету, поскольку в 1904 г. ему было доверено возглавить только что созданную московскую газету «Телефон “Нового времени”», где публиковались извлечения из головного издания⁸. Работа в этом печатном органе была прервана командировкой в качестве корреспондента «Нового времени» на русско-японскую войну, на которой Табурно пробыл с 12 января по 14 марта 1905 г., и по итогам подготовил книгу своих заметок и впечатлений⁹. После войны он принял русское подданство и был пожалован в потомственное дворянство¹⁰. В 1907 г. Табурно участвовал в проектировании и строительстве столичного трамвая, в 1908 г. являлся редактором газеты «Вечер»¹¹. Летом 1912 г. сербский парламент именно его утвердил застройщиком порта Прахово на Дунае¹². Вряд ли конкурс был проведен совсем без участия лидера правящей Радикальной партии Н. Пашича. Разносторонняя активность Иеронима Павловича рождала вопросы, особенно учитывая обретение им дворянства и упоминание Гарина-Михайловского, что инженер ему был навязан сверху. И, как вспоминал сербский посланник в Петербурге Д. Попович, он знал, что Табурно — друг Пашича, что у него

писка к сооружению Рудничная-Лозовской железной дороги. СПб., 1902; 5) Эскизный обзор финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882–1901 гг.). СПб., 1903; 6) Крестьянский земельный вопрос. СПб., 1906; 7) Записка к проекту электрической железной дороги от города Санкт-Петербурга (Казанская площадь) до Красной Горки через станции Лигово и Ораниенбаум существующей Ораниенбаумской ветви Балтийской железной дороги. СПб., 1907 и др.

⁷ *Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости. М., 1966. С. 168.

⁸ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4173. Л. 2–4.

⁹ *Буранок А. О.* Книга И. П. Табурно «Правда о войне» как исторический источник // Платоновские чтения: материалы XI Всероссийской конференции молодых историков, г. Самара 2–3 декабря 2005 г. / Отв. ред. П. С. Кабытов. Самара, 2005. С. 186.

¹⁰ Новое время. 1913. 29 июня.

¹¹ Золотая книга Российской империи... С. 82.

¹² *Штрандтман В. Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 103.

есть красиво обставленная квартира и элегантный экипаж, что он в «Новом времени» активно отстаивает интересы Сербии, но «точно не знал, кто он и чем занимается»¹³.

С началом Первой балканской войны Иероним Павлович отправился в Сербию как корреспондент «Нового времени», вернувшись, подготовил к публикации книгу, которая упоминается в приводимом документе. В этом труде Табурно воспеваает доблесть сербского солдата, привязанность сербов к России, акцентирует внимание на несправедливости, чинимой великими державами, прежде всего Австро-Венгрией, над небольшим славянским государством, и весьма недвусмысленно призывает Россию выступить на защиту Сербии с оружием в руках. Тогда же было написано публикуемое письмо Пашичу. Исходя из текста, журналист был вхож в высшие круги руководства России. При этом если императорскую фамилию он интересовал как очевидец Балканской войны, то в беседах с главой правительства и министром иностранных дел Табурно защищал интересы Сербии и фактически выступал как представитель Белграда. Приводимая автором письма информация о настрое части российского общества на войну, о борьбе «голубей» — С. Д. Сазонова и В. Н. Коковцова с «ястребами» — вел. кн. Николаем Николаевичем и В. А. Сухомлиновым подтверждается другими источниками¹⁴, но нигде не встречается упоминаний о данных, которыми поделился с собеседником С. Ю. Витте. Главное значение документа заключается в подтверждении предположения, что официальный Белград в своем конфликте с Австро-Венгрией в 1912–1913 гг. неофициальными путями добивался твердой и полноценной поддержки Петербурга вплоть до вооруженного вмешательства.

Когда в 1913 г. стало очевидно, что Албания все же будет создана, а Сербия не получит выхода к Адриатике, в Белграде выдвинули к Софии требование территориальной компенсации в Македонии. Перо Иеронима Павловича стало орудием в новом информационном противостоянии. Вышла его книга, в которой обосновывались сербские претензии на Македонию в историческом, этническом и политическом ракурсах, и это издание также дошло до императорской фамилии¹⁵.

13 Поповић Д. Балкански ратови: 1912–1913. Београд, 1993. С. 173.

14 Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 149.

15 Один из ее экземпляров хранится в коллекции рукописей Царскосельского дворца в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Ед. хр. 671).

11 июня 1913 г.¹⁶ он послал его вместе с письмом в Белград Р. Одавичу, видному сербскому интеллектуалу, переводчику, директору Архива Сербии, и попросил перевести и опубликовать брошюру на сербском и французском языках¹⁷. Вместе с тем он принимал участие в различных общественных собраниях, одно из которых стало для него роковым. 28 июня 1913 г., уже после начала Второй, Межсоюзнической, балканской войны, Табурно выступал в Юридическом собрании, когда, согласно журналу «Искры», «присутствовавшие болгары прервали его речь криками протеста»¹⁸, что спровоцировало у него сердечный приступ. Его привезли домой, вызвали врачей, но ничего не помогло, и вечером Иероним Павлович скончался. Как считал автор некролога в «Новом времени», «междоусобица заставила его сердце работать столь усиленно, что оно не выдержало и перестало биться»¹⁹. Смерть журналиста и инженера показала, каковым было отношение к нему в Сербии. Король Сербии Петр по телеграфу выразил свои соболезнования, а Н. Пашич сообщил, что погребение будет оплачено сербским правительством. Дочь короля Петра, бывшая замужем за князем императорской крови Иоанном Константиновичем, княгиня Елена Петровна и петербургские сербы возложили цветы к его могиле. Процессия двигалась по Невскому проспекту, отпевание прошло в Благовещенском храме Александро-Невской лавры²⁰. «Искренний серб и славянин», как его называли соотечественники М. М. Вукичевич и Д. И. Семиз²¹, не дожил до триумфа своего дела — подписания Бухарестского мира, поставившего счастливую для Белграда точку в споре о Македонии.

Адресовано письмо сербскому премьер-министру Николе Пашичу — человеку, в котором воплощена сербская история конца XIX —

16 На письме указано, что письмо написано 11 июля, но 28 июня (ст. ст.) И. П. Табурно скончался. В то же время в Сербии, как и в России, придерживались юлианского календаря, поэтому, по всей видимости, автор просто совершил описку. Если допустить, что он пользовался григорианским календарем, то письмо И. П. Табурно датировал днем своей смерти.

17 Архив Србије. Фонд Ристе Одавића. Фасцикла III. А. е. 367.

18 Памяти художника // Искры. 1913. № 26. С. 207.

19 Новое время. 1913. 29 июня.

20 Табурно И. П. [Некролог] // Исторический вестник. 1913. № 8. С. 751–752.

21 Вукичевич М. М., Семиз Д. И. Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г. СПб., 1913. С. 258.

начала XX в.: 45 лет он возглавлял Радикальную партию — крупнейшую и влиятельнейшую политическую организацию Сербии, 25 раз занимал пост председателя Совета министров, а в начале XX в. в условиях сложившейся полупарламентской демократии фактически являлся правителем страны. Его фигуре посвящено немало исследований, в том числе и на русском языке²², потому на биографии Пашича в рамках данной публикации останавливаться не будем.

Само письмо обладает рядом особенностей, которые стоит перечислить. Написано оно на эквацком варианте сербского языка, характерного для Шумадии и Воеводины, а не для места рождения И. П. Табурно, хотя он подчеркивал свое черногорское происхождение и с детства приучал к этому своего сына²³. Также стоит отметить специфичность написания окончаний смысловых глаголов в форме 1 лица м. р. ед. ч. перфекта (напр., «учинијо») наряду с корректными формами, употребленными для 3 лица («учинио»), и слитное написание энклитик и предлога «с» с опорным словом. В тексте последовательно используется лишь одна графема «ч» (нет «ћ») для обозначения глухих аффрикат в любой позиции, а в остальном графика соответствует современной автору сербской кириллице за исключением того факта, что на манер русского языка встречается «ь» на конце слов. В пунктуации смешаны нормы сербского и русского языков, также много встречается русизмов и русско-сербских «компонентов» (напр., «возражаво»), при том что Петербург на сербский манер называется Петроградом. Цитаты передаются на русском языке, который и Табурно, и Пашич хорошо знали. Исходя из особенностей речи, можно констатировать, что для автора письма родным языком являлся сербский, хотя он и не изучал его в школе. Однако Табурно считал его менее значительным, чем русский.

Текст приведен в соответствие с нормами современного русского языка, выделения на полях и подчеркивания, сделанные читателем письма, сохранены либо оговорены в примечаниях. Документ хранится в Архиве Сербии в Белграде, фонде Николы Пашича, в одной из неразобранных коробок.

22 Например, см.: *Шемякин А. Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)*. М., 1998; *Он же. Никола Пашич // Вопросы истории*. 2002. № 2; *Он же. Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. А. Л. Шемякин*. М., 2009.

23 *Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости...* С. 166–167.

Петербург, 27 ноября 1912.

Дорогой Никола.

Вот, рассказываю, что я здесь делал и что думаю о ситуации.

На третий день после моего приезда меня позвал генер[ал] Масалов²⁴ (помощник министра двора) и сказал мне, что царь очень интересуется сербской армией и просит представить доклад. Я это сразу сделал и послал доклад с письмом, в котором сказал, что сербский народ ему (российскому императору. — *Авт.*) предан, что я много раз холодными осенними ночами сидя у огня слышал, как сербские солдаты выражают любовь к нему и т. д., и закончил письмо словами: «Сербский народ достоин любви и защиты Вашего Величества».

После этого я читал реферат в собрании армии и флота, собралось меня послушать все военное сословие Петербурга, также был военный министр, состоящий при царе бар[он] Мейендорф²⁵, все корпусные командиры, генералы, офицеры — полный зал, около 2000 человек. Реферат имел большой успех.

На этой неделе у меня вышла книга «О сербских битвах»²⁶, реферат из которой и был прочитан, я пошлю тебе несколько экземпляров книги, она очень хорошо написана.

После в[еликий] князь Ник[олай] Николаевич²⁷ меня попросил и ему отправить реферат, что я вчера и сделал.

В субботу я был у Сазонова²⁸, он настроен пессимистически, против требований Сербии относительно Адриатического моря: «Если сербы не хотят выйти (с территории будущей Албании. — *Авт.*), это будет с их стороны шантажом, можно другим путем обеспечить неза-

24 Мосолов Александр Александрович (1854–1939) — военачальник, дипломат, начальник канцелярии Министерства императорского двора (1900–1916).

25 Мейендорф Феофил Егорович (1838–1919) — военачальник, генерал-адъютант Свиты Его Императорского Величества, в 1905–1917 гг. состоял при особе императора.

26 Табурно И. П. О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913.

27 Великий князь Николай Николаевич (младший) (1856–1929) — внук Николая I, популярная фигура в армии и правой части общества, считался сторонником жестких внешнеполитических действий, был женат на Стане (Анастасии) Николаевне — дочери черногорского короля.

28 Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — министр иностранных дел Российской империи (1910–1916).

висимость Сербии». Я ему возразил, но он страшно зол, что-то у него не получается, хотя как дипломат он пытался это скрыть.

После него в воскресенье я был у Витте, который только что сюда приехал. Он смотрит [на ситуацию] совсем иначе, он считает, что Россия в случае неуступки (так в тексте. — *Авт.*) Австрии должна с ней воевать²⁹.

Он перекрестился и сказал: «Слава Богу, кажется, Николай Николаевич берет верх»; сообщил мне, что, может быть, ему предложат пост министра иностр[анных] дел. Он примет должность только при условии, что его помощником станет Гартвиг³⁰, который останется министром после того, как дело будет сделано, т. к. Витте думает, что у России кроме Гартвига нет министра иностр[анных] дел. Разумеется, я расхваливал Гартвига. Перед отъездом Витте меня поцеловал и сказал, что, Бог даст, все хорошо будет и для Сербии, и для России. «Я, — сказал он, — думаю, что русская армия уже готова, но не полностью. Вновь конъюнктура такая, что нельзя гарантировать, что все не кончится для России катастрофой».

29 Абзац выделен карандашом на полях.

30 Гартвиг Николай Генрихович (1857–1914) — российский посланник в Белграде (1909–1914). Считал политику МИД неверной, потому действовал согласно своему пониманию интересов России, делал ставку на повсеместную поддержку Сербии, в связи с чем умалчивал или искажал информацию и не выполнял требования начальства. Позволял себе это, поскольку ему покровительствовал вел. кн. Николай Николаевич — по слухам, близкий друг второй жены посланника. Что интересно, в своих воспоминаниях С. Ю. Витте описанного в письме Табурно эпизода не приводит, но упоминает Н. Г. Гартвига в другом контексте. После назначения С. Д. Сазонова на пост министра иностранных дел в 1910 г. бывший глава правительства имел беседу с только что отставленным А. П. Извольским, который объяснил выбор кандидатуры так: «Что же делать, когда некого». С. Ю. Витте предложил несколько вариантов, среди которых назвал Н. Г. Гартвига. Но собеседник ему ответил, что император никогда не назначит главой МИД человека, не носящего русской фамилии (*Bumme С. Ю. Воспоминания. Л., 1924. Т. 2. С. 424*). С другой стороны, это противоречит утверждению академика Ю. А. Писарева (правда, не подкрепленному ссылками на документы): «За заслуги перед Россией во время мирных переговоров с Японией 1905 г. царь собирался назначить его министром иностранных дел, но завистливый министр В. Н. Ламздорф усладил его в Персию» (*Писарев Ю. А. Российский посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг (1909–1914 гг.) // История СССР. 1991. № 3. С. 189*). Хотя, стоит отметить, фамилия Ламздорф также не является славянской.

Вчера после обеда я был у Коковцева³¹, он говорит то же самое, что и Сазонов. Но он, поскольку не дипломат, не смог сдержаться. Дошло до того, что мы кричали друг на друга. Напоследок я ему сказал: «Вы — больше австриец, чем Бертольд. Я не понимаю, какие интересы Австрии будут ущемлены, если Сербии дадут порт. Я понимаю, что если бы между Сербией, Албанией и Австрией не было Черногории, но коли она есть, нет большой разницы, будет ли та полоса на 10, 20, 30, 40 километров больше». На это он мне ответил: «Если бы Сербия поставила вопрос так, что ей вдоль границы с Черногорией дали бы какую-то небольшую полосу для постройки железной дороги, я бы ее поддержал»³².

Безусловно, действует два направления, одно — Сазонов-Коковцов, второе — это вел[икий] князь Ник[олай] Ник[олаевич], оба направления дерутся насмерть. Говорят, что князь берет верх.

Точно знаю, что Сазонов собирается оставить министерство.

Я еду в Лондон, думаю, что там буду полезен. Витте просил меня держать его в курсе хода переговоров. Прошу тебя, напиши Андре³³, чтобы он меня немного посвящал в ход дела³⁴.

Военная партия хочет войны³⁵. Я говорил с Сухомлиновым³⁶, он мне сказал: «Мы готовы к любому исходу событий». Готовятся. Министру финансов даже пришлось добавить 10 миллионов для подготовки. Крепя сердце, их дал. Завтра будет в «Нов[ом] вр[емени]» моя статья, ответ Сазонову под заголовком «Что скажет рязанский мужик (Ответ дипломату)», и в ней ты прочтешь весь разговор с Сазоновым.

31 Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943) — председатель Совета министров (1911–1914), министр финансов Российской империи (1906–1914).

32 Абзац выделен волнистой линией сбоку.

33 Андра Николич (1853–1918) — сербский ученый и политик, председатель Народной скупщины — сербского парламента (1909–1918), член сербской делегации на мирных переговорах в Лондоне в 1912–1913 гг.

34 Имеется в виду конференция в Лондоне в конце 1912 — начале 1913 г., должная разрешить вопросы мирного урегулирования на Балканах. На ней шли переговоры между Османской империей с одной стороны и Болгарией, Сербией, Грецией и Черногорией — с другой, и параллельно происходило совещание представителей великих держав. Процесс был сорван после младотурецкого переворота в Константинополе.

35 Подчеркнуто дважды.

36 Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) — российский военный министр (1909–1915).

Ну с Богом, дорогой Никола, будь крепок, все военные и многие другие, невоенные, говорят, пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо.

Мой разговор с Витте передай Гартвигу. Я о нем и в своем докладе говорил. Доклад высылаю, это копия доклада царю.

Передай привет всей семье,

Сейчас я получил известие от генер[ала] Масалова, что царь был доволен моим докладом. Он бы меня принял, но придется ждать по крайней мере несколько дней, а я сегодня отправляюсь в Лондон. Прошу тебя написать Андре в Лондон, дабы он не удивился моему прибытию³⁷.

«Пусть сербы будут тверды, пусть не сдаются, пусть не отступают, и все будет хорошо»: письмо русского журналиста черногорского происхождения И. П. Табурно сербскому премьеру Н. Пашичу в разгар австро-сербского кризиса 1912 г.

*Архив Србије. Заоставитина Николе Пашића.
(Несређена грађа). Фасцикла б. Рукопись, автограф.*

Источники и литература

Архив Србије. Заоставитина Николе Пашића.

Архив Србије.

Государственный архив Российской Федерации.

Российский государственный архив литературы и искусства.

Централен държавен архив на Република България.

Буранок А. О. Книга И. П. Табурно «Правда о войне» как исторический источник // Платоновские чтения: материалы XI Всероссийской конференции молодых историков, г. Самара 2–3 декабря 2005 г. / Отв. ред. П. С. Кабытов. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2005. С. 186–189.

Витте С. Ю. Воспоминания. Л.: Государственное издательство, 1924. Т. 2. 518 с.

Вукичевич М. М., Семиз Д. И. Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру. Исторические параллели с XIV века до 1878 г. СПб.: Тип. Главного упр. уделов, 1913. 259 с.

³⁷ Последний абзац написан на полях.

Гусев Н. Русский «фронт» борьбы за Македонию // Родина. 2014. № 6. С. 82–85.

Гусев Н. С. Болгария и Сербия в 1912–1913 гг.: соперничество за статус «любимца» России на Балканах // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. / Отв. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 67–90.

Гусев Н. С. Русское общество и сербско-австрийский конфликт 1912–1913 гг.: хотели ли русские войны // Славянский альманах. 2018. № 3/4. С. 135–151.

Золотая книга Российской империи. СПб.: [б. и.], 1908. 96 с.

Кострикова Е. Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М.: Кучково поле, 2017. 384 с.

Кострикова Е. Г. Первая Балканская война и российское общество. Корреспонденты русских газет на театре военных действий // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912) / Приред. А. Раствојић. Ниш: Филоз. фак. Унив. у Нишу, 2013. Књ. I. С. 473–484.

Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. М.: Художественная литература, 1966. 384 с.

Новое время. 1913. 29 июня.

Памяти художника // Искры. 1913. № 26. С. 207.

Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1985. 285 с.

Писарев Ю. А. Российский посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг (1909–1914 гг.) // История СССР. 1991. № 3. С. 182–190.

Поповић Д. Балкански ратови: 1912–1913. Београд: Српска књижевна задруга, 1993. 400 с.

Табурно И. П. Записка к проекту «горнопромышленной» железной дороги (Славянск — Петербург). СПб.: тип. Э. Э. Новицкого, 1902. 30 с.

Табурно И. П. Записка к проекту электрической железной дороги от города Санкт-Петербурга (Казанская площадь) до Красной Горки через станции Лигово и Ораниенбаум существующей Ораниенбаумской ветви Балтийской железной дороги. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1907. 98 с.

Табурно И. П. Крестьянский земельный вопрос. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1906. 131 с.

Табурно И. П. Необходимые мероприятия для создания экспорта за границу донецкого угля и русского торгово-грузового флота для русского экспорта вообще. СПб.: тип. Э. Э. Новицкого, 1902. 82 с.

Табурно И. П. О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб.: «Новое время», 1913. 144 с.

Табурно И. П. Пояснительная записка к сооружению Рудничная-Лозовской железной дороги. СПб.: тип. Э. Э. Новицкого, 1902. 16 с.

Табурно И. П. Эскизный обзор финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882–1901 гг.). СПб.: тип. Э. Э. Новицкого, 1903. 243 с.

Табурно И. П. [Некролог] // Исторический вестник. 1913. № 8. С. 750–752.

Шемякин А. Л. Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М.: Индрик, 1998. 448 с.

Шемякин А. Л. Никола Пашич // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 62–90.

Шемякин А. Л. Никола Пашич: на стыке унитаристских и федералистских устремлений // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. А. Л. Шемякин. М.: Индрик, 2009. С. 34–68.

Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания. М.: «Книжница», 2014. 504 с.

References

Arkhiv Srbije.

Arkhiv Srbije, zaostavshtina Nikole Pashića.

Centralen dърzhaven arkhiv na Republika Bълgariia.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva.

Buranok, A. O. “Kniga I. P. Taburno «Pravda o voine» kak istoricheskii istochnik.” *Platonovskie chteniia: materialy XI Vserossiiskoi konferentsii molodykh istorikov, g. Samara 2–3 dekabria 2005 g.*, отв. ред. P. S. Kabytov. Samara: Izd-vo «Univers-grupp», 2005, s. 186–189.

Gusev, N. “Russkii «front» bor’by za Makedoniu.” *Rodina*, 2014, no. 6, s. 82–85.

Gusev, N. S. “Bolgariia i Serbiia v 1912–1913 gg.: sopernichestvo za status «liu-bimtsa» Rossii na Balkanakh.” *Vynuzhdennoe sosedsstvo — dobrovol’noe prisposoblenie v diplomaticheskikh i mezhnatsional’nykh otnosheniakh v Tsentral’noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evrope XVIII–XXI vv.*, отв. ред. O. V. Khavanova, Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017, s. 67–90.

Gusev, N. S. “Russkoe obshchestvo i serbsko-avstriiskii konflikt 1912–1913 gg.: khoteli li russkie voiny.” *Slavianskii al’manakh*, no. 3–4, 2018, s. 135–151.

Kostrikova, E. G. “Pervaiia Balkanskaia voina i rossiiskoe obshchestvo. Korre-

spondenty russkikh gazet na teatre voennykh deistvii.” *Prvi balkanski rat 1912/1913. godine: Drushtveni i tsivilizatsijski smisao (povodom stogodishnjitse oslobođenja Stare Srbije i Makedonije 1912)*, prired. A. Rastovih. Niš: Filoz. fak. Univ. u Nishu Publ., vol. I, 2013, s. 473–484.

Kostrikova, E. G. *Geopoliticheskie interesy Rossii i slavianskiĭ vopros: Ideinaia bor’ba v rossiiskom obshchestve v nachale XX veka*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2017, 384 s.

Kuprina-Iordanskaia, M. K. *Gody molodosti*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1966, 384 s.

Novoe vremja. 1913. 29 ijunja.

“Pamjati khudozhnika.” *Iskry*, no. 26, 1913, s. 207.

Pisarev, Iu. A. “Rossiiskii poslanik v Serbii N. G. Gartvig (1909–1914 gg.)” *Istoriia SSSR*, 1991, no. 3, s. 182–190.

Pisarev, Iu. A. *Velikie derzhavy i Balkany nakanune Pervoĭ mirovoĭ voĭny*. Moscow: Nauka, 1985, 285 s.

Popović, D. *Balkanski ratovi: 1912–1913*. Belgrade: Srpska knjizhevna zadruga, 1993, 400 s.

Shemiakin, A. L. “Nikola Pashich.” *Voprosy istorii*, 2002, no. 2, s. 62–90.

Shemiakin, A. L. “Nikola Pashich: na styke unitaristskikh i federalistskikh ustremlenii.” *Do i posle Versalia. Politicheskie lidery i ideia natsional’nogo gosudarstva v Tsentral’noi i Iugo-Vostochnoi Evrope*, otv. red. A. L. Shemiakin. Moscow: Indrik, 2009, s. 34–68.

Shemiakin, A. L. *Ideologija Nikolĭ Pashicha. Formirovanie i evoliutsiia (1868–1891)*. Moscow: Indrik, 1998, 448 s.

Shtrandtman, V. N. *Balkanskie vospominaniia*. Moscow: Knizhnica, 2014, 504 s.

Taburno, I. P. *Ehskiznyi obzor finansovo-ehkonomicheskogo sostoianiia Rossii za poslednie 20 let (1882–1901 gg.)*. Saint-Petersburg: Tip. Eh. Eh. Novickogo, 1903, 243 s.

Taburno, I. P. *Krest’ianskiĭ zemel’nyi vopros*. Saint-Petersburg: Tip. A. S. Suvorina, 1906, 131 s.

“Taburno, I. P. [Nekrolog].” *Istoricheskiĭ vestnik*, no. 8, 1913, s. 750–752.

Taburno, I. P. *Neobkhodimye meropriiatiia dlia sozdaniia ehksporta zagranicu doneckogo uglja i russkogo torgovo-gruzovogo flota dlja russkogo ehksporta voobshhe*. Saint-Petersburg: Tip. Eh. Eh. Novickogo, 1902, 82 s.

Taburno, I. P. *O serbskikh bitvakh (vpechatleniia ochevidca voĭny serbov s turkami 1912 g.)*. Saint-Petersburg: Novoe vremja, 1913, 144 s.

Taburno, I. P. *Poiasnitelnaia zapiska k sooruzheniiu Rudnichnaia-Lozovskoi zheleznoi dorogi*. Saint-Petersburg: Tip. Eh. Eh. Novickogo, 1902, 16 s.

Taburno, I. P. *Zapiska k proektu «gornopromyshlennoi» zheleznoi dorogi (Slaviansk — Peterburg)*. Saint-Petersburg: Tip. Eh. Eh. Novickogo, 1902, 30 s.

Taburno, I. P. *Zapiska k proektu ehlektricheskoi zheleznoi dorogi ot goroda*

Sankt-Peterburga (Kazanskaia ploshchad') do Krasnoĭ Gorki cherez stancii Ligovo i Oranienbaum sushchestvuiushheĭ Oranienbaumskoĭ vetvi Baltiĭskoĭ zheleznoĭ dorogi. Saint-Petersburg: Tip. A. S. Suvorina, 1907, 98 s.

Vitte, S. Ju. *Vospominaniia.* T. 2. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924, 518 s.

Vukichevich, M. M., Semiz, D. I. *Serby i bolgary v bor'be za svobodu i kul'turu. Istoricheskie paralleli s XIV veka do 1878 g.* Saint-Petersburg: Tip. Glavnogo Upr. Udelov, 1913, 259 s.

Zolotaia kniga Rossiĭskoĭ imperii. Saint-Petersburg, 1908, 96 s.

Nikita S. Gusev, Andreĭ L. Shemiakin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

“Let the Serbs be firm, let them not give up, let them not retreat, and everything will be fine”: A letter from a Russian journalist of Montenegrin origin J. P. Taburno to the Serbian Prime Minister N. Pašić in the midst of the Austro-Serbian crisis of 1912

In this paper, a private letter is published. It was written by Jerome Pavlovich Taburno — a native of Boka Kotorska, who for many years lived in Russia, worked as an engineer for communications and collaborated with the newspaper “Novoe Vremia”. In the autumn of 1912, the first Balkan war began, in which Serbia sought access to the Adriatic sea. However, Belgrade’s claims came across the tough position of Vienna, which advocated the creation of Albania within the borders that would put an end to Serbian plans. None of the parties was willing to concede, the Austro-Hungarian government passed to demonstrative threats, and Serbs appealed to the Russian society, part of which advocated support for Serbia before Austro-Hungary declared war. In the midst of this crisis J. P. Taburno sent a letter to his friend, the Serbian Prime Minister Nikola Pašić, in which he described the current Russian sentiments, told about his interviews with Russian officials (A. A. Masalov, V. N. Kokovtsov, S. D. Sazonov, V. A. Suhomlinov) and with S. Yu. Witte. The journalist’s information is an evidence of the struggle within the Russian society and within the Russian government around the issue whether to start a war with Austro-Hungary (he recalls two groups: the military party of Grand Duke Nikolay Nikolaevich and the proponents of peace, headed by S. D. Sazonov and V. N. Kokovtsov). According to the author of the letter, the Serbs should have continued to stand on their ground. In this case, with the help of Russia, the desired access to the sea would

have been obtained. The very fact of the letter says that being a Russian citizen J. P. Taburno was an agent of influence of Belgrade. Also for the first time the biography of J. P. Taburno is traced.

Keywords: *J. P. Taburno, N. Pašić, The First Balkan war, the Austro-Serbian conflict of 1912, S. Yu. Witte, N. G. Hartwig, Grand Duke Nikolaj Nikolaevich.*

**Польша, Украина и Россия 1918 года
в дневнике полковника В. В. Добрынина¹**

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.7.02

Владимир Васильевич Добрынин² родился 9 июля 1883 г. в семье офицера, происходил из казачьих дворян станицы Заплавской Области войска Донского. В 1901 г. он окончил Донской кадетский корпус, в 1904-м — Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге и вышел хорунжим в 3-ю Донскую казачью батарею. Участвовал в Русско-японской войне, был награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом и Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом.

Уже после Русско-японской войны проявилась склонность Добрынина к писательству: в 1908 г. в Новочеркасске он издал книгу «Донцы в Маньчжурии. Путевые, походные и боевые воспоминания и краткая историческая справка 3[-й] Донской казачьей батареи», а в дальнейшем приобрел известность как военный ученый.

В 1907 г. Добрынин был произведен в сотники с прикомандированием к управлению донской артиллерии. В этот период он принимал активное участие в исследованиях по истории Дона. В 1910 г. состоялось производство в подьесаулы, тогда же Добрынин поступил в Императорскую Николаевскую военную академию, которую окончил по 1-му разряду в 1913 г., после чего был откомандирован в штаб Московского военного округа. Некоторое время преподавал в Александровском военном училище, проходил цензовое командование сотней в 1-м Донском казачьем полку.

¹ Выражаю благодарность к. и. н. Л. В. Ланнику (Саратов) и А. В. Левченко (Чугуев, Украина) за консультации.

² Подробнее о нем см.: Ганин А. В. «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило». Неизвестное письмо полковника В. В. Добрынина генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г. // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Док. и мат. М.; СПб., 2016. С. 54–75.

На Первую мировую войну офицер отправился старшим адъютантом штаба 53-й пехотной дивизии. Но вскоре война для него неожиданно закончилась. В чине капитана он, будучи контуженным в голову, вместе со штабом дивизии попал в плен 8 февраля 1915 г. Происходило это во время известного окружения XX армейского корпуса в Августовских лесах. Весь период плена, в течение трех с половиной лет, Добрынин вел дневник³. Вернулся домой Добрынин только в начале августа 1918 г.⁴

За боевые заслуги офицер был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Служба Добрынина в антибольшевистской Донской армии началась с должности начальника разведывательного отделения штаба Донской армии, которое он возглавил уже 1 (14) августа 1918 г. Отстав по службе от своих сверстников по причине плена, Добрынин стал наверстывать упущенное. Через месяц службы, 31 августа (13 сентября) 1918 г., он был произведен в подполковники. В том же году последовало производство в полковники со старшинством с 5 (18) октября 1918 г. Дальнейших повышений в чине за всю Гражданскую войну он не получал, но 23 июня (6 июля) 1919 г. был награжден орденом Св. Владимира 2-й ст. 27 июня (10 июля) 1919 г. Добрынин был назначен начальником оперативного отделения штаба Донской армии. На этой должности Добрынин оставался практически до своего ухода со службы весной 1920 г. В связи с реорганизацией Донской армии после эвакуации из Новороссийска в марте 1920 г. в отдельный Донской корпус должность начальника оперативного отделения, которую занимал Добрынин, была упразднена, а сам он приказом № 144 от 25 марта 1920 г. был командирован за границу с особым поручением⁵. Ввиду невозвращения в Крым в октябре 1920 г. офицера исключили с военной службы⁶.

В эмиграции Добрынин оказался сначала в Югославии, а затем в Чехословакии. Состоял в Союзе русских военных инвалидов, Обществе офицеров-артиллеристов, был членом Донской казачьей станицы в Праге. Добрынин активно участвовал в военно-научной деятельности, завоевав репутацию видного военного писателя Русского Зарубежья. Список трудов Добрынина обширен. Только за 1918–1932 гг.

3 ГАРФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 1.

4 Там же. Л. 138.

5 РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 86. Л. 64.

6 Там же. Л. 149.

он насчитывает не менее 68 наименований⁷. Умер Добрынин в Праге 29 октября 1939 г. и похоронен на Ольшанском кладбище.

Вниманию читателей предлагается заключительная часть дневника В. В. Добрынина, охватывающая последние недели его пребывания в германском плену и возвращение из плена летом 1918 г. через территорию гетманской Украины на Дон. Этот фрагмент, содержащий путевые впечатления, интересен как источник по истории Гражданской войны на Украине и Юге России. Особенно яркие описания относятся ко времени пребывания автора дневника в Киеве, а также к его взаимодействию с представителями украинской власти. Судя по одному из комментариев, Добрынин подверг свой дневник незначительной правке в эмиграции, в 1922 г.

Документ публикуется по рукописи, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации. Публикация осуществлена в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок.

*Вступительная статья,
публикация и комментарии д. и. н. А.В. Ганина*

18/31 мая⁸.

Идут кой-какие приготовления к возвращению домой. Более громоздкие вещи сдаются на хранение в местную немецкую контору. На руках остается только ручной багаж.

23 мая (5 июня).

Экстренно уехала в Россию первая партия в 16 человек.

24 мая (6 июня).

Вторая партия в 13 человек [уехала]. Получил письмо из Молодечно от одного из своих коллег, бывших в Стральзунде. Едем домой. Один из наших, отправленный в Стральзунд 1/2 года тому назад для отправления в нейтралы, вчера появился вновь у нас. После Стральзунда он побывал в нескольких лагерях.

27 мая (9 июня⁹).

Объявление немцами «милостей»:

7 ГАРФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 172. Л. 37–38.

8 Даты по старому и новому стилю.

9 В документе ошибочно — 8 июня.

- 1) Сокращение проверок; отставлена 1; при плохой погоде проверка будет в здании;
- 2) Увеличение писем до 4, а открыток — до 6;
- 3) Штаб-офицеры освобождены от проверки;
- 4) Разрешена переписка с находящимися в плену родственниками;
- 5) Письма будут отправляться, не выдерживая их 2 недели в комендатуре;
- 6) Посылки будут вскрываться лишь на выдержку, а не все;
- 7) Разрешено иметь у себя бритвы, что раньше официально не допускалось, но, конечно, не исполнялось, как явно абсурдное установление тупоголовых немцев;
- 8) Обещание увеличить число и продолжительность прогулок;
- 9) Разрешены вольные прогулки всем старшим офицерам: вы сдаете свою подписку и уходите, куда угодно, хоть на целый день; мера, действительно вносящая громадную льготу и удобство; когда я вышел первый раз на такую прогулку, то никак не мог поверить, что я не во сне; мне все казалось, что часовой опомнится и бросится меня догонять. Из этих прогулок многие выносят громадную пользу в смысле добычи продовольствия.

6/19 июня¹⁰.

Еще 5 уехали в Россию...

3/16 июля.

Как-то не верится. Сiju в уютном номерке гостиницы небольшого германско-польского пограничного городка и пишу эти строки. Последний месяц прожил как во сне. Однажды, дату не помню, пришел переводчик и заявил, что я получил разрешение властей на отправление в Россию. Донской атаман ген[ерал] Краснов¹¹ заключил соглашение с немцами об обмене пленных немцев на своих казаков.

Несколько дней спустя после этого разговора к нам в лагерь прибыли два наших донца из другого лагеря; объявили, что мы 3 будем отправлены вместе. Сборы, волнения, ожидания и, наконец, сегодня мы вырвались из нашей тюрьмы.

Очень характерная подробность.

¹⁰ В документе ошибочно — мая.

¹¹ Краснов Петр Николаевич (10.09.1869–16.01.1947) — из казаков станицы Каргинской Области войска Донского, генерал от кавалерии. Войсковой атаман Донского казачьего войска (1918–1919).

Вчера я крикнул в окно нашему соседу-мальчугану:

— Конрад! Завтра я еду домой в Россию.

Мальчугана поразило это сообщение.

— *Warten Sie!*¹² — погрозил он пальчиком и исчез в доме.

Через минуту я его увидел крадущимся в кустах своего сада с подаренной ему когда-то нами скрипкой.

— *Abschiedslied!*¹³ — пролепетал он и заиграл какую-то мелодичную немецкую песенку. Это было так трогательно и приятно: мальчуган, которому мы подарили скрипку как игрушку, уже играл¹⁴.

В день отъезда вся семья собралась на улице, и сдержанно, но радушно детишки высказали нам свои сердечные пожелания.

— Когда будет мир, мы встретимся друзьями, — сказали они мне на прощанье и послали воздушные поцелуи. Все это было сделано так выдержанно, спокойно, что не дало никакого повода конвоиру вмешаться в нашу беседу. Мы взгромоздились на объемистый немецкий редван¹⁵ и при криках своих друзей и маленьких немчиков двинулись от ворот нашей тюрьмы, где просидели три долгих, долгих тяжелых года.

4/17 июля. Варшава.

Роскошный отель «Континенталь». Шумный, нарядный и оживленный город, изящные женщины. Все смотрят на наше шествие: трое русских офицеров и немецкий фельдфебель.

— Не стыдно вам? — шепчет мне какая-то дама, долго шедшая рядом с нами со своим кавалером.

— В чем дело? — недоумеваю я.

— Да ведь вы же в компании с людьми, погубившими вашу Родину! опять на чисто русском языке говорит дама.

— В какой компании? — спрашиваю я.

— Очевидно, вы «сдались на милость победителей», — язвит моя новая собеседница, — и идете помогать им в деле разрушения Родины.

Разговор этот меня заинтересовал. Мы объяснились, и дама, поняв свою ошибку, долго и сердечно извинялась.

12 Подождите! (нем.).

13 Прощальная песня (нем.).

14 Уже в 1921 году мне удалось списаться с его семьей, и я узнал, что он стал хороший скрипач (примеч. В. В. Добрынина). Далее зачеркнуто: и учился этому делу в особой школе.

15 От нем. *Reitwagen* — повозка.

— Так вы едете домой, на Дон?

— Да, на Дон.

— А ваша фамилия? Ведь я тоже донская казачка!

— Добрынин.

— Каких Добрыниных?

У нас на Дону все друг друга знают. Оказалось, что моя новая знакомая отлично знает всю мою семью и родственников. Обещала написать через меня письмо...

Забавная встреча.

Что поразило нас в Варшаве после убогой Германии, это обилие всяких продуктов, отсутствие карточной системы. Все дорого, но всего вдоволь.

Во время сытного обеда на Варшавском вокзале аналогичный разговор произошел с красавицей полькой-кельнершей:

— Как трогательно, — прошипела она, — недавние враги, а ныне — друзья...

В дальнейшем разговоре выяснилось недоразумение, а также выяснил я и ту сурьмяную ненависть, которой пылала красавица-паненка к своим «освободителям».

— Скажите, пожалуйста, и многие поляки ненавидят так немцев, как вы? — спросил я свою собеседницу.

— Все как один человек, — сверкая глазами, заявила паненка.

— Ну, нечего сказать, «освободили», — злорадно подумал я, глядя на нашего конвоира-фельдфебеля, уплетавшего на наш счет сытный обед. В пути только обратили внимание на жадность, с которой он глотал шипящий ростбиф, и вспомнили его дорожные рассказы. Из них я понял, что Германия голодает, что войной все переутомлены.

— Достаточно одного поражения, и дело наше кончено, — заявил наш собеседник.

— Где же кроется вина всему этому — социалистическая пропаганда? — спросил я.

— Нет, перетянули народные силы, а пропаганда уже явилась следствием переутомления народа. Вы не забывайте, что всю войну социалисты наши шли с правительством, а позже уже поняли, что оно обмануло народное доверие.

Наш конвоир тащил в своем вещевом мешке большие запасы различных предметов германской промышленности. Все это он задался целью обменять на продукты на Украине и привезти их своей голодной семье.

Если бы только немецкие власти слышали ту ругань, какую расточал этот человек по их адресу... И все это фельдфебель, а что же рядовые?!

5/18 июля. Брест-Литовск.

Ужас. Мерзость запустения. Жителей нет, лишь немцы и немцы. Полуразвалившиеся от недосмотра дома, заросшие громадными кустами сорных трав дворы, шмыгающие через улицы тощие, голодные крысы. Брр! Какой ужас. Куда же девалось живое и энергичное население, которое мы наблюдали в городе в 1913 г. во время своих поездок Генерального штаба в районе будущего развертывания Московской армии?!

В Бресте нас захватила ж[елезно]д[орожная] забастовка, и нам пришлось прожить сутки на этапе.

7/20 июля.

Побывали сегодня у «украинского» комиссара. Странно было смотреть на чистокровного русского офицера, «заделавшегося украинцем». Однако вечером, приняв нас в тесном семейном кругу, он, подогревшийся русской водкой, расточал такие эпитеты по адресу «украинской республики», что я невольно задал ему вопрос:

— Зачем же вы служите ей?

Капитан многозначительно похлопал себя по животу.

Поехали дальше. В 10 ч. были в Ковеле. И этот город производит впечатление какого-то придушенного. Немцев все боятся и ненавидят.

8/21 июля¹⁶.

Вечером прибыли в Бердичев. По дороге встретили какие-то «украинские войска», сформированные в немецких лагерях военнопленных. Офицерство от нас сторонится, а упитанные и щеголевато одетые в «серые жупаны» солдаты на чем свет стоят ругают немцев, «украинское правительство», «пана гетмана» и т. д.

— Только нам добраться бы в Киев, а там поминай как звали, — сообщали нам откровенные солдаты.

На украинской территории мы встретили каких-то чубатых людей со зверскими лицами. Это тоже «украинские войска».

На одной из станций были свидетелями скандала между немецкими и «украинскими» офицерами. Самые уютные столы были пусты, т. к. на них красовалась многозначительная надпись

¹⁶ В документе ошибочно — 20 июля.

по-немецки: «только для немецких офицеров». Является группа чубатых людей и важно рассаживается за этими столами. Следом за ними появляются наглые немецкие офицеры. Скандал чуть не кончился стычкой.

Вообще немцы — полные хозяева на «свободной Украине».

9/22 июля.

Прибыли в Киев. Под конвоем нашего фельдфебеля. Он доставил нас в немецкую комендатуру. Здесь нас любезно встретил немецкий капитан Любер, снабдил удостоверениями, что мы — бывшие военнопленные, возвращающиеся на Дон, и... заявил, что мы свободны.

Когда я вышел из комендатуры, первая мысль была: скорей бежать, а то вдруг немцы передумают...

Тут я вспомнил, что по пути в комендатуру встретил своего сослуживца по штабу дивизии времен нашего пленения. Мой коллега любезно предложил разместиться у него. К нему я и направил стопы, так как иных знакомых в Киеве у меня не было.

Мой коллега со своими приятелями, тоже оказавшимися сослуживцами по дивизии, оказали радушной прием. Накормили такими русскими шами, каких я не ел с января 1915 года, а хозяин снабдил деньгами. У него оказались на этот случай особые кредиты Экономического общества офицеров Московского военного округа, к которому принадлежал и я.

К сожалению, по случаю ж[елезно]д[орожной] забастовки мой багаж застрял в дороге, и я принужден задержаться в Киеве, пока не уладится вопрос забастовки. Перспектива очень не из веселых, но ничего не поделаешь.

Побывал в канцелярии донского представителя ген. Черячукина¹⁷. У него эти дни тоже нет никакой связи с Доном.

17/30 июля.

Живу в Киеве, присматриваюсь к новой для меня жизни; по вечерам фланируем с коллегой и его знакомыми дамами по городу. Боже, какой хаос всюду, развал, пошлость, разврат, гадость. Гетман¹⁸ со сво-

17 Черячукин Александр Васильевич (18.03.1872–12.05.1944) — генерал-майор (позднее — генерал-лейтенант). Представитель Донского казачьего войска при гетмане П. П. Скоропадском (1918).

18 Павел Петрович (03.05.1873–26.04.1945) — гетман Украины (1918).

ими взглядами — это сплошное недоразумение. Уйдут немцы, и все это искусственно возведенное здание рухнет.

Много необычных картин пришлось наблюдать в эти дни, и самое ужасное впечатление произвели две:

1) Разгульная жизнь многих дам из лучших семейств и

2) Офицеры в роли официантов в ресторанах. По поводу последнего нужно сказать несколько слов пояснения. Я всякую работу не считаю зазорной, но роль лакея, по-моему, невыносима. А кроме того: если хочешь быть лакеем, то зачем же выставлять напоказ свою принадлежность к офицерству? Большинство вновь явленных официантов с особым достоинством старается подчеркнуть, что они офицеры: какие-то особые шпоры, рейтузы, длинные ряды орденских ленточек, нашитых по немецкому образцу, а в результате над локтем салфетка и получка «на чай» от тех же самых немецких офицеров и от различных подозрительных личностей...

17/30 июля.

Убит Эйхгорн¹⁹. В городе очень нервное настроение. Немцы сегодня произвели пулеметную стрельбу в центре города.

18/31 июля.

Решил вещи свои не ожидать; поручил их получить своему коллеге, а сам отправился дальше, благо ж[елезно]д[орожное] сообщение возобновилось.

19 июля (1 августа).

Сегодня проезжал через Харьков и Чугуев. В последнем городе прошли лучшие дни моей молодой офицерской жизни. Больно было смотреть на знакомую картину. Здесь столько пережито в свое время, и все это отошло куда-то далеко, далеко. Вон высятся наши казармы²⁰, вон казармы гусар, вон мелькнул полигонный вал, вот дачные места, куда мы делали веселые побеги верхом.

Дальше, дальше, скорее домой!

19 Эйхгорн Герман, фон (13.02.1848–30.07.1918) — прусский генерал-фельдмаршал, глава германской оккупационной администрации на Украине (1918). Убит бомбой-снарядом, брошенной в него боевиком партии левых эсеров Б. М. Донским в Киеве. Подробнее о покушении см.: Боевой восемнадцатый год: Сб. док. и восп. М., 2018. С. 247–259.

20 Речь идет о казармах 3-й Донской казачьей батарее, в которой служил В. В. Добрынин.

22 июля (4 августа). Каменская.

Здесь меня встретила на станции не узнавшая меня жена.

— Приезд откладывается на неопределенное время, — вспомнил я слова последней телеграммы, посланной ей перед гибелью нашего корпуса 28 января 1915 года...

Телеграмма эта была послана мною в отмену сообщения о приезде в отпуск, от которого мне пришлось отказаться ввиду начала боевых действий на нашем фронте, так печально для нас закончившихся...

И дома не избавился от «удовольствия» видеть немецкие рожи: в Каменской стоит немецкий гарнизон.

Ну, это было бы еще полбеды, а вот сюрприз на квартире моей жены окончательно меня обескуражил. Войдя в коридор, я обнаружил на двери, ведущей в одну из комнат, две карточки с немецкими фамилиями. Меня бросило в жар.

— Что это значит? — спросил я у жены.

— Постой по отводу! — лаконически ответила она.

— Ну, голубчик, ты устраивай, как хочешь, но жить под одной крышей с немецкими лейтенантами я не буду. Больно дорого стоило мне удовольствие лицезреть этих господ 3 1/2 года. Дай хоть теперь от них отдохнуть.

На мое счастье оказалось, что оба лейтенанта, немецкие летчики, уехали в Германию в отпуск. Перед отъездом они высказали предположение о возможности их перевода на Западный фронт. Ну, слава Богу!²¹

23 июля (5/VIII).

Как-то не верится, что плен оказался позади, что я дома. Дома! Одно сознание это придает столько радости...

21 Лейтенанты так и не возвратились в Каменскую, и я имел счастье не сталкиваться с ними. Правда, жена и ее сестра старались меня успокоить, и из рассказов их я понял, что немцы вели себя поразительно корректно.

Месяц спустя, когда я поступил в штаб Донской армии, мне иногда приходилось сталкиваться с майором немецкого Генерального штаба Кохенгаузом, являвшимся представителем немецкой главной квартиры на Дону. Это был единственный немец в Новочеркасске. Являясь в штаб армии, он держал себя очень корректно, однако оскомины плена оставила такие неизгладимые следы, что я не мог разговаривать с майором. Лишь теперь, 4 года спустя после плена, это чувство сгладилось. Время сделало свое дело. (Примеч. В. В. Добрынина).

А новостей-то, новостей за это время! Больше печальных, но есть и интересные.

Вот один из оригинальных случаев.

Еще в плену я узнал о рождении у сестры моей жены сына. Сначала мне присылались в плен карточки какого-то маленького человека-куколки. Позже, судя по карточкам, маленький человечек начал расти. Последняя полученная мной в плену карточка ясно свидетельствовала, что мальчуган уже начал ходить.

Моя жена, сосредоточившая все свое внимание на своем маленьком любимце-племяннике, много рассказывала ему обо мне, внушила малышу какое-то сильное чувство любопытства. Ребенку очень хотелось увидеть своего таинственного дядю Вову. Каждое утро, приходя к жене, мальчуган, по рассказам моей жены, задавал обычный вопрос:

— Не приехал еще дядя Вова?

Сегодня, еще лежа в постели, я услышал детский голосок за дверью и голос моей жены.

— Не приехал еще дядя Вова? — спрашивает детский голосок.

— Приехал.

— А где он?

— В моей комнате. Иди.

Через мгновение дверь в мою комнату открылась, и в нее вкатилось какое-то милотвидное маленькое пухлое существо, любопытно смотрящее в мою сторону. Ребенок вошел и остановился, увидев какого-то неизвестного ему нового человека. Еще мгновение, и маленький человечек быстро повернулся и исчез за дверью.

— Мишенька! Куда ты, куда? — услышал я голос моей жены. — Ведь это же дядя Вова.

— После, после! — донесся до меня голос удаляющегося ребенка и топот маленьких детских ножек уже с балкона. Еще мгновение, и хлопнула парадная дверь. Мой незнакомый, но сделавшийся мне милым и близким еще по письмам моей жены «новый человечек», родившийся и ставший на ноги в мое отсутствие, исчез. Лишь после обеда жена привела его. У нас состоялось знакомство, и к вечеру мы уже были друзьями. Малыш показывал мне все свои игрушки, с увлечением взбирался ко мне на спину, когда я по его желанию превращался в лошадь.

Да! Это новая жизнь, новый человек, появившийся на свет в долгие годы моего заключения в германской неволе. А сколько старых известных мне людей за эти 3 1/2 года сошло со сцены. Среди них много дорогих и близких мне лиц...

28 июля (10/VIII).

Быстро катилась извозчицья пролетка от Новочеркаска к родной Заплавской (17 вер[ст] на в[осток] от Новочеркаска).

Старые знакомые места: ровная, выжженная, пыльная степь; влево вдали видны Надаймовские холмы и виноградные сады; вправо — наше громадное живописное займище²². Как и прежде, над займищными вербами гордо вздымается группа «Будановых» тополей. Впереди милая тихая родная станица, с которой связано так много дорогих воспоминаний с[о] времен раннего детства. За эти годы станица разрослась и поползла стройными рядами новых улиц на север к холмам. Все тот же величественный с мягкими красивыми очертаниями заплавский храм.

Лишь окопы, кружевным узором охватывающие станицу со стороны Новочеркаска, являются новостью на старом, известном до самых мелких подробностей прогоне²³, на котором в детстве весной мы пасли овец, а летом по вечерам разыскивали не желающих идти по домам быков и коров распущенной пастухами перед станицей череды²⁴!

Вот родной отцовский дом.

Сегодня ведь у нас престольный праздник — Одигитрия.

Тоже все по-старому. Чистенький, как игрушечка, передний двор, пышно покрытый зеленым покровом «шпариша», между которым красуются грядки ярких, пестрых цветов. Под навесом в строгом порядке стоят дроги, косилка, конные грабли. У будки близ конюшни мирно дремлет старый лохматый цепной пес Жук, откликнувшийся ленивым лаем на лязг защелки калитки; не будь во дворе массы чужого народа, Жук устроил бы большую тревогу, но сейчас он сбит с толка и не знает, на кого ему положено лаять и кого надо встречать радушно. На заднем дворе, как и прежде, бродят полусонные скучающие индюки, в навозной пыли под сараем роются пеструхи-куры, утки лениво разлеглись вокруг зарытых в землю чугунных котлов, наполненных водой; раскрытые двери база²⁵ свидетельствуют о том, что скот еще на пастбище.

22 Займище — луг; от слова занимать участки — «займы» под усадьбы (примеч. В. В. Добрынина).

23 Выгон (примеч. В. В. Добрынина).

24 Черета — стадо; это название происходит от слова черед, очередь — в былое время стадо пасли казаки станицы по очереди (примеч. В. В. Добрынина).

25 Скотского двора (примеч. В. В. Добрынина).

Одним словом, все, все по-старому, как было в середине июля 1914 г., когда я был последний раз дома. Неужели же с того времени прошло бесконечные 4 года?!

На траве у флигеля группа моих старых друзей соседей-казаков со стаканами отцовского натурального вина.

— Что же, вы без меня хотели закончить праздник? — шутя, бросаю я удивленным казакам замечание.

Все они бросаются ко мне, начинается обмен приветствиями, шум, крики, лобызания. Как всегда, появление мое оказалось неожиданным, хотя из донских газет уже было известно о моем возвращении из плена.

В дверях коридора вижу встревоженные лица своих милых стариков, а за ними толпятся «престольные гости» — близкие и родные люди, с которыми меня связывают долгие, долгие годы жизни в станице.

Итак, я дома. Прямо как-то не верится.

Дома, дома! Что ждет дальше — не знаю, а сейчас дома.

Весь плен остался сзади, созданная им горечь отступила прочь, и ее сменили восторг встречи со всем близким и родным, радость появления в отцовском доме, от которых я был оторван более четырех лет.

В. В. Добрынин

ГАРФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 1. Л. 129–141. Автограф.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Российский государственный военный архив (РГВА).

Боевой восемнадцатый год. Сб. док. и восп. М.: Русская книга, 2018. 592 с.

Ганин А. В. «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило». Неизвестное письмо полковника В. В. Добрынина генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г. // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Док. и мат. М.; СПб.: Нестор-история, 2016. С. 54–75.

References

Gosudarstvennyiĭ arkhiv Rossiĭskoĭ Federatsii.
Rossiĭskiiĭ gosudarstvennyiĭ voennyĭ arkhiv.

Boevoĭ vosemnadtsatyĭ god. Sb. dok. i vosp. Moscow: Russkaia kniga, 2018, 592 s.
Ganin, A. V. «To ubozhestvo, kotoroe ia vstretil v oblasti raboty General'nogo shtaba na Donu, menia porazilo». Neizvestnoe pis'mo polkovnika V. V. Dobrynina general-leitenantu A. K. Kelchevskomu ot 21 apreliia 1922 g. *Kul'turnoe i nauchnoe nasledie russkoĭ ėmigratsii v Chekhoslovaĭskoĭ respublike: Dok. i mat.* Moscow; Saint Petersburg: Nestor-istoriia, 2016, s. 54–75.

Andrey V. Ganin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Poland, Ukraine and Russia in 1918 in the diary
of Colonel V. V. Dobrynin

This is a publication of fragments of the diary of Colonel V. V. Dobrynin about his return from captivity through Poland, Belarus and Ukraine to the Don in the summer of 1918. V. V. Dobrynin is a Don Cossack, an artilleryman and an officer of the General Staff, a participant in the Russo-Japanese War, World War I and the Civil War. In 1920, he emigrated from Russia to Yugoslavia, and later to Czechoslovakia. Even before the revolution, Dobrynin wrote a book about the participation of his battery in the Russo-Japanese War, and in emigration he gained fame as a military researcher, author of dozens of academic works. The diary of V. V. Dobrynin was found in the collection of the State Archive of the Russian Federation. The document is interesting as evidence of an eyewitness and participant in the events. The author of the diary describes in detail his life in German captivity, where he ended up in early 1915, his release from captivity, his travel impressions and his return to his homeland. He pays special attention to the life of Ukraine under the rule of hetman P. P. Skoropadsky. Dobrynin vividly describes his stay in Kiev, as well as his interaction with representatives of the Ukrainian authorities. The publication focuses on the final part of the officer's diary.

Keywords: *Civil war in Russia, Ukraine, Poland, White movement.*

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)

А. С. Добычина
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

**Забытые символы, затерянные храмы и необретенные мощи:
новое исследование о почитании святых
в средневековой Болгарии**

Чешмеджиев Д. Етюди върху български средновековни култове. — Пловдив: Фондация «Българско историческо наследство», 2019. 177 с.

В рецензии рассмотрен цикл очерков болгарского историка Д. Чешмеджиева, посвященных малоизученным особенностям функционирования некоторых средневековых болгарских культов. В центре внимания исследователя — развитие на болгарской почве культа императора Константина I Великого и связанные с ним смысловые параллели, особенности почитания первого Тырновского патриарха Иоакима, св. Михаила Воина, св. Филофеи «Темнишской», св. Параскевы-Петки (Пятницы), патриарха Евфимия Тырновского, а также роль митрополита Киевского, Русского и Литовского Киприана в распространении культов болгарских святых в русских землях.

Ключевые слова: *Второе Болгарское царство, культы святых, император Константин I Великий, патриарх Иоаким Тырновский, св. Михаил Воин, св. Филофея «Темнишская», св. Параскева-Петка (Пятница), патриарх Евфимий Тырновский.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.8.01

Труды Д. Чешмеджиева по кирилло-мефодиевской традиции и средневековой святости в Болгарии хорошо известны широкому кругу специалистов по славянскому Средневековью. Новая и сравнительно небольшая по объему работа исследователя представляет собой серию очерков по актуальным и дискуссионным вопросам, касающимся почитания святых в средние века и особенно во времена Второго Болгарского царства.

В первой главе «Заметки о почитании Константина I Великого в средневековой Болгарии» автор подробно останавливается на

теме развития в болгарском государстве культа императора Константина Великого как идеала христианского правителя и «обновителя царства». Обращаясь к истокам т. наз. Константиновой парадигмы, исследователь находит их в нескольких источниках, где параллель с действиями Константина Великого строится на сюжете противостояния первого болгарского князя-христианина Бориса-Михаила (852–889) языческой оппозиции, которую он побеждает силами крестного знамени или непосредственно креста (с. 1–7). Однако, по замечанию автора, мотив отождествления Бориса-Михаила с императором Константином не находит дальнейшего продолжения, уступив место широко распространенному в болгарских апокрифических сочинениях XI–XII вв. сюжету о близком общении императора Константина и болгарского царя Петра I и формированию его культа в качестве «нового Константина» и «обновителя царства». Последняя «ипостась» царя Петра, по заключению Д. Чешмеджиева, появляется в период византийского владычества, что объясняется актуализацией в это время именно византийской, а не болгарской государственной традиции, в русле которой была исключительно важна связь этого правителя с двумя византийскими династиями (с. 10). В период становления Второго Болгарского царства развитие Константиновой парадигмы выражается в почитании Креста Господня после того, как в распоряжение основателей и одновременно «возобновителей» независимого Болгарского царства Феодора-Петра и Асеня в результате разгрома Византии в Тревненском проходе попадает драгоценный императорский крест, содержащий в себе частицу этой прославленной святыни (с. 10–14). С этого момента культ св. Константина Великого широко используется династией Асеней в политических целях, причем его расцвет приходится на правление ее последних представителей. Именно в это время Константинов Крест Господень становится важнейшим символом сопротивления османскому завоеванию (с. 14–16).

Очерк «Святой патриарх Иоаким I и его культ в болгарском средневековье» посвящен культу единственного болгарского архиерея Второго Болгарского царства, данные о канонизации которого сохранились (с. 17–28). На основании скрупулезного анализа всех известных упоминаний о патриархе и посвященных ему церковно-богослужебных текстов Д. Чешмеджиев делает вывод о том, что св. Иоаким был канонизирован сразу же после своей смерти, минуя «предварительный этап», который был бы ознаменован посмертны-

ми чудесами, всенародным почитанием и паломничеством к мощам и т. д. Эта особенность, по мнению исследователя, связана с особым «государственным» характером культа патриарха, который стал первым главой восстановленной Болгарской церкви, признанным остальными православными первоиерархами. Таким образом, канонизация патриарха Иоакима должна была увековечить этот факт и способствовать укреплению авторитета Болгарской церкви и незыблемости ее независимого статуса (с. 27).

В очерке «Св. Михаил — загадочный воин средневековой Болгарии» рассматривается один из наиболее слабоизученных культов Второго Болгарского царства, зародившийся, по мнению исследователя, еще в период византийского владычества (с. 42). Обращаясь к проблематике дня памяти св. Михаила Воина (или Потукского) 22 ноября (в редких случаях — 22 октября и 12 сентября), Д. Чешмеджиев выдвигает интересное предположение о взаимосвязи культов Михаила Воина и Архистратига Михаила и других ангельских чинов, память которых празднуется в ноябре (с. 43–44).

В главе «Филофея Темнишская — таинственная болгарская святая» исследователю удается собрать воедино все имеющиеся в распоряжении историков сведения о бытовании этого культа на средневековой болгарской почве. На основании них Д. Чешмеджиев констатирует, что до османского завоевания почитание святой ограничивалось лишь столицей Тырново, куда ее мощи были перенесены по инициативе царя Калояна (с. 57). Вполне вероятно, что в доосманский период культ св. Филофеи существовал и в Видине, где ее мощи оказались сразу после захвата Тырново османскими войсками. По мнению автора, реликвии не были сразу же перенесены из Видина в Валахию (где культ святой приобрел необычайную популярность), а оставались в городе довольно продолжительное время, сохраняя все атрибуты столичного почитания, включая дату празднования, и лишь в Валахии эта дата была изменена (с. 57–58).

Три тематических очерка «Заметки о культе св. Петки Тырновской в болгарском средневековье», «Церковь с мощами св. Петки в Тырново» и «Старый храм св. Петки в Пловдиве» могли бы составить самостоятельное исследование по истории культа известнейшей на Балканах святой ввиду фундаментальности поставленных вопросов, а также широты и разнообразия привлекаемых автором источников, включая изобразительные и фольклорные. В первом очерке культ Параскевы-Петки (Пятницы) на болгарской почве рассматривается

в контексте смысловых связей с почитанием Богородицы и Христа в форме персонализации одновременно и Страстной, и Светлой пятницы (с. 61–66).

Во втором тематическом очерке сопоставляются все имеющиеся на сегодняшний день гипотезы о предполагаемом местоположении столичной тырновской церкви, куда были положены перенесенные при царе Иване I Асене мощи св. Параскевы-Петки (с. 67–74). Д. Чешмеджиев склоняется к идентификации искомой церкви с крестово-купольным дворцовым храмом на холме Царевец в Тырново, опираясь на сведения, почерпнутые из Второго проложного жития св. Параскевы-Петки 1393 г., а также археологические материалы: прежде всего, обнаруженный при раскопках дворцового комплекса кусок мрамора с надписью «Параскева» (с. 75). Не владея достаточной информацией, чтобы считать этот храм специально освященным в честь святой, автор предлагает иную версию. Согласно ей, дворцовый храм был посвящен Пресвятой Богородице и возводился одновременно с дворцовым комплексом Асений. В связи с особенностями культа как производного от Богородичного положение мощей Параскевы-Петки в эту дворцовую церковь представляется исследователю более чем логичным (с. 77). В то же время Д. Чешмеджиев приводит данные источников, свидетельствующие о том, что отдельный храм, посвященный св. Параскеве-Петке, существовал в Тырново, однако его местоположение с точностью определить невозможно (с. 77–78).

Проблема локализации храма Параскевы-Петки, на этот раз в Пловдиве, становится предметом и третьего тематического очерка. Привлекая сведения европейских путешественников разных эпох и городские легенды, переданные авторами второй половины XIX и первой половины XX вв., Д. Чешмеджиев подробно рассматривает все основные версии, касающиеся местоположения и судьбы церкви после османского завоевания (с. 79–87). Опираясь на свидетельство источников и результаты раскопок, Д. Чешмеджиев утверждает, что средневековая церковь св. Параскевы-Петки находилась на том же месте, что и существующий в настоящее время возведенный в период Национального Возрождения храм, под холмом Джамбаз в Старом городе. В то же время автор выступает против версий, согласно которым после захвата города османами «пятничная» православная церковь Параскевы была превращена в «пятничную» мечеть Джумая или же была разрушена для того, чтобы на ее месте была возведена указанная мечеть (с. 87–88). По мнению исследователя, нет

никаких оснований считать Джумаю перестроенным храмом или искать его следы под мечетью, поскольку имеющиеся археологические данные не позволяют сделать такого вывода. Кроме того, отмечает автор, поиск храма Параскевы-Петки на месте Джумаи выглядит абсурдным, поскольку предполагаемая церковь находилась бы буквально на расстоянии 100 м от другого храма «доосманского» периода — кафедрального собора Успения Богородицы. Таким образом, легенды, связывающие судьбу средневекового храма в честь Параскевы-Петки с мечетью Джумая, вероятно, восходят к воспоминанию о праздновании в Пловдиве Светлой пятницы. Его неотъемлемым компонентом было литийное шествие от площади перед храмом в честь Успения Богородицы, где в настоящее время стоит мечеть Джумая, к церкви Параскевы-Петки под холмом Джамбаз. По замечанию исследователя, в османский период после постройки мечети Джумая султаном Мурадом II указанное пятничное действо уже не могло осуществляться на том же месте и потому было перенесено к холму Джамбаз (с. 89).

Единой тематикой объединены и следующие две главы книги Д. Чешмеджиева, посвященные почитанию св. Евфимия Тырновского, одного из самых известных патриархов и книжников Второго Болгарского царства, а также свидетеля его падения под ударами османов: «Култ св. Евфимия — последнего тырновского патриарха» и «Легенды о патриархе Евфимии». Отдельное место в них занимает история поиска мощей святого и попытка локализации его захоронения в Бачковском монастыре в связи с тем, что именно с этой обителью традиция связывает последние дни отправленного в заточение патриарха. Автор подробно освещает результаты раскопок 1905 г. в Бачковском монастыре с целью обретения мощей св. Евфимия в отчетах специальной комиссии, куда наряду с духовными лицами входил и корифей болгарской медиевистики В. Н. Златарский. Самым детальным образом в очерке представлен и ход затянувшейся почти на сто лет научной полемики вокруг найденных в 1905 г. костных останков вместе с жезлом, короной и оловянной табличкой, которые Златарский без всяких сомнений атрибутировал как принадлежащие опальному патриарху (с. 100–117). Опираясь на результаты антропологической экспертизы 1970-х гг. и археологических раскопок 1980-х гг., Д. Чешмеджиев приводит доказательства того, что найденные в 1905 г. предметы относятся к гораздо более позднему периоду, а кости представляют собой останки трех разных людей, умерших в более раннем, чем патри-

арх, возрасте. В качестве возможного места захоронения Евфимия Тырновского рассматривается некрополь средневековой Бакуриановой церкви монастыря, о чем свидетельствуют археологические раскопки 1950-х и 1980-х гг. (с. 117–119).

Логическим продолжением очерка о культуре опального патриарха является проведенный автором анализ легенд, связанных с последними годами жизни Евфимия и обстоятельствами его смерти. Характерно, что в целом, несмотря на большое число легенд и разнообразие сюжетных линий (например, похищение патриарха жителем некоего родопского села в целях спасения его от козней греческого духовенства), все они объединены мотивом локализации захоронения Евфимия Тырновского где-то в окрестностях Родопского края, то есть в той или иной степени близости к Бачковскому монастырю (с. 121–126).

Наконец, особый интерес представляет очерк «Митрополит Киприан и культ болгарских святых», в рамках которого рассматривается деятельность митрополита по включению в русскую церковно-богослужebную практику памяти некоторых широко почитаемых болгарских святых. Обращаясь к данной проблематике, Д. Чешмеджиев опирается на выводы А. А. Турилова, согласно которым важнейшая миссия митрополита Киприана состояла в том, чтобы способствовать формированию идеологии централизованного русского государства с центром в Москве, в связи с чем он использовал знакомый ему болгарский и сербский опыт (с. 131). Отталкиваясь от этой концепции, автор подробно исследует все возможные мотивы, по которым митрополит включил в свой синаксарь память болгарских подвижников: св. Параскевы-Петки Тырновской, св. Иоанна Рильского, св. Илариона Мегленского и св. Иоакима Сарандопорского (с. 131–135). Отдельное внимание исследователь уделяет развитию кирилло-мефодиевской идеи в данный период, которая, несмотря на интерес митрополита Киприана к культу равноапостольных братьев, все же теряет популярность на русской почве вплоть до Нового времени (с. 135–137).

Представленная серия очерков Д. Чешмеджиева носит исключительный, фундаментальный характер, затрагивая наиболее актуальные для современной болгарской медиевистики аспекты и проливая свет на ранее не изученные смысловые параллели, связанные с почитанием болгарских святых. Несомненным достоинством книги является привлечение исключительно богатой источниковой базы, прежде всего данных археологии, в сочетании с блестящей эрудицией

исследователя в отношении книжных памятников эпохи. Отдельно необходимо отметить значительный по объему библиографический раздел книги, в котором скрупулезно собраны как широко известные классические труды, так и новейшие работы по тематике средневековой святости на болгарской почве, а также редкие материалы, включая архивные, этнографические и др. С полной уверенностью можно сказать, что книге Д. Чешмеджиева в ближайшее время предстоит стать «настоющей книгой» специалистов по средневековой болгарской святости и важнейшей основой для дальнейших исследований данной проблематики.

Источники и литература

Чешмеджиев Д. Етюди върху български средновековни култове. Пловдив: Фондация «Българско историческо наследство», 2019. 177 с.

References

Cheshmedzhiev, D. *Etiudi върху български средновековни култове*. Plovdiv: Fondatsiia “Bŭlgarsko istoricheskо nasledstvo”, 2019, 177 s.

Anastasia S. Dobychina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Forgotten symbols, lost churches and undiscovered relics:
A new book about devotion of saints in medieval Bulgaria

This is a review of a book of the Bulgarian historian D. Cheshmedzhiev, in which the researcher explores some little-studied peculiarities in functioning of medieval Bulgarian cults of saints. The author focuses on the development of the cult of the Emperor Constantine the Great, notional parallels connected with it, and analyzes peculiarities of devotion of the first Tarnovo Patriarch Joachim, St. Michael the Warrior, St. Phylothee “Temnishka”, St. Parasceve-Petka and Patriarch Euthymius of Tarnovo. The researcher also explores the role of Metropolitan of Kiev and All Rus Cyprian in the dissemination of some Bulgarian cults in Russian lands.

Keywords: *Second Bulgarian Empire, cults of saints, Constantine I the Great, Patriarch Joachim of Tarnovo, St. Michael the Warrior, St. Phylothee "Temnishka", St. Parasceve-Petka, Patriarch Euthymius of Tarnovo.*

Книга о венграх в Центральной Хорватии

Filip Škiljan. Mađari u Središnjoj Hrvatskoj (Bjelovarsko-bilogorska, Sisačko-Moslavačka, Požeško-Slavonska, Koprivničko-Križevačka i Virovitičko-Podravska županija). — Bilje; Velika Pisanica: Demokratska zajednica Mađara Hrvatske; Zajednica Mađara — Pisanica, 2016. — 132 с. — ISBN 978-953-59095-0-7

В 2016 г. вышла книга научного сотрудника Института миграций и национальностей (г. Загреб, Хорватия) Филиппа Шкиляна о венграх, проживающих в центральных областях Хорватии. В монографии речь идет об истории переселения венгров в эти края, о современной языковой ситуации, описаны повседневные занятия венгров, приводятся статистические данные переписей и архивов. Несомненным достоинством книги является то, что она основана также на данных полевой работы, проведенной автором в регионе. Ключевые слова: *венгры, Центральная Хорватия, устная история, меньшинство, языковая ситуация.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.8.02

Новая монография научного сотрудника Института миграции и национальностей (г. Загреб, Хорватия) др. Филиппа Шкиляна посвящена венгерскому меньшинству, проживающему в Центральной Хорватии. Филипп Шкилян известен тем, что изучает национальные меньшинства в Хорватии, среди его работ можно упомянуть исследования об украинцах, чехах, поляках, итальянцах¹. Все монографии автора основаны на данных, полученных в ходе полевой работы с информантами, а также в результате работы в архивах. В 2016 г. вышла в свет книга на хорватском языке о венграх, проживающих в пяти центральных жупаниях Хорватии (Бьеловарско-Билогорской, Сисакско-Мославинской, Пожегско-Славонской, Копривницко-Крижевацкой и Вировитицко-Подравской). Исследование представляет

¹ См., например, работы: *Škiljan F. Svakodnevni život Ukrajinaca u Lipovljanima. Zagreb Lipovljani, 2013; Škiljan F. Talijani u gradu Zagrebu. Zagreb, 2015; Škiljan F. Rusi u Hrvatskoj. Zagreb, 2014.*

собой анализ современного положения венгров, их языковой и религиозной идентичности, истории переселения, статистических данных переписей, церковных и административных книг. Следует отметить, что венгры в Центральной Хорватии редко оказываются в поле зрения исследователей. В основном интерес обращен к венграм в Восточной Славонии и Баранье, где они в некоторых общинах составляют большинство и расселены компактно. Так, в недавно вышедшей книге о венгерском языке в Хорватии описан только язык населения Восточной Славонии и Бараньи, тогда как языковые особенности говора венгров в более западных областях Хорватии не рассматриваются². Для ученых, занимающихся меньшинствами, венгерская общность в центральной части страны чрезвычайно интересна, поскольку является разнородной в языковом и религиозном отношении, проживает в окружении других меньшинств (чехи, итальянцы, немцы) и сегодня находится в процессе ассимиляции. Книга привлекла наше внимание потому, что в мае 2019 г. в указанных областях автор рецензии проводил полевые исследования среди венгров и может сравнить собственные данные с тем, что зафиксировано в монографии Ф. Шкиляна.

Во введении автор описывает преимущества метода фиксации устной истории небольших сельских общин, поскольку собранные рассказы «становятся зеркалом общественных процессов в определенный период на определенной территории» (с. 6). Далее приводятся сведения о 33 информантах, самому пожилому из которых было 87 лет, самому молодому — 43. Беседы с информантами проходили на хорватском языке. Глава «Переселение венгров в область Билогоры, Подравины, Мославины и Западной Славонии» делится по территориальному признаку: последовательно даны сведения о Леграде, Ждале, Билогоре, Мославине и Западной Славонии, а также о Подравине около Вировитицы. В Леграде концентрируется самая «старая» по времени переселения группа венгров: венгры пришли сюда в конце XVI в. Еще одной особенностью этой группы является преимущественно протестантское вероисповедание (лютеранство). Остальные территории были заселены позже — в середине XIX в., после заключения хорватско-венгерского соглашения и изменения статуса Военной границы. В переселении основную роль играли экономические причины: в Хорватию устремлялись крестьяне из

2 A magyar nyelv Horvátországban / Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. Budapest; Eszék, 2016.

южных районов Венгрии (Бач-Бодрог, Шомодь, Зала, Баранья), где земельные наделы были небольшими. Интересны свидетельства информантов, сохранившиеся в виде семейных преданий и относящиеся ко времени переселения: Йошко Борбаш из села Велика-Писаница говорит, что венгры принесли в новые края муку и белый хлеб, а местные (хорваты и сербы) не знали до прихода венгров о белом хлебе (с. 15). Следует сказать, что мотив цивилизационного вклада мигрантов в уклад жизни старожилов встречается довольно часто в подобных контактных регионах. Отмечается, что вместе с венграми переселяются и представители других народов: немцы, словаки. Очень часто национальная идентичность нестабильна. Например, село Ждала интересно тем, что местное население, хотя и говорит по-венгерски, считает себя хорватами. То же самое актуально и для общины Нови-Градац в Подравине.

В главе «Межнациональные отношения после прихода венгров» приводятся свидетельства о том, что ранее были невозможны браки между хорватами/сербами и венграми, общины были более закрытыми, на межнациональные различия накладывались еще и межконфессиональные (с. 23). Однако есть много примеров, когда местное население выучивало венгерский язык, например, сербы в Великой Писанице (с. 24). Автор приводит этнонимы, распространенные в исследуемом регионе: венгров называли *kalvini* (кальвинисты), немцев — *švabi*, чехов — *peinci*, хорватов — *šokci*, сербов — *raci*, *vlaži*. Эти же этнонимы были зафиксированы и нами в экспедиции 2019 г. Ф. Шкилян отмечает, что венгры в центральной Хорватии не были объединены в политические и культурные общества, культурный центр венгров находился в Воеводине, в Сербии (с. 28), это является одним из факторов, способствующих ускорению ассимиляции венгров в этих районах. Ассимиляции способствовало и то, что национальная идентичность могла меняться. Интересны данные о колонистах из Боснии, прибывших в Великую Писаницу после Второй мировой войны, местные жители отмечали иной уровень их материальной культуры (с. 29).

Глава «Обычаи венгров и жизненный цикл» посвящена рассмотрению повседневной жизни в венгерских селах региона. Автор описывает школьное образование, подробно перечислены имена учителей и школы, говорится о постепенном прекращении преподавания на венгерском языке (с. 33–39). Достаточно подробно описаны сельские ярмарки, а также свадьбы — в этом разделе приводятся и некоторые термины духовной народной культуры, например венг. *ko-*

szorú tánc (танец молодоженов). В Ждале отмечен термин *pozović* — человек, приглашающий на свадьбу (с. 43). Следует добавить, что в экспедиции нами также был зафиксирован этот хорватский термин в венгерских высказываниях информантов, венгерских же аналогов собеседники не приводили. Далее в главе следует краткое описание похоронных обычаев, автор также перечисляет наиболее распространенные профессии и ремесла.

В главе «Внутренние миграции и эмиграция венгров из Хорватии» Ф. Шкилян отмечает, что основными причинами миграций были экономические и политические, венгры из Хорватии уезжали в страны Северной и Южной Америки. Описаны миграции межвоенного периода, а также периода Второй мировой войны. Несомненную ценность имеют достаточно подробные свидетельства информантов об этом периоде (напр. с. 54–56). Автор говорит также о послевоенных переселениях и приграничных контактах с Венгрией после Второй мировой войны.

Глава «Венгры-кальвинисты, венгры-католики и венгры-евангелисты» посвящена анализу конфессиональных различий среди венгерского меньшинства в Центральной Хорватии. Большая часть венгров принадлежала к католической церкви, но значительным был также процент кальвинистов, особенно в окрестностях Бьеловара, Дарувара и Пакраца (с. 67). Евангелисты в основном концентрировались в Леграде и в селе Антуновац.

Сведения о языковой ситуации изложены в главе «Язык венгров в областях Подравина, Мославина, Билогора, западная Славония, Подравина у Вировитицы и Бьеловарская котловина». Отмечается, что венгерский язык здесь хуже сохранился, чем в восточных районах Славонии, практически нет сфер, за исключением семейного общения, где можно было бы использовать венгерский язык. Показательны рассказы информантов старшего поколения о том, что в детстве они не знали хорватского языка, а единственным языком общения был венгерский (с. 72–73). В населенных пунктах Мославинской Горы венгерский язык оказался вытеснен хорватским и в семейной сфере (с. 77). Венгерским языком в Подравине около Вировитицы владели также немцы (с. 75). Интересно, что венгры из Ждалы до сих пор используют венгерские названия хорватских городов: например, хорв. *Koprivnica* — венг. *Kapronca*, хорв. *Križevci* — венг. *Kőrös* (с. 74), что подтверждается материалами экспедиции 2019 г. В этой же главе приводятся статистические данные о численности жителей населенных пунктов, для которых венгерский язык является родным

(по переписи 2011 г.). Приводятся и сравнительные данные всех переписей, в которых отражено изменение численности венгров.

В главе «Данные из книг регистраций актов гражданского состояния» автор дает сведения о том, в каких населенных пунктах рождались и от каких болезней умирали венгры. Завершается монография обзором деятельности культурно-просветительских обществ, которые работают сегодня в регионе. В конце монографии помещены черно-белые фотографии церквей, надгробных памятников, старинных открыток, снимки, сделанные на культурных мероприятиях, а также фото из частных архивов информантов.

Книга Ф. Шкиляна, несомненно, вносит существенный вклад в изучение истории, языковой ситуации и культурных особенностей венгров Центральной Хорватии. Благодаря работе с информантами, их свидетельствам создается ощущение живой истории, полной эмоций и переживаний. В книге содержатся ценные сведения о языке венгров и современной языковой ситуации: для хорватских венгров характерна быстрая ассимиляция, утрата венгерского языка и принятие хорватской идентичности.

Вместе с тем стоит отметить и несколько моментов, которые можно было бы улучшить. На наш взгляд, недостатком изданной работы является отсутствие в ней оглавления, что не позволяет читателю быстро ориентироваться в книге. Кроме того, многие венгерские топонимы переданы ошибочно либо даны с ошибочной диакритикой (возможно, автору эти данные могли сообщить информанты, которые по причине отсутствия венгерских школ не владеют литературной нормой). Например: *Brekinszán* вместо *Brekinszka* (с. 96), *SzentGyergyvar* — вместо *Szentgyörgyvár*, *Ujvar* — вместо *Újvár*, *Csakaturn* (эта форма скорее соответствует немецкому названию города *Tschakturn*, переданному венгерской графикой, венг. *Csáktornya*) (с. 74), *Mohacs* — вместо *Mohács* (с. 72), *Udvorhely* — вместо *Udvarhely* (с. 71), *Kopronca* — вместо *Kapronca*, *Körös* — вместо *Kőrös* (с. 74). Кроме того, в главе «Обычаи венгров и жизненный цикл» описание традиционной культуры (свадьба, похороны) было бы логично отделить от описания школьного образования, ремесел.

Монография Ф. Шкиляна является важным источником информации о венгерском меньшинстве в Центральной Хорватии. Книга будет интересна историкам, лингвистам, антропологам, этнологам, особенно тем, кто интересуется малочисленными группами национальных меньшинств, находящихся в процессе ассимиляции.

Источники и литература

A magyar nyelv Horvátországban / Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár Ljubić M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Szentesi O. Budapest; Eszék: Gondolat Kiadó: Media Hungarica Művelődési és Tájékoztatási, 2016. 309 s.

Škiljan F. Mađari u Središnjoj Hrvatskoj (Bjelovarsko-bilogorska, Sisačko-Moslavačka, Požeško-Slavonska, Koprivničko-Križevačka i Virovitičko-Podravska županija). Bilje; Velika Pisanica: Demokratska zajednica Mađara Hrvatske; Zajednica Mađara — Pisanica, 2016. 132 s.

Škiljan F. Rusi u Hrvatskoj. Zagreb: Savez Rusa u RH, 2014. 104 s.

Škiljan F. Svakodnevni život Ukrajinaca u Lipovljanima. Zagreb: Ukrajinska zajednica RH; Lipovljani: KPD Ukrajinaca Karpati, 2013. 71 s.

Škiljan F. Talijani u gradu Zagrebu. Zagreb: [s. n.], 2015. 80 s.

Gleb P. Pilipenko

A book on Hungarians in Central Croatia

In 2016 a book by Philip Škiljan, a researcher at the Institute of migration and ethnicity at Zagreb, was published about Hungarians living in the Central regions of Croatia. In the monograph the history of the resettlement of Hungarians in this region is discussed, the current language situation, the daily occupations of the Hungarians, statistics from censuses and archives are provided as well. The undoubted advantage of the book is that it is also based on the data of field work carried out by the author in the region.

Keywords: *Hungarians, Central Croatia, oral history, minority, language situation.*

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)

Д. Ю. Ващенко
Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Когнитивно ориентированное филологическое исследование, вышедшее в Словакии

Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка / Н. Кори́на, Б. Норман, Н. Алефиренко, В. Высочанский, Я. Соколова. — Нитра: Университет им. Константина Философа в Нитре, 2014. — 204 с. — ISBN 978-80-558-0702-7

В рецензии рассматривается коллективная монография, вышедшая в Словакии на русском языке под общей редакцией Н. Б. Кориной и посвященная прежде всего вопросам лингвистической семантики и языковой картины мира. Авторы разделов на материале славянских языков рассматривают такие проблемы, как механизмы речевой образности, построение национальной фразеопаремийной картины мира, механизмы языковой ассоциативности, эмоциональные и пространственные доминанты словацкой и русской языковой картины мира. Исследование характеризует междисциплинарность, анализируются как корпусные данные, так и поэтические и философские тексты.

Ключевые слова: *языковая картина мира, русский язык, словацкий язык, белорусский язык, когнитивные исследования в лингвистике.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.8.03

Рецензируемая коллективная монография, вышедшая под общей редакцией Н. Б. Кориной, полностью написана на русском языке, при этом ее создатели представляют разные славянские страны — Словакию, Белоруссию, Польшу и Россию. Авторы объединяет общность концептуальной платформы: когнитивно ориентированные исследования в первую очередь языковой семантики, а также стремление представить картину мира, стоящую за языком (языками). Характерно, что материалом для анализа послужили родственные славянские языки, представляющие прежде всего западную (польский, словацкий) и восточную (русский, белорусский) группы. Материал южнославянских языков в монографии не рассматривается, что, с одной стороны, несколько ограничивает собственно типологическое

измерение возможных обобщений, с другой — предполагает рассмотрение языковой семантики в ареальном аспекте; соответственно, внимание читателя может быть сконцентрировано на возможных сходствах и различиях в когнитивно-языковых механизмах между центральноевропейскими славянами и их восточными соседями.

Целью коллективной монографии тем самым является не столько презентация единого исследовательского проекта, ориентированного на решение определенной задачи, сколько, напротив, демонстрация широты, многоплановости когнитивного подхода в лингвистических исследованиях, его применимости к максимально обширному кругу языковых явлений. Именно с этим связана специфика эксцерпции языкового материала в коллективной монографии, когда для анализа в равной степени привлекаются как данные национальных корпусов, так и поэтические и философские тексты. С одной стороны, языковая картина мира как некоторый внутренний, структурный принцип и философские взгляды, выражаемые на определенном языке, органично дополняют друг друга, создавая цельный национальный образ мира, с другой — именно когнитивный подход, как демонстрируют авторы, позволяет наиболее глубоко и органично анализировать тексты подобной жанровой направленности.

Книга состоит из пяти частей.

Первая часть носит название «Нарративно-дискурсивные механизмы речевой образности», ее написал российский лингвист Н. Ф. Алефиренко. Автор постулирует свою исследовательскую ориентацию не на логический, а на образно-ассоциативный тип познания, находящий свое отображение в нарративном механизме семиозиса и предполагающий как многократное прочтение одного и того же текста, так и варьирование его возможных смыслов. При всей своей полифоничности нарративный тип познания является по сути мотивированным и мотивирующим, но вместе с тем связанным с определенной лингвокультурой. При нарративно-дискурсивном методе, как его определяет Н. Ф. Алефиренко, за основную единицу описания принимают логоэпистему (лингвострановедчески значимую единицу, смысл которой может выражаться различными способами), которая аккумулирует в себе определенные знания, но одновременно должна служить своего рода отправной точкой (сигналом) для ассоциативного смыслопорождения в процессе перцепции дискурса. Исследователь подчеркивает синкретичный, лингвокультурный и символический характер вводимого им понятия логоэпистемы. В дальнейшем изложении Н. Ф. Алефиренко детально

рассматривает различные возможные модели логоэпистем, после чего столь же подробно останавливается на понятиях когнитивной метафоризации и метонимизации. Главная цель автора — сформулировать основные положения общей теории дискурсивного анализа образного смыслопорождения, которая смогла бы дать максимально четкое и одновременно методологически адекватное описание столь сложного объекта.

Вторая часть, «Категоризация действительности в реконструкции фразеопаремийной картины мира», написана польским лингвистом Влодзимежем Высочаньским. Подобно предыдущей, эта глава носит проблемно-теоретический характер, автор стремится не к решению конкретной лингвистической задачи, но к освещению наиболее значимых, на его взгляд, аспектов прежде всего лингвистической теории, необходимых для анализа языковой картины мира, отображаемой через определенный фрагмент языковой системы. Подчеркивая синтетический, междисциплинарный характер когнитивно ориентированных исследований, в начале главы В. Высочаньский подробно рассматривает сущность понятия категоризации в различных отраслях гуманитарного знания, прежде всего в философии и в психологии, после чего пишет о том, что механизмы категоризации действительности тесно взаимосвязаны с языковой картиной мира, т. е. сами когнитивные процессы во многом предопределены национально маркированным видением реальности. В составе языковой картины мира В. Высочаньский отдельно выделяет фразеопаремийную картину мира, базовыми элементами категоризации действительности являются концепт и прототип. Сама система категорий, в свою очередь, является иерархически устроенной: выделяются вышестоящие, базовые и нижестоящие категории; кроме того, действительность в рамках языковой картины мира членится в рамках определенной системы ценностей. Категоризация оказывается тесно связана с интерпретацией, что особенно рельефно проявляется при сравнении различных лингвокультур. В конце раздела В. Высочаньский иллюстрирует высказанные положения на примере устойчивых фразеологизированных сравнений вида «X как Y». Не осуществляя подробного разбора указанного фрагмента фразеологии, он подчеркивает, что подробное исследование фразеопаремийной картины мира является чрезвычайно перспективным направлением.

Третья часть носит название «Лексические ассоциации как составная часть языковой картины мира (на русском и белорусском материале)», ее автором является Б. Ю. Норман. Речь здесь идет о

механизмах языковой ассоциативности и о тех дискурсивных задачах, которые ставит перед участниками ассоциативного теста сам характер подобного эксперимента. Общие ассоциативные реакции, как пишет Б. Ю. Норман, делятся на парадигматические и синтагматические, сам механизм ассоциирования является многоступенчатым и напрямую связан с индивидуальным опытом реципиента. Вместе с тем перспективным, по мнению автора, является сопоставительное исследование ассоциативных норм различных языков, поскольку лексические ассоциации закрепляют определенный опыт социума, существующие в нем стереотипы. В конце главы Б. Ю. Норман иллюстрирует сказанное на материале данных, извлеченных из ассоциативных словарей русского и белорусского языков, стремясь связать выявленные закономерности с соответствующими языковыми картинами мира. Автор задается вопросом, с чем связаны подобного рода ассоциации — с менталитетом этноса или с его языковой картиной мира, и предполагает взаимосвязь обоих феноменов, отдельно подчеркивая влияние на процесс лексического ассоциирования различных факторов прежде всего социолингвистического характера.

Четвертая часть, «Концепт “сомнение” в словацком и русском языках», написана словацкой исследовательницей Яной Соколовой. Вначале Я. Соколова пишет о близости понятий «сомнение» и «неуверенность» и дает обзор трактовкам терминов *сомнение* и *неуверенность* в психологии и философии, что позволяет ей вычленить базовые аспекты термина, которые могут по-разному выражаться в языке, где лексико-семантическое поле сомнения / неуверенности делится на две зоны: собственно семантическую, куда входят знаменательные языковые выражения, и прагматическую, к которой относятся частицы и междометия. Автор исследует в первую очередь систему субстантивов со значением неуверенности в обоих языках, выделяя характерные системообразующие оппозиции в русском и словацком языках. Далее прежде всего на основе адъективной и глагольной сочетаемости субстантивов, а также на основе фразеологизмов Я. Соколова рассматривает специфику языковой концептуализации понятия «сомнение»: так, характерно, что слова со значением сомнения имеют в языке прежде всего негативные эпитеты и варьируются в плане выражаемой интенсивности сомнения. Далее словацкая исследовательница рассматривает глаголы и прилагательные со значением «сомнение» — и если при описании субстантивов акцент делался на русском материале, то у глаголов

и существительных опорным для Я. Соколовой является словацкий материал. После описания лексики со значением сомнения она переходит к рассмотрению функционирования значений на уровне высказывания. На основе контекстуальной синонимии исследовательница выделяет сомнения-вопросы, сомнения-неуверенность, сомнения-надежды, сомнения-возражения, сомнения-убеждения, сомнения-наблюдения и сомнения-опасения, а также сомнения-уверенность. Акцент в главе делается на общетипологические аспекты проблемы, главным для автора является сама постановка проблемы и установление «опорных точек» при описании языкового концепта; более подробное выявление различий между словацким и русским языками в категоризации понятия «сомнение» представляет скорее дальнейшую перспективу исследований.

Наконец, пятая часть называется «Пространственные доминанты языковой картины мира (на материале русского, словацкого и других славянских языков)», ее автором является Н. Б. Корина. В отличие от предыдущей главы, здесь для исследовательницы принципиальным является акцент на сопоставительном, контрастивном аспекте рассмотрения языкового материала, где словацкая и русская интерпретация пространства различаются уже в силу специфики ландшафта соответствующих культурно-языковых ареалов: если русская ориентирована на горизонтальное его членение, то в словацкой доминирующую позицию занимает вертикальная модель. В начале раздела автор дает подробный обзор литературы, посвященной специфике языковой концептуализации пространственных отношений, связывая осмысление пространственных отношений с формированием ценностной картины мира этноса. Далее Н. Б. Корина развивает тезис о тесной взаимозависимости пространственных концептов и синтаксических структур языка, после чего подробно рассматривает философскую проблематику пространственных категорий, в дальнейшем иллюстрируя выдвигаемые положения прежде всего на материале русских поэтических текстов. В последующем изложении автор главы переходит к описанию собственно языковых моделей пространства, где в контексте заявленной проблематики особую важность, по мнению Н. Б. Кориной, приобретают тезис о вертикальных / горизонтальных моделях пространства в рамках языковой картины мира и уже высказывавшееся исследовательницей в ее предыдущих работах положение о том, что языковая концептуализация пространства детерминирована естественной средой проживания конкретного этноса, т. е. ландшафтом занимаемой этим

этносом территории. Затем Н. Б. Корина переходит к конкретному анализу. Подход, предлагаемый Н. Б. Кориной, является лингвокультурным по своей сути, материалом для сопоставительного анализа служат здесь произведения самых различных жанров — фольклорные произведения, поэтические тексты, философские сочинения. Н. Б. Корина ставит целью не сколь-нибудь подробную демонстрацию высказываемых положений — это представлено в ее других работах, — но скорее теоретическое обоснование применяемой в этих работах методики, когда ландшафт обитания этноса напрямую влияет на его систему ценностей, пространственная картина мира тем самым становится ключом для интерпретации языковой картины мира как таковой, а словацкий и русский этносы, несмотря на генетическую близость, демонстрируют радикально противоположные способы членения действительности — философия, язык и культура в данном случае составляют неразрывное единство, что полностью соответствует избираемому Н. Б. Кориной когнитивному подходу к описанию языковых явлений.

В рецензируемой книге представлена одна из наиболее актуальных тенденций современных филологических исследований, когда один и тот же феномен получает разностороннее освещение, так что разные его аспекты лишь дополняют и углубляют друг друга. Из всего спектра возможного объединения гуманитарных дисциплин авторы монографии, которых объединяет нацеленность исследовательской интенции на изучение образа мира, стоящего за языками, используют достижения лингвистики, когнитивной психологии, философии и культурологии. Исследователи, ставшие авторами коллективной монографии, работают с материалом родственных славянских языков, что открывает перед ними широкую перспективу возможных сопоставлений. Глубина затрагиваемых в коллективной монографии теоретических проблем и разноплановость представленного языкового материала делают ее чрезвычайно интересной в том числе для российского читателя.

Источники и литература

Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка / Н. Корина, Б. Норман, Н. Алефиренко, В. Высочанский, Я. Соколова. Нитра: Университет им. Константина Философа в Нитре, 2014. 204 s.

Reference

Iazykovaia kartina mira i kognitivnye prioritety iazyka, by Natalia Korina, Boris Norman, Nikolai Alefirenko, Włodzimierz Wysoczański, Iana Sokolova. Nitra: Universitet im. Konstantina Filosofova v Nitre, 2014, 204 s.

Darya Ju. Vashchenko

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Science (Moscow, Russia)

Slovak collective monography on cognitive-oriented linguistic research

The review highlights a collective monograph published in Slovakia in Russian under the General editorship of N. Korina, and devoted primarily to the issues of linguistic semantics and language picture of the world. The authors of sections on a material of Slavic languages consider such problems as the mechanisms of verbal imagery, the construction of the national phraseoparemic picture of the world, mechanisms of language associative, emotional, and dominants of the Slovak and Russian language picture of the world. All sections are focused on interdisciplinary research, analyzed as corpus data, and poetic and philosophical texts. *Keywords: language picture of the world, Russian language, Slovak language, Belarusian language, cognitive studies in linguistics.*

УДК 930, 497.6, 497.15
ББК 63.3(4)

Г. Н. Энгельгардт
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Попытка обзора современной историографии о Боснии и Герцеговине

Обзор международной конференции «Современная историография о Боснии и Герцеговине (2001–2017)», прошедшей 21–22 июня 2019 г. в Сараево. Конференция дала ценный обзор состояния современной литературы о БиГ от античности до современности и направлений работы, прежде всего, бошнякских исследователей. Если сверхзадача интеграции трех «национальных» историографий в единую научную и не была достигнута, то сама постановка ее и попытка деполитизации исторической науки в конфликтном регионе делает честь организаторам конференции.

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, историография, бошняки, османистика, Первая мировая война, боснийская война 1992–1995 гг.

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.8.04

21–22 июня 2019 отделение общественных наук Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины (АНУ БиГ) провело в Сараево международную конференцию «Современная историография о Боснии и Герцеговине (2001–2017 гг.)», охватившую все основные периоды развития республики, от античности до современности. Столь широкий охват новейшей литературы об истории одной из пост-югославских стран может оказаться полезен коллегам по крайней мере до выхода сборника конференции.

Организаторы (академик АНУ БиГ Джевад Юзбашич и профессор Зияд Шехич) уделили большое внимание необходимости преодоления разделения боснийской историографии на три национальные и перехода к собственно научному, а не политизированному описанию прошлого страны. Сложность этой задачи показала и сама конференция — основную часть ее боснийских участников составили именно бошняки, представлявшие Федерацию БиГ, по преимуществу

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00163 «Историческая политика в странах бывшей Югославии».

Историческое отделение философского факультета Сараевского университета. Участники из Республики Сербской и Сербии так и не приехали, ограничившись представлением тезисов докладов¹, равно как не присутствовали исследователи из хорватских кантонов БиГ. Однако и в таком составе конференция дала широкий обзор исследований боснийской истории и представляет значительный интерес. Тремя главными ее задачами названы: рассмотрение историографии о БиГ с 2001 по 2017 г., зарубежной историографии и историографии о БиГ в общественном дискурсе.

Конференцию открыл президент АНУ БиГ Милош Трифкович.

Академик Адила Пашалич Креско говорила о современных стандартах ЕС в сфере преподавания истории в школах, отметив перенос акцента с сообщения ученику собственно исторических фактов на гражданское воспитание.

Амра Шачич Бечо, доцент Исторического отделения философского факультета Сараевского университета, затронула освещение античной истории БиГ в работах исследователей из стран бывшей Югославии, отметив улучшение их сотрудничества и выделив работы Даниела Джино и Алки Домич Кунич², а также Мариэты Шашел Кос³ по римскому завоеванию Западных Балкан, Петера Ковача по административному устройству римских владений на территории БиГ⁴, публикацию Алки Кунич Домич 2006 г. по Паннонской войне⁵. По ее наблюдению, в работах по поздней античности заметны следы «некоторых современных политических идеологий», характерных для 1990-х гг. «Постпроцессуалисты и структуралисты бывшей Югославии отказываются от прежних трактовок таких терминов, как

1 Сборник тезисов конференции: ANU BiH, Odjeljenje humanističkih nauka, Odbor za istorijske nauke. Međunarodna naučno-kulturološka konferencija. Istoriografija o Bosni i Hercegovini (2001–2017). Knjiga sažetaka. Radni materijal. Sarajevo, 2019.

2 *Džino D., Domić Kunić A.* Rimski ratovi u Iliriku: Povijesni antinarativ. Zagreb, 2013.

3 *Šašel Kos M.* Rimsko osvajanje zahodnega Balkana. Ilirik v Apijanovi Ilirski zgodovini. Ljubljana, 2010.

4 *Kovács P.* A history of Pannonia in the late Roman period I (284–363 AD). Bonn, 2016; *Kovács P.* Some Notes on the Division of Illyricum. Cluj-Napoca, 2008.

5 *Kunić Domić A.* Bellum Pannonicum (12.–11. st. pr. Kr.): posljednja faza osvajanja južne Panonije // *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*. No. 1. Vol. 39. 2006.

племя, романизация, Иллирик, считая их продуктом империалистической историографии».

Академик Австрийской академии наук Оливер Йенс Шмитт, говоря о современных подходах к истории средневековой Боснии, указал, что по контрасту с проблемами современной истории эти сюжеты интересуют очень узкий круг авторов из БиГ и Сербии. Из новых работ он выделил изданные Эсадом Куртовичем материалы о Боснии из архивов Дубровника⁶, его же статьи по истории средневекового банковского дела в Боснии и по инвестициям дубровницких патрициев XV в.⁷, монографию Э. Филиповича, интегрирующего средневековую Боснию в историю крестовых походов⁸, а также работу Дубравко Ловреновича, посвященную истории институтов, в частности — отличиям боснийского Сабора от хорватского и сербского аналогов⁹. На взгляд О. Й. Шмитта, эти работы показывают, что средневековая Босния гораздо более походила на современную ей Европу, чем отличалась от нее какой-либо спецификой. Комментируя его доклад, Е. Филипович подчеркнул, что центр исследований боснийского средневековья находится не в Сараево, а в Белграде, выделив работы Павле Димича и Десанки Ковачевич, и отметил, что исследования доосманской Боснии не вписываются в «три национальные историографии».

Тезисы доклада иностранного члена АНУ БиГ Сречко М. Джайи (ФРГ)¹⁰ были посвящены интерпретационным апориям боснийской историографии, проявляющимся в национальных нарративах бошняков, сербов и хорватов и основанным на различных трактовках средневековой Боснии и ее преемственности / разрыве преемственности в последующие исторические периоды. «В период югославского социализма историография БиГ стремилась сбалансированно подходить к трем государствообразующим народам [...] и параллельно раз-

6 *Kurtović E.* Из историје банкарства Босне и Дубровника у средњем вијеку (Улагање новца на добит). Београд, 2010; *Kurtović E.* Arhivska građa za historiju srednjovjekovne Bosne (Ispisi iz knjiga kancelarije Državnog arhiva u Dubrovniku 1341–1526). Sarajevo, 2019.

7 *Kurtović E.* Iz povijesti dubrovačkoga zaleđa. Dubrovnik, 2018.

8 *Filipović E.* Bosansko kraljevstvo. Historija srednjovjekovne bosanske države. Sarajevo, 2017.

9 *Lovrenović D.* Na klizištu povijesti (Sveta kruna ugarska i Sveta kruna bosanska) 1387–1463. Zagreb, 2006.

10 *Džaja M.* Interpretativne aporije bh. Istoriografije // ANU BiH... S. 17.

рабатывать их историю, хотя и без результата, так как время и распад Югославии разрушили этот проект». «После возникновения БиГ как отдельного государства [...] бошнякская историография говорит о БиГ как о государстве и о непрерывной исторической идентичности БиГ как единого целого», а различия представляет «второстепенными». При этом для сербского/хорватского нарратива «БиГ не имеет *отдельного* значения, она лишь *часть*» соответствующего «политического и культурного пространства». С. Джайя отмечает, что «под ударами событий хорватский нарратив» не столь «решительно относит БиГ к хорватским землям и что в историографии боснийских францисканцев присутствует осознание двойной идентичности боснийских хорватов, т. е. восприятие БиГ как собственной родины с одновременной принадлежностью к хорватской культуре». С. Джайя полагает, что для преодоления этих апорий и перехода к научному дискурсу необходимо системное изучение боснийского средневековья и сопоставление его «парадигмы с парадигмой османской на институциональном, демографическом и культурологическом уровнях».

Член-корреспондент Хорватской академии наук и искусств (ХАЗУ) Ненад Моачанин затронул изучение Боснийского вилайета раннего нового времени в хорватской османистике 2001–2017 гг. По его мнению, 9 современных хорватских османистов в большей степени занимаются социально-экономическими вопросами — аграрными отношениями, налоговой системой, исламизацией населения, положением католиков, историей Краины и развитием института оджаклука — наследственного ленного владения тимаром. Н. Моачанин выделил собственные работы по клиометрии кадастровых дефтеров, указав на их значение как при анализе налоговой системы, так и для демографических оценок, равно как и оценок процесса исламизации населения и влияния на него перехода к подомовому обложению, выталкивавшего крестьян в города, что способствовало принятию ими ислама. Также был отмечен новый перевод путевых записок Э. Челеби, исследования по истории Осиека под османской властью, истории ряда соседствующих с Далмацией городов, отношениям Дубровника с Боснийским вилайетом, интеллектуальным качествам боснийских улемов и даже проблеме лесопользования в Славонии в османский период.

В тезисах доклада профессора кафедры ориенталистики филологического факультета Белградского университета Эмы Милькович¹¹

11 *Miljković E. Orijentalistika u Srbiji o BiH // ANU BiH... S. 21.*

отмечено, что в последние два десятилетия сербские востоковеды мало писали о БиГ. Основным результатом стало издание Маглайских сиджилов проф. Душанкой Боянич Лукач и Татьяной Катич¹².

Доклад Аладина Хусича из Института ориенталистики Сараевского университета был посвящен новым публикациям османских источников о Боснии. Исследователь выделил публикации османских дефтеров и сиджилов, указав на малочисленность полных изданий (16 или 17, по его мнению). Среди публикаторов сиджилов он отметил Энеса Дедича, Татьяну Катич, Ахмеда Алиичича и Ламию Хаджиосманович, а из издателей дефтеров — Снежану Кусо, Омера Хакичевича (Тузланский дефтер 1870-х гг.), Хасана Берича. А. Хусич отметил, что переводы готовились по 20–30 лет, изданные источники в основном относятся к XVI в., один — к XV в. и несколько — к рубежу XVII–XVIII вв. Такие акценты, на его взгляд, объясняются нехваткой специалистов, нежеланием молодых исследователей заниматься источниками по XIX в. из-за их большей фрагментации и меньшей доступности материалов в османских архивах.

Фахд Касумович, доцент Исторического отделения философского факультета Сараевского университета, посвятил свой доклад современным представлениям о военно-административной элите османской Боснии. По его мнению, современная историография стремится пересмотреть устоявшиеся взгляды на элитные группы в обществах османских провинций. Ф. Касумович, рассмотрев 70 публикаций 45 авторов из стран бывшей Югославии, отмечает превалирование биографического дискурса и интереса к истории знатных родов (около 30 публикаций), 2 конференции, посвященные семейству Соколовичей и Хусейн-паше Боляничу, наиболее известным наместникам и генералам боснийского происхождения. Он выделяет работы Элмы Корич о Ферхат-паше Соколовиче, посвященные реконструкции его биографии, карьеры и его окружения¹³, и публикации Недима Зачировича о Халил-паше Соколовиче. По наблюдению Ф. Касумовича, если в работах 1960–1970-х гг. доминировали подходы социальной истории, то в современных исследованиях не хватает изучения элиты как группы.

Доклад Элмы Корич из Института ориенталистики Сараевского университета касался историографии границ постсредневековой Бос-

12 *Bojanić D., Katić T.* Maglajski sidžili, 1816–1840. Sarajevo, 2005.

13 *Korić E.* Životni put prvog beglerbega Bosne: Ferhad-paša Sokolović (1530–1590). Sarajevo, 2015.

нии. Отмечая подвижность границ того периода, включавших в XV в. то бывшее королевство Боснию, то Боснию и Клисский вилайет, она выделяет значение фиксации границ по миру 1699 г. Э. Корич также указала на игнорирование современными турецкими исследователями работ Эшрефа Ковачевича, который еще в 1960-е гг. дал классическое историческо-географическое описание границ Боснийского пашалыка¹⁴. Из новых работ Э. Корич отметила вышедший в 2012 г. перевод пограничного дефтера 1701 г.

Профессор Исторического отделения философского факультета Сараевского университета Эдин Радушич представил доклад «Восстание 1875–1878 гг. в боснийско-герцеговинской историографии: между исторической истиной и мультиперспективностью». Исследователь считает восстание 1875–1878 гг. одной из точек бифуркации для трех национальных историографий и выделяет «проблему избытка» источников, порожденную политизацией тогдашнего западного общества и развитием СМИ. Э. Радушич подчеркнул, что, несмотря на весьма неоднозначное восприятие в современном Сараево личности и наследия Милорада Экмечича, «нельзя говорить о восстании без его работ», хотя и несколько упрекнул его в том, что тот придал значение основного источника путевым запискам, а также отметил, что в работах последних лет академик отошел от социальной парадигмы и жестче писал о мусульманах. Докладчик выделил работы Б. Тешича и Б. Милошевича о сражении с турками под Баня Лукой и книгу Эдина Хайдарпашича¹⁵.

Конрад Клевинг из Лейбниц-института изучения Юго-Восточной Европы в Регенсбурге представил доклад «Колониализм превыше всего — новые тенденции в немецкоязычных исследованиях БиГ в австро-венгерскую эпоху (1878–1918)». Исследователь подчеркнул опасность доминирования одной парадигмы, выделив расширительную трактовку «колониационного подхода» Р. Донеи. К. Клевинг отметил монографии о развитии железных дорог в БиГ Вернера Шиндля¹⁶, исследования Клеменса Рутнера о колонизации БиГ¹⁷, подчеркнув, что сам

14 *Kovačević E.* Granice Bosanskog Pašaluka prema Austriji i Mletačkoj Republici po odredbama Karlovačkog mira. Sarajevo, 1973.

15 *Hajdarpašić E.* Whose Bosnia? Nationalism and Political Imagination in the Balkans, 1840–1914. Ithaca, 2015.

16 *Schiendel W.* Die Eisenbahnen in Bosnien und der Herzegowina 1867–1918. Wien, 2015.

17 *Ruthner C.* ‘Habsburg’s Dark Continent’: Postkoloniale Lektueren von imperialer oesterreichischer Literatur und Kultur im langen 19. Jahrhundert. 1.

термин колонизации требует уточнения и реинтерпретации в контексте внутренней колонизации в Австро-Венгрии от Баварии до Баната. По мнению К. Клевинга, колониционный подход легко игнорирует влияние сложившейся традиции Габсбургской монархии, которая привела к легкой интеграции БиГ в империю. Недостатком этого подхода он считает и игнорирование инициативы местных акторов.

Зияд Шехич, профессор Исторического отделения философского факультета Сараевского университета, рассмотрел историографию 2000–2017 гг. о БиГ в период австро-венгерского управления (1878–1918). Он выделил посвященную культурному развитию региона монографию Исмета Хусеиновича и Джемалудина Бабича¹⁸, сборники материалов конференции 2009 г. о положении БиГ под австро-венгерской властью¹⁹, а также материалов конференции 2014 г., посвященной столетию начала Первой мировой войны, изданных и на английском и немецком языках²⁰. Еще З. Шехич отмечает публикацию источников и появление работ по движению населения в период Первой мировой войны.

Профессор Ладислав Хладки из Исторического института Чешской академии наук представил доклад о современной чешской историографии БиГ. Он выделяет две группы работ — «историков, знакомых с довоенной многонациональной БиГ и потому и далее поддерживающих идею сохранения БиГ как историко-территориальной и государственно-правовой целостности»²¹, и исследователей постдейтонской БиГ, «относящихся со скепсисом к перспективе сосуществования тамошних народов»²². К чешской историографии Хладки относит

Tuebingen, 2018; *Ruthner C., Scheer T.* Bosnien-Herzegowina und Österreich-Ungarn, 1878–1918: Annäherungen an eine Kolonie. Tuebingen, 2018.

¹⁸ *Huseinović I., Babić Dž.* Svjetlost Evrope u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 2004.

¹⁹ Zbornik radova. Međunarodna konferencija Bosna i Hercegovina u okviru Austro-Ugarske 1878–1918., održana u Sarajevu, 30. i 31. marta 2009 / Ur. Z. Šehić, Sarajevo, 2011.

²⁰ Sarajevski dugi pucnjevi. Događaji — narativ — pamćenje / Prired. V. Preljević i C. Ruthner. Zenica, 2015; *The Long Shots of Sarajevo: Events — Narratives — Memorie* / Ed. by V. Preljevic, C. Ruthner. Tübingen, 2016; “The Long Shots of Sarajevo” 1914 Ereignis — Narrativ — Gedächtnis / Hrsg. von V. Preljevic, C. Ruthner. Tübingen, 2016.

²¹ *Hladký L.* Bosenská otázka v 19. a 20. století. Brno, 2005; *Stehlik P.* Bosna v chorvatských národně-integračních ideologiích 19. století. Brno, 2013.

²² *Žižka O.* “Jedna si jedina moja domovina?” Etno-demografiké proměny

и вышедшие в стране работы бошнякских историков²³. Исследователь отмечает и обзорные работы о чешско-боснийских отношениях и о таких их отдельных фигурах, как архитектор Карл Паржик²⁴, а также об истории чешской общины в БиГ²⁵. Столетие сараевского убийства вызвало ряд работ о судьбе Леопольда Лойки, чешского шофера Франца Фердинанда²⁶.

Франтишек Шистек из Исторического института Чешской академии наук сосредоточился на репрезентации и реинтерпретации сараевского покушения в чешском дискурсе. Отметив постоянную реинтерпретацию покушения от времен «Масариковой республики», чьей союзницей было Королевство СХС / Югославия, через период социализма до современности, он выделил четырех основных персонажей события, присутствующих в чешском дискурсе: эрцгерцога Франца Фердинанда, его супругу Софию Хотек, Гаврило Принципа и шофера Леопольда Лойку («исторического маргинала, получившего славу»). Если эрцгерцог увековечен в культовом романе о Швейке, его супруга постепенно «выходит из тени мужа», то личность Г. Принципа «больше всего разделяет общество». Шофер Лойка попал в фокус внимания локальных историков, в 2016 г. его могила в Брно была реставрирована в истинно австро-венгерском духе. Объединяет столь разные фигуры и то, что все они связаны с «местами памяти» на чешской земле: охотничьим замком в Конопиште, мемориальной камерой Принципа в тюрьме Терезина и могилой Лойки в Брно.

О применении постколониального подхода к изучению идеологических конструкций боснийской политики Венгрии в 1867–1918 гг. говорил проф. Имре Ресс из Центра гуманитарных исследований

Bosny a Hercegoviny v letech 1945–2013. Praha, 2014; *Pelikan J. i kolektiv. Státy západního Balkánu v uplynulém čtvrtstoletí a perspektivy jejich vývoje.* Praha, 2016.

23 *Mujanović M.* Muslimové, a ne mohamedáni! Ke kořenům bosňáckého národního hnutí v letech 1878–1918. Praha, 2018.

24 *Hladký L. i kolektiv.* Vytachy Čechů s národy a zeměmi jihovýchodní Evropy. Praha, 2010; *Boněk J., Kuděla J., Dimitrijević B.* Karel Pařík, architekt evropského Sarajeva. Praha, 2012.

25 *Uherek Z.* Češi v Bosně a Hercegovině: antropologické pohledy na společenský život české menšiny v zahraničí. Praha, 2000.

26 *Ježek M., Trojan P.* Tak nám zabili Ferdinanda. Praha, 2014; *Skoupý J.* Šofér, který změnil dějiny: za volantem vstříc atentátu na arcivévodu Františka Ferdinanda d'Este. Praha, 2017.

Исторического института Венгерской академии наук. По его мнению, с 1867 г. политика венгерских национал-либералов относительно Боснии строилась на стремлении продемонстрировать свою эффективность в модернизации отсталой территории.

Сафет Банджович из Исторического института Сараевского университета, специалист по миграциям населения Балкан²⁷, представил доклад о современной российской историографии о БиГ, упрекнув своих коллег за игнорирование «мощной научной традиции на Востоке», указав на то, что в Москве «больше специалистов по периоду австро-венгерского господства в БиГ, чем у нас», и выразив сожаление о распаде институционального сотрудничества, «сократившегося до индивидуальных контактов». Следствием этого, на его взгляд, стала переориентация российских историков на сотрудничество с Белградом и Баня-Лукой. На взгляд С. Банджовича, российские исследователи рассматривают БиГ прежде всего сквозь призму кризисов: Восточный 1875–1878 гг., аннексионный 1908–1909 гг., распад Югославии и «пост-югославские войны», а также и дейтонский период. С. Банджович подчеркнул широкий диапазон подходов от Е. Ю. Гуськовой до С. А. Романенко, исследования «от комплексного анализа истории БиГ до редуцированного и избирательного рассмотрения истории отдельных этнических сообществ на ее территории», и разделил российских историков на два направления: объективных исследователей и «политизированных экспертов и общественных деятелей». В заключение С. Банджович призвал своих коллег к восстановлению научного сотрудничества с российскими историками, подчеркнув, что «изоляция сознания ничего не дает, не надо быть аутистами!».

В тезисах доклада профессора Отделения истории философского факультета Загребского университета Иво Голдштайна «Как сегодня в БиГ писать о Второй мировой войне?»²⁸ отмечена проблема перехода от «партийного» подхода времен СФРЮ к новым методам. Прорывной работой он считает книгу Энвера Реджича²⁹ — «при выражено антифашистском подходе для нее характерна современная методология, стремление объяснить главные процессы, а не просто перечислять

27 *Bandžović S.* Bošnjaci i Turska. Deosmanizacija Balkana i muhadžirski pokreti u XX stoljeću. Sarajevo, 2014; *Bandžović S.* Ideja i iskustvo. Jugoslavenski socializam i bosnjačka pozicija. Sarajevo, 2017.

28 *Goldstein I.* Kako danas pisati o Drugom svjetskom ratu u Bosni i Hercegovini?!// ANU BiH... S. 45

29 *Redžić E.* Bosna i Hercegovina u Drugom svjetskom ratu. Sarajevo, 1998.

факты». «В последние годы вышел ряд работ, сделавших шаг далее — анализ идеологий, истории насилия, попытки дать его углубленный социологический анализ, разобраться в индивидуальных психологических мотивах».

Представленные на конференцию тезисы доклада профессора Мичиганского университета Роберта Дони «Краткая историография большой лжи: как американский пилот помог реабилитировать [Д.] Михайловича»³⁰ посвящены разоблачению нарратива о спасении четниками сотен сбитых немцами американских летчиков в 1944 г. Отмечая роль отчета Роберта Фримена, одного из них, в посмертном награждении Д. Михайловича Орденом заслуг США в 1948, Р. Доня подчеркивает, что партизаны И. Б. Тито спасли еще больше союзных авиаторов, но что это не получило широкой огласки. Автор обвиняет американскую дипломатию в соучастии в реабилитации Д. Михайловича в Сербии в 2010-х гг.

Хусния Камберович, профессор Исторического отделения философского факультета Сараевского университета, остановился на «Образе Югославии в современной историографии БиГ». На его взгляд, современные боснийские историки рассматривают весь югославский период весьма политизированно, сквозь «призму кровавого распада СФРЮ». Один из подходов — в 1918 г. БиГ «выпала из Европы, а в 1992 г. вернулась в нее». Сославшись на тезис белградского историка А. Митровича о «историографии и параисториографии», Х. Камберович заявил, что в БиГ существуют не три национальные историографии, а научная и параисториография, «группы на партийной и этнической основе», и выразил сожаление, что в БиГ до сих пор нет обзорной работы по истории Югославии, равно как и исследовательских проектов общегославского масштаба, указав, что «нам уже не хватает югославского контекста при описании развития БиГ», самокритично признав и собственное увлечение республиканской спецификой. Он подверг критике книгу Д. Мاستиловича³¹ за «ложный подход» — утверждение, что «Югославия была нашей тюрьмой». В качестве положительных примеров Камберович привел школу А. Митровича в Белграде (Дубравка Стоянович) и загребскую школу Мирьяны Гросс.

30 *Donia R.* The Small Historiography of a Big Lie: How an Allied Pilot Helped Rehabilitate Mihailović // ANU BiH... S. 47.

31 *Мастиловић Д.* Између српства и југословенства: српска елита из Босне и Херцеговине и стварање Југославије. Београд, 2012.

Экс-директор архива Тузланского кантона и профессор Исторического отделения философского факультета Тузланского университета Изет Шаботич остановился на новейшей историографии региона. Отметив отсутствие до сих пор обобщающих работ по региональной истории Тузлы, он выделил основные направления исследований Исторического отделения университета и местных исторических журналов: демографические процессы в регионе, история Хусейн-паши Градашчевича, история Тузлы османского периода, история г. Зворник (отошедшего в состав РС), публикация тузланско-зворницко-биелинских сиджилов и дефтеров. Из сюжетов по истории XX в. И. Шаботич отметил работы по «информбюровцам» Северо-Восточной Боснии, по истории 2-го (Тузланского) корпуса армии БиГ в 1992–1995 гг., по политической и социальной истории Тузлы времен войны 1992–1995 гг., «десятки неравнозначных текстов о последней войне».

Профессор юридического факультета Тузланского университета Эдин Мутапчич в докладе «Северо-Восточная Босния — позитивный пример развития локальной историографии» отметил заметный прогресс в этой сфере за последние 40 лет после открытия исторического отделения в местном университете. Он выделил работу Адема Ханджича³², указав, что многие подготовленные исследования и переводы дефтеров до сих пор остаются неизданными. Также отмечена история зворницкого санджака А. Ханджича, работы Хамдии Крешевляковица, Павао Анджелковича, Елены Милич. Важным этапом Э. Мутапчич считает создание исторического отделения в местном университете и начало издания краеведческого журнала «Građanički glasnik»³³, созданного Амиром Ханджичем и превратившего регион в «наиболее описанную местную среду БиГ». Также он подчеркнул важность местного управления защиты памятников (Zavod za zaštitu nasleđa), реализующего проект монумента трагедии Сребреницы 1995 г., значение работ Сакиба Софтича по османским переписям XIX в., исследования Кемала Нуркича по истории г. Кладаня и трудов по местной генеалогии.

Доцент юридического факультета Зеницкого университета Беньямина Лондрц, «самый молодой доктор наук БиГ», представила доклад «Изучение локальной историографии на примере журнала “Građanički glasnik”», в котором дала детальный обзор его публикаций.

32 Handžić A. Tuzla i njena okolina XVI vjeka. Sarajevo, 1975.

33 Građanički glasnik. Časopis za kulturnu historiju.

Профессор исторического направления философского факультета Бая-Лукского университета Аранджел Смилянич прислал на конференцию тезисы доклада «Локальные монографии в БиГ (2000–2017)»³⁴.

Соискатель Исторического отделения философского факультета Сараевского университета Ясна Пашич выступила с докладом о новой историографии и источниках по истории Бихачской краины в XX в. В числе остающихся нерешенными проблем она выделила оценку численности сербских жертв в регионе и выяснение числа жертв внутримусульманского конфликта 1993–1995 гг. между сторонниками правительства Сараево из числа 5-го корпуса армии БиГ и приверженцами Автономной области Западная Босния Ф. Абди-ча. Особое значение она придала работе канадского исследователя Макса Бергольца по истории геноцида 1941 г. в г. Кулен-Вакуф и его влияния на последующие межнациональные отношения в локальной среде³⁵.

Зилха Машталич-Кошута из Института изучения преступлений против человечности и международного права Сараевского университета говорила о современной боснийской историографии политических и военных событий 1992–1995 гг. в Сараево и Мостаре, отметив «обилие авторов-дилетантов», приводящее к «молчанию профессиональных историков, что создает проблемы для историографии». По ее наблюдению, события в Сараево описаны лучше, нежели в Мостаре. Рассматривая корпус материалов Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), З. Машталич-Кошута подчеркнула, что архивы трибунала, показания на процессах как источниковая база ценнее собственно приговоров по конкретным делам.

В тезисах доклада ее коллеги Мерисы Карович-Бабич «Исторические источники и историография о геноциде в Сребренице» подчеркнуто, что результатом международного внимания к трагедии Сребреницы в июле 1995 г. стали «тысячи страниц отчетов» голландского Института войн, холокоста и изучения геноцида (NIOD), французского парламента и Генерального секретаря ООН, обширная мемуарная литература участников событий. Особое внимание М. Карович-Бабич уделила «попыткам минимизации преступления», пред-

34 *Смилянич А.* Локалне монографије у Босни и Херцеговини (2000–2017) // ANU BiH... S. 57.

35 *Bergholz M.* Violence as a Generative Force: Identity, Nationalism, and Memory in a Balkan Community. Ithaca, 2016.

принимаемым «Историческим проектом Сребреница» и Институтом изучения сербских жертв XX в., которых она обвиняет в «прямом отрицании геноцида».

Военный историк Месуд Шадинлиа³⁶, также представляющий Институт изучения преступлений против человечности и международного права Сараевского университета, остановился на проблеме характера войны 1992–1995 гг. в БиГ, отметив, что полемика об агрессии «всегда имеет политическую, а не чисто юридическую природу». Характеризуя сложившиеся национальные дискурсы, М. Шадинлиа отметил, что бошнякский подход трактует конфликт как агрессию соседних республик против БиГ, сербский — как внутренний гражданский конфликт, а политику Сербии — как легитимную защиту соплеменников, а хорватский рассматривает войны в Хорватии и БиГ как части агрессии Сербии, при преувеличении военного значения вооруженных сил боснийских хорватов — Хорватского веча обороны (ХВО) — в ущерб армии БиГ, обвинении БиГ в соучастии в агрессии против Хорватии в 1991–1992 гг. и отрицании сговора С. Милошевича и Ф. Туджмана в Караджорджево в марте 1991 г. о разделе БиГ³⁷. Как и ряд выступающих, М. Шадинлиа отметил «обилие непрофессионалов и снижение критериев подготовки авторов» на всех трех сторонах, приводящее к противостоянию насаждаемой властями «политики памяти / культуры памяти» с «профессиональной историографией».

Г. Н. Энгельгардт из Института славяноведения РАН представил доклад о российской историографии Дейтонской Боснии, выделив следующие основные ее направления: постконфликтное урегулирование и прежде всего система внешнего управления БиГ (Совет по выполнению мирного соглашения (СВМС) и Управления Высокого представителя (УВП)); история Республики Сербской; военная история. Историк отметил отсутствие обобщающих монографий по истории страны и несколько меньшее внимание к изучению второй автономии БиГ — Федерации БиГ (в отечественной литературе — мусульманско-

36 *Šadinlija M.* Teritorijalna odbrana Bosne i Hercegovine 1986–1992. Sarajevo, 2013; *Čekić S., Karavelić V., Ajnadžić N., Selmo Cikotić, Hodžić S., Smajić M., Šadinlija M.* Prvi korpus armije republike Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2017; *Šadinlija M.* Između pravde i politike. Odnos mirovnih planova i vojnih operacija u Bosne i Hercegovini 1992–1995. Sarajevo, 2018.

37 *Lučić I.* Uzroci rata. Bosna i Hercegovina od 1980. do 1992. godine. Karadžorđevo: mit o podijeli BiH. Zagreb, 2013.

хорватская федерация). Пока такими обобщениями остаются главы в справочниках 2003 и 2015 гг.³⁸

Марко Аттила Хоар, профессор Сараевской школы науки и технологий, выступил с докладом «Боснийский геноцид 1992–1995 гг. в работах иностранных ученых», указав на «огромное политическое и интеллектуальное влияние» боснийской войны на современные исследования по геноциду, прежде всего на эволюцию самого применения этого понятия, ранее фактически ограниченного Холокостом, а теперь ставшего куда более частым. Политическими следствиями ее стали концепции «гуманитарной интервенции», декларированная НАТО в отношении косовского кризиса 1999 г., и «ответственности за защиту» (R2P — Responsibility to Protect), примененная в отношении Ливии в 2011 г. По мнению М. А. Хоара, начало боснийского геноцида относится к 1990 г., но зарубежные балканисты уделяют боснийскому геноциду недостаточно внимания, причину чего он видит в изначально проюгославской ориентации ряда исследователей старшего поколения, таких как С. Вудвард³⁹, которая «довольно мягко» писала «про Пале и про Белград». В качестве антипода им Хоар выделил книги журналистов, назвав работу Лоры Силбер и Алана Литтла⁴⁰ «более качественной», а книги Э. Вуллиями⁴¹ и Р. Гутмана⁴² «хорошими, но лишенными анализа». Отдельно он ставит работы «исследователей геноцида» Майкла Манна⁴³, З. Ноймарка (точнее — воспоминания о Холокосте), Жака Севелы, положительно отвечающих на вопрос об относимости понятия геноцид к боснийской войне, сотрудника МТБЮ Гари Басса⁴⁴, работу Брендана Симмса⁴⁵ о внешнем

38 Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М., 2003; Центральная и Юго-Восточная Европа, конец XX — начало XXI в. Аспекты развития: историко-политологический справочник. М., 2015.

39 *Woodward S.* Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington, 1995.

40 *Silber L., Little A.* The Death of Yugoslavia. London, 1995.

41 *Vulliamy E.* Seasons in Hell: Understanding Bosnia's War. N.Y., 1994.

42 *Gutman R.* A witness to genocide. N.Y., 1993.

43 *Mann M.* The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. Cambridge, 2005.

44 *Bass G.* Stay the Hand of Vengeance: The Politics of War Crime Tribunal. Princeton, 2000.

45 *Simms B.* Unfinest hour: Britain and the Destruction of Bosnia. London, 2001.

вовлечении в ход войны, книгу о греческой поддержке С. Милошевича и «хорошую книгу» Ф. Бибера⁴⁶. «Хорошей базовой работой» он назвал книгу Нормана Сигара⁴⁷, самыми серьезными исследованиями — труды Эдины Бечиревич⁴⁸ и Эмира Сулягича⁴⁹ — «хотя и бошнякские», но вышедшие в Англии и США. С неудовольствием М. Хоар отметил, что многие исследователи «уклоняются от проблематики геноцида» как «очень противоречивой и политизированной», хотя «масса документов МТБЮ ждет внимания молодых исследователей». Следует отметить, что правоту М. А. Хоара в оценке политизированности проблемы подтвердила дискуссия по его докладу, в которой его упрекнули как в расширительной трактовке термина «геноцид» применительно к боснийской войне, так и в сужении понятия «иностранный историографии» до англоязычной литературы, в частности — умолчании о лучшем исследовании локальной этнической чистки в работе Армины Голияш⁵⁰.

В тезисах доклада проф. А. Кожара, председателя общества историков Тузлы, «Исторические аспекты изучения войны в БиГ (1992–1995)»⁵¹ отмечено, что «приговоры МТБЮ и национальных судов» содержат «часть исторической истины» о военных событиях, но что поиск истины в полном объеме требует полномасштабных исторических исследований. В свою очередь для этого нужно создание правовых и институциональных условий для выявления, сохранения и обработки источников.

Некоторым диссонансом прозвучал доклад академика АНУ БиГ Мирко Пеяновича «Общественно-политический контекст выживания и развития БиГ как государства в постдейтонскую эпоху», полностью посвященный его проекту реформы политико-административного устройства БиГ.

Выступление Армины Галияш из Центра изучения Юго-Восточной Европы университета в Граце «Настолько ли плоха БиГ, как о ней

46 Facing the past, facing the future. Confronting ethnicity and conflict in Bosnia and former Yugoslavia / eds. F. Bieber, W. Carsten. Ravenna, 2005.

47 Cigar N. Genocide in Bosnia: The Policy of Ethnic Cleansing. College Station, 1995.

48 Becirevic E. Genocide on Drina River. New Haven, 2014.

49 Suljagić E. Postcards from the Grave. London, 2005.

50 Galijaš A. Eine bosnische Stadt im Zeichen des Krieges. Ethnopolitik und Alltag in Banja Luka (1990–1995). Munchen, 2011.

51 Kožar A. Historijski aspekti izučavanja rata u Bosni i Hercegovini (1992–1995) // ANU BiH... S. 71.

пишут?» было посвящено негативному образу БиГ в англо- и немецкоязычной научной литературе (на базе анализа публикаций Google Scholar). А. Галияш показала появление тенденции «балканизма», по аналогии с «ориентализмом» Э. Саида, — подхода, по сути, дискриминирующего культуры Балкан как отсталые и неспособные к саморазвитию, предрасположенные к насилию, кризисам и травмам и потому неевропейские. По мнению исследовательницы, такой подход игнорирует мощный позитивный потенциал балканских обществ, их адаптивные способности и стремление к европейской интеграции, выступающее локомотивом интеграции и на региональном уровне.

Желька Полони, докторант Исторического отделения философского факультета Сараевского университета, посвятила свой доклад «Представлению годовщин в СМИ». Она отметила, что столь значимые события, как столетие Первой мировой войны, аннексия БиГ Австро-Венгрией, двадцатилетие трагедии Сребреницы и подписания Дейтонских соглашений отмечались не на общепоснийском уровне (т. е. с общей программой торжеств), а на уровне боснийских автономий, «часто имеющих полностью противоположные взгляды на эти события». Докладчица отметила полемику в Википедии, где одна и та же тема также получает весьма отличные трактовки в национальных версиях.

Доклад Аси Мандич, профессора кафедры истории искусства Исторического отделения философского факультета Сараевского университета, «Музеография и историография боснийско-герцеговинского искусства в период постсоциалистического кризиса» был посвящен практике Художественной галереи БиГ, потерявшей после 1995 г. статус ведущей государственной профильной организации, что «отражает потерю интереса государства к культуре». Докладчица подчеркнула, что галерея более не в состоянии вносить свой вклад в историографию искусства БиГ и «сама она превращается в артефакт, объект изучения процессов транзиции, стремящихся уничтожить идею боснийско-герцеговинской идентичности и культуры». А. Мандич отметила, что экспозиция подчеркивает преемственность югославского и боснийского искусства.

Тезисы доклада Санина Кодрича, профессора Отделения литературы народов БиГ философского факультета Сараевского университета, «Современная боснистика и перспективы литературной историографии о БиГ» представляют «боснистику»⁵² или историю боснийской лите-

52 Kodrić S. Savremena bosnistika i perspektive kulturne historiografije u/o Bosni i Hercegovini // ANU BiH... S. 81.

ратуры. С. Кодрич относит зарождение этой дисциплины к 1970-м гг., а окончательное становление — к постдейтонскому периоду «после официального признания боснийского языка и институционального признания бошнякской и боснийско-герцеговинской литературы».

Мелиса Форич Пласто, сотрудница Исторического отделения философского факультета Сараевского университета, говорила об «Историографии о БиГ в национальных учебниках истории (2000–2017 гг.)», отметив большое внимание ОБСЕ, Совета Европы, фонда Открытого общества, фонда Фридриха Эберта к школьным курсам истории в БиГ. М. Форич Пласто подчеркнула «полную децентрализацию системы образования, превратившуюся в три отдельные системы», каждая из которых выступает средством формирования национальных сообществ: сербская освещает историю Сербии и сербского народа с некоторым вниманием к сербам в БиГ; хорватская — историю Хорватии и хорватов при «очень малом упоминании» хорватов БиГ; бошнякская — историю БиГ с упором на историю бошняков. Для всех трех традиций характерен «акцент на авторов своей национальности». Она выделила три этапа трансформации учебников: 1-й — 1990–2003 гг., 2-й — 2003–2008 гг. и 3-й — 2008–2018 гг. (два последних этапа относятся к Федерации БиГ: в 2003 г. там был принят общий стандарт, в рамках которого и писались учебники, а в 2008 г. их вывели из оборота, заменив федеральные учебники кантональными — Федерация БиГ разделена на 10 кантонов).

Зечир Рамчилович из Института национальной истории Скопье докладывал о представлении БиГ в учебниках по истории в Республике Северная Македония. По мнению З. Рамчиловича, договоры (Северной) Македонии с ее соседями, прежде всего с Болгарией и Грецией, неизбежно приведут к ревизии образовательных программ и учебников по истории, что станет уже пятым пересмотром программ за период независимости (от национально-романтической до бинарных македонско-албанских программ). Он опасается, что в таком контексте интересы малых народов страны, к которым относятся и бошняки, отойдут на второй план, что приведет и к их дальнейшему вытеснению из школьной программы.

Проф. Педагогического отделения философского факультета Сараевского университета Снежана Шушняра докладывала о подготовке учителей в австро-венгерский период в сравнении с современными методами обучения педагогов.

Завершило конференцию выступление проф. Социологического отделения факультета политологии Сараевского университета Лейлы

Мушич «Женская/феминистическая историография на Балканах», посвященное феминистской реинтерпретации истории средневековой Боснии как общества с повышенной социальной ролью женщин, доказательство чему Л. Мушич видит в наличии 8 королей и традиции женского священства в боснийской церкви. Доклад вызвал оживленную критику со стороны медиевистов (Э. Филипович), отметивших недостаточное знакомство автора с источниками и исследованиями по истории доосманской Боснии.

Источники и литература

ANU BiH, Odjeljenje humanističkih nauka, Odbor za istorijske nauke. Međunarodna naučno-kulturološka konferencija. Istoriografija o Bosni i Hercegovini (2001–2017). Knjiga sažetaka. Radni materijal. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovini, 2019.

Куртовућ Е. Из историје банкарства Босне и Дубровника у средњем вијеку (Улагање новца на добит). Београд: Историјски институт, Чигоја штампа, 2010. 173 с.

Мастиловић Д. Између српства и југословенства: српска елита из Босне и Херцеговине и стварање Југославије. Београд: Филип Вишњић, 2012. 398 с.

Централноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.: Новый Хронограф, 2003. 272 с.

Центральная и Юго-Восточная Европа, конец XX — начало XXI в. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 480 с.

Bass G. Stay the Hand of Vengeance: The Politics of War Crime Tribunal. Princeton: Princeton University Press, 2000. 440 p.

Bandžović S. Bošnjaci i Turska. Deosmanizacija Balkana i muhadžirski pokreti u XX stoljeću. Sarajevo: Amos Graf, 2014. 674 s.

Bandžović S. Ideja i iskustvo. Jugoslavenski socializam i bosnjačka pozicija. Sarajevo: Amos Graf, 2017. 746 s.

Becirevic E. Genocide on Drina River. New Haven: Yale University Press, 2014. 237 p.

Bergholz M. Violence as a Generative Force: Identity, Nationalism, and Memory in a Balkan Community. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2016. 441 p.

Bojanić-Lukač D., Katić T. Maglajski sidžili, 1816–1840. Sarajevo: Bošnjački institut — Fondacija Adila Zulfikarpašića, 2005. 690 s.

Boněk J., Kuděla J., Dimitrijević B. Karel Pařík, architekt evropského Sarajeva. Praha: Eminent, 2012. 280 s.

Čekić S., Karavelić V., Ajnadžić N., Selmo Cikotić, Hodžić S., Smajić M., Šadinlija M. Prvi korpus armije republike Bosne i Hercegovine. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava, 2017. 494 s.

Cigar N. Genocide in Bosnia: The Policy of Ethnic Cleansing. College Station, 1995. 247 p.

Džino D., Domić Kunić A. Rimski ratovi u Iliriku: Povijesni antinarativ. Zagreb: Školska knjiga, 2013. 239 s.

Facing the past, facing the future. Confronting ethnicity and conflict in Bosnia and former Yugoslavia / Eds. *F. Bieber, W. Carsten.* Ravenna: Longo, 2005. 169 p.

Filipović E. Bosansko kraljevstvo. Historija srednjovjekovne bosanske države. Sarajevo: Mladinska knjiga, 2017. 696 s.

Galijaš A. Eine bosnische Stadt im Zeichen des Krieges. Ethnopolitik und Alltag in Banja Luka (1990–1995). München: Oldenbourg Verlag, 2011. 352 p. «Gračanički glasnik». Časopis za kulturnu historiju.

Gutman R. A witness to genocide. N.Y.: Macmillan, 1993. 180 p.

Hajdarpašić E. Whose Bosnia? Nationalism and Political Imagination in the Balkans, 1840–1914. Ithaca: Cornell University Press, 2015. 288 p.

Handžić A. Tuzla i njena okolina XVI vijeka. Sarajevo: Svjetlost, 1975. 401 p.

Hladký L. Bosenská otázka v 19. a 20. století. Brno: Mezinárodní politologický ústav Masarykovy univerzity v Brně, 2005. 388 s.

Hladký L. i kolektiv. Vytachy Čechů s národy a zeměmi jihovýchodní Evropy. Praha: Historický ústav AV ČR, 2010. 368 s.

Huseinović I., Babić Dž. Svjetlost Evrope u Bosni i Hercegovini. Sarajevo: Buybook, 2004. 680 s.

Ježek M., Trojan P. Tak nám zabili Ferdinanda. Praha: Rarioservis, 2014. 133 s.

Korić E. Životni put prvog beglerbega Bosne: Ferhad-paša Sokolović (1530.–1590.). Sarajevo: Orijentalni institut u Sarajevu, 2015. 321 s.

Kovačević E. Granice Bosanskog Pašaluka prema Austriji i Mletačkoj Republici po odredbama Karlovačkog mira. Sarajevo: Svjetlost, 1973. 168 s.

Kovács P. A history of Pannonia in the late Roman period I (284–363 AD). Bonn: Habelt, 2016. 320 p.

Kovács P. Some Notes on the Division of Illyricum // *Piso I. Die Römischen Provinzen: Begriff und Grundung (Colloquium Cluj-Napoca, 28. September — 1. Oktober 2006).* Cluj-Napoca: Editura Mega, 2008. P. 243–253.

Kunić Domić A. Bellum Pannonicum (12.–11. st. pr. Kr.): posljednja faza osvajanja južne Panonije // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. 2006. Vol. 39. No. 1. S. 59–164.

Kurtović E. Iz povijesti dubrovačkoga zaleđa. Dubrovnik: Ogranak Matice hrvatske u Dubrovniku, 2018. 247 s.

Kurtović E. Arhivska građa za historiju srednjovjekovne Bosne (Ispisi iz knjiga kancelarije Državnog arhiva u Dubrovniku 1341–1526). 1–3. Sarajevo: Institut za historiju; JU Historijski arhiv Sarajevo, 2019. 1765 s.

Lovrenović D. Na klizištu povijesti (Sveta kruna ugarska i Sveta kruna bosanska) 1387–1463. Zagreb: Synopsis, 2006. 808 s.

Lučić I. Uzroci rata. Bosna i Hercegovina od 1980. do 1992. godine. Karađorđevo: mit o podijeli BiH. Zagreb: Despot infinitus, Hrvatski institut za povijest, 2013. 518 s.

Mann M. The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 580 p.

Mujanović M. Muslimové, a ne mohamedáni! Ke kořenům bosňáckého národního hnutí v letech 1878–1918. Praha: Fontes, 2018. 246 s.

Pelikan J. i kolektiv. Státy západního Balkánu v uplynulém čtvrtstoletí a perspektivy jejich vývoje. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2016. 464 s.

Redžić E. Bosna i Hercegovina u Drugom svjetskom ratu. Sarajevo: OKO, 1998. 492 s.

Ruthner C. ‘Habsburg’s Dark Continent’: Postkoloniale Lektueren von imperialer oesterreichischer Literatur und Kultur im langen 19. Jahrhundert. 1. Tuebingen: Narr Francke Attempto, 2018. 401 s.

Ruthner C., Scheer T. Bosnien-Herzegowina und Österreich-Ungarn, 1878–1918: Annäherungen an eine Kolonie. Tuebingen: Narr Francke Attempto, 2018. 560 s.

Sarajevski dugi pucnjevi. Događaji — narativ — pamćenje / prired. V. Preljević i C. Ruthner. Zenica: Vrijeme, 2015. 592 s.

Schiendel W. Die Eisenbahnen in Bosnien und der Herzegowina 1867–1918. Wien: Verlag Bahn im Film, 2015. 432 s.

Simms B. Unfinest hour: Britain and the Destruction of Bosnia. London: Penguin, 2001. 496 p.

Skoupý J. Šofér, který změníl dějiny: za volantem vstříc atentátu na arcivévodu Františka Ferdinanda d’Este. Praha: Mladá fronta, Národní technické muzeum, 2017. 208 s.

Stehlik P. Bosna v chorvatských národně-integračních ideologiích 19. století. Brno: Masarykova univerzita, 2013. 217 s.

Suljagić E. Postcards from the Grave. London: Saqi in association with the Bosnian Institute, 2005. 196 p.

Šadinlija M. Teritorijalna odbrana Bosne i Hercegovine 1986–1992. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava, 2013. 285 s.

Šadinlija M. Između pravde i politike. Odnos mirovnih planova i vojnih operacija u Bosne i Hercegovini 1992–1995. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava Univerziteta, 2018. 782 s.

Šašel Kos M. Rimsko osvajanje zahodnega Balkana. Ilirik v Apijanovi Ilirski zgodovini. Ljubljana: Inštitut za arheologijo, 2010. 300 s.

The Long Shots of Sarajevo: Events — Narratives — Memories / Ed. by V. Preljevic, C. Ruthner. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2016. 700 p.

“The Long Shots of Sarajevo” 1914 Ereignis — Narrativ — Gedächtnis / hrsg.von V. Preljevic, C. Ruthner. Kultur — Herrschaft — Differenz. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2016. Vol. 22. 702 s.

Uherek Z. Češi v Bosně a Hercegovině: antropologické pohledz na společenský život české menšiny v zahraničí. Praha: Etnologický ústav AV, 2000. 230 s.

Vulliamy E. Seasons in Hell: Understanding Bosnia's War. N.Y.: St. Martin's Press, 1994. 370 p.

Woodward S. Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington: Brookings Institution Press, 1995. 556 p.

Silber L., Little A. The Death of Yugoslavia. London: Penguin; BBC Books, 1995. 400 p.

Zbornik radova / Međunarodna konferencija Bosna i Hercegovina u okviru Austro-Ugarske 1878–1918, održana u Sarajevu, 30. i 31. marta 2009, ur. Zijad Šehić, Sarajevo: Filozofski fakultet, 2011. 602 s.

Žila O. „Jedna si jedina moja domovina?“ Etno-demografiké proměny Bosny a Hercegoviny v letech 1945–2013. Praha: Filozofická fakulta UK v Praze, 2014. 412 s.

References

ANU BiH, Odjeljenje humanističkih nauka, Odbor za istorijske nauke. Međunarodna naučno-kulturološka konferencija. Istoriografija o Bosni i Hercegovini (2001–2017). Knjiga sažetaka. Radni materijal. Sarajevo, 2019, 90 s.

Kurtović, E. *Iz historije bankarstva Bosne i Dubrovnika u srednjem vijeku (Ulaganje novca na dobit)*. Beograd: Istorijski institut, Čigoja štampa, 2010, 173 s.

Mastilović, D. *Između srpstva i jugoslovenstva: srpska elita iz Bosne i Hercegovine i stvaranje Jugoslavije*. Beograd: Filip Višnjić, 2012, 398 s.

ТШентрал'ноевропејске стране на рубезхе XX–XXI веков. Аспекты обшчештвенно-политического развита. Историко-политологический справочник. Moscow: Novyĭ Xronograf, 2003, 272 s.

Тшентрал'наиа и IУго-Восточнаиа Европа, конетс XX — начало XXI вв. Аспекты развита: историко-политологический справочник. Moscow; SPb.: Nestor–Istoriia, 2015, 480 s.

Bass, G. *Stay the Hand of Vengeance: The Politics of War Crime Tribunal.* Princeton: Princeton University Press, 2000, 440 p.

Bandžović, S. *Bošnjaci i Turska. Deosmanizacija Balkana i muhadžirski pokreti u XX stoljeću.* Sarajevo: Amos Graf, 2014, 674 s.

Bandžović, S. *Ideja i iskustvo. Jugoslavenski socializam i bosnjačka pozicija.* Sarajevo: Amos Graf, 2017, 746 s.

Becirevic, E. *Genocide on Drina River.* New Haven: Yale University Press, 2014, 237 p.

Bergholz, M. *Violence as a Generative Force: Identity, Nationalism, and Memory in a Balkan Community.* Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2016, 441 p.

Bieber, F. Carsten, W. (eds.) *Facing the past, facing the future. Confronting ethnicity and conflict in Bosnia and former Yugoslavia.* Ravenna: Longo, 2005, 169 p.

Bojanić-Lukač, D. Katić, T. *Maglajski sidžili, 1816–1840.* Sarajevo: Bošnjački institut — Fondacija Adila Zulfikarpašića, 2005, 690 s.

Boněk, J. Kuděla, J. Dimitrijević, B. *Karel Pařík, architekt evropského Sarajeva.* Praha: Eminent, 2012, 280 s.

Čekić, S. Karavelić, V. Ajnadžić, N. Cikotić, S. Hodžić, S. Smajić, M. Šadinlija, M. *Prvi korpus armije republike Bosne i Hercegovine.* Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava, 2017, 494 s.

Cigar, N. *Genocide in Bosnia: The Policy of Ethnic Cleansing.* College Station: Texas A&M University Press, 1995, 247 p.

Džino, D. Domić Kunić, A. *Rimski ratovi u Iliriku: Povijesni antinarativ.* Zagreb: Školska knjiga, 2013, 239 s.

Filipović, E. *Bosansko kraljevstvo. Historija srednjovjekovne bosanske države.* Sarajevo: Mladinska knjiga, 2017, 696 s.

Galijaš, A. *Eine bosnische Stadt im Zeichen des Krieges. Ethnopolitik und Alltag in Banja Luka (1990–1995).* Munchen: Oldenbourg Verlag, 2011, 352 s.

«Gračanički glasnik». Časopis za kulturnu historiju.

Gutman, R. *A witness to genocide.* N.Y.: Macmillan, 1993, 180 p.

Hajdarpašić, E. *Whose Bosnia? Nationalism and Political Imagination in the Balkans, 1840–1914.* Ithaca: Cornell University Press, 2015, 288 p.

Handžić, A. *Tuzla i njena okolina XVI vijeka.* Sarajevo: Svjetlost, 1975, 401 p.

Hladký, L. *Bosenská otázka v 19. a 20. století.* Brno: Mezinárodní politologický ústav Masarykovy univerzity v Brně, 2005, 388 s.

Hladký, L. i kolektiv. *Vytachy Čechů s národy a zeměmi jihovýchodní Evropy.* Praha: Historický ústav AV ČR, 2010, 368 s.

Huseinović, I. Babić, Dž. *Svjetlost Evrope u Bosni i Hercegovini*. Sarajevo: Buybook, 2004, 680 s.

Ježek, M. Trojan, P. *Tak nám zabili Ferdinanda*. Praha: Rarioservis, 2014, 133 s.

Korić, E. *Životni put prvog beglerbega Bosne: Ferhad-paša Sokolović (1530.–1590.)*. Sarajevo: Orijentalni institut u Sarajevu, 2015, 321 s.

Kovačević, E. *Granice Bosanskog Pašaluka prema Austriji i Mletačkoj Republici po odredbama Karlovačkog mira*. Sarajevo: Svjetlost, 1973, 168 s.

Kovács, P. *A history of Pannonia in the late Roman period I (284–363 AD)*. Bonn: Habelt, 2016, 320 p.

Kovács, P. "Some Notes on the Division of Illyricum". Piso, I. *Die Römischen Provinzen: Begriff und Grundung (Colloquium Cluj-Napoca, 28. September — 1. Oktober 2006)*. Cluj-Napoca, Editura Mega 2008, pp. 243–253.

Kunić Domić, A. "Bellum Pannonicum (12.–11. st. pr. Kr.): posljednja faza osvajanja južne Panonije". *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*, Vol. 39, no. 1, 2006, s. 59–164.

Kurtović, E. *Iz povijesti dubrovačkoga zaleđa*. Dubrovnik: Ogranak Matice hrvatske u Dubrovniku, 2018, 247 s.

Kurtović, E. *Arhivska građa za historiju srednjovjekovne Bosne (Ispisi iz knjiga kancelarije Državnog arhiva u Dubrovniku 1341–1526), 1–3*. Sarajevo: Institut za historiju—JU Historijski arhiv Sarajevo, 2019, 1765 s.

Lovrenović, D. *Na klizištu povijesti (Sveta kruna ugarska i Sveta kruna bosanska) 1387–1463*. Zagreb: Synopsis, 2006, 808 s.

Lučić, I. *Uzroci rata. Bosna i Hercegovina od 1980. do 1992. godine. Karađorđevo: mit o podijeli BiH*. Zagreb: Despot infinitus, Hrvatski institut za povijest, 2013, 518 s.

Mann, M. *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, 580 p.

Mujanović, M. *Muslimové, a ne mohamedáni! Ke kořenům bosňáckého národního hnutí v letech 1878–1918*. Praha: Fontes, 2018, 246 s.

Pelikan, J. i kolektiv. *Státy západního Balkánu v uplynulém čtvrtstoletí a perspektivy jejich vývoje*. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2016, 464 s.

Redžić, E. *Bosna i Hercegovina u Drugom svjetskom ratu*. Sarajevo: OKO, 1998, 492 s.

Ruthner, C. 'Habsburg's Dark Continent': *Postkoloniale Lektueren von imperialer oesterreichischer Literatur und Kultur im langen 19. Jahrhundert, 1*, Tuebingen: Narr Francke Attempto, 2018, 401 s.

Ruthner, C. Scheer, T. *Bosnien-Herzegowina und Österreich-Ungarn, 1878–1918: Annäherungen an eine Kolonie*. Tuebingen: Narr Francke Attempto, 2018, 560 s.

Sarajevski dugi pucnjevi. Događaji — narativ — pamćenje. prired. V. Preljević i C. Ruthner Zenica: Vrijeme, 2015, 592 s.

Schiendel, W. *Die Eisenbahnen in Bosnien und der Herzegowina 1867–1918*. Wien: Verlag Bahn im Film, 2015, 432 s.

Simms, B. *Unfinest hour: Britain and the Destruction of Bosnia*. London: Penguin, 2001, 496 p.

Skoupý, J. *Šofér, který změnil dějiny: za volantem vstříc atentátu na arcivévodu Františka Ferdinanda d'Este*. Praha: Mladá fronta, Národní technické muzeum, 2017, 208 s.

Stehlik, P. *Bosna v chorvatských národně-integračních ideologiích 19. století*. Brno: Masarykova univerzita, 2013, 217 s.

Suljagić, E. *Postcards from the Grave*. London: Saqi in association with the Bosnian Institute, 2005, 196 p.

Šadinlija, M. *Teritorijalna odbrana Bosne i Hercegovine 1986–1992*. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava, 2013, 285 s.

Šadinlija, M. *Između pravde i politike. Odnos mirovnih planova i vojnih operacija u Bosne i Hercegovini 1992–1995*. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava Univerziteta, 2018, 782 s.

Šašel Kos, M. *Rimsko osvajanje zahodnega Balkana. Ilirik v Apijanovi Ilirski zgodovini*. Ljubljana: Inštitut za arheologijo, 2010, 300 s.

The Long Shots of Sarajevo: Events — Narratives — Memories, ed. by V. Preljevic, C. Ruthner Tübingen: Narr Francke Attempto, 2016, 700 p.

“The Long Shots of Sarajevo” 1914 Ereignis - Narrativ — Gedächtnis, hrsg.von V. Preljevic, C. Ruthner. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2016, 702 s.

Uherek, Z. *Češi v Bosně a Hercegovině: antropologické pohledy na společenský život české menšiny v zahraničí*. Praha: Etnologický ústav AV, 2000, 230 s.

Vulliamy, E. *Seasons in Hell: Understanding Bosnia's War*. N.Y.: St. Martin's Press, 1994, 370 p.

Woodward, S. *Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War*. Washington: Brookings Institution Press, 1995, 556 p.

Silber, L. Little, A. *The Death of Yugoslavia*. London: Penguin; BBC Books, 1995, 400 p.

Međunarodna konferencija Bosna i Hercegovina u okviru Austro-Ugarske 1878–1918., održana u Sarajevu, 30. i 31. marta 2009, Zbornik radova, ur. Šehić, Z. Sarajevo: Filozofski fakultet, 2011, 602 s.

Žila, O. *“Jedna si jedina moja domovina?” Etno-demografiké proměny Bosny a Hercegoviny v letech 1945–2013*. Praha: Filozofická fakulta UK v Praze, 2014, 412 s.

Georgiy N. Engelhardt

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

A review of the contemporary historiography on Bosnia and Herzegovina

June 21–22th, 2019 the Social Sciences Department of Bosnia and Herzegovina Academy of Sciences and Arts (ANU BiH) held an International conference “Current Historiography on Bosnia and Herzegovina (2000–2017)”. The article is an account on presentation and abstracts of the conference that presented a wide review of BiH history studies from the Antiquity via medieval Bosnian Kingdom, Ottoman period and Islamisation, brief Austrian rule with the modernisation and the WWI, Yugoslav period till the Bosnian War of 1992–1995 both in the country and abroad. Many speakers called for transition from the current rivalry of three national historiographies (Bosniak, Croatian and Serbian) towards more neutral and objective approach. Even if the conference itself was attended by mostly Bosniak scholars from Sarajevo University such an effort is very important and valuable.

Keywords: *Bosnia and Herzegovina, Historiography, Bosniaks, Ottomanistics, WWI, Bosnian War 1992–1995.*

УДК 378.4
ББК 74.48

Т. И. Чепелевская
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия),
Блаж Подлесник
Люблянский университет
(Любляна, Словения)

Словения празднует юбилей: К 100-летию Люблянского университета

В 2019 г. вся Словения отмечает важную дату в истории страны — столетие со дня основания университета в Любляне. Этому событию предшествовала борьба словенских национальных деятелей разных политических направлений за создание словенского университета. В конце XIX — начале XX в. шел активный поиск компромиссов для объединения усилий, и в то же время ощущалось нарастание словенско-немецкой и словенско-итальянской конфронтации. Праздничные мероприятия юбилейного года отражают значимость и важность деятельности Люблянского университета для современной Словении.

Ключевые слова: *Люблянский университет, юбилей, праздничные мероприятия.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.9.01

В 1919 г. важнейшим достижением словенцев стало открытие университета в Любляне, занявшего центральное место в словенской культурной и научной жизни. Быстрому принятию белградскими властями этого решения немало способствовали старания словенских ученых (в их числе И. Приятеля, Р. Нахтигала), а также представителей католической партии во главе с А. Корошцем. В конце 1930-х гг. на пяти факультетах Люблянского университета было уже около 2000 студентов и 95 преподавателей.

В настоящее время здесь на 23 факультетах и в 3 художественных академиях обучается 37 874 студентов, работает 6 093 преподавателей и других сотрудников¹.

¹ См. официальные данные университета: https://www.uni-lj.si/o_univerzi_v_ljubljani/univerza_v_stevilkah/ (дата обращения: 01.07.2019).

Спустя столетие юбилей главного университета страны празднуется с большим размахом, а программа приуроченных к нему мероприятий была расписана на весь юбилейный год². Так, с января по декабрь 2019 г. на площади перед Философским факультетом, который также празднует в этом году свой 100-летний юбилей, проходит Фестиваль плакатов, отражающих самые актуальные проблемы современности. В рамках Фестиваля проходят встречи и диспуты студентов из Словении, а также других стран, в том числе Австрии, Германии, Израиля, Италии, России, США, Франции, а из бывших республик Югославии — Боснии и Герцеговины и Хорватии.

Февраль был отмечен началом работы выставки, приуроченной к юбилею Университета, а также 170-летней годовщине со дня смерти крупнейшего словенского поэта-романтика Франце Прешерна (1800–1849). На ней были представлены новые издания стихов словенского классика, исследования о его творчестве, воспоминания современников, изданные в разные годы.

В марте на различных площадках университета и Философского факультета прошли праздничные мероприятия, посвященные как самой памятной дате, так и 40-летию со дня создания Научно-исследовательского центра Философского факультета. Созданный в 1979 г. Центр успешно выполняет свои главные задачи: организует научно-исследовательскую работу на факультете, координирует деятельность исследователей разных направлений, активно способствует проведению междисциплинарных научных изысканий, а также осуществляет финансовую и организационную помощь в проведении крупных научных мероприятий и изданий научных трудов и учебников по разным дисциплинам и направлениям науки. Особое место в его работе отводится вовлечению студентов в процесс научно-исследовательской работы. Центр выступает не только как координатор в осуществлении различных программных комплексных проектов, но и способствует ознакомлению с их результатами широких слоев общественности Словении и других стран. В рамках мероприятий, посвященных этой тематике, в которых приняли участие студенты разных факультетов и лабораторий, прошли представления музыкальных коллективов, художественные выставки, встречи с ведущими университетскими преподавателями.

2 См.: http://www.ff.uni-lj.si/100letFF/sites/www.ff.uni-lj.si.100letFF/files/dokumenti/program/100_let_ff_-_programska_knjizica.pdf (дата обращения: 01.07.2019).

В апреле в аудиториях Философского факультета не только для студентов, но и для всех желающих был организован цикл публичных лекций ведущих профессоров и преподавателей факультета, а также известных литераторов и общественных деятелей под общим названием «История, культура, наука» (среди них: Марта Вергинелла, Марко Маринчич, Марко Стабей, Ванеса Матайц, Младен Долар, Божо Репе, Борис А. Новак, Андрей Блатник, Йоже Вогринц, Любица Марьянович-Умек, Милица Антич-Габер, Цветка Тотх и др.).

Интересной и разноплановой стала и научная часть юбилейных торжеств. С 21 по 23 мая прошел организованный Факультетом общественнознания симпозиум, посвященный юбилею Люблянского университета и Философского факультета. Для участия в нем были приглашены преподаватели многих зарубежных университетов, где готовятся специалисты по словенистике.

Прошедшая в эти же дни 10-я Ярмарка академической книги (Liber.ac) была запланирована как трехдневное публичное мероприятие с большой культурной программой³. Ее цель — представить новый тип книжной ярмарки в словенском пространстве и в то же время создать образец нового культурного и коммуникационного центра. Объединившая различных участников, выступающих как производители и распространители академической книжной продукции: от университетских издателей и представителей книжных магазинов страны до сотрудников университетских библиотек, — Ярмарка призвана приблизить академическую книгу к широкой публике, студентам и тем, кто только принимает решение о выборе своего направления учебы в высшей школе.

В рамках работы Ярмарки академической книги 22 и 23 мая Философским факультетом были проведены две конференции, приуроченные к юбилейным датам: «Открытая наука» и «Издательство Люблянского университета».

С 1 по 12 июля 2019 г. в Любляне состоялся очередной, 55-й Семинар словенского языка, литературы и культуры, который традиционно собирает большое количество слушателей и участников из разных стран. В этом году его основными темами стали столетняя годовщина основания Люблянского университета и 100-летие вхождения Прекмурья в состав Словении, а также история словенской литературы в период между двумя мировыми войнами.

3 См.: <https://liberac.ff.uni-lj.si/konferenca-univerzitetno-zaloznistvo> (дата обращения: 01.07.2019).

Первой теме была посвящена 2-я международная конференция «Словенский язык в университетах зарубежных стран». В ней приняли участие преподаватели словенского языка, истории литературы и культуры словенцев как из самой Словении, так и из Австрии, Литвы, Польши, России, Румынии, Сербии, Словакии, Хорватии, Чехии⁴. В своих докладах выступавшие поднимали вопросы истории развития словенистики, преподавания словенского языка, литературы и культуры в разных европейских университетах, выделяли особенности развития этого направления в разные исторические периоды, также подчеркивалась значимость расширения возможностей переводческой деятельности. Особое внимание уделялось новым тенденциям в изучении словенского языка как иностранного на современном этапе.

В рамках работы Семинара прошло награждение памятными дипломами преподавателей и исследователей, внесших особый вклад в организацию и развитие преподавания словенского языка в университетах разных стран.

Участникам и гостям Семинара были представлены подготовленные к юбилею Люблянского университета издания: «100 мыслей о словенском языке и словенской литературе», куда вошли высказывания разных авторов о языке и литературе словенцев и цитаты из литературных произведений, а также сборники «100 словенских фразеологизмов» и «100 наиболее значимых книг словенских писателей».

В период с 26 по 30 августа прошла Летняя школа Философского факультета, в рамках которой с представлением результатов своих исследований последних лет выступили ведущие профессора Люблянского университета: Славој Жижек, Младен Долар, Аленка Зупанчич.

23–24 сентября Философский факультет, также в ознаменование 100-летия своего основания, организовал научный симпозиум «Место и роль гуманитарных и общественных наук. Взгляд в прошлое, видение будущего». Помимо научной программы были запланированы и культурные мероприятия. Так, в заключительный день симпозиума на сцене Зала имени Галлуса Цанкарьевого дома в Любляне была представлена танцевально-хореографическая композиция в рамках интермедийного проекта «Триадный балет», включающая использование технологических инноваций и концептов в современном театральном пространстве с учетом исторической идеи триадности, что, по мысли организаторов, помогает представить соединение гуманитарных

4 См.: <https://centerslo.si/seminar-sjlk/zborniki-ssjlk/55-ssjlk-2019/> (дата обращения: 01.07.2019).

и естественных наук в художественной форме, понятное зрителям разных поколений.

В конце сентября празднование юбилея продолжилось на многих площадках Любляны и других словенских городов. Так, в Сокольском доме в Таборе (один из районов Любляны) в рамках проекта «Ночь исследователей» были организованы встречи, прошли выступления музыкальных и театральных коллективов со всей Словении.

В рамках этого же проекта 27 сентября 2019 г. в Атриуме Научно-исследовательского Центра Словенской академии наук и искусств прошла премьера документального фильма «100 лет славистике в Люблянском университете», а перед началом демонстрации выступили создатели фильма и представители Отделения славистики и Отделения словенистики Философского факультета, участвовавшие в его создании.

Примерно в это же время в г. Мурска Собота (административном центре провинции Прекмурье) в рамках проекта «Ночь исследователей» были проведены мероприятия под общим названием «Прекмурцы и Прекмурье между словенским и словацким настоящим, прошлым и будущим», идея которых так или иначе также затрагивала знаменательную дату в культурно-историческом развитии современной Словении.

Помимо этого, каждое из отделений Философского факультета Люблянского университета подготовило свои мероприятия, приуроченные к знаменательной дате.

Отделение словенистики и Центр по изучению словенского как второго и иностранного языка подготовили и провели в апреле Круглый стол «Словенистика и перспективы ее развития», а в мае в рамках Недели волонтера были организованы лекции и занятия для тех, кто помогает переселенцам в Словению осваивать словенский язык, предлагалась учебно-методическая литература по данной тематике.

В период с 23 по 25 октября в Любляне прошел традиционный, уже 38-й международный симпозиум под общим названием «Периоды» («Obdobja»). В этом году общая тема конференции, на которую собираются ученые из разных стран, — «Особенности публичных высказываний на словенском языке и культурно-языковое (само)сознание». Одна из секций конференции тематически связана с памятной датой — юбилеем Люблянского университета.

Отделение славистики Философского факультета в мае организовало традиционный вечер студентов-славистов «Авангард у славян», а также международную конференцию «Болгария — Македония — Словения: межкультурный диалог в XXI в.».

Совместными усилиями кафедры сравнительного славянского языкознания Отделения славистики и Института словенского языка имени Франца Рамовша Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (НИЦ САНИ) с 4 по 7 июня 2019 г. был организован и проведен международный симпозиум, посвященный 100-летию Люблянского университета и 100-летию с начала преподавания на Философском факультете курсов по индоевропейскому сравнительному языкознанию. В рамках симпозиума прошло 12-е заседание Международного общества по изучению индоевропейского сравнительного языкознания, посвященное проблемам индо-иранистики, балто-славистики, кельтологии и др.

В начале декабря в Любляне пройдут заседания Консультационного Совета и Круглого стола под общим названием «Где мы и куда стремимся? Иностранные языки в Словении», в организации которых принимают участие Отделение славистики и Отделение романских языков и литератур. Для участия в этих мероприятиях приглашаются наряду со специалистами и учеными политические и общественные деятели, экономисты для обсуждения вопросов, связанных с формами и методами преподавания иностранных языков, их ролью в школьной системе, политике и экономике.

Особое внимание в юбилейном году уделяется подготовке к запланированным на период со 2 по 6 декабря 2019 г. «Всемирным дням словенской науки и искусства», которые пройдут одновременно в 60 университетах разных стран мира, где изучают словенский язык и где успешно работают лекторы из Словении. Мероприятия в рамках этого проекта пройдут также в Отделении словенистики Философского факультета. При поддержке руководства вузов, дипломатических представительств, а также словенских лекторатов пройдут выездные встречи ведущих преподавателей из Словении, будут организованы научные конференции, презентации новых изданий на словенском языке, показ фильмов и театральных постановок. Подобные мероприятия неизменно вызывают огромный интерес не только у студентов и специалистов, но и у массовой аудитории разных стран.

В России площадками для проведения этих приуроченных к юбилею Люблянского университета мероприятий станут не только студенческие аудитории Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета, но и залы Института славяноведения Российской академии наук, Центра славянских культур (Государственная библиотека иностранной литературы имени М. И. Рудомино) и др.

Источники и литература

URL: <https://centerslo.si/seminar-sjlk/zborniki-ssjlk/55-ssjlk-2019/> (дата обращения: 01.07.2019).

URL: <https://liberac.ff.uni-lj.si/konferenca-univerzitetno-zaloznistvo> (дата обращения: 01.07.2019).

URL: https://www.uni-lj.si/o_univerzi_v_ljubljani/univerza_v_stevilkah/ (дата обращения: 01.07.2019).

URL: http://www.ff.uni-lj.si/100letFF/sites/www.ff.unilj.si.100letFF/files/dokumenti/program/100_let_ff_-_programska_knjizica.pdf (дата обращения: 01.07.2019).

References

URL: <https://centerslo.si/seminar-sjlk/zborniki-ssjlk/55-ssjlk-2019/> (accessed: 01.07.2019).

URL: <https://liberac.ff.uni-lj.si/konferenca-univerzitetno-zaloznistvo> (accessed: 01.07.2019).

URL: https://www.uni-lj.si/o_univerzi_v_ljubljani/univerza_v_stevilkah/ (accessed: 01.07.2019).

URL: http://www.ff.uni-lj.si/100letFF/sites/www.ff.unilj.si.100letFF/files/dokumenti/program/100_let_ff_-_programska_knjizica.pdf (accessed: 01.07.2019).

Сведения об авторах

Адельгейм Ирина Евгеньевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. adelgejm@yandex.ru

Божич Боштъян — сотрудник Центра словенского языка как иностранного Люблянского университета, лектор словенского языка на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. bostjan.bozic@yahoo.com

Ващенко Дарья Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. daranis@mail.ru

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. andrey_ganin@mail.ru

Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, научный секретарь Института славяноведения РАН, научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. gusevns@gmail.com

Добычина Анастасия Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. andobychina@gmail.com

Дук Денис Владимирович — доктор исторических наук, профессор, ректор Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова (Республика Беларусь). denis_duk@tut.by

Казак Олег Геннадьевич — кандидат исторических наук, преподаватель Минского городского педагогического колледжа (Республика Беларусь). olegkazak90@tut.by

Кежа Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и туризма Полоцкого государственного университета (Республика Беларусь). kezha04@mail.ru

Киселев Михаил Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Департамента «Исторический факультет» Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург). mihail.a.kiselev@gmail.com

Клопова Мария Эдуардовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. mklopova@yandex.ru

- Кулешова Мария Львовна* — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. seveda@yandex.ru
- Лазарев Яков Анатольевич* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург). 9lazarev@gmail.com
- Лескинен Мария Войттовна* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. marles70@mail.ru
- Лифанов Константин Васильевич* — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. lifanov@hotmail.com
- Мамедов Ильгар Махалович* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. ilgarmm@yandex.com
- Миско Николай Константинович* — научный сотрудник отдела письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва). nikolaymisko50590@gmail.com
- Никитин Виктор Викторович* — младший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. viktor.nikitin.inslav@gmail.com
- Пилипенко Глеб Петрович* — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. glebpilipenko@mail.ru
- Подлесник Блаж* – PhD., доцент русской литературы на Философском факультете Люблянского университета (Словения). blaz.podlesnik@ff.uni-lj.si
- Робинсон Михаил Андреевич* — доктор исторических наук, руководитель Центра междисциплинарных исследований славянской книжности Института славяноведения РАН. m.a.robinson@mail.ru
- Ридэль Иван Петрович* — аспирант Института славяноведения РАН. gask-konfer@ya.ru
- Серापionoва Елена Павловна* — доктор исторических наук, зав. отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. serapionovae@mail.ru

- Симаков Александр Васильевич* — независимый исследователь (г. Гомель, Республика Беларусь). baicri@tut.by
- Скуридина Светлана Анатольевна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета. saskuridina@yandex.ru
- Смирнов Яков Николаевич* — младший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. yakovsmirnov07@gmail.com
- Тыртова Галина Павловна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. tyrtova58@mail.ru
- Флора Борис Николаевич* — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом истории средних веков Института славяноведения РАН. sredveka_inslav@land.ru
- Фролова Марина Михайловна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. marinafrolova59@mail.ru
- Чепелевская Татьяна Ивановна* — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН. tatchep2014@yandex.ru
- Шемякин Андрей Леонидович (1960–2018) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН.
- Шешкен Алла Геннадьевна* — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. asheshken@yandex.ru
- Энгельгардт Георгий Николаевич* — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. georgi.engelhardt@gmail.com
- Якушкина Екатерина Ивановна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. jkatia@yandex.ru

About the Authors

Adelgeym Irina Evgenyevna — Doctor of Letters, leading research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. adelgejm@yandex.ru

Bozhič Boštjan — fellow of the Centre for Slovene as Foreign Language, University of Ljubljana, a lecturer of Slovene in the Chair for Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. bostjan.bozic@yahoo.com

Chepelevskaya Tatyana Ivanovna — Candidate of Letters, assistant professor, senior research fellow, Department of Cultural History of Slavic Peoples, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. tatchep2014@yandex.ru

Dobychina Anastasiya Sergeevna — Candidate of History, research fellow, Department of Medieval History, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. andobychina@gmail.com

Duk Denis Vladimirovich — Doctor of History, professor, rector of the Mahilyow State A. Kuleshov University (Republic of Belarus). denis_duk@tut.by

Engelhardt Georgiy Nikolaevich — Candidate of History, research fellow, Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. georgi.engelhardt@gmail.com

Florya Boris Nikolayevich — Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Medieval History, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. sredveka_inslav@land.ru

Frolova Marina Mikhaylovna — Candidate of History, senior research fellow, Department of South-East Europe Slavs' Early Modern History, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. marinafrolova59@mail.ru

Gusev Nikita Sergeevich — Candidate of History, Scientific Secretary, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. gusevns@gmail.com

Ganin Andrey Vladislavovich — Doctor of History, leading research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. andrey_ganin@mail.ru

Kazak Oleg Gennadyevich — Candidate of History, teacher, Minsk City Pedagogical College (Republic of Belarus). olegkazak90@tut.by

Kezha Yuriy Nikolaevich — Candidate of History, Assistant Professor, Chair for History and Tourism, Polatsk State University (Republic of Belarus). kezha04@mail.ru

-
- Kiselev Mikhail Aleksandrovich* — Candidate of History, Assistant Professor, Chair for Russian History, Department “Faculty of History”, Urals Humanitarian Institute, Urals Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg). mihail.a.kiselev@gmail.com
- Klopova Maria Eduardovna* — Candidate of History, research fellow, Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. mklopova@yandex.ru
- Kuleshova Maria L’vovna* — Candidate of Letters, teacher, Chair for Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. seveda@yandex.ru
- Lazarev Yakov Anatolyevich* — Candidate of History, research fellow, the Laboratory for Editional Archeography, Urals Humanitarian Institute, Urals Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg). 9lazarev@gmail.com
- Leskinen Mariya Voyttovna* — Doctor of History, leading research fellow, Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. marles70@mail.ru
- Lifanov Konstantin Vasilyevich* — Doctor of Letters, professor, Chair for Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. lifanov@hotmail.com
- Mamedov Ilgar Makhalovich* — Candidate of History, senior research fellow, Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. ilgarmm@yandex.com
- Misko Nikolay Konstantinovich* — research fellow, Department of Written Sources, State Historical Museum (Moscow). nikolaymisko50590@gmail.com
- Nikitin Viktor Viktorovich* — junior research fellow, Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, viktor.nikitin.inslav@gmail.com
- Pilipenko Gleb Petrovich* — Candidate of Letters, research fellow, Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. glebpilipenko@mail.ru
- Podlesnik Blaž* — PhD., Assistant Professor for Russian literature, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana (Slovenia). blaz.podlesnik@ff.uni-lj.si
- Ridel’ Ivan Petrovich* — PhD student, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. gask-konfer@ya.ru
- Robinson Mikhail Andreevich* — Doctor of History, the head of the Centre of Interdisciplinary Research of Slavic Literatures, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. m.a.robinson@mail.ru

- Serapionova Elena Pavlovna* — Doctor of History, head of the Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. serapionovae@mail.ru
- Shemyakin Andrey Leonidovich* (1960–2018) — Doctor of History, leading research fellow, research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.
- Sheshken Alla Gennadyevna* — Doctor of Letters, professor at the Chair for Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. asheshken@yandex.ru
- Simakov (Simakou) Aleksandr Vasilyevich* — independent researcher (Homiel, Republic of Belarus). baicri@tut.by
- Skuridina Svetlana Anatolyevna* — Candidate of Letters, Assistant Professor of the Chair for Russian language and intercultural communication, Voronezh State Technical University. saskuridina@yandex.ru
- Smirnov Yakov Nikolayevich* — junior research fellow, Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. yakovsmirnov07@gmail.com
- Tyrtova Galina Pavlovna* — Candidate of Letters, Assistant Professor, Chair for Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. tyrtova58@mail.ru
- Vashchenko Dar'ya Yuryevna* — Candidate of Letters, senior research fellow, Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. daranis@mail.ru
- Yakushkina Ekaterina Ivanovna* — Candidate of Letters, Assistant Professor, Chair for Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. jkatia@yandex.ru

Научное издание

Славянский альманах

3-4 2019

Издательство «Индрик»

Начиная с 2019 года в нашем журнале вводятся новые правила представления рукописи, доступные по электронному адресу:
<http://inslav.ru/page/pravila-napravleniya-i-opublikovaniya-nauchnyh-statey-v-zhurnale-slavyanskiy-almanah>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
35,5 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87